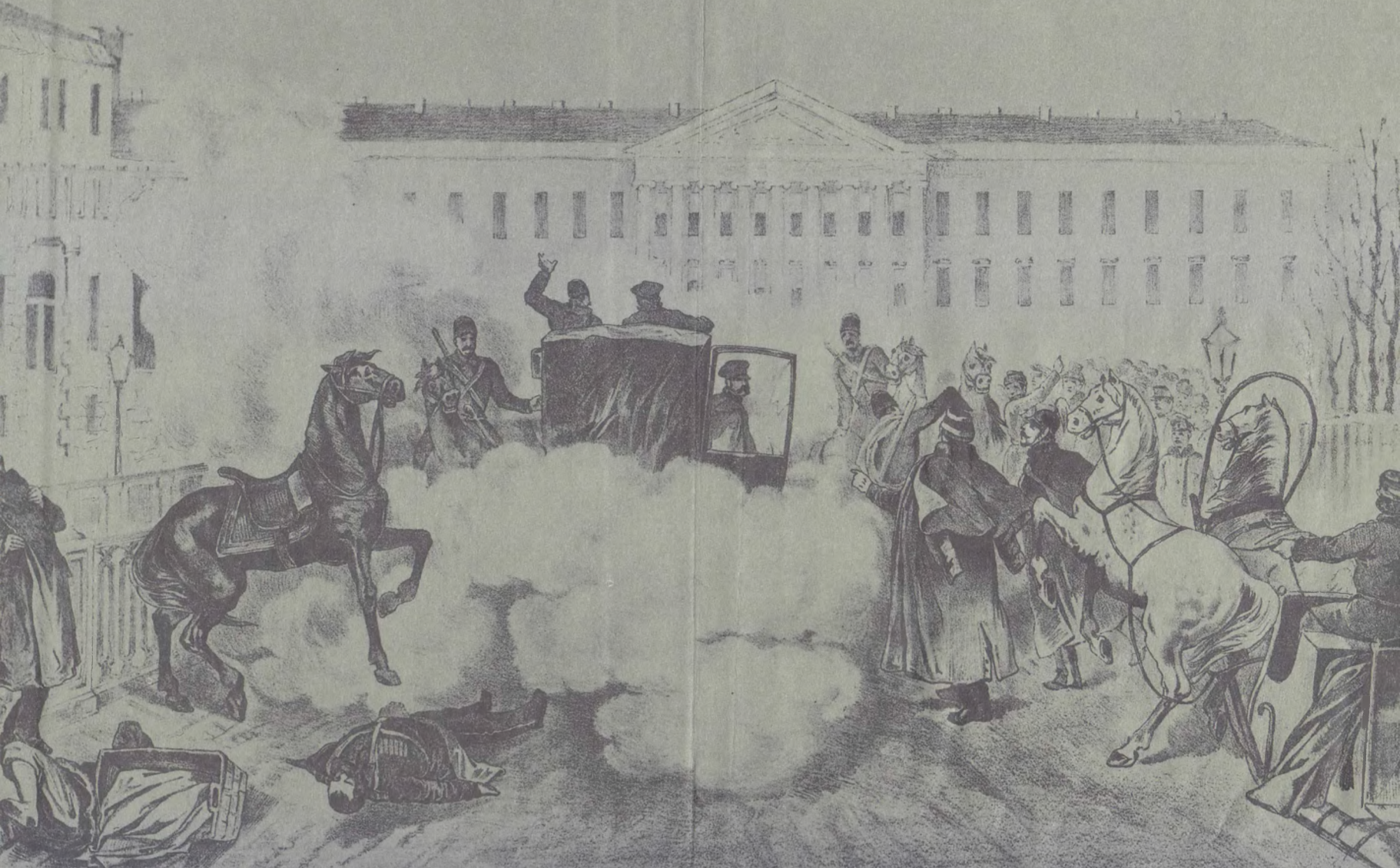

БИБЛИОТЕКА
РЕВОЛЮЦИОННЫХ
МЕМОАРОВ
« ИЗ ИСКРЫ
ВОЗГОРИТСЯ
ПЛАМЯ »

«НАРОДНАЯ ВОЛЯ»
И «ЧЕРНЫЙ
ПЕРЕДЕЛ»

1879
1882

**«НАРОДНАЯ ВОЛЯ»
И «ЧЕРНЫЙ
ПЕРЕДЕЛ»**

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ПАРТИИ
ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБКОМА КПСС —
ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-
ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ СССР
АКАДЕМИИ НАУК СССР

Редакционная коллегия
«Библиотеки революционных мемуаров»:
С. С. ВОЛК,
В. Н. ГИНЕВ,
М. П. ИРОШНИКОВ,
З. С. МИРОНЧЕНКОВА,
Л. М. СПИРИН,
В. А. ШИШКИН

Ответственный составитель
«Библиотеки
революционных мемуаров» —
доктор исторических наук
В. Н. ГИНЕВ

БИБЛИОТЕКА
РЕВОЛЮЦИОННЫХ
МЕМОАРОВ
«ИЗ ИСКРЫ
ВОЗГОРИТСЯ
ПЛАМЯ»

«НАРОДНАЯ ВОЛЯ» И «ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДЕЛ»

Воспоминания участников
революционного движения
в Петербурге
в 1879—1882 гг.

Составители:
доктор исторических наук
В. Н. ГИНЕВ,
доктор исторических наук
А. Н. ЦАМУТАЛИ

Научный редактор
доктор исторических наук
С. С. ВОЛК

63.3(2)51

НЗС

На форзацах: взрыв первой бомбы на Екатерининском канале 1 марта 1881 г. (С литографии, изготовленной в начале марта 1881 г.); печатные органы революционных организаций «Народная воля» и «Черный передел».

Н $\frac{0505020000-302}{M171(03)-89}$ 81—88

ISBN 5-289-00073-9

© Лениздат, 1989

В БОРЬБЕ ЗА СВОБОДУ

Во второй половине июня 1879 г. в одной из рощ на окраине Воронежа собрались девятнадцать молодых людей — пятнадцать мужчин и четыре женщины, которых по внешнему виду можно было принять за отдыхающих горожан. В действительности это были члены тайного революционного общества «Земля и воля», избравшие Воронеж местом своего съезда. Они приехали сюда из Петербурга, Москвы, Тамбова, поволжских и южнороссийских городов, чтобы обсудить обнаружившиеся в их среде разногласия по ряду вопросов, программных и тактических.

Николай Морозов и Георгий Плеханов представляли два противоположных мнения на съезде, два его полюса — крайних террористов и бескомпромиссных деревенщиков. Июньский спор 1879 г. они продолжили десятилетия спустя, в своих воспоминаниях.

Вот как в 1906 г., выйдя из многолетнего заключения в Шлиссельбургской крепости, описывал свое столкновение с Плехановым Н. А. Морозов:

«...Плеханов, поднявшись со своего места и прислонившись к стволу большого дерева, сказал:

— Я прежде всего прошу Морозова прочесть свою статью в «Листке „Земли и воли“» по поводу политических убийств.

Уже давно готовый к этому, я вынул из кармана соответствующий номер „Листка“ и твердым по внешности голосом прочел свою статью, хотя и очень волновался внутренне.

— Вы слышали, господа, — сказал Плеханов. — Это ли наша программа?

Наступило тяжелое молчание, продолжавшееся с полминуты. Но вдруг оно было прервано одобрительным возгласом Фроленко, что именно так и нужно писать передовые статьи в революционных органах.

Плеханов побледнел, как полотно, и сказал взволнованным голосом:

— Неужели, господа, вы все так думаете? <...>

Все, за исключением четырех человек, согласились, что так и должно быть и что в моих статьях нет никаких противоречий со старой программой общества. <...>

Плеханов некоторое время стоял молча. Отношение деревенских членов „Земли и воли“ к новому направлению было для него, очевидно, совершенно неожиданно.

— В таком случае, господа, — сказал он, наконец, глухим, пе-

чальным, не своим голосом, — здесь мне больше нечего делать. Прощайте!

Он медленно повернулся и начал удаляться в глубину леса. Мне показалось, что он с усилием держится на ногах. <...>

— Господа! Нужно его вернуть, — воскликнула Вера Фигнер.

— Нет, — ответил Александр Михайлов взволнованным голосом, — как это ни тяжело, но мы не должны возвращать его».

В 1908 г. Г. В. Плеханов, с 1880 г. живший за границей и давно уже порвавший с народничеством, продиктовал Л. Г. Дейчу ответ Морозову:

«— Оставляя в стороне драматизм той части морозовского повествования, в которой говорится обо мне, я замечу, однако, вот что: Морозов, как нельзя больше, ошибается, воображая, что я ехал на Воронежский съезд с уверенностью в победе. Нет, этой уверенности у меня не было: я слишком хорошо знал наших народников».

И далее:

«...Мысль о выходе из „Земли и воли“ вовсе не явилась в моей голове так внезапно, как можно подумать на основании воспоминаний Морозова. Выход этот был для меня заранее обдуманном средством подтолкнуть народников к более решительной борьбе с террористами».

Итак, 1879 г. — борьба «народников» и «террористов» внутри тайного общества «Земля и воля!» Когда и как появились те и другие и почему между ними возникла борьба?

Народниками обычно называют народовольцев и их ближайших предшественников — революционеров-разночинцев 1870-х гг. В эти годы революционное народничество действительно переживало наиболее яркий период своего существования. Но понятие «народничество» имеет вместе с тем и более широкий, и более узкий смысл.

В широком смысле современные историки видят истоки народничества в 50-х гг. XIX в., а с другой стороны, доводят его до 20-х гг. нашего столетия, вплоть до тех пор, когда окончательно сошла с исторической сцены партия эсеров. Народничество, с его утопической идеей крестьянского социализма, — «это, — по определению В. И. Ленина, — целое миросозерцание... громадная полоса общ[ест]в[енной] мысли»*.

В самом узком смысле под народниками подразумевают землевольцев 1876—1879 гг. И этому есть вполне определенное основание: чтобы подчеркнуть свое лучшее понимание народных потребностей и отличить себя от предшественников — участников неудачного «хождения в народ» (1874—1875 гг.), именно землевольцы стали называть себя «народниками», только со второй половины 70-х гг. и вошел широко в обиход этот термин.

Учтя неудавшийся опыт недавнего массового похода в деревню, землевольцы изменили тактику. От «летучей» пропаганды они перешли к устройству постоянных «деревенских поселений», стараясь закрепиться в деревне под видом сельских писарей, фельдшеров, ремесленников, учителей. Такие замаскированные революционеры, рассеянные по уездам в предположительно перспективных в бунтовском отношении регионах страны и имеющие конспиративную штаб-

* Ленинский сборник, т. XIX, с. 237. Характеристику народнического (в широком смысле) миросозерцания см. в хронологически предшествующем томе «Библиотеки революционных мемуаров» — «Революционеры 1870-х годов» (Л., 1986, с. 34—42).

квартиру в соответствующих губернских городах, должны были постепенно войти в доверие к крестьянам и, пользуясь конкретными случаями столкновений крестьян с помещиками и властями, революционизировать их настроение, выявить и сплотить народных вожаков — и в итоге подготовить данную деревню или целую волость к восстанию по общему сигналу в подходящий момент.

Изменялось и содержание пропаганды. Восторженное толкование идеалов социализма, как это практиковалось в 1874 г., успеха у крестьян не получило. Крестьяне не понимали пропагандистов, пытавшихся убедить их в преимуществах коллективизма. Поэтому было решено вести пропагандистские беседы на уровне, доступном крестьянам: «отнятие земли у помещиков», «изгнание, а иногда поголовное истребление всего начальства», «учреждение... вольных автономных общин с выборными». Именно так рекомендовал вести разговоры с крестьянами печатный орган землевольцев газета «Земля и воля». Соответственно было записано и в программе: «Признавая невозможным привить народу при настоящих условиях другие, с точки зрения отвлеченной, может быть, и лучшие, идеалы, мы решаемся написать на своем знамени исторически выработанную формулу „Земля и воля“».

Эти два слова были признаны концентрированным выражением народных чаяний — «как их создала история», народной «программой». «Поэтому ее принимаем и мы, революционеры-народники, — говорилось в передовой статье первого номера «Земли и воли».

Г. В. Плеханов, заявив в 1908 г., что своими речами на Воронежском съезде в июне 1879 г. он хотел подтолкнуть народников к более решительной борьбе со сторонниками террористической тактики, под «народниками» подразумевал тех землевольцев, кто мыслил добиться достижения своих революционных целей не индивидуальным террором, а *посредством всеобщего народного восстания* и для его скорейшего возбуждения решил написать на своем знамени *народные* требования, «каковы они есть в данную минуту».

Однако надежды народников-землевольцев на новую тактику революционной работы в деревне не оправдались: создать тайные боевые дружины среди крестьян нигде не удалось, практически деятельность в крестьянстве свелась к обучению грамоте, к лечению, к помощи в тяжбах с помещиками и «миродедами». Но и это вызвало подозрение властей, и долго на одном месте продержаться было очень трудно. Как правило, через несколько месяцев работы участники «поселений», проживавшие обычно по подложным паспортам, во избежание ареста были вынуждены покидать насыщенные места; налаженные было связи с крестьянами обрывались. Живший в 1878 г. среди крестьян Саратовской губернии под видом волостного писаря талантливый народнический публицист А. И. Иванчин-Писарев наглядно изобразил обстановку, в которой приходилось действовать: «Вы не пьяница — „странно!“ Не берете взятку — „удивительно!“ Написали грамотно бумагу — показывают: „посмотрите, как пишет этот писарь!“ Выписываете журнал — „како-ов!“ Словом, если вы, так сказать, по своим внешним признакам не уподобляетесь обыкновенному типу писаря — „загребале-пьянице“, вы уже „не отвечаете своему призванию“ и являетесь „личностью сомнительного происхождения“».

Трудности пропаганды, ее малая результативность действовали на многих участников деревенских поселений угнетающе, вызывали, как вспоминал О. В. Аптекман, «заметное чувство утомления работою в народе и горькое сознание, что один в поле — не воиш». Но

разочарованности в народе не происходило, вера в способности крестьян воспринять речи революционеров при достаточно длительном пропагандистском воздействии сохранялась. В сознании землевольцев только полицейские препятствия являлись главной преградой между социалистами и народом. Александр Квятковский весной 1879 г. написал на листке бумаги, сохранившемся в землевольческом архиве: «Вопрос относительно поселений. При данных условиях нет веры». Примечательны слова — «при данных условиях». Имелись в виду, конечно, полицейские условия.

Участившиеся аресты пропагандистов, жестокие судебные приговоры и административные репрессии, содержание осужденных в ужасных каторжных централах вызывали в конце 70-х гг. все большее возмущение среди революционеров, у них крепло желание принять какие-то ответные меры: как заявил на следствии А. Д. Михайлов, «наряду с деятельностью в народе и обществе, организовать силу, задачей которой была бы борьба с наиболее грубыми и вредными для партии проявлениями правительственной системы».

В практические действия эти намерения вылились сначала в народническо-бунтарских кружках южных городов России — Киеве, Одессе, Харькове, Николаеве. Именно из Киева приехала в Петербург В. Засулич, которой было суждено 24 января 1878 г. своим покушением на петербургского градоначальника Трепова как бы открыть новую, террористическую, полосу в революционном движении. Выстрел Засулич сразу же эхом отозвался на юге. В Одессе была написана прокламация «Голос честных людей», в которой в связи с событиями в Петербурге заявлялось, что «уже настала фактическая борьба социально-демократической партии с этим подлым правительством». А 30 января автор прокламации И. М. Ковальский и члены его кружка оказали ожесточенное вооруженное сопротивление выследившим их жандармам.

1 февраля 1878 г. в Киеве был убит полицейский агент шпион Никонов. 23 февраля там же стреляли в товарища прокурора окружного суда М. М. Котляревского. Вскоре после этого участники покушения при аресте дали настоящий бой двум десяткам жандармов. Летом этого же года это повторилось в Харькове при аресте А. Е. Сентянина.

25 мая в Киеве революционеры казнили начальника одесского жандармского управления Г. Э. Гейкинга. 30 июня в окрестностях Харькова была сделана вооруженная попытка отбить у жандармов одного из организаторов «хождения в народ» П. И. Войнаральского, которого переправляли в Новобелгородскую каторжную тюрьму, а 9 февраля 1879 г. в самом Харькове был убит генерал-губернатор Д. Н. Кропоткин.

Убийства шпионов и вооруженные сопротивления случались в революционной практике и раньше, но с начала 1878 г. террористические акты приобретают систематический характер и все чаще направляются против представителей власти. Наиболее активные террористы из южнороссийских кружков стали называть себя Исполнительным комитетом социально-революционной партии. В конце 1878 г. — начале 1879 г. почти все они были арестованы.

Петербургские народники некоторое время сторонились террористических методов борьбы, продолжая направлять основные силы на укрепление деревенских поселений, но с лета 1878 г. и среди них появляются лица, не желающие более безответно сносить правительственные репрессии. Возмущенные стремлением шефа жандармов Н. В. Мезенцова ужесточить судебный приговор по делу 193-х

пропагандистов, они подготавливают покушение, и 4 августа шеф жандармов падает на одной из центральных площадей Петербурга, смертельно раненный кинжалом С. М. Кравчинского.

Через семь месяцев, 13 марта 1879 г., около Летнего сада едва не был застрелен новый шеф жандармов А. Р. Дренгельн подкашавшим к его карете всадником. Покушение готовилось с одобрения или, по крайней мере, непротивления большинства членов Основного кружка «Земли и воли». Категорически возражал только Плеханов.

Скорее всего, он приводил те аргументы против увлечения террором, которые высказывались в передовой статье первого номера «Земли и воли» от 25 октября 1878 г.:

«Мы должны помнить, что не этим путем мы добьемся освобождения рабочих масс. С борьбой против основ существующего порядка терроризация не имеет ничего общего. Против класса может восстать только класс; разрушить систему может только сам народ. Поэтому главная масса наших сил должна работать среди народа».

Но те, кто все более склонялся к систематическому применению террора, могли совершенно искренне сказать, что они действуют в рамках программы. Незадолго до убийства Мезенцова, в мае 1878 г., съезд землевольцев подтвердил тот пункт программы, который предусматривал «систематическое истребление наиболее вредных или выдающихся лиц из правительства». Та же передовая статья первого номера «Земли и воли», наряду с возражениями против преувеличения роли террора, называла террористов охранительным отрядом и провозглашала «самую беспощадную войну» тем представителям правительственной администрации, которые допускали произвол по отношению к социалистам.

Все же в 1878 г. террор еще не стал наступательным средством борьбы за политическую свободу. Члены «Земли и воли» смотрели на него как на единственно доступный им способ «самозащиты» от преследования властей; террор был также орудием мести за те или иные наиболее жестокие их действия, за смертные приговоры судов.

«Смерть за смерть!» — было напечатано крупными буквами перед текстом прокламации по поводу убийства Мезенцова. Прокламация «Казнь Кропоткина» (датированная 11 февраля 1879 г.) после перечисления пунктов обвинения, послуживших основанием для данного террористического акта, заканчивалась новым предупреждением:

«Смерть за смерть, казнь за казнь, террор за террор! Вот наш ответ на все угрозы, гонения и преследования правительства. Пусть оно идет прежним путем, — и не успеют еще истлеть трупы Гейкинга и Мезенцова, как оно снова о нас услышит!»

Правительство вновь услышало о революционерах через 15 дней: 26 февраля был убит шпион-provokator Рейнштейн, выдавший членов Северного союза русских рабочих.

Внутри «Земли и воли» наиболее активные сторонники борьбы с правительственным произволом сгруппировались и стали называть себя, как и южане, Исполнительным комитетом, желая тем самым показать властям, что арестами южнороссийского Исполнительного комитета они не добились своих целей.

Приехавший в конце ноября 1878 г. в Париж Г. А. Лопатин сообщил Ф. Энгельсу о своих российских впечатлениях: «Социалистическая пропаганда среди крестьян, по-видимому, почти прекратилась. Наиболее энергичные элементы из числа революционеров перешли инстинктивно на путь чисто политической борьбы, хотя и не имеют еще нравственного мужества открыто признаться в этом и

хотя эта политическая борьба носит пока чрезвычайно узкий характер, ограничиваясь исключительно актами мести в отношении некоторых лиц и попытками освободить своих отдельных товарищей».

В начале 1879 г. обстановка в землевольческих деревенских поселениях еще более ухудшилась. Как видим, Г. В. Плеханов и его сторонники не без оснований высказывали еще осенью 1878 г. опасения по поводу «увлечения» террором в ущерб пропаганде в пароде. Написанное Лопатиным нуждается лишь в одном уточнении: дело было не столько в отсутствии мужества «признаться» во вступлении на путь борьбы за политические и «буржуазные» свободы (вместо того чтобы готовить крестьян к социальной революции, как предписывалось землевольческой программой), сколько в непонимании, в неосознании того, что террор, даже во имя «самозащиты», — это уже «политика», поскольку любая борьба с властью есть борьба политическая.

Между тем от прокуроров, жандармских офицеров, губернаторов — виновников преследований социалистов, так сказать, на местном уровне, — жажда мести логически перешла на главный источник всей системы полицейского произвола в стране, на царя. Первые (неудачные) попытки покушений на Александра II были предприняты опять-таки более нетерпеливыми южанами — в Николаеве и Одессе летом 1878 г. в связи с ожидавшимся проездом царя через один из этих городов на пути в Крым. Затем главные события вновь переместились на север.

В конце марта 1879 г. в Петербург из Саратовской губернии приехал А. К. Соловьев, долгое время слышавший за мирного, уравновешенного пропагандиста, и заявил товарищам о своем твердом намерении убить Александра II. Соловьев входил в народническую группу В. Н. Фигнер, идейно близкую к «Земле и воле», но организационно самостоятельную. «Безрезультатной была при существующих политических условиях жизнь революционера в деревне — таков был вывод, сделанный, по свидетельству В. Фигнер, А. Соловьевым. — Какой угодно ценой надо добиваться изменения этих условий и прежде всего сломить реакцию в лице императора Александра II — и он решил, что убьет его». Он говорил, «что с одобрения товарищей или без него, едет в Петербург и свое дело делает».

В Петербурге А. Соловьев обратился к нескольким знакомым землевольцам с просьбой помочь в осуществлении его намерения. При этом он хотел, чтобы помощь была оказана не на личной основе, а, так сказать, официально, от имени землевольческой организации. Вопрос об этом был поставлен на Большом совете «Земли и воли» в последних числах марта.

Все мемуаристы согласно свидетельствуют о бурном обсуждении, о резком споре, доходившем до личных выпадов, разгоревшемся между сторонниками и противниками царевубийства. Вначале дебаты шли в практической плоскости — каковы могут быть последствия возможной неудачи, поймет ли народ мотивы убийства царя, имя которого связано с отменой крепостного права. Но в конце концов вопрос перерос, как отметил О. В. Аптекман, из тактического в принципиальный.

Народники 70-х гг., и землевольцы в том числе, были противниками борьбы за политические свободы, если их осуществление предполагалось в рамках монархического или буржуазного государства. По их анархическим представлениям от таких свобод выигрывает только буржуазия, которая организуется и еще более закабалит народ, а крестьянину свобода без земли не нужна. Поэтому они

не желали политических перемен отдельно и прежде преобразований социальных, социалистических. Политический и социальный перевороты они мыслили происходящими только одновременно. Но убийство главы государства, царя, — акт, несомненно, политический. К тому же Соловьев хотел этим добиться от *существующего* правительства *свободы* пропаганды в крестьянстве. Все это вступало в коренное противоречие с бытовавшими взглядами.

Г. В. Плеханов, О. В. Аптекман, М. Р. Попов и др. выступили против поддержки Соловьева, но среди землевольцев нашлось довольно много и сочувствовавших ему; среди них — А. А. Квятковский, А. Д. Михайлов, А. И. Зунделевич, Н. А. Морозов. В результате пошли на компромисс: «Земля и воля» как организация отказалась содействовать подготовке покушения, но отдельным ее членам не запрещалось помогать Соловьеву в качестве частных лиц. Дальнейшее развитие событий лучше всего передать словами В. Фигнер:

«Морозов достал ему большой револьвер через посредство доктора Веймара, стоявшего близко к кружку чайковцев и поплатившегося каторгой за эту покупку. Ежедневно Соловьев ходил в тир упражняться в стрельбе. С какой уверенностью говорил он, что промаха не даст! Однако 2 апреля. 1879 г. все пять выстрелов, которые он дал в Александра II на площади Гвардейского штаба, во время прогулки царя, миновали императора. Проглоченный Соловьевым цианистый калий не привел к смерти, которая должна была покрыть тайной его имя. Признаки отравления были тотчас замечены, и противоядие спасло жизнь для суда и смерти через повешение. На суде Соловьев вел себя с присущим ему невозмутимым спокойствием и подробно выяснил причины, побудившие его к покушению. ...28 мая 1879 г. А. К. Соловьев был казнен на Смоленском поле в 10 ч. утра в присутствии 4-тысячной толпы. В то время ему было 33 года...»

В среде сторонников террора постепенно происходило осознание его политического значения. Из акта самозащиты и мести террор превращался в средство политической борьбы — борьбы за политические свободы, которые приобретали теперь ценность в глазах революционеров как необходимое *предварительное* условие для деятельности в народе. «Листок „Земли и воли“», редактируемый Морозовым, писал в связи с покушением Соловьева:

«Этот дикий произвол, отнимающий у социалистов всякую возможность действовать, превратил их в революционеров, кинул их на путь вооруженной борьбы и завязал их отношения к правительству в такой узел, что им теперь остается сказать: вы или мы, мы или вы, а вместе мы существовать не можем».

В мае 1879 г. «террористы» сделали еще один шаг в сторону обособления от народников-«деревенщиков». Примерно полтора десятка человек тайно от своих товарищей образовали внутри «Земли и воли» террористическую группу «Свобода или смерть». Она имела свой устав, располагала конспиративными квартирами и динамитной мастерской.

Когда происходили споры вокруг Соловьева, в Петербурге находилась только треть всех членов Основного кружка «Земли и воли». В связи с обострением разногласий между «деревенщиками» и «террористами» у тех и у других возникло стремление собраться в полном составе и вновь обсудить вопрос о дальнейшем направлении революционной деятельности.

«...Я выехал из Петербурга, за два дня до покушения Соловьева, с полномочием созвать съезд землевольцев в одном из городов

средней России», — вспоминал «деревенщик» М. Р. Попов. Один из редакторов газеты «Земля и воля», Л. А. Тихомиров, склонявшийся к террору, писал впоследствии, что в то же время «террористы», действуя тайно, решили съехаться сначала отдельно, еще до общего землевольческого съезда, и провести смотр своим силам. Местом встречи они избрали Липецк — недалеко от Тамбова, где должен был собраться общий съезд.

За несколько дней до него — 15 июня в Липецке собрались 11 человек. Это были землевольцы А. И. Баранников, А. А. Квятковский, А. Д. Михайлов, Н. А. Морозов, М. Н. Ошанина, Л. А. Тихомиров, М. Ф. Фроленко; они пригласили близкого к землевольцам С. Г. Ширяева и не входивших в «Землю и волю», но известных своей склонностью к политической борьбе «южан» — Г. Д. Гольденберга, А. И. Желябова и Н. Н. Колодkevича.

Собравшиеся обсудили привезенные с собой проекты дополнений к землевольческой программе и уставу. После согласования в своем узком кругу их предполагалось внести на рассмотрение общего землевольческого съезда и добиваться там их принятия. Тексты этих документов не сохранились, и историки восстанавливают их приблизительное содержание по разноречивым мемуарным свидетельствам, по показаниям участников Липецкого съезда, данных ими на следствии или во время судебных процессов.

Пожалуй, наиболее объективно суть обсуждения в Липецке изложил С. Г. Ширяев в записке на имя прокурора, написанной во время нахождения под следствием в июле 1880 г. Хотя в Липецк съехались люди, согласные в главном — в необходимости политической борьбы с самодержавием, но и среди них обнаружилось различные оттенки взглядов на эту проблему. «Некоторые, — писал Ширяев, — придавали этому элементу лишь временное и очень условное значение», другие же считали «игнорирование такого важного вопроса с самого начала большим недостатком народнической программы». «Но так как большинство отстаивало первое мнение, то в этом смысле и была принята резолюция: пополнить народническую программу временным допущением политической борьбы с целью достижения условий, при которых была бы возможна идейная борьба во имя чисто социалистических требований».

Таким образом, настроение, которое назревало в революционной среде по крайней мере два года, оформилось в середине июня 1879 г. в письменный документ — программу или программную декларацию. Впервые в народническом документе были разделены демократические (чисто политические) и социалистические задачи и цели. И то, что это было сделано, по-видимому, с оговорками, «временно», не умаляло важность программного нововведения, порывающего с анархизмом.

Большинство участников съезда высказалось за устранение революционным путем царизма, но Желябов допускал в крайнем случае и возможность введения конституции, дающей политические свободы, но сохраняющей на какое-то время монархию.

Разногласия вызвал вопрос и о средствах достижения политических целей — каким путем целесообразней добиваться ликвидации неограниченного самодержавия?

На крайних террористических позициях стоял Н. А. Морозов. Он предлагал «бороться по способу Вильгельма Телля», «один на один», «помимо народных масс». Он утверждал, что одним индивидуальным террором, только силами членов небольшой революционной организации, можно принудить царя к уступкам, Морозов писал

впоследствии, что его предложение было в Липецке единогласно принято. В действительности его поддержал один Г. Гольденберг. Главную роль в формулировании основных положений липецкой программы сыграл Желябов. По его собственным словам (он сказал это на судебном процессе по делу об убийстве Александра II), в Липецке был намечен «путь насильственного переворота путем заговора, для этого организация революционных сил в самом широком смысле». Примерно в том же духе высказались впоследствии М. Фроленко, А. Квятковский, С. Ширяев, А. Михайлов, В каком именно смысле понималась организация революционных сил, будет сказано ниже, при анализе программных документов «Народной воли»; там же — и о роли и месте террора среди прочих средств борьбы.

Сговорившись в главном, участники Липецкого совещания 17 июня отправились на общий землевольческий съезд, чтобы выступить там единым фронтом и добиться изменения программы «Земли и воли». В случае неудачи они готовы были отделиться и создать самостоятельную организацию.

Место общего съезда пришлось срочно изменить. Намеченный вначале Тамбов оказался скомпрометированным: начавшие было съезжаться туда землевольцы неосторожно обратили на себя внимание полиции. Тамбов был заменен на соседний Воронеж.

Пока «политики» сепаратно совещались в Липецке, остальные участники съезда, постепенно сосредотачиваясь в Воронеже, тоже устраивали частные предварительные обсуждения программных и тактических вопросов. На них обнаружилось, с одной стороны, намерение и впредь, согласно действующей землевольческой программе, отдавать предпочтение деятельности в крестьянстве, а с другой — не выявилось и резкого неприятия городской террористической тактики. Непримируемую позицию занимал только Плеханов, считавший, что увлечение террором непременно приведет к свертыванию работы в деревне. Но ему не удалось убедить остальных «деревенщиков» предьявить ультиматум «террористам»; его товарищи склонны были искать какое-то компромиссное решение и не хотели рисковать опасностью раскола «Земли и воли».

Общий землевольческий съезд, вошедший в историю под названием «Воронежского съезда», начался 18 июня и продолжался три дня. В первый день в «Землю и волю» было принято значительное количество новых членов — как сторонников террора и политики, так и «деревенщиков». Некоторых приняли заочно, а несколько человек стали тут же участниками съезда. Всего в Воронеж съехалось 19 человек, но они представляли большее количество членов «Земли и воли», так как кое-кто обладал двумя-тремя голосами по поручению оставшихся на местах товарищей.

В землевольческом архиве сохранились отрывочные записи итогов голосования по некоторым вопросам. Наибольшее количество голосов «за» и «против» в сумме составляет 37. Съезд получился вполне представительным: на нем присутствовали члены Основного кружка «Земли и воли», делегаты от местных групп и от групп «сепаратистов», находившихся с «Землей и волей» в федеративных отношениях.

Специально занимавшаяся историей Воронежского съезда В. А. Твардовская установила, что из числа лично приехавших в Воронеж 9 человек являлись «политиками» (А. И. Баранников, А. И. Желябов, А. А. Квятковский, Н. Н. Колодкевич, А. Д. Михайлов, Н. А. Морозов, М. Н. Ошанина, Л. А. Тихомиров, М. Ф. Фро-

ленко) и 10 «деревенщиками» (О. В. Аптекман, Н. А. Короткевич, О. Е. Николаев, С. Л. Перовская, Г. В. Плеханов, М. Р. Попов, Е. Д. Сергеева, Г. М. Тищенко, В. Н. Фигнер, С. А. Харизоменов).

Несмотря на желание большинства присутствовавших не обострять отношений, споры все же разгорелись, и прежде всего, конечно, по коренным вопросам. Пункт с пунктом зачитывалась старая программа «Земли и воли», и в итоге «деревенщики» настояли на ее сохранении. Было сделано только два, правда существенных, дополнения.

Пропагандистская и организаторская работа в деревне дополнялась «аграрным террором». Под этим подразумевалась организация тайных боевых дружин для расправы с наиболее вредными представителями местных властей и помещиками. «Деревенщики» чувствовали, что надо оживить деятельность в крестьянстве, сделать ее яркой и привлекательной для нетерпеливой революционной молодежи, тем самым привлечь ее в деревню. «Аграрный террор» призван был также показать крестьянам силу революционеров, поднять их авторитет. Реально аграрный террор («народная дезорганизация») остался на бумаге, но в тот момент он казался выходом из кризисного состояния землевольческих деревенских поселений.

Второе дополнение касалось отношения к террору в городах. Вопрос этот, по свидетельству О. В. Аптекмана, дебатировался «страстно и бурно», много говорилось о необходимости рассматривать террор как инструмент политической борьбы. Особенно настаивали на этом Желябов и Михайлов. Но им все же не удалось ввести элемент политики в землевольческую программу. Большинство участников съезда по-прежнему рассматривало террор только как оборонительное средство в ответ на правительственные репрессии. Но «террористам» была сделана важная уступка: подтверждалось право на существование специальной автономной террористической «дезорганизаторской» группы внутри «Земли и воли», причем было решено дать ей «особое развитие». Единогласно принятое постановление съезда об основных направлениях революционной борьбы формулировалось в конечном итоге следующим образом:

«Так как русская народно-революционная партия с самого возникновения и во все время своего развития встречала ожесточенного врага в русском правительстве, так как в последнее время репрессалии правительства дошли до своего апогея, съезд находит необходимым [ым] дать особое развитие дезорганизационной группе в смысле борьбы с правительством, продолжая в то же время и работу в народе в смысле поселений и народной дезорганизации».

Были распределены финансовые средства «Земли и воли»: на террористическую деятельность — $\frac{1}{3}$ бюджета, на деревенскую — $\frac{2}{3}$. «Террористы» согласились на это, так как не без оснований полагали, что на практике все будет иначе.

Казалось, все основные спорные вопросы компромиссно разрешены, и съезд может мирно закончить свою работу. Но неожиданно страсти разгорелись вновь. О. В. Аптекман пишет о возникших заново «препятствиях» по вопросу об убийстве Александра II. «Деревенщики» заколебались, и большинством было решено оказать будущим организаторам поощрения «содействием и деньгами, и людьми». «Террористы торжествовали», — вспоминал Аптекман. Но Плеханов, который конечно же был среди голосовавших против, негодовал. Только что постановили сохранить за деревенской деятельностью приоритет в финансировании, как задуманное террористами

новое грандиозное предприятие грозит поглотить львиную долю и средств, и людей!

Обстановка накалилась еще больше, когда стали обсуждать направление печатных органов — газеты «Земля и воля» и «Листка „Земли и воли“». Последний редактировался крайним террористом Н. А. Морозовым. Само обсуждение красочно описано Аптекманом. Плеханов стал зачитывать наиболее одиозные, с его точки зрения, места из передовой статьи второго номера «Листка». Политические убийства характеризовались там не только как «единственное средство самозащиты», но и как «один из лучших агитационных приемов», способ заставить «содрогаться всю систему», «самое страшное оружие для наших врагов», «одно из главных средств борьбы с деспотизмом». И как венец апофеоза террору: «Политическое убийство — это осуществление революции в настоящем».

И когда большинством голосов было подтверждено право «Листка» высказываться в подобном духе, «принимая во внимание особенности данного момента» (О. В. Аптекман), то произошла та сцена, с описания которой начинается эта статья. Вот как запечатлелась она в памяти В. Фигнер: «...Плеханов, с силой защищавший свою позицию и видевший, что присутствующие склонны к соглашению, с гневом поднялся с места и покинул собрание, происходившее на лужайке в ботаническом саду, за городом. Уходя, он бросил слова: „Мне нечего больше здесь делать!“ Я бросилась, чтоб удержать его, но Ал. Михайлов остановил меня: „Оставьте его“, — сказал он».

Демарш Плеханова не оказал влияния на исход съезда. Он, как уже говорилось, закончился компромиссом. Но очень скоро выяснилось, что достигнутое на нем соглашение оказалось нежизненным и потому непрочным.

И «политики», и «деревенщики» старались укрепить свои позиции, привлечь к себе новых сторонников. Еще на Воронежском съезде, писал в 1882 г. Л. Тихомиров, Желябов в частных беседах склонял кое-кого на свою сторону. «Особенно хлопотал он около Софьи Перовской». Но в то время Перовская еще «крепко стояла за свои взгляды, и не раз Желябов говорил, пожимая по обыкновению плечами: „Нет, с этой бабой ничего невозможно сделать“». В. Фигнер вспоминала: «...с первой же встречи в Воронеже мой давний друг Морозов делал всякие подходы, чтоб привлечь меня в свою тайную группу... Но я не поддавалась». Однако вскоре и Перовская, и Фигнер заняли видное место в образовавшейся «Народной воле».

В свою очередь, и «деревенщики» смогли пополнить народнические ряды такими известными и авторитетными революционерами, как В. Засулич, Л. Дейч, П. Аксельрод, Я. Стефанович. Последний приехал в Петербург с предложением вновь попытаться организовать массовое крестьянское выступление в Чигиринском уезде Киевской губернии, что значительно повысило авторитет «деревенщиков», но обострило разногласия по поводу распределения денежных средств между городскими и деревенскими мероприятиями.

После съезда и «политики», и «деревенщики» продолжали дискутировать в молодежных аудиториях Петербурга и Москвы. Народнице Г. Ф. Бохановской-Чернявской запомнилось, что «основными спорщиками были Плеханов и Аптекман, с одной стороны, Желябов, Тихомиров, Ошанин — с другой». Представители обеих фракций совершили поездки по провинциальным кружкам, агитируя за свое понимание насущных задач. В дискуссию включились даже

сидевшие в тюрьме землевольцы, приняв сторону «деревенщиков».

Читатель узнает об обстановке внутри «Земли и воли» после Воронежского съезда из воспоминаний М. Ф. Фроленко и О. В. Аптекмана. Споры и взаимные обиды переплетались в это кризисное для землевольцев лето 1879 г. с боязнью ослабить расколом революционное движение, с болью из-за рвущихся давних товарищеских связей.

В биографическом очерке о С. Перовской, опубликованном народовольцами в 1882 г. в Женеве, говорится, что Перовская «была в числе лиц, успевших на два месяца задержать этот раскол... Она доказывала, какой вред произойдет от распада организации „Земли и воли“ и скорее молила, чем аргументировала, как его избежать».

«Целых два месяца после Воронежского съезда, — писал Н. Морозов, — вся деятельность нашего тайного кружка уходила на улаживание ежедневно возникавших внутри его недоразумений между двумя фракциями, собиравшимися отдельно в окрестностях Петербурга. Всякая идейная и практическая деятельность совершенно прекратилась. Несмотря на все усилия соединить несоединимое, у нас ничего не выходило. Все связующие нити между двумя группами рвались, как паутина, при первой попытке начать какое-либо серьезное дело. У большинства товарищей все более и более терялась ровность характера. Стали возникать несправедливые нарекания одних лиц на других и интриги одной фракции против другой». В конце концов, по словам А. Михайлова, «стало неумоготу», и решили, что «гораздо лучше разделиться, чем выносить тот ежедневный ад, который вытекает из различия взглядов!»

* * *

15 августа 1879 г. в дачном пригороде Петербурга — Лесном собрался последний съезд «Земли и воли». Здесь на лесной поляне окончательно решалась судьба организации. С этого дня «Земля и воля» перестала существовать, а ее бывшие члены составили две самостоятельные революционные партии.

Специальный документ, названный федеральной конституцией, регулировал условия раздела. В частности, было решено, что ни одна из сторон не возьмет старое название. «Деревенщики» унаследовали «землю». Созданная ими организация получила название «Черный передел». «Политики» унаследовали «волю». Учредительное собрание «политиков» состоялось в Петербурге, в Лештуковом переулке (сейчас переулок Джембула), на квартире В. Фигнер и А. Квятковского. Присутствовало человек пятнадцать, они решили назвать свою новую организацию «партией Народной воли». «Вы видите, — писал Н. Морозов в своих воспоминаниях, — что каждая из двух распавшихся частей своим именем хотела показать, что в одной преобладающее значение приписывалось аграрным вопросам, а в другой — гражданской свободе».

«Политики», которые отныне получили название «народовольцев», унаследовали землевольческую типографию и запас шрифта, а также паспортное бюро. Чернопередельцам передавались типографские принадлежности, хранившиеся в Смоленске. Окончательный раздел несколько затянулся и был осуществлен в конце 1879 г. специальными уполномоченными.

«Народной воле» было суждено сыграть яркую роль в истории

русского революционного движения. Во главе ее стал Исполнительный комитет — преемник двух более ранних Исполнительных комитетов — южного и землевольческого. Он состоял из опытных революционеров, за плечами которых было уже немало лет борьбы с царизмом.

Одним из первых, если не самым первым постановлением Исполнительного комитета было вынесение им 26 августа смертного приговора Александру II.

Среди первоочередных дел значилось также налаживание издания газеты — официального печатного органа партии. За решение этой задачи народовольцы взялись уже в 20-х числах августа. А в начале октября шеф жандармов А. Р. Дрентельн был вынужден доложить царю: «С тяжелым и прискорбным чувством вижу себя обязанным донести вашему императорскому величеству, что вчера появился первый номер новой подпольной газеты под названием „Народная воля“». Всячески стараясь умалить значение нового революционного издания, Дрентельн в то же время признавал, что «самый факт появления подпольной газеты представляет явление в высшей степени прискорбное, а лично для меня крайне обидное».

«Итак, после нескольких месяцев молчания свободное слово снова раздается в Петербурге. По-видимому, этого не ожидали наши враги и на это мало надеялись наши друзья» — такими словами открывался первый номер «Народной воли», датированный 1 октября 1879 г.

В заявлении «От редакции» объяснялось, почему прекратилось издание «Земли и воли». Редакция декларировала свою солидарность «с принципами, которые развивала „Земля и воля“», и в то же время заявляла о необходимости применять «старые принципы сообразно с историческими условиями».

Редакционная статья, написанная Л. Тихомировым, раскрывала это последнее положение. «Хождение в народ», предпринятое демократической молодежью в 1874 г., ее намерение сразу поднять крестьян на всеобщее восстание называлось политической иллюзией: мужик жестоко обманул розовые надежды пропагандистов. Длительная же пропаганда в народе при существующих политических условиях уподоблялась наполнению «бездонных бочек Данаид». И далее следовала знаменитая фраза о том, что революционная партия стоит перед выбором: или взять на себя «инициативу противуправительственного похода и политического переворота», или «по-старому игнорировать политическую деятельность, тратя все силы на то, чтобы биться около народа, как рыба об лед». Автор статьи доказывал, что русское правительство находится в настоящий момент в изоляции от всех слоев общества и потому «наш прямой расчет — перейти в наступление и сбросить с своего пути это докучливое препятствие, не дающее нам действовать». Во втором номере «Народной воли», вышедшем в ноябре, дополнительно к этим аргументам развивалась мысль о том, что передача государственной власти народу — единственная гарантия от закабаления его нарождающейся буржуазией, которая сама стремится к власти. И с этим надо спешить, «пока еще не поздно».

Программные статьи в «Народной воле» отразили взгляды большинства членов Исполнительного комитета в период, когда выработывалась программа новой организации. В процессе обсуждения программы выявилось различное понимание как целей политической борьбы, так и ее форм. Проект программы обсуждался не только в Исполнительном комитете; с ним знакомились остальные

члены «Народной воли», его посылали в провинциальные группы. С учетом различных мнений и поправок «Программа Исполнительного комитета» была напечатана в январе 1880 г. в третьем номере «Народной воли»; затем несколько раз ее издавали отдельными листками.

Наряду с опубликованной программой весной 1880 г. была составлена секретная инструкция, называвшаяся «Подготовительная работа партии». В ней более подробно рассматривались такие вопросы политического переворота, которые нельзя было обсуждать в открытой печати.

В «Программе Исполнительного комитета» подчеркивалось, что народovolьцы по своим убеждениям социалисты и народники. В этом состояло то общее, что роднило их со всеми народническими течениями. Ставя конечной целью переустройство общества в социалистическом духе, они, как и все народники, видели в народном сознании и в некоторых народных обычаях зачатки социализма, верили, что стоит снять с народа самодержавный гнет, как «в нашей русской жизни будут признаны и поддержаны многие чисто социалистические принципы».

Но в отличие от землевольцев народovolьцы считали, что сначала надо произвести демократический политический переворот, а уже затем проводить в жизнь социалистические преобразования. Народovolьческой программой предлагалось «популяризировать во всех слоях населения идею демократического политического переворота, как *средство социальной реформы*». Это было новым словом революционной народнической теории. Народническое движение выдвинулось тем самым на какое-то время из кризиса, вызванного неудачей землевольческих деревенских поселений. Впереди открывался новый, еще не испытанный, но, казалось, перспективный путь борьбы. Это воодушевляло, придавало новые силы и импульс к деятельности.

Для осуществления политического переворота предполагалось создать сеть тайных обществ по всей России, подчиненных Исполнительному комитету. Далее в программе было записано о необходимости приобретения «влиятельного положения и связей в администрации, войске, обществе и народе».

Что касается народа, то ему в программных народovolьческих документах отводилась роль важной, но все же вспомогательной силы. «Главная задача партии в народе — подготовить его *содействию* (выделено нами. — *Сост.*) перевороту», — говорилось в Программе ИК. В секретной инструкции «Подготовительная работа партии» в таком порядке перечислялись пункты действий по подготовке восстания:

«...Главнейшими задачами нашей подготовительной работы является следующее:

- 1) создание Центральной боевой организации, способной начать восстание;
 - 2) создание провинциальной революционной организации, способной поддержать восстание;
 - 3) обеспечить восстанию поддержку городских рабочих;
 - 4) подготовить возможность привлечения на свою сторону войска или парализования его деятельности;
 - 5) заручиться сочувствием и содействием интеллигенции — главного источника сил при подготовительной работе;
 - 6) склонить на свою сторону общественное мнение Европы».
- В этом перечне обращает на себя внимание отсутствие пункта

о работе среди крестьян. Правда, в другом месте инструкции указывалось, что местные группы в ряду других дел «должны заранее заручиться... влиянием на крестьянство». Но далее разъяснялось: «Не ведая массовой пропаганды, должно, однако, сходиться с лучшими из крестьян, обращая их, по возможности, в сознательных сторонников партии». При позднейшей перепечатке программы к этому месту было дано примечание составителей «Календаря Народной воли на 1883 год»: «...что касается организации... в массе крестьянства, то она признавалась в эпоху составления программы совершенной фантазией».

В «Программе Исполнительного комитета» террор не занимал главенствующего места. Хотя и предполагалось, что «террористическая деятельность» будет поднимать «революционный дух народа» и «формировать годные к бою силы», но все же террор не объявлялся основным средством достижения политических целей партии. Однако в «Подготовительной работе партии» террору предназначалась гораздо более определяющая роль — дегонатора восстания. Вот как об этом говорилось в инструкции, предназначенной только «для вполне своих людей»:

«Что касается самого восстания, то для него, по всей вероятности, можно будет выбрать благоприятный момент, когда сами обстоятельства значительно облегчат задачу заговорщиков. Такие благоприятные условия создаются народным бунтом, неудачной войной, государственным банкротством, разными усложнениями европейской политики и пр. Каждым из таких благоприятных степеней обстоятельств партия должна своевременно воспользоваться, но при своей подготовительной работе она не должна на них возлагать всех своих надежд. Партия обязана исполнить свои задачи во что бы то ни стало, а потому свою подготовку должна вести так, чтобы не оказаться ниже роли даже при самых худших, самых трудных условиях.

Такие наиболее неблагоприятные условия представляются именно в том случае, если партии придется самой начинать восстание, а не присоединяться к народному движению и если притом нет вдобавок никаких экстраординарных благоприятных случайностей, облегчающих первое нападение. К такому-то положению вещей мы и должны быть подготовлены. *Партия должна иметь силы создать сама себе благоприятный момент действия*, начать дело и довести его до конца. *Искусно выполненная система террористических предприятий, одновременно уничтожающих 10—15 человек* — столпов современного правительства, приведет правительство в панику, лишит его единства действий и в то же время возбудит народные массы, т. е. *создаст удобный момент для нападения*. Пользуясь этим моментом, заранее собранные боевые силы начинают восстание и пытаются овладеть главнейшими правительственными учреждениями. Такое нападение легко может увенчаться успехом, если партия обеспечит себе возможность двинуть на помощь первым застрельщикам сколько-нибудь значительные массы рабочих и пр. Для успеха точно так же необходимо подготовить себе положение в провинциях, достаточно прочное для того, чтобы или поднять их при первом известии о перевороте, или хотя удержать в нейтралитете. Точно так же следует заранее обезопасить восстание от помощи правительству со стороны европейских держав и т. д. и т. д.»

Мы привели эту обширную выдержку, чтобы читатель мог непосредственно из документа получить представление о тактическом плане действий «Народной воли» в период подготовки загово-

ра и восстания. По существу это был план, рассчитанный на исполнение узкой организацией профессиональных революционеров, но при поддержке их в решительную минуту отрядами рабочих и войска. При этом Исполнительный комитет ориентировал себя и провинциальные группы быть готовым к тому, что скорее всего подходящий момент для восстания придется создавать искусственно, серией террористических актов. Ниже будет показана деятельность «Народной воли» среди интеллигенции, рабочих и военных. Но выделенные нами места в вышеприведенном извлечении из «Подготовительной работы партии» говорят о заключенной в этом программном документе потенциальной опасности выхода «террористической деятельности» на первое место.

После победы восстания власть, согласно программе Исполнительного комитета, должна была на короткое время перейти к Временному правительству, которое в свою очередь было обязано способствовать немедленному созыву Учредительного собрания. Газета «Народная воля» (№ 2, ноябрь 1879 г.) выражала уверенность, что в этом собрании будет «90% депутатов от крестьян и, если предположить, что наша партия действует с достаточной ловкостью, — от партии». Далее ставился вопрос: «Что может постановить такое собрание?» Ответ давался вполне оптимистический: «В высшей степени вероятно, что оно дало бы нам полный переворот всех наших экономических и государственных отношений».

В более позднем документе — «Программе рабочих, членов партии „Народной воли“» (ноябрь 1880 г.) созыв Учредительного собрания несколько отодвигался. Сначала надо было (вероятно, при содействии Временного правительства) обеспечить переход земли, фабрик и заводов «в руки народа» и установить во всех «селах, городах и областях... выборное народное управление», ввести вместо постоянной армии народное ополчение. Только *после этого* «Учредительное собрание... упразднив Временное правительство, утверждает народные завоевания и устанавливает порядок общесоюзный».

Если на Воронежском съезде будущие народолюбцы выступали единым фронтом против «деревенщиков», то после образования «Народной воли» существовавшие ранее между ее основателями разногласия по вопросу о способах политической борьбы вновь вышли на поверхность. В процессе выработки программы осенью 1879 г. выявилась группа «бланкистов» (М. Н. Ошанина, Е. Д. Сергеева, Л. А. Тихомиров), склонная к «захвату власти» узким кругом революционеров, с тем чтобы затем декретировать сверху благодействующие народ преобразования. Ошанина, например, по свидетельству В. И. Иохслысона, «доказывала, что сто решительных офицеров, при условии нахождения среди них пачальника дворцового караула, могли бы арестовать царскую семью и захватить в свои руки власть».

Эта группа согласилась на компромисс с Желябовым и Михайловым, понимавшими «заговор» более широко, соединяя его с народным восстанием. Иную, совершенно непримиримую, позицию заняли Н. А. Морозов и О. С. Любатович. Они отвергли тактику заговора и план созыва Учредительного собрания, считая, что народ в его нынешнем состоянии не готов поддержать ни то, ни другое. Вместо этого Морозов выдвинул идею систематического политического террора силами революционной молодежи, которая выделит из себя «горсть людей, незначительную по числу, но сильную и страшную своей энергией и неуловимостью», и тем самым заменит «массовое революционное движение.. рядом отдельных, но всегда

бьющих в цель политических убийств». Морозов утверждал, что этим путем «Народная воля» заставит правительство предоставить ей свободу социалистической пропаганды в народе в обмен на обещание прекратить террор. В стране некоторое время будет сохраняться ограниченная монархия — до тех пор, пока народ, просвещенный и организованный получившими свободу деятельности революционерами, не восстанет и не преобразует коренным образом политический и экономический строй.

Проект Морозова был отвергнут большинством Исполнительного комитета. Компромисса с Морозовым и Любатович достигнуть не удалось, и они в начале февраля 1880 г. уехали за границу в «бессрочный отпуск». Через год Морозов решил вернуться, но был арестован при переходе границы. Впереди его ждало 25-летнее заключение в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях. Его жена Ольга Любатович, оставив только что родившуюся дочь, тоже вскоре вернулась в Россию. Вплоть до своего ареста в ноябре 1881 г. она пыталась организовать отдельную от «Народной воли» сугубо террористическую группу.

* * *

Итак, в конце 1879 г. — начале 1880 г. в программных и тактических установках «Народной воли» получила преобладание линия А. И. Желябова и А. Д. Михайлова — на подготовку заговора и восстания широким фронтом при сочетании террористических актов с пропагандистско-организационной работой среди рабочих, офицеров и студентов.

В инструкции «Подготовительная работа партии» о рабочих говорилось следующее:

«Городское рабочее население, имеющее особенно важное значение для революции, как по своему положению, так и по относительно большей развитости, должно обратить на себя серьезное внимание партии. Успех первого нападения всецело зависит от поведения рабочих и войска. Если партия заранее заручится такими связями в рабочей среде, чтобы в момент восстания имела возможность закрыть фабрики и заводы, взволновать массы и двинуть их на улицы... это уже наполовину обеспечит успех дела». Важно отметить, что предусматривалось не только участие рабочих в борьбе на улицах, но и их активное отношение «к самому составлению Временного правительства».

Наметившийся в 1880 г. спад промышленного производства вел к росту безработицы и понижению заработной платы. Среди рабочих Петербурга, численность которых достигала 150 тыс. человек, росло недовольство существующими порядками и создавались условия, в которых народовольческая пропаганда встречала понимание и сочувствие. К народовольцам примкнули избежавшие ареста члены «Северного союза русских рабочих» и среди них — Степан Халтурин. Из рядов рабочих вышли активные деятели «Народной воли» А. К. Пресняков и Т. М. Михайлов. Исполнительный комитет стремился к созданию в Петербурге народовольческой рабочей организации. В этом отношении много сделал Пресняков, но его деятельность была прервана арестом в июле 1880 г. Много внимания уделял рабочим Желябов. Был создан и действовал центральный рабочий кружок, работали две агитационные группы, предполагалось создавать боевые рабочие дружины, был выработан устав такой дружины.

Народовольцы наладили издание «Рабочей газеты». Ее первый номер вышел 15 декабря 1880 г., второй — 27 января 1881 г., но третий лишь в 1882 г. Первые два номера были подготовлены под редакцией А. И. Желябова при участии И. П. Каковского, А. И. Иванчина-Писарева, Н. А. Саблина. Тираж газеты достигал 600—1000 экземпляров. В газете разъяснялось, что в страданиях народа, которому «что ни день — все хуже», виноваты не только помещики, фабриканты и кулаки, но и сам царь. В разделе «Рабочее житье-бытье» приводились многочисленные факты притеснений рабочих.

А. И. Желябов и И. П. Каковский в конце 1880 г. составили «Программу рабочих, членов партии Народной воли». В ней в наиболее четкой форме были изложены социалистические идеалы народовольцев, перечислялись демократические и социалистические требования, которые должны были быть осуществлены в первую очередь. Программа предлагала рабочим объединяться в кружки. Члены кружков должны были объяснять остальным рабочим, а также при случае и крестьянам, что «из теперешнего гибельного порядка один выход — насильственный переворот, что переворот необходим и возможен». Распропагандированным рабочим рекомендовалось поддерживать боевой дух в рабочей среде, устраивать стачки, готовиться к борьбе с властями. Один печатный экземпляр «Программы рабочих» народовольцы послали К. Марксу, который отстигил целый ряд мест в этом интересном документе. В настоящее время этот экземпляр с пометками Маркса хранится в Центральном партийном архиве при ЦК КПСС.

Кроме Петербурга местные народовольческие организации вели пропаганду среди рабочих в Москве, Нижнем Новгороде, Саратове, Казани, Риге, Киеве, Одессе, Ростове, Харькове, ряде других городов юга России. Но связь их с центром «Народной воли» была, как правило, недостаточной. В целом по России, по подсчетам историка В. И. Невского, народовольцы смогли вовлечь в орбиту своего влияния примерно полторы тысячи рабочих. Но создать в Петербурге единую городскую рабочую организацию они не смогли. Причиной этого были многочисленные аресты и отвлечение основных сил на террор.

Рассматривая рабочих как ударную силу, которая должна поддержать заговорщиков в момент восстания, народовольцы, как и вообще все народники, отнюдь не видели в пролетариате класса, призванного историей сыграть особую роль в борьбе против капитализма, за социализм. Для них это был всего лишь более развитый слой народа, более удобный для агитации и организации в данный период, нежели крестьянство. Но именно крестьянству, а не рабочим предстояло, по убеждению народников-народовольцев, определить в конечном итоге судьбу страны, в частности проголосовать всей своей многомиллионной крестьянской массой за социализм в будущем Учредительном собрании.

Кадры пропагандистов для рабочих «Народная воля» вербовала главным образом в высших учебных заведениях. Демократическое студенчество считалось наиболее восприимчивым к народовольческим идеям. «Интеллигенция, и молодежь в частности, — говорится в „Подготовительной работе партии“, — составляют такие сферы, где каждое честное направление должно только давать о себе знать, чтобы иметь сторонников».

Народовольческие студенческие кружки возникли почти во всех университетских городах России. Активно действовали народоволь-

цы и среди петербургского студенчества. Усилиями прежде всего Желябова и Перовской в 1880 г. был создан Центральный студенческий кружок. Члены кружка, среди которых выделялись П. П. Подбельский и Л. М. Коган-Бернштейн, распространяли нелегальную литературу, собирали пожертвования в пользу «Народной воли». Они воспользовались недовольством студентов новыми «Правами» и устроили в феврале 1880 г. в стенах университета антиправительственную демонстрацию. Подробности об этом можно узнать из воспоминаний К. Я. Загорского.

Конечно, далеко не все студенты были настроены революционно. Требования большинства не выходили за рамки либеральных пожеланий послабления правительственной политики в области образования, печати, личных прав. «Народная воля» видела свою задачу в том, чтобы разъяснять студентам необходимость соединения борьбы за чисто студенческие интересы с движением за общие политические свободы, за демократизацию государственного строя. И именно из революционной части демократической молодежи народовольцы черпали главные ресурсы пропагандистов, работников типографий, организаторов кружков в провинции, членов террористических групп.

Еще большее значение придавала «Народная воля» установлению связей в военной среде. «Подготовительная работа партии» имела раздел — «Войско», который начинался следующими словами:

«Значение армии при перевороте огромное. Можно сказать, что, имея за собой армию, можно низвергнуть правительство даже без помощи народа, а имея армию против себя, ничего, пожалуй, не достигнешь и с поддержкой народа. При настоящих условиях, однако, пропаганда между солдатами затруднена в такой степени, что на нее едва ли можно полагать много надежд. Гораздо удобней воздействовать на офицерство: более развитое, более свободное, оно более доступно влиянию».

Привлечению армии на свою сторону через распропагандированных офицеров народовольцы уделяли гораздо больше внимания, чем их предшественники. Народники первой половины 70-х гг., уповая на крестьянское восстание, ограничивались общими призывами к солдатам в пропагандистских книжках не идти против народа. Вовлеченные в революционные кружки курсанты военно-учебных заведений уходили из армии и вливались в общие ряды участников «хождения в народ». В противоположность этому один из руководителей народовольческой военной организации полковник М. Ю. Ашенбреннер вспоминал, что Желябов советовал ему оставаться на службе, поскольку там он сможет принести больше пользы революционному делу.

Встреча А. И. Желябова на квартире лейтенанта Н. Е. Суханова с группой морских офицеров послужила первым шагом на пути создания в 1880 г. морского кружка. В него кроме Суханова вошли Е. А. Серебряков, А. П. Штромберг, А. К. Карабанович, Ф. И. Завалишин и др. Морские офицеры неоднократно выполняли опасные поручения. Так, Завалишин достал в минном классе четыре запала, которыми были снаряжены бомбы, пошедшие в дело 1 марта 1881 г. К изготовлению взрывных устройств был причастен Суханов.

В Петербурге было положено начало Военной организации «Народной воли». Специально изучавшая образование и деятельность Военной организации Л. Н. Годунова пишет, что к весне 1881 г. в столице действовали три народовольческих военных кружка, столь-

ко же в Кронштадте и еще один в Гельсингфорсе; все они насчитывали около 50 человек.

... После 1 марта 1881 г. усиливается ориентация руководства «Народной воли» на военных как на главную силу заговора с целью захвата власти. В Петербурге и Кронштадте возникают еще три военных кружка. Народовольческие военные кружки появляются на Кавказе, юге России, в Прибалтике. Разрабатываются «Программа Военно-революционной организации» и устав Центральной военной организации. Усилиями В. Н. Фигнер, А. П. Корбь, А. В. Буцевича, Н. М. Рогачева, М. Ю. Ашенбреннера и других Военная организация «Народной воли» приобретает общероссийский характер. Л. Н. Годунова перечисляет 41 город, где, по ее мнению, источники позволяют говорить о наличии в 1882 г. более пятидесяти военных народовольческих кружков. В них входило несколько сот офицеров.

Важной заслугой «Народной воли» перед российским революционным движением была дальнейшая разработка принципов централизованной революционной организации и осуществление этих принципов на практике.

Исполнительный комитет постепенно добился принятия народовольческой программы многими провинциальными кружками политического направления. Уставные документы «Народной воли» зафиксировали руководящую роль Исполнительного комитета во всех делах организации, а внутри него — безусловное подчинение меньшинства большинству. Общее собрание членов Исполнительного комитета выбирало более узкий постоянно действующий распорядительный орган — «администрацию» в составе пяти членов и трех кандидатов, а также редакторов газеты и других должностных лиц. Обычно большинство решений принималось всеми членами Исполнительного комитета, находившимися в тот момент в Петербурге. Самопополнение Исполнительного комитета производилось путем голосования на его общих собраниях. В послемартовский период новые члены иногда вводились в Исполнительный комитет кем-либо единолично, путем кооптации.

В период с 15 августа 1879 г. по 1 марта 1881 г. в Исполнительный комитет, по подсчетам В. А. Твардовской, входил в общей сложности 31 человек. Состав Исполнительного комитета не был постоянным — место арестованных или эмигрировавших занимали новые люди. С. С. Волк полагает, что одновременно в Исполнительном комитете никогда не было более 20—22 человек.

Из них следует прежде всего назвать десять участников Липецкого съезда, которые, собственно говоря, учредили Исполнительный комитет. Это были А. И. Баранников, А. И. Желябов, А. А. Квятковский, Н. Н. Колодкевич, А. Д. Михайлов, Н. А. Морозов, М. Н. Ошанипа, Л. А. Тихомиров, М. Ф. Фроленко, С. Г. Ширяев.

В августе — сентябре 1879 г. Исполнительный комитет пополнили Н. К. Бух, М. Ф. Грачевский, В. В. Зеге фон Лауренберг, С. С. Златопольский, А. И. Зунделевич, С. А. Иванова, Г. П. Исаев, Т. И. Лебедева, О. С. Любатович, С. Л. Перовская, Е. Д. Сергеева, В. Н. Фигнер, А. В. Якимова.

В дальнейшем произошли новые изменения. На протяжении 1880 г. в Исполнительный комитет вошли М. Р. Ланганс, А. П. Корба, Ю. Н. Богданович, Н. Е. Суханов, П. А. Теллалов, М. Н. Тригони. С другой стороны, уже к февралю 1880 г. были арестованы Квятковский, Бух, Ширяев, Иванова, Зунделевич; эмигрировали Морозов и Любатович. Летом 1880 г. умер Зеге фон Лауренберг.

В октябре 1880 г. арестовали Михайлова. Особенно тяжелые потери понес Исполнительный комитет в начале 1881 г. После 1 марта в его составе осталось всего восемь человек. Затем он вновь пополнился 6—7 членами.

В статье В. А. Твардовской об организационных основах «Народной воли» (Исторические записки, т. 67) дается качественная характеристика домартовского состава Исполнительного комитета,

«Члены ИК в большинстве были очень молоды, Шестеро имели в 1881 г. по 23—24 года, основная часть — по 25—27 лет. Самым старшим было не более 32 лет. Почти все они русские, кроме одной польки и трех евреев.

Тринадцать человек, немногим меньше половины, были дворяне, В. И. Ленин, анализируя данные о распределении по сословиям лиц, привлеченных за государственные преступления в 1884—1890 гг., уже делал вывод, что дворяне-революционеры отходят на второй план, уступая первенство разночинцам. Все же в народовольческом движении удельный вес дворян был еще, как видим, довольно значительным. В ИК первого состава было два крестьянина (А. И. Желябов и С. Г. Ширяев) и ни одного рабочего — они были только среди ближайших агентов ИК: С. Н. Халтурин (член ИК после 1 марта), А. К. Пресняков, М. В. Тетерка, Т. М. Михайлов и др. Четверо членов происходили из духовного сословия. Двое были военными (Н. Е. Суханов и А. И. Баранников, бросивший военное училище). Остальные мещане (шесть).

Почти все члены ИК имели высшее или незаконченное высшее образование. Многие из них окончили по два высших учебных заведения. <...> Большинство из них начали свою революционную деятельность очень рано: 13 чел. — в 1872—1873 гг., 9 — в 1874—1875 гг. Наибольший стаж революционной работы был у А. И. Желябова — с 1869 или 1870 г. <...> Почти все они были профессиональными революционерами; только два члена ИК имели легальное положение — М. Н. Тригопи и Н. Е. Суханов. <...> Первый состав ИК удачно сочетал самые разнообразные способности и характеры. Здесь были такие выдающиеся организаторы, как А. Д. Михайлов, А. И. Желябов, С. Л. Перовская, П. А. Теллалов, М. Н. Ошанин, В. Н. Фигнер; такие блестящие революционеры-практики, как М. Ф. Фроленко, Н. Н. Колодкевич, А. И. Зунделевич, А. И. Баранников; такие теоретики народовольчества, как А. И. Желябов; такие техники, как Г. П. Исаев, С. Г. Ширяев, А. В. Якимова».

Члены Исполнительного комитета назывались агентами третьей степени. Существовала также более младшая категория агентов второй и первой степени, действовавших под руководством членов ИК. Сделано так было из конспиративных соображений: лица, только что вступившие на революционный путь, не должны были знать, сколько степеней агентов существует в «Народной воле».

Среди агентов второй степени можно назвать таких выдающихся революционеров, как А. Б. Арончик, Л. Н. Гартман, Г. М. Гельфман, П. С. Ивановская, В. И. Иохельсон, Н. И. Кибальчич, Н. В. Клеточников, Т. М. Михайлов, сестры Е. Н. и Н. Н. Оловенниковы, А. К. Пресняков, Н. А. Саблин, Г. М. Фриденсон, Г. Ф. Чернявская.

Постепенно складывалась система кружков, подчиненных Исполнительному комитету «Народной воли», совершенствовались уставные положения, регламентирующие права и обязанности как центра, так и всех остальных революционных сил, действовавших в Петербурге и на периферии. Принципы централизма проводились в жизнь с трудом, анархические настроения прежних лет были еще

сильны. Тем не менее в течение примерно полутора лет их в основном удалось преодолеть, и Желябов весной 1881 г. мог заявить, что «организация партии Народной воли состоит из целой сети тайных кружков, группирующихся на начале централизации групп младшего порядка вокруг групп порядка высшего», а «вся организация стягивается к единому центру — Исполнительному комитету». Если в каком-либо городе имелось несколько народовольческих кружков, то там образовывалась центральная местная группа, и уже она сносилась с ИК в Петербурге.

В книге С. С. Волка «Народная воля» (М.—Л., 1966) имеется карта-схема. На ней указаны 67 городов, в которых исследователями выявлено примерно 80—90 организаций «Народной воли», и, кроме того, около 200 различных кружков народовольческого направления — рабочих, военных, студенческих, ученических, общих, действовавших в 1879—1883 г. Но эта цифра — сумма *всех* существовавших в эти четыре года кружков. На каждый данный отрезок времени их было, разумеется, меньше: одни уже были разгромлены, другие еще не возникли.

В «Календаре Народной воли» сказано, что перед 1 марта 1881 г. в народовольческих *организациях* по всей стране насчитывалось примерно 500 человек. Некоторые исследователи полагают, что к этому надо прибавить еще 4—5 тысяч человек из среды распространяемых рабочих и молодежи. Но надо иметь в виду, предупреждают авторы книги «Революционная традиция России» (М., 1986), что состав «Народной воли» «был далеко не равноценным. Кроме сравнительно небольшого ядра испытанных революционеров (несколько десятков человек), в организации явно преобладала «зеленая» молодежь, зачастую лишь номинально примыкавшая к движению. Отсюда становится понятным, почему гибель немногих руководителей означала по существу конец всей „Народной воли“».

В самодержавной России, в особенности в ее столице Петербурге, на борьбу с революционным подпольем были направлены усилия опытного аппарата жандармерии и полиции; «кадровым» филерам помогала многотысячная армия дворников, в обязанности которых входила слежка за жильцами и их знакомыми.

В смертельной схватке со слугами самодержавия народовольцы проявили себя мастерами конспирации. Арестовав члена Исполнительного комитета, жандармы не должны были об этом догадываться: все арестованные называли себя агентами ИК той или иной степени. Сам Исполнительный комитет оставался как для врагов, так даже и для друзей загадочным, грозным и неуловимым.

Особенные заслуги в обеспечении конспирации были у А. Д. Михайлова. По словам В. Н. Фигнер, он был «всевидящим оком организации и блюстителем дисциплины, столь необходимой в революционном деле». С помощью Михайлова в начале 1879 г., еще до образования «Народной воли», устроился на службу в III отделение Н. В. Клеточников. Вплоть до своего ареста в январе 1881 г. он сообщал народовольцам имена секретных агентов, фамилии лиц, подлежащих аресту или взятых под наблюдение, предупреждал о готовившихся обысках, облавах, арестах.

При непосредственном участии А. Д. Михайлова была налажена работа так называемого «паспортного бюро», которое должно было обеспечивать народовольцев необходимыми для них документами. Иногда добывались и использовались подлинные документы, чаще приходилось заниматься изготовлением поддельных, которые, однако, внешне невозможно было отличить от подлинных.

В разных концах Петербурга народovolьцы содержали конспиративные квартиры, в них устраивались встречи и совещания, изготовлялись динамит и бомбы, печатались революционные издания.

В первой типографии «Народной воли» в Саперном переулке в условиях строжайшей конспирации были отпечатаны три номера «Народной воли», другая нелегальная литература. Четыре с половиной месяца продолжалась деятельность этой типографии, и лишь неосторожность А. Квятковского (см. воспоминания С. А. Ивановой-Борейши) погубила ее. Однако уже в феврале стараниями неутомимого А. Д. Михайлова была налажена работа «легучей типографии», в которой были напечатаны несколько листовок и отдельное издание «Программы Исполнительного комитета». Выпуск «Программы» был необходим, так как большая часть тиража третьего номера «Народной воли» с текстом программы попала в руки полиции при провале типографии в Саперном переулке.

С начала мая до середины июля 1880 г. небольшая временная типография размещалась в квартире на Подольской улице, снятой Н. И. Кибальчицем и П. С. Ивановской под именем Агатекулыхов. Затем с середины июля и до начала ноября типография размещалась в другом, пока не выясненном месте. В этой типографии были выпущены три номера «Листка Народной воли». Наконец, в начале ноября народovolьцы смогли устроить, снова на Подольской улице, но в другом доме, полноценную типографию, где можно было напечатать, после почти годовичного перерыва, очередные номера «Народной воли». Здесь в декабре 1880 г. и в феврале 1881 г. вышли номера 4-й и 5-й, тиражом в две-три тысячи экземпляров. Была напечатана также листовка памяти казненных А. А. Квятковского и А. К. Преснякова, прокламации, выпущенные Исполнительным комитетом после 1 марта 1881 г. Прокламации печатались обычно тиражом в три—пять тысяч экземпляров. Арест жившей в типографии под видом прислуги Л. Д. Терентьевой заставил народovolьцев в начале мая 1881 г. покинуть типографию, уничтожив или захватив с собой наиболее важные бумаги. После этого типография «Народной воли» была перенесена в Москву.

* * *

Пропаганда народovolьцев среди рабочих и в различных слоях общества — вероятно, наименее известная для большинства читателей сторона деятельности «Народной воли». В памяти потомков, как, впрочем, и для современников, она оказалась заслоненной рядом эффектных террористических актов и особенно тем, что впоследствии с легкой руки некоторых популяризаторов истории «Народной воли» получило название «охоты на царя». Этому были свои основания. Хотя, как уже говорилось, в программе «Народной воли» террор не выступал в качестве главной формы политической борьбы и даже в секретной «Подготовительной работе партии» он занимал как будто бы равное место среди других видов революционной деятельности, на практике подготовка покушений на Александра II все более и более поглощала живые силы и материальные средства «Народной воли».

Первоначально смертный приговор Александру II был вынесен в июне 1879 г. на Липецком съезде — но условно, в зависимости от дальнейшего ужесточения репрессивной политики правительства.

10—11 августа последовали новые казни революционеров — были казнены И. Я. Давиденко, Д. А. Лизогуб, С. Ф. Чубаров

в Одессе, С. Я. Виттенберг в Николаеве. 26 августа только что возникший Исполнительный комитет «Народной воли» утвердил липецкое постановление о цареубийстве.

О том, как это постановление проводилось в жизнь, говорится в воспоминаниях В. Н. Фигнер, А. В. Тыркова и в очерке Л. А. Тихомирова «Пребывание Халтурина в Зимнем дворце». Осенью 1879 г. были предприняты три попытки при помощи взрыва железнодорожного полотна устроить крушение царского поезда на возможных путях возвращения царя из Крыма. Подкопы велись сразу в трех местах: под Одессой, Александровском Екатеринославской губ. и в сорока километрах не доезжая Москвы. Однако всюду народовольцев ждали неудачи. Через Одессу царь не поехал, под Александровском почему-то не сработало электрическое взрывное устройство. Под Москвой взрыв состоялся, но был по ошибке взорван поезд не с царем, а с царской свитой. Это произошло 19 ноября. А 5 февраля 1880 г. от взрыва сотряслась сама царская резиденция — Зимний дворец.

Взрывы 19 ноября и 5 февраля, несмотря на неудачи, произвели большое впечатление в России и Европе. Исполнительный комитет в представлении всех — демократической молодежи, обывателей, разного ранга чиновников и т. п. — стал казаться всемогущей таинственной силой, которой одни симпатизировали (в основном, правда, пассивно), а другие, боясь, отнюдь не пассивно противодействовали. В такой напряженной атмосфере отказ от дальнейших покушений становился для народовольцев психологически невозможным — он означал падение престижа, крушение надежд и больших ожиданий. Цареубийство становилось главной целью, все остальное — второстепенной. Сил на это остальное просто не хватало. Пришлось даже оставить подготовку планировавшихся террористических актов против одесского, киевского и петербургского генерал-губернаторов — Тотлебена, Гессе и Гурко, некоторых других видных чиновников. Все сосредоточилось на царе.

С осени 1880 г. за ним устанавливается постоянное наблюдение. За всеми поездками Александра II по Петербургу следит специальная группа во главе с С. Перовской, в составе И. И. Гриневицкого, А. В. Тыркова, П. В. Тычинина, Е. Н. Оловенниковой, Е. М. Сидоренко, Н. И. Рысакова. Одновременно Н. И. Кибальчич и Г. П. Исаев с пришедшими им на помощь М. Ф. Грачевским и П. Е. Сухановым занимаются технической стороной подготовки к покушению. Из предложенных ими вариантов Исполнительный комитет принимает два: подземный взрыв мины и применение металлических снарядов. Местом подкопа избирают один из обычных царских маршрутов — Малую Садовую улицу, на которой А. И. Баранников сумел присмотреть подходящее подвальное помещение. А. В. Якимова и Ю. Н. Богданович по поручению Исполнительного комитета нанимают его якобы для того, чтобы устроить «Склад русских сыров Е. Кобозева». В январе — феврале 1881 г. по ночам здесь в очень трудных условиях работали в подкопе Ю. Н. Богданович, А. И. Желябов, М. Н. Тригони, М. Р. Ланганс, М. Ф. Фроленко, А. И. Баранников, Н. Н. Колодкевич, Н. Е. Суханов, Г. П. Исаев, Н. А. Саблин.

В случае, если царский экипаж поедет по другому пути, в дело должны были вступить метальщики. Во второй половине февраля состоялись испытания созданных народовольцами бомб и запалов к ним. А. И. Желябов подобрал специальную группу метальщиков

в составе И. И. Гриневицкого, Н. И. Рысакова, Т. М. Михайлова и И. П. Емельянова.

Приближавшееся к апогею отчаянное единоборство народовольцев с самодержавием сопровождалось тяжелыми потерями в рядах революционеров. 4 ноября 1880 г. были казнены осужденные по «процессу 16-ти» А. А. Квятковский и А. К. Пресняков. 28 ноября жертвой собственной неосторожности стал, казалось бы, непревзойденный мастер конспирации А. Д. Михайлов. Несмотря на полученный сигнал об опасности и предостережения товарищей, он пошел получить заказанные им фотографические карточки Квятковского и Преснякова в фотографии на Невском проспекте. Там он попал в засаду, попытался скрыться, но был арестован. В январе 1881 г. буквально один за другим были арестованы Г. М. Фриденсон, А. И. Баранников, Н. Н. Колодкевич, Н. В. Клеточников, Л. С. Златопольский.

Однако удары, наносившиеся арестами, не ослабляли усилий народовольцев, остававшихся на свободе. Настоячиво продолжал руководить подготовкой нового покушения А. И. Желябов. Все же лично довести дело до конца ему не удалось. Слежка, начатая вследствие показаний И. Ф. Окладского за находившимся на легальном положении М. Н. Тригоны, позволила жандармам арестовать 27 февраля не только его самого, но и зашедшего к нему Желябова.

Утром 28 февраля министр внутренних дел М. Т. Лорис-Меликов, до этого советовавший Александру II не покидать Зимний дворец из-за грозившей опасности, поспешил доложить императору об аресте «главного заговорщика». Арест Желябова был тяжелой потерей для народовольцев. Их к тому же ждали и другие неприятные известия. Под угрозой оказалась «сырная лавка». Неопытность ее владельцев в торговых делах вызвала подозрение и соседей-торговцев, и полиции. Суханов, вышедший вечером 27 февраля от «Кобозевых», заметил за собой слежку и с трудом смог скрыться. По настоянию местного полицейского пристава 28 февраля под предлогом «санитарной инспекции» в подвал спустился генерал К. О. Мравинский, к счастью ничего подозрительного не сумевший обнаружить.

В тот же день на Вознесенском проспекте собрались члены Исполнительного комитета В. Н. Фигнер, С. Л. Перовская, Г. П. Исаев, А. П. Корба, Н. Е. Суханов, М. Ф. Грачевский, Т. И. Лебедева, М. Ф. Фроленко. Всем им было ясно, что так долго подготавливаемое покушение накануне своего осуществления оказывается под угрозой срыва. От пришедшего Богдановича стало известно об обыске в «сырной лавке». В этой тревожной обстановке принимается решение на следующий день, 1 марта, предпринять покушение.

Ночью Суханов, Грачевский и Кибальчич изготавливают бомбы. Утром 1 марта на Тележной улице в квартире Г. Гельфман их получают Гриневицкий, Рысаков, Т. Михайлов и Емельянов. Всем руководит Перовская. Она расставляет и инструктирует метальщиков. Наготове Фроленко. По сигналу Якимовой он готов, сомкнув провода, произвести взрыв мины, заложенной в подкопе на Малой Садовой.

Александр II проехал в Михайловский манеж, миновав Малую Садовую. Около трех часов дня карета Александра II, после Манежа заезжавшего в Михайловский дворец, двигаясь по Инженерной улице, приблизилась к набережной Екатерининского канала.

Здесь се ждали расставленные Перовской метальщики. Когда карета повернула на набережную, Рысаков бросил первую бомбу. Карета была повреждена, но Александр II не пострадал. Он вышел из кареты и направился к схваченному Рысакову, затем сделал несколько шагов вдоль ограды набережной. Встретивший его Гривецкий бросил бомбу между собой и царем. Оба были смертельно ранены.

* * *

Итак, «Народная воля» достигла наконец цели, к которой столь упорно стремилась. В четыре часа дня 1 марта над Зимним дворцом поднялся траурный флаг — знак смерти императора. Почти два года титанических усилий завершились успехом. В. Фигнер пишет даже, что «это был финал двадцатилетней борьбы между правительством и обществом».

Чего же хотели добиться народовольцы этим актом? Что он должен был означать — сигнал к восстанию или что-то другое? Напомним, что в инструкции «Подготовительная работа партии» говорилось об одновременном уничтожении 10—15 «столпов современного правительства» как средстве возбуждения народных масс и создания подходящей обстановки для начала восстания.

В. Фигнер сообщает, что в первой половине февраля 1881 г. Исполнительный комитет собрал совещание, на котором выяснилось, возможно ли одновременно с покушением на царя «сделать попытку инсurreкции». «Ответ был неблагоприятный. Подсчет членов групп и лиц, непосредственно связанных с нами, показал, что наши силы слишком малочисленны, чтобы уличное выступление могло носить серьезный характер». Прав оказался Плеханов, предупреждавший, что подготовка покушений поглотит все силы сторонников террористической борьбы. Наиболее дальновидные народовольцы сознавали эту опасность — программа «Народной воли» предусматривала различные виды революционной деятельности, не один террор. Но на практике, как признавал А. Д. Михайлов в своих записках, сделанных уже во время суда в 1882 г., созданное «политиками» тайное общество «получило чисто боевой характер, для организационной деятельности не стало ни средств, ни денег, все дышало битвой, все приносилось в жертву террористам». Не лишено, таким образом, определенных оснований позднейшее утверждение Н. А. Морозова о том, что «практически „Народная воля“ исполняла ... именно только мою программу», хотя она, напомним, была отвергнута большинством Исполнительного комитета как крайне террористическая.

В итоге, хотя к марту 1881 г. организационно-пропагандистская деятельность народовольцев среди рабочих и военных имела кое-какие результаты, их оказалось далеко не достаточно, чтобы решиться на восстание. И тем не менее полным ходом шли последние приготовления к очередному покушению на Александра II — покушению, которому суждено было стать успешным.

Передовая статья в пятом номере «Народной воли» от 2 февраля 1881 г. — за месяц до покушения — в какой-то мере отвечает на вопрос, ради чего это делалось. Социально-революционная партия, говорилось там, должна в глазах народа стать силой, а этого можно добиться «только путем борьбы, путем непрерывных схваток», «только этим путем и может она (партия, — *Сост.*) приобрести в глазах народа обаяние силы».

Цареубийство — это такой акт, который конечно же должен был отозваться в самых глухих углах крестьянской России и, как пишет В. Фигнер, заставить мужика задаться вопросом: «Кто убил царя и за что его убили?» И здесь, по мнению Фигнер, революционеры должны были выиграть в любом случае.

Если крестьяне решат, что царя убили социалисты ради народных интересов, то «Народная воля» приобретет такой авторитет в народе, «какой не доставили бы десятки лет пропаганды словом».

Если же в деревне посчитают, что царя убили баре, желающие вернуть крепостное право, то тогда очень вероятен взрыв всеобщего крестьянского бунта, и «Народной воле» предоставилась бы возможность стать во главе его.

Кроме того, народовольцы надеялись, что убийство царя подтолкнет либеральное общество воспользоваться растерянностью властей и более решительно поставить вопрос о конституции, о политических свободах. Наконец, казнь Александра II должна была поднять престиж «Народной воли» в среде демократической молодежи, дать толчок новому притоку революционных сил в ее ряды.

Основательны ли были эти расчеты? Чтобы ответить на это, надо хотя бы вкратце посмотреть, в каких внешних условиях действовала «Народная воля»: что делалось в крестьянстве, среди рабочих, в образованных слоях общества, как на все это реагировали правительственные сферы?

Обстановка в стране была напряженной. Она стала обостряться с конца 1870-х гг., когда в результате русско-турецкой войны заметно ухудшилось экономическое положение крестьян и рабочих, хозяйственная разруха, недороды и — как следствие — дороговизна и голод начиная с осени 1879 г. и в еще большей степени в последующие 1880 и 1881 гг. В стране не хватало хлеба для продовольствия даже по расчетным минимальным правительственным нормам, и в то же время хлеб экспортировался за границу. Росли педомки крестьян по оброкам и налогам. От долгов, образовавшихся в это время за взятые хлебные ссуды, крестьяне европейских губерний России так и не смогли избавиться до самого 1917 года.

Росло число крестьянских волнений. Если за пятилетие, с 1873 по 1877 г., историками выявлено 178 волнений, то за следующие пять лет (с 1878 по 1882 г.) — 245. Из них 47 было подавлено с помощью войск. Конечно, интенсивность крестьянского движения в этот период во многом уступала его размаху во время проведения реформы 1861 г., отменившей крепостное право. Тогда число волнений измерялось многими сотнями и даже тысячами. Но правительство в конце 1870-х гг. очень беспокоило чрезвычайно распространившиеся среди крестьян слухи о новом дополнительном наделении земель и даже о всеобщем переделе всех земель, включая и помещичьи.

Известный ученый-агрохимик и общественный деятель А. Н. Энгельгардт, автор писем «Из деревни», писал, что «после взятия Плевны о „милости“ всюду говорили открыто и на сельских сходах, и на свадьбах, и на общих работах... Все ожидали тогда, что в 1879 году выйдет „новое положение“ на счет земли». Правительство несколько раз конфиденциально предписывало губернаторам принять меры против распространения слухов и наконец 16 июля 1879 г. было вынуждено обнародовать официальное опровержение ложных толков «о предстоящем будто бы общем переделе земли». От имени царя министр внутренних дел Л. С. Маков заявил: «Ни

теперь, ни в последующее время никаких дополнительных нарезок к крестьянским участкам не будет и быть не может». Но это, разумеется, не успокоило крестьян. За 1878—1882 гг. зафиксировано около 26 тысяч поджогов, главным образом помещичьих имений и кулацких подворий; особенно возросло число поджогов в 1881—1882 гг.

Новым элементом массового движения, по сравнению с 60-ми гг., стали стачки рабочих. В период с 1878 по 1882 г. в стране произошло не менее 141 стачки (в 1873—1877 гг. — 86 стачек); примерно одна треть их имела наступательный характер: рабочие требовали повышения заработной платы, улучшения условий труда. В 1877—1879 гг. активно действовал «Северный союз русских рабочих», самостоятельно образованный передовыми рабочими Петербурга, «Союз» объединял примерно 200 человек; среди его руководителей — известные деятели российского рабочего движения В. П. Обнорский, С. Н. Халтурин, П. А. Моисеенко. Конечная цель «Северного союза», записанная в его программе: «ниспровержение существующего политического и экономического строя государства, как строя крайне несправедливого». Рабочие раньше народников поняли как важность политической свободы, так и то, что именно «ею прежде всего обеспечивается решение социального вопроса».

Важным фактором, влиявшим на общее положение в столице и стране, были студенческие волнения. Осенью 1878 г. произошли бурные студенческие сходки и демонстрации с подачей петиций наследнику престола в Петербурге и Харькове. Они сопровождалась столкновениями с полицией и казаками. В 1879—1880 гг. студенты боролись против так называемых «Временных правил», усиливших надзор за ними и стеснительно регламентировавших студенческую жизнь. 1881 г. был отмечен открытым протестом против политики правительства в области просвещения во время ежегодного торжественного акта в Петербургском университете 8 февраля, в присутствии министра. В марте студенты Московского университета отказались посылать венки на гроб Александра II, а в Казани 2 марта на общеуниверситетской сходке студент Никольский заявил, что «монархическое правление в России отжило свой век».

Брожение ощущалось и в либеральных кругах. Правда, оно проявлялось лишь намеками в газетах и журналах на желательность неких «усовершенствований» государственного строя. Робкие пожелания о том же содержались в некоторых «верноподданнических» адресах на имя царя, составлявшихся время от времени в земствах. Но и это расценивалось «верхами» как непозволительная дерзость. Иной раз радикальные речи произносились на званых обедах или в частных собраниях. От всего этого, конечно, было далеко до каких-либо активных политических действий, но о степени распространенности недовольства в обществе власти могли судить по 38 тысячам ежегодно вскрывавшихся частных писем, из которых делалось примерно три с половиной тысячи интересных для жандармов выписок.

С революционным движением и недовольством либеральной оппозиции правительство вначале рассчитывало справиться испытанными и привычными репрессивными мерами. Вскоре после убийства в августе 1878 г. шефа жандармов Мезенцова было принято постановление, предусматривавшее передачу дел о «государственных преступлениях» в ряде случаев на рассмотрение военно-окружных судов, а с 1 сентября того же года жандармам, полицмейстерам и

уездным исправникам предоставлялось право ареста подозрительных лиц без санкции прокурора.

Ассигновывались дополнительные средства на укрепление полиции и жандармерии. После покушения А. К. Соловьева на Александра II в апреле 1879 г. были назначены «временные генерал-губернаторы» в Петербург, Харьков и Одессу (в дополнение к уже имевшимся московскому, киевскому и варшавскому генерал-губернаторствам).

Генерал-губернаторы получили почти неограниченные, по существу диктаторские, полномочия для борьбы с революционным движением. Своей властью они могли без суда отправлять в административную ссылку, предавать военному суду. С апреля по декабрь 1879 г. было казнено 16 революционеров. Для усиления наблюдения за крестьянами в каждый уезд с августа 1878 г. в помощь становым приставам назначались полицейские урядники (в среднем по 11 человек на уезд), а в каждом более или менее крупном городе образовывались отряды мобильной конно-полицейской стражи для срочных выездов в места крестьянских волнений.

Участились высылки студентов, свирепствовала цензура. В Одессе генерал-губернатор Тотлебен предписал домовладельцам немедленно сообщать полиции о любом «сборище» у их жильцов. Подобная ситуация, применительно к Петербургу, описана в воспоминаниях Н. М. Саловой (см. с. 232—234).

Всего этого оказалось, однако, недостаточно. Через неделю после взрыва в Зимнем дворце — 12 февраля 1880 г. царским указом была образована «Верховная распорядительная комиссия по охране государственного порядка и общественного спокойствия» во главе с М. Т. Лорис-Меликовым. Все министерства и ведомства, все генерал-губернаторы должны были выполнять его указания по борьбе с государственными преступлениями. Ему были подчинены III отделение и корпус жандармов. По существу Лорис-Меликов получил право управлять Россией от имени императора. «Я имел полномочия объявлять по личному усмотрению высочайшие повеления. Ни один временщик — ни Меншиков, ни Бирон, ни Аракчев — никогда не имели такой всеобъемлющей власти», — говорил он впоследствии.

Наиболее подробно и конкретно деятельность Лорис-Меликова описана в книге профессора П. А. Зайончковского «Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов» (М., 1964). Введение генерал-губернаторств и образование Верховной распорядительной комиссии явилось следствием определенного кризиса самодержавной власти, показателем того, что царизм оказался не в состоянии управлять страной обычными методами и прибегнул к чрезвычайным. По существу Александр II был вынужден пойти на то, чтобы часть самодержавной власти передать им же назначенным местным и центральному диктаторам. Недаром Лорис-Меликова в придворных кругах втихомолку называли вице-императором Мишелем I, а генерал-губернаторов по-восточному — сатрапами.

Кризис власти проявился и в другом. Лорис-Меликов лучше многих в правящих сферах понял, что полагаться только на одни репрессии, на их ужесточение — недостаточно. Репрессии против революционеров он попытался сочетать с тактикой привлечения на сторону правительства либеральной оппозиции посредством некоторых уступок в разных сторонах внутренней жизни.

Начал он с того, что 15 февраля 1880 г. в «Правительственном вестнике» поместил обращение «К жителям столицы», в котором, с одной стороны, заявлял о решимости «не останавливаться ни

перед какими строгими мерами для наказания преступных действий», а с другой — выражал уверенность в поддержке «всех честных людей, преданных государю и искренне любящих свою родину».

Свою строгость Лорис-Меликов продемонстрировал уже через неделю скоростным судом и казнь покушавшегося на его жизнь И. О. Млодецкого (близкого к народовольцам, но не входившего формально в «Народную волю»). Покушение произошло 20 февраля, военный суд — 21-го, а казнь через повешение — 22-го. Но слух и глаз либералов ласкали такие строки из обращения новоявленного начальника Верховной распорядительной комиссии: «На поддержку общества смотрю как на главную силу, могущую содействовать властям к возобновлению правильного течения государственной жизни».

Призыв Лорис-Меликова к благонамеренной части общества вызвал поток записок с различными предложениями по искоренению «крамолы», вполне верноподданнических, но большей частью фантастических. Между ними были, однако, и более серьезные проекты, как охранительного, так и либерального содержания. Либералы осторожно проводили мысль о том, что без их содействия правительство не справится с революционерами, а для обеспечения такого содействия предлагали привлечь к государственной деятельности все «здоровые силы» в лице главным образом земств и представителей городов. В этом проявилось желание либералов каким-то образом участвовать в решении государственных вопросов, а отсюда в их воображении уже просматривалась дорога к постепенному переходу к конституционным формам правления.

Конституцию Лорис-Меликов вводить не собирался, но допустить изобильное число выборных от земств и крупных городов к участию в *обсуждении* некоторых законопроектов он считал полезным, так как такая мера, по его мнению, привлекла бы либералов на сторону правительства и уничтожила бы атмосферу сочувствия, окружавшую революционеров. По этому вопросу в правительственных сферах шла борьба. Лорис-Меликова поддерживали либеральная часть высшей бюрократии — военный министр Д. А. Милютин, министр финансов А. А. Абаза, председатель Комитета министров П. А. Валуев и некоторые другие. Но ему оказывали мощное противодействие обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев, министр почт и телеграфа Л. С. Маков, министр путей сообщения К. Н. Посыет, член Государственного совета С. Г. Строганов. Александр II колебался.

Лорис-Меликов счел необходимым пойти на кое-какие послабления во внутренней политике. Он несколько смягчил цензурные тиски, сменил зверствовавшего начальника Главного управления печати В. В. Григорьева на более терпимого Н. С. Абазу. Далее он посчитал целесообразным убедить Александра II уволить ненавидимого всеми реакционнейшего министра просвещения Д. А. Толстого и назначить на его место «либерального» А. А. Сабурова. Был несколько умерен полицейский произвол в вопросе административной ссылки, а кое-кто с большим шумом даже возвращен обратно. Намечалось отменить административный порядок преследования печати, придав этому делу «законную» судебную форму.

Оценивая деятельность Лорис-Меликова, «Листок Народной воли» писал в июне 1880 г.:

«...Он занимается приведением административных сил к единству, слиянием разных сортов полиции, объединением действий губернаторов, жандармов и проч. Параллельно с этим он старается

разъединить оппозицию, кокетничать с либералами, с разными земцами и т. п.; красивыми фразами о будущих вольностях он старается отрезать у конституционалистов всякую связь с радикалами... Отрывая от нас либеральную партию, Лорис намеревается то же сделать и относительно молодежи. Недавно вышедшее правительство распоряжение сулит не только помилование, но даже полное возвращение прав ссыльным по студенческим историям. Со студенчеством Лорис заигрывает и лично, призывая к себе их «представителей», обещает всякие льготы... Что ж, политика не глупа! Сомкнуть силы правительства, разделить и ослабить оппозицию, изолировать революцию и передуть всех врагов порознь — не дурно! И заметьте, — что всех этих воробьев предполагается объегорить исключительно на мякине, не поступившись ничем и даже, собственно говоря, никого не пощадив».

При Лорис-Меликове продолжались, хотя и в меньшем количестве, казни революционеров — было казнено 5 человек. 60 человек — столько же, сколько и за предшествующий год, — были осуждены на различные сроки каторги, от четырех лет до «вечной каторги» (9 человек). По распоряжению Лорис-Меликова был ужесточен режим Карийской каторжной тюрьмы. «Поэтому, — пишет В. Фигнер, — общественное мнение в революционном мире требовало продолжения террора и казни как самого царя, так и его лицемерно-либерального приближенного».

Лорис-Меликов старался изолировать революционеров не только от либералов, но и от крестьянства. Для уменьшения напряженности в деревне он пошел на некоторое уменьшение податного гнета: был отменен соляной налог, и подушная подать заменена подоходным налогом. В приказном порядке петербургских купцов заставили временно несколько снизить цены на муку и хлеб.

Мерой в либеральном духе представил Лорис-Меликов упразднение знаменитого III отделения в августе 1880 г. В действительности функции этого учреждения и его штаты передавались различным отделам Департамента полиции Министерства внутренних дел, что вело к улучшению политического сыска, сосредоточивая его в одном ведомстве. Одновременно упразднялась, как бы выполнившая свои задачи, Верховная распорядительная комиссия, а Лорис-Меликов становился министром внутренних дел, сохраняя по существу положение «вице-императора».

В конце января 1881 г. Лорис-Меликов представил Александру II «всеподданнейший доклад», в котором доказывал, что все предпринятые им меры «оказывали и оказывают благотворное влияние на общество», и советовал продолжать политику в том же духе, в частности, допустить все же представителей либералов к обсуждению некоторых государственных вопросов.

В пользу всеильного министра, казалось бы, говорил некоторый спад числа крестьянских волнений и рабочих стачек, а главное — отсутствие новых террористических актов в течение 11 месяцев после взрыва в Зимнем дворце. Поколебавшись, Александр II утром 1 марта 1881 г. распорядился назначить на 4 марта совещание для обсуждения предложений Лорис-Меликова...

* * *

В первые недели после смерти Александра II вступивший на престол 36-летний сын царя, ставший Александром III, и весь сановный Петербург находились в состоянии растерянности, близком

к панике. Александр III боялся ездить по улицам своей столицы и старался не выходить из дворца. Зимний дворец окапывался траншеей в поисках минных подкопов, наподобие обнаруженному под Малой Садовой. Победоносцев направил новому императору письмо с советами лично проверять, не спрятался ли кто-нибудь за мебелью спальных и не перерезаны ли шнуры от сигнальных звонков.

Вновь назначенный глава столичной полиции генерал-майор Н. М. Баранов чрезмерным усердием усиливал тревожные слухи и общую неразбериху. Так, он приказал устроить заставы вокруг города, чем дезорганизовал подвоз продовольствия; попытался установить контроль за всеми приезжающими в Петербург по железной дороге — они должны были брать извозчиков только через посредство полиции. Периодически бестолково заседал так называемый «бараний парламент» — собранные со всех околотков Петербурга «выборные» от населения в помощь полиции. Баранов пугал царя и министров будто бы открытыми им приготовлениями к новым покушениям. 27 марта Александр III тайно уехал в Гатчину.

На новые покушения сил у Исполнительного комитета «Народной воли» не осталось. Тем не менее, пока правительство об этом не догадалось, было решено предъявить новому царю требования революционеров.

7 или 8 марта на одной из конспиративных квартир состоялось обсуждение этих требований. Л. Тихомиров предложил оформить их в виде письма Исполнительного комитета Александру III. 10 марта состоялось второе обсуждение; был одобрен окончательный текст, его тут же отнесли в типографию*.

Всего было три издания этого выдающегося документа общим тиражом 13 тысяч экземпляров, он широко распространялся. «Один экземпляр письма, — свидетельствует А. П. Прибылева-Корба, на квартире которой проходило первое обсуждение, — был особенно тщательно отпечатан на веленовой бумаге и вложен в конверт, на котором значились титул и имя Александра III. Письмо было опущено в почтовый ящик, находящийся у здания думы по Невскому».

В письме, выдержанном в корректном тоне, разъяснялось, что революционное движение в стране вызвано тяжелым положением народа и что подавить его силой невозможно. Если политика правительства не изменится, Россию ждет «страшный взрыв, кровавая перетасовка». Из нынешнего положения, говорилось далее, может быть только два выхода: или революция, «или добровольное обращение верховной власти к народу». «В интересах родной страны... Исполнительный комитет обращается к вашему величеству с советом избрать второй путь». Конкретно указывалось, что для этого необходимы общая амнистия по политическим делам и созыв народных представителей «для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями». Свобода выборов должна была обеспечиваться свободами печати, слова, сходок, избирательных программ. По выполнении этих условий «Народная воля» обязывалась прекратить террор и беспрекословно подчиниться любому решению народного собрания. «Исполнительный комитет сам прекратит свою деятельность, и организованные около него силы разойдутся для того, чтобы посвятить себя культурной работе на благо русского народа. Мирная, идейная борьба сменит насилие, которое противно нам бо-

* Полный текст «Письма» дан в приложении.

лее, чем вашим слугам, и которое практикуется нами только по печальной необходимости».

Четкая постановка политических требований, выдвижение их на первый план вызвало одобрение К. Маркса. В письме к Жени Лонге 11 апреля 1881 г. он так отозвался о народовольцах: «Это действительно дельные люди, без мелодраматической позы, простые, деловые, героические. Фразерство и дело — непримиримые противоположности. Петербургский исполнительный комитет, который действует так энергично, выпускает манифесты, написанные в исключительно „сдержанном тоне“. Его манера очень далека от... ребячливых крикунов, проповедующих цареубийство как „теорию“ и „панацею“...»*.

Письмо Исполнительного комитета Александру III произвело хорошее впечатление на образованное общество и в России, и в Европе. Но у «Народной воли» не было возможности подкрепить свои требования каким-либо действием. В прокламациях-обращениях к русским гражданам, к крестьянам и к рабочим, выпущенным в первых числах марта, объяснялись мотивы цареубийства, но не содержалось конкретных призывов к каким-либо немедленным революционным выступлениям. Рабочим и крестьянам давался всего лишь совет писать прошения «всем миром» новому царю с просьбами созвать выборных людей, уменьшить подати, прирезать земли и т. п. В народовольческих рабочих кружках недоумевали, почему сразу после 1 марта к ним не пришел никто из агентов Исполнительного комитета. Рабочий В. С. Панкратов, осужденный в 1884 г. на 20 лет каторги, вспоминал через 41 год — 1 марта 1922 г. — на заседании в Музее революции:

«Проходил день, другой, кружок народовольцев-рабочих был озабочен тем, что же ему делать? Первые дни после первого марта почему-то из руководителей-нелегалов никто не являлся. Прокламация, выпущенная Исполнительным комитетом «Народной воли», была получена рабочими группами только на третий день. Из нее нельзя было заключить, что же должны делать рабочие революционные кружки. Некоторые ожидали, что будет призыв к забастовкам и демонстрациям рабочих, чтобы поддержать требования партии «Народной воли». Особенно такое настроение наблюдалось в революционных кружках старого Арсенала, на заводе Голубева, за Невской заставой и на патронном заводе. Здесь некоторое время рабочие упорно ждали призыва. Они чувствовали, что им надо как-то отозваться на такое большое событие. Но, по привычке ждать распоряжения или указания сверху, сами они ничего не принимали, ни в чем не проявляли инициативы».

Убийство Александра II, конечно, взбудоражило деревню. Крестьяне действительно повсюду задавались вопросом: «Кто убил царя и за что его убили?» — в этом В. Фигнер не ошиблась. Во многих местах распространился слух, что царя убили дворяне-помещики, чтобы поставить нового царя и вернуть крепостное право. Кое-где произошли стихийные избиения тех, кто был одет в господское платье. Такие события произошли, например, на ярмарке в Весегонске и в селе Молохово Тверской губернии. Однако на более активные и тем более осмысленные и повсеместные действия российская деревня того времени оказалась неспособной.

Между тем растерянность, поразившая в первое время правящие верхи, довольно быстро прошла, тем более что полиции уда-

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 35, с. 147—148.

лось произвести ряд важных арестов. Сначала только захваченному на месте покушения 19-летнему Рысакову власти могли предъявить обвинение в убийстве Александра II. И. И. Гриневицкий, доставленный в госпиталь, лишь ненадолго пришел в себя, но на все вопросы отвечал: «Не знаю» — и умер несопознанным. Однако уже на второй день морально сломленный Рысаков стал давать подробные показания. Они позволили жандармам 3 марта захватить квартиру на Теложной улице, была арестована Г. М. Гельфман. Н. А. Саблин застрелился. В засаду попал Т. М. Михайлов. 10 марта на Невском проспекте была опознана и задержана С. Л. Перовская. 17 марта арестовали Н. И. Кибальчича.

Скружение нового царя опасалось покушения на него во время похорон Александра II. Из-за этого был отложен суд над перво-мартовцами. Но все прошло спокойно. Исполнительный комитет «Народной воли» ничем, кроме выпуска прокламации, не проявил себя ни во время казни своих товарищей, ни после нее. Это дало правительству основание сделать вывод о слабости революционеров.

Тем не менее Лорис-Меликов считал необходимым продолжить политику заигрывания с либералами и советовал Александру III привлечь общественных деятелей из земств и городов для обсуждения некоторых государственных вопросов, к чему склонялся перед смертью его отец. В течение марта—апреля в правительстве продолжалось противоборство двух группировок. «Одни стояли за решительную борьбу с либерализмом, другие — за уступки»*. В консервативном лагере наиболее активно действовал воспитатель Александра III, обер-прокурор Синода Победоносцев. Он пишет царю обширное письмо, в котором заклинает своего воспитанника держать твердый курс на безусловное сохранение самодержавия:

«Если будут Вам петь прежние песни сирены о том, что надо успокоиться, надо продолжать в либеральном направлении, надобно уступить так называемому общественному мнению, о, ради бога, не верьте, ваше величество, не слушайте. Это будет гибель, гибель России и Ваша: это ясно для меня, как день. Безопасность Ваша этим не оградится, а еще уменьшится. Безумные злодеи, погубившие родителя Вашего, не удовлетворятся никакой уступкой и только рассвирепеют. Их можно унять, злое семя можно вырвать только борьбой с ними не на живот, а на смерть, железом и кровью».

Победоносцев пугал Александра III призраком конституции и советовал убрать Лорис-Меликова. Царь ответил: «Благодарю от всей души за душевное письмо, которое я вполне разделяю».

В марте и апреле состоялось несколько совещаний с участием царя и без него. Лорис-Меликову и его сторонникам порой казалось, что их влияние одерживает верх, но на самом деле Александру III более импонировала линия обер-прокурора Синода. 29 апреля был опубликован составленный Победоносцевым манифест, где от имени царя провозглашалась незыблемость самодержавия:

«...Глас божий повелевает нам стоять бодро на деле правления в уповании на божественный промысел, с верою в силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поплзновений».

В тот же день Лорис-Меликов подал прошение об отставке. Ушли в отставку также А. А. Абаза и Д. А. Милютин. Наступало беспросветное время, вошедшее в историю под названием реакции

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 43.

1880-х годов — периода контрреформ, когда правящие верхи России попытались, во многом преуспев, взять назад то, что вынуждены были уступить в 1860-х гг.

Либералы горестно вздыхали и упрекали революционеров за убийство Александра II, говоря, что тем самым они будто бы пресекли путь, ведущий к конституции. Но та жалкая подкачка, которую Лорис-Меликов и Александр II, возможно, дали бы обществу, была очень далека от подлинной конституции; к тому же при изменившихся в пользу правительства обстоятельствах ее легко было взять обратно. Да и эта маленькая уступка, если б она состоялась, была бы вырвана не либералами, а самоотверженной борьбой народовольцев в обстановке растущего народного недовольства.

Историки спорят: какая сила более всего заставила правительство колебаться — массовое движение или борьба народовольцев? Пожалуй, наиболее правильный, взвешенный ответ дал профессор П. А. Зайончковский:

«Именно героическая борьба народников явилась *непосредственной* причиной, вызвавшей растерянность правительственных кругов. Однако нельзя забывать, что сама по себе борьба народников являлась лишь выражением настроений крестьянства; она как в фокусе отражала недовольство его существующим положением, стремление к ликвидации феодально-крепостнических пережитков. Политический кризис самодержавия не достиг бы такой глубины, если бы правительство не боялось соединения стихийной борьбы крестьянских масс с политической борьбой революционных народников. Именно в этом оно усматривало главную опасность, что и обуславливало его огромное внимание к крестьянскому вопросу».

Были ли вообще в 1881 г. какие-либо шансы на то, что борьба «Народной воли» увенчается успехом? Выше была обрисована обстановка в стране: напряженность в деревне и в обществе и на этом фоне террор народовольцев, их героическая схватка с самодержавием. В. И. Ленин определил состояние страны в это время (примерно 1879—1881 гг.) как период революционной ситуации*. Налицо имелись такие ее элементы, как ухудшение положения народных масс, нарастание борьбы революционеров и несомненное колебание правительства. Но не было главного — мощного массового движения народа, рабочих и крестьян, их отчаянного, неудержимого желания сбросить с себя ставший нестерпимым гнет. Некоторый рост числа волнений и стачек был явно недостаточен для перерастания революционной ситуации в революцию, хотя он вызывал опасения властей и сыграл роль существенного фактора, оказавшего давление на правительство. Но в целом, как писал В. И. Ленин, «только сила, способная на серьезную борьбу, могла бы добиться конституции, а этой силы не было: революционеры исчерпали себя 1-ым марта, в рабочем классе не было ни широкого движения, ни твердой организации, либеральное общество оказалось и на этот раз настолько еще политически неразвитым, что оно ограничилось и после убийства Александра II одними ходатайствами»**.

Народовольцы оказались на острие борьбы. Но, не понимая необходимости согласовывать восстание с объективно назревшим подъемом народного движения, не сумев наладить достаточные связи с народом и армией, они истощили свои силы в неравной схватке и в конце концов потерпели закономерное поражение.

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 219.

** Там же, т. 5, с. 44.

Но царизм и после 1 марта боялся роста крестьянского движения и его соединения с борьбой «Народной воли»; именно поэтому власти предприняли ряд профилактических мер по крестьянскому вопросу. Народовольцы не добились уступок от царизма в политической области, но их борьба имела по крайней мере косвенное влияние на уступки правительства крестьянам. Так, в дополнение к вынужденным мерам по некоторому облегчению положения крестьян, предпринятым Лорис-Мсликовым в 1880 г., в течение 1881 г. сначала (22 мая) власти разослали циркуляр, запрещавший «временно» продавать крестьянский скот за недоимки, а затем правительство сочло за благо вообще сложить с крестьян накопившиеся недоимки и запретило до 1 января 1882 г. принудительно взимать с них налоги. Были снижены, в среднем на 35%, выкупные платежи за помещичьи земли, отошедшие к крестьянам по реформе 1861 г. В декабре 1881 г. полтора миллиона бывших помещичьих крестьян, все еще остававшихся из-за нежелания помещиков лишиться прежних оброков на положении «временнообязанных», были в обязательном порядке освобождены от повинностей помещикам, переведены на выкуп земли.

«Народная воля» после 1 марта переживала тяжелое время. Показания, данные Рысаковым, позволили Департаменту полиции произвести аресты не только активных членов «Народной воли», но и многих рабочих, входивших в известные Рысакову кружки. Исполнительный комитет вынужден был по соображениям безопасности переехать в Москву, где действовала группа во главе с П. А. Теллаловым и М. Н. Ошаниной.

В Петербурге продолжали функционировать студенческие кружки, в меньшей мере пострадавшие от арестов. Мало затронутой арестами оказалась и центральная Военная организация. Активизировались военные кружки на юге России — там несколько месяцев после марта 1881 г. действовала В. Н. Фигнер.

С лета 1881 г. руководство «Народной воли» склоняется к подготовке заговора главным образом силами военных. Деятельность среди рабочих продолжалась, но в меньших масштабах сравнительно с домартовским периодом. Не имея возможности организовать новое покушение на царя, Исполнительный комитет все же смог осуществить в марте 1882 г. убийство военного прокурора генерала В. С. Стрельникова, имевшего особые полномочия для борьбы с революционным движением в южнороссийских губерниях. За этот акт заплатили жизнью С. Халтурин и Н. Желваков.

Силы «Народной воли» тяяли в неравной борьбе. Один за другим арестовывались члены Исполнительного комитета: П. А. Теллалов (декабрь 1881 г.), А. П. Корба, М. Ф. Грачевский, А. В. Буцевич (июнь 1882 г.). К лету 1882 г. уехали за границу М. Н. Ошанина и Л. А. Тихомиров. Из старого, «домартовского» Исполнительного комитета в России осталась одна В. Н. Фигнер. Она ввела в Исполнительный комитет несколько новых членов, пыталась восстанавливать и собирать силы. Но Исполнительный комитет уже не был таким авторитетным организующим и руководящим общероссийским центром, как раньше. Народовольческое движение распалось на отдельные кружки. Жандармы продолжали собирать обильную жатву.

Но правительство все же опасалось «Народной воли». Коронация Александра III в Москве второй год откладывалась из-за боязни покушения. Директор Департамента полиции В. К. Плеве через арестованных народовольцев зондировал почву: на каких условиях

Исполнительный комитет согласился бы не возобновлять террор на время коронации? В это время сильнейший удар по «Народной воле» был нанесен предательством С. П. Дегаева, кооптированного в члены Исполнительного комитета по рекомендации В. Фигнер. Дегаев выдал Военную организацию и раскрыл перед властями действительное незавидное положение всей народовольческой партии. С помощью Дегаева 10 февраля 1883 г. была арестована В. Н. Фигнер.

Последующие попытки восстановить «Народную волю» связаны с возникшей зимой 1883/84 г. «Молодой партией Народной воли» и с деятельностью Г. А. Лопатина, пытавшегося воссоздать старый народовольческий центр. Но арест в октябре 1884 г. Лопатина с находившимися при нем списками революционеров пресек деятельность и «старых», и «молодых» народovolьцев. Затем попытка восстановить «Народную волю» была предпринята в 1885 г. на юге, но арест новых инициаторов — Б. Д. Оржиха и В. Г. Богораза — положил ей конец. В дальнейшем, в 80—90-х гг., существовали только отдельные кружки и группы народовольческого направления.

Былому расцвету «Народной воли» препятствовал и новый идейный кризис народничества, возникший на этот раз в связи с появлением первых социал-демократических групп и распространением марксизма. Воспоминания об этом периоде помещены в томе «От народничества — к марксизму» (Л., 1987).

Нередко задают вопрос: существовала ли во времена «Народной воли» реальная возможность какого-либо иного метода борьбы, кроме индивидуального террора? Довольно широко распространено мнение, что у революционеров конца 70-х гг. XIX в. была лишь одна альтернатива — либо террор, либо прозябание в деревенских поселениях. Однако вспомним: составители программы «Народной воли» не замыкались на одном терроре. Отвергнув террористические крайности Н. Морозова, О. Любатович и Г. Гольденберга, они провозгласили широкие планы деятельности среди молодежи, рабочих, военных, стремясь объединить вокруг себя всех недовольных самодержавным деспотизмом. Можно предположить: если бы Исполнительный комитет не поставил первоочередной целью убийство Александра II, то «Народная воля», скорее всего, сохранила бы в основном свои руководящие кадры и больше преуспела бы на организационно-пропагандистском поприще.

В. И. Ленин точно определил причину преобладания террористических настроений у народovolьцев. «Террор, — писал он, — был результатом — а также симптомом и спутником — неверия в восстание, отсутствия условий для восстания»*. Но отсутствие условий для восстания не означает, что революционерам остается заниматься только террором.

Правда, не все так просто. Мы сейчас знаем, что народные движения имеют свои приливы и отливы и что периоды затишья следует использовать для накопления сил к началу революционного подъема, зависящего от многих объективных и субъективных факторов. Догадывались об этом и некоторые революционеры 1870-х гг., например П. Л. Лавров. Но революционеры «Народной воли» не восприняли его взглядов. Раньше или позже они все равно прибегли бы к террору, потому что испытывали разочарование в революционных возможностях крестьянства, не считали необходимым ждать его стихийного подъема, а до тех пор по мере сил

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 180.

подготавливать его, переоценивали возможности революционной интеллигенции, не видели другого способа, кроме террора, добыть политическую свободу.

Первая народная революция в России наступила через четверть века после образования «Народной воли» — в 1905 г. Если б какой-нибудь провидец в 1880 г. дал такой прогноз, то можно с уверенностью сказать, что товарищам Желябова и ему самому этот срок показался бы слишком долгим. Они были уврены, что идут по более короткому пути к свободе — через террор и заговор. Это оказалось иллюзией. История освободительных движений неоднократно доказывала, что освобождение народа прочно и необратимо только тогда, когда в борьбу вовлекаются народные массы, причем участвуют в ней сознательно.

Нам, однако, легко судить об этом. Но революционеры семидесятых годов прошлого века шли неизведанной дорогой. Они уже испробовали «хождение в народ» и поселения в народе. Оставался террор, заманчиво сулящий близкую победу относительно малой кровью, без дремлющего пока народа, но, разумеется, во имя блага народа. Это была ошибка, но ошибка исторически обусловленная и исторически объяснимая. К ней привела логика конкретной революционной борьбы, поиски выхода из кризиса. Террор еще не был испытан — уже одно это являлось трудно отразимым доводом в пользу того, что его следует испытать.

Маркс и Энгельс полагали, что Россия находится накануне всеобщего крестьянского восстания, и в этой связи народовольческий террор казался им фактором, могущим вызвать революционный взрыв. Они видели в нем фитиль, поднесенный к пороховой бочке. Но такая оценка народовольческого террора основывалась на неполных данных о положении в России. (Подробнее см. примеч. 33 к воспоминаниям В. Н. Фигнер.)

Народовольческий террор породил самоотверженных героев, вступивших в отчаянную схватку с царизмом, который оказался вынужденным мобилизовать весь карательный аппарат, а с другой стороны — прибегнуть к политическим маневрам. На большее, однако, сил у «Народной воли» не хватило, да и не могло хватить. Террор, вопреки ожиданиям, не побуждал массы и общество вступить в борьбу; напротив — приучал их к пассивному ожиданию результатов единоборства революционеров с правительством. Передовая статья в январском номере «Народной воли» за 1880 г. была тревогу по этому поводу:

«...Партии необходима общая активная поддержка и обильный приток сил, необходимо движение *общее*. А у нас не только общество и народ остаются праздными зрителями борьбы, но даже сами социалисты часто склонны взваливать этот страшный поединок на плечи одного Исполнительного комитета».

В. И. Ленин назвал попытку народовольцев захватить власть посредством террора «величественной», но в итоге террор завел народовольцев в тупик — «революционеры исчерпали себя 1-ым марта» *

В настоящее время в целом ряде капиталистических стран экстремистски настроенные элементы сделали террор основным методом своих действий. Некоторые западные публицисты указывают на «Народную волю» как на родоначальницу современного терроризма, а организации типа «Красных бригад» в Италии «Action

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 173; т. 5, с. 44.

direct» («Прямое действие») во Франции объявляют последователями народовольцев. Такие сопоставления антиисторичны.

«Народная воля» действовала при отсутствии массового движения; этим ее индивидуальный террор в какой-то степени имеет историческое оправдание. Сейчас в капиталистических странах существует массовое рабочее и крестьянское движение — террор ему только мешает.

«Народная воля» действовала в стране, где отсутствовали какие-либо политические свободы, и это морально оправдывало террористические акты. Члены Исполнительного комитета неоднократно заявляли, что немедленно прекратят террор, как только в России будет конституция. Отношение «Народной воли» к террору, практикуемому в демократической стране, четко выражено в заявлении Исполнительного комитета в № 6 «Народной воли» (от 23 октября 1881 г.) по поводу убийства президента США Д. А. Гарфильда. В нем говорилось:

«Выражая американскому народу глубокое соболезнование по случаю смерти президента Джемса Авраама Гарфильда, Исполнительный комитет считает долгом заявить от имени русских революционеров свой протест против насильственных действий, подобных покушению Гито. В стране, где свобода личности дает возможность честной идейной борьбы, где свободная народная воля определяет не только закон, но и личность правителей,— в такой стране политическое убийство как средство борьбы — есть проявление того же духа деспотизма, уничтожение которого в России мы ставим своею задачею. Деспотизм личности и деспотизм партии одинаково предосудительны, и насилие имеет оправдание только тогда, когда оно направляется против насилия».

В отличие от народовольцев, современные террористы действуют, как правило, в демократических странах, и к ним полностью относятся слова осуждения из заявления Исполнительного комитета.

Наконец, народовольческий террор был точно нацелен на конкретных представителей деспотической власти, при этом народовольцы стремились по возможности избегать ненужных, случайных жертв. Современный террор зачастую направлен не против хорошо охраняемых политических деятелей, а против беззащитного населения — таким отвратительным способом некоторые террористические группы пытаются дестабилизировать обстановку в той или иной стране.

Индивидуальный террор не был взят на вооружение следующим поколением борцов за свободу России — пролетарскими революционерами, хотя они также действовали в условиях деспотизма. Но они унаследовали от деятелей «Народной воли» возрожденную имп традицию политической борьбы, героизм, преданность интересам народа, революционную энергию, навыки организации, дисциплины и конспирации. А народовольческий террор послужил для них тем отрицательным историческим опытом, бесперспективность которого следовало учесть.

* * *

70-е и 80-е гг. XIX в. оставили последующему революционному движению не только наследство «Народной воли». Имелся еще не столь яркий и известный, но тем не менее исторически значимый опыт «Черного передела».

«Черному переделу» не повезло ни в жизни, ни в истории. Возникший в противовес «Народной воле», он с самого начала пребы-

вал в тени всероссийской и даже европейской славы Исполнительного комитета, громко заявлявшего о себе взрывами то царского поезда, то дворца, то, наконец, кареты. Не избалован «Черный передел», в отличие от «Народной воли», и вниманием историков. В 1920-е гг. отдельные стороны его деятельности занимались главным образом Н. Л. Сергиевский, В. И. Невский и И. А. Теодорович. В послевоенное время появились обстоятельные статьи Ш. М. Левина и Е. Р. Ольховского; небольшой обобщающий очерк о «Черном переделе» имеется в коллективном труде «Россия в революционной ситуации на рубеже 1870—1880-х годов» (автор очерка В. А. Твардовская). Главу о взаимоотношениях «Народной воли» и «Черного передела» посвятил в своей книге о «Народной воле» С. С. Волк. В остальных случаях о «Черном переделе» упоминается более или менее вскользь в связи с другими сюжетами. Книги о «Черном переделе» до сих пор нет, хотя, на наш взгляд, эта революционная организация заслуживает специального монографического исследования.

При разделе имущества «Земли и воли» народовольцы получили действующую землевольческую типографию (поскольку к ним пришло большинство), тогда как чернопередельцы только типографские принадлежности, купленные ранее «про запас», — их еще надо было перевезти из Смоленска, где они хранились. Поэтому печатно заявить о себе чернопередельцам пришлось, прибегнув к помощи своих бывших соратников по «Земле и воле». В первом номере газеты «Народная воля», вышедшем в начале октября 1879 г., было помещено «Объявление об издании газеты „Черный передел“». В нем кратко сообщалось о возникшей внутри «Земли и воли» «дифференциации» во взглядах на революционную деятельность и выражалась полная солидарность с прежним землевольческим народническим направлением. Свои намерения редакторы будущего печатного органа сформулировали в следующем тезисе: «Дальнейшее развитие этих (т. е. землевольческих. — Сост.) взглядов, определение задач партии в народе и *предостережение ее от излишнего увлечения задачами чисто политического характера*, могущего отвлечь партию от *единственно возможного для нее пути — агитации на почве требований народа*, выражаемых лозунгом „Земля и воля“» (выделено нами — Сост.).

Однако с газетой чернопередельцам не повезло. К январю 1880 г. народовольцы выпустили уже три номера «Народной воли», а в наконец-то налаженной (в ноябре 1879 г.) типографии на 14-й линии Васильевского острова только приступили к печатанию первого номера «Черного передела». Успели отпечатать более трех тысяч экземпляров, но в ночь с 28 на 29 января 1880 г. произошел провал: полиция открыла местонахождение типографии. Был захвачен готовый тираж, типографские принадлежности, арестованы работники типографии.

Первый номер «Черного передела» был заново отпечатан только летом 1880 г. за границей. Там же в сентябре был издан и второй номер. Программные статьи, помещенные в этих двух номерах, позволяют более подробно познакомиться с развитием взглядов чернопередельцев.

Первый номер открывался передовой статьей, написанной Г. В. Плехановым. Она так и называлась — «Черный передел». В духе народнической доктрины прошедшего десятилетия в статье утверждалось, что начинать надо не с политической борьбы, а с экономической земельной революции, которая «неизбежно поведет за

собою переворот во всех других общественных отношениях». Социально-революционная партия, говорилось в статье, должна побудить народ перейти от пассивного ожидания земельного передела сверху, по манию царя, к активному требованию земли и воли.

Во втором номере «Черного передела» со всей определенностью вповь заявлялось, что революционеры должны сосредоточить свои главные силы в деревне. Их задачей является возможно большее расширение районов народных волнений и внесение сознательности в стихийное крестьянское движение. Самых сознательных крестьян рекомендовалось объединять в народно-революционные организации. Деятельность среди рабочих представлялась только «необходимым дополнением к революционной деятельности в деревне».

14 марта 1881 г. «Черный передел» выпустил прокламацию, в которой приветствовал убийство Александра II, но в ней не было, как в аналогичной прокламации «От Исполнительного комитета», угрозы повторения террористических актов. Вместо этого был призыв к крестьянам и рабочим посылать ходоков друг к другу, объединяться, силой брать землю, не платить податей, не давать рекрутов.

В апреле того же года появился еще один программный документ «Черного передела» под названием «Программа народной партии». Как бы в противопоставление «Народной воле», только что пережившей свой триумф после казни Александра II, в чернопередельческой программе говорилось, что «народная партия должна составлять не внешнюю силу, на которую народ перенес бы свои упования, она должна срастись с народом, сделаться его частью». Такая партия должна состоять в большинстве из самих крестьян и рабочих, причем кадровых промышленных рабочих программа характеризовала как «весьма серьезную силу». В этом видно определенное изменение взгляда чернопередельцев на роль рабочих в революционном движении.

В отличие от народовольческой «Подготовительной работы партии», где говорилось о том, что «партия должна иметь силы *создать сама себе благоприятный момент действия*, начать дело и довести его до конца», в чернопередельческой программе высказывалось иное мнение: «Момент осуществления народных идеалов путем народной революции находится *вне прямой зависимости от желаний партии*» (выделено нами. — *Сост.*). Как видим, «Черный передел» твердо придерживался основополагающего народнического принципа — не только все для народа, но обязательно посредством народа.

Вместе с тем обстановка политического гнета, бесправия, полицейских репрессий, ожесточенная борьба «Народной воли» с самодержавием не могли не оказать влияния на чернопередельцев. Вслед за народовольцами они тоже эволюционировали в сторону признания важности борьбы за политические свободы. Г. В. Плеханов писал Лаврову в октябре 1881 г.: «История хватает за шиворот и толкает на путь политической борьбы даже тех, кто еще недавно был принципиальным противником последней».

Во втором номере «Черного передела» признавалась, правда с существенной оговоркой, необходимость непосредственной борьбы с представителями государственной власти, «т. е. необходимость так называемого террора политического». Оговорка состояла в предупреждении не сосредоточивать на этой борьбе главные силы партии, поскольку это вошло бы в противоречие с основной задачей — подготовкой социальной аграрной революции. «Программа народной партии» уже конкретно перечисляла политические требования: лич-

ная неприкосновенность, свобода совести, слова, печати, собраний, союзов и др. «Народная воля» первая поняла значение этих свобод для борьбы за социализм, но зато чернопередельцы понимали политическую борьбу шире, чем многие народовольцы, они не сводили ее к одному террору и узкому заговору. В «Программе народной партии» политические требования выставлялись как повод «к массовой агитации». «Черный передел», таким образом, делал шаг к соединению политической борьбы с массовым движением. Через несколько лет Плеханов, став марксистом, теоретически обоснует необходимость такого соединения, а практически первым его осуществит ленинский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

В деятельности петербургской чернопередельческой организации различают два периода: с осени 1879 г. по январь 1880 г. и с февраля 1880 г. по конец 1881 г.

Сразу после разделения «Земли и воли» на две «партии» к «Черному переделу» примкнуло 24 человека. Наиболее известные среди них — Г. В. Плеханов, О. В. Аптекман, В. И. Засулич, М. Р. Попов, Л. Н. Гартман, П. Б. Аксельрод, Я. В. Стефанович, Л. Г. Дейч, Г. М. Тищенко, Е. Н. Ковальская.

Как и народовольцы, чернопередельцы стремились увеличить свою численность прежде всего за счет студенчества; между ними шла настоящая борьба за молодежь. Известны факты активной пропаганды чернопередельцев среди студентов Технологического института, Медико-хирургической академии, университета, на Высших женских курсах и др. К чернопередельцам примкнул образовавшийся в первой половине 1879 г. кружок «молодых землевольцев».

В соответствии с программными установками члены «Черного передела» попытались установить связи в крестьянстве. Уже говорилось, что Я. В. Стефанович строил планы вновь заняться организацией восстания крестьян в Чигиринском уезде Киевской губернии. Но разведка, произведенная М. Р. Поповым и Н. Н. Петровым, показала, что это придется «временно» отложить. В дальнейшем деятельность чернопередельцев среди крестьян ограничивалась легучим распространением прокламаций. Постоянную пропаганду в деревне вели только некоторые чернопередельцы-одиночки.

Практически вся пропаганда «Черного передела» вне интеллигентской среды сосредоточилась в рабочих кварталах Петербурга и некоторых других городов. Здесь они часто встречались с пропагандистами из «Народной воли». Не вступая, как правило, при рабочих в идейную полемику, и народовольцы, и чернопередельцы, разумеется, старались проводить свою линию: народовольцы делали упор на поддержку рабочими в нужный момент решающих террористических актов, чернопередельцы больше говорили об организации народных сил в городе и деревне, о выработке из крестьян и рабочих сознательных социалистов. Но были и общие темы — например показ механизма эксплуатации, борьба с царистскими иллюзиями.

Наладившаяся было организационная, пропагандистская и литературная деятельность «Черного передела» была прервана в начале 1880 г. провалом типографии, арестами ряда видных членов и вынужденным отъездом за границу Г. В. Плеханова, Л. Г. Дейча, В. И. Засулич и Я. В. Стефановича.

Все же в Петербурге и на периферии осталось достаточно чернопередельческих сил, чтобы через непродолжительное время восстановить организацию, но это была уже деятельность чернопередельцев так называемого «второго призыва». По подсчетам Е. Р. Ольховского в петербургском чернопередельческом кружке в феврале—

марте 1880 г. действовало около сорока человек. Наиболее влиятельными среди них были А. П. Буланов, П. Б. Аксельрод и М. К. Решко. Петербургские чернопеределцы поддерживали довольно тесную связь с уехавшими за границу, сообщали им о своих делах, согласовывали программные документы.

Конечно, прежде всего им хотелось восстановить типографию. В Петербурге сделать это не удалось; некоторое время обходились гектографами. Новая типография «Черного передела» заработала только в конце 1880 или даже в начале 1881 г., в Минске. В ней, в частности, были напечатаны № 3, 4 и 5 газеты «Черный передел».

Довольно успешно чернопеределцами «второго призыва» была продолжена деятельность среди рабочих. В октябре 1881 г. П. Б. Аксельрод сообщал П. Л. Лаврову: «У питерских чернопеределцев хорошо организованы 150 рабочих». Тома следственных дел содрогат целый ряд фамилий пропагандистов-чернопеределцев и затронутых их пропагандой рабочих, называют многие фабрики и заводы Петербурга, где были раскрыты рабочие кружки. Историки теперь устанавливают их чернопеределческий или народовольческий характер, но в то же время отмечают нередкие факты совместной деятельности представителей двух народнических «партий». Бывало, что чернопеределцы использовали для пропаганды народовольческую литературу и наоборот, но, конечно, только в том случае, если она не имела ярко выраженного политического или, напротив, анархического характера. Так, независимо от фракционной принадлежности читались рабочим народовольческая «Рабочая газета» и выпускавшийся в виде приложения к «Черному переделу» рабочий листок «Зерно». Он с третьего номера также печатался в минской типографии; всего вышло шесть номеров тиражом от тысячи до полутора тысяч экземпляров. По мере эволюции «Черного передела» к признанию необходимости политической борьбы сглаживались разногласия между ним и «Народной волей» на почве практической пропаганды среди рабочих. Народовольцы и чернопеределцы, случалось, оказывали друг другу взаимнообразно финансовую помощь или какие-либо другие услуги.

Чернопеределцы вели пропаганду также и среди военных. Еще в конце 1879 г. существовал военный кружок чернопеределческого направления в Морском училище. Чернопеределцы «второго призыва» укрепили связи с офицерами Кронштадта и Гельсингфорса. В отличие от народовольцев они обращали внимание на пропаганду не только среди офицеров, но и среди матросов. Е. П. Серебряков сообщает, что офицеры, примыкавшие к «Черному переделу», «организовали на переделческой программе от 80 до 100 матросов». Есть и другие свидетельства о пропаганде чернопеределцев среди «нижних чинов». Но «Черный передел» не имел специальной централизованной военной организации, тем более такой разветвленной, как у «Народной воли».

Вообще чернопеределцы не признавали централизм и строгого подчинения какому-либо руководящему органу, наподобие народовольческого Исполнительного комитета. У них не было строгих правил приема новых членов. Кроме Петербурга кружки чернопеределческого направления существовали в Москве, Харькове, Казани, Киеве, Одессе, Минске, Гельсингфорсе. Отношения между ними и петербургским чернопеределческим кружком строились на началах федерализма, при полном признании самостоятельности каждого в своих делах. В некоторых случаях это отрицательно сказывалось на революционной работе.

Тем не менее определенный авторитет и влияние на местные кружки у петербургского кружка были, особенно в первый период его деятельности. Но провал минской типографии в декабре 1881 г. и новые аресты положили конец «Черному переделу» как более или менее целостной организации.

Независимо от этого заграничные чернопередельцы во главе с Плехановым постепенно, начиная с 1882 г., эволюционировали к марксизму. В 1883 г. они открыто порвали с народничеством и образовали известную группу «Освобождение труда», занявшуюся идейной борьбой со всеми разновидностями народничества и пропагандой марксизма в России.

Часть чернопередельцев перешла на позиции либерального народничества, занялась не революционной, а культурно-просветительной деятельностью.

Довольно много чернопередельцев примкнуло к «Народной воле». Идейное сближение в вопросе политической борьбы, обоюдное внимание к рабочим на народнической основе и необходимость сплочения революционных сил, особенно в период наступления реакции после 1 марта 1881 г., было основой взаимного стремления к более тесному взаимодействию и даже слиянию. Вернее, речь шла о присоединении ряда чернопередельческих кружков и отдельных чернопередельцев к «Народной воле».

Ослабленная «Народная воля» была заинтересована в притоке дополнительных кадров. Переговоры об объединении велись как с заграничными чернопередельцами, так и с теми, кто действовал в России. Г. В. Плеханов вел эти переговоры с большой долей скептицизма, но и с некоторой надеждой на то, что на почве определенного интереса народовольцев к рабочим их можно будет убедить в необходимости образования в России особой рабочей партии, а отсюда как будто бы было недалеко до обращения народовольцев в социал-демократов. Но эти расчеты оказались ошибочными, соглашение не состоялось, хотя В. И. Засулич и Л. Г. Дейч очень его хотели.

Из заграничной чернопередельческой группы вернулся в Россию и примкнул к «Народной воле» в конце 1881 г. один Я. В. Стефанович. Под его влиянием к «Народной воле» присоединились группы чернопередельцев в Петербурге, Москве, некоторых других городах, но присоединились они не столько на идейной, сколько на практической почве, объединяя усилия главным образом для пропаганды среди рабочих.

Однако «Народная воля» не поглотила все чернопередельческое народничество в России. На протяжении 1880-х гг. оставалось еще довольно много революционеров, входивших уже не столько в чернопередельческие кружки, сколько просто в «ненародовольческие». Деятельность такого рода кружков прослеживается в Петербурге до 1885 г., в Москве до 1887 г., в Харькове и Казани до 1889 г.

Сравнительно с «Народной волей» «Черный передел» пользовался намного меньшей популярностью среди демократической молодежи 1880-х гг., в его активе нет громких дел, он не создал централизованную всероссийскую организацию. Тем не менее его роль в революционном движении не следует и преуменьшать. Главное — «Черный передел» не дал прерваться важнейшей традиции российского революционного движения, идущей от Герцена и Чернышевского и провозгласившей незыблемый постулат: освобождение народа только посредством самого народа. И совсем не случайно, что именно из «Черного передела» вышли первые русские марксисты,

«Нам выпало счастье — все лучшие силы в борьбе за свободу всецело отдать» — эти строки из тюремного стихотворения В. Фигнера равно относим и к народовольцам, и к чернопередельцам. В томе представлены воспоминания тех и других.

Первые два автора — М. Фроленко и О. Аптекман — рассказывают о расколе «Земли и воли»: первый — с позиций народовольца, второй освещает те же события в восприятии чернопередельца.

Ставшие классическими воспоминания В. Фигнера — самые обширные в сборнике. Они позволят читателю познакомиться с основными вехами борьбы «Народной воли» с августа 1879 г. по конец 1881 г.

Далее идут воспоминания о «Черном переделе» (Р. Плехановой) и два воспоминания о становлении подпольных типографий двух образовавшихся на месте «Земли и воли» организаций.

Следующие три воспоминания посвящены отдельным сторонам деятельности «Народной воли» — среди военных (Е. Серебряков), рабочих (Н. Салова), студентов (К. Загорский).

Имя Н. В. Клеточникова известно каждому интересующемуся историей «Народной воли». Но воспоминания А. Прибылевой-Корбы, вероятно, добавят новые штрихи к его портрету.

Очерк Л. Тихомирова о С. Халтурине и воспоминания А. Тыркова описывают подготовку покушений на Александра II.

Далее снова О. Аптекман и О. Буланова-Трубникова возвращают читателя к малоизвестной истории «Черного передела».

Мемуарная литература о пребывании революционеров в тюрьмах и на каторге очень обширна. Но объем сборника позволил нам дать лишь одно воспоминание такого рода — М. Тригоны.

Заключает том отрывок из воспоминаний Г. Плеханова.

Хронологические рамки данного сборника воспоминаний невелики — всего три с половиною года. Но это — период революционной ситуации, время особого накала революционной борьбы. Наконец, это последние годы безраздельного господства народничества внутри разnochинского периода освободительного движения в России. Пройдет еще год-два — и ему придется потесниться: на историческую арену вступит молодая российская социал-демократия, вооруженная теорией марксизма.

Но жертвы революционеров-народников были не напрасны, «несомненно, они способствовали — прямо или косвенно — последующему революционному воспитанию русского народа»*.

*В. Н. Гинев,
А. Н. Цамутали*

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 315.

М. Ф. Фроленко

ЛИПЕЦКИЙ И ВОРОНЕЖСКИЙ СЪЕЗДЫ

Мысль о созыве Липецкого и Воронежского (1879 г.) съездов возникла и осуществилась, насколько это 'я себе представляю теперь, при следующих обстоятельствах.

В начале 1879 года являются в Петербург сначала А. В. Соловьев, потом Гольденберг и поднимают вопрос об убийстве Александра II, предлагая себя в исполнители¹.

Действующей и главенствующей партией на Севере в то время была партия «Земля и воля». К ее-то членам, бывшим в Петербурге, и обратились Гольденберг и Соловьев, прося лишь содействия. Начались по этому поводу совещания, на которых вопрос о цареубийстве поднял сначала целую бурю. Противники в пылу горячего спора доходили даже до взаимных угроз, что отлично изобразил М. Р. Попов в своей статье «Накануне Воронежского съезда»², но в конце концов пришли все-таки к соглашению настолько, что несогласные, как признавался мне один из них, сами же потом оказывали на деле косвенно содействие замыслу.

Соловьев заявил, что в крайнем случае он совершит акт и без одобрения его партией и без ее помощи. Всю ответственность он, следовательно, брал на себя, — партия оставалась как бы в стороне. Гольденберг к этому времени окончательно отстранился, уступив Соловьеву совершать покушение единолично. Все это и заставило всех отчасти примириться с надвигающимся событием. Споры прекратились, и всякий, кто мог, стал оказывать Соловьеву содействие.

Так было до покушения.

Но вот совершается покушение. Происходит неудача. Как быть дальше? Оставить ли это дело и вернуться к прежним делам или же докончить то, что было начато?

Члены партии «Земля и воля», стоявшие и раньше за соловьевское предприятие, теперь и подавно находили обязательно нужным довести дело до конца, так как наступившая реакция, по их мнению, настоятельно этого требовала.

Совершенно иначе посмотрели на это возражавшие раньше. В реакции они увидели подтверждение своих опасений, и к тому же, если соловьевское дело еще можно было объяснить как личное предприятие, то ничем подобным нельзя будет отговориться, раз дело поведут члены партии за ее счет и от ее имени. Споры поднялись снова. Товарищеские, даже дружеские отношения мало помогали прийти к соглашению, а потому решили созвать общий съезд членов общества «Земля и воля» и отдать этот вопрос на его рассмотрение³. Это было тем более необходимо, что в спорах, при более подробном и всестороннем рассмотрении вопроса, для всех ясней и ясней становилось, что тут дело идет уже не об единичном факте, не об одном Александре II, а намечается целое новое направление, могущее передвинуть центр деятельности землевольцев вместо деревни в города, а это уж касалось всей программы, и отдельная группа не имела никакого права вносить подобные изменения. Это мог сделать только общий съезд. Его и устроили, поручив некоторым подыскать место и собрать всех к известному сроку, ставя условием, чтобы место сбора находилось вблизи деревенских поселений, дабы деревенским деятелям удобней было отлучиться на короткое время. Таким местом мог быть Тамбов или Воронеж. Тамбов скоро оказался неудобным, и поэтому остановились на Воронеже. Воронеж представлял то удобство, что туда много приезжало богомольцев. В нем, как известно, находится знаменитый Митрофаньевский монастырь, и приезд нескольких лишних десятков людей никого не мог удивить.

До того времени я проживал в Одессе и в Харькове, но когда зашла речь о съезде, меня вызвали в Петербург*.

* Я жил в Одессе. На моих глазах начались высылки и даже казни не только революционеров, но и обывателей, мало-мальски

К моему приезду вопрос об общем съезде, насколько помню, был уже решен, и среди тех, кто стоял за продолжение дела Соловьева, шли речи о том, как использовать съезд, как склонить его на сторону новых предприятий террористического характера.

Необходимо оговорить, что новаторы не хотели ставить вопрос об изменении программы, а только стремились добиться разрешения продолжать дело Соловьева и получить большую свободу действий, большую самостоятельность в ведении подобных дел. Кроме того, террористам необходимо было подсчитать свои силы, столковаться, спеться самим, чтобы дружнее действовать на общем съезде. Для этого требовалось собрать, стянуть в один пункт из разных мест всех, на кого можно было положиться, что они пристанут, не считая тех, кто раньше выражал уже согласие. Таким пунктом выбрали Липецк — по двум причинам. Во-первых, это близко от Воронежа. Находясь в нем, легко было следить за сборами на общий съезд и сейчас же можно было переехать туда, чтобы не заставляя себя ждать. Во-вторых, Липецк — лечебный курорт. В нем есть железный источник, открытый еще Петром I. На лето туда приезжают больные, и потому проезд новых людей там не диво, что и подтвердилось на деле: съезд прошел незамеченным. Так как мне приходилось больше вращаться на Юге (в Киеве, Одессе, Харькове, Орле), то ко мне обратились с вопросом, кого можно бы пригласить с Юга, и поручили потом собирать их. Перебирая южан, я упомянул и про Желябова.

— Да ведь он же завязтый народник⁴, — возразил кто-то, — их целая компания после «большого процесса» (процесс 193-х) решила поселиться в деревнях, и он первый отправился к себе на родину, в деревню.

— Все это так, Желябов действительно жил прошлое лето в деревне, но зиму он провел в Одессе, и сейчас не слышно, чтобы он собирался снова в деревню, — ответил я и при этом рассказал, что заставляет меня

известных жандармам за либералов: думских чиновников, литераторов, студентов, железнодорожников. Эти высылки особенно взволновали публику, и обыватель стал требовать убийства царя. Мы же, т. е. одесские революционеры, в это время занялись почти подготовкой убийства одесского генерал-губернатора Тотлебсна, но, услышав требование обывателя, решили, чтобы я поехал в Питер и там посоветовался с центром «Земли и воли». Вот как было дело. Таким образом, меня никто не вызывал. (Прим. 1930 г.)

предлагать Желябова и почему в нем и его согласии нельзя сомневаться.

Когда существовала группа киевских бунтарей, или вспышкопускателей, как их иронически называли на Юге, я принадлежал к ее членам⁵. Желябов и его компания относились весьма отрицательно ко многим членам этой группы, перенося такое отношение и на ее программу. Однако это не мешало его личному знакомству с некоторыми членами нашего кружка. Мне с некоторыми бунтарями приходилось не раз бывать у него на квартире, когда он жил в Одессе, и вести с ним мирные беседы. Программных споров мы избегали, и разговор велся на обычные темы. Желябов, как человек живой, разговорчивый, любил попеть, особенно в компании, любил и порассказать. Мне в особенности хорошо запомнились его рассказы про студенческие похождения, как он вел постоянную войну и вступал в схватки то с полицией, то с уличными забияками, то, наконец, в бытность уже в деревне, с быком, которого все боялись и который никому не давал спуска. Желябов с вилами в руках пошел один на этого быка и обратил его в бегство, к удивлению всей деревни.

«Да он больше бунтарь, чем мы», — само собой напрашивалась мысль во время его повествований, и я не раз высказывал это вслух, когда мы уходили от него. Но приглашать его к нам в то время было уже поздно. Наша компания рушилась, — и Желябов, таким образом, остался неиспользованным.

А между тем нужно было только раз увидеть и услышать, с каким жаром и увлечением он рассказывает о своих похождениях, сопровождая слова жестами, чтобы сразу признать в нем чисто бунтарскую натуру.

Когда я рассказал все это петербургским товарищам, то мне поручено было поговорить с ним, и если он изъявит согласие на принятие участия в покушениях против Александра II, то пригласить его в Липецк.

Наряду с этим мне поручено было заехать к Баранникову и к Марье Николаевне Оловенниковой. Они обвенчались, жили в то время в имении матери Марьи Николаевны в Орловской губернии. Поселясь в деревне, Марья Николаевна имела в виду завести знакомства, устроить связи и с этой целью по приезде сделала с Баранниковым (фиктивная его фамилия была Кошурников) визиты соседям, а в том числе и исправнику. В ответ к ним явился один лишь близкий родственник, и

только. На вторичный брак Марьи Николаевны, видимо, посмотрели косо, тем более что у Баранникова был хоть и настоящий паспорт, но паспорт студента со второго лишь курса Петровской академии, да еще из бывших семинаристов. Таким путем очутились они в одиночестве. Хозяйство не интересовало Баранниковых. Попробовал он охотиться или, лучше сказать, попусту стрелять в своем же небольшом лесу, но получил от исправника напоминание, что охота в это время не дозволена. Никаких других дел у них в деревне не было; скука одолевать их стала страшная, и потому приглашение в Липецк было принято ими, как избавление от татарского ига. Баранников, как человек военный (он учился в Павловском училище) и как прямая, боевая натура, любящая встречать врага лицом к лицу, не допуская подходов, конспирации, неспособный на пропаганду по своей нелюбви много говорить, сразу согласился на принятие участия в боевых нападениях. Для этого он был отлично приспособлен: хладнокровный, физически очень сильный, ловкий, храбрый. Марью же Николаевну больше соблазняла мысль о возможности организации, об устройстве чего-то вроде французских салонов, клубов, где она бы могла играть роль.

В душе она была централистка, и хотя она близко стояла к обществу «Земля и воля», но это только потому, что не было в России деятельной группы централистов⁶. Отдельные же лица из централистов, что появлялись иногда в Питере на сходках, оказывались в теоретическом отношении ниже землевольцев; землевольцы их обыкновенно побивали, и Марья Николаевна ясно видела, что с такими лицами она не будет в состоянии что-либо устроить. А между тем натура у Марьи Николаевны была деятельная, способная на конспирацию, любящая конспирацию. У ней были и организаторские способности; она умела собирать вокруг себя людей и привязывать их к себе, умела и командовать ими. Ее уважали. Но ей надо было все-таки опираться на кого-нибудь, чтобы не выступить в качестве чистой централистки. Централизм у нас не пользовался большим почетом. Слушая о Питере, о спорах, о планах на будущее, она сразу поняла, что тут дело идет не об отдельном предприятии, а о чем-то другом, из чего может развиться целое новое, более родное ей по духу направление.

У Баранниковых я пробыл два дня. На второй день пришел их родственник. После обеда добыли откуда-то

бутылку вина, выпили, разговорились, начали мечтать вслух, увлеклись. Марье Николаевне так показалась заманчива будущность, предстоящая деятельность, что она резко прервала разговор. «Довольно, довольно! хорошего понемногу!» — воскликнула она... Она с Баранниковым первые приехали в Липецк, почти за целый месяц до приезда других.

Когда я уезжал от них, мне в первый и последний раз пришлось увидеть на станции Александра II. Ему, не знаю почему, захотелось остановиться на этой станции, выйти из вагона и пройтись по платформе. Поезд остановили. Он вышел и, строго глядя на скучившуюся на станции публику, прошел вдоль платформы, зашел в садик и вернулся назад. В это время императрица сидела у окна вагона и что-то спрашивала у баб, толпившихся у решетки платформы против нее. Бабы-крестьянки причитали, плакали от радости, но толком ответить ничего не могли. Александр II, возвратясь и подойдя сюда, разом как-то сбросил с лица всю строгость и, как предупредительный кавалер, весело, ласково смеясь, стал передавать вопросы и ответы от супруги бабам и обратно. Туда, где были бабы, мужиков не пускали, да и вообще мужиков было около станции очень мало. Бабы же все были в праздничных ярких костюмах и, видимо, нарочно были собраны. Таким путем происходит у царей знакомство с народом.

От Баранникова двинулся я в Одессу, минуя Харьков, где жили в это время Софья Львовна Перовская и Татьяна Ивановна Лебедева⁷. Вышла довольно неприятная оплошность с моей стороны: я не заехал к ним и не пригласил их на съезд в Липецк. После, когда на Воронежском съезде стало известно о Липецком съезде и его задачах, Перовская не раз корила меня за неприглашение, упрекая тем, что, живя так много в Харькове и видаясь с ней ежедневно, я бы должен знать ее лучше. Мы ведь вместе все время строили разные планы насчет централки, где находился Мышкин, Войнаральский и др⁸. Это было так, ее упреки отчасти были основательны, но, с другой стороны, и мое поручение было довольно щекотливого характера. Липецкий съезд держался в тайне от непосвященных членов «Земли и воли». Поэтому, приглашая туда, надо было иметь в виду не только получение согласия, но и то, чтоб человек, отказавшись, не стал разглашать и не поднял тревоги. А между тем, еще незадолго до моей поездки в

Питер, в одном разговоре Перовская явилась не только завятой народницей, но еще и русачкой. Все русское — народ, Волга, Жигулевские на ней горы, русские песни — все это она ставила выше малороссийского и не раз вступала в горячие споры, отстаивая свои симпатии. Землевольческие народники как раз и действовали в ее излюбленных местах. Не будь на ее плечах дела с централкой, она, вероятно, и сама была бы там. К тому же всем известно было, что она почему-то недолюбливала так называемых «троглодитов»⁹, и это сохранилось у нее и тогда, когда уцелевшая их часть стала землевольческой. А ими-то и устраивался Липецкий съезд. Все это и было причиной, почему я не пригласил Перовскую, а вместе с ней и Татьяну Ивановну. Их надо было приглашать обеих или ни одной. После мои соображения оказались неправильными. Соня, оставаясь в душе народницей, в то время находила новое направление настолько отвечающим требованиям и запросам жизни, что не только пристала к нему, но и пошла впереди, отлично справляясь со своими симпатиями к народничеству и антипатиями к отдельным лицам. То же вышло и с Т. И. Лебедевой.

В Одессе Желябов при первом же свидании выразил полную готовность принять участие в предприятиях против Александра II, но тут же в нем заговорил и народник. Когда я дальше в разговоре стал подробнее излагать ему цель Липецкого съезда, планы и намерения питерцев организовать, по возможности, более постоянную боевую группу и повести дело террора более систематически, не ограничиваясь уже единичным актом, Желябов, увидав, что за первым актом могут явиться и другие, на которые его пошлют, сей же час, как бы спохватившись, заявил, что он дал слово на единичный лишь акт и останется, пока этот акт не будет выполнен. По совершении же его он будет считать себя свободным от всяких дальнейших обязательств; он потребовал даже, чтобы ему дано было слово, что он тогда волен будет выйти из организации или остаться в ней, обзавясь, конечно, сохранять тайны

Слово ему, разумеется, было дано, хотя и без того никогда не практиковалось насильно удерживать человека. Желябов отлично сам это знал, но ему, мне кажется, необходимо было успокоить свою народническую совесть; он и поставил свое условие, чтоб иметь право сказать, что «народничества-то я все-таки не бросаю,

хотя и согласился на единичный террористический акт». Вскоре в Одессу приехал Александр Михайлов. Я познакомил его с Желябовым, а сам, вероятно, поехал звать Колодкевича *¹⁰ и занялся другими делами. В это время произошел херсонский крах после ограбления там казначейства Россиковой и другими¹¹; в Одессе и Херсоне шла речь, как вызволить деньги, зарытые Юрковским в Алешках в земле: Юрковский забыл точно место, а надо было действовать ночью, так как полиция уже караулила дом и место около него. Об этом я упоминаю лишь потому, чтобы сказать, что мне из-за этого мало пришлось видаться с Желябовым после нашего с ним уговора и после того, как он познакомился с Михайловым. Встретился я с ним уже в Липецке и диву дался: Желябов, еще недавно оговаривавшийся и бравший слово, что его не станут удерживать и заставлять участвовать в новых делах, теперь уже сам развивал целую стройную программу боевой организации. Отдельный акт уходил на второй план; на первом — ставилась целая серия актов, которые, ширясь, могли бы закончиться или переворотом, захватом радикалами власти, или, по крайней мере, хотя принуждением правительства пойти на уступки и дать конституцию. Говоря о захвате власти, Желябов всегда оговаривался, что захватывать власть можно лишь с тем, чтобы передать ее в руки народа.

Как же могла произойти с Желябовым так быстро подобная метаморфоза? С ним самим об этом мне не пришлось говорить, но полагаю, что объяснить это можно не одной, а многими причинами. Прежде всего, это была подвижная, деятельная натура, ищущая, где бы ей приложить свою силу, энергию, а между тем правительственный террор отнимал всякую возможность какой-либо деятельности и угрожал каждую минуту высылкой, тюрьмой, иногда за здорово живешь. Чем погубить из-за пустяков и мелочей, лучше совершить что-либо по крупнее, что, быть может, очистит атмосферу, разгонит нависшие над всеми тучи. Так думали в то время многие, так думал, вероятно, и Желябов. Отсюда быстрое соглашение на предложение питерцев. Сказывалась боевая натура. Желябов умел логически мыслить и доводить мысль до конца. Приняв участие в единичном

* Я говорю «вероятно», потому что пригласить мог только я, а между тем я что-то не помню, как и где это произошло.

акте и размышляя, как его совершить, он пришел сначала к необходимости лучше обставить этот акт, но, начав с организации его, скоро дошел до необходимости создать организацию и для других актов, продолжать террор до логического конца. Его мышлению помогло, конечно, немало и то, что в Петербурге после моего отъезда Тихомиров и Александр Михайлов, составив проект программы боевой организации для Липецкого съезда¹², познакомили, конечно, с ним в Одессе и Желябова и вместе с ним этот проект обсуждали. Затем немало повлияло и то, что к этому времени лучше выяснились как наличный, количественный и качественный состав активных деятелей, так и возможность добывать более или менее значительные материальные средства. Дело можно было поставить на более широкую ногу. Этим увлекся и Желябов, а к увлечению он был сильно склонен, рисуя себе и другим серую действительность часто в более светлых, радужных красках, чем это было на самом деле. Зато, слушая его, незаметно и сам начинал верить, что то, что казалось тебе малым, незначительным, серым, на деле и больше, и важней, и светлей.

В Липецк съезжались постепенно, не все сразу. Про Марию Николаевну и Баранникова я уже говорил, что они приехали за целый месяц раньше. Некоторые, приезжая, снова уезжали, чтоб узнавать, как подвигается съезд общий, т. е. Воронежский.

В Липецке есть река, а за курортным садом — большой пруд-озерко с длинной гатью, с очень прозрачной водой; рыба здесь совсем не водится.

Приехавшие раньше не раз устраивали прогулку на реку, добывали лодку и катались по пруду-озерку и удивлялись его прозрачности и какой-то безжизненности. На расспросы крестьян, у которых брали лодку, про озерко услышали, что причиной отсутствия рыбы они считают то, что запруда сделана антихристом и что только ему было под силу сделать такую длинную насыпь. Под антихристом, конечно, они разумели Петра I, что потом и выяснилось, когда разговорились вообще о Липецке и об открытии в нем железных вод. Эти прогулки и катанья служили не одним развлечением: во время их поднимались и обсуждались предварительно многие вопросы, подлежащие решению на съезде, обсуждался, между прочим, и проект Тихомирова и Михайлова, о котором сообщали приехавшие, когда появился Желябов и приехали почти все питерцы.

Но вот съехались и все, — тогда, порасспросив номерных и узнав, что за городом есть где-то лес, где устраиваются пикники, наняли извозчиков, закупили закусок, немного вина, очищенной и двинулись в путь. Извозчики отлично знали место и повезли по первому намеру о пикнике без дальнейших расспросов. Дорога за городом шла низиной, которая, видимо, заливалась или заливается весной полой водой. На это указывали высохшие протоки, песчаные островки, мели. Переехав реку и поднявшись на ее невысокий берег, мы повернули направо и покатали по безлесной поляне с песчаной дорогой. Вдали виднелся лес, к нему мы и направились. Тут Желябов показал нам свою силу и немало удивил ею даже извозчиков. Дорогой он с кем-то поспорил, что подымет пролетку с седоком за заднюю ось. Проехав по лесу не более версты, мы начали останавливаться, увидав впереди какие-то постройки. Предположили, что это, верно, какой-нибудь ресторан или что-либо в этом роде, где кутят липецкие купцы. Желябов сошел со своей пролетки. Внезапно бросается он к новому подъезжавшему экипажу, схватывает его за заднюю железную ось и, подняв вверх пролетку с седоком, останавливает лошадь, бежавшую тихой рысью. «Ну и сильный!» — вырвалось невольно у одного извозчика. Мы все тем более были поражены, что с виду Желябов вовсе не производил впечатления силача-атлета. У него же от напряжения только лопнула кожа немного на пальце и выступила кровь.

Наделив извозчиков закуской и водкой, которая для них и была куплена, их отпустили к постройкам, а сами мы двинулись налево в сторону и стали искать такого места, где нас трудно было бы увидеть издали, а сами мы легко могли бы видеть всякого к нам подходящего. Такое место нашлось очень скоро: это была группа деревьев и кустарников, стоявших на полянке почти в ее центре. Расположившись на этом островке, отлично можно было видеть, что творится вокруг этой полянки, оставаясь сами невидимыми и неслышимыми, так как расстояние от нашей группы деревьев до леса было достаточно велико.

Разложив, расставив на траве бутылки с вином, закуски, стаканы — все, чтобы придать такой вид, будто люди приехали покутить, — сейчас же приступили к обсуждению.

Воспроизвести после 27-летнего промежутка то, что

говорилось тогда, не имея у себя протоколов, всякий, конечно, понимает, не только трудно, но даже невозможно; ведь после этого пережиты равелинский и шлисельбургский режимы. Этим я и не стану заниматься, тем более что отделить сейчас то, что говорилось незадолго до съезда, от того, что говорилось на самом съезде, совершенно невысказуемо. Одно можно сказать, что на съезде приняты были начала всех тех положений, которые вошли позже в программу «Народной воли». Но так как съезд не задавался целью создать новую программу, так как он имел в виду действовать еще под знаменем программы землевольческой, то ему не было и нужды, собственно говоря, формулировать свои мысли в одно целое и делать на этот счет постановления¹³. Заговор, переворот, захват власти с передачей ее народу — все это высказывалось, обсуждалось, но все это, насколько помню, имело место лишь как доказательство, как мотив у отдельных лиц, что с помощью сильной боевой организации и такие вещи возможны. С этими мнениями можно было соглашаться или нет, — это не было обязательно. Целью съезда было создание сильной боевой организации и предоставление ей возможности действовать самостоятельно, находя для этого как людей, так и средства. Выработкой организационных вопросов съезд главным образом и занялся, коснувшись, конечно, и некоторых практических вопросов.

Гольденберг в своих показаниях¹⁴ настаивал на том, что съезд занимался только вопросом о цареубийстве. Это надо объяснить тем, что он сам, сильно занятый этим вопросом и знавший, что из-за этого вопроса загорелся весь сыр-бор, полагал, что и все были его мнения. Так он и остался при этом, полагая, что вся боевая организация для этого дела только и формируется. Он упустил из виду дальнейшее развитие вопроса и не обратил внимания, что дело идет не об отдельном акте, а о целой системе их. Этому, мне кажется, способствовало то, что в Питере скоро Гольденберга узнали ближе и поэтому стали к нему относиться хуже. Признавая, что на героический поступок он хотя, быть может, еще и способен, считали, однако, что в других отношениях он не выдерживает критики. Заходила даже речь о том, что его не следует звать на Липецкий съезд. В Киеве и Одессе Гольденберга знали лучше и были удивлены его приглашением. Но северяне отстояли, заметив, что уже поздно, так как он уже приглашен. В Питер Гольден-

берг явился окруженный славой его харьковского дела (убийство Кропоткина), предлагал себя для покушения на Александра II.

Он сперва показался питерцам достойным внимания, его пригласили в члены террористической группы, с ним стали совещаться о Липецком съезде. Не пригласить его туда стало для питерцев трудно и даже совершенно невозможно. Они и пригласили, но дальше, когда появились южане, дело не пошло, и уже на Воронежский съезд его и не подумали проводить. В Петербурге Гольденбергу не приходилось, видимо, участвовать в разработке дальнейших вопросов насчет Липецкого съезда, и он, видя, что на съезде обо всем этом говорят лишь бегло, мало обратил внимания на происходившее — слона-то и не заметил, объясняя все по-своему, думая, что все устраивается для одной ему известной цели.

Больших споров, длинных рассуждений на съезде не было. Обо всем переговорили заранее¹⁵. Здесь надо было лишь выработать и формулировать кратко то, что думали, с чем были согласны все. На первых порах, впрочем, началась была обычная история: неумение русских вести собрание. Всякий спешил, перебивая другого, высказать свое мнение и не легко соглашался на изменения, на поправки. Желябов, однако, быстро помог делу. Очень быстро выяснилось, что он отлично умеет схватывать сущность чужой мысли и формулировать ее так, что с ней легче другим соглашаться. Мало этого, он несколько однородных речей соединял в одну, сглаживая, соглашая все их детальные различия, которые часто мешают соглашению больше, чем основные.

Его сейчас же выбрали в секретари, и дело пошло быстро. Поднимались вопросы, высказывались мнения, Желябов их формулировал; делали небольшие поправки, заменяли одно слово, одну фразу другими и ставили на баллотировку. Вопрос проходил, и шли дальше. Учреждение генерал-губернаторств, введение военных положений, принятие вообще чрезвычайных мер с арестами, высылками в то время как-то особенно угнетающим образом действовали на общество, и из его среды стали раздаваться крики, что так жить нельзя, что такому порядку надо положить конец, необходимо найти выход. Со стороны радикалов потребовалось потому принятие чрезвычайных мер, особенное напряжение, особенные поступки; вообще, требовалось от оборонитель-

ной борьбы перейти к наступательной. Сделать все это небольшая группа террористов* — как членов «Земли и воли» — не могла. Для такого большого дела требовалась и большая, хорошо организованная партия**, которая могла бы действовать быстро, решительно, не ожидая разрешений свыше. Об устройстве такой-то организации на съезде и шла главным образом речь.

Вся организация делилась на несколько отделов: боевой, литературный, по заведению связей, по добыванию средств, пропаганде и т. д. Но все это объединялось в одном центре, который должен был все знать, все ведать, все направлять к намеченной цели. Выбор как в отделы, так и в центр совершали тут же. Руководились, конечно, склонностью, способностью, личным желанием. Боевому отделу придавалось большое значение, ему предназначалась видная роль, а потому прочие отделы должны были нести по отношению к нему обслуживающую роль. Они должны были содействовать ему каждый в своем роде. Один — добывать деньги, другие — писать и печатать, третьи — отыскивать новых бойцов и т. д. Каждый отдел в своих частных действиях был самостоятелен, т. е. члены других отделов не вмешивались в его дело, но в общем находился в зависимости от центра и общего собрания. На съезде центру придавалось особенное значение — почти диктаторское, но фактически, на деле, большое значение имело потом общее собрание и даже собрание наличных членов, когда их оказывалось где-либо значительное количество.

Центр возбуждал, ставил на вид необходимость тех или других мер, предприятий. Собрание обыкновенно обсуждало, делало постановления, и центр потом следил за выполнением этих постановлений. В промежутки между собраниями, в пределах намеченного последними, центр мог требовать полного выполнения уже его собственных решений. Центр заседал почти ежедневно, собрания же бывали изредка.

Члены организации делились на полноправных членов и неполноправных — или агентов, как их называли.

* Эта группа называлась дезорганизаторской; лучше их так и называть — дезорганизаторами¹⁶.

** Я употребил слово «партия» только потому, что не нашел более подходящего по тому времени названия. Это название не соответствовало действительности. Но, с другой стороны, нельзя было назвать новую организацию и группой, ибо она состояла из нескольких групп¹⁷.

Здесь не мешает указать на то, как к этому времени сильно подвинулось сознание необходимости централизации и необходимости известной подчиненности одному центру, одной какой-нибудь организации, необходимости известных тайн. Я хорошо помню, как в бытность мою киевским бунтарем мы тоже устраивали там съезд и тоже выбрали центральную группу, которая должна была играть роль руководителя, инициатора. Этому центру должны были подчиняться. Он должен был знать все, мог действовать по своему усмотрению, мог иметь свои тайны, которые не обязан был сообщать всем. И что же? Все это продолжалось только до конца обсуждения. В конце же сразу были раскрыты даже тайны закрытой баллотировки в центр. Вообще русские, как я заметил, с большой неохотой и медленно примирались с конспирацией, тайной, необходимостью подчиняться. Это не раз и после вело к очень нежелательным явлениям, но все-таки как члены Липецкого съезда, так и многие другие уже выросли настолько, что могли вполне серьезно относиться к своим решениям и последовательно их исполнять. Трудней всего давалось сознание необходимости подчинять свои действия требованию главной организации, и это было большим местом для всех провинциальных групп, находящихся в связи с главной организацией. Помогало часто лишь то, что в члены такой группы вступал кто-либо из членов петербургской организации, который и улаживал дела, сглаживая шероховатости. Впрочем, последнее относится уже к последующей практике. Члены же съезда, сознавая важность и необходимость подчинения для более планомерной, к единой цели направленной деятельности, исходили в своих решениях и постановлениях только из такого сознания и доводили принцип до конца.

Выяснением принципов для новой организации съезд и занимался, не отвлекаясь в сторону частных предприятий, порешив все существенное в первом же заседании. Его-то я только и помню. Ездили ли еще в лес, я уже забыл. Если и ездили, то не все, а те, кто не торопился на Воронежский съезд или кто совсем туда не собирался, как Гольденберг и некоторые другие. Вот тут-то в эти поездки и могли говорить уже о частных предприятиях. Говоря о них, Гольденберг и мог еще заключить, что дело идет о практических начинаниях.

Из Липецка большая часть сейчас же отправилась в Воронеж и первым делом постаралась провести в члены

«Земли и воли» своих членов. В Воронеже так же, как и в Липецке, съехались не все сразу, и потому до общего собрания бывали и частные катанья на лодках, и свидания на квартирах, где велись споры и выяснялись взгляды.

Здесь, чтобы лучше понять, о чем мог быть спор и что препятствовало полному соглашению, я коснусь тех положений программы «Земли и воли», которые и служили камнем преткновения и за которые еще крепко держались так называемые народники, т. е. те члены «Земли и воли», которые стояли за деятельность в деревнях и находились там.

В первых номерах «Земли и воли» говорится: «основанием всякой истинно-революционной программы должны быть народные идеалы, как их создала история...» (требование земли и воли) и далее: «Революции — дело народных масс. Подготавливает их история. Революционеры ничего поправить не в силах. Они могут быть только *орудиями* истории, выразителями *народных* стремлений (курсив в газете). *Роль их заключается* только в том, чтобы, *организуя* народ во имя его стремлений и требований и *поднимая* его на борьбу с целью их осуществления, *содействовать* ускорению того революционного процесса, который по непреложным законам природы совершается в данный период».

Итак, программа ставит в основу лишь народные идеалы, созданные историей. История же подготавливает и революцию, как дело народных масс.

Революционеры могут быть лишь *орудиями* все той же истории. Роль их лишь в том, чтобы, *организуя народ* во имя его собственных стремлений и требований, содействовать ускорению лишь того революционного процесса, который совершается в данный период. Я не говорю о *поднятии* народа в данное время на борьбу, потому что это, конечно, могло быть только в будущем.

В настоящем же главное заключалось в том, чтобы ближе сойтись с народом, лучше узнать его стремления и требования, заручиться его доверием, уважением, ближе подойти к нему и тогда повести дело организации. Все это возможно было, конечно, только живя в деревне, входя в ежедневное общение с народом, не пугая его мыслью крайностями, не затрагивая его некоторых верований, как, например, в бога, царя. В то время царский авторитет, казалось, стоял высоко, и касаться его резко

избегали, но особенно боялись дурного впечатления на народ от всяких покушений на царя. У крестьян еще свежо было воспоминание об освобождении их от крепостной зависимости. Многих недостатков этого освобождения крестьяне еще не раскусили, многое приписывали злоупотреблениям высших и низших чиновников, многого не понимали. Сказывалась тут и историческая привычка к почитанию царской власти. К тому же слухи, что дворяне недовольны освобождением, что они не прочь вернуть старое, что они злы на царя, сильно мешали антицарской проповеди, вызывая в слушателе мысль: «а не из дворян ли ты, голубчик?»

Так в первое время и объяснялись многими действия радикалов.

Понятно, что предприятия, направленные лично против Александра II, еще более должны были поднять подобные толки, могли породить и вражду к радикалам и перенести ее и на народников; поэтому поселенцы деревенские имели полное основание бояться, что такие дела помешают им, затормозят их начинания в народе. Отсюда и их упорное несогласие на подобные акты.

Далее. «Земля и воля» хотя и признавала террор, но как?

В первом номере «Земли и воли» уже начинается предостережение от увлечения им. «Мы должны помнить,— говорит газета,— что не этим путем мы добьемся освобождения рабочих масс... Террористы — это не более, как *охранительный отряд*, назначение которого — оберегать этих работников [*среди народа*] от предательских ударов врагов».

Здесь опять основа в деревенской работе среди народа, и террор лишь охраняет, защищает эту работу, ее деятелей. Самостоятельного значения за террором еще не признается. Он, охраняя работу поселений, может нападать лишь на *отдельных личностей*, так или иначе мешающих делу. Писавший, немного увлекшийся своими рассуждениями, в число таких отдельных личностей включил и царя, но это надо отнести не к мнению всех, а лишь немногих. Вот текст: «До тех же пор, пока останется в действии нынешняя система, основанием которой служит произвол *отдельной личности* (курсив в газете), начиная от царя и кончая будочником... до тех пор врагами нашими... являются отдельные личности». Здесь в число отдельных лиц хотя и внесен

представитель верховной власти, но это носило совсем не тот смысл и характер, как впоследствии, и потому-то газета поспешила оговориться и начала удерживать от увлечения. Мало этого, в поднятом вопросе она увидела больше, чем увлечение, она увидела перемену программы, нарождение нового направления, уже не подготовку к народной революции, а объявление войны правительственной власти, желание вырвать у правительства конституцию. Но, говорит газета, «обратить все наши силы на борьбу с правительственной властью значило бы оставить *свою прямую, постоянную цель*, чтобы погнаться за *случайной, временной...* Такое направление нашей деятельности было бы *великой ошибкой...* со стороны тактики партии. Падение нашего современного политического строя не может подлежать ни малейшему сомнению... и самодержавие заменится *конституционным строем*»,— предсказывает газета, как бы продолжая спор на бумаге, начатый где-то раньше на словах: о стремлении к конституции в революционной литературе Севера еще не было и помину.

Итак, к первоначальному камню преткновения — к спору по вопросу о вреде нового направления для деятельности в народе — теперь мы видим еще прибавку новых мотивов и новых страхов. В новом направлении усматривалось стремление *оставить прямую, постоянную цель*, предвиделась погоня за случайной, временной, т. е. за *конституцией*. А это такое уж дело, которому надо всеми силами не помогать, а мешать, ибо что может дать конституция русскому народу? Русская конституция, *«как и всякая конституция*,— продолжает развивать предыдущие мысли автор той же газеты «Земля и воля»,— выдвинет на первый план привилегированные сословия: помещиков, купцов, фабрикантов — всех владельцев капитала движимого и недвижимого, одним словом, буржуазию...», т. е. ужасный жупел того времени, от которого надо открещиваться обеими руками, а не ждать себе каких-то там благ, вроде возможности, при изменившихся условиях, более продуктивной работы с меньшей затратой сил. Как бы не так! Напротив! В настоящее время все эти буржуа разрознены еще и потому бессильны. *«Конституционная же свобода, как бы жалка она ни была, им-то во всяком случае даст возможность организовать в сильную партию, первым делом которой будет провозглашение крестового похода против нас, социалистов, как своих опаснейших врагов»*,—

заканчивает свои возражения-доказательства газета «Земля и воля»¹⁸. И теперь, полагаю, для всякого будет понятно, почему землевольцы, несогласные на усиление политической борьбы, подняли всех на ноги, завели спор и старались помешать новому течению. Эта часть съехавшихся представляла собою более или менее одинаково мыслящих людей, занимавшихся одним делом и желавших продолжать его. Это были землевольцы-на-родники.

В другую половину, наоборот, вошел разнообразный элемент. Тут были и землевольцы — Михайлов, Квятковский, Баранников, склонявшиеся уже к террору, хотя еще и не отрицавшие народничества. Тут были обломки и бывшего бунтарства (я), и киевского конституционализма (Колодкевич), и былого чистого народничества (Желябов, Перовская). На взгляды этой части съехавшихся, надо добавить, сильно влияли как бывшие на Юге дела, так и то настроение, которое там стало преобладающим. Многие южане — Осинский, Попко, Медведев и т. д. — ко времени съезда сошли со сцены¹⁹, но то направление, по которому они пошли, передалось другим, и оно-то в общем только и объединяло как на Липецком, так и на Воронежском съездах лиц нового направления, внося в то же время большое разнообразие в частности и давая тем возможность отстаивать свои взгляды с разных точек зрения.

Обо всем этом надо поговорить, впрочем, поподробней, к чему я и перейду. Хождение в народ 74 г., как известно, скоро породило мысль о необходимости более прочного устройства в деревне так называемых поселений, с занятием мест волостных писарей, учителей, фельдшеров и т. д. На Севере эти поселения сохранились до самого съезда. На Юге в 1876 году они, приняв иной характер*, в сущности были оставлены, и остав-

* Поселения в 1876 г. в Киевской губернии бунтарями устраивались с целью лишь иметь пристанище в деревне, а чтобы деревня, присмотревшись к ним, знала их, считала своими людьми. О пропаганде тут не думали. Завести знакомство, поближе сойтись, если возможно, с начальством — старостой, старшиной, сотским, писарем, с соседями — вот самое большее. Предполагалось, что в самом народе есть достаточно горячих элементов и что он под влиянием разных обстоятельств способен к вспышке не в том, так в другом месте. Живя в деревне, об этом легче узнать и удобнее пристать к недовольным, не заводя предварительной пропаганды, но готовясь лишь к боевым действиям. Отсюда — бунтари запасались оружием, учились стрельбе и только присматривались, прислушивались, нет ли

лены навсегда. Деятели их перешли в города и там занялись отыскиванием новых путей борьбы, занялись и новыми делами.

В первое время, по уходе в город, некоторые еще не теряли надежды вернуться опять в деревню и строили новые планы, составляли проекты, но скоро все это было оставлено. Началась чисто городская деятельность. Ликвидация шпионов и предателей, освобождение товарищей, устройство типографий поглощали время и, все более и более расширяясь, окончательно прикрепляли людей к городу, увлекая их к террористическим поступкам. Этому немало способствовали также громкие дела, как дело Веры Засулич и дело Кравчинского (убийство Мезенцова). Молодая девушка идет открыто в берлогу врага и мстит за надругательство над товарищами²⁰. Все общество отнеслось вполне сочувственно к такому поступку. Само правительство смутилось и назначило обычный суд с присяжными. Даже такие газеты, как «Голос», и те заговорили о наступлении новой эры, заговорили о том, что и им наконец стало легче дышать. Словом, подъем радужных надежд и чаяний охватил как-то всех, и вдруг, можно сказать, на другой же день все были окачены холодной водой. «Голос» даже буквально на второй день после своей статьи получил выговор и увидал, что до новой эры еще далеко. Общество убедилось в этом немного позднее, когда оправданную судом Веру Засулич жандармы хотели снова упрятать в тюрьму, и только благодаря вмешательству толпы удалось ей избавиться из их когтей, и притом не даром, а ценой крови, побоев своих избавителей. Начинаются аресты, отыскивание нитей. Из-за одного факта, из-за одного какого-нибудь поступка загорается сырбор, принимаются чрезвычайные меры. Хотят с корнем вырвать зародыши протеста и обрушиваются как раз не на тех, на кого надо, а на людей, часто стоящих со-

где какого открытого недовольства, которым можно было бы воспользоваться и тогда начать действовать, т. е. поднять бунт.

Здесь не место подробно касаться этого периода, и я только укажу на то, что как правительственное преследование, так и само крестьянство было причиной, что деревня была брошена. Правительство, гоняясь за поселенцами, заставляло их уходить в города. Деревня, не понимая, что это за люди стали появляться в ее среде, в свою очередь косо поглядывала на них и готова была помогать правительству в поимке их. Надо помнить, что бунтарство вначале стало развиваться в Киевской губ., и к ней, следовательно, и относится то, что здесь было сказано.

вершенно в стороне или только сочувствующих. В обществе появляется недовольство, и оно совершенно оправдывает такое дело, как убийство Мезенцова. Оно считает его ответом на казнь Ковальского и находит это в порядке вещей. Притом же, совершив его, террористы выказали свою силу, свою мощь, так как тут произошло замечательное совпадение. 2 августа 78 г. казнили Ковальского, а 4 августа был заколот на улице Мезенцов. Публика не знала, что тут произошло случайное совпадение, что Мезенцов убит за другое²¹. Широкая публика радикальных газет не читала, не знала потому и настоящих мотивов убийства. Но суть не в этом, а в том, что в ее объяснении и сказалось то сочувствие, то оправдание таких актов, о котором сказано выше. Это сочувствие давало революционерам точку опоры, указывало на то, что следует делать, как надо отвечать на правительственные репрессии. За первыми делами поэтому следует целая серия новых актов: убийство Гейкинга, нападение на Котляревского, освобождение Стефановича, Дейча и Бохановского, нападение на конвой, везший в централку Войнаральского, убийство Кропоткина в Харькове и др. Правительство приходит в ужас, начинает вводить военное положение, но обрушивается опять-таки больше на обывательскую публику, вызывая в ней глухой ропот, жалобу, что так жить нельзя, требование положить конец такому тяжелому положению. Этот ропот и эти требования достигают до Соловьева, и он решает принести себя в жертву, рассчитывая одним ударом положить конец ненормальному состоянию вещей. Происходит всем известная неудачная попытка цареубийства. Соловьев гибнет, но положение вещей не только не делается лучше, но еще больше ухудшается. Правительство окончательно теряет голову и отдает всю почти Россию на полный произвол вновь учрежденных генерал-губернаторов. На Юге наступает нечто неописуемое. Высылают, казнят, арестуют — и кого? Людей, часто виновных лишь в том, что у них переночевал нелегальный человек и оставил пачку прокламаций. Так был казнен Розовский в Киеве, отказавшийся сказать, что это у него ночевал и оставил пакет. Так казнили в Одессе Дробязгина, Давиденку, виновных — первый лишь в том, что он, обязанный подпиской о невыезде из Николаева, уехал и был в группе киевских бунтарей, где за ним не открыто никаких дел, а второй — за попытку устроить типографию. Я не стану упоминать о других, как

Малинка, Чубаров, Лизогуб, ибо правители тут могли еще ошибаться, преувеличивая их значение. Но чем были виноваты одесские студенты, некоторые обыватели Одессы, как Южаков, Гернет, барон Икс (сотрудник газеты), которых хватали, которыми набивали вагоны и ссылали в Сибирь?

В Одессе уже с процесса Ковальского получилось довольно напряженное состояние. Войска, стрелявшие в толпу около суда, убившие одного гимназиста, как мне тогда передавали, желавшего перейти лишь с одной стороны улицы на другую далеко впереди войска, сделали то, что страшно возмутили всех против себя. Возмущение еще более поддерживалось сознанием своего бессилия, невозможностью борьбы с голыми руками; не находя себе исхода, возмущение продолжало бурлить и кипеть, создавая то напряженное состояние, о котором сказано выше. В воздухе стало явно носиться требование ответа, мести за подобные дела. В такой-то момент учреждается здесь генерал-губернаторство, вводится военное положение, и Тотлебен начинает арестовывать, ссылать, казнить. Над городом точно нависает мрачная туча. Это чувствуется всеми, на всех наваливается тяжелый кошмар. Крик, теперь уже не тихий, а громкий, настойчивый, что «так жить нельзя, что надо найти выход», раздается и слышится повсюду. Люди, раньше едва-едва слыхавшие о революционном движении, теперь сами шли, разыскивали радикалов, указывали им на выход, предлагали себя в исполнители, выставляли цареубийство как наилучший, единственный способ положить конец такому удушью. У многих это, конечно, был временный, невольный порыв,— всякий это понимал, и от таких лиц старались отделаться под тем или другим предлогом, но, живя в такой атмосфере, дыша воздухом, пропитанным ожиданием чего-то особенного, и слыша постоянно крики и требования избавления, трудно, даже невозможно было продолжать думать о деревне, о медленной работе там. Выход требовалось найти сейчас, в данную минуту, указание на средство носилось в воздухе, и потому станет вполне, думаю, понятно, почему такие народники, как Желябов, Перовская, Ланганс²² и др., оставили деревню и всецело отдались политической борьбе. Тут же надо искать и разгадку их быстрого согласия на цареубийство, на боевую организацию, их споров с чистыми народниками на Воронежском съезде. Мне кажется, даже сам Воронежский съезд

в конце концов заразился отчасти сознанием необходимости усиления террора, и только тем я и объясняю, что он согласился на выделение боевой группы в самостоятельную организацию с правом пользоваться известной долей из получаемых средств, с правом печататься в общей типографии, с правом заняться продолжением дела Соловьева. Это соглашение, правда, оказалось временным, но так как я пишу о съезде, то оно-то мне и важно.

Оно характеризует то время, те обстоятельства, которые выдвинули новое направление. Что соглашение могло произойти и произошло,— это факт, но, с другой стороны, что оно не могло быть прочным, это тоже мог предвидеть всякий, кто вдумался бы хоть немного как в программу «Земли и воли», так и в Липецкий съезд, в причины и мотивы, его создавшие. У народников-землевольтцев на первом плане все-таки и после съезда осталось основное положение их программы, у членов Липецкого съезда на первый план ставилась политическая борьба, без всякой боязни конституции.

На Юге о конституции заговорили еще во время турецкой войны. В Одессе однажды выпущено и расклеено было даже объявление, что конституция наконец дана. Одна из таких бумажек попала в редакцию «Новороссийского телеграфа» и чуть не послужила предлогом для заметки в газете. Полиция скоро увидела расклейку и подняла беготню, обычную бучу, хотя на это легко было бы посмотреть, как на простую шалость молодежи. Собственно говоря, это и была шутка, чтобы позлить немножко полицейских. Нарочно наклеили и около самой полиции²³.

В конце 77 года и начале 78 года, однако, в Киеве уже не в шутку пошло дело, а серьезно. Тут, в Киеве, образовался клуб из очень значительного числа студентов, немногих радикалов и конституционалистов-либералов. В этом клубе конституционные вопросы стали ставиться и разрабатываться самым серьезным образом, и из этого клуба могло бы выйти очень солидное движение с конституционным направлением. Но клуб очень скоро погиб.

В Киев приехала Лавровская и стала петь в театре. Студенты захотели устроить ей оvation, чтобы позлить полицию. Произошла стычка с полицией. Многим студентам досталось изрядно. На другой день они вместе с не пострадавшими еще отправились заявить протест

против насилия. Непострадавшие были все больше клубисты, которые опоздали к театру. Протест их выслушали, всех переписали, а вскоре Киев увидал на вокзале проводы их в не столь отдаленные места Российской империи, как, напр., Олонецкая, Архангельская губернии. С их увозом клуб умер и не возродился. Но мысль о конституции осталась в головах уцелевших и никого из южан не пугала так, как пугала северных народников. «Напротив, конституция,— говорили южане,— нам только сильно облегчит работу, развязав руки, дав возможность добиваться многого на чисто легальной почве, без всяких жертв». Они оставались глухи к запугиванию сплочением буржуазии. «К тому же конституцию мы и не ставим своей конечной целью, мы ее не выставляем на своем знамени*, она явится сама в силу естественного исторического хода вещей,— добавляли при этом южане,— ибо трудно допустить, чтобы Россия перешагнула через эту стадию развития». Не боясь конституции, они рады, конечно, будут, если своими действиями ускорят ее появление...

Рознь во взглядах сказывалась, таким образом, на всех пунктах, и однако на Воронежском съезде не произошло раскола. Люди не могли, понятно, оставаться глухи к тому, что творилось тогда на Руси, и соглашались на чрезвычайные меры в расчете, что, авось, и поможет. Вторая причина, помогшая соглашению, заключалась в том, что здесь, по возможности, избегали принципиальных споров, держались того, что следует и допустимо делать сейчас, а о том, «что будет завтра, завтра и потолкуем»,— замечали тем, кто затрагивал теорию, программные вопросы. Раз же дело сводилось к практическим предприятиям, для них единение всех сил признавалось необходимым всеми, и отсюда общий центральный орган. Отсюда полюбовное решение всех вопросов и самое дружелюбное расхождение после съезда. Только Плеханов был недоволен и перестал бывать на заседаниях.

Съезд происходил в лесу за городом. Там в то время начали устраивать сад для гулянья, и за этим садом шел нерасчищенный лесок, в котором и происходили дебаты.

* Действительно, насколько помню, Липецкий съезд мало занимался ею, и вообще если о ней говорили, то больше лишь тогда, когда приходилось защищаться от нападок в стремлении к ней, в сознательной якобы работе на ее пользу.

Таких собраний было два-три, и затем все мирно разошлись, предварительно, впрочем, во время частных катаний начавши уже толковать и о частных предприятиях и делая для них подбор лиц. Во время этих частных бесед выяснилось, что и Перовская и еще некоторые готовы пристать к новой организации и принять участие в ее предприятиях.

До сих пор все шло гладко, хорошо, рознь в основных вопросах на время была заглушена, но вот люди разъехались. Каждый пошел по своему пути, путь этот оказался длиннее, чем предполагалось, и достигнутое соглашение стало давать трещины с каждым днем все больше и больше. На практической почве появились поводы к неудовольствию, к взаимным упрекам, и при розни в принципиальных вопросах продолжать совместную работу делалось трудней и трудней.

Я приведу два-три примера, которые покажут, как происходили дела. Денежные средства доставать от сочувствующих людей в городах было легче, чем в деревне. К тому же и городские члены обнаруживали в этом отношении больше энергии. Получают они, положим, деньги с условием, чтобы все они пошли на террористические дела. По условию, в силу Воронежского соглашения, их, однако, надо бы делить в известной пропорции как на деревенские дела, так и на городские. Но денег мало, получались-то обыкновенно не бог знает какие суммы. Как тут быть? Делить или пустить в одно какое-либо предприятие? Городские предприятия более настойчиво требуют трат, и притом сейчас, неотложно. Деревня может подождать — так рассуждают горожане, и деньги тратятся на город и в город. Поселенцы, узнав об этом, конечно заявляют свое неудовольствие: им тоже ведь необходимы деньги для расширения дел. Поэтому, раз им попадают деньги в руки, они считают себя уже вправе тратить их на себя, не делясь с городом. С обратной стороны получают упреки. Другая сторона недовольна.

Далее — типография общая, но в ней, положим, наборщики или хозяева народники. Приносят статью от горожан. Начинается критика: в словах, фразах, между строк находят несогласие с программой «Земли и воли». Отказываются набирать и печатать.

Поднимается спор; начинают убеждать, толковать, что тут нет ничего против программы. Делаются с общего согласия исправления, поправки. Статья выходит,

но чего это стоит? Раз, другой, третий такая история — и в конце полный разрыв. «Да лучше полюбовно разойтись, чем враждуя, ссорясь дружить», — заговорили все в Питере и решили разделиться.

После Воронежского и Липецкого съездов мне все время до осени пришлось быть на Юге. О несогласии, которое началось в Питере вскоре же после съезда, доходили на Юг лишь темные слухи. Большого значения сначала этому не придавалось, но вот в конце осени попадаю я в Петербург и сей же час со всех сторон слышу взаимные жалобы, а на вопрос, почему же как-нибудь не постарались уладить недоразумения, Алекс. Михайлов чуть не со слезами на глазах мне заметил: «Старались, делали все, но ей же богу под конец стало невольно, и гораздо лучше разделиться, чем выносить тот ежедневный ад, который вытекает из различия взглядов!»

В результате такого раздела и получилось две партии: партия «Черный передел» и партия «Народная воля».

Я не имел в виду, да и не мог иметь, восстановить вопросы, поднимавшиеся на Воронежском съезде, во всей их полноте. Я желал лишь дать общую картину тех условий, при которых происходил этот съезд.

Мне хотелось лишь указать наряду с принципиальной рознью, какая к этому времени образовалась, и на то, что создавало эту рознь. Поэтому-то я и остановился дольше на тех условиях, которые одних, стоявших ближе к пульсу жизни, заставляли действовать в новом направлении, других, живших в более спокойной атмосфере, удерживали при старом. Люди, которые знали о всех ужасах правительственного террора лишь по слухам, по газетным известиям, на чьих глазах не вешали, не убивали их друзей, близких людей, такие люди не могли, конечно, так живо возмущаться, как те, кому это самолично пришлось переживать, кому довелось жить, напр., в Одессе в тот кошмарный период, который наступил на Юге * с водворением Тотлебена.

* Я в пример привожу Одессу потому, что там сам был, но то же самое, конечно, было и в других генерал-губернаторствах, с той лишь разницей, что в одном было меньше ужасов, а в другом больше.

О. В. Аптекман

ОБЩЕСТВО «ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ» 70-Х ГОДОВ

Глава XIII

 В конце февраля я прибыл в Петербург. Я застал в Петербурге Александра Михайлова, Александра Квятковского, Тихомирова, Морозова, Плеханова, Зунделевича, Мощенко, Игнатова, вскоре прибыл и Попов¹.

За несколько дней до моего приезда нам нанесло правительство чувствительный удар: оно вырвало из наших рядов одного из выдающихся наших товарищей, одного из самых талантливых редакторов нашего органа «Земля и воля», Дмитрия Клеменса.

Итак, я снова среди моих дорогих товарищей, я снова в моей дорогой рабочей семье!

Что же я нашел в ней?

«Глубокими, неизгладимыми чертами врезалось то время в моей памяти, и я расскажу все, что увидел и услышал тогда, оставаясь верным правде. Когда я прибыл в Петербург, то уже была решена еще одна смерть — Дрентельна. На мой вопрос, чем заслужил этот джентльмен такую незавидную участь, мне представили что-то вроде обвинительного акта. Дрентельн между прочим виновен главным образом в том, что ввел ссылку в Якутскую область в систему. Не скажу, чтобы этот и многие другие пункты обвинения казались мне достаточно сильными и убедительными, чтобы за это отнять у человека жизнь. Но мой голос тогда, конечно, уж не мог иметь значения, так как приговор был уже произнесен громадным большинством голосов членов Совета

против одного, который совсем воздержался от голосования*.

Этот последний, насколько мне помнится, был так же, как и я, мало убежден в необходимости такой крутой меры. Тем не менее все решено и подписано. Дрентельн выслеживается шаг за шагом, и наконец в один прекрасный петербургский день — 13 марта 1879 года — раздается выстрел ловкого всадника: это стрелял Мирский. Но стрелок — увы! — промахнулся. Остальное известно².

Правительство пустило в ход свою, обычную в таких случаях, тактику.

За выстрелом Мирского последовали такие дни, каких не припомнит Петербург. Редко проходила ночь без 60—80 обысков и арестов. Тюрьмы, крепости, замки и даже полицейские участки были буквально битком набиты людьми всякого возраста, пола и звания. <...> Даже полиция, говорят, и та уже стала роптать: ни днем ни ночью отдыха нет.

Дрентельн — что и говорить! — опытный рыболов, но крупная рыба, к несчастью его, не клевала — и улов в конце концов не удался. Мирского он не поймал. «Вольной типографии» не открыл и почги ежедневно под самым его носом происходивших заседаний землевольского Совета не накрыл. Совет же в это время развил неслыханную почти энергию и лихорадочную деятельность. К сожалению, это уже не был тот Совет, каким я его знал два года тому назад. Не было в нем того единства, того согласия, той прямоты и искренности, которая отличала его прежде.

Я увидел это несколько дней спустя по прибытии моем в Петербург.

Я был поражен, как громом. «Деревенщина» наша — М. Попов, Плеханов, Мощенко и Игнатов, — с пеною у рта, говорила мне о террористических стремлениях нашей администрации и большинства членов редакторской группы, а также и других наших товарищей. *Audiatur et altera pars!* (Выслушаем и другую сторону!) И я обратился за объяснениями к террористам. Террористы, между которыми было немало людей мне симпатичных, уверяли меня, напротив, что это одно лишь печальное недоразумение, что они ни на йоту не отступают от прежней программы, что все предприятия их решались Сове-

* Это был член редакции, Плеханов.

том, в котором участвовала и «деревенщина», дававшая на все эти предприятия свое согласие, что, одним словом, положение вещей мне передано в извращенном виде. Одни из них были несомненно искренни в своих уверениях: они смотрели на террор, как на действия, отнюдь не противоречащие, не исключающие — боже упаси! — деятельности в народе. Другие политиканствовали. Третьи, наконец, категорически заявили мне, что, по всему вероятно, деятельность примет иное направление, неизбежное в силу самих вещей. Признаюсь, мне было чрезвычайно трудно ориентироваться как в впечатлениях, вынесенных мною из разговоров и объяснений моих товарищей, так и в собственных моих мыслях и чувствах.

Ад был в моей душе. Что деревенское дело — на время, по крайней мере, — погибло, в этом я был глубоко убежден и имел на это солидные основания. От самых близких моих друзей и товарищей я не скрывал этого. Но что следует делать сейчас, я сам не сознавал ясно — настолько ясно, чтобы самому взяться за это дело и привлечь к нему других. Террористической деятельности, как системы борьбы, я тогда, как и прежде, не признавал. Я допускал лишь исключительные случаи, как, например, случай Веры Засулич. Даже такие блистательные террористические акты, как убийства Мезенцова и Кропоткина, произвели на меня сравнительно слабое впечатление. Что близится время, когда политическая борьба станет необходимой и обязательной, — это я видел уже тогда. Но я не мог еще тогда это только что обозначавшееся новое течение вполне понять, чтобы оно было убедительно для меня и для других. Фатальная же логика событий отнюдь не была для меня убедительным аргументом. И даже наоборот. Обязательно и необходимо было — казалось мне — бороться против этой опасной и вредной логики, ибо в случае полного успеха политической борьбы, в случае благоприятного ее исхода, положение народа от этого только ухудшилось бы.

Это было тогда мое убеждение, равно как и убеждение многих народников-революционеров. Оно так глубоко укоренилось в нас, что от него нелегко было так скоро отделаться. Мы были убеждены в том, что за нас, видите ли, стоит «исторический опыт Западной Европы». Повторяю, я не знал, что делать, понимая это в обширном, конечно, смысле. Специально для себя я наметил дело. Оно не противоречило моим убеждениям, не терзало меня сомнениями. Но этого было мало. Как чело-

век организации, я на первый план ставил *общее* дело, *дело в полном его объеме*, а не оторванный клочок. В Петербурге я застал и других беглецов из деревни, вольных и невольных.

Одни из них, скрепя сердце, пристали окончательно и бесповоротно к террору, как, например, Квятковский и Михайлов; другие же, оставаясь верными своему знамени, звали в деревню, хотя звать-то, признаться, было некого и идти некуда!

Путь был загроможден всевозможными препятствиями, а людей, способных расчистить этот путь, было самое большее — десяток-другой. Одна ласточка весны не делает. Но тем не менее они упорно продолжали выкликать ласточек, но — увы! — время их прошло: на зов их никто не явился! Вот эти-то товарищи больше всего старались противодействовать террористическим стремлениям, хотя, по непонятному для меня противоречию, они же вотировали с террористами за те или другие дезорганизаторские предприятия *. Принципиальные разногласия обострялись с каждым днем и стали принимать характер *личных* раздоров.

В нашу семью, таким образом, было брошено семя раздора, которое не замедлило вскоре принести плоды. В редакционной и типографской группах нет ладу, а о Совете и говорить нечего: пререканиям и упрекам всячески нет конца. «Деревенщина» предложила мне составить докладную записку и представить ее в ближайшее заседание Совета. У меня с «деревенщиной» *общего* было — во-первых — безусловное отрицание террора как формы борьбы вообще, а во-вторых — *отрицательное мое отношение к политике*. В деревню я сам тогда не звал, ибо знал настроение деревни и размер наших деревенских сил. Моя записка поэтому скорее имела характер протеста против начавшихся раздоров в нашей семье. Я призывал к примирению, убеждал оставить террористический путь, как крайне опасный, могущий нас завести в такие дебри и трущобы, из которых нам потом выхода не будет. О деревне я тоже упомянул. Во-первых — потому, чтобы заплатить дань «деревенщине», а во-вторых — в то смутное тяжелое время, в том сплошном мраке, который окутал меня тогда, деревня осталась единственной светлой звездочкой, сулившей —

* Теперь я считаю возможным и необходимым оговориться, что это не относится к Плеханову, который *всегда* высказывался против террора, за исключением *экономического*.

правда, очень туманно — более радостные дни. Я не рассчитывал на успех моей записки. Я знал уже хорошо настроение моих товарищей и положение вещей.

Записка была представлена и произвела благоприятное вообще впечатление» (из моих воспоминаний 1883—84 гг.)³

Милый, симпатичный и чуткий Квятковский, прочитав внимательно записку, сделался темнее темной ночи. Лев Тихомиров, улыбнувшись, проговорил: «А Осип может писать!» Александр Михайлов, ясный, светлый и спокойный, как всегда, подчеркнув следующие мои слова в записке: «опытный воин, хороший стрелок, не растрачивает зря всех своих зарядов, а берегает их к необходимому моменту», заметил при этом: «А когда, Осип, можно узнать объективно, что настоящий момент настал? Ты полагаешь, что мы рано выступили на борьбу с правительством, а мы вот противоположного мнения!» Так моя записка и осталась без последствий. Дела наши пошли своим чередом, как это я раньше предвидел. Наши товарищи-террористы между тем приготовили нам новый сюрприз. Сюрприз этот явился со стороны редакции «Листка Земли и воли»*. <...> Я говорю о руководящей статье № 2 и 3 «Листка», в которой поистине высказывалась черная ересь. Руководящая статья этих двух номеров⁴ посвящена факту покушения на жизнь Дрентельна и помечена 14 марта, т. е. появилась на другой день покушения. Эта статья характерна во многих отношениях, но прежде всего рисует наглядно настроение большинства землевольской редакции и нашего «центра». Прежний спокойный, проникнутый благородным величием тон наших прокламаций и публичных объяснений по поводу политических убийств (смотри, напр., прокламацию Кравчинского «Смерть за смерть» по поводу убийства Мезенцова и прокламации Плеханова и Адриана Михайлова — по поводу оправдания В. И. Засулич)⁵ заменен теперь крикливо-вызывающим, полным всяческих заклинаний тоном. Прочтите хоть следующие, взятые наугад строки: «*Политическое убийство — это осуществление революции в настоящем*»**. «Неведомая никому» подпольная сила вызывает на суд высокопоставленных преступников, постановляет им смертные приговоры — и сильные мира сего чувствуют, что почва те-

* Редактором этого «Листка» был тогда, если не ошибаюсь, Н. Морозов.

** Курсив везде наш. — О. А [птекман].

ряется под ними, что они с высоты своего могущества валяются в какую-то мрачную неведомую пропасть. И дальше.

«...Политическое убийство — это самое страшное оружие для наших врагов, оружие, против которого не помогают им ни грозные армии, ни легионы шпионов. Вот почему враги боятся его.

Вот почему 3—4 удачных политических убийства заставили наше правительство вводить военные законы, увеличивать жандармские дивизионы, расставлять казаков по улицам, назначать урядников по деревням — одним словом, выкидывать такие *salto mortale** самодержавия, к каким не принудили его ни годы пропаганды, ни века недовольства во всей России, ни волнения молодежи, ни проклятия тысяч жертв, замученных им на каторге и в ссылке... Вот почему *мы признаем политическое убийство за одно из главных средств борьбы с деспотизмом***.

На нас, «деревенщиков», эта статья произвела прямо-таки удручающее впечатление. Да не только на нас. Я тогда стал завязывать сношения с молодежью, а через Плеханова — и с городскими рабочими. Я могу сказать, положив руку на сердце, что та именно часть молодежи и рабочих, которая в то время была занята творческой, *организационной* деятельностью — «Землячество» и «Северно-русский рабочий Союз» — была положительно против таких политических экспериментов наших товарищей-террористов. Дело в том, что каждый такой дезорганизаторский факт обыкновенно завершался *ответным* правительственным разгромом большей или меньшей силы, со всеми вытекающими из него для молодежи и рабочих роковыми последствиями.

Мы после такого разгрома все более и более теряли свои лучшие силы, и близился уж роковой день с его отчаянным криком: «Вар, отдай мои легионы!»⁶

Но все это были только цветочки, а ягодки ожидали нас еще впереди. Наши товарищи-террористы готовились к пасхе 1879 года преподнести нам «христово яйцо» — и готовились весьма политично. Дело вот в чем.

В Петербург в то время прибыли Александр Соловьев, Гольденберг и Кобылянский. Они завязывали конспиративные сношения с нашими террористами — Зунделе-

* Буквально: смертельный прыжок (*итал.*). Здесь — отчаянные шаги.

** Курсив везде наш. — О. А.

вичем, Александром Михайловым и Квятковским. Советания их касались весьма крупного вопроса — цареубийства, которое задумал совершить Александр Соловьев. Он с этою именно целью и приехал в Питер. На совещании Соловьев отвоёвывал это право себе, как он об этом и мечтал. Дело, таким образом, было решено, но Соловьеву хотелось заручиться санкцией общества «Земля и воля», и он попросил наших товарищей передать это дело на обсуждение нашего Совета. Заседание Совета было назначено на великий четверг страстной недели 1879 года. Привожу описание этого знаменательного заседания, как оно записано было мною еще под свежим впечатлением в 1883—84 годах в Якутской области.

«Заседание имело быть весьма бурным, и я опасался, чтобы оно не окончилось разрывом. Предмет обсуждения — цареубийство. Администрация внесла это предложение в Совет и желала выслушать его мнение на этот счет. Мнения, как и следовало ожидать, резко разделились. «Деревенщина» была против, а администрация и другие члены были за предложение. Я не припомню такого бурного заседания, как это. «Деревенщина» пересыпала свои возражения массою сарказма и шпилек. Террористы держались очень сдержанно, хотя, очевидно, были сильно возбуждены. Я, конечно, был в числе противников цареубийства. Я, помнится, не вдавался ни в какие теоретические по этому поводу соображения, а стоял лишь на практической почве. Я доказывал, что тем способом, каким имеется в виду осуществить цареубийство, девяносто девять против одного говорит за полную неудачу попытки. Но покушение тем не менее окажет свое действие: за ним последует военное положение, т. е. такое положение вещей, из которого *единственным* выходом может быть вторичное, третичное — целый ряд покушений на цареубийство, инициативу и исполнение которых *должна* будет уже обязательно взять на себя сама партия, на собственный страх и риск. А потому, — заключил я, — не следует совсем начинать такое дело, исход которого мало что сомнителен, но обещает еще массу замшательств.

Замечательно, что против второго моего положения возражали сторонники цареубийства, те, которым, как я теперь в этом убежден, именно *этого* и хотелось; на самом деле все уже было предусмотрено и решено.

Обратились же они к Совету главным образом по настоянию Соловьева, которому сильно хотелось для

дела своего заручиться санкцией землевольцев. Это во-первых. А во-вторых — администрация и остальные наши террористы, очевидно, имели в виду этим обращением основательнее позондировать «деревенщину» и окончательно убедиться в том, насколько они могут рассчитывать на нее в смысле содействия их планам. В этом последнем отношении цель администрации была вполне достигнута. В Совете ясно обозначались два полярно-противоположные течения, которые если не привели тогда к расколу общества, то благодаря тому, что в Совете не было и трети всех членов общества. Относительно же предполагаемого покушения «деревенщина» (большинство Совета) потребовала, чтобы администрация передала Соловьеву несочувствие его предприятию.

Заседание Совета окончилось постановлением, чтобы, ввиду ожидаемой травли, большая часть нелегальных землевольцев, за исключением администрации и тех лиц, присутствие которых безусловно необходимо в Петербурге, оставила город». <...>

Выстрел Соловьева раздался 2 апреля 1879 года.

Правительство, как можно было ожидать, ответило на него целым рядом драконовских законов.

Введено было военное положение в Петербургской, Московской, Харьковской, Киевской и других губерниях, а равно в Одессе и Ростове-на-Дону. А обычный правительственный механизм — III отделение — делал свое дело. Массовые аресты, ссылки и разгромы достигли крайней своей степени. Государь в своем ответе петербургской думе сказал: «Благодарю вас, господа, за чувства, выраженные за вас вашим головою. Я в них никогда не сомневался. Обращаюсь к вам, господа: многие из вас домовладельцы. Нужно, чтобы домовладельцы смотрели за своими дворниками и жильцами. Вы обязаны помогать полиции и не держать подозрительных лиц. Нельзя относиться к этому спустя рукава. Посмотрите, что у нас делается. Скоро честному человеку нельзя будет показаться на улице. Посмотрите, сколько убийств. Хорошо, меня бог спас. Но бедного Мезенцова они отправили на тот свет. В Дрентельна тоже стреляли. Так я надеюсь на вас. Ваша помощь нужна. Это ваша обязанность».

День 2 апреля врезался глубоко в моей памяти, и я расскажу, что представлял собою Петербург в этот день.

В этот день я и Мощенко находились на Невском. Мы

видели, как Александр II вернулся из Казанского собора. Царь сидел в своей коляске, закутанный в своей шинели. Во время его проезда раздалось жиденькое «ура» — и замерло. Я с Мощенко весь этот день до поздней ночи ходили по Петербургу, побывали во многих трактирах, ресторанах и — о чудо! — нигде ни слова о покушении на царя.

Наученный горьким опытом, Петербург просто замолчал это крупное событие. Не молчал только Дрентельн: он за это время вполне развернулся. Третье отделение заработало. За одну святую неделю произведено сотни арестов и высылки из столицы. Некоторые организации страшно разгромлены. «Северно-русский рабочий Союз», едва только ставший на ноги, разбит; наша рабочая конспиративная квартира захвачена, хозяин ее арестован, хозяйка, Якимова («Баско» тож), едва спаслась. Я сам чуть ли не чудом спасся: уж подходил было к квартире, как на лету схваченный мною подозрительный взгляд дворника обратил меня вспять. Так я и двух месяцев не поработал с рабочими. Сильно также пострадали и студенческие организации — «землячества». Вообще Петербург имел какой-то растерянный вид. Но мои товарищи-террористы высоко держали голову. В № 5 «Земли и воли» — он же был и *последним* — в статье «Отголоски 2-го апреля» о покушении на жизнь царя говорится уже в таком тоне, который не оставлял ни малейшего сомнения в том, что партия (в статье говорилось от имени партии) отныне выступит решительно на борьбу с правительством.

«Правительство, — говорится в этой статье, — объявляет себя в опасности, объявляет открытую войну уже не одним революционерам, а всей России. Пусть будет так. Мы не знаем пока, хватит ли у правительства сил для этого, чтобы сделать из этого военного положения не смешной фарс, а нечто действительно ужасное. Но это все равно.

Будут ли расстреляны десятки или сотни, будут ли высланы тысячи или десятки тысяч — не спасти себя правительству подобными мерами. Беззаконие, бесправие, деспотизм, насилие, попрание личности и всей страны — губили правительство до сих пор: они создали у нас революционную партию, они дали ей решимость биться насмерть с правительством, они доставили партии сочувствие всех порядочных людей. Доводя свои основные принципы до самого безрассудного абсурда,

правительство дает революционной партии только новые средства.

Мы знаем — много отдельных личностей из нашей среды погибнет, но гибель единиц не страшна для партии, когда весь ход истории ведет к революции, когда само правительство берет на себя труд уяснить России до очевидности, что такое наше современное государство. *Мы принимаем брошенную нам перчатку, мы не боимся борьбы и в конце концов взорвем правительство, сколько бы ни погибло с нашей стороны»**

Вот каким языком заговорил наш центральный орган по поводу события 2 апреля! Надо быть глухим, чтобы не слышать в этом тоне резких *политических нот!* <...>

«Еще одно последнее сказанье» — и конец моим воспоминаниям. Наступал конец апреля. Оставаться в Петербурге было тяжело. Повсюду заработали военные суды: казни, казни и опять казни! 20 апреля повешен за вооруженное сопротивление подпоручик Владимир Дубровин; 14 мая в Киеве устраивается на «законном основании» бойня: повешены Валериан Осинский, Брантнер и Антонов (Свириденко); 28 мая в Петербурге казнен покушавшийся на цареубийство Соловьев; 18 июля казнены в Киеве Федоров (Гобст) и Бильчанский; 10 августа в Одессе казнены Лизогуб, Чубаров и Давиденко; в Николаеве того же числа — Виттенберг и Логовенко.

Таков революционный мартиролог за лето 1879 года.

«Вихрь злобы и бешенства носится над тобою, страна безответная!..» Страна молчала. Только две враждебные силы выступили друг против друга, борясь на жизнь и на смерть, — правительство и революционная интеллигенция.

И чем энергичнее работает царский палач, тем упорнее и ожесточеннее становятся нападения революционеров. Все поставлено на карту. Все помыслы сосредоточены на одном, вся революционная страсть и воля направлены теперь на одно лицо, как на фокус, куда должны собраться все революционные силы террора. Этот фокус — глава государства. В № 4 «Листка Земли и воли» редакция, говоря от имени партии, прямо заявляет:

«Да, пока живем при современных условиях — царь не может быть неответственным за все, что делается в России, и немудрено, если в народе являются мужест-

* Курсив наш. — О. А.

венные и самоотверженные люди, решающиеся ценою своей гибели протестовать против того, кто олицетворяет собою реакцию и задушение всякой свободной и честной деятельности». И жребий брошен.

Террористическая деятельность становится отныне верховным принципом революционной тактики вообще, а царевубийство — лозунгом. Все это пока не обосновывается теоретически, не возводится, как теперь говорят, в идеологию, но *практически* система борьбы уже восторжествовала: террор задает всему тон. В *теории* все террористы — еще *народники*, а на *практике* расчленение уже выступило очень выпукло. Да и в центральном органе «Земля и воля», как мы уже видели, противоречия между теорией и практикой давали себя уже живо чувствовать. Начался *разброд* мнений и сил.

Между тем время настало до того горячее, что в такой момент идти врозь казалось совершенно безумием. Мысль о том, что необходимо спеться, сговориться, все более и более овладевала землевольцами. И ярким выразителем этой назревшей потребности явился М. Р. Попов. Он списался с «центром» и одновременно предпринял окружное путешествие по всем тем местам, где «жили-были» землевольцы.

В пользу съезда высказались все землевольцы.

В Тамбове уже собрались многие, особенно те, которые жили в этой губернии. Там уже в то время — в начале июня — находился сам М. Р. Попов, «Титыч», Мощенко, В. Н. Фигнер, «Егорыч» («Юла» тож), Юрий Богданович и пишущий эти строки. Съезд был первоначально намечен здесь, в Тамбове, но по непредвиденным обстоятельствам, о которых в своих воспоминаниях в «Былом» говорит М. Р. Попов, его (съезд) пришлось перенести в Воронеж, куда должны были собраться все к 20 июня, если не ошибаюсь⁷.

Землевольцы стали съезжаться понемногу.

Ввиду громадного значения конгресса, собравшиеся раньше землевольцы решили устроить несколько предварительных частных совещаний. Это была благоразумная мера. Необходимо было прежде всего спеться в главном, чтобы облегчить, таким образом, работы конгресса. Таких частных совещаний было 5 или 6.

На этих заседаниях были отмечены и поставлены те вопросы, которые подлежали обсуждению и окончательному решению конгресса. С особенной тщательностью рассматривался и обсуждался, пункт за пунктом, глав-

ный предмет обсуждения — *программа*. Намечены необходимые изменения и дополнения. В связи с программой был, конечно, жгучий вопрос того времени — террор вообще и царубийство в частности. Несмотря на жар, с которым обсуждался этот вопрос на предварительных совещаниях, общее настроение было таково, что можно было наверное рассчитывать если не на полное, то во всяком разе на такое соглашение, которое было бы вполне достаточно для сохранения целостности Общества. Наконец, все члены собрались, и конгресс открыл свои заседания.

На конгрессе участвовали следующие землеvolьцы:

Александр Михайлов, Александр Квятковский, Плеханов, Тихомиров, Морозов, В. Н. Фигнер, С. Перовская, М. Ошанина, Тищенко («Титыч»), М. Р. Попов, Харизоменов («Сергей Андреев»), Николаев («Егорыч»), Короткевич («Ко-кевич»), М. Фроленко и пишущий эти строки.

Некоторые из товарищей, не дождавшись съезда, разъехались в свои деревни (Мощенко и Хотинский), другие же, по тем или другим причинам, не успели прибыть (Преображенский и Пресняков).

Во время заседаний конгресса были вновь приняты в общество «Земля и воля» следующие лица: *Желябов, Ширяев, Колодкевич и Сергеева*⁸.

Всех заседаний конгресса было 8—10, по два заседания в день. Заседания происходили на открытом воздухе, то в одном из самых уединенных и живописных уголков Ботанического сада, то в архиерейской роще, то на лодках на реке Воронеже. Чаще всего, если не ошибаюсь, мы собирались в Ботаническом саду.

Недалеко от лужайки в Ботаническом саду, на которой мы заседали, расположены были несколько столетних дубов, укрывавших нас от постороннего взгляда. Александр Квятковский вырезал на одном из гигантов-дубов следующие слова: «Здесь заседал конгресс землеvolьцев», далее следуют: месяц, число и год. Этот дуб, вероятно, и теперь находится там, как немой свидетель одного из самых драматических моментов в жизни землеvolьцев. На этой исторической поляне много было передумано гордых дум, много было пережито и выстрадано...

На этой именно поляне Морозов, если не ошибаюсь, прочел полученное нами из Киева письмо-завещание нашего милого, дорогого Валериана Осинского.

Привожу это письмо в том виде, как оно сохранилось в «Листке Земли и воли» (№ 6), с кое-какими личного свойства выпусками.

«Дорогие друзья и товарищи!

Последний раз в жизни приходится писать вам, и прежде всего самым задушевным образом обнимаю вас и прошу не поминать меня лихом.

Мне же лично приходится уносить в могилу лишь самые дорогие воспоминания о вас.

...Мы ничуть не жалеем о том, что приходится умирать, ведь мы же умираем за идею, и если жалеем, то единственно о том, что пришлось погибнуть почти *только* * для позора умирающего монархизма, а не ради чего-либо лучшего, и что пред смертью не сделали того, чего хотели. Желаю вам, дорогие, умереть производительнее нас. Это единственное, самое лучшее пожелание, которое мы можем вам сделать. Да еще: не тратьте даром вашей *дорогой* крови! и то — все берут и берут...

...Мы не сомневаемся в том, что ваша деятельность *теперь* будет направлена в *одну* сторону. Если бы даже вы и не написали об этом, то мы и сами могли бы это вывести. Ни за что более, по-нашему, партия физически не может взяться. Но для того, чтобы серьезно повести дело террора, вам необходимы люди и средства.

Больше, кажется, нечего писать о делах. Так и рвешься броситься в теорию — да руки коротки... и торопишься, и все такое прочее. Дай же вам бог, братья, всякого успеха! Это единственное наше желание пред смертью! А что вы умрете, и, быть может, очень скоро, и умрете с не меньшей беззаветностью, чем мы,— в этом мы ничуть не сомневаемся. Наше дело не *может* никогда погибнуть — эта-то уверенность и заставляет нас с таким презрением относиться к вопросу о смерти. Лишь бы жили вы, а если уж придется вам умирать, то умерли бы производительнее нас. Прощайте и прощайте!..

Поцелуйте от меня всех моих товарищей и знакомых, здешних и заграничных, кто только не забыл меня.

Многие имели против меня (хотя в большинстве в силу недоразумения) кое-что; пусть хоть теперь позабудут старые счеты. Я же ни к кому не уношу в могилу вражды.

Ты просил, В., наших биографий. Зачем, брат!

* Курсив Осинского везде.

Если понадобится, то и без нас их могут составить.

А вообще, пусть забывают нас, лишь бы самое дело не заглохло. Прощайте же, друзья-товарищи дорогие, не помпайте лихом. Крепко, крепко от всей души обнимаю вас и жму до боли ваши руки в последний раз...

14 апреля 1879 г.

Ваш Валериан.

Мою сестренку сейчас по выходе ее из тюрьмы со свидания арестовали и выслали».

Одновременно с этим мы получили роковое известие из Одессы: над другим нашим дорогим товарищем, Дмитрием Лизогубом, тоже уже нависла рука палача. Все это внесло в настроение многих членов съезда то чувство глубокой скорби, гнева и ненависти, которое хорошо знает тот, кто хоть раз испытал гибель дорогих товарищей... И я глубоко убежден в том, что это именно чувство сыграло не последнюю роль в окончательных решениях вопросов о терроре⁹. О чем сейчас.

Прежде чем открыть конгресс, приступили к выбору президента, который руководил бы прениями и формулировал постановления конгресса.

Единогласно выбран «деревенщик» «Титыч».

Первым очередным вопросом была, само собою, программа, в широком смысле этого слова. *Основные положения землевольской программы остались неизменными.* Центр тяжести революционной деятельности должен, по-прежнему, обязательно лежать в народе (в деревне). Экономическая революция — цель этой деятельности. В пункте, трактующем об *агитации* в деревне, сделано весьма важное, в практическом смысле, дополнение: *признается необходимым и своевременным организовать в деревне систему террора*, подобную ирландскому ронбонизму. Пункт этот характерен в двояком отношении. *Во-первых*, — он рисует *общее* настроение того времени: террористическая окраска составляет основной тон его, так что даже «деревенщина» и та не могла освободиться от этого. *А во-вторых*, — он ясно указывает, какие успехи «деревенщина» сделала в смысле изучения и ознакомления с условиями деревенской революционной деятельности.

Мы думали тогда, что аграрному террору, как особой форме агитации, с целью революционной организации в деревне принадлежит в ближайшем будущем блестящая роль. Современные экономические условия, рассуждали мы, все более и более усложняющиеся, будут

императивно гнать народ на этот путь. И плоха будет, полагали мы тогда, та революционная партия, которая не сумеет воспользоваться уже готовыми, самим народом созданными фактами. Заслуга «деревенщины» состояла именно в том, что она предвидела возможность зарождения аграрного террора, а потому она и требовала, чтобы почин в этом деле принадлежал ей, революционной интеллигенции. Пункт этот был принят единогласно, и даже сторонники политического («городского») террора весьма сочувственно отнеслись к постановлению конгресса — предоставить в распоряжение «деревенщины» необходимые средства и людей, способных и готовых заняться этим делом в деревне.

Второе предложение, стоявшее на очереди, был политический террор — это яблоко раздора между землевольцами. Предложение это дебатировалось так страстно и бурно, что президенту с большим трудом удалось водворить порядок в прениях и формулировать в окончательном виде преобладающее мнение конгресса на этот счет.

Особенно резким, энергичным и непримиримо-последовательным противником террора, или дезорганизации, как тогда еще выражались, был Плеханов.

— Чего добиваетесь вы, — обратился он прямо с вопросом к террористам, — на что вы рассчитываете?

— Мы получим конституцию, — неожиданно в пылу спора выпалил Михайлов, — мы дезорганизуем правительство и принудим его к этому!

Произошло полное замешательство. Плеханов горячо возражал, что дезорганизаторская деятельность наша только приведет к усилению правительственной организации, что в окончательном результате борьбы победа окажется на стороне правительства, что единственная перемена, которую можно с достоверностью предвидеть, это — вставка трех палочек, вместо двух, при имени «Александр»; что, дальше, стремиться народнику-революционеру к конституции почти равносильно измене народному делу. Желябов поставил вопрос ребром и решил его прямо без обиняков: надо-де совсем отказаться от классовой борьбы, выдвигая в этой борьбе на *первый* план *политический* ее элемент¹⁰. Тихомиров старался всячески смягчить, сгладить эти резко столкнувшиеся противоречия и разногласия. В конце концов соглашение все-таки было достигнуто и я думаю, что буду близок к истине, если я выражу окончательное на

этот счет постановление конгресса в такой форме: *политический террор*, как форма борьбы, признается лишь как крайняя и исключительная мера для данных специальных случаев¹¹.

Третье предложение, подлежавшее обсуждению, касалось Лиги царевубийства*.

Петербургская секция «Исполнительного комитета» (бывшая дезорганизаторская группа) констатировала на конгрессе факт организации Лиги с целью царевубийства. Так как Лига была тесно связана с Исполнительным комитетом, а через него с обществом «Земля и воля», то, естественно, конгресс обязательно должен был решить, в какие отношения стать ему к Лиге: оказать ли ей поддержку, материальную и нравственную, или же, наоборот, разорвать всякие с нею связи и, таким образом, снять с себя ответственность за ее предполагаемое царевубийство? Вопрос в окончательном счете сводился, стало быть, к царевубийству: сочувствовать ли ему или нет? Террористы, оставаясь верными себе, высказались в пользу царевубийства вообще и данного — в особенности. «Деревенщина» же, отрицая политический террор вообще, отвергла, само собою, царевубийство как орудие борьбы. Но по отношению к данному случаю в среде «деревенщины» произошло раздвоение. Одни (*слабое* большинство) отнесли данный случай к *специальным* и *исключительным*, которые уж решены конгрессом в утвердительном смысле: стало быть, обязательно всячески содействовать планам и намерениям Лиги. Мотивы, которые они привели в пользу своего мнения, были приблизительно таковы. Военное положение создало у нас такое положение вещей, против которого должен бороться всякий свободный человек. Ответственность поэтому падает целиком на главного и единственного виновника этого. Это — во-первых. А во-вторых — благодаря военному положению, немыслимо *теперь* рассчитывать на организацию аграрного террора. Аграрный террор требует предварительной работы, которая может затянуться на неопределенное время, а этим временем правительство успеет не раз разбить нас на голову. Весь предшествующий наш опыт прекрасно иллюстрирует это. А потому, — в-третьих, — принимая во внимание

* Под «Лигою царевубийц» я для наглядности разумею ту группу террористов, в которую, ради цели царевубийства, вошли «Исполнительный комитет» общества «Земля и воля» и другие террористы-царевубийцы¹².

все вышесказанное, целесообразно *теперь* же прибегнуть к такому поводу агитации в деревне, который *скорее и вернее* вызвал бы эту последнюю, чем, например, аграрный террор. Цареубийство же, по огромному его значению, может сыграть такую роль. Нельзя же в самом деле сравнить убийство главы государства с убийством, например, какого-нибудь ничтожного кулака-миродея? Это была, конечно, черная ересь, которая глубоко возмутила правоверное меньшинство «деревенщины». Начались бесконечные споры и препирательства. Президент вынужден был объявить прения по этому вопросу оконченными, и предложение передано было на голосование.

Большинством голосов решено: *оказать Лиге содействие и деньгами и людьми*. Террористы торжествовали.

Покончивши с программой во всех ее частях, приступили к обсуждению вопроса об органе. Постановили, чтобы «Земля и воля» сохранила то направление, которое выражено в исправленной и дополненной на конгрессе программе. Тогда Плеханов попросил слова. Он начал с того, что прочел вслух некоторые места из вышеупомянутой уже нами статьи «Листка Земли и воли» по поводу покушения на жизнь Дрентельна, а именно те места, которые наиболее ярко рисуют возведенное уже в систему террористическое направление органа,— и, окончив чтение, обратился ко всем членам конгресса с вопросом,— считают ли они, товарищи, что редакция имеет право и впредь высказываться в таком духе? Снова началась сказка о белом бычке, снова завязался горячий спор, произошла схватка между Плехановым и остальными членами редакции, с одной стороны, и террористами и «деревенщиной» — с другой. Спору не предвиделось конца. Президент поставил вопрос на голосование. Слабым большинством голосов было решено, что, *принимая во внимание особенности данного момента, редакция это право имеет*.

Результаты голосования привели в ярость Плеханова. Точно ужаленный вскочил он с места и разразился страстной, едкой филиппикой против конгресса. Раз конгресс того мнения, говорил Плеханов, что «политическое убийство — это осуществление революции в настоящем»*, то это значит, что общество «Земля и воля»,

* Из статьи по поводу покушения на жизнь Дрентельна.

как носительница и выразительница революционно-народнических идей, перестает существовать, и это надо сказать прямо, открыто надо заявить об этом. А так как он, Плеханов, продолжает стоять на старой народнической точке зрения, то он не считает возможным оставаться в организации. И он оставил конгресс.

На другой день, во время заседания конгресса, Плеханов прислал собранию протест, составленный спокойно, сжато и выразительно. <...> Протест, само собою, остался без действия. Работа конгресса продолжалась своим чередом. Дело теперь стало за редакцией органа.

В редакции остались два прежних редактора, оба террористы: Н. Морозов и Л. Тихомиров. Нужен, по меньшей мере, еще один. «Деревенщина», естественно, хотела, чтобы в редакцию попал ее сторонник. Кто-то — кажется, Тихомиров — предложил меня. Редакция сочувственно отнеслась к этому предложению и настаивала на моем назначении. Я наотрез отказался. Вместо меня был выбран другой, Преображенский, прямолинейный народник¹³.

И дело уладилось. «Деревенщина» была также сильно озабочена тем, чтобы в администрации усилить элемент чисто народнический. Прежняя администрация, как я уже упомянул, тянула сторону террористов. Выбор пал на президента конгресса, «Титыча»¹⁴. «Деревенщина» осталась очень довольна этим выбором. Работа конгресса близилась к концу. Просмотрели устав и проверили кассу. Решено было, чтобы не больше $\frac{1}{3}$ имеющихся сумм тратилось на террористическую деятельность. Остальные же $\frac{2}{3}$ предназначаются исключительно для деревенской деятельности. Террористы слабо возражали против этого. Они хорошо знали, что никаких дел в деревне не предвидится, что людей для этого нет, а стало быть, все это останется мертвой буквой, деньги же по-прежнему можно будет тратить на террор. И они не ошиблись. Чтобы покончить с конгрессом, я должен сказать, что на одном из первых еще его заседаний было предложено и принято обеими сторонами — террористами и народниками — много новых лиц в общество.

В таком реорганизованном виде общество «Земля и воля» представляло собою довольно солидную революционную силу. Все, что было лучшего в революционной среде, независимо от окраски, примкнуло к обществу.

Желание действовать сообща было преобладающим. Ни террористы, ни народники не хотели разбрестись

врозь в эту тяжелую годину существования революционной партии. Это — во-первых. А во-вторых — как ни велико было разногласие во мнениях террористов и народников, но старые товарищеские симпатии, традиции недавнего прошлого, с его жертвами и победами, радостями и печалью, тени, наконец, погибших товарищей — все это — на время, по крайней мере, — одержало верх, и ослабевшие были узы общества, казалось, снова окрепли. Конгресс закрыл свои заседания. Все уехали успокоенные и примиренные. «Деревенщина» осталась тоже довольна. Она, по-видимому, приняла все меры, чтобы обеспечить свое дело. Но это только по-видимому.

На самом же деле, как это скоро обнаружилось, все дело единения было построено на песке. Элементы общества были уж слишком разнородны, чтобы из них могло образоваться прочное устойчивое соединение. Заграничные товарищи, на которых «деревенщина» возлагала свои надежды — люди с революционным прошлым и опытностью, Яков Стефанович, Дейч, Аксельрод и В. Засулич, — тоже стали в оппозицию к террористической деятельности. Разрыв был неизбежен. Никакие личные симпатии, никакие традиции не действуют: события сильнее благих желаний, а они неумолимо предписывают — разрыв и разрыв.

По окончании съезда мы разъехались. Я уехал в Петербург.

Над Петербургом нависли свинцовые тучи. Душно было в этой мертвящей атмосфере правительственного беззакония, с одной стороны, и непреодолимой инертности общества — с другой. Все замерло, точно объятые столбняком. Работали и боролись только террористы. Разбитые в одном месте, они снова собираются «к шатрам» своим — в другом.

Я вскоре получил предложение от товарищей поехать в Кубанскую область, чтобы там завязать сношения с местной революционно-народнической группой. Предложение это вполне согласовалось с моими собственными желаниями, и я отправился на Кубань. Я пробыл там с месяц, перезнакомился с местной «деревенщиной», которая, к слову сказать, произвела на меня весьма благоприятное впечатление. <...>

Переговорив обо всем с кубанской революционно-народнической группой и познакомившись еще кое с кем во Владикавказе, я вернулся в Петербург. Здесь меня ожидал тяжелый удар: воронежское соглашение оказа-

лось самым плохим из известных мне соглашений. Я стал полный разрыв среди товарищей, полный раскол, выработаны уже были все пункты разделения. Я попросил познакомить меня с условиями разделения. Мне предъявили «федеративную конституцию» — так называли мы наш договор, выработанный обеими сторонами для урегулирования наших взаимных отношений. Согласно этому договору, общество «Земля и воля» с его органом того же названия прекращает свое существование. Ни одна из образовавшихся фракций — ни террористы, ни народники — не имеет права ни своей организации, ни будущему своему органу присвоить это название. Материальные средства распределяются поровну. Обе фракции обязуются друг другу оказывать всяческую поддержку.

«Я протестовал тогда энергично, как умел и понимал*. Я говорил, что крайне неразумно, нерасчетливо расходиться нам в то время, когда наша партия еще недостаточно окрепла, когда мы еще не успели организовать в народе достаточно солидную боевую партию, когда самое положение вещей — непрерывная и неустанная борьба с правительством в той или другой форме — требует от нас большей концентрации сил и энергии».

...«Но эти резоны, к сожалению, не привели ни к чему. Одна часть ударилась исключительно в борьбу с правительством, считая ее злобою дня, другая, напротив, в силу естественной в таком случае реакции, стала вовсе отрицать необходимость в данный момент непосредственной борьбы с правительством и убеждала сосредоточить свои силы в народе».

Таким образом, разногласия о приемах борьбы перелили в разногласия принципиальные: *одни предлагали политическую борьбу на первом плане, другие — экономическую.*

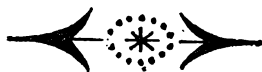
Мне хотелось спасти, по крайней мере, орган. Я думал, если «Земля и воля» будет издаваться по той же программе, которая была выработана на конгрессе в Воронеже, то обе фракции будут удовлетворены. Незачем, стало быть, дробить материальные и литературные силы; незачем давать повод радоваться правительству; незачем, одним словом, вводить в смущение молодежь,

* Из «Письма моего к бывшим товарищам», помещенного в № 1 «Черного передела».

рабочих и общество. Я высказал мои соображения и тем, и другим и предложил вести *общий* орган под тем же названием «Земля и воля». Предложение мое было принято. Переговоры по этому поводу и соглашение, буде оно состоится, возложены на специальную комиссию из 4-х человек — по двое с каждой стороны *. Комиссия собралась. Пробным камнем для этого послужила передовая статья одного из редакторов террористической фракции (Н. Морозова.— О. А.). Статья была прочитана. Я не верил ушам своим. Это была апология террора и политики; террор не только возводится в систему, но и политика поставлена во главу угла программы. Переговоры оказались излишними. И мы пошли разными дорогами.

Так общество «Земля и воля», после трехлетнего существования, прекратило свою деятельность, прекратил, согласно договору, свое существование и орган «Земля и воля» Я долго не мог примириться с этим. Я глубоко уважал моих товарищей-землевольтцев, а многих сердечно любил. И они вполне заслужили это. Со многими я работал с самого возникновения общества. Это были большие люди. Живи эти люди при иных политических условиях, они оставили бы глубокий след в теоретической и практической мысли нашей родины — в науке, литературе, искусстве и политике.

Но история имеет порою свою логику — и отвела большинству этих людей место... на Голгофе!.. Спите мирно, борцы за свободу!..

* В состав комиссии вошли: со стороны народников — Преображенский и пишущий эти строки, со стороны террористов — Морозов и Тихомиров.

В. Н. Фигнер
ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ ТРУД

Глава восьмая

1. РАЗДЕЛ «ЗЕМЛИ И ВОЛИ»

 После Воронежского съезда началась нелегальная жизнь моя. Я уехала в Петербург с Квятковским¹, который привез меня в Лесной², где вместе с С. Ивановой он держал общественную квартиру.

Квятковский всегда находил простых женщин, всецело преданных ему, и прислугой у нас в Лесном была немка, совершенно безопасная для того необычайного образа жизни, который на ее глазах мы вели совершенно откровенно.

Это была штаб-квартира землевольтцев боевого направления. Стояло лето, и дачная местность представляла много удобств для подобной квартиры. Все мы были нелегальные, и множество лиц такого положения приходило к нам по делам, не возбуждая внимания, а в основном парке, на выходе, легко было устраивать собрания под видом невинной прсгулки.

Мы так и делали: собирались на далекой окраине, куда публика не заглядывала, и располагались на сухом слое хвои среди сосен, где издали можно было заметить всякого постороннего, если бы он случайно забрел сюда.

Эти собрания начались вскоре после нашего приезда; но это были уж не собрания землевольтцев, а только тех, кто присутствовал на Липецком съезде или был постоянным посетителем дачи. Тут на первых же порах Квятковский, Морозов и Михайлов³ стали жаловаться на сторонников деятельности в деревне, что они тормозят ра-

боту по террору. «Решение Воронежского съезда о царевбийстве,— говорили они,— надо выполнять, не теряя времени, иначе приготовления к осени, когда Александр II из Крыма должен возвращаться в Петербург, не будут сделаны. Между тем для устройства покушений в нескольких местах по пути следования есть и достаточный запас динамита, и необходимый персонал». Но, как было раньше, так и теперь, по их словам, противники террора всячески оттягивают выполнение. Силы уходят на споры и внутренние трения; вместо того, чтобы действовать решительно и единодушно, в будущем предстоят колебания, уступки и компромиссы. Воронежский съезд не устранил, а только затушевал разногласия, и, чтобы не парализовать друг друга, лучше разойтись и предоставить каждой стороне идти своим путем.

Еще и еще говорили они на ту же тему, и возражений теперь не было: главные оппоненты — Плеханов, Попов, Стефанович⁴ — отсутствовали; Перовская и я, которые в Воронеже колебались, стараясь сохранить единство организации, перестали сопротивляться, когда дело коснулось практики и петербургские товарищи открыли нам, что все средства для покушений приготовлены и остается только осуществлять замысел, вместо того чтобы стоять на мертвой точке. Общее настроение, очевидно, было за раздел. Вопрос о судьбе «Земли и воли», о разделе был поставлен, наконец, ребром и решен утвердительно.

Для выработки условий с обеих сторон были выбраны представители. Шрифт, которым печатался партийный орган, достался сторонникам новой программы⁵. Старая хозяйка типографии Мария Константиновна Крылова, которую, вероятно, благодаря имени, называли богородицей, была определенно против новшества и осталась у сторонников старой программы. Запас шрифта, добытого Зунделевичем, был передан им, и они могли тотчас же организовать свою собственную печатню. Хозяйкой у новаторов намечалась Софья Иванова*, знакомая с типографским делом, так как в свое время была наборщицей в типографии Мышкина в Москве⁶. Малообразованная Грязнова, игравшая роль прислуги в типографии «Земли и воли», переходила к нам, как к людям, которым она сочувствовала больше. В остальном персонале недостатка не было: хозяином согласил-

* Впоследствии по мужу Борейша,

ся быть Бух, а Цукерман и «Пташка» взялись быть наборщиками. Денежные средства решили разделить поровну, но они были лишь в перспективе: большое состояние прежнего чайковца, члена «Земли и воли» Дм. Лизогуба состояло в имениях; полную доверенность на управление ими он дал Дриго, которому доверял безгранично. Ему он поручил продать все и деньги передать «Земле и воле». Но Лизогуб уже несколько месяцев находился в тюрьме в Одессе. Осенью его казнили вместе с Чубаровым и Давиденко. А Дриго? Дриго изменил чести и продался правительству, надеясь сам воспользоваться богатством своего великодушного и доверчивого друга⁷. Ал. Михайлов, через которого землеvolцы вели денежные сношения с Дриго, не мог не только получить никаких сумм от Дриго, но чуть не попал в ловушку, устроенную предателем.

Так, насколько я помню, наши прежние товарищи по «Земле и воле» не получили ничего, а у нас оставался ресурс — 23 000 руб., обещанные и действительно переданные нам супругами Якимовыми, которые сочувствовали террору. Кроме того, Зунделевич передал нам 8 тысяч руб., которые хранились у него, как предназначенные Лизогубом специально на террористические дела.

По соглашению, ни одна из двух фракций, на которые распалась «Земля и воля», не должна была пользоваться прежним названием, уже завоевавшим известность и симпатии в революционных кругах; обе стороны оспаривали друг у друга это право, и ни одна не хотела уступить другой всех преимуществ продолжателя и наследника раньше действовавшей организации.

Сторонники старого направления, сосредоточившие свое внимание на аграрном вопросе и экономических интересах крестьянства, приняли название «Черный передел», а мы, стремившиеся в первую очередь к ниспровержению самодержавия и замене воли одного — волей народа, взяли название «Народная воля».

Так, по выражению Морозова, мы разделили и самое название прежней организации: чернопеределцы взяли «землю», а мы — «волю», и каждая фракция пошла своей дорогой.

2. «НАРОДНАЯ ВОЛЯ»

В то время как фракция «Черного передела», сохранив в главных чертах программу «Земли и воли», лишь подчеркнула в ней непосредственную деятельность в на-

роде и необходимость организации его для экономической борьбы против буржуазии, народовольцы в основе своей программы положили начало совершенно новому. Этим началом было значение и влияние централизованной государственной власти на весь строй народной жизни. Этот элемент играл, по их мнению, громадную роль во все моменты нашей истории. Как во времена давно минувшие эта государственная власть разрушила федеративные начала политического строя древней России; народ, искони обращенный в податное сословие, она сделала сначала крепким земле, а потом отдала в личное рабство; создала дворянство, сначала как служилый, потом как свободный от тягостей государственной службы поместный класс, а когда этот класс обнищал и захудал, а знатнейшие боярские роды к началу XVIII столетия обеднели и вымерли, то рядом «всемилошнейших» колоссальных раздач государственных земель и казенных крестьян положила начало той крупной, знатной и богатой собственности, которую застала эпоха освобождения крестьян, — так в новейшее время, освободив в 1861 году крестьян от личного рабства, та же государственная власть взяла на себя роль главного эксплуататора свободного труда: она наделила крестьянство земельным наделом, стоящим далеко ниже крестьянской рабочей силы; обременила этот недостаточный надел такими несоразмерными платежами и налогами, что они поглощали весь валовой доход крестьянина, а во многих местах превышали доходность земли на 200 и более процентов. Эти платежи составляли, таким образом, непомерный налог на труд, доходивший до 40—50 рублей на взрослого работника.

Создав таким обременительным способом громадный государственный бюджет, 80—90 процентов которого доставляются низшими классами, централизованная государственная власть употребляла его почти всецело на поддержание внешнего могущества государства, на содержание армии, флота и на уплату государственных долгов, сделанных для тех же целей, бросая лишь жалкие крохи на производительные расходы, удовлетворяющие таким насущным народным потребностям, как народное образование и т. п. Такое положение вещей соответствовало вполне принципу, что народ существует для государства, а не государство для народа. Рядом с подобной эксплуатацией народа государством бледнеет всякая частная эксплуатация. Но, не довольствуясь этим,

правительство употребляло все усилия для поддержания этой последней: как прежде оно создало дворянское землевладение, так теперь оно стремилось к созданию буржуазии. Вместо того чтобы взять сторону народного хозяйства, оно поддерживало частных предпринимателей, крупных промышленников и железнодорожников. По свидетельству всех экономистов, за целое двадцатилетие со времени освобождения крестьян не было предпринято ни одной меры к улучшению экономического быта народа; напротив, вся финансовая политика правительства была направлена на создание и поддержку частного капитала; субсидии, гарантии и тарифы, все экономические мероприятия за этот период были обращены в эту сторону, и в то время как на Западе правительство служит орудием и выразителем воли имущественных классов, уже достигших господства, у нас оно являлось самостоятельной силой, до известной степени источником, творцом этих классов. Таким образом, в сфере экономической современное государство представлялось «Народной воле» крупнейшим собственником и главнейшим самостоятельным хищником народного труда, поддерживающим других, более мелких эксплуататоров. Угнетая народ экономически, правительство оставляло все классы его бесправными в области политической: в лице более чем 10 000 000 сектантов и раскольников народ страдал от отсутствия свободы вероисповедания; фискальные и полицейские меры лишали его свободы передвижения; отсутствие свободы преподавания держало в вынужденном невежестве; народ был лишен всех способов заявлять правительству о своих нуждах и потребностях, так как не существует права петиций, и, наконец, вся жизнь народа была подчинена необузданному производству администрации.

Не лучше, говорили народовольцы, политическое состояние и других слоев общества: земство превращено в сборщика податей; оно не может входить с представлениями о нуждах населения; умышленно держится в разобщении; его голос остается неслышанным по самым существенным вопросам народного быта (например, по вопросу о введении подоходного налога); в области народного образования оно подчинено министерству народного просвещения и в непосильной борьбе с ним приходит к грустному решению закрыть земские школы (как это было в Тверском земстве); земские выборы и собрания поставлены в зависимость от административной вла-

сти. Единственный способ, через посредство которого общество могло бы влиять на правительство и через него на жизнь, — литература и пресса — находятся в состоянии полной подавленности. Там, где нет свободы научного исследования и свободы слова, что может представлять собой печать? Но и в тех узких рамках, которые ей предоставлены, она остается гласом вопиющего в пустыне, — средством воспитания в известном направлении читателей, но не способом непосредственного проведения идей в жизнь: на что бы она ни указывала, что бы ни предполагала, — все остается втуне. Ее лучшие представители были или находятся в ссылке; те, кто побывал в крепости, состоят под постоянным полицейским надзором (Чернышевский, Михайлов, Герцен, Салтыков, Флеровский, Шелгунов, Писарев, Лавров, Достоевский, Пругавин, Михайловский, Успенский и пр. и пр.) Молодая часть общества, учащая молодежь, подвергается мелким стеснениям, лишена корпоративных прав и пользуется усиленным вниманием полиции. Всякая попытка добиться тем или другим способом изменения в существующем порядке разбивается об инерцию или встречает ожесточенное преследование. Когда молодежь обратилась к народу с мирной пропагандой, ее встретили массовые аресты, ссылки, каторга и центральные тюрьмы; когда, возмущенная насилием, она наказала нескольких слуг правительства, оно ответило генерал-губернаторствами и казнями. С половины 1878 по 1879 год Россия увидела 18 смертных казней над политическими преступниками⁸. Государственная машина является при таких условиях настоящим Молохом, которому приносятся в жертву и экономическое благосостояние народных масс, и все права человека и гражданина.

Этому-то владыке русской жизни — государственной власти, опирающейся на несметное войско и всевластную администрацию, — объявила войну революционная партия «Народной воли», назвав правительство, в его современной организации, главнейшим врагом народа во всех сферах его жизни. Этот тезис и его следствия: политическая борьба, перенесение центра тяжести революционной деятельности из деревни в город, подготовка не восстания в народе, а заговора против верховной власти, с целью захвата ее в свои руки и передачи народу, строжайшая централизация революционных сил, как необходимое условие успеха в борьбе с централизованным врагом, — все это вносило настоящий перево-

рот в революционный мир того времени. Эти положения подрывали прежние революционные взгляды, колебали социалистические и федералистические традиции организации и нарушали всецело ту революционную рутину, которая уже успела установиться за истекшее десятилетие. Поэтому немудрено, что для того, чтобы сломить оппозицию и дать новым взглядам окончательное преобладание в революционной среде, потребовалось 1 — 1½ года неутомимой пропаганды и целый ряд ослепительных фактов: общий ропот неудовольствия поднялся при выходе номера «Народной воли», который, указывая на монархию, провозгласил свое «*Delenda est Carthago!*» *, и единодушный взрыв рукоплесканий приветствовал 1 марта 1881 г.

После того, как раздел стал совершившимся фактом, квартира в Лесном была ликвидирована. С. А. Иванова устроилась с типографией в Саперном переулке, а я, под именем Лихаревой, поселилась вместе с Квятковским на той квартире, на которой в ноябре того же года он был арестован (Лештуков пер., д. 13, кв. 22).

Эта квартира должна была служить местом наших собраний; на ней мы обсуждали и приняли ту программу Исполнительного комитета партии «Народная воля», которая была потом опубликована.

Первоначально Морозов прочитал программу, принятую на Липецком съезде, но она не удовлетворила присутствующих, и Тихомирову было поручено написать другой проект, который он вскоре и представил. Мы были все единомысленны, поэтому прения шли быстро, гладко, без многословия, которое вообще было несвойственно нашим деловым заседаниям⁹.

В самом начале нас остановило определение: «Мы — народники-социалисты». Можем и должны ли мы называть себя «народниками», как звали себя члены «Земли и воли», переставшей существовать? Не вызовет ли это смешения понятий? Не будет ли слишком отдавать стариной, затемняя смысл нового направления, которое мы хотим закрепить своим отдельным существованием? «В таком случае употребим название «социал-демократы», — предложил Желябов. — При передаче на русский язык этот термин нельзя перевести иначе, как социалисты-народники», — продолжал он. Но большинство высказалось решительно против этого. Мы находили, что

* Карфаген надо разрушить (лат.).

название «социал-демократы», присущее германской социалистической партии рабочих, в нашей русской программе, столь отличной от немецкой, совершенно недопустимо. Кроме того, среди нас были и решительные защитники старого определения. Оно подчеркивало наше революционное прошлое, то, что мы — партия не исключительно политическая; что политическая свобода для нас *не цель, а средство*, — средство пробиться к народной массе, открыть широкий путь для развития ее. С другой стороны, сочетанием слов «социалисты-народники» мы указывали, что, как социалисты, мы преследуем не отвлеченные конечные задачи социалистического учения, а те признанные народом потребности и нужды, которые в основе своей заключают социалистическое начало и принципы свободы. Считая воплощение социалистических идеалов в жизнь делом более или менее отдаленного будущего, новая партия ставила ближайшей целью в области экономической передачу главного орудия производства — земли — в руки крестьянской общины; в области же политической — замену самодержавия одного самодержавием всего народа, т. е. водворение такого государственного строя, в котором свободно выраженная народная воля была бы высшим и единственным регулятором всей общественной жизни. Самым пригодным средством для достижения этих целей представлялось устранение современной организации государственной власти, силою которой держится весь настоящий порядок вещей, столь противоположный желательному; это устранение должно было совершиться путем государственного переворота, подготовленного заговором.

3. ЗАХВАТ ВЛАСТИ ¹⁰

Если в первых же строках программы было утверждено социалистическое и народническое начало, то в политической части, говорившей о низвержении самодержавия и водворения народовластия, которое мыслилось в форме народного представительства, мы логически были приведены к вопросу о государственном перевороте и образовании Временного правительства.

Надо заметить, что в программе «Народной воли» не говорится о захвате власти партией, а лишь о временном правительстве, том промежуточном звене между низвержением царизма и водворением на его место народного правления, без которого не может обойтись ни-

какое революционное изменение государственного строя.

«Захват власти» появляется в записке «Подготовительная работа партии», документе позднейшего происхождения. Не могу с уверенностью сказать, этот документ или аналогичное место о захвате власти в одном из наших изданий вызвало нарекания на Желябова, как автора, допустившего выражения в духе якобинизма. Я присутствовала на квартире Желябова в Измайловском полку при горячих нападках на него Перовской и Ланганса. Да и все мы были недовольны, так как не признавали себя якобинцами. Никогда у нас не было речи о навязывании большинству воли меньшинства, о *декретировании* революционных, социалистических и политических преобразований, что составляет ядро якобинской теории. Причем иначе была бы «Народная воля», взятая нами, как девиз и знамя партии? Самый вопрос о временном правительстве при наличном составе партии был у нас вопросом скорее академическим, без мысли, что мы увидим его, а тем более — войдем в него, и ставился для стройности программы, для будущего, когда революционная партия разрастется до обширных размеров. А если доживем и увидим, то скорее всего жар загребут нашими руками либералы: земские и городские деятели, адвокаты, профессора и литераторы, как это было до сих пор во Франции XIX века.

И приходилось идти на это, лишь бы сбросить царизм, душивший все силы народа, осужденного на нищету, невежество и вырождение.

Как далеки мы были от якобинизма, показывает письмо Исполнительного комитета к Александру III после 1 марта 1881 года. Выставляя требование созыва Учредительного собрания, Комитет обещает подчиниться *воле народа*, выраженной его представителями. И смысл этого обещания был тот, что в случае, если бы народное представительство не оправдало надежд революционной партии, она обратилась бы не к насилью над ним, не к террору, а к пропаганде своих идей в народе, оказавшемся не на высоте положения.

Было, однако, среди нас одно, и притом выдающееся своими качествами, лицо, исповедовавшее убеждения якобинца. Это была Мария Николаевна Ошанина, урожденная Оловенникова¹¹. Мария Николаевна принадлежала к семье богатых помещиков Орловской губернии и воспитывалась в Орле. Там же она получила и революционное крещение. Ее учителем в этом отношении

был человек далеко не малого масштаба, старый революционер-якобинец Заичневский¹², побывавший в шестидесятых годах на каторге и живший в Орле под надзором полиции. В течение ряда лет он был магнитом, который привлекал учащуюся молодежь, и Мария Николаевна воспиталась под его влиянием.

Мария Николаевна была женщина тонкого ума, ловкая, настойчивая и энергичная, и это обеспечивало ей влияние; центром ее деятельности был не Петербург, а Москва, где она поселилась уже в самом начале «Народной воли», и ее якобинские взгляды если могли проявиться, так именно там. Однако на той революционной молодежи, центром которой наряду с Теллаловым¹³ была она, влияние этих взглядов совершенно ничем не выразилось и не сказалось ни в чем. Тем более нельзя приписать ей появление «захвата власти», проскочившего в некоторых документах «Народной воли».

Историк мог бы подумать, что якобинское влияние шло из-за границы. Там издавался в этом духе орган «Набат», сначала Ткачевым, а потом Турским¹⁴.

Когда революционное движение в России приняло боевой характер и атаковало самодержавие, «Набат» горячо приветствовал эти выступления и приписывал себе, своему влиянию, поворот революционных сфер к политике. Напрасно. Издание «Набата» не имело почти никаких связей в России; распространение его было так ничтожно, что за все время после моего возвращения в декабре 1875 г. из Цюриха в Россию я ни разу ни у кого не видала ни одного номера этого издания и никогда вплоть до ареста в 1883 г. не слыхала ни в одном из крупных городских центров России разговоров о нем. Отдельные лица якобинского толка, правда, были: Заичневский — в Орле; бывшая цюрихская студентка Южакова — в Одессе, совершенно затушеванная, однако, окружавшей ее компанией южан (Ковальский и др.). Был, правда, и процесс, считавшийся процессом якобинцев, в Курске¹⁵. Судили Лаврениуса, Тимофеева, Спицына и Лебедева. Но из них только Тимофеев был якобинцем, как он пишет в своих воспоминаниях. Ни один транспорт «Набата» не проскальзывал благополучно в Россию. Я слышала от Поливанова¹⁶, что в Петербурге никакой организации для приема и распространения у Турского не было, и он рассказывал, как однажды при нем, из боязни обыска, пришедшие немногочисленные номера «Набата» были преданы сожжению.

И ни «Земля и воля», ни «Народная воля» с набатчиками-эмигрантами не завязывали и не стремились завязать никаких сношений¹⁷.

Но если среди основоположников «Народной воли» была яacobинка Ошанина, то был среди нас один любимый товарищ, который заявлял, что он социал-демократ. Зунделевич, бывший чайковец, а затем земледелец, бывал за границей, в Германии, и там не только познакомился с социал-демократической доктриной, но и воспринял ее, став социал-демократом в духе членов немецкой социал-демократической рабочей партии¹⁸. Умный, живой, очень деятельный, первый добытчик всякого рода технических средств, необходимых для партии, Зунделевич, в силу условий русской жизни, не мог не видеть, что сплошь крестьянская Россия того времени не имеет элементов для создания рабочей пролетарской партии, наподобие той, какая существует в промышленной Германии. Нельзя же было оставаться в стороне от движения, когда налицо было зло самодержавия и была группа, объявившая беспощадную войну этому врагу русского народа. Так, вопреки своему социал-демократизму в европейском духе, он стал в ряды «Народной воли», чтобы в *русских* условиях бороться рука об руку с теми, кого выдвинула *русская* жизнь, и *тем оружием*, которого требовали условия этой жизни.

По одним и тем же причинам Зунделевич и Ошанина вполне слились составными членами «Народной воли» и, будучи очень активными членами ее, не вносили ни разногласия, ни какой-либо, им лично свойственной, тенденции в общее направление деятельности нашей партии.

То, что было общим, захватывающим всех без различия, это — действенный дух, стремление к активной борьбе и чувство возмущения против пассивного состояния, в котором находились и народ, и общество, и до тех пор на деле еще *мирные* социалисты.

4. В НАРОД НЕ ИДУТ

Вначале, когда организация «Народной воли» только еще слагалась и программа формулировалась для издания ее в свет, господствующим элементом во взглядах и настроении большинства из нас было народничество. Все мы так недавно жили среди крестьян в деревне и столько лет держались требования деятельности в этой

среде! Отрешиться от прошлого было трудно, и хотя не по своей доброй воле мы ушли в город, а были вынуждены к этому полицейским строем, парализовавшим наши усилия, в душе был тайный стыд, боязнь, что, отказываясь от традиций прошлого, изменяешь интересам народа, истинное освобождение которого находится в области экономической. Но по мере того, как борьба разгоралась, время шло и одно грандиозное дело замыслилось и выполнялось нами, прежняя деятельность в народе в наших глазах тускнела, интерес к ней слабел, деревня отходила в даль. Та часть программы «Народной воли», которая говорила о деятельности в деревне, постепенно приобретала чисто теоретический, словесный характер. И это обуславливалось чисто объективными обстоятельствами, а не нашим настроением: дело в том, что в период деятельности «Народной воли» приток свежих сил в глухую провинцию не существовал, и это произошло *раньше*, чем образовалась «Народная воля».

Когда Плеханов и Попов настаивали на сохранении старой программы и боролись против того, что они называли опасным увлечением, они обыкновенно упрекали товарищей в том, что боевые акты отвлекают молодежь от стремления жить и работать в деревне. Они не были правы: не террор отвлекал молодежь от деятельности в народе, а отсутствие результатов, как свидетельствовали те, кто этой деятельностью занимался: им нечем было похвалиться перед колеблющимися, нечем увлечь тех, кто хотел блага народа и ставил себе вопрос: как помочь ему, как и куда направить свою энергию, свои духовные силы? Все рассказы лиц, живущих в деревне, говорили одно: даже легальная культурная работа там невозможна; каждый деятель в деревне — в тисках урядника, волостного писаря, станового и исправника, и нет ему места в поле зрения этой вездесущей полиции. Понятно, что постоянное, вынужденное бегство каждого, кто хотел приблизиться к мужику, не могло поощрять попыток повторять такие опыты.

Я, жившая в провинции в 1877—1879 гг. и отлично знающая положение дел в Самарской, Саратовской, Тамбовской и Воронежской губерниях, могу удостовериться без всякой натяжки, что тяга к «хождению в народ», которая и в начале семидесятых годов была очень кратковременной и практически для отдельных лиц продолжалась недели, много-много месяц-два, к концу 1875 года остановилась и ограничивалась лишь повторе-

нием попыток со стороны тех, кто счастливо ускользнул от происшедших разгромов. На севере общество «Земля и воля» дало новый толчок движению, а на юге вскоре была сделана чигиринская попытка Стефановича. «Земля и воля» к остаткам старшего (на 2—3 года) поколения привлекала кое-кого из более молодого, но в сумме всех нас было мало. В Самарской губернии человек 8—10, а в Саратовской вместе с теми, кто сносился с городскими рабочими, в самое горячее время насчитывалось человек 20—25. В Тамбовской и Воронежской губерниях в деревнях жили и старались устроиться только единицы. И если рассмотреть состав всех этих лиц, то можно увидеть, что новых людей почти не было, а были нелегальные из предшествующего периода.

Я прожила в Петровском уезде 10 месяцев, мои ближайшие товарищи в Вольском уезде немного более, и утверждаю, что к нам за все время не присоединился ни один человек, хотя устроиться на местах при уже заведенных связях было чрезвычайно легко. Можно было прийти в отчаяние от революционного одиночества, в котором мы жили. Можно удивляться, как мы, живые, энергичные люди, так долго терпели это положение: только глубокая вера в народ, чаяние, что он и без усилий интеллигенции проснется, поддерживали нас. «Земля и воля» послала на Поволжье только свой отряд, но влияния на стремление молодежи, в смысле «хождения в народ», не имела. Лично я, живя в 1877 году в Петербурге, тщетно искала людей, которых можно было бы привлечь к деятельности в провинции.

Таким образом, Плеханов и Попов неправильно приписывали успехам террористических актов то состояние равнодушия к деятельности в деревне, которое все более и более распространялось среди учащих высших учебных заведений — этих главных поставщиков революционных сил. Отвлечения не было, но увлечение в сторону активной борьбы было: Морозов, Осинский, Михайлов и Квятковский верно подметили, от чего сильнее забьются молодые сердца, в чем тот импульс, который расширит революционное движение и пробежит огоньком по всей России. Они создали пропаганду действием, сообщили импульс, указали конкретную цель и путь к достижению ее. Они одушевляли примером, выводили из неподвижности и увлекали на бой, на подвиг смелый и отважный.

5. ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ «НАРОДНОЙ ВОЛИ»

Программа была прочтена, без лишних слов обсуждена и утверждена, — с ней покончили быстро, и мы перешли к плану организации партии и к уставу Исполнительного комитета. Это название мы взяли у липецких товарищей, составлявших главное ядро нашей инициативной группы, которая должна была явиться самостоятельным центром — будущим руководителем и вершителем партии, замышляемой нами.

Сообразно требованиям напряженной борьбы с могущественным противником, план организации партии «Народная воля» был построен строго централистически и во всероссийском масштабе. Сеть тайных обществ — народовольческих групп, — из которых одни могли преследовать общереволюционные задачи в определенном районе, другие — задаваться специальными целями, выбрав себе ту или иную отрасль революционной работы, должна была иметь один общий для всех центр — Исполнительный комитет, через который устанавливалось общее единство и связь. Этому центру местные группы обязывались подчиняться, по его требованию отдавать в его распоряжение свои силы и средства. Все *общепартийные* функции и *общероссийские* дела находились в ведении этого центра. В момент восстания он распоряжался всеми наличными силами партии, мог требовать революционного выступления их, а до того времени главное внимание направлял на организацию заговора, ту организационную работу, которая одна обеспечивала возможность переворота с целью передачи власти в руки народа. И силы партии были достаточно обращены в эту сторону; тем более странно было название террористической, которое она получила впоследствии; ее окрестили этим именем по одному бросавшемуся в глаза признаку — по внешнему обнаружению ее деятельности. Террор никогда сам по себе не был целью партии¹⁹. Он был средством обороны, самозащиты, считался могучим орудием агитации и употреблялся лишь постольку, поскольку имелось в виду достижение целей организационных. Цареубийство входило в этот отдел, как частность. Осенью 1879 г. оно было необходимостью, вопросом текущего дня, что и дало повод некоторым, в том числе Гольденбергу, потом изменившему нам, принять *цареубийство* и террористическую деятельность за самый существенный пункт всей программы²⁰. Желание прекра-

тить дальнейшее развитие реакции, мешающей организационной работе, и стремление как можно скорее перейти к ней, были единственной причиной, почему лишь только Исполнительный комитет сформировался как центр «Народной воли», он задумал одновременно предпринять в четырех местах покушение на жизнь Александра II. Однако, наряду с этим, члены Комитета вели деятельную пропаганду как среди рабочих, так и среди интеллигенции. Желябов вел ее в Харькове, Колодкевич и я — в Одессе, Александр Михайлов — в Москве, а Квятковский, Корба и др. — в Петербурге. Деятельность пропагаторская и организационная всегда шли рядом с работой разрушительной, она была менее заметна, но тем не менее должна была принести свои плоды.

Сплачивая недовольные элементы в общий заговор против правительства, новая партия вполне понимала значение поддержки, которую может оказать ей в момент низвержения его восстание крестьянских масс. Поэтому она отводила надлежащее место деятельности в народе и всегда рассматривала лиц, которые хотели бы отдаться ей, как своих естественных союзников; к сожалению, как было уже указано, таких лиц к моменту возникновения «Народной воли» и во весь период ее деятельности было до жалости мало. Не внося ничего существенно нового в самые приемы деятельности в деревне, она указывала деревенским сторонникам своим на необходимость разъяснить народу значение правительственной власти в сфере экономических отношений (систематическая поддержка, оказываемая дворянам-землевладельцам и промышленникам-капиталистам, таможенная политика и т. п.).

Устав Исполнительного комитета, которым мы связывали себя, был написан еще теми, кто созывал Липецкий съезд. Не помню, изменилось ли в нем что-нибудь и вносились ли к обязательствам добавления, которые каждый член Комитета должен был взять на себя и свято исполнять. Эти требования устава состояли: 1) в обещании отдать все духовные силы свои на дело революции, забыть ради него все родственные узы и личные симпатии, любовь и дружбу; 2) если это нужно, отдать и свою жизнь, не считаясь ни с чем и не шадя никого и ничего; 3) не иметь частной собственности, ничего своего, что не было бы вместе с тем и собственностью организации, в которой состоишь членом;

4) отдавая всего себя тайному обществу, отказаться от индивидуальной воли, подчиняя ее воле большинства, выраженной в постановлениях этого общества; 5) сохранять полную тайну относительно всех дел, состава, планов и предположений организации; 6) ни в сношениях частного и общественного характера, ни в официальных актах и заявлениях не называть себя членами Исполнительного комитета, а только агентами его; 7) в случае выхода из общества нерушимо хранить молчание о всем, что составляло деятельность его и протекало на глазах и при участии выходящего²¹.

Эти требования были велики, но они были легки для того, кто был одушевлен революционным чувством, тем напряженным чувством, которое не знает ни преград, ни препятствий и идет прямо, не озираясь ни назад, ни направо, ни налево. Если бы они, эти требования, были меньше, если бы они не затрагивали так глубоко личности человека, они оставляли бы неудовлетворенность, а теперь своею строгостью и высотой они приподнимали личность и уводили ее от всякой обыденности; человек живее чувствовал, что в нем живет и должен жить идеал.

Глава девятая

1. ПОКУШЕНИЯ

Когда вся теоретическая и организационная работа была кончена, Комитет перешел к практическим делам и решил при возвращении царя из Крыма организовать в трех различных пунктах покушения на его жизнь. Несколько агентов получили назначение ехать тотчас же в Москву, Харьков и Одессу. Все покушения должны были произойти посредством взрыва динамитом. Комитет не предпринимал, однако, в точности ни самых мест, ни способов выполнения покушений, предоставляя это на личное усмотрение агентов, но составленный план должен был идти на утверждение Комитета; помощников для выполнения агенты могли набирать сами из местных лиц. Состав исполнителей и способ совершения покушения в одном месте должны были оставаться неизвестными для агентов других пунктов. Наряду со всем этим Комитет в Петербурге приготовлял взрыв в Зимнем дворце, но это сохранялось в строжайшей тайне и находилось в ведении «Распорядительной комиссии» (или администрации, как мы ее звали) из трех лиц, избира-

емых членами Комитета из своей среды для дел величайшей важности. В то время этими тремя были: Ал. Михайлов, Тихомиров и Ал. Квятковский, от которого однажды я услышала загадочную фразу: «В то время, как идут все эти приготовления, здесь личная храбрость одного может покончить все». Это был намек на Халтурина, который впоследствии рассказывал мне, что в Зимнем дворце ему однажды случилось быть наедине с государем и удар молотка мог уничтожить его на месте.

Так как я не попала в число лиц, назначенных для организации покушений, которые я одобряла, и так как для меня была невыносима мысль, что я буду нести только нравственную ответственность, но не участвовать материально в акте, за который закон угрожает товарищам самыми тяжкими карами, то я употребила все усилия, чтобы организация дала и мне какую-нибудь функцию при выполнении ее замыслов. После выговора, что я ищу личного удовлетворения, вместо того чтобы предоставить организации располагать моими силами, как она сама найдет лучшим, была сделана уступка, и меня послали с динамитом в Одессу. Чтобы не расстроить квартиру, необходимую для общественных целей, я, с согласия организации, просила поселить в этой квартире вместо меня мою сестру Евгению, которая незадолго перед тем приехала из Рязанской губернии, где она провела лето, и проживала в Петербурге под фамилией Побережской. Не подозревая, что сестра по неопытности рекомендуется при знакомстве с разными лицами той фамилией, под которой живет, я предложила переселить ее к Квятковскому с тем же документом и, таким образом, была косвенной причиной ужасной участи Александра Александровича. Курсистка Богуславская, на которую донес ее знакомый, указала, что номера «Народной воли», найденные у нее при обыске, даны ей Побережской, и после справки в адресном столе Евгения, а вместе с ней и Квятковский 24 ноября 1879 года были арестованы, и в 1880 году он казнен, а она отправлена на поселение²². На квартире были найдены динамит, запалы и бумажка, которую Квятковский, застигнутый врасплох, не успел сжечь. Скомкав, он бросил ее в угол. Жандармы подобрали, но не могли понять ее значения: на бумажке был набросан план, и в одном месте стоял крест. Бумажка стоила Квятковскому жизни. По версии жандармов, только после взрыва 5 февраля 1880 года в

Зимнем дворце они разобрали, что на ней был план дворца и крест поставлен на столовой, намеченной для взрыва, так как в ней собиралась вся царская семья*.

Получив нужный запас динамита, я поехала с ним в Одессу, должно быть, в первых числах сентября. Там я застала только Николая Ивановича Кибальчича, который заявил мне, что надо торопиться с устройством общественной квартиры, необходимой для совещаний, опытов с запалами и для хранения вещей, нужных для взрыва. Через несколько дней мы нашли подходящее помещение, где и поселились вдвоем под именем Иваничких. Это было на Екатерининской улице, д. № 66. Вскоре приехали Колодкевич и Фроленко, а позднее Лебедева; наша квартира была местом общих встреч и свиданий; на ней происходили все совещания, хранился динамит, сушился пироксилин, готовились запалы, совершались пробы индукционных аппаратов — словом, совершались все работы под руководством Кибальчича, но при помощи, и иногда очень существенной, со стороны других, включая и меня. На первых же порах надо было составить план, каким образом и где подвести мину под полотно железной дороги. Проектировали ночью, в промежуток между поездами, подложить динамит под рельсы непосредственно под Одессой, чтобы потом провести проволоку в поле; но это представляло много неудобств и трудностей как в подготовительной работе, так и при самом действии. Думали, что самое лучшее было бы кому-нибудь из своих получить место железнодорожного сторожа и из будки провести мину; относительно момента действия нельзя было представить себе ничего более удобного и верного. Я предложила взять на себя добыть такое место. В случае удачи мы решили, что его займет Фроленко, а если ему нужно будет явиться семейным человеком, то роль его жены возьмет на себя Лебедева. Сначала я думала поместить Фроленко на железную дорогу при помощи знакомых, но сказать им настоящую цель было невозможно, да едва ли кто-нибудь из них и согласился бы на такого рода услугу; умолчать о цели — значило бы злоупотребить доверием в деле, грозящем серьезной ответ-

* По документу, опубликованному в «Красном архиве», Квятковский в особом заявлении (23 июня 1880 г.) категорически отрицает, что план Зимнего дворца был ему известен. Он утверждает, что, вероятно, этот план был брошен кем-нибудь из посещавших его квартиру. (См.: Красный архив, 1926, т. 14.)²³

ственностью, да всякому должна была показаться необычайной и подозрительной моя просьба о месте железнодорожного сторожа. Поэтому я решилась в качестве неизвестной просительницы обратиться к кому-нибудь из влиятельных лиц, служащих в правлении Юго-Западной железной дороги, и выставить филантропическую цель мотивом моей просьбы. По наведении справок о разных должностных лицах, я остановилась на будущем зяте одесского генерал-губернатора графа Тотлебена, бароне Унгерн-Штернберге. В то время он содержался на Гауптвахте за известную тилигульскую железнодорожную катастрофу, похоронившую несколько сот новобранцев²⁴. Узнав, что он принимает посетителей, я отправилась к нему. Когда я изложила барону свою просьбу дать место сторожа моему дворнику, жена которого страдает туберкулезом и нуждается в здоровой обстановке вне города, он сказал, что места сторожей зависят не от него, а от начальника дистанции и он не может ничего сделать, так как ему неизвестно, есть ли теперь вакансии. Тогда я попросила записку — «два слова» к начальнику дистанции, говоря, что это вполне обеспечит участь моего клиента, и барон вручил мне несколько строк к Шигельскому. Заметив, что прием, оказанный мне Унгерн-Штернбергом, не походил на обычный прием светскими людьми «барынь-кукол», я поспешила исправить ошибку, сделанную мной в costume, и явилась к начальнику дистанции в бархате, разодетая, как следует быть даме-просительнице. Меня встретили в высшей степени любезно и просили завтра же прислать «своего человека». Придя домой и сбросив павлиньи перья, я написала Фроленко мещанский паспорт на имя Семена Александрова, как я назвала его будущему начальству. Этот документ так и остался в железнодорожной конторе, так как, оставляя место, Фроленко не взял расчета. На другой день он отправился к начальнику дистанции и был определен на службу на 11-й (или 13-й) версте от Одессы, близ Гнилякова, куда, по получении им отдельной будки, он перевез Татьяну Ивановну Лебедеву, как свою жену. После этого, когда к ним уже был перевезен динамит для закладки под рельсы, неожиданно приехал Гольденберг с требованием дать часть динамита в Москву, так как количество этого вещества там считается недостаточным, а Московско-Курская железная дорога имеет наибольшие шансы на проезд императора. Приходилось покориться. Гольденберг пробыл в Одессе не более двух

дней, пока из Гнилякова не был привезен динамит. Адрес квартиры на Екатерининской он узнал, кажется, от Кибальчича, с которым встретился на пути в Одессу, когда тот ехал по направлению к Харькову, по приглашению тамошних агентов, для каких-то технических приспособлений; впрочем, наверное не помню, знаю только, что на квартиру нашу его привел один из посетителей ее после того, как все меры были приняты, чтобы на следующий же день он мог выехать обратно в Москву. Действительно, он вовремя уехал, но в Елизаветграде был арестован. После этого мы узнали, что через Одессу государь не поедет: Фроленко и Лебедева уехали сначала из Гнилякова, а потом и из Одессы. Затем мы услышали, что царский поезд благополучно проследовал по Лозово-Севастопольской железной дороге через Харьков: покушение по этой дороге под Александровском, организованное Исполнительным Комитетом в лице Желябова, Якимовой и рабочего Окладского²⁵, не состоялось. Мина под железнодорожное полотно была заложена, провода от нее отведены далеко в поле, и при проезде царского поезда действующие лица находились на местах, но взрыва не последовало, потому что, по одной версии, электроды были соединены неправильно и искры не дали. По словам Морозова, в Петербурге Комитет назначил комиссию для выяснения, почему не произошло взрыва. В нее были выбраны Ширяев²⁶, Морозов и А. Михайлов. Желябову предложили показать, как он соединил электроды, и Желябов соединил их неправильно. А распространенным предположением было, что провода после закладки были повреждены по какой-нибудь случайности.

В третьем месте — по Московско-Курской железной дороге, — где приготовления были сделаны под Москвой из дома у вокзала, 19 ноября, в час, назначенный для проезда царя, один за другим шли два ярко освещенных поезда; по первому сигналу Софьи Львовны Перовской, бывшей хозяйкой дома, Степан Ширяев электродов не соединил, и поезд прошел невредимо*; по второму сигналу второй поезд потерпел крушение**, но царь ехал в первом, а во втором, как оказалось, находилась

* Другую версию об этом можно найти в показаниях А. Михайлова, помещенных в книге А. Корбы и В. Фигнер «Народоволец Александр Михайлов» (Госиздат, 1925, с. 142)²⁷.

** Электроды соединял Ширяев, но на суде, по условию между собой, указывали на Гартмана, который был уже за границей.

придворная прислуга. Это была неудача, но факт сам по себе произвел громадное впечатление в России и на-шел отклик во всей Европе.

Осенью в Петербурге начались наши потери: погиб Квятковский, затем Ширяев и другие лица; потом после геройской вооруженной защиты пала в Саперном переулке типография «Народной воли»; один из ее работников — «Пташка»* — застрелился или был убит, а четверо были схвачены.

В половине декабря из Одессы выехал Кибальчич; в январе — Колодкевич; одновременно с ними разъехались и другие более влиятельные лица, и все дела были переданы мне и нескольким местным людям, малоизвестным в революционном мире.

Моим занятием была пропаганда. Просидев три месяца на квартире, требовавшей осторожности и не позволявшей частых сношений с внешним миром, с людьми посторонними, я жаждала знакомств, общества и живой деятельности. В то время я могла бы оказать значительные услуги организации, если бы мои проводники в различные сферы были людьми более способными или, лучше сказать, чуткими в выборе материала. Долго сдерживаемая энергия была во мне ключом, но то, что я получила в наследство, было вяло, трусливо и не смотрело с большой верой вперед; всех этих людей пришлось впоследствии откинуть, как неподходящих. Все же после отъезда Кибальчича я быстро завела обширный круг знакомств, в котором фигурировали представители всех классов общества, начиная от профессора и генерала, помещика и студента, врача и чиновника, до рабочего и швеи, и везде, где могла, проводила революционные идеи и защищала образ действия «Народной воли». Но моей любимой сферой была молодежь, у которой так сильно чувство и так искренне увлечение; к сожалению, у меня было мало знакомых между студентами, а те, которые были, относились пессимистически к своей среде и решительно не верили в существование в ней революционных элементов.

4. АРЕСТ МИХАЙЛОВА

Петербург встретил меня выговором за самовольный отъезд, вследствие которого я не могла лично ввести Тригони во все знакомства. Я понимала, что ему было

* Лубкин.

бы легче ориентироваться в Одессе в моем присутствии, но оправдывалась беспокойством, которое мне внушало долгое отсутствие писем и каких-либо известий из Петербурга. Это, кажется, извинило меня в глазах организации. Когда я представила подробный отчет о положении дел в Одессе, то сообщила Тригони все нужные сведения и указания; дала рекомендательные письма, которые должны были сразу поставить его в известные отношения к окружающим, и после этого Тригони отправился на юг, а меня Комитет оставил в Петербурге.

Там в это время на Гороховой улице, под Каменным мостом²⁸, шли новые приготовления к покушению на жизнь Александра II. Подробности тогда мне не были известны. Подобно взрыву в Зимнем дворце, это дело хранилось в строгой тайне и было в ведении нашей «Распорядительной комиссии». Я знала одно, что готовится взрыв при проезде царя, и на этот раз из-под воды.

Так как я знала, что в известные часы царь проезжает к Царскосельскому вокзалу, то однажды пошла по этому пути и действительно встретила коляску с императором. Мне хотелось хоть раз в жизни увидеть человека, который имел такое роковое значение для нашей партии. Ни раньше, ни после этого я не видала его. Кажется, это был последний проезд его по этому пути, так как вслед за тем он отправился в Крым и не возвращался в Петербург до глубокой осени. Покушение не состоялось.

В октябре был арестован Александр Михайлов, этот неоценимый страж всей нашей организации, тип хозяина-устроителя, от бдительности которого не ускользала ни одна мелочь, касающаяся нашей безопасности.

Раздосадованный отказом одного юноши, он сам пошел в фотографию Александровского на Невском, в которой снимали арестуемых, и спросил карточки, заказанные там. Это были фотографии уже осужденных товарищей. В фотографии произошло замешательство; во время этой заминки один из служащих сделал жест по своей шее, указывая Михайлову на опасность, и Михайлов ушел. Но, несмотря на это и запрет Исполнительного комитета, на другой день он все же отправился в фотографию, и... когда спускался по лестнице, давно поджидавшие шпионы схватили его.

Для нас А. Михайлов был незаменимым товарищем. Он был, можно сказать, всевидящим оком организации

и блюстителем дисциплины, столь необходимой в революционном деле; в его лице мы потерпели тяжелую и прямо невозместимую утрату: многих несчастий мы не испытали бы впоследствии, если бы он был среди нас. Вместе с фанатической преданностью революции он соединял энергию, настойчивость, замечательную деловитость, практичность и такую осторожность, что самые трусливые люди при ведении дел с ним считали себя в безопасности. Талантливый организатор, проницательный в распознавании людей, он был педантичен, последователен и неумолим в проведении организационных принципов. Требовательный к выполнению каждым своих обязанностей, ставивший деловые интересы выше всего, он хотел, чтобы деятель-революционер забыл все человеческие слабости, расстался со всеми личными наклонностями. «Если бы организация,— сказал он мне при одном разговоре на эту тему,— приказала мне мыть чашки, я принялся бы за эту работу с таким же рвением, как за самый интересный умственный труд». Сообразно этому, он строго преследовал взгляды на некоторые обязанности, как на малопроизводительные, низшие: по его мнению, все, что для «организации» было нужно, было достаточно высоко, чтоб с радостью взяться за дело. Такой законченный и цельный тип не мог не пользоваться громадным влиянием как на самую организацию, так и на лиц, стоящих вне ее, и его авторитет был так же велик между товарищами, как и среди посторонних²⁹. Узкие рамки русской жизни не дали ему возможности развернуть свои силы в широком масштабе и сыграть крупную роль в истории, но в революционной Франции XVIII века он был бы Робеспьером.

Для нас, как организации, он имел еще значение одного из старейших (по участию) членов революционной партии, связывающих живой личной нитью настоящее с прошлым. Его связь с партией началась еще до 1876 года; с этого времени он становится членом общества «Земля и воля», переживает все перипетии революционного движения и проходит всю эволюцию его вплоть до конца 1880 года.

Таким образом, он являлся хранителем революционной традиции и был связан интимными узами со всеми выдающимися личностями, погибшими за эти четыре года. Его гибель была ударом, который мы вспоминали при всех несчастиях, поражавших нас впоследствии³⁰.

2. СНОШЕНИЯ С ЗАГРАНИЦЕЙ

Влияние на русское революционное движение постановки социального вопроса на Западе в 1876 году исчезло совершенно; с этой поры оно сделалось самостоятельным, приняло вполне своеобразную форму и направление. Вместе с тем прекратилось значение и русской эмиграции для революционной России; литература, служившая проводником влияния эмигрантов и находившаяся дотоле всецело в их руках, перенеслась на русскую почву, чтобы служить живым откликом новых течений и отвечать запросам текущей жизни. К этому году правильные сношения революционных организаций с русскими выходцами прерываются, — они становятся отрезанным ломтем для партии действия.

Дело стояло так до событий 19 ноября 1879 года и 5 февраля 1880 года, когда два взрыва Исполнительного комитета потрясли всю Европу и пробудили во всех слоях западноевропейского общества громадный интерес и внимание к деятельности революционной партии в России.

Несколько времени спустя императорское правительство возбудило дело о выдаче Францией агента Исполнительного комитета Гартмана, являвшегося под именем Сухорукова, хозяином дома, из которого был совершен взрыв царского поезда 19 ноября. Сколько ни хлопотало русское посольство, в отказе республиканской Франции оно получило звонкую всеевропейскую пощечину³¹.

Вопрос о выдаче или невыдаче автора московского взрыва в высшей степени волновал русское и заграничное общество; тем большее значение имел отказ Французской республики — он был поражением правительства и победой революционной партии.

На этом факте «Народная воля» увидела значение, которое может иметь для партии общественное мнение Европы. Она решила организовать за границей пропаганду своих истинных целей и стремлений и завоевать симпатии европейского общества, ознакомляя его с внутренней политикой нашего правительства. Таким путем, потрясая трон взрывами внутри государства, мы могли дискредитировать его извне и способствовать давлению, быть может, дипломатическому вмешательству некоторых просвещенных стран во внутренние дела нашего

темного царства. Для такой цели можно было использовать те революционные силы, которые были потеряны для революционной работы внутри России, т. е. эмигрантов.

Из них Гартману и Лаврову³² комитетом было предложено в качестве уполномоченных партии предпринять за границей агитацию в духе программы «Народной воли». Средствами для этого могли быть лекции, собрания, но, главным образом, брошюры, листки и журнальные статьи, которые изображали бы экономическое и политическое положение дел в России. Гартман должен был с этой целью объехать главные города Америки; все выдающиеся в социалистическом мире Западной Европы лица обещали ему свое содействие в той или иной форме; к некоторым из них, как к Карлу Марксу и Рошфору, Комитет обращался письменно с предложением оказать его агенту Гартману помощь в деле организации пропаганды против русского деспотизма³³. В ответ на это, вместе с изъявлением согласия, автор «Капитала» прислал Комитету свой портрет с соответствующей надписью. По словам Гартмана, Маркс с гордостью показывал письмо Комитета своим друзьям и знакомым. Но, по единодушным отзывам всех наших заграничных друзей, не один Карл Маркс выказывал уважение к русскому революционному движению — внимание к нему было всеобщим; журналистика с жадностью хватала сведения о России, а события русской революционной хроники были самыми пикантными новостями. Чтобы прекратить массу ложных слухов и всевозможных «уток», которые преподносились европейской публике ежедневной прессой, было необходимо правильное доставление заграничным агентам корреспонденций из России о всем происходящем в русском революционном мире. Комитет избрал меня осенью 1880 г. секретарем для заграничных сношений. Я вела его деловую переписку с Гартманом, посылала ему корреспонденции, биографии казненных, снабжала выходящими революционными изданиями, доставляла карточки арестованных и осужденных, доставляла русские журналы, газеты и вообще удовлетворяла по возможности все требования его.

После 1 марта я послала ему свою последнюю корреспонденцию об этом событии, письмо Комитета к Александру III и рисунок, изображающий внутренность магазина Кобозева, исполненный самим Кобозевым.

3. МАГАЗИН СЫРОВ

Еще в бытность Александра Михайлова на свободе Комитет составил проект снять магазин или лавку на одной из улиц Петербурга, по которым наиболее часто совершался проезд императора: из лавки предполагалось провести мину для взрыва. С этой целью некоторые из агентов должны были присматриваться ко всем сдаваемым помещениям, пригодным для осуществления плана, а так как царь обязательно должен был ездить в Михайловский манеж, то магазин искали по улицам, ведущим к нему: таких магазинов при Михайлове было найдено два, и на одном из них остановился выбор Комитета. Это был магазин в доме Менгдена на Малой Садовой³⁴, в нем решено было открыть торговлю сырами.

Когда Комитет стал подбирать состав, необходимый для обстановки, то для роли хозяина я предложила моего друга и товарища Юрия Николаевича Богдановича.

После выезда из Саратова в 1879 году и до осени 1880 года Богданович³⁵ находился в отлучке, и у меня прервалась с ним даже переписка; но, приехав в Петербург и свидевшись с старинным приятелем Писаревым³⁶, я решила употребить все усилия, чтобы найти его и вызвать к себе. Так как он не отвечал на письма, посланные по его адресу, то я воспользовалась адресом знакомых, к которым я дала ему рекомендации при отъезде, в надежде, что они знают, где он находится и что с ним происходит. Я послала ему горячее письмо, в котором упрекала за то, что он вполне оторвался от старых друзей, и призывала настоятельно в Петербург для свидания. Оказалось, что он был болен, и хотя еще не вполне поправился, но не замедлил явиться на призыв. Однако он был в таком состоянии, что прежде всего я и Писарев заставили его лечиться. Затем ему пришлось осмотреться, познакомиться с людьми и со всеми переменами в программе и в партии, которые после Воронежского съезда произошли в его отсутствие; после этого он примкнул к практическим занятиям по организации, которые вели некоторые агенты Комитета, а потом принял сам агентуру Комитета. В это-то время я, как близко знающая его, и предложила Комитету, указывая на его практичность и чрезвычайную находчивость, сделать его хозяином лавки, что и было приведено в исполнение.

Точное местонахождение магазина и фамилия, под которой значился хозяин его, не были мне известны до того момента, когда, должно быть в феврале, истек срок паспорта, по которому Богданович был прописан, и он попросил меня написать текст нового, на имя Кобозева. Этот паспорт, мной написанный, кажется, так и остался в руках дворников, после того как был прописан в доме Менгдена.

К новому году Богданович и, под видом его жены, Якимова³⁷ устроились и из магазина стали рыть подкоп под улицу.

5. АРЕСТ КЛЕТОЧНИКОВА³⁸

26 января были арестованы: Колодкевич и Баранников³⁹, одни из наиболее любимых товарищей наших, а на квартире Баранникова задержан Клеточников, для целостности нашей организации человек совершенно неоценимый: в течение двух лет он отражал удары, направленные правительством против нас, и был охраной нашей безопасности извне, как Александр Михайлов заботился о ней внутри. Мы берегли его самым тщательным образом, окружая каждый шаг строжайшей конспирацией. Для сношений с ним было назначено одно постоянное лицо, вполне легальное — сестра Марии Николаевны Ошаниной, Наталья Николаевна Оловенникова, ради этой цели совершенно отстраненная от всякой революционной деятельности. Только на ее квартиру и ни к кому другому из нас Клеточников должен был ходить для передачи всех сведений, полезных для партии: о предполагаемых обысках, арестах и розысках; о шпионах и всех предположениях III отделения, проходивших чрез его руки в канцелярии этого отделения.

Почему этот порядок был нарушен и вместо легальной квартиры Оловенниковой Клеточников стал посещать нелегально Баранникова, который принимал участие во всех опасных сношениях и предприятиях, — я не знаю, но это нарушение тем более странно, что Клеточников был очень близорук и не мог видеть знаков безопасности, которые всегда ставились у нас на квартире. Вероятно, вследствие этого он и попал в засаду, оставленную в комнате Баранникова. После суда над 20-ю народовольцами Клеточников погиб в равелине от истощения⁴⁰.

Любопытно, как Клеточников попал в делопроизводители III отделения, и я напомню об этом. Приехал

в Петербург из Крыма, он предложил Комитету свои услуги, заявив, что будет исполнять какую угодно работу. Но, как для новоприбывшего, трудно было найти сейчас же что-нибудь подходящее к его способностям и характеру. Некоторое время ему пришлось томиться в бездействии. Между тем около этого времени частые обыски у курсисток, нанимавших комнаты у акушерки А. Кутузовой, заставляли думать, что она состоит агентом тайной полиции. Ввиду этого Ал. Михайлов предложил Клеточникову поселиться у Кутузовой и, войдя в доверие, самому поступить в III отделение. Клеточников так и сделал. Как квартирант, он заходил к ней поиграть в карты и, чтобы расположить к себе, проигрывал ей, по совету Комитета, небольшие суммы. Познакомившись и узнав, что он ищет места, Кутузова, сначала в неясных выражениях, а потом откровенно, рассказала ему о своих связях в III отделении и предложила устроить его в этом учреждении. Так Клеточников попал в самое пекло тайного политического розыска. Он был сделан делопроизводителем, и через его руки проходили все бумаги о мероприятиях III отделения: приказы об арестах, обысках, списки провокаторов и шпионов, распоряжения о слежке и т. д. Краткий перечень всего этого Клеточников передавал лицу, назначенному Комитетом специально для этого. Невозможно перечислить все услуги, которые оказывались партии этими ценными сообщениями. Так, между прочим, он предупредил нас осенью 1879 года о готовившихся массовых обысках, между которыми был обыск и у присяжного поверенного Бардовского, одного из самых преданных, даровитых защитников на политических процессах того времени («процесс 50-ти» и др.). Дважды я приходила на его квартиру, чтобы предупредить его, и дважды не заставала дома. Вечером он был в театре, куда я не могла попасть. Поздно он вернулся домой; нагрянули жандармы, за шкафом нашли пачку номеров «Народной воли», спрятанных им; арестовали его и его сожителя и поместили в Дом предварительного заключения. Бардовский был человек чрезвычайно нервный; он страдал бессонницей, злоупотреблял хлорал-гидратом и совершенно определенно был одержим боязнью пространства; не раз мне приходилось смеяться над этой боязнью, когда я ездила с ним в его экипаже; однако это был один из признаков душевного расстройства. Потрясенный арестом, Бардовский в Доме предварительного заключения

уже через сутки помешался и не выздоровел до конца жизни, хотя его выпустили и он был окружен нежным попечением своей жены, Анны Арсентьевны, с которой, как и с самим Бардовским, я была в наилучших отношениях; ничто уже не могло спасти его. Погиб и брат Бардовского, мировой судья в Польше, казненный в 1886 г. в Варшаве по делу польского «Пролетариата».

6. СОВЕЩАНИЕ

В первой половине февраля Комитет созвал своих членов на совещание. Приготовляя покушение на царя, он хотел поставить вопрос о возможности или невозможности одновременно с покушением сделать попытку инсurreкции. Члены из Москвы и тех провинций, в которых были народовольческие группы, должны были дать сведения, достаточно ли окрепла и расширилась организация партии и таково ли настроение широких кругов в разных местностях, чтобы наличными силами партии, при поддержке сочувствующих слоев общества, предпринять вооруженное выступление против правительства.

Ответ был неблагоприятный. Подсчет членов групп и лиц, непосредственно связанных с нами, показал, что наши силы слишком малочисленны, чтобы уличное выступление могло носить серьезный характер*. В случае попытки вышло бы то же, что произошло в 1876 г. на Казанской площади,— избиение, но в еще более широких размерах и безобразных формах, чем было при той первой демонстрации скопом, предпринятой «Землей и волей». От выступления пришлось отказаться. Революция рисовалась в то время еще в неопределенных чертах и в неопределенном будущем. Только с военных братьев взялось обязательство по требованию Исполнительного комитета взяться за оружие; что касается штатских, то в уставы местных групп такое обязательство до тех пор не вносилось.

Заседания нашего совещания происходили на моей квартире у Вознесенского моста. Чтобы не навлечь подозрения, мы собирались через день в числе 20—25 человек. Но хотя, рассеянные по главнейшим городам им-

* Мы могли насчитать только 500 человек, о чем упоминает и Тихомиров. Настроение массы рабочих, конечно, не поддавалось учету.

перии, мы представляли собою слишком ничтожную силу, чтобы предпринять попытку вооруженного восстания,— вопрос все же был поставлен, его обсуждали, и уже это было важно. Мысль, раз высказанная, не могла умереть, и, разъехавшись, каждый в своей местности невольно мысленно обращался к ней.

Глава одиннадцатая

1. ФЕВРАЛЬСКИЕ ДНИ

15 февраля, в воскресенье, император, ездивший по воскресеньям в Михайловский манеж и всегда по разным улицам, проехал по Малой Садовой. Подкоп к этому времени был уже кончен, но мина не заложена.

Когда мы узнали об этом, то возмутились медленностью техников. Следующего проезда приходилось ждать, быть может, целый месяц.

Негодую, Комитет на заседании постановил, чтобы к 1 марта все приготовления были кончены, мина и разрывные снаряды готовы. Наш план состоял из трех частей, преследовавших одну цель, чтобы это, по счету седьмое, покушение наше было окончательным. Главной частью был взрыв из магазина сыров. Если бы этот взрыв произошел немного раньше или позже проезда экипажа царя, то, как раньше было сказано, четыре метальщика — Рысаков, Гриневицкий, Тимофей Михайлов и Емельянов⁴¹ — с двух противоположных сторон на обоих концах Малой Садовой — должны были бросить свои бомбы; но если бы и они остались почему-нибудь без результата, то Желябов, вооруженный кинжалом, должен был броситься к государю и кончить дело.

С тех пор мы жили тревожной, лихорадочной жизнью: наступал третий месяц существования магазина сыров в доме Менгден. Хозяева магазина, Богданович и Якимова, с внешней стороны удовлетворяли всем требованиям своего положения — рыжая борода лопатой, широкое лицо цвета томпакового самовара, как, смеясь, говорил о себе Богданович, речь, сдобренная шуткой, меткая и находчивая (за словом в карман не ползет), делали Богдановича извне настоящим заурядным торговцем, а Якимова с ее демократической наружностью, с подстриженной челкой на лбу и вятским выговором на «о» была как нельзя больше ему под пару. Но насчет коммерции оба были слабы, и соседние торговцы сразу решили, что новопришельцы им не конкуренты. К тому

же денег в январе — феврале у нас было мало, и закупка сыров была скудная. Как невелики дело, показывает, что когда в критическую минуту я достала 300 р. на покупку товара, то это было счастьем. Однако скудость запасов на первый взгляд не бросалась в глаза, как я удостоверилась, застав «Баску» в ее роли за прилавком, уставленным разными сортами сыра, когда, под видом покупательницы «рокфора», я подъехала к магазину, по поручению Комитета, и спустилась в полуподвальное помещение, в котором он находился, чтобы предупредить, что за магазином «следят» и к Суханову подле магазина пристал шпион, от которого он спасся, взяв лихача.

Хотя прилавок имел приличный вид, но бочки для сыров стояли пустые: они наполнялись землей из подкопа под улицу. Неумелость торговцев, как таковых, а быть может, слежка за кем-нибудь из тех, кто по ночам работал в подкопе (вероятно, за Тригони, который, как оказалось, жил в шпионской квартире на Невском), но только полиция обратила наконец внимание на это заведение.

27 февраля, вечером, к Тригони, занимавшему комнату на Невском у г-жи Миссюра, явилась полиция и арестовала как его, так и Андрея Желябова, сидевшего у него⁴². Известие об этом несчастье, громом поразившее нас, было принесено Сухановым утром 28 февраля к нам на квартиру у Вознесенского моста. В то же время по городу разнесся слух, что полиция считает себя на следах чрезвычайного открытия, и назывался тот самый участок, в котором находился магазин Кобозева. Молодежь передавала о подслушанном разговоре дворника дома Менгден с полицейским о каком-то обыске в этом доме, а явившийся Кобозев рассказал о посещении лавки какой-то якобы санитарной комиссией под руководством инженера Мравинского. Дело висело на волоске. «Это что за сырость?» — спросил пристав, указывая на следы влажности подле одной из бочек, наполненных сырой землей. «На масленице сметану пролили», — ответил Богданович. Загляни пристав в кадку, он увидел бы, какая сметана была в ней. Мравинский подошел к деревянной обшивке под окном, прикрывавшей ход в подкоп⁴³. Он подергал ее... она не подалась! «Зачем эта обшивка?» — спросил он. «От сырости», — ответил Богданович (магазин был в полуподвальном этаже).

В задней комнате, в которой было складочное ме-

сто, по углам лежала большими кучами земля, вынутая из подкопа. Сверху ее прикрывали солома, кокс, рогожа и был наброшен половик. Достаточно было приподнять их, чтобы открытие было сделано. Мравинский даже толкнул кокс ногой. Но все миновало, и этот осмотр, подробности которого были какой-то счастливой игрой в «быть или не быть», по словам Богдановича, даже легализировал магазин, так как подозрительного в нем ничего не было найдено. Но мы, слушатели, были поражены как громом. Было ясно, что дело, давно задуманное, с трудом и опасностью доведенное до конца, — дело, долженствовавшее закончить двухлетнюю борьбу, связывавшую нам руки, может накануне своего осуществления погибнуть. Все можно было перенести, только не это.

Не личная безопасность тех или других из нас волновала нас. Все наше прошлое и все наше революционное будущее было поставлено на карту в эту субботу, канун 1 марта: прошлое, в котором было шесть покушений на цареубийство и 21 смертная казнь⁴⁴ и которое мы хотели кончить, стряхнуть, забыть, и будущее — светлое и широкое, которое мы думали завоевать нашему поколению. Никакая нервная система не могла бы вынести долгое время такого сильного напряжения*.

Между тем все было против нас: нашего хранителя — Клеточникова — мы потеряли; магазин был в величайшей опасности; Желябов, этот отважный товарищ, будущий руководитель метальщиков и одно из самых ответственных лиц в предполагаемом покушении, выпал из замысла: его квартиру необходимо было тотчас же очистить и бросить, взяв запас нитроглицерина, который там хранился; квартира на Тележной, где должны были производиться все технические приспособления по взрыву и где сходились сигналисты и метальщики, оказывалась, по заявлению ее хозяев, Саблина и Гельф-

* Революционные круги не имели связей в высших сферах, и личность наследника Александра II была совершенно неизвестна. Л. Соловьев шел на покушение 2 апреля в твердой уверенности, что устранение царя вызовет перелом во внутренней политике правительства и явится возможностью деятельности в народе. Только послереволюционная литература осветила и отношение наследника престола к февральскому проекту так называемой «лорис-мелиновской конституции», и поведение его 8 марта, уже как императора, на заседании совета министров (с особо приглашенными лицами — графом Строгановым и Победоносцевым, мнение которого победило)⁴⁵.

ман, сделанному накануне, не безопасной, — за ней, по видимому, следили, и в довершение всего мы с ужасом узнаем, что *ни один из четырех снарядов не готов...* А завтра — 1 марта, воскресенье, и царь может поехать по Садовой... Мина в подкопе не заложена.

Среди этих-то обстоятельств 28 февраля мы, члены Исполнительного комитета, собрались на квартире у Вознесенского моста. Присутствовали не все, так как для оповещения не было времени. Кроме хозяев квартиры, меня и Исаева, были: Перовская, Анна Павловна Корба, Суханов, Грачевский, Фроленко, Лебедева; быть может, Тихомиров, Ланганс — наверное не помню. Взволнованные, мы были одушевлены одним чувством, одним настроением. Поэтому, когда Перовская поставила основной вопрос, как поступить, если завтра, 1 марта, император не поедет по Малой Садовой, не действовать ли тогда одними разрывными снарядами, все присутствовавшие единогласно ответили: *«Действовать! Завтра во что бы то ни стало действовать!»* Мина должна быть заложена. Бомбы *должны* быть к утру готовы и, *наряду* с миной или *независимо* от нее, *должны* быть пущены в ход. Один Суханов заявил, что он не может сказать ни да, ни нет, так как снаряды еще никогда не были в действии.

Было около трех часов дня субботы.

Исаев был немедленно отряжен в магазин зарядить мину; квартира Желябова и Перовской, с помощью Суханова и военных была очищена, и Софья Львовна перешла к нам. Не успели оповестить не только всех членов, но даже сигналистов Садовой улицы, но роли последних, как и метальщиков, были *заранее* определены, и свидание *на воскресенье* со всеми ими уже условлено.

С пяти часов вечера три человека должны были явиться на нашу квартиру и всю ночь работать над метательными снарядами. Это были: Суханов, Кибальчич и Грачевский. До восьми часов вечера на квартиру беспрестанно заходили члены Комитета то с известиями, то по текущим надобностям, но так как это мешало работе, то к восьми часам все разошлись, и на квартире остались, считая меня и Перовскую, пять человек. Уговорив измученную Софью Львовну прилечь, чтобы собраться с силами для завтрашнего дня, я принялась за помощь работающим там, где им была нужна рука, хотя бы и неопытная: то отливала грузы с Кибальчичем, то обрезывала с Сухановым купленные мной же-

стяжки из-под керосина, служившие обложками снарядов. Всю ночь напролет у нас горели лампы и пылал камин. В два часа я оставила товарищей, потому что мои услуги не были более нужны. Когда в восемь часов утра Перовская и я встали, мужчины все еще продолжали работать, но два снаряда были готовы, и их унесла Перовская на квартиру Саблина на Тележной; вслед за ней ушел Суханов; потом я помогла Грачевскому и Кибальчичу наполнить гремучим студнем две остальные жестянки, и их вынес Кибальчич. Итак, в *восемь часов утра* 1 марта четыре снаряда были готовы после 15 часов работы трех человек. В десять часов на Тележную пришли Рысаков, Гриневицкий, Емельянов и Тимофей Михайлов. Перовская, все время руководившая ими вместе с Желябовым, дала им точные указания, где они должны стоять для действия, а потом, после проезда царя, где сойтись.

2. 1 МАРТА

По распоряжению Комитета 1 марта я должна была остаться до двух часов дня дома, для приема Кобозевых, так как Богданович должен был выйти из магазина за час до проезда государя, а Якимова — после сигнала (который она должна была дать), что царь показался на Невском; сомкнуть же электрический ток должно было третье лицо, которое могло выйти из лавки в качестве постороннего человека в том случае, если бы ему не было суждено погибнуть под развалинами от взрыва, произведенного его рукой. То был М. Фроленко.

В 10-м часу он пришел ко мне. Я с удивлением увидела, что из принесенного свертка он вынимает колбасу и бутылку красного вина и ставит на стол, приготавливаясь закусывать. В том возбужденном состоянии, в каком я находилась после нашего решения и бессонной ночи, проведенной в приготовлениях, мне казалось, что ни есть, ни пить невозможно. «Что это?» — почти с ужасом спросила я, видя материалистические намерения человека, обреченного почти на верную смерть под развалинами от взрыва. «Я должен быть в полном обладании сил», — спокойно ответил товарищ и невозмутимо принялся за еду. Пред этим отсутствием мысли о возможной гибели, пред этим единственным помышлением, что для выполнения взятой на себя обязанности надо быть в полном обладании сил, — я могла лишь безмолвно преклониться.

Ни Богданович, ни Якимова к нам не явились; вернулся Исаев и с ним несколько членов с известием, что царь мимо лавки не проехал и из манежа проследовал домой. Упустив совершенно из виду, что они не следили за обратным маршрутом государя, я ушла из дома, думая, что покушение не состоялось вследствие каких-нибудь непредвиденных причин.

На деле царь, действительно, не поехал по Садовой, но Перовская выказала тут все свое самообладание. Быстро сообразив, что путем, по которому государь поедет обратно, будет набережная Екатерининского канала, она изменила весь план, чтобы действовать уже одними бомбами. Она обошла метальщиков и поставила их на новые места, условившись о сигнале, который даст, махнув платком.

В начале третьего часа один за другим прогремели два удара, похожие на пушечные выстрелы: бомба Рысакова разбила карету государя, бомба Гриневицкого сокрушила императора; смертельно раненные, и царь и метальщик через несколько часов были бездыханными⁴⁶.

Когда после возвращения Исаева я вышла из дома, все было спокойно; но через полчаса после того, как я зашла к Г. И. Успенскому, к нему пришел Иванчин-Писарев с известием, что были какие-то взрывы, на улицах идет молва, что государь убит, а в церквях уже присягают наследнику.

Я бросилась к своим; на улицах повсюду шел говор, и было заметно волнение: говорили о государе, о ранах, о крови и смерти. Когда я вошла к себе, к друзьям, которые еще ничего не подозревали, то от волнения едва могла выговорить, что царь убит. Я плакала, как и другие: тяжелый кошмар, на наших глазах давивший в течение десяти лет молодую Россию, был прерван; ужасы тюрьмы и ссылки, насилия и жестокости над сотнями и тысячами наших единомышленников, кровь наших мучеников — все искупала эта минута, эта пролитая нами царская кровь; тяжелое бремя снималось с наших плеч, реакция должна была кончиться, чтобы уступить место обновлению России.

В этот торжественный момент все наши помыслы заключались в надежде на лучшее будущее родины.

Через короткое время приехал Суханов, радостный и возбужденный, обнимавший и поздравлявший всех по поводу этого будущего. Редактированное нами через несколько дней письмо к Александру III достаточно харак-

теризует общее настроение петербургских членов партии в период, последовавший за 1 марта. Оно составлено с умеренностью и тактом, вызвавшим сочувствие во всем русском обществе. Опубликованное на Западе, оно произвело сенсацию во всей европейской прессе; самые умеренные и ретроградные органы заявили одобрение требованиям русских нигилистов, находя их разумными, справедливыми и значительной частью своей вошедшими давным-давно в повседневный обиход западноевропейской жизни⁴⁷.

3 марта Кибальчич принес на нашу квартиру весть, что открыта квартира Гельфман (на Тележной улице), что Гельфман арестована, а Саблин, с виду всегда беззаботный весельчак, вечно игравший в остроумие, застрелился. Он рассказал также о вооруженном сопротивлении человека, явившегося в дом после ареста Гельфман и оказавшегося рабочим Т. Михайловым. Первою мыслью лиц, знавших состав посетителей квартиры Гельфман, имевшей специальное назначение и потому для большинства агентов неизвестной, было, что она указана Рысаковым. Ввиду этого соображения Комитет отменил свое решение, чтоб Кобозевы оставили свою лавку лишь после того, как мина будет очищена от динамитного заряда: они должны были не только в тот же день бросить магазин, но и выехать вечером из Петербурга.

В три часа к нам зашел Богданович, чтобы проститься со мной перед отъездом, — он выезжал первым. С тех пор я не видалась с ним до октября и ноября того же года, которые я провела в Москве, где находился и он. Это было в последний раз, потому что, когда в марте 1882 года я приехала в Москву, он был уже арестован.

Вечером 3 марта на квартиру зашла Якимова, чтобы перед отъездом переменить костюм: она заперла лавку, чтобы уже не возвращаться. В тот же день Комитет удалил из Петербурга еще некоторых членов.

Прошло не более недели — и мы потеряли Перовскую, предательски схваченную на улице. Вслед за ней погиб Кибальчич, как говорят, по доносу хозяйки, а у него был арестован Фроленко, попавший в засаду. Потом был взят Иванчин-Писарев. Белый террор открыл свои действия.

Тогда мы считали, что у правительства был человек, знавший многих агентов Исп. к-та в лицо и указывавший их на улице. Теперь, после открытия полицей-

ских архивов, обнаружилось, что одним из предателей был рабочий Окладский, осужденный на каторгу по процессу А. Квятковского в 80-м году. Ввиду опасности пребывания в Петербурге некоторые из нас, по предложению Комитета, должны были выехать, в том числе и я. Но все мы были одушевлены желанием воспользоваться горячим временем для организационных целей партии: мы видели вокруг себя сильнейший энтузиазм; смиренно сочувствующие люди, пассивные и индифферентные, расшевелились, просили указаний, работы, всевозможные кружки приглашали к себе представителей партии, чтоб войти в сношения с организацией и предложить свои услуги. Если бы честолюбие было руководящим мотивом членов партии, то теперь оно могло бы насытиться, потому что успех был опьяняющий. Тот, кто не пережил с нами периода после 1 марта, никогда не составит себе понятия о всем значении этого события для нас, как революционной партии. Понятно, что удаление в такой момент из Петербурга было тягостно для всякого человека, верящего в свои силы и думающего, что интересы дела требуют его присутствия даже вопреки требованиям благоразумия. Поддерживаемая Сухановым, я представила Комитету такие аргументы в защиту моего желания остаться на месте, что Комитет разрешил мне это, но, к сожалению, ненадолго. 1 апреля Григорий Исаев не вернулся домой: он был схвачен, как потом я узнала, каким-то предателем на улице, подобно некоторым другим товарищам, погибшим в течение марта месяца. Так как во избежание беспокойств и недоразумений мы придерживались правила, что хозяева общественных квартир не имеют права проводить ночь вне дома, если предварительно не уговорились об этом, то в 12 часов ночи 1 апреля я уже не сомневалась, что Исаев арестован.

В то время наша квартира, в силу разных обстоятельств, мало-помалу превратилась в склад всевозможных вещей: после ликвидации рабочей типографии к нам был перенесен шрифт и прочие ее принадлежности; когда закрылась химическая лаборатория, Исаев привез к нам всю ее утварь и большой запас динамита; Перовская передала нам же динамит и все другое, что сочла нужным вынести из своей квартиры; после ареста Фроленко мы получили половину паспортного стола; в довершение всего, вся литература, все издания шли из типографии «Народной воли» к нам и наполняли громад-

ный чемодан, найденный потом в нашей квартире пустым. Такое богатство не должно было погибнуть, я решила спасти все и уйти из квартиры, оставляя ее абсолютно пустой.

2 апреля вместо того, чтобы искать кого-нибудь из своих, я решила ждать прихода к себе и принялась приводить революционное имущество в удобовыносимый вид. Был уже час дня, когда на квартиру зашел Грачевский. Он сообщил мне, что товарищи считают меня уже погибшей, так как с раннего утра дворники дефилируют в градоначальстве перед арестованным накануне молодым человеком, отказавшимся назвать себя и указать свою квартиру. По описаниям дворников, уже побывавших у градоначальника, никто не сомневался, что это — Исаев. Тем не менее Грачевский одобрил мое желание спасти вещи; я просила его дать знать об этом Николаю Евгеньевичу Суханову, как человеку столь энергичному и решительному, что самое невозможное кажется ему всегда возможным.

Через несколько часов Суханов явился в сопровождении двух морских офицеров и с обычной распорядительностью в течение двух часов удалил с квартиры все, что нужно; остались два узла с вещами, не представлявшими особой ценности. Это было уже в 8 часов вечера. Тогда он потребовал, чтоб я тотчас же ушла из дома; но я не видела никакой нужды уходить до утра, потому что была уверена, что Исаев квартиры не назовет, а непоявление до сих пор полиции объясняла тем, что дворники нашего дома еще не собрались пойти на призыв; я думала (ошибочно), что ночью Исаеву дадут покой, и потому не видела риска оставаться у себя. После этих аргументов Суханов оставил меня, обещав наутро прислать двух дам за остальными вещами. Поутру 3 апреля, когда я вышла осмотреть окрестности, в воротах стояло щедринское «гороховое пальто», делавшее внушение дворникам: «Непрерменно до 12-ти часов! непременно до 12-ти часов!» Было ясно, что дворников зовут в градоначальство. Тогда я выставила условный сигнал, что квартира еще безопасна; в нее почти тотчас вошли Ивановская и Терентьева и унесли последние узлы, прося не медлить уходом. Дождавшись женщины, которая приходила убирать нашу квартиру, и под приличным предлогом выпроводив ее, я вышла, заперев свое опустошенное жилище. Говорят, жандармы прибыли на нашу квартиру, когда самовар, из которого я пила

чай, еще не остыл: они опоздали на час или полтора.

Этот день, 3 апреля, был днем казни наших царевубийц. Погода была чудная: небо ясное, солнце лучезарно-весеннее, на улицах — полная росгепель. Когда я вышла из дома, народное зрелище уже кончилось, но всюду шел говор о казни, и в то время, как сердце сжималось у меня от воспоминаний о Перовской и Желябове, я попала в вагон конки, в котором люди возвращались с Семеновского плаца, на котором происходило зрелище. Многие лица были возбужденные, но не было ни раздумья, ни грусти. Как раз против меня сидел в синей свитке красавец мещанин, резкий брюнет с курчавой бородой и огненными глазами. Прекрасное лицо было искажено страстью — настоящий опричник, готовый рубить головы⁴⁸.

После Шлиссельбурга, в архангельскую ссылку Александра Ивановна Мороз привезла мне прекрасную большую гравюру с картины Сурикова «Боярыня Морозова». Она привезла ее, потому что знала, какое большое место в моем воображении в Шлиссельбурге занимала личность протопопа Аввакума и страдалица за старую веру боярыня Морозова, непоколебимо твердая и вместе такая трогательная в своей смерти от голода.

Гравюра производила волнующее впечатление. В розвальнях, спиной к лошади, в ручных кандалах, Морозову увозят в ссылку, в тюрьму, где она умрет. Ее губы плотно сжаты, на исхудалом, красивом, но жестком лице — решимость идти до конца; вызывающе, с двухперстным крестным знаменем поднята рука, закованная в цепь. Кругом — народная толпа московской улицы времен царя Алексея Михайловича. Что ни лицо, то другое выражение: есть в толпе робкие, уstraшенные, есть немногие с затаенным сочувствием, есть злобно ликующие.

Гравюра говорит живыми чертами: говорит о борьбе за убеждения, о гонении и гибели стойких, верных себе. Она воскрешает страницу жизни... 3 апреля 1881 года... Колесницы царевубийц... Софья Перовская.. Красавец мещанин в синей суконной свитке. Прекрасное лицо, искаженное страстью, лицо опричника, готово рубить головы.

3. ПЕРОВСКАЯ

Софья Львовна Перовская по своей революционной деятельности и судьбе, как первая русская женщина,

казненная по политическому делу, представляет одно из немногих лиц, которые перейдут в историю.

С точки зрения наследственности и влияния окружающей среды любопытно, что эта аскетка-революционерка была по происхождению правнучкой Кирилла Григорьевича Разумовского, последнего гетмана малороссийского, внучкой губернатора в Крыму в царствование Александра I и дочерью губернатора Петербурга при Александре II ⁴⁹.

По случайному стечению обстоятельств ее обвинителем в Особом присутствии Сената по делу 1 марта являлся человек, бывший в прошлом ее товарищем детских игр.

В Пскове, где Перовская жила раньше, родители Софьи Львовны и ее будущего обвинителя были сослуживцами и жили рядом, так что дети постоянно встречались *

Этот обвинитель в своей речи переступил границы прокурорских обязанностей и, кроме обычных в этих случаях упреков в кровожадности, бросил слово «безнравственность». Это был Н. В. Муравьев ⁵⁰, впоследствии министр юстиции, страж закона, попиравший этот закон, просвещенный юрист, говоривший о судебных уставах 1864 г., что их основы — наилучшие из до сих пор выработанных во всем цивилизованном мире, и тем не менее потрясавший эти основы. Это был Муравьев-законник, которого русское правительство посылало в Париж, чтоб добиться от свободной республики нарушения права убежища, гарантированного законом этой республики: выдачи Льва Гартмана, революционера, хозяина того дома, из которого был произведен взрыв царского поезда под Москвой 19 ноября 1879 года. Тот Муравьев — служитель нелицеприятного правосудия, — о котором, в его бытность министром юстиции, шла широкая молва, как об одном из крупнейших взяточников того времени.

Условия детства заронили в душу Перовской никогда не потухавшие лучи человечности и чувства чести. В поколении, отцы которого пользовались крепостным правом, крепостнические нравы, с их неуважением к человеческой личности, вносимые в семейные отношения, нередко развивали в детях, в противовес отцам, протест и отвращение к деспотизму. Так было и с Перовской. Ее

* Сам Муравьев после моего ареста говорил мне это.

отец, Лев Николаевич Перовский, был крепостник из крепостников, оскорблявший мать своих детей не только самолично, но и принуждавший ребенка-сына оскорблять действием эту мать, типичную для той эпохи женщину скромной душевной красоты и кротости. В тяжелой атмосфере семьи Софья Львовна научилась *любить человека*, любить страдающих, как она любила страдавшую мать, с которой до последних трагических дней жизни не прерывала нежных отношений. Во время суда надо мной надзирательницы Дома предварительного заключения рассказывали мне, что, во время процесса Перовской, на свиданьях с матерью, вызванной из Крыма, Софья Львовна мало говорила. Как больное, измученное дитя, тихая и безмолвная, она все время полулежала, положив голову на колени матери. Два жандарма, день и ночь сидевшие в камере Перовской, находились тут же.

Едва начав жить сознательную жизнь, Перовская решила покинуть семью, оставаться в которой морально ей было невыносимо. Но отец не хотел выдать ей отдельного паспорта и, в случае ухода, грозил вернуть в отчий дом при помощи полиции. Перовская не отступила и ушла от родителей, скрывшись у своих подруг по Аларчинским курсам* — сестер Корниловых. Вместе с одной из них — Александрой Ивановной (впоследствии Мороз) — она судилась потом по «процессу 193-х».

Быть может, унаследовав от матери нежную душу, Перовская, как член кружка чайковцев, к которому принадлежали и Корниловы, весь запас женской доброты и мягкости отдала трудящемуся люду, когда, обучившись фельдшерству, соприкоснулась в деревне с этими людьми в качестве пропагандистки-народницы. В воспоминаниях свидетелей ее тогдашней жизни говорится, что было что-то матерински-нежное в ее отношении к больным, как и вообще к окружающим крестьянам⁵¹. Какое нравственное удовлетворение ей давало общение с деревней и как трудно ей было оторваться от этой деревни, убогой и темной, показывало ее поведение на Воронежском съезде и колебание ввиду распадаения общества «Земля и воля» на «Народную волю» и «Черный передел». Тогда мы обе — она и я, — только что покинувшие деревню, всеми силами души были еще связаны с нею. Нас приглашали к участию в политической борьбе, звали в город, а мы чувствовали, что деревня

* Одни из первых в Петербурге женских курсов.

нуждается в нас, что без нас — темнее там. Разум говорил, что надо встать на тот же путь, на котором стоят наши товарищи, политические террористы, упоенные борьбой и эдусшевленные успехом. А чувство говорило другое, настроение у нас было иное, оно влекло в мир обездоленных. Конечно, мы не отдавали тогда себе отчета, но впоследствии это настроение было правильно определено, как стремление к чистой жизни, к личной святости. Но, как об этом было раньше сказано, после некоторого раздумья мы победили свое чувство, свое настроение и, отказавшись от морального удовлетворения, которое давала жизнь среди народа, твердо стали рядом с товарищами, политическое чутье которых опередило нас.

С тех пор во всех террористических замыслах Исполнительного комитета «Народной воли» Перовская занимает первое место. Это она является приветливой простушкой-хозяйкой убогого домишка на московской окраине, купленного за 700—800 руб. на имя Сухорукова, игравшего роль ее мужа — мелкого железнодорожного служащего.

В решительный момент это она остается со Степаном Ширяевым в домике, где, при приближении царского поезда, должен быть сомкнут электрический ток.

Всегда бдительная, всегда готовая, она вовремя подаст нужный сигнал, и не по ее вине крушится не тот поезд, в котором царь, а тот, в котором царские служащие.

Затем, после взрыва 5 февраля в Зимнем дворце, летом 1880 года она приезжает в Одессу для подкопа и мины на Итальянской улице.

И наконец, в 1881 году, когда готовится седьмое покушение Исполнительного комитета, готовится 1 марта, Перовская организует вместе с Желябовым отряд лиц, следящих за выездом государя, будущих сигнальщиков при выполнении драмы, и руководит метальщиками бомб не только в подготовительный период, но и в день 1 марта, когда указывает на совершенно новую диспозицию, благодаря которой император погибает от двух бомб, брошенных террористами.

Конечно, как при всяком сложном замысле, со многими участниками, трудно разграничить, что каждым внесено в общее дело; все же думается, что будет только справедливостью сказать: не будь Перовской с ее хладнокровием и несравненной обдуманностью и расно-

рядительностью, факт цареубийства мог и не пасть на этот день.

День спасла она и заплатила за него жизнью.

Я познакомилась с Софьей Львовной в 1877 году в Петербурге, когда она, как подследственная по «делу 193-х», находилась на поруках. Ее привела ко мне Александра Ивановна Корнилова и оставила ночевать. Ее наружность обратила на себя мое внимание: в своей сорочке деревенского покроя она походила на молодую крестьянскую девушку, с ее небольшой русой косой, светло-серыми глазами и по-детски округленными щеками. Только высокий лоб противоречил общему простонародному облику. Во всем белом миловидном личике ее было много юного, простого и напоминающего ребенка. Этот элемент детского в лице сохранился у нее до конца, несмотря на трагические минуты, которые она переживала в мартовские дни.

Глядя на простоту всей ее внешности, никто не подумал бы о среде, в которой она родилась и провела детство и отрочество, а общее выражение лица с мягкими линиями совсем не говорило о сильной воле и твердом характере, которые ей достались, быть может, по наследству от отца. Вообще, в ее натуре была и женственная мягкость, и мужская суровость. Нежная, матерински-нежная к людям из народа, она была требовательна и строга по отношению к товарищам-единомышленникам, а к политическим врагам — к правительству — могла быть беспощадной, что приводило почти в трепет Суханова: его идеал женщины никак не мирился с этим. Когда кончился «процесс 193-х», ее квартира в Петербурге была центром, в котором сходились освобожденные товарищи по суду, но только «протестанты», не признавшие этого суда и не присутствовавшие потому на заседаниях его. Сильная личность Мышкина с его знаменитой речью на суде⁵² произвела на нее такое впечатление, что мысль об освобождении его из Чугуевского центра Харьковской губернии сделалась ее *idée fixe**. Много энергии отдала она на попытки осуществления ее⁵³.

Самыми любимыми товарищами Перовской были люди, выдающиеся по своим духовным качествам, но совершенно не похожие друг на друга, один — полный блеска, другой — совершенно лишенный его: Желябов и

* Неотступная мысль, навязчивая идея (лат.).

Фроленко — «Михайло», как она и все товарищи звали его. На Воронежском съезде я впервые встретилась с этими двумя, и Перовская, зная их до этого, много говорила мне об их превосходных качествах, но можно было заметить, что, как ни ценит она «Михайлу», Желябов прямо восхищает ее.

Перовская, согласно идеалам нашей эпохи, была великой аскеткой. Я уж не говорю о скромности всего домашнего обихода повседневной жизни, но вот характерный образчик ее отношения к общественным деньгам. В один из мартовских дней она обратилась ко мне: «Найди мне рублей 15 взаймы. Я истратила их на лекарство — это не должно входить в общественные расходы. Мать прислала мне шелковое *sortie de bal**; портниха продаст его, и я уплачу долг». До такого ригоризма у нас, кажется, еще никто не доходил.

В те же памятные дни я познала всю ее деликатность и бескорыстную заботу о товарищах. Дело состояло в следующем: после ареста Желябова 27 февраля квартира его и Перовской, как я говорила, 28-го была очищена от нелегального имущества и покинута. С этого дня и до 10 марта, когда Перовскую арестовали близ Аничкова дворца, она ночевала то у одних, то у других друзей. При тогдашних обстоятельствах такое неимение своего угла было особенно тягостно и совершенно не вызывалось необходимостью, так как мы имели несколько общественных квартир, где каждый товарищ мог считать себя равноправным хозяином и быть, как у себя дома.

Вот разгадка: в то время, время диктатуры Лорис-Меликова, не удержавшего императора от руки террористов, в Петербурге среди полиции, как и среди жителей, поднялась паника. Полиция, недосмотревшая, должна была оправдать себя и подняла всех на ноги для отыскания крамолы. Самые зловещие слухи ходили в перепуганной публике: говорили о повальных ночных обысках не только целых домов, но и целых кварталов. А мы, народовольцы, теряли одного за другим наших членов, которых арестовывали неожиданно, на улице или на квартире, без признаков какого-либо слежения.

«Верочка, можно у тебя почевать?» — спросила Перовская, можно у тебя два до ее ареста. Я смотрела на нее с удивлением и упреком: «Как это ты спрашиваешь?

* Накидка, надеваемая на вечернее платье (франц.).

Разве можно об этом спрашивать?!» — «Я спрашиваю, — сказала Перовская, — потому что, если в дом придут с обыском и найдут меня, — тебя повесят». Обняв ее и указывая на револьвер, который лежал у изголовья моей постели, я сказала: «С тобой или без тебя, если придут, я буду стрелять».

Такова была душа Перовской, частица души ее, потому что только частица ее была приоткрыта мне: в то спешное время мы слишком поверхностно относились к психологии друг друга: мы действовали, а не наблюдали.

Она была женщина: ей могло быть больно, физически больно. Когда в черном арестантском платье во дворе Дома предварительного заключения ее возвели на колесницу, посадив спиной к лошади и повесив на грудь доску с надписью «цареубийца», то руки ее скрутили так туго, что она сказала: «Отпустите немного: мне больно».

«После будет еще больше», — буркнул грубый жандармский офицер, наблюдавший за всем поездом.

Это был тюремщик Алексеевского рavelина, в котором немного спустя медленной смертью умерщвляли наших народовольцев, он же — последний комендант нашего Шлиссельбурга — Яковлев.

На Семеновский плац привезли таким же образом остальных четырех первоапрельцев: Желябова — крестьянина, создателя бомб, Кибальчича — сына священника, Тимофея Михайлова — рабочего, и Рысакова — мещанина, эмблематически представлявших все сословия Российской империи.

На эшафоте Перовская была тверда всей своей стальной твердостью. Она обняла на прощанье Желябова, обняла Кибальчича, обняла Михайлова. Но не обняла Рысакова, который, желая спастись, выдал Тележную улицу и погубил Саблина, застрелившегося, погубил Гесю Гельфман, умершую в Доме предварительного заключения, погубил Т. Михайлова, которого привел на эшафот.

Так умерла Перовская, верная себе в жизни и в смерти.

Глава тринадцатая

1. ПЕРЕНЕСЕНИЕ ПАРТИЙНОГО ЦЕНТРА В МОСКВУ

В конце октября я получила из Москвы приглашение приехать. Прошло полгода после того, как я покинула Петербург⁵⁴, и за это время я почти не имела сведений

о том, как идут дела партии и что делается в центре, перенесенном в Москву. Понятно, с каким нетерпением я рвалась на это свидание с товарищами, уцелевшими от весенних арестов в Петербурге: Юрием Богдановичем, Корба, Грачевским, Ивановской и другими, которых надеялась встретить впервые после событий, разметавших нас в разные стороны.

Надо сказать, что жизнь в Одессе, не отразившая потрясений мартовских дней, не подготовила меня к тем переменам, которые ожидали меня в Москве. Приехав туда, я с горестью могла видеть губительное значение потерь, испытанных Исполнительным комитетом незадолго до 1 марта и в особенности после него.

Местопребывание Комитета было перенесено из Петербурга в Москву не по каким-нибудь высшим соображениям, а исключительно в силу необходимости: тем из членов его, которые еще не попали в руки полиции, невозможно было держаться в Петербурге после арестов в марте и апреле. Остаться там — значило идти на неминуемую гибель: было ясно, что кто-то, знающий в лицо членов организации, на улице указывает их полиции.

Но перемещение центра революционной партии из столицы в другой город уже само по себе не могло нанести вреда делам партии. Если принять во внимание революционное движение только с семидесятых годов, то всякий, знакомый с ним, скажет, что Петербург был главным очагом его. Центр государственной жизни и средоточие всех интеллектуальных сил страны, он из года в год был местом, в котором накапливались оппозиционные элементы. Именно в нем создавались наиболее серьезные революционные организации общероссийского характера, имевшие к тому же преемственность между собой; «чайковцы», «Земля и воля», «Народная воля» были последовательно связаны между собой. И здесь же эти организации черпали, главным образом, своих сторонников. Не говоря о временах более далеких, начиная с «чайковцев», здесь сосредоточивалась революционная деятельность и находилось местопребывание лидеров революционных организаций. К Петербургу тянули провинции, получая оттуда импульсы; здесь давались лозунги, отсюда шла моральная поддержка и раскидывалась организационная сеть. Все важнейшие политические процессы, имевшие громадное агитационное значение, происходили здесь, и здесь же находили наи-

большой отклик все революционные выступления. В Петербурге сосредоточивались главные литературные силы всей России и та частица их, которая примыкала к революционным течениям. Революционные органы издавались только в Петербурге и уже отсюда распространялись по России.

Рабочее население Петербурга, более крепкое месту и более обученное, было наиболее подготовлено к восприятию идей социализма и революции. Пропаганда на фабриках и заводах велась здесь с более давнего времени, более систематично и в размерах более широких, чем в каких-либо других промышленных центрах.

Учащаяся молодежь Петербурга, более многочисленная, чем в других городах, стояла впереди всей учащейся молодежи России: при студенческих волнениях высшие учебные заведения Петербурга первые давали сигнал к движению и шли впереди его. В других городах революционная традиция могла порываться, но в Петербурге с семидесятых годов этого не бывало; никогда не оставался он без организации, а вокруг него всегда существовала периферия, ей сочувствующая и ее поддерживающая. Выехать из Петербурга, перевести революционный центр в другой город — значило утратить почву, на которой до этого времени возникали, росли и существовали революционные организации, — утратить почву, утченную всем революционным прошлым. Такой переезд был своего рода эмиграцией, ссылкой, отрывом, который грозил крайне тяжелыми последствиями.

Москва, куда был перенесен Исполнительный комитет, была городом, в котором отсутствовала непрерывность революционной традиции. Организации, появлявшиеся в ней, действовали короткое время и разбивались арестами, не будучи подхвачены какой-нибудь группой, продолжавшей их деятельность. Так погибли «долгушинцы» (1874 г.), а до них «нечаевцы». Кружок «чайковцев» имел в Москве отделение, но это не была самостоятельная организация, выросшая на почве самой Москвы: отдел был создан наезжими людьми из Петербурга; численно он был слаб и от себя ничего нового в движение не внес. В 1874—1875 годах в Москве действовали лица, судившиеся по «процессу 50-ти»⁵⁵. Они не были коренными москвичами, эти цюрихские студентки и кавказцы, и, хотя завели довольно обширные связи на московских фабриках, не могли пустить глубоко корней в городе, который выбрали как свой центр.

Наследников, которые продолжали бы их дело, они не оставили. Общество «Земля и воля» в Москве организованной сплоченной группы не имело.

Что касается «Народной воли», она не хотела оставить Москву вне сферы своего влияния и вскоре после своего образования направила туда двух выдающихся членов Комитета: П. А. Теллалова и М. Н. Ошанину, стараниями которых вскоре была создана местная группа, энергично работавшая среди рабочих и учащейся молодежи. Но настоящим основателем московской группы был А. Михайлов, приехавший в Москву в сентябре 1879 года для ведения подкопа под железнодорожное полотно.

Теперь, переселившись в Москву, Исполнительный комитет вклинился в эту группу и, можно сказать, обескровил ее. Как члены Комитета, Теллалов и Ошанина, составлявшие душу группы, изымались из нее, — они должны были всецело отдаться центральной деятельности. К тому же Теллалов в июле был переведен Комитетом в Петербург. Кроме них из группы выбыли: Мартынов и Лебедев, которые были взяты в члены Комитета; Гортынский, посланный в качестве агента Комитета для организационной работы в Киев; Андреев, с той же целью отправленный в Саратов, а член группы Фриденсон, взятый Комитетом из Москвы раньше других, был арестован в Петербурге еще в январе 1881 года. Все это не могло не ослабить местной организации.

В Петербург, кроме Теллалова, были направлены два только что принятые члены Комитета: Романенко и Стефанович, приехавшие из-за границы. Все трое раньше в качестве членов «Народной воли» в Петербурге не работали, личных связей там не имели, а в Москве старые члены «Народной воли» в свою очередь являлись новоселами. Это тоже был неблагоприятный для деятельности момент. Но важнее всего было то, что с перемещением центра Петербург в революционном смысле низводился на степень провинции: отныне там должна была существовать только *местная* группа, а Москва превращалась в революционную столицу, но без тех духовных и материальных ресурсов, которыми обладал Петербург.

2. СОСТОЯНИЕ ЦЕНТРА

Велика была перемена, найденная мною в численном и качественном составе Исполнительного комитета.

Нечего было скрывать от себя — Комитет 1879 года был разбит. Странно, но никто из нас не говорил об этом; мы сходились, обсуждали различные вопросы и расходились, как будто не замечая отчаянного положения нашего центра. Или, быть может, все мы были людьми, которые видят несчастье, но не говорят о нем. Лишь однажды, в беседе с Грачевским наедине, я высказала ему свои опасения за будущее и горестные мысли о настоящем. Но он был другого мнения или не хотел сознаваться, что положение дел катастрофическое. Из 28 человек *, бывших основоположниками «Народной воли» и членами Исполнительного комитета, принятыми до 1 марта, на свободе оставалось только восемь: три женщины — Корба, Ошанина (совсем больная) и я — и пять мужчин. То были: 1) Грачевский, который до тех пор был техником по типографии и приготовлению динамита, человек энергичный и фанатически преданный революционному делу; старый народник начала семидесятых годов, он занимался пропагандой среди московских рабочих вместе с членами московской организации Гардиной и Джабадари, судился по «процессу 193-х», был в ссылке в Архангельской губернии и бежал оттуда. Испытанный, практичный и очень работоспособный, но в «Народной воле» занятый техникой, он до 1 марта в организационных работах активного участия не принимал; 2) П. А. Теллалов, выдающийся деятель, пропагандист и агитатор, создатель московской группы, по своему пребыванию в Москве не мог принимать участия в деятельности Комитета как всероссийского центра; 3) Юрий Богданович, обаятельный товарищ, пропагандист в деревне в начале семидесятых годов, прежний «чайковец», человек опытный, мужественный в деле, но

* Я ни где не встречала перечисления членов Исполнительного комитета. Поэтому не будет лишним сделать это: 1) Желябов, 2) Перовская, 3) Морозов, 4) Фроленко, 5) Колодкевич, 6) Зунделевич, 7) Квятковский, 8) Ошанина, 9) Александр Михайлов, 10) С. Иванова, 11) Ширяев, 12) Баранников, 13) Исаев, 14) В. Фигнер, 15) Корба, 16) Л. Тихомиров, 17) Якимова, 18) Ланганс, 19) Теллалов, 20) Суханов, 21) Лебедева, 22) Богданович, 23) О. Любатович, 24) С. Златопольский, 25) Грачевский, 26) Тригова, 27) Н. Н. Оловеникова, 28) Тихомирова (урожденная Сергеева). После 1 марта приняты: 1) Халтурин, 2) Жебунев, 3) Мартынов, 4) Лебедев, 5) Романенко и 6) Стефанович ⁵⁶.

Гольденберг был членом Исполнительного комитета, собиравшегося в Липецке, но в наш Исполнительный комитет, образовавшийся после разделения общества «Земля и воля», он проведен не был.

очень мягкий в сношениях с людьми, при образовании «Народной воли» находился в Пермской губернии для устройства побега Бардиной⁵⁷ и был принят в члены Комитета прямо на должность сыроторговца на Малой Садовой, а после 1 марта, по поручению Комитета, совершил поездку в Сибирь для организации «Красного Креста», имевшего главной целью помощь побегам политических ссыльных; 4) Савелий Златопольский, одесит, принятый в Комитет по рекомендации Фроленко и Колодкевича, знавших его в Одессе; мягкий, добрый, он не был импонирующим и влиятельным человеком; и, наконец, 5) Лев Тихомиров — наш признанный идейный представитель, теоретик и лучший писатель, уже в 1881 году отличавшийся некоторыми странностями и, быть может, носивший в душе зачатки психологического переворота, который привел его к полному изменению прежней идеологии и сделал из революционера и республиканца — монархиста, из атеиста — религиозного ханжу, а из социалиста — единомышленника Каткова и Грингмута⁵⁸. Еще в мартовские дни в Петербурге он изумлял нас. Так, после 1 марта он явился к нам с траурной повязкой на рукаве, какую носили военные и чиновники по случаю смерти Александра II. В другой раз он сообщил, что ходил в церковь и принес присягу новому императору. Мы не знали, чем объяснить эту комедию, но, по словам Тихомирова, это было необходимо, чтобы легализировать его в глазах дворника, который так любознателен, что забирается в квартиру, когда хозяев нет дома. Шпиономания, по-видимому, овладела им. Так, в Москве, живя в меблированных комнатах, он вообразил, что соседи сделали отверстие в стене и подслушивают разговоры в его помещении. Тотчас он оставил эту квартиру и отправился на богомолье в Троицко-Сергиевскую лавру, чтобы, прописавшись там, засвидетельствовать этим свою благонадежность для дальнейшего проживания в Москве. На такие махинации никто из пелегальных не пускался до него ни при каких обстоятельствах.

Из сделанного перечня видно, что оставалось от прежнего Комитета. Главных столпов нашей организации, инициаторов и создателей «Народной воли», укрепивших новое направление и совершивших деяния, на которых «останавливался зрачок мира», в нашей среде уже не было, — они сошли с революционной арены, были осуждены или ждали сурового осуждения. Уж не бы-

ло Квятковского, пламенного революционера и хороше-го организатора, имевшего особенную способность привле-кать людей к делу. Он был арестован еще в 1879 году и казнен; не было Зунделевича, мастера по части до-ставки всевозможных технических средств; ни Морозо-ва, который был одним из первых горячих глашатаев народовольческого направления, — он уехал за границу уже через полгода после основания «Народной воли» и не видел всего расцвета ее. Не было ни Александра Ми-хайлова, этого «недреманного ока» организации, истин-ного «хозяина» ее; ни олицетворявшего террор, мрачно-го, молчаливого красавца-силача Баранникова; ни на-шего хранителя от полицейских набегов Клеточникова. Не было Желябова, Перовской, Колодкевича и Фролен-ко, этих несравненных деятелей слова и практики. Вы-были из строя техники: Исаев, Якимова, Ширяев, Софья Иванова; не было энтузиаста Суханова; членов Комите-та Тригопи, Лебедевой, Ланганса и только что принято-го Жебунева. Погибли агенты: Кибальчич, Саблин, Гесья Гельфман, Терентьева и многие другие товарищи из ин-теллигенции и рабочих, необходимые для общего дела и разнообразием своих талантов и способностей поддер-живавшие гармоничность различных отраслей деятель-ности нашей организации. Теперь была пустыня — недо-ставало ни умов, ни рук, ни главенствующих инициато-ров, ни искусных исполнителей. В 1879 году Исполни-тельный комитет соединил в себе все революционные силы, накопленные предшествующим десятилетием и уцелевшие от разгрома этого периода. Он бросил их в политическую борьбу и, совершив громадную работу, в два года истратил весь капитал. Теперь, к концу 1881 года, оставалась небольшая группа, а за нею те, кого на моем процессе 1884 года присутствующие защитники характеризовали словом «ученики».

Так Исполнительный комитет по существу кончил свое бытие, и в данный момент центр партии «Народ-ная воля» уже не был в состоянии играть прежней роли. На арене борьбы с самодержавием почти не оставалось имен, известных всей свободомыслящей России. Вместе с утратой людей боевая способность Исполнительного комитета исчезла. Оставалась пропагаторская и орга-низаторская работа; надо было думать о собирании сил во что бы то ни стало. Но условия деятельности сильно усложнились: шпионаж и сыск усовершенствовались, по-явились виртуозы этого дела, люди честолюбивые, спо-

собные и с широким размахом, как Судейкин⁵⁹, а революционные требования к личности, сравнительно с семидесятыми годами, повысились. В интеллигенции и в рабочей среде надо было искать элементы более зрелые. Но именно их-то и было мало. Рядовые работники находились довольно легко среди молодежи: для работы в провинции, в местных группах они были вполне пригодны, но к кандидатам в центр мы предъявляли иные требования, меряя той меркой, которая была при основании «Народной воли», и под эту мерку подходили лишь немногие.

С распадом прежней организации, исчезновением большого числа товарищей ослабел общественный контроль над личностью. Я заметила это еще в апреле, когда проезжала через Москву на юг. Несколько губительных арестов произошли оттого, что отдельные лица рисковали собой, пренебрегая мерами осторожности. Якимова, изумительная по своей смелости, находчивая в опасности и беззаветно преданная революционному делу, Якимова, которую надо было беречь, как зеницу ока, отправилась в Киев, хотя он считался по своим полицейским условиям столь же опасным, как и Петербург. Там в скором времени она была арестована с Лангансом и Морейнис. То же самое произошло и с Лебедевой. Матери Фроленко, женщине простой и никогда не бывавшей в Петербурге, Лебедева хотела помочь получить свидание с сыном и постоянно виделась с ней, несмотря на очевидный риск быть прослеженной. Так оно и случилось: Лебедева была арестована; как участница в покушении на цареубийство, она была осуждена на каторгу, как и Якимова, и умерла на Карийских рудниках в Сибири. При Александре Михайлове и Желябове, когда налицо был весь коллектив, такого риска и проявления личной воли общественное мнение не допустило бы. Да и арест самой Перовской, а потом Суханова, — разве он произошел бы, если бы, как это было в лучший период деятельности Комитета, строгий контроль организации сдерживал и, когда нужно, подчинял личность революционной дисциплине, допуская риск собой только по решению коллектива для общественно необходимого дела*.

* Позднее Ю. Богданович был арестован и погиб тоже благодаря тому, что пошел на уже оставленную, опасную в полицейском смысле квартиру, когда коллектив должен был запретить это.

3. ОЖИДАНИЯ ОБЩЕСТВА

Исполнительный комитет — говорю о Комитете 1879 года — в сущности кончил свое бытие, а между тем Россия, взволнованная царевубийством, была еще полна отголосками 1 марта. Общественное мнение широкой публики, остававшейся впотьмах относительно реальных сил партии, ослепленное деятельностью Комитета, сильно преувеличивавшее их, ожидало еще великих потрясений впереди: ведь Комитет в своих изданиях неоднократно заявлял, что царевубийство будет производиться систематически и оружие не будет сложено до тех пор, пока самодержавие не сдастся и свободные учреждения не заменят царского режима. <...>

3 марта Кибальчич, сильно взволнованный, неожиданно явился к нам на квартиру у Вознесенского моста, куда он не должен был приходиться без особого оповещения. Он сообщил, что квартира Саблина и Геси Гельфман на Тележной взята полицией. Саблин застрелился, а Тимофей Михайлов арестован на лестнице по дороге к ним. Это событие ставило на очередь судьбу магазина сыров на М. Садовой. Он еще не был ликвидирован нами, и его хозяева, Богданович и Якимова, оставались на своих местах в нем. Каждую минуту он мог быть открыт полицией. Часа в два, когда на квартире, кроме меня и Исаева, присутствовали Тихомиров, Перовская, Ланганс, Якимова и еще человек шесть из Комитета, вопрос о ликвидации магазина был поставлен на обсуждение, и было постановлено, что это должно быть сделано немедленно, причем хозяева покинут Петербург в тот же вечер. Одна я была другого мнения: я предлагала сохранить магазин еще на 2—3 дня, на случай, не поседет ли новый император, живший с императрицей в Аничковом дворце, в Михайловский манеж по той же Малой Садовой, по которой ездил его отец, и если это произойдет — взорвать мину, предназначавшуюся для Александра II. Я указывала, что рисковать в этом случае лицами, которые останутся в магазине, стоит, и Исполнительный комитет имеет право на такой риск... Однако присутствовавшие все были против. У меня вырвался возглас: «Это трусость!» Тогда Тихомиров и Ланганс, стоявшие рядом со мной, с гневным жестом подняли крик: «Вы не имеете права говорить так!..» Остальные молчали, и дело было снято с очереди.

Было решено, что Якимова, придя в магазин, скажет Богдановичу о постановлении Комитета, и он уедет из Петербурга с первым поездом, а Якимова в обычный час запрет магазин и уйдет, чтобы с другого вокзала оставить город. Так Кобозевы и сделали: сначала ушел Богданович, а вечером в обычное время Якимова закрыла магазин, зажгла перед образом Георгия-Победоносца лампадку и вышла с маленьким узелком через ворота мимо дремавшего дворника.

Утром 4 марта дворник, встревоженный тем, что время проходит, а магазин не открывается и хозяева не обнаруживают признаков жизни, дал знать в полицию, которая явилась делать свое дело.

На прилавке она нашла кучу медяков и записку: хозяйка просила в ней передать прилагаемые деньги мяснику за печенку, которую она забирала для кота Васьки.

За невозможностью немедленного второго царевубийства наступило затишье. С нашей стороны оно было вынужденным, но общественное мнение толковало его, как затишье перед грозой. Само правительство разделяло такой взгляд и ожидало новых трагических событий. Напряженное ожидание было, можно сказать, характерным признаком общественного настроения того времени. Действия Комитета за весь истекший период были окружены тайной: никто не знал, когда именно, в какой момент и в какой форме загремит удар. Никто не знал и того, какими средствами, в смысле персонала и техники, располагает «Народная воля». Эту полную неизвестность и вместе с тем признание Исполнительного комитета в данное время вершителем судеб России, в смысле поворота к свободе или еще большего усиления реакции, в шуточной форме, метафорически, выразил Глеб Иванович Успенский: в беседе со мной как-то после 1 марта и в связи с этим событием он сказал: «Что-то с нами теперь сделает Вера Николаевна?» — подразумеваемая под Верой Николаевной Исполнительный комитет.

После краткого периода неопределенности и колебаний, которые отражались в чиновничьей части публики предвещаниями, что на 25 лет воцарится злейшая реакция, стало ясно, что от нового царя ждать перемен нечего. Реакционное направление внутренней политики стало перед всеми совершенно определенно: манифест 29 апреля объявил принцип самодержавия неизблемым; отставка Лорис-Меликова, Милютин и Абазы показывала, что либеральные постуги дать хоть ка-

кое-нибудь удовлетворение общей потребности в свободе кончились и все останется по-старому.

Но революционная партия, Исполнительный комитет, — замолчит ли он после всех заявлений? после письма Александру III, в котором были сформулированы требования, не получившие удовлетворения? Все недовольные старым порядком верили, хотели верить, что нет. Поведение правительства поддерживало эту веру: новый император не короновался, об этом и помина не было, и единственным объяснением служил страх перед террористами. Сказочные слухи ходили в публике насчет их намерений и планов. Говорили, что в Москве, в ожидании будущей коронации, наняты помещения, из которых ведутся подкопы, чтобы взорвать коронационное шествие, и заняты чердаки, чтоб с них бросать бомбы. Из уст в уста шла молва, что сам сыроторговец Кобзев (Богданович) с теми же террористическими замыслами берет подряд по устройству праздничной иллюминации. Говорили, что он продолжает торговать сырами, закупает их в провинции, и эти сыры, начиненные динамитом, ввозятся в Москву и т. п. На деле Исполнительный комитет не помышлял ни о чем подобном. В первые дни после 1 марта Перовская, в крайне возбужденном состоянии от всех переживаний, словно обуреваемая манией, забыв о благоразумии, только и думала о подготовке к новому покушению на цареубийство. Она навела разные справки, отыскивала прачек и модисток, обслуживающих население дворцов, собирала повсюду указания на лиц, имеющих возможность при тех или иных условиях встречаться с царствующими особами (напр., на празднике георгиевских кавалеров). Она лично делала наблюдения над выездами царя из Аничкова дворца, пока не была наконец арестована вблизи него. С ее задержанием и переездом членов Исполнительного комитета в Москву эти конвульсивные попытки прекратились. Мы знали, что царь спрятался в Гатчине и живет там, как узник, доступ к которому невозможен. Никаких изысканий, собирания сведений и тем более наблюдений Комитет не предпринимал, и никаких проектов воспользоваться коронационными торжествами в Комитете не возникало. Даже самый вопрос о цареубийстве не поднимался. Ни разу в течение моего пребывания в Москве на совещаниях об этом не говорили, до такой степени была очевидна полная невозможность ставить такое дело при наших тогдашних силах⁶⁰.

Р. М. Плеханова
НАША ЖИЗНЬ ДО ЭМИГРАЦИИ

 Разрыв с товарищами на Воронежском съезде вызвал тяжелые переживания в душе Г. В. Плеханова. Ко мне в Киев он приехал, чтобы отдохнуть от тревог, собраться с силами и решить, что делать и как быть дальше.

С глубоким волнением говорил он мне, что товарищей-землеольцов охватило отчаяние в успехе пропаганды и организации среди народа, что вновь избранный ими путь ложен и бесплоден, в чем они скоро сами убедаются.

Но зло, причиненное революционному народничеству их решением перенести всю энергию партии на террористическую борьбу, будет неизмеримо, так как связи в народе, с таким трудом добытые, пропадут, не возобновятся.

С грустью и с возмущением говорил он о товарищах, которые на Воронежском съезде стояли на его стороне, но не имели мужества признаться в этом и открыто разорвать с партией точно так же, как это сделал он.

«Несомненно,— сказал мне Георгий Валентинович,— этот шаг сделать трудно,— берешь на себя громадную ответственность перед историей и революцией,— но этот шаг необходим, чтобы спасти дело народного освобождения от гибели. Я много передумал и перестрадал, раньше чем решиться на него. Сконцентрировать все средства и материальную и личную энергию на терроре — это поведет к гибели имеющих уже в народе организаций, это сделает невозможным дальнейшее их

распространение и углубление Агитация на почве народного недовольства будет парализована. Белый террор ответит на красный и уничтожит всякую возможность работать в народе. Революционный террор, как неумолимый Молох, потребует все больше и больше средств людьми и деньгами. Это полный самообман, что оба метода революционного действия — террор и поселения в народе — могут ужиться вместе. Одно исключает другое. Увлечение партии террором — это наклонная плоскость к гибели революционного народничества».

На мой вопрос о том, каково настроение «деревенщиков», — они же не могут соглашаться с доводами Желябова, Зунделевича и других политиков! — Георгий Валентинович мне ответил: «„Деревенщики“ вполне разделяют мои взгляды, критику и опасения, но они нерешительны. Один из них, „Егорыч“¹, только и повторяет: „вали валом по-прежнему“. Осип Аптекман понимает трагические последствия превращения партии в партию террористов, но у него фетиш — целостность партии. Он не понимает того, что целостность при таких условиях — одна видимость: внутренний, идейный раскол слишком велик, чтобы возможна была целостность. Софья Перовская по своим воззрениям и симпатиям осталась революционной народницей, но она убеждена в необходимости казни Александра II и для этого, и только для этого акта, присоединилась к террористам. По совершении этого акта она вернется к деятельности в народе. Эта половинчатость не гармонирует с умом и энергией этой необыкновенной женщины. Она рискует погибнуть из-за иллюзий: Александр II будет заменен Александром III — вместо двух палочек к имени Александра будут поставлены три. Вот к чему сведется вся перемена. Михаил Родионович Попов надеется, что, оставаясь внутри организации, можно будет воздействовать на «политиков», чтобы увлечение этих последних террором было ослаблено»². Для Плеханова и это была иллюзия, в которой «Родионыч» скоро сам убедится.

В увлечении террором Плеханов видел большой вред для народного движения, угрозу его самостоятельности; уже тогда он часто говорил: «Освобождение народа должно быть делом самого народа». В этих словах уже сказывается будущий поборник научного социализма³.

Тяжело стоял перед ним вопрос: как быть? С кем идти по той дороге, которую он считал истинной? Георгий Валентинович переживал глубокую драму человека,

который после бурной, полной захватывающего интереса жизни с высокими устремлениями, окруженный товарищами и друзьями, верующими в его силу и поддерживавшими этим его боевой дух,— вдруг увидел себя одиноким, оставленным даже теми из друзей, которые находили его правым.

Зная бодрый дух, уверенность в себе и его бесконечную веру в торжество народного революционного идеала, я надеялась, что эти переживания не будут длительными и бодрость возьмет верх.

Несмотря на тяжелую сцену, разыгравшуюся между Г. В. и Александром Михайловым на моей квартире в Киеве,— сцену, которую я описала в моей статье «Периферический кружок «Земли и воли» 1878/79 г.»⁴, Георгий Валентинович мне неоднократно говорил о своей любви и привязанности к своему недавнему закадычному другу, о том, как он его высоко ценит и как велика потеря для революционных народников вследствие увлечения террором этого выдающегося человека, с его железной волей и беспредельной преданностью делу. Как я говорила уже в этой статье, такие же сожаления о разрыве с другом я слышала и от Александра Михайлова. Естественно было, чтобы эти два человека, имевшие много общего в характерах и бесконечно преданные делу освобождения русского народа от его вековых цепей, шли неразлучно по революционному пути. Но судьба или, скорей, сложная русская действительность решила иначе. Одно можно сказать: несмотря на то что они занимали резко противоположные посты в революционном движении с 1879 года, дружба и взаимная привязанность их длилась до гроба.

Насколько мне известно, по словам друзей, Александр Михайлов на воле и в Шлиссельбурге⁵ грустил по «Жорже». Что же касается Плеханова, то он с неусыпным вниманием и интересом следил, поскольку это возможно было, живя за границей, за перипетиями жизни, борьбы, успехов и страданий своего друга.

Мне живо припомнится наше общее с Плехановым горе, когда мы узнали, что этот строгий к себе и другим конспиратор попал в руки жандармов из-за совершеннейшего пустяка: отправился лично к фотографу, чтобы забрать заказанные карточки революционеров, осужденных по незадолго перед тем происшедшим процессам. Такое легкомыслие своего твердокаменного друга Плеханов объяснял усталостью.

Подпольная революционная деятельность требовала большого, длительного напряжения. После ряда лет этой жизни являлась потребность сбросить с себя, хоть на короткое время, цепи принуждения. Хочется свободно вздохнуть. Помню также восторг и сияющие глаза Георгия Валентиновича, когда он мне рассказывал о том, как прекрасно держал себя Михайлов на суде и какую блестящую речь перед судьями произнес этот заикающийся человек, неумевший в обыкновенное время произнести без затруднения ряда складных фраз. Сила воли и большой душевный подъем сделали на суде из Михайлова — оратора ⁶.

Здесь я считаю нужным сделать небольшое отступление, чтобы исправить не совсем точное определение, сделанное моим старым другом Л. Г. Дейчем относительно настроения Георгия Валентиновича в ту пору, к которой относятся мои воспоминания.

Лев Григорьевич пишет:

«Крайне недружелюбное мнение вынес также Плеханов и о Желябове, с которым впервые встретился и «сцепился» на Воронежском съезде».

«Это совсем не наш товарищ, это споспешник либералов! — помню, восклицал Г. В. со злобой»*.

Мне припоминается другое: Плеханов приехал ко мне в Киев в конце июля 1879 года, сейчас же после Воронежского съезда. Слово «злоба» не подходит к характеристике того настроения, которое вынес Плеханов от тяжелого столкновения со своими товарищами. Он не «злился», а страдал. О своих бурных схватках с Желябовым он мне говорил, но при этом отдавал должное силе, уму и талантливости будущего героя организации «Народная воля». Я помню ясно слова Плеханова, как будто они были произнесены передо мною вчера: «Мы здорово столкнулись с Желябовым во время одной из наших встреч в Воронеже, и Желябов мне сказал по окончании разговора: „Я страстен, но вы превзошли меня, в вас сидит татарин”». Этот инцидент рассказал мне Г. В., смеясь и с одобрением к остроте противника. Можно ли тут говорить о злобе? Не думаю, чтобы это чувство явилось у Плеханова несколько месяцев спустя, когда он встретился с Л. Г. Дейчем. О том, что Желябов не социалист, а конституционалист, он мне также говорил, но не со злобой, даже не с раздражением, а

* См.: Л. Дейч. Г. В. Плеханов.—Новая Москва, 1922, с. 47.

скорее с удивлением. Он был, видимо, поражен этим открытием. Несомненно, что влияние этого «конституционалиста» на Воронежском съезде, этом собрании лучших представителей революционного народничества той эпохи, вызывало в душе Плеханова гнев на товарищей и тяжелые переживания. Но слово «злоба» слишком мелко для характеристики той драмы, которая происходила в душе Георгия Валентиновича⁷. <...>

Познакомив читателя в общих чертах с внешними условиями нашей жизни в течение памятных для меня трех месяцев, предшествовавших эмиграции Плеханова, я займусь теперь описанием нашей внутренней жизни.

Я думаю, что не ошибусь, если назову этот короткий период жизни Плеханова одним из наиболее интенсивных и плодотворных. Г. В. много читал, много работал над задачами, ставившимися тогда революционным движением. Это был период формирования организации «Черный передел» — выработки ее программы и тактики. Плеханов принимал самое живое участие в создании этой группы, в издании и редакции ее органа. Им был написан манифест этой группы, появившийся в конце 1879 года в первом номере «Народной воли». Перу Г. В. также принадлежит передовая статья первого номера «Черного передела»: «О различии, существующем в постановке и способах решения социального вопроса на Западе Европы и в России». К этому же периоду относятся: его заметка «От редакции» и статья «Черный передел». Обе эти статьи появились в первом номере⁸.

Народнические идеалы его были еще не поколеблены, но в эту пору он уже стал задумываться относительно замечаемых им противоречий в русской социальной жизни, анализ которых явился несколько лет спустя содержанием его двух книг, составивших эпоху в русском революционном движении — «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия»⁹. Мне живо помнится, какое глубокое впечатление произвела на него в ту знаменательную зиму книга статистика Орлова «Общинное владение в Московском уезде»¹⁰.

Это серьезное исследование, которое беспощадно било по той основе, на которой строили революционные народники все будущее народного счастья, вызвало драматический момент в жизни Плеханова. Не соглашаться с этими цифрами нельзя было. Эту книгу мы читали вместе, останавливались на каждом факте. Я помню страстные комментарии Плеханова по поводу этих фак-

тов, которых он не оспаривал, но был горячо убежден, что горю можно еще помочь массовым революционным взрывом — «Черным переделом», который спасет общину от разложения. В это чтение Г. В. вкладывал все существо свое; казалось, что вопрос о том, быть или не быть общине, разлагается она или нет,— являлся для него вопросом жизни или смерти. По-моему, начало поворота в политическом и социалистическом мирозерцании, еще мало, быть может, сознаваемого самим Георгием Валентиновичем, надо отнести к этому первому удару, который был нанесен революционным верованиям Плеханова книгой скромного статистика Орлова. В статьях этого периода, как в статьях «Поземельная община и ее вероятное будущее», помещенных в январской и февральской книжках «Русского богатства» за 1880 год, так и в других того же периода, сказывается это страстное желание отстоять то, что было главной его заботой революционера, а именно — основательность теоретическую и практическую народнического идеала. Но во всех этих статьях, по-моему, уже проглядывает маленький червь сомнения.

Поглощенный в течение дня работой, чтением и писанием, Георгий Валентинович по вечерам уходил на конспиративную квартиру, чтобы отнести статьи и почитать товарищей. Оттуда он приходил веселый и бодрый. Из его рассказов я знала, что дух группы вновь объединившихся товарищей был бодрый,— чувствовались сплоченность и гармония. Работа шла дружно, без диссонансов.

С особенным восторгом отзывался Георгий Валентинович о Вере Засулич,— об ее уме, остроумии и глубокой идейности¹¹. Уже в этот ранний период зародилось в Плеханове чувство любви и уважения к ней, которое не покидало его в течение всей его жизни. Он высоко ценил ее отзывы о его работах, всегда считался с ее мнением во всех вопросах революционной тактики и теории, а также придавал большое значение ее оценке людей.

За последние годы явилось много статей, монографий и даже крупные труды о Плеханове, о его жизни и деятельности. Об его отношении к Засулич говорится в этих произведениях очень немного, но и то малое, что сказано, крайне неудовлетворительно, так как дает совершенно ложное понятие о личности Засулич и о взаимоотношениях ее с Плехановым. В этих неверных описаниях

она украшается такими семейными добродетелями, как любовью к детям, к животным, завистью к семейной жизни, которой у нее самой не было, даже любовью к хозяйству, чем она никогда не грешила. Во всем этом имеется лишь частица правды, но такое сентиментальное и одностороннее описание личности Веры Ивановны ведет к ложному пониманию крупной в нравственном и умственном отношении ее фигуры.

По своему широкому философско-литературному образованию и большому самостоятельному уму В. И. составляла редкость среди женщин нашего революционного движения. Интерес к философии вызвал у Веры Ивановны Плеханов. В этой области он был одновременно ее учителем и сотоварищем. Как учитель Г. В. часто восхищался способностями к отвлеченной мысли, блеском и оригинальностью своей ученицы.

Некоторые «наблюдатели» говорят о подчиненности Веры Ивановны Плеханову, даже о «рабстве» ее. Это просто смешно! Ни с кем Г. В. так не считался, как с ее мнением, во все революционные этапы своей жизни. Говорить о смущении ее перед Плехановым, о боязни в его присутствии высказать свое мнение — это значит совершенно не понимать сути их отношений друг к другу и нравственного образа Веры Ивановны.

О значении, которое имела Засулич в жизни Плеханова и его семьи, я расскажу подробнее, когда приступлю к описанию долгих лет нашей совместной эмиграции, теперь ограничусь только заявлением, что оно было велико.

Среди широких рабочих слоев Г. В. в описываемую мною здесь зиму не действовал, так как он был всецело поглощен делами организации «Черный передел», но он встречался с отдельными членами «Северо-русского рабочего союза» и главным образом — со своим давним приятелем Степаном Халтуриним¹². В одно из этих свиданий Г. В. с героем — пионером нашего рабочего движения — Степан открыл ему свое решение — воспользоваться представившейся ему возможностью поступить на службу в Зимний дворец в качестве столяра, чтобы убить царя. В своей брошюре «Русский рабочий в революционном движении» Г. В. подробно рассказал о тех условиях, благодаря которым бесстрашному Степану удалось попасть в строго оберегаемый Зимний дворец. К Плеханову он обратился с просьбой свести его с кем-нибудь из организации «Народная воля», так как он на-

ходил более целесообразным для большего успеха дела действовать от имени революционной организации. Кроме того, ему нужна была техническая помощь: добыть большое количество взрывчатых веществ и совместно с террористами разработать план этого акта.

Я живо помню, с каким волнением Г. В. рассказывал мне о решении Халтурина. В душе Плеханова, видимо, боролись два чувства: с одной стороны, глубокое огорчение по поводу того, что лучшая сила питерского пролетариата, в лице наиболее талантливого, наиболее светлого его представителя, идет по тому пути, который он считал вредным для роста и для достижения конечной цели русского революционного движения; с другой стороны, Г. В., видимо, гордился и восхищался смелым решением своего друга-рабочего. Он часто повторял мне в тот вечер: «Если бы ты знала, какая это смелая и замечательная личность! Революционный пыл, вдумчивость и чувство самоотвержения — все это соединяется в нем гармонично. Ужасно тяжело, что этот человек погибнет, не дав того, что он мог бы еще дать для русского рабочего движения. На терроре он погибнет без пользы, а революционное народничество осиротеет».

Отклонить Халтурина от принятого решения Плеханову, как известно, не удалось. В один из ближайших дней после выраженного Халтуриным желанья Георгий Валентинович устроил ему свидание с Александром Квятковским. Затем 5 (17) февраля 1880 года Халтурин произвел взрыв, неудача которого причинила ему большие страдания. Пробовал он вернуться к своему любимому «рабочему делу», но логика раз принятого способа действий ставила свои неотразимые требования: Степан снова пошел на террор, приняв участие в убийстве военного прокурора Стрельникова, был захвачен на месте и спустя 24 часа был казнен. Плеханова эта трагическая смерть ученика и друга глубоко взволновала.

Возвратимся к нашей жизни в Графском переулке.

* * *

Могу с уверенностью сказать, что, если Плеханов остался целым и мог послужить в течение еще четырех десятилетий своей родине и Интернационалу, то это благодаря тому уходу и обереганию со стороны друзей, которыми он был окружен в этот период разгула белого террора. Жизнь наша в Графском переулке, строго конс-

пиративная, вдали от тех мест, где сосредоточивалась революционная молодежь, искусное исполнение нами ролей провинциальной дворянской семьи, приехавшей в столицу, чтобы посоветоваться с докторами и быть под их наблюдением, вполне убедили наших хозяек — добродушных немок — в нашей искренности. Они часто приходили ко мне со своими советами, выражением симпатии к моему состоянию и т. д.

Одно большое неудобство вытекало из нашего звания провинциалов: эти добродушные немки здорово драли с нас за доставлявшиеся ими продукты, за обед и разные услуги. На выражения мною удивления по поводу больших счетов мне давался моими хозяйками безапелляционный ответ: «Вы ведь Петербурга не знаете, у вас в провинции все дешево, а у нас здесь в столице все дорого». Не раз ловила я себя на сильном внутреннем желании сказать этим добродушным, но практически сестрам: «Да мы Петербург лучше вас знаем». Читатель, конечно, понимает, что моя сдержанность в данных случаях была излишней.

Местожителство наше было окружено большой тайной: из товарищей, за исключением двух-трех лиц, никто на нашу квартиру не являлся. Я помню, приходили к нам О. В. Аптекман и Н. П. Щедрин¹³, но и их посещения были чрезвычайно редки.

Осипа Васильевича я видела в последний раз весной 1879 года на одной из конспиративных квартир, организованных мною для пропаганды и занятий с рабочими. Он хорошо выглядел, был бодр, полон энтузиазма, но восемь-девять месяцев спустя я нашла его исхудавшим, с отпечатком большой грусти на лице, хотя он старался быть бодрым, шутил, смеялся. Ни на ком другом из бывших членов «Земли и воли» не отразился так болезненно раскол этой, казалось, глубоко спаянной, дружной организации, как на Аптекмани, человеке нежной, вибрирующей души. Он часто менял свои идейные увлечения; оставил юданзм для христианства, увлеклся Лавровым, Бакуниным, стенка-разиновщиной и научным социализмом. Но в каждом своем увлечении он был неизменно искренен, полон пламенного энтузиазма. Среди друзей его прозвали «неистовым Виссарионом». В его натуре было действительно много общего с Белинским. Его нежная, любящая натура не могла вынести удара, нанесенного всем членам бывшей организации «Земли и воли». Он не мог пережить этой трагедии.

Теперь я его увидела вскоре после его покушения на самоубийство, от которого его спасли, о чем я узнала по приезду в Петербург от Георгия Валентиновича. Мы надеялись, что вновь возродившаяся организация, живое дело и дружественные отношения, связывавшие членов группы «Черный передел», будут лучшим для него исцелителем.

Николая Павловича Щедрина я видела тогда впервые. Мне понравилось его энергичное умное лицо. Плеханов отзывался о нем как о дельном, полном инициативы товарище. Оба, Аптекман и Щедрин, являлись к нему для совещания по редакционным делам, забирали у него иногда рукописи, чтобы таким образом ослабить для Плеханова необходимость показываться на улице и избежать лишнего риска.

Из близких знала мой адрес только моя сестра, но она к нам никогда не являлась. Свидания с ней я устраивала с соблюдением конспиративных предосторожностей по вечерам на открытом воздухе. Не знала адреса также и Т. В. Поляк¹⁴. Я ей писала не раз из Петербурга, чтобы успокоить ее насчет нашей целостности, и умоляла ее не оставлять Киева. С ее стороны не получалось никаких возражений по этому поводу. Я была далека от мысли, что моя подруга, вопреки своему здоровью и убийственному питерскому климату, не выдержит и явится в столицу в самый разгар зимней стужи и снежных заносов.

Мне живо помнится вечер, когда мы с Плехановым беседовали в теплой, уютной комнате, а за стенами бушевал холодный, морозный ветер. К нам постучались в дверь, я открываю, и вдруг передо мною — Поляк. В первый момент я почувствовала растерянность, и из груди моей вырвался горький упрек за сделанный ею безумный шаг.

«Как, в такое время ты решилась покинуть Киев и рисковать своим здоровьем!» — вскрикнула я, но, увидев печальный вид моего преданного друга, я крепко обняла ее и усадила. К ней подошел с лаской Плеханов, и она успокоилась. Адрес она узнала от моей сестры. Теофилия Васильевна знала о моей болезни и предвидела осложнения всякого рода как материального свойства, так и другие. Явилась она ко мне на помощь, не щадя ни здоровья своего, ни жизни, ни свободы: она знала, что, связав свою жизнь с нами, она подвергается огромной опасности со стороны властей. Но она всем

пренебрегла, желая быть вблизи любимых ею людей в трудную минуту их жизни. Признаюсь, мне и Плеханову была бесконечно тяжела эта жертва. Я лично в душе боялась еще того, что конспиративная обстановка, которая мною всячески оберегалась для целостности Плеханова, будет нарушена, так как Теофилия Васильевна, очень известная и популярная в студенческих кругах того времени, могла быть узнана, а по ее следам могли выследить и наше жилище. Но мои опасения были напрасны. Предосторожности, принимавшиеся Теофилией Васильевной, раньше чем попасть к нам на квартиру, заслужили бы одобрение даже Александра Михайлова, виртуоза в области конспирации.

Месяц спустя после приезда Поляк в Петербург, когда наступил серьезный момент в состоянии моего здоровья и понадобились врач и сестра милосердия, моя подруга проявила чудеса самоотверженности, находчивости и выдержанности. Врач и сестра милосердия, призванные мне на помощь, были до последней минуты уверены в том, что они имеют дело с дворянами Семашко, ни на минуту не подозревая, что за этим именем скрывается крупный политический преступник, за поимку которого был назначен, как говорили тогда, значительный куш.

Благодаря присутствию Поляк Г. В. мог спокойно предаваться своей работе по писанию статей для «Черного передела», зная, что за мной будет любящий и умелый уход. Все кончилось благополучно: через две недели после операции я была уже на ногах. Одна только тревога была у меня: предстоявшая разлука с Георгием Валентиновичем.

Описанные мною выше условия нашей жизни в Графском переулке, превосходные в конспиративном отношении, были очень неблагоприятны для теоретических работ Плеханова; между тем он чувствовал свою ответственность теоретика революционного народничества больше, чем раньше. После разделения «Земли и воли» Г. В. был почти единственным обоснователем этой теории. В ту раннюю пору своей политической жизни он был уже крайне требователен, когда дело касалось революционной литературы. *И прежде всего эту требовательность применял он к себе.* Статьи свои он много раз и тщательно исправлял. В ту пору нашей совместной жизни я была почти постоянным его секретарем. Он, бывало, продиктует начало какой-нибудь статьи. Мне ка-

жется это начало превосходным. Но он не удовлетворялся: «Нет, брось, бери другую страницу». Следовало новое начало, а потом третье, четвертое. Я удивлялась тому, что мысль с каждым разом выходила отшлифованнее, красивее. Эта требовательность к себе, эта тщательность в обработке своих статей не покидали его до конца жизни. Диктуя мне свою последнюю статью «А. В. С.» в январе 1918 года во французской больнице, уже тяжело больной, Плеханов проявил такое же богатство образов, выражений и мыслей, как в лучшую пору расцвета своего литературного таланта: я много раз меняла страницы для новых «начал», зачеркивала одно выражение, чтобы заменить другим, зачеркивала целые фразы, чтобы заменить другими, более рельефными, более краткими¹⁵. Но все сказанное мной относится к внешней обработке статей. Что же касается внутреннего их содержания, Георгий Валентинович еще в ту пору, в 1879 году, когда мы жили в Питере в Графском переулке, прилагал все силы, чтобы они были на высоте научных требований своего времени. Недостаточность первоисточников, оригинальных работ вызывала в нем часто глубокую неудовлетворенность,— у него вырывалось тогда: «Так писать нельзя! Надо учиться... Если бы мне хоть годика два поработать на свободе, в большом культурном центре! Наша революционная литература невежественна потому, что статьи пишутся наспех людьми без достаточного образования; между тем надо поставить революционную литературу на большую высоту, чтобы общество не имело права относиться к ней сверху вниз! Тогда только наша литература будет иметь влияние».

Как ни старалась редакция о доставлении Георгию Валентиновичу книг, нужных для работы, книжный голланд был силен в Графском переулке. Публичная библиотека, где зимой 1878 года Плеханов проводил почти все время, свободное от революционных дел, сделалась недоступной. Полного удовлетворения от работы при таких условиях у Плеханова быть не могло. Но, несмотря на это и несмотря на постоянные угрозы его свободе и жизни, Плеханов весь был погружен в проведение на практике планов группы «Черный передел».

Мысль о том, чтобы покинуть Петербург, даже на время, казалась бы ему чудовищной: дело требовало напряжения всех жизненных сил...

Между тем белый террор, после взрыва народоволь-

цами поезда под Москвой 19 ноября 1879 года, принял зловещие размеры. Повальные обыски и аресты заставили задуматься многих из членов организации, и перед ней был возбужден вопрос о том, насколько целесообразно подвергать риску попасть на виселицу членов ее, являвшихся решительными противниками террора, но, по неосведомленности властей, признаваемых его защитниками. Раз поставив этот вопрос, все, за исключением четырех лиц, которых он касался, не только высказывались, но и энергично настаивали на невозможности скорейшем выезде за границу, хотя бы на время, Плеханова, Засулич, Дейча и Стефановича¹⁶.

Георгий Валентинович по возвращении в Графский переулок после первого собрания, на котором был поднят этот жгучий вопрос, сообщил мне о требовании организации. Мы вместе долго его обсуждали, и оба пришли к заключению, что теперь, когда после долгих затруднений организация «Черный передел» почти стала на ноги, когда в ее рядах имеются крупные революционные работники, бросить все и скрыться за границу не следует. Это будет равносильно измене делу. Надо держаться, хотя бы некоторое время, надо укрепиться на расстроенных постах в провинции и завоевать новые вместо потерянных при расколе «Земли и воли». Я лично испытывала чувство человека, у которого разбито будущее, казавшееся ему прекрасным, разбита цель, к которой я стремилась всеми силами души, — это сжечь корабли, бросить медицину, близкое получение диплома и все связывавшие меня личные пути и вместе с человеком, в которого я верила, броситься в революционное движение без оглядки, без сожаления. И вдруг эта лелеянная мечта приведется к прозаическому отступлению — поездке на чужбину.

Но товарищи, закаленные в долгой борьбе, были благоразумнее меня и даже Плеханова, который упирался не из романтических мотивов, а из опасений более глубоких — потери почвы под ногами вследствие отъезда даже на короткое время главных деятелей, членов молодой еще, неокрепшей организации.

Изо дня в день товарищи продолжали все упорнее настаивать на необходимости поездки за границу четверых намеченных лиц. По их мнению, от их медлительности пострадает вся организация. Скрыться надо на время, чтобы оборвать преследования. Работа в конечном счете от этого только выиграет.

Когда после настойчивых и долгих убеждений товарищам удалось склонить Г. В. на поездку за границу, он вскоре затем сам стал находить в ней положительную сторону — возможность пополнить свои знания, проверить правильность своих революционных убеждений.

12 января 1880 года мы оставили с сожалением нашу уютную квартиру в Графском переулке и разъехались в разные стороны: Теофилия Васильевна с 14-дневным новорожденным ребенком, Верочкой, переехала на Пески в дом Николаева, где в нанятой предварительно квартире ждала ребенка кормилица; Плеханов переехал на несколько дней на конспиративную квартиру, а я, еще не настолько оправившись, чтобы бравировать полицию и тюрьму, отложила свое решение «выплыть на поверхность», т. е. принять легальный образ, отправилась к писателю Златовратскому, в семье которого мне предложили приют¹⁷.

В этой милой семье я пробыла неделю. С благодарностью и с очень теплым чувством я вспоминаю, с какой заботливостью и вниманием относились ко мне симпатичная жена писателя и незабвенная его сестра, моя бывшая приятельница, студентка медицины, и сам Златовратский. На эту квартиру приходил ко мне ежедневно до отъезда за границу Плеханов. Тут же мы с ним простились, не уверенные в том, что скоро увидимся. Ему предстоял опасный путь при тогдашних строгостях на границе, мне грозила тюрьма и ссылка.

Несколько дней спустя, насколько мне помнится, 3(15) января¹⁸, Плеханов покинул Россию, а после трех недель тревожного ожидания я получила известие, что он доехал благополучно до Женевы. <...>

С. А. Иванова-Борейша

ПЕРВАЯ ТИПОГРАФИЯ «НАРОДНОЙ ВОЛИ»

В августе 1879 года только что сформированной группе народovolьцев пришлось заняться устройством тайной типографии для своего нового органа. Это было после разделения организации «Земли и воли» на две самостоятельные группы. Бывшую типографию «Земли и воли», благополучно существовавшую в Петербурге раньше, разделили между этими двумя группами¹. Сделав необходимые добавления шрифта и прочих принадлежностей, народovolьцы принялись устраивать дело. Трое типографских работников из «Земли и воли» выразили согласие работать в новой газете, что значительно облегчало нашу задачу, ибо это были не только опытные наборщики, но и вообще люди, знавшие и любившие типографское дело. Кроме того, в будущем нам обещали еще одного сотрудника, наборщика по ремеслу, который в продолжение многих лет добывал себе хлеб этим ремеслом. Он в это время жил за границей, и было предложено выписать его оттуда. Предстояло подыскать подходящую квартиру и более или менее солидную к ней хозяйку, которая сумела бы внушить к себе почтение дворникам и соседям. По правде говоря, солидных по возрасту людей среди нас совсем почти не было, и поневоле пришлось принимать во внимание только другие соображения. Место это было предложено мне, отчасти потому, что я раньше была знакома с ремеслом наборщицы и могла быть в этом деле полезнее других, отчасти же просто потому, что я была в это время свободна от

других обязательств. Не скажу, чтобы мне особенно улыбалась мысль о затворнической жизни, которую приходится вести при такой работе, но было желание как можно скорее приложить куда-нибудь свои силы: сознание, что я могу здесь быть полезной, заставило меня сразу согласиться на эту роль.

За отыскание квартиры взялись А. А. Квятковский и А. Д. Михайлов. Оба они были очень предусмотрительны и умели хорошо взвешивать удобства и недостатки квартир в конспиративном отношении. Через несколько дней подходящее помещение было найдено, и мне было предложено снова осмотреть его вместе с Н. Бухом², который должен был разыгрывать роль моего супруга. Все было предусмотрено как нельзя лучше. Саперный переулок — улица не бойкая, и населена она более или менее почтенными людьми; дом, в котором находилась наша будущая квартира, был занят несколькими достаточными семьями. Ни квартирных хозяек с бесчисленными квартирантами, среди которых всегда может оказаться какой-нибудь «крамольник», ни студентов, ни молодежи вообще — в этом доме не было. В квартире два хода — черный и парадный, причем последний имел вполне приличный вид и освещался по вечерам; большое удобство представляло то, что швейцара не было. Окна четвертого этажа, где помещалась наша квартира, выходили во двор, а напротив была глухая стена соседнего дома. Окна эти только отчасти были видны с противоположной стороны улицы, но все же, в случае неблагоприятия у нас в доме, можно было выставить знак, что и было сделано впоследствии. По паспорту мы должны были изображать собою отставного чиновника и его супругу. Документ был настоящий, так что с этой стороны мы ничем не рисковали. В конце августа мы пересели. Шрифт и прочие принадлежности типографского дела перевозились вместе с мебелью, причем все тяжелые вещи были по возможности размещены по разным сундукам, чтобы тяжесть их не возбудила подозрения. Квятковский, принимавший деятельное участие в упаковке вещей, не мог следить за выгрузкой их в новом жилище и потому нашел себе другое дело: не сказавши нам ни слова, он принялся издали, незаметно для нас, выслеживать наши поезда, чтобы убедиться, что никакие шпионы нас не сопровождают. Прodelал это он так артистически, что я ничего не заметила и была очень удивлена и сконфужена, когда он рассказал мне об

этом после. При нашем переезде дворники, которых в доме было двое, оказывали нам содействие, помогая вытаскивать вещи, за что получили щедрое «на чай». С этой, кажется, минуты они решили, что к ним переехали «хорошие господа». Мы всегда старались поддерживать такую репутацию, и они все время относились к нам очень почтительно. Прислуги у новых жильцов в первые дни совсем не было. Грязнова, бравшая сначала на себя роль кухарки, по своим личным делам должна была отложить на время поступление в типографию, поэтому у нас вышла заминка. Мы объявили дворнику, что ждем рекомендованную нам кухарку. Вскоре на должность эту к нам определилась особа, называвшаяся по паспорту Анной Барабановой³. Так как личность ее не была установлена, то я и буду называть ее этим именем. Аннушка была интеллигентная девушка, курсистка, но с ролью кухарки справлялась, как настоящая актриса, которая сама увлекается принятой на себя ролью. Ее природная практичность много помогала ей в этом. Как человек общительный, она живо перезнакомилась с дворником, его помощником и соседними лавочниками. Ближайший из них стал даже задабривать Аннушку подарками, уговаривая ее не покупать продуктов нигде, кроме его лавочки, и обещая ей за это постоянное вознаграждение. На первый случай он подарил ей коробочку монпансье. Главное достоинство Аннушки заключалось в том, что она не имела конспиративного вида и держала себя просто. Аннушка, по-видимому, была не прочь поболтать со всеми этими людьми, при случае немножко побранить своих господ, но всегда умела соблюдать чувство меры. Приходя к нам в комнаты, она со смехом передавала нам эти разговоры, иногда изображая их в лицах.

Когда пришла пора начинать печатание 1-го № «Народной воли», в квартире был водворен Абрам⁴, товарищ Буха по старой типографии. Он проживал в квартире нелегально, т. е. без прописки, и поэтому ему предстояло почти безвыходное сидение дома. Началось печатание. Набором занимались Бух, Абрам и я. Потом двое из нас должны были стоять у станка при печатании листов. У станка работала и Аннушка. Хозяйственные обязанности мы с ней поделили и готовили в кухне обед по очереди. На своем посту, т. е. в кухне, в качестве прислуги, она обязана была пребывать только утром, когда являлся дворник с дровами, мальчик из мяс-

ной лавки и пр. После того в кухню из посторонних людей никто не заходил, но в случае, если звонил кто-нибудь с черного хода, должна была выйти и отворить кухарка. С парадного крыльца посетителей тоже было немного. По делам типографии являлись только два-три лица; через них и велись сношения с внешним миром. Остальные члены партии, даже близко стоявшие к делу, не должны были знать адреса типографии, хотя личный состав ее был известен им.

Кажется, в конце сентября приехал новый наборщик, Лейзер Цукерман⁵. Он в типографском деле был как бы в своей стихии и потому на другой же день работал наравне с другими. Ему, так же как и Абраму, пришлось жить в качестве нелегального квартиранта и безвыходно сидеть дома. Конечно, можно было узаконить их пребывание в квартире, но это было несколько рискованно: пришлось бы взять фальшивые паспорта, а прописка таковых сама по себе представляет риск. Кроме того, квартира, в которой скромно живут муж, жена и кухарка, имеет более благонамеренный вид, чем если в ней обитают еще квартиранты, да притом люди молодые, среди которых попадаются разные вольнодумцы и неблагонамеренные люди. Нам хотелось так обставить квартиру, чтобы, что называется, комар носу не мог подточить. Много было обращено внимания и на внешнюю обстановку квартиры, главным образом на гостиную, которая была видна при входе в переднюю. Незадолго до переезда в Саперный переулок нам представился случай купить не только мебель, но и всю домашнюю обстановку квартиры средней руки у одной почтенной дамы, уезжавшей из Петербурга. Мебель была вполне приличная, и то, что она была немножко подержанная, даже еще больше подходило для отставного чиновника. Передняя комната, самая лучшая в квартире, представляла собою самую заурядную гостиную, в которой красовалось множество вязаных салфеточек и разбросанная на столе колода карт и пр. На стене, в числе других украшений, видное место занимал большой портрет Александра II, писанный масляными красками. В следующей маленькой комнате помешался станок для печатания. Его устанавливали на мягкой кушетке, для того чтобы не производить шума при печатании. Самая задняя и отдаленная комната была просторнее других, и в ней удобно было расположить кассы со шрифтами. В этих двух комнатах производилась вся типографская

работа и в них же должны были помещаться трое мужчин. Была еще маленькая комната около кухни, которую великодушно уступили мне. Такую роскошь, как кровать или матрац, могли иметь только законные жильцы, и наши молодые люди должны были довольствоваться диваном и кушеткой, а когда последняя была занята, то приходилось устраиваться на полу или на большой кипе типографской бумаги. Хотя в квартиру эту почти не проникал чужой глаз, но были дни, в которые мы обязаны были чиститься и прибираться совершенно как перед обыском. Дело в том, что, по раз установленном порядку, хозяин дома два раза в месяц, в определенные дни, посылал к жильцам полотеров для чистки полов. Дни эти резко выделялись у нас. Еще накануне вечером начиналась уборка, в которой принимали участие все. Кассы и шрифты прятались в большие сундуки; более громоздкие вещи выносились в переднюю и запрягивались в большой стенной шкаф. Шкаф этот, в котором помещались водопроводные трубы, точно нарочно был устроен для наших конспиративных целей. Бумага и отпечатанные листы тоже убирались в сундуки, но главное внимание обращалось на тщательную чистку и выметание по углам и закоулкам: маленькая шрифтинка или какая-нибудь мелкая принадлежность печатания, найденная полотерами при уборке, могла нас погубить не хуже, чем полное открытие типографии. Нелегальные жильцы, Абрам и Цукерман, должны были с утра уйти куда-нибудь, одевшись поприличнее, и провести где им угодно целый день. Вечером они снова являлись в квартиру и усаживались в ней ровно на две недели.

День в типографии проходил следующим образом: с утра принимались за работу, причем одна из женщин до обеда была занята хозяйством. Мужчины были очень трудолюбивы по своей специальности, но очень неохотно брались за какие бы то ни было хозяйственные дела. Исключение составлял только Цукерман, который, по своему бесконечному добродушию, не отказывался ни от какой работы и, видя, что дамам кухня надоела, готов был взяться даже за поварские обязанности, но мы не злоупотребляли его добротой или, вернее, не особенно доверяли его кулинарному искусству. Работа продолжалась вплоть до обеда, после которого полагался отдых. Около этого времени обыкновенно являлся кто-нибудь из наших обычных посетителей и приносил нам

известие о том, что делается на свете. Надо отдать справедливость нашим товарищам, которые, зная, что мы сидим здесь, как в тюрьме, старались приносить нам всевозможные новости. Бывали дни, когда не являлся никто, потому что в эту квартиру без дела ходить не полагалось; посетители приносили рукописи или забирали от нас отпечатанное. Отдохнувши и поблагодарив за самоваром, вся публика снова принималась за работу, которая, впрочем, долго никогда не затягивалась. По конспиративным соображениям было решено вечером не работать позже 10 часов, и это правило нарушалось только в исключительных случаях. Такую скучную, однообразную жизнь вели типографщики изо дня в день, не зная ни праздников, ни отдыха, ни развлечений. По совести говоря, думаю, что успеху дела много способствовало то обстоятельство, что сюда попали замкнутые, малообщительные люди, иначе им было бы слишком тяжело выносить такую жизнь. Буху было лет 25—26, но на вид ему можно было дать гораздо больше; это был замкнутый и очень молчаливый человек. По натуре он был довольно неподвижен, но в работе усидчив; к тому же он относился к своей работе как художник, который гордится результатами своих трудов. Его домашний костюм был более чем небрежен, но заставить его переодеться или хотя бы почище умыться было не так-то легко. Если принять во внимание, что для выхода на улицу он должен был преобразиться в настоящего джентльмена и употребить на это немало времени, то будет понятно его терпеливое отношение к обязательному сидению дома. Зато в тех случаях, когда господин Лысенко (под таким именем он был прописан) выходил на улицу, вид у него был настолько внушительен, шуба настолько хороша и золотое пенсне так удобно помещалось на носу, что дворник издали приподнимал шапку и отвешивал ему почтительный поклон. Суровый барин снисходительно кивал ему головой.

Его товарищ Абрам, которого все звали «Пташкой» за его тоненький голосок, был еще очень молод. Ему было не более 20—22 лет. О своем прошлом он никогда не говорил, и мы даже не знали, почему именно он стал нелегальным человеком. Застенчивый и скромный, он редко вступал в разговоры и всего меньше любил говорить о себе. Никто не знал, о чем он думает в то время, когда по целым часам стоит за однообразной рабо-

той у типографского станка. Несомненно, что «Пташка» был нервный и впечатлительный человек. Когда до нас доходило известие об аресте кого-нибудь из близких людей, Абрам принимал это очень близко к сердцу и, видимо, не находил себе места. Его тоска и нервное напряжение выражались очень своеобразно: вероятно, потому, что ему нельзя было уйти из дому и рассеять свою грусть, он забирался в кухню, запирали наглухо двери и начинал какую-нибудь хозяйственную суету, столь нелюбимую им в обычное время: чистил самовар или мыл шваброй пол, отчаянно размазывая по углам грязь. Нароботавшись в одиночестве до утомления, он ложился спать. Мы, смеясь, говорили в таких случаях, что только благодаря общественным бедствиям кухня наша иногда принимает весьма хозяйственный вид.

К счастью для такой молчаливой компании, судьба послала нам Лейзера Цукермана, этого живого, общительного и необыкновенно добродушного человека. Он не был ни болтлив, ни навязчив в разговоре, но сидеть молча в обществе себе подобных людей он был не в силах. Если ему не удавалось заставить своих товарищей говорить, он заставлял их во время работы петь, всегда начиная первый. Никто из нас не знал Цукермана раньше, но он сразу стал в приятельские отношения со всеми нами, и, надо отдать ему справедливость, его присутствие оживило все наше общество. Он был гораздо старше всех своих товарищей, но обладал какой-то младенчески чистой душой и был так прост, что каждому казалось, будто он знает Лейзера давным-давно. Он был еврей из западного края. Семья его была преисполнена еврейских предрассудков, и жилось ему дома так плохо, что он еще с юных лет убежал за границу, где и прожил половину своей жизни. Не имея никаких средств к существованию, он поступил в наборщики и работал всю жизнь то в немецких типографиях, то в русских эмигрантских.

Его все-таки тянуло вернуться в Россию, и, когда ему предложили ехать в Петербург и работать в тайной типографии, он поехал не задумываясь. Его ломаный русский язык и незнакомство с русской жизнью, особенно петербургской, которой он не знал и раньше, создавали массу курьезов. В «четверги», когда его отпускали на все четыре стороны, он посещал своих немногочисленных знакомых, которых знал за границей, и потом бродил по городу или шел в Публичную библиотеку. До-

мой он приносил массу рассказов о своих приключениях, на которые наталкивался в качестве иностранца, и целый вечер смешил публику.

В часы отдыха он усердно читал газеты и следил за политикой. Потом заводил на эту тему общие разговоры и старался втянуть в них своих молчаливых товарищей. Те охотно поддерживали его в этом направлении, главным образом, потому, что здесь начинался неудержимый полет фантазии Цукермана в область иностранной политики, причем он смело решал будущие судьбы европейских государств.

Цукерман всей душой привязался к типографским товарищам, а также и к тем, которые приходили сюда с воли. Сознание своей полезности в деле его вполне удовлетворяло, и он, по-видимому, был доволен своим новым положением. Его доброта и трогательное внимание ко всем окружающим его людям создавали ему много друзей как здесь, в типографии, так и впоследствии в Карийской каторжной тюрьме, куда он попал из-за той же типографии. После ареста Лейзер отказался давать какие бы то ни было показания только потому, что боялся каким-нибудь неосторожным словом повредить своим товарищам. Между тем обвинения против него были вовсе не так велики, чтобы ему не стоило выяснить свою роль в революционной партии.

Четвертый член нашей компании — Аннушка Барбанова не имела никакой склонности к замкнутой жизни и нисколько не скрывала того, что ей здесь скучно. Несомненно, здесь влияло то, что она поступила в типографию на время и ожидала, что ее скоро сменят. Это ей не мешало, впрочем, исполнять свою роль прекрасно и устраивать такие сцены, что я с трудом удерживалась от смеха, слушая их из другой комнаты. Однажды, например, ей пришлось занимать разговором прачку, принесшую белье господам Лысенко. Получив деньги, прачка присаживается в кухне, выражая желанье покалякать. Начинаются расспросы о жалованье, о господах. Аннушка очень охотно отвечает на все вопросы. Из любопытства прачка заглядывает в дверь соседней с кухней, моей комнаты. Аннушка объясняет, что это спальня барыни. Заметив, что дверь, ведущая из этой комнаты в другие, не только заперта, но даже заставлена столом, прачка изумлена:

— Что это она у вас запирается от своего-то?

— Запирается! — со смехом отвечает Аннушка. —

Все вот этак-то! Как поссорятся, так она его не пускает к себе!

— О! Ссорятся?

— Да еще как! Ты бы посмотрела! И то сказать: она-то молоденькая, а он — старик! Ей в театр хочется или потанцевать где, а он, аспид, не пускает; ну и грызутся, прости господи!

Через два месяца мы провожали Аннушку, которая заявила своим приятелям во дворе, что не поладила с господами и бросает место. После того в квартире водворилась Грязнова, еще молодая девушка, болезненная и нервная.

Так монотонно и однообразно тянулась жизнь в типографии. Казалось, что она может просуществовать таким образом целые годы, и ничего в ней не изменится. По внешности все было обставлено так хорошо и прочно. Несмотря на это, трудно было уберечься от разных случайностей, к числу которых можно отнести следующее приключение.

Однажды ночью я была разбужена звонком с черного хода. Для людей в нашем положении такой звонок мог означать: «все кончено», тем более что у нас заранее было решено встретить полицию с оружием в руках. Надо было будить всю публику. Одевшись наскоро, я подошла к двери и спросила: «Кто тут?» Мне ответил незнакомый голос.

— Я водопроводчик. Пустите, пожалуйста, посмотреть у вас трубы; внизу заливает квартиру водой, и мы не знаем, где течь!

Я стояла в недоумении; с одной стороны, это ночное посещение подозрительно, а с другой — может быть, и правда водопроводчик. Не стрелять же в него из револьвера! Не зная, что предпринять, я закричала через дверь:

— Погодите, пойду спрошу у господ, — и решила после этой невольной вырвавшейся фразы, что, стало быть, мне надо разыграть роль прислуги. Грязнова в это время спала в гостиной, потому что в кухне было холодно, и мне не хотелось тревожить ее, пока нет опасности. Мужчины уже поднялись в это время, услышавши мои переговоры, и мы решили, что я отворю, — будь, что будет!

Оказалось, что это действительно рабочий, приведенный дворником, чтобы осматривать трубы. Тут только я сообразила, что мне нельзя играть роль кухарки,

потому что дворник меня знает. К счастью, он только впустил рабочего, а сам отправился вниз, где случилась беда. Осмотревши трубы в ватерклозете, рабочий заявил: «Ничего не видать здесь, откройте шкаф, там ведь тоже трубы». Новое затруднение! В шкафу у нас были сложены некоторые типографские принадлежности, потому что это был четверг, день, в который, как я уже говорила, мы все прятали. Я решила поторговаться:

— Вы видите, шкаф заперт на замок, а ключи у барыни; она и то рассердилась, что я ее потревожила из-за вас!

— Надо побудить!

— Не стану я будить барыню. Она у нас сердитая, да еще хворающая теперь. Может, и не в этих трубах дело, а внизу.

Рабочий почесал затылок и объявил:

— Ну, схожу еще там погляжу. Потом найду опять, и тогда уж, как хочешь, добывай ключ.

Товарищи мои слышали весь этот разговор из соседней комнаты и, как только я заперла дверь за рабочим, принялись вытаскивать из шкафа все, что нужно было спрятать от глаз постороннего человека. От шкафа, сделанного в стене передней, до задней комнаты, куда мы сносили вещи, забегало торопливо целых пять пар ног, которые, конечно, произвели бы шум, если бы мы все не ходили в мягких войлочных туфлях, которые считались у нас необходимою принадлежностью всякого работника. Через несколько минут все было готово, и, когда вернувшийся водопроводчик снова потребовал, чтобы открыли шкаф, я подчинилась, вынесла от «барыни» ключи, и он сделал свое дело.

В эту ночь вся наша компания уже не ложилась спать, настолько сильно взбудоражило ее это происшествие.

Эта случайность не повредила нам, но все же в конце концов тайная типография погибла из-за случайности, или, вернее, из-за оплошности там, где меньше всего можно было опасаться этого.

При обыске, произведенном у Мартыновского (члена партии «Народной воли», но не имевшего никакого отношения к типографии), был найден целый склад паспортов и печатей, очевидно оставленных у него на хранение. Среди этих бумаг была копия, снятая с паспорта Лысенко. Паспорт этот был настоящий, кажется, умершего лица, и вот кто-то, очевидно устраивая себе

паспорт, пожелал списать себе форму, но не догадался, что не нужно проставлять на нем имя и фамилию лиц, живущих уже по этим документам. Этот клочок бумажки, смятый даже (по-видимому, его просто забыли уничтожить), и погубил все наше дело... Как мало сама полиция придавала значения этой бумажке, видно из того, что справку в адресном столе об лицах, упомянутых тут, сделали не сейчас же, а спустя некоторое время, а для обыска присланы были даже не жандармы, а простые полицейские чины. Последнее обстоятельство доказывало, что мы удостоились внимания всего лишь градоначальника, а не III отделения. Нам было бы гораздо выгоднее иметь дело с этим грозным учреждением, потому что там у нас был свой человек, Клеточников, который, конечно, успел бы предупредить нас. В последнем случае могла бы погибнуть типография, если бы мы не успели ее перетащить в другое место, но люди были бы целы.

Разгром тайной типографии произошел в январе 1880 года⁶. Снова я была разбужена среди ночи звонком. На этот раз звонили с парадного крыльца. Я вышла в переднюю, заглянула в окно, выходящее на лестницу, и сразу увидела на освещенной лестнице полицейских, которых привел наш старший дворник. Дверь я им, конечно, сразу не отворила, а начала будить публику. Все моментально вскочили, а я в это время вспомнила, что у меня в комодe скопилось много писем и бумаг, которые были принесены сюда только потому, что их надо было тщательно спрятать, а наша квартира считалась местом надежным. Тогда я решила, что моя первая обязанность состоит в том, чтобы уничтожить все это. Я заперлась в своей комнате, поставила на пол большой умывальный таз с водою и начала жечь над ним бумаги, вытаскивая их из комода. Боялась очень, чтобы не осталось какого-нибудь адреса или фамилии, но разбирать было некогда⁷: за стеной были слышны выстрелы, беготня, а с лестницы раздавались стук ломаемой двери и неистовые крики.

Надо было спешить туда. Когда я вышла, то с удивлением заметила, что входная дверь еще не сломана, а за нею по-старому стучат и кричат полицейские. Оказалось, что после первых же выстрелов они поспешили погасить огонь и послать за подкреплением в жандармские казармы; оставшиеся же залегли на лестнице, так как выстрелы продолжались и в темноте. Наша компа-

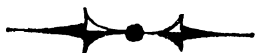
ния не рассчитала этого и даром потратила почти все свои заряды. В этой суতোлке заметнее всех была фигура Абрама: он исступленно метался по квартире и почти без перерыва стрелял в окно, несмотря на то что дверь уже начали ломать. К этому времени в комнатах у нас воцарилась полная темнота по следующей причине: было условлено, что в случае погрома мы разобьем стекла в тех окнах, которые видны с улицы, для того, чтобы наши посетители сразу узнали об этом; каждый из них проходил по противоположной стороне улицы и глядел на наши окна, раньше чем войти в подъезд. Мы исполнили это настолько добросовестно, что разбили все стекла (кто-то даже пытался сломать оконную раму), после того в квартире стал гулять такой ветер, что у нас погасли все лампы и свечи. Разбивали стекла тяжелыми предметами, вроде гранок или связок шрифта. Этим и объясняется то, что под окнами полиция нашла все эти предметы и на суде говорилось о том, что мы «желая спасти типографские принадлежности, выбрасывали их из окна». Благодаря такому приему, Александр Михайлов, которого мы ждали на следующее утро, прошел с невозмутимым видом мимо разгромленной квартиры в то время, как совершенно непричастные люди были арестованы только по одному подозрению, что они идут в дом № 10.

Когда полиция ворвалась наконец в квартиру, мы собрались все вместе в третьей комнате, но не стрелял уже никто, и револьверы были без зарядов. Дверь была только притворена, но, несмотря на это, ее колотили топорами вместо того, чтобы открыть. С нашей стороны кто-то крикнул: «Сдаемся!», но за дверью все-таки только ругались площадной бранью и колотили в косяк двери. Наконец одна половинка двери была открыта, но никто из всей ватаги не хотел заходить первым, ожидая засады с нашей стороны; кроме того, они не верили своим глазам и не хотели допустить, чтобы нас было только четверо. К этому моменту пятый, Абрам, уже удалился из комнаты; под треск ломаемой двери он стал снешно и возбужденно прощаться с нами. Он обнял и поцеловал по очереди всех товарищей, говоря каждому: «прощайте». Никто не знал о его намерении застрелиться, и каждый, вероятно, думал, что он прощается, зная, что всех нас сейчас повезут в тюрьму. Его исчезновение из комнаты за общей суতোлкой прошло незаметно, а застрелился он, вероятно, в ту минуту, когда разъярен-

ная толпа врывалась к нам в комнату. Мы были моментально сбиты с ног и связаны, но наши враги никак не могли успокоиться и все искали «остальных». Решили искать их в последней комнате, направившись туда с гиканьем и ругательствами, но там наткнулись на труп нашей бедной «Пташки», плавающий в крови. Очевидно, он умер сразу.

Поднялась суэта. Послали за доктором, прокурором и за полицеймейстером. Нас тем временем рассадили по стульям со связанными руками и приставили по два стражника к каждому человеку. Победители торжествовали и считали своей обязанностью сквернословить. Их было человек 20, если не больше, а нас четверо, да еще связанных. Старались, конечно, не столько по долгу службы, сколько потому, что в них проснулся дикий зверь. Доктор, призванный для того, чтобы констатировать смерть Абрама, проходя мимо нас заметил, что руки у нас затянуты слишком сильно; веревки впелись в тело и руки посинели. Тут же был еще кто-то из высшего начальства⁸, и поэтому, вероятно, веревки или полотенца, которыми были связаны руки, были ослаблены. Но лишь только эти господа удалились, как нас снова скрутили, приговаривая: «Нечего их жалеть!» Так мы просидели часа полтора, пока производился осмотр квартиры. Более тщательный обыск произвели уже на другой день, когда мы сидели в Петропавловской крепости. Тут, должно быть, полиция хозяйничала как ей нравилось, результатом чего явилось то обстоятельство, что когда нам, спустя месяца два, позволили получить свои вещи с квартиры (до того времени не давали ничего, так что пришлось сидеть без денег и без белья), то оказалось, что ни платья, ни белья, ни часов не нашли, принесли в тюрьму какой-то ворох старья вперемешку с грязным бельем.

Полиция приняла все меры к тому, чтобы обнаружить фамилию застрелившегося, но безуспешно. Задавали ли об этом вопросы кому-нибудь из арестованных — не знаю. Сама я отказалась давать какие бы то ни было показания как о себе лично, так и вообще о деле типографии.

Е. Н. Ковальская

ПЕРВАЯ ТИПОГРАФИЯ «ЧЕРНОГО ПЕРЕДЕЛА»

 Осенью 1879 года, после раскола «Земли и воли», сконструировалась группа «деревенщиков» (вначале не имевшая названия, впоследствии «Черный передел»), оставшихся на старой платформе «Земли и воли». Была организована конспиративная квартира в Петербурге недалеко от Литейного; хозяевами в ней поселились я и Николаев («Егорыч») по паспорту мужа и жены (не помню, под какой фальшивкой, приходилось так часто менять паспорта, что удержать в памяти все фамилии было трудно). На этой квартире долго обсуждался вопрос об общей землевольческой типографии и велись переговоры с представителями образовавшейся «Народной воли». Вскоре Николаев заметил слезку, квартира была ликвидирована. По рекомендации члена «Черн. передела» Петра Приходько новая квартира была нанята его бывшей квартирной хозяйкой, женою городского, что делало квартиру вполне благонамеренной. Здесь произошло очень бурное собрание по вопросу типографии. На собрании присутствовали: Плеханов, Засулич, Попов («Родионыч»), Преображенский Георг («Юрист»), Крылова, Пьянков, Николаев («Егорыч»), Тищенко («Титыч»), Щедрин и я. Стефанович и Дейч были в это время на юге — в Киеве и Одессе, Аптекман был на Дону. Игнатов, кажется, в Москве.

Крылова решительно отказывалась сдать типографию народовольцам (она была все время хозяйкой этой типографии) и была готова идти даже на вооруженное

сопротивление в случае агрессивных действий со стороны народовольцев. Плеханов горячо поддерживал мнение не сдавать типографию, но в то же время, по своейственной ему черте характера, ядовито, остроумно высмеивал проект «вооруженного сопротивления» Крыловой. Их поддерживали Попов, Пьянков, Николаев. Преображенский, Щедрин и я стояли за какой-нибудь компромисс, считая нежелательным (не говоря уже о каком-либо вооруженном сопротивлении) обострять отношения между группами. Было решено поручить Преображенскому и Стефановичу (приезда которого ждали) переговоры с народовольцами¹.

Спустя несколько дней после собрания, придя на конспиративную квартиру, я застала там Крылову, крайне возбужденную и в то же время торжествующую, с двумя большими саквояжами в руках и какой-то длинной палкой, завернутой в гардину. Она просила немедленно найти помещение для сундука, в котором будут помещены отвоеванные ею какие-то части типографии. Мне было поручено скорее это устроить.

Побывав во многих знакомых легальных квартирах, где жили сочувствующие нам, я не могла найти подходящего места. Случайно встретила знакомого харьковского студента Новикова, который хотя стоял в стороне от революционного движения, но был вполне надежен и не отказывался помочь, когда было нужно. Он предложил познакомить меня с вдовой священника, сибирячкой, хорошо ему известной, служившей экономкой в доме богатого золотопромышленника. Место было вполне надежное. При знакомстве вдова произвела на меня прекрасное впечатление. На другой же день деревянный сундук, содержимого которого я не видела (сундук был тяжел), был привезен к ней Пьянковым и Приходько. Здесь случилось неожиданное происшествие: вскоре после водворения сундука в доме произошел пожар, бросились вытаскивать вещи, сибирячка не растерялась; зная подозрительную тяжесть небольшого сундука, она с иконой в руках села на него и не позволила выносить свои вещи из комнаты, говоря, что божья мать спасет. Пожар был потушен, и все кончилось благополучно. Вещи, взятые Крыловой из типографии, были несущественными, ибо работать ими было нельзя, и объявление о новой партии «Черном переделе» было напечатано в «Народной воле», в типографии, оставшейся за народовольцами.

Немедленно начались переговоры о приобретении новой типографии от Переплетчикова, имевшего свою легальную типографию в Смоленске². Мне было поручено найти надежное лицо, на адрес которого будет выслана накладная для получения товара из Смоленска. Посредством моих знакомых нашла состоятельного человека, широко жившего и надежного (фамилии теперь не помню); на его имя была получена накладная. На Васильевском острове была нанята скромная квартира, в которой поселились по паспорту мужа и жены Крылова и Пьянков; в этой квартире должна была функционировать новая типография. Из Саратова был выписан наборщик Жарков, которого хорошо знали землевольцы. Кроме этого, в типографии работали Елизавета Шевырева и Петр Приходько. Боясь, чтобы по дороге с вокзала не прихватить слезки и тем не провалить новую квартиру, было решено устроить еще промежуточную. Я с Щедриным по фальшивому паспорту мужа и жены немцев Крюднер наняли в Измайловском полку небольшую бедную квартирку, объяснив дворнику, что хотим открыть маленькую слесарную мастерскую. Щедрин долго обстоятельно советовался с дворником, где лучше поместить вывеску на воротах. Дворник обещал посылать нам заказчиков. Мы сказали, что на днях получим станок и проч. инструменты из города, который значился в нашем паспорте, кажется Смоленска. Поселившись, часто приглашали дворника к себе, угощали пивом и вполне овладели его симпатией.

Когда пришла типография и надо было ее получать, на вокзал отправились Щедрин, Пьянков, Приходько и Тищенко. Щедрин и Пьянков настаивали взять револьверы, которые были мною принесены (отсюда показания неизвестного мне, что я снабжала оружием, впрочем, потом он отказался от своих показаний). Типография была перенесена на квартиру на Васильевском. Большое затруднение представляла тяжелая чугунная доска, которую нести вдвоем могло обратить внимание: вырвал ее в бумагу, нес как картину. Типография была выворована на свое место, надо было ликвидировать нашу квартиру, не вызвав подозрений. В это время должен был уезжать за границу Л. Г. Дейч. Трудно было достать для него заграничный паспорт. Мы предложили попробовать взять заграничный по нашему фальшивому. Позвали дворника, рассказали ему целую историю, что

наш дядя, живущий в Берлине, имеет там свое коммерческое дело, написал нам приглашение приехать, чтобы там вести дело вместе; поэтому мы уже продали по частям нашу мастерскую. Надо получить заграничный паспорт (в те времена это делалось очень просто, дворнику вручался паспорт и деньги, он сам ходил куда надо и приносил готовый документ; требовался в этих случаях только благоприятный отзыв дворника о жильцах). Вручив дворнику фальшивый и 10 р., пообещав ему дать за труды, мы через несколько дней получили легальный паспорт, по которому Л. Г. Дейч и переехал границу. Наша квартира осталась необнаруженной и впоследствии. Жарков о ней не знал. Когда я его встретила в первый раз по приезде его из Саратова, он произвел на меня неприятное впечатление, и я категорически воспротивилась его участию в перенесении типографских частей из нашей квартиры, за что некоторые из чернопредельцев упрекали меня в дамских капризах, но все же его отстранили, и это спасло нашу квартиру, когда он стал выдавать. Провокатором, думаю, он не был, но струсил при первом же аресте, наболтал, а затем жандармы, поняв, с кем имеют дело, запрягли его и в слезку³. По его показаниям были арестованы: типография, в ней Крылова, Пьянков, Шевырева; при выходе из типографии — Короткевич, член «Черн. пер.», Аптекман, Козловы, муж и жена, хозяйка конспиративной квартиры (к сожалению, не помню ее фамилии). Она прекрасно держалась и, просидев несколько месяцев в Петроп. крепости, никого не выдала. Позже был арестован Переплетчиков⁴.

Л. Г. Дейч прав, говоря, что типография «Земли и воли» осталась за народовольцами. Но П. С. Ивановская и С. Иванова-Борейша имели некоторое основание думать, что произошел раздел⁵; основанием для этого был увоз Крыловой каких-то предметов из типографии.

Е. А. Серебряков

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ ВО ФЛОТЕ

III

В последующие годы вплоть до 1879 года нам не случалось приходить в непосредственное соприкосновение с революционерами — этому было много причин. Революционеры в то время не задавались целью политического переворота и не признавали политической борьбы. Это был период хождения в народ и «Земли и воли», а потому они не интересовались пропагандой среди войск, и в общем революционные и радикальные кружки относились с предубеждением к офицерской среде и мало знали ее¹.

Офицерство, с своей стороны, совершенно не понимало революционеров того времени и относилось к ним с немалым предубеждением. Даже для более образованного и оппозиционно настроенного офицерства было совершенно чуждо господствовавшее тогда в революционной среде почти анархическое мировоззрение. Да и трудно было бы оставаться на службе при этом мировоззрении. Зачем? С какою целью? Нелегко было оставаться на службе и государству, враждебно настроенному против правительства, но там было объяснение, была цель и некоторое право, опиравшееся на формулу: «служба государству, а не правительству». У революционера же того времени не было ни смысла, ни оправдания для продолжения службы, а потому совершенно понятно, что те сравнительно редкие офицеры, которые проникались господствовавшим тогда учением, спешили оставить службу и уйти в ту среду, которая стремилась провести это учение в жизнь. В общем же

офицеры, каких бы политических воззрений ни держались, в большинстве случаев всегда государственники. Среди них попадались люди, любившие народ, готовые сочувствовать всяким политическим и экономическим реформам, которые могли бы вывести народ из его печального униженного положения. Были среди них и люди, понимавшие, что тогдашний политический строй был вреден для страны, и которые отнеслись бы сочувственно к изменению его даже насильственным путем. Но не только господствовавший в то время анархизм, а и социализм был вполне чужд для них.

Выше я говорил только о незначительном меньшинстве. Огромное же большинство офицеров не имело никакого представления не только о политике, но даже о своей собственной роли в государстве. Они были преданы императору и России, но какие обязанности возлагала на них эта преданность и в чем она могла выразиться (кроме, конечно, участия в сражениях), они себе не представляли. Да им и трудно было себе это представить, так как по большей части все промежуточное между императором и ими они не уважали и постоянно жаловались на все окружающее; среди них господствовало недовольство довольно сильное, но неясное и неопределенное.

Насколько офицеры в то время придавали мало значения политическим убеждениям и тому или иному отношению к тогдашнему правительству, ярко характеризуется некоторыми эпизодами, о которых я буду говорить далее; теперь же приведу для иллюстрации один случай.

Среди моих товарищей и личных приятелей был некто А. Протасьев, очень неглупый человек, по происхождению из стародворянской семьи, весь пропитанный дворянскими традициями, презиравший мужика и все сословия, кроме дворянского, ярый защитник самодержавия со всеми его атрибутами. Он искренно ненавидел не только революционеров, но и самых скромных либералов. Он был до того нетерпим, когда дело касалось политики, что между нами было решено никогда не затрагивать политических вопросов.

И вот, когда в 1878 году был арестован Луцкий² и разнесся слух, что ему грозит виселица, ко мне прибегает весь бледный А. Протасьев.

— Ты слышал, Еспер, — воскликнул он, — что нашего Владимира Владимировича хотят повесить?

— Слышал,— отвечал я,— но это не может быть, за что его вешать?

— О, они способны на все! Это так оставить нельзя, надо обдумать план его освобождения. Подумай об этом хорошенько, а я пойду к другим.

И он в волнении побежал к другим товарищам.

Я не знаю, на какой шаг он решился бы,— человек он был твердый и смелый. К счастью, слух оказался ложным, и все успокоилось.

В этом случае дух товарищества одолел не только политические убеждения, а чуть было не поставил в открыто враждебные отношения с существовавшим режимом его ярого защитника. И это было не исключением, но в той или другой форме среди офицерства, по крайней мере во флоте, дух товарищества всегда пересиливал сознание долга пред (не говоря уже о начальстве, оно не считалось) правительством в целом. Будь здесь вопрос об императоре, то, несомненно, А. Протасьев был бы против Луцкого, но правительство никогда не отождествлялось ни с императором, ни с Россией.

Кроме того, в этот период сильно приподнялось патриотическое настроение. Восстание в Боснии и Герцеговине, сербско-турецкая война, восстание Болгарии и, наконец, русско-турецкая война волновали умы, возбуждали патриотизм и отвлекали от внутренней политики всю Россию, а тем паче офицерство. Насколько тогда было приподнято патриотическое настроение, можно видеть из того, что некоторые почти революционно настроенные офицеры ушли добровольцами в Сербию. Из моих ближайших товарищей вышел в отставку и уехал в Сербию мичман В. Луцкий, который по возвращении из Сербии уже более не поступал на службу.

Но к концу 1878 года патриотизм упал. Война с Турцией раскрыла глаза на печальную картину русских порядков. Особенно сильно сказалось это на офицерах; бывших свидетелями того, как несчастные солдаты, выносившие на своих плечах всю тяжесть войны, питались гнилым хлебом с известкой, ходили без подошв, оставались без медицинской помощи и не потому, что в России не было средств накормить своих солдат, а потому, что казнокрадство во время войны достигло размеров открытого дневного грабежа и никакие протесты, никакие усилия и хлопоты порядочных офицеров не могли помочь горю. Я не буду на этом долго останавливаться,

приведу только два примера: один — казнокрадства, а другой — отношения офицеров к интендантству.

Мои товарищи, бывшие на войне, рассказывали, между прочим, что недалеко от места, где они стояли, был расположен кавалерийский запас; им заведовал какой-то ротмистр. Он жил в прекрасном доме и держал открытый стол. Всякий знакомый и незнакомый офицер мог к нему заехать, сколько угодно есть, пить шампанское, курить лучшие сигары, — все это стояло целыми ящиками в его квартире. Откуда же такая роскошь? Очень просто: он получал по 2 рубля в день на каждую лошадь, лошадей считалось две тысячи, а никогда не было более пятисот, да и для тех фураж очень часто получался хозяйственным образом. И вот этот ротмистр получал от *трех до четырех тысяч* безгрешного дохода *в день*. И, вы думаете, он скрывал это? Нисколько. Это был веселый, добродушный гуляка, откровенно ведший свои дела, раздававший деньги направо и налево — всем, кто попросит, и рассказывавший всем и каждому, какое золотое дно ему досталось и что он не знает, куда девать деньги. Он, очевидно, не сознавал, что грабить казну — преступление. Об этом знало и начальство и окружающие подчиненные.

Как смотрели офицеры на интендантов?

Вот сценка.

Собрались офицеры в кафешантане. За отдельным столиком расположились несколько интендантов... один из них пошел зачем-то в глубину залы... вдруг раздается крик.

— Господа, бежим! Наших бьют! — кричит спасающийся бегством отлучившийся интендант, преследуемый офицерами.

Его товарищи буквально исполняют его совет — и кто в шапке, кто без нее, кто с саблей, кто позабыв о ней — спасаются бегством.

Интендантов можно было бить и сорвать таким образом свою злобу. Но кто повыше, тех нельзя было бить, а недовольство ими было не меньшее, а большее. И не только потому, что не интенданты, а они были главными виновниками казнокрадства, а также и потому, что они выказывали не только невежество в военном деле; но полное равнодушие к интересам родины, к страданиям солдат и офицеров и заботились только о чинах, орденах да занимались взаимными интригами.

Само собою, офицерство, оскорбленное в своем патриотизме, в своей любви к народу и к солдату и обиженное лично, обратило свое внимание на изыскание причин подобного положения вещей.

Само собою, взоры офицерства обратились в сторону оппозиции и революционеров, и оно скупало нелегальную литературу в Румынии. Но офицеры нашли мало серьезных и подходящих книг, а много всякого хлама, благодаря тому, что аферисты из румынских книготорговцев, ввиду огромного спроса на нелегальную литературу, скупили устаревшие и неудачные произведения, целые годы валявшиеся на чердаках в Цюрихе, Женеве и у берлинских книгоиздательских фирм, и наводнили ими Бухарест и другие города Румынии, где они могли свободно продаваться. Только Драгоманов написал две-три брошюры на злобу дня³, а революционеры, по всей вероятности, продолжали игнорировать армию как целое и не воспользовались удобным моментом, не постарались дать ответ на вопросы, интересовавшие офицерские массы, взволнованные видимыми ими на войне последствиями неурядицы, царствовавшей тогда в России, так что десятки пудов литературы, вывезенные из Румынии офицерами, мало помогли разобраться в волновавших их вопросах, и революционеры для них были так же чужды и непонятны, как и раньше. Мне не раз приходилось видеть офицеров, добросовестно прочитавших роман «На жизнь и смерть»^{*4} или т. п. произведения и в недоумении спрашивавших: «что же такое наши революционеры? Чего же они хотят?»

А офицерство в то время было настроено очень оппозиционно: с одной стороны — война, с другой — все усиливающийся и усиливающийся прилив молодых сил, прошедших школу в реформированных Милютиным военно-учебных заведениях⁵, — нарушили рутину офицерской среды и заставили ее интересоваться внешним миром. Мало-помалу повсюду — и в армии и во флоте — возрос интерес к политическим и философским наукам: где в одиночку, где целыми кружками офицеры занялись серьезным чтением; кое-где полковые библиотеки стали пополняться хорошо подобранными книгами, и спрос на нелегальную литературу все возрастал и воз-

* Впоследствии за границей я не встретил ни одного из студентов и революционеров, которые имели бы мужество прочесть более одной главы этого объемистого романа.

растал, и понемногу офицеры стали ознакомливаться с революционными взглядами того времени.

У нас в Кронштадте нелегальная литература среди молодого офицерства циркулировала довольно свободно. Кое-где во флоте, армии и артиллерии начали образовываться кружки, но революционеры еще не входили в серьезные сношения с офицерством. Революционно настроенные офицеры тоже не очень доверчиво относились к способу и плану действий тогдашних революционеров, да к тому же еще неясно понимали различие программ существовавших тогда партий.

В то время наш товарищеский кружок был уже иного состава, чем в первое время. Луцкий к этому времени уже вышел в отставку, Паскевич поступил в коммерческий флот, Уклонский совсем разочаровался в политике; куда делся Кулеш — не помню, так что из китоловов нашего выпуска⁶ я оставался один. Зато многие другие из старых товарищей прониклись большим интересом к политике, и мы вместе немало толковали и раздумывали о том, как быть и что делать нам в такое тяжелое время. О революционной деятельности мы не думали, хотя и встречали по временам в Петербурге у Луцкого кое-кого из революционеров; но как-то у нас с ними находилось мало общего. Это были по большей части люди с анархическим мировоззрением, которое для нас было тогда мало понятно и во всяком случае казалось беспочвенным в современной России. Помимо того, несмотря на оппозиционность, мы были сравнительно мирно настроены, верили в возможность культурной работы, к которой некоторые из нас готовились, мечтая выйти в отставку и работать в земстве.

Серьезные сношения революционных партий с офицерством начались в 79 году. После раскола общества «Земля и воля» на две фракции: партию «Народной воли» и «Черный передел», первой из этих фракций был ясно поставлен вопрос о необходимости политической борьбы и даже допустимости политического заговора, а следовательно, необходимость содействия армии немедленно же выяснилась для революционеров.

В Кронштадте первый партийный революционный кружок создали чернопередельцы (мичмана: Вырубов, Дружинин, Буланов, Скворцов, Лавров и др. *). Это был

* Об этом я узнал впоследствии от некоторых из участников этого кружка.

кружок молодых мичманов, который занимался пропагандой среди матросов с целью приготовить из них будущих пропагандистов в деревню. По-видимому, пропаганда шла довольно успешно,— так, по рассказам одного из участников этого кружка, они сорганизовали на передельческой программе от 80 до 100 человек матросов. Но так как чернопредельческая программа не ставила своей задачей непосредственную политическую борьбу, то она и не могла иметь успеха среди офицерства, и через сравнительно короткое время этот кружок распался, и большая часть членов примкнула к нам ⁷.

Около того же времени образовался и артиллерийский кружок среди офицеров кронштадтской крепостной артиллерии (Папин, Вершинин*, Прокофьев и др.). Какова была его программа в то время, я не знаю. Впоследствии этот кружок примкнул к партии «Народной воли». Около этого же времени кой-где на юге и в центре России революционеры завязали более или менее серьезные связи с офицерством, но настоящими основателями военной организации были Желябов и Суханов. Но об этом в следующих главах.

IV

Ранее, чем продолжать дальше, скажу несколько слов о Суханове, игравшем такую крупную роль в деле военной организации.

Николай Евгеньевич Суханов, как уже известно читателю, участвовал в китоловном обществе (я с ним тогда был мало знаком), после провала нашей кадетской конспирации он потерял интерес к внутренней политике. По своему характеру и темпераменту он не был создан для политической деятельности. По натуре это был мягкий, добрый, мирный человек, с большой склонностью к науке, и, живи он в другое время, из него, вероятно, выработался бы крупный ученый, культурный деятель. Но вместе с тем Николай Евгеньевич был глубоко честный и прямолинейный человек, неспособный ни на какие компромиссы,— и если раз он убеждался в чем-нибудь, для него уже не существовало сомнений и колебаний — и он шел прямо, не уклоняясь в сторону.

* Вершинин впоследствии, в чине генерал-майора, был градоначальником в Порт-Артуре.

Эти-то свойства его характера и сделали из него, мирного, мягкого человека,— решительного, ни перед чем не останавливающегося революционера.

Будучи произведен в офицеры, он недолго пробыл в Кронштадте, а перевелся в сибирскую флотилию, где и пробыл несколько лет. Служба на Дальнем Востоке много содействовала его переходу в революционный лагерь. Там он волей-неволей ознакомился с продуктами господствовавшего тогда в России режима: казнокрадством, произволом, унижением человеческой личности и т. п., которые гораздо резче выступают на окраинах, чем в центре. Он даже сам отчасти пострадал от этого режима.

Суханов был назначен ревизором на одном из судов сибирской флотилии. В заграничном плавании командиры, ревизоры и старшие механики обыкновенно наживали целые состояния на разных закупках. Главной доходной статьей был уголь: записывалось неверное число оборотов винта, и благодаря этому в расход выводилось гораздо большее, чем в действительности, количество израсходованного угля; кроме того, по соглашению с консулами устанавливались искусственно высокие справочные цены — в конце концов загребались огромные куши, которые делились между командиром, ревизором и старшим механиком. Конечно, часть перепадала консулам и подрядчикам за фиктивные счета. Когда Суханов принял должность ревизора, ему вскоре предложили подписать квитанцию в приеме такого-то количества угля по такой-то цене. Суханов проверил количество и цены и отказался подписать. Командир просил и угрожал, Суханов требовал, чтобы количество и цены угля были выставлены настоящие. Дело кончилось тем, что Суханов подал рапорт командиру, и никакие убеждения не могли заставить взять его обратно. Дошло до суда, в котором, конечно, заседали такие же командиры, так же наживавшиеся на угле, но, хотя им потушить дело не удалось, они приговорили своего коллегу-командира за *воровство* временно отставить от командования, Суханова же за несоблюдение каких-то формальностей в рапорте отставили от производства в следующий чин, не помню, на какой срок, да и самый приговор составили так, что было трудно разобрать, в чем дело, кто воровал уголь. Этот эпизод, конечно, был наглядным уроком для Суханова, как легко бороться даже за казенные интересы легальными средствами.

Во время этой же службы в Сибири Суханов познакомился с некоторыми из политических ссыльных и узнал, кого и за что отправляют в России в ссылку и каторгу. Ему волей-неволей пришлось задуматься над вопросами внутренней политики. А раз он задумался, то и пришел к выводу, что необходимо бороться за изменение порядков, господствовавших в России.

В таком настроении он возвратился из Сибири в Россию и здесь у своей сестры Зотовой встретился с товарищем ее мужа Желябовым, а через него познакомился и с другими выдающимися членами партии «Народной воли», заинтересовался ее программой, проникся к ней сочувствием, мало-помалу стал ей содействовать и в конце концов сделался членом Исполнительного комитета этой партии.

Осенью 1879 года, возвратившись из плавания, я отправился к своим двум приятелям, Уклонскому и Завалишину, с которыми не видался уже более четырех месяцев.

— А знаете ли, Еспер Александрович,— сказал мне Уклонский,— что Суханов знаком с социалистами и обещал им набрать у нас в Кронштадте триста человек офицеров в их партию?

— Да,— заметил Завалишин,— у него бывает член Исполнительного комитета, и знаешь, Еспер, он рассчитывает на тебя; ты ему почему-то очень понравился.

— Но я ему сказал,— воскликнул Уклонский,— что относительно вас-то он ошибается в расчете, что я знаю ваши убеждения и вы никогда не согласитесь на его предложения.

— Вы совершенно правы,— ответил я,— я никогда не соглашусь фигурировать на Казанской площади⁸, чтобы быть побитым шорниками или в чем-нибудь в этом роде.

Разговор наш сейчас перешел на другие предметы, и, расставаясь с приятелями, я почти забыл об этом эпизоде.

Недели через две, в воскресенье, обедая в клубе, я встретился с Сухановым, который, обратившись ко мне, сказал:

— Послушайте, Еспер Александрович, зайдите-ка ко мне сегодня вечером; у меня хороший человек будет.

Я сейчас же догадался, что этот хороший человек не кто иной, как тот член Исполнительного комитета, о ко-

тором я слышал у приятелей, и из любопытства согласился.

Когда я вечером пришел к Суханову, то застал у него одного штурманского офицера Карбановича. Николай Евгеньевич сообщил мне, что приятель его, с которым он хотел меня познакомиться, сегодня не будет, а придет в следующее воскресенье, а теперь он приглашает меня провести вечер втроем и побеседовать.

Во время разговора в этот вечер меня поразили крайние взгляды Николая Евгеньевича и третьего нашего собеседника. Особенно горячо я спорил с ними обоими о французском терроре девяностых годов — они его защищали, доказывая его неизбежность, необходимость и продуктивность. Я же стоял на том, что французский террор наполовину погубил дело французской революции. Ни они меня, ни я их не разубедили, и мы расстались каждый при своих взглядах.

На следующее воскресенье я вместе с некоторыми приятелями пошел к Суханову. У него мы застали большую компанию офицеров и двух штатских, которых Николай Евгеньевич представил нам, назвав одного Андреем, другого Глебом*.

Сначала разговор шел об общих предметах, мало интересных. В разговоре я не принимал почти никакого участия, а все свое внимание сосредоточил на присутствовавших штатских, желая разгадать, кто из них интересующий меня член Исполнительного комитета. Назвавшийся Андреем был замечательно красив, высокого роста, с темно-русыми бороδοю и волосами; серые глаза его, казавшиеся темными, были замечательно живы и выразительны. Другой — невысокого роста, с лицом, почти совсем закрытым густой черной бородой, с проныцательными, черными, как уголь, глазами.

Разговор продолжался недолго. Немного времени спустя после нашего прихода Суханов прервал разговор и, обратившись к присутствующим, сказал:

— Господа, эта комната имеет две капитальные стены; две другие ведут в мою же квартиру; мой востовой — татарин, почти ни слова не понимающий по-русски; а потому нескромных ушей нам бояться нечего, и мы можем приступить к делу.— Потом, повернувшись к высокому штатскому, прибавил:— Ну, Андрей, начинай!

* Это были, как мы узнали потом, Желябов и Колодкевич.

Тогда штатский, назвавшийся Андреем, встал и, обращаясь к офицерам, произнес с большим энтузиазмом длинную, горячую речь.

— Так как Николай Евгеньевич передал мне,— начал он,— что вы, господа, интересуетесь программой и деятельностью нашей партии, борющейся с правительством, то я постараюсь познакомить вас с тою и другою, как умею: мы, террористы-революционеры, требуем следующего...

Я не могу точно передать его речи, но суть ее заключалась в обзоре положения дел в России, в самой резкой критике правительства и его действий, в доказательствах неизбежности революции, в изложении и объяснении программы партии и в соответствии ее тогдашнему положению дел в России и в доказательстве необходимости центрального террора.

Трудно передать впечатление, произведенное на присутствующую публику этой речью. Все бывшие в этот вечер у Николая Евгеньевича, за исключением нас, не были подготовлены услышать подобную смелую речь. Все они привыкли говорить о правительстве, особенно же о революционных партиях, только в своих тесных кружках и то в известной форме. Никому из них Николай Евгеньевич не сказал, кто у него будет; и они даже не подозревали, с кем имеют дело. Суханов всех, кто ему нравился, приглашал к себе по одному и тому же способу: «Приходите ко мне тогда-то, у меня хороший человек будет»,— говорил он и больше никаких объяснений не давал.

Когда Андрей произнес слова: «мы, террористы-революционеры», все как бы вздрогнули и в недоумении посмотрели друг на друга. Но потом, под влиянием увлекательного красноречия оратора, начали слушать с напряженным вниманием. Интересно было видеть перемену, происшедшую в настроении всего общества. Беззаботная, довольно веселая компания офицеров, как бы по мановению волшебного жезла, стала похожа на группу заговорщиков. Лица понемногу бледнели, глаза разгорались, все как бы притаили дыхание, и среди мертвой тишины раздавался звучный, приятный голос оратора, призывавший окружающих его офицеров на борьбу с правительством. Кто знал Желябова, тот, вероятно, помнит, как увлекательно он говорил. Эта же речь была одною из самых удачных, по его же собственному признанию.

Андрей кончил... под влиянием его речи начались оживленные разговоры, строились всевозможные планы самого революционного характера. И если бы в это время вошел посторонний человек, он был бы уверен, что попал на сходку самых горячих заговорщиков — революционеров. Он не поверил бы, что за час до этого все эти люди частью почти совсем не думали о политике, частью даже относились отрицательно к революционерам. Ему и в голову не пришло бы, что завтра же большая часть из этих революционеров будет с ужасом вспоминать об этом вечере.

Первый раз мне пришлось увидеть, что может сделать талантливый оратор с своими слушателями. Позови в этот вечер Желябов все присутствовавшее офицерство на какое угодно предприятие — все пошли бы. Между тем действительно сочувствующих было ничтожное меньшинство; всех же офицеров было более двадцати, и большинство из них продолжает, вероятно, и теперь быть благополучными россиянами. Чем объяснить тот факт, что двадцать человек офицеров, не занимавшихся политикой, под влиянием сильной и увлекательной речи оратора на минуту поверили в силу революционной партии, в слабость правительства — оказались готовыми вступить в борьбу с последним?

По-моему, это объясняется очень просто: усилиями воспитателей, начальства и властей в той части головы, в которой у западного человека помещаются политические убеждения, понимание своих обязанностей и своей роли в государстве, у русских офицеров образовалось пустое пространство, в котором свободно перекачивались, подобно шарикам, ничем между собою не связанные слова — православие, самодержавие и народность, и стоило умелому человеку заполнить эту пустоту чем-нибудь более существенным, шарики переставали перекачиваться, и офицеры начинали говорить другим языком, а потом те, у которых головные дверцы были слабы, выйдя на свежий воздух, растеривали вновь приобретенное, и у них в голове опять начинали перекачиваться излюбленные шарики.

Но на некоторых из офицеров, в том числе на моих товарищей и на меня, этот вечер произвел неизгладимое впечатление. Мы и ранее были более чем оппозиционно настроены, и многое из того, что говорил оратор, отвечало нашему настроению и было известно нам. На нас произвела особенно сильное впечатление личность

говорившего, его вера и убежденность, а главным образом ясное, точное понимание и последовательное, логическое изложение плана и способа борьбы с господствовавшим в России режимом и их возможность и осуществимость. Ранее, как я уже упоминал, у нас было недоверие к революционным партиям и революционной борьбе, главным образом потому, что мы не верили в силу партий, будучи убеждены, что они не имеют ясных, определенных программ и состоят главным образом из зеленой молодежи и энтузиастов. В этом убеждении поддерживало нас и то обстоятельство, что, сталкиваясь последние годы с революционерами, мы встречали лиц, которые не могли нам ясно показать, что они хотят и каким образом могут добиться своей цели. После же встречи с Желябовым и Колодкевичем наше мнение о революционерах резко изменилось. В них мы встретили не только умных, но сильных людей с ясным политическим пониманием. Такой же переворот в наших взглядах произвела программа партии «Народной воли». В ней вопросы Учредительного собрания и национализации земли были поставлены ясно и точно, что вполне соответствовало нашему мировоззрению, и, не будь в программе террора, мы немедленно примкнули бы к партии.

Во всяком случае, после этого вечера мы стали посещать Николая Евгеньевича каждый раз, когда к нему приезжал Андрей или Глеб. Мы живо интересовались деятельностью партии, а вместе с тем в нас все росла вера в нее и в людей, ее составлявших. Эти посещения и душевные беседы вели к нашему тесному сближению с Николаем Евгеньевичем и посещавшими его нелегальными. По-видимому, сам Суханов тоже еще в то время не принадлежал к организации. Это можно было заключить по той резкой перемене, которая произошла в нем через несколько месяцев. В это время он хотя и относился крайне сочувственно к партии, но по многим вопросам относительно участия в ней офицеров отказывался высказать свое категорическое мнение — так, на мое заявление, что меня останавливает от вступления в партию главным образом ее террористическая деятельность, он отвечал:

— Я бы понял, если бы вы не соглашались принимать участие в террористической деятельности партии только потому, что, будучи офицером и держась военных традиций, вам тяжело принимать участие в тайном

способе уничтожения врага и вы предпочитаете способ открытой борьбы. Но я не понимаю, как может коронить человека уничтожение врага народного, раз он пришел к убеждению, что это действительно враг народа.

Через несколько месяцев у Николая Евгеньевича не было никаких сомнений. Он уже состоял тогда членом Исполнительного комитета. Кто знал характер Суханова, тому понятно было, что он не мог вступить в партию, не разрешив всех своих сомнений, но зато, если примкнет, то уже не станет оглядываться назад.

Свидания наши у Суханова с Желябовым и другими продолжались до марта месяца 1880 года, но ни разу уже не собиралось так много офицеров, как в первый раз. Мы заявили Суханову, и Желябов нас поддержал, что невозможно ходить на эти свидания, если Николай Евгеньевич сохранит прежний запорожский способ приглашения людей. Суханов с трудом на это согласился.

— Между нами, господа, нет предателей,— возражал он,— и по мне так: если хороший человек, то пусть придет послушать, не требовать же аттестата.

Около этого же времени возвратился из сибирской флотилии мой старый товарищ Александр Павлович барон Штромберг. Прекрасный и милый товарищ, общий наш любимец, но всегда стоявший далеко от политики, благодаря своему воспитанию и баронским традициям,— он был из Прибалтийского края. И вот, к удивлению, наш барон, как мы его шутя называли, оказался не таким, каким уехал. Он уехал на Дальний Восток — бароном, возвратился — чистым народником и почти революционером. Он не только принял сейчас же участие в наших посещениях Суханова, но относился ко всему гораздо горячее нас и все рвался вперед.

С марта месяца свидания с Желябовым прекратились, так как нам нужно было готовиться к плаванию. Свидания эти на первый взгляд, казалось, не привели ни к каким результатам. Мы распространяли среди офицеров нелегальную литературу, занимались пропагандой партийной программы и оказывали кое-какие услуги партии, но, вопреки стараниям Желябова, отказывались организовываться и принять на себя какие-нибудь ясные и точные обязательства. Это происходило потому, что мы не могли решить вопроса, принимать ли нам участие в деятельности партии, как офицеры, или выйти в отставку. Останавливал нас также и вопрос о терро-

ре. Вскоре мы все, в том числе и Суханов, ушли в плавание.

Во время плавания мне мало приходилось говорить о революции, я был тогда вахтенным начальником на кадетском отряде, и состав офицеров, хотя и очень порядочный, был таков, что исключал всякую возможность политической пропаганды. Но во время плавания мне пришлось убедиться, что не мы одни входили в сношения с революционерами. Так, когда наш отряд пришел в Либаву, я, сойдя на берег, отправился повидать своего старого товарища, лейтенанта Петра Осиповича Серебренникова, впоследствии командира «Бородина», погибшего со своим кораблем в Цусимском бою. Во время разговора с ним я передал ему о наших сношениях с революционерами. Он отнесся к этому весьма сочувственно и сообщил мне, что у него также есть знакомства в революционной среде, что ему не раз приходилось оказывать им услуги, благодаря его службе на таможенной флотилии. Еще не далее, как этим летом, он с одним артиллерийским офицером перевезли ночью на лодке из Либавы в Мемель двух нелегальных, желавших скрыться за границу.

Суханов возвратился из плавания раньше меня и уже успел переехать в Петербург к тому времени, как я возвратился. Он прекрасно кончил минные офицерские классы и был временно прикомандирован в Петербург для слушания лекций в университете. Профессор физики Фан-дер-Флит взял его к себе в ассистенты.

V

В начале осени 1880 года, возвратившись из плавания, мы впятером: Штромберг, Завалишин, Разумов, Юнг (впоследствии командир броненосца «Орел», убитый в Цусимском бою) и я стали обсуждать вопрос о нашем отношении к партии. Штромберг стоял на немедленном и безусловном присоединении к ней. Другие отношения не вполне определены, я и Юнг были против. Штромберг, недовольный нашими колебаниями, заявил нам, что если мы не присоединимся к партии всем нашим кружком, то он присоединится к образуемому среди артиллеристов кружку и вместе с ним войдет в состав партии. Наши прения закончились решением присоединиться к партии, если наши обязательства будут таковы, что мы сохраним за собою свободу выбора на-

шей деятельности, и мы условились обратиться к Суханову с просьбой устроить свидание с Желябовым.

Вскоре после наших совещаний я проехал в Петербург и зашел к Николаю Евгеньевичу; увидя меня, он воскликнул:

— Ну, Еспер Александрович, мы довольно философствовали в прошлом году; пора и за дело приниматься.

— Дайте мне опомниться, Николай Евгеньевич, и тогда потолкуем, в каком деле и чем мы можем быть полезны.

— Но знаете, Еспер Александрович, куда будем толковать и опоминаться, то сделают все и без нас.

Вскоре затем пришли Желябов, Вера Николаевна Фигнер и один из моих товарищей — Завалишин. После некоторого совещания вместе с пришедшими мы порешили, что недели через две соберем несколько сочувствующих офицеров в Кронштадте, куда приедут Желябов с Сухановым, и мы покончим с вопросом об организации.

Недели через две, действительно, приехали Желябов с Сухановым, и мы после долгих обсуждений и споров согласились организовать в кружок и принять небольшие обязательства, изложение которых обещались приготовить к следующему приезду Желябова. В тот же вечер Желябов с Сухановым уехали.

Во время этих споров об организации выяснилась разница между Сухановым, — для которого дело организации было ново и который, под влиянием охвативших его чувств, стремился как можно скорее привлечь симпатичных ему людей на самую боевую деятельность в партии, а потому на самом деле несколько отпугивавший их, — и Желябовым, опытным организатором, понимавшим, что не следует побуждать людей брать на себя большие обязательства, чем они в настоящий момент вполне расположены на себя взять, что вообще обещания в заговорщическом деле играют ничтожную, формальную роль. В действительности важны не большие или маленькие обязательства, а люди, их давшие, что каждый, вступивший в партию, выполнит свою роль соответственно своим свойствам, а не обязательствам, им данным.

На другой день вечером мы почти в том же составе, как и накануне, сидели за чаем, вдруг отворяется дверь, входит Суханов и, оглядевшись, кто находится в комнате, говорит:

— Ну, господа, давайте писать конституцию.

— Вы поздоровайтесь сперва, а потом, пожалуй, и будем писать конституцию,— закричали ему.

Для писания конституции мы перебрались в отдельную комнату квартиры, сказали вестовым никому не отворять дверей, не предупредив нас. И, приняв таким образом все необходимые меры предосторожности, мы приступили к составлению кружковой конституции.

— Нужно обратить внимание, господа,— начал говорить Суханов,— на то, чтобы в первые пункты наших обязательств не вошли устройство кружковой кассы и денежная помощь партии, а то может случиться, как с другими кружками: напишут много параграфов о кассе и больше ничего, или как мертворожденный кружок офицера Папина, у которого сколько угодно теоретических рассуждений, а дела ни на грош.

Мы с ним согласились и решили, по его предложению, поставить во главе обязательств следующий параграф:

«Будучи убеждены, что прогресс и счастье народа, а следовательно и всей России, не могут быть достигнуты без социально-политического переворота, и признавая, что программа партии «Народной воли» вполне соответствует нашему взгляду на лучший способ достижения возможно быстрого переворота, мы присоединяемся к партии «Народной воли» и объявляем, что отныне первенствующей целью нашей жизни будет работа в пользу вышесказанного переворота в рядах партии «Народной воли», и что всю личную нашу жизнь мы подчиняем этой цели».

Затем следовали пункты, практически определяющие наши отношения к партии и нашу деятельность; в самом конце стояла касса, чем Николай Евгеньевич был очень доволен.

Обязательства, которые мы взяли на себя, были гораздо обширнее, чем мы раньше предполагали взять на первый раз, и это произошло благодаря влиянию Суханова. Мы не хотели сразу брать больших обязательств не потому, что желание содействовать партии было у нас недостаточным, а частью по неуверенности в полном соответствии организации партии, которая была нам в то время мало известна, частью же потому, что нелегко было превращаться сразу из простых офицеров в настоящих заговорщиков. Но так сильно влиял Николай Евгеньевич своей цельностью и нравственной чистотой, что ему трудно было возражать так: «Хотя, дескать, я

убежден в необходимости борьбы с правительством и согласен на организацию, но не могу на это решиться сразу».

Но мы точно установили, что будем заниматься только военной организацией, и что те из товарищей, которые захотели бы принять участие в боевой (кроме вооруженного восстания) и террористической деятельности, должны выйти из военной организации. Мы установили также, что если партии понадобятся те или другие услуги наших товарищей, то они могут оказывать их по взаимному соглашению, а не обязательно.

Взяв нашу конституцию, Суханов уехал в тот же вечер в Петербург и пригласил нас к себе через неделю, в воскресенье, для получения ответа от Исполнительного комитета.

В назначенное воскресенье мы вчетвером или впятером, хорошенько не помню, поехали к Суханову. Там мы застали большую компанию; кроме Суханова и его сестры, у него были: Софья Львовна Перовская, называвшаяся тогда Софьей Павловной, Вера Николаевна Фигнер, Желябов и Колодкевич, а потом пришел наш старый товарищ, недавно выпущенный из тюрьмы В. В. Луцкий со своей женой. Когда мы пришли, шел оживленный разговор о чернопередельцах. Мы приняли в нем участие, стараясь выяснить себе непонятную для нас, новичков в партийных рознях, острую враждебность между двумя такими родственными народническими фракциями.

Если деревенщики признают, говорили мы, главным образом работу в деревне, то пусть и работают; ведь вы тоже признаете ее весьма важной, хотя в настоящее время и не главной. Ваша же городская работа и политическая борьба их работе мешать не могут, почему же вместо товарищеских споров такая острая вражда?

Нам на это отвечали, что не только ничего не имели бы против работы деревенщиков в деревне, если они могут там работать, а были бы даже рады ей; но дело в том, что в городах много деревенщиков, и они везде ведут враждебную агитацию против «Народной воли».

Эти объяснения меня не удовлетворили и мало что мне объяснили. До сих пор у меня плохо укладываются в голове не споры, не антагонизм и не соперничество, а враждебность часто очень близких между собою фракций, не умеющих объединяться для борьбы и в критические моменты, переживаемые страной.

По окончании этих разговоров Желябов и Колодкевич пригласили нас в отдельную комнату, где и передали нам от имени Исполнительного комитета, что наши условия приняты — и мы с этого дня состоим членами партии. Они также просили нас выбрать одного из наших товарищей для предполагаемого центрального военного кружка, который должен был состоять из представителей кружков и двух членов Исполнительного комитета. При этом они нам заявили, что в настоящее время представителями Исполнительного комитета в центральном военном кружке назначены они — Желябов и Колодкевич.

По возвращении в Кронштадт мы окончательно составили наш так называемый морской кружок. В первое время он состоял из лейтенантов: Штромберга, Завалишина, Разумова, Глазго и меня, мичмана Юнга и двух штурманских офицеров Карбановича и Прокофьева. Организовав кружок, мы приступили к выбору нашего представителя. Вопрос для нас очень нетрудный: мы были старые товарищи, взаимно доверявшие друг другу и не имевшие друг от друга тайн, нам было все равно, кого послать представителем, и мы решили выбрать Штромберга, как более свободного, более преданного партии и имевшего большие знакомства среди ее членов. Мы спросили Штромберга, согласен ли он, он согласился, и дело было кончено.

Кронштадтский артиллерийский кружок, состоявший, если я не ошибаюсь, из восьми-девяти человек, послал своим представителем подпоручика Папина.

Петербургские артиллерийские академики, человек пять-шесть — штабс-капитана Похитонова.

Инженеры, — не помню сколько — капитана К.

Кроме этих четырех представителей вошли в центральный кружок Суханов, артиллерийский поручик Рогачев, имевший большие связи среди офицеров в Западном крае, отставной артиллерийский штабс-капитан Дегаев и два члена комитета, Желябов и Колодкевич.

Из этих лиц и составился первый центральный военный кружок⁹, причем было решено, что это не будет окончательным военным центром партии, а послужит только временным объединительным центром, пока не разовьется военная организация, и что затем уже, соответственно силам и составу организации, будет создан соответствующий центр, которому и уступит свое место центральный кружок.

Теперь, я думаю, кстати сказать несколько слов о первых членах центральной военной организации. О Суханове я уже говорил и еще много буду говорить впереди, а потому перейду к другим.

Лейтенант Штромберг — лихой морской офицер, не знавший страха, во многом походил на Суханова; он был человек неречистый, во всех отношениях прямолинейный и неспособный на компромиссы; хотя и менее разносторонне образованный, чем Суханов, и не имевший его склонности к теориям, он обладал удивительной способностью разбираться — где кончается правда и начинается ложь; он как бы чутьем угадывал фальшь и этим своим свойством влиял на многих, гораздо более образованных и талантливых людей.

Штабс-капитан Похитонов — умный, образованный офицер, отличившийся в русско-турецкую войну, был убежденным народовольцем и пользовался большим влиянием среди своих товарищей.

Поручик Рогачев — настоящий атлет, обладавший нечеловеческой физической силой, имел приятный, мягкий голос и всей своею личностью располагал к себе людей. Офицерская молодежь приходила от него в восторг. Он, благодаря своему брату Дмитрию Рогачеву *, с давних пор имел постоянные сношения с революционерами.

Подпоручик Папин, служивший в кронштадтской крепостной артиллерии, был очень умный, образованный и даже талантливый человек, но нерешительный и слабохарактерный, и на его лице всегда был какой-то отпечаток грусти. Он, как я слышал потом, покончил в ссылке самоубийством ¹⁰.

Дегаев — в то время недавно вышедший в отставку артиллерийский штабс-капитан, успевший в то время оказать уже много услуг партии, а потому и пользовавшийся доверием и любовью многих из ее членов. Но одновременно с этим некоторые из ее членов не очень-то долюбливали его. Охарактеризовать его в то время было бы затруднительно. Очевидно умный и очень способный человек — не без хитрости. Несомненно преданный в то время партии, он, несмотря на все эти качества, некоторым (весьма немногим) не внушал к себе доверия: не то, чтобы от него ожидали чего-нибудь грязно-

* Известный пропагандист, сосланный по процессу 193-х на каторгу.

го, нет, об этом никто не думал; все считали его честным человеком и, по-моему, совершенно правильно. В то время он действительно был таковым, и я уверен, что если бы он был арестован по серьезному делу, то держал бы себя хорошо *, и его жизнь сложилась бы совсем иначе. Но в нем как-то сказывалось, что преданность делу и партии у него только головная, а сердце если и принимает в этом участие, то уж очень мало, и невольно чувствовалось, что он *единомышленник*, а не *товарищ* ¹¹.

В этом мнении, между прочим, сходились Софья Львовна Перовская и Суханов. То же впечатление он производил на меня.

VI

После нашего официального вступления в партию некоторым из нас, благодаря нашей дружбе с Сухановым и постоянным с ним сношением, пришлось познакомиться со многими нелегальными. Всякому известно, какой замечательный подбор нелегальных людей (комитетских) был тогда в Петербурге. Это были люди, долгое время работавшие для революции, люди, можно сказать, закаленные в бою; мало того — это были сливки партии, собранные из лучших ее элементов в течение нескольких лет. И вот среди подобных-то людей Николай Евгеньевич, офицер, раньше не занимавшийся революционной деятельностью, доживший до 28 лет в офицерской среде, сразу стал своим, нисколько не отличаясь от окружающих его борцов, и сравнился даже с наиболее выдающимися из них; так, по крайней мере, о нем говорили его новые товарищи. Он приобрел общую любовь и уважение всех ее деятелей. Да оно и не могло быть иначе при натуре Николая Евгеньевича. Ярый противник всяких компромиссов в теории и практике, Николай Евгеньевич никогда не входил в сделки со своею совестью. Для него непонятно было, как можно, будучи убежденным в одном, делать другое или уклоняться от дела, которое нужно совершить. Натура самая чистая, он и других людей считал такими же, и много нужно было совершить дурного человеку, чтобы Суханов счел его дурным; а то, о ком ни заговори с ним, всегда один ответ: «Как хотите, господа, а по мне это хороший

* Он действительно был арестован в 81 году, но только по подозрению, и вскоре выпущен, так как полиции не удалось ничего открыть.

человек!» Сдержанный обыкновенно в сношениях с людьми, он терял эту сдержанность при виде только какой-нибудь явной подлости, что часто могло его очень компрометировать. Так, во время университетского акта в Петербурге, когда Коган-Бернштейн говорил речь¹², некоторые из студентов, совместно со шпионами и частью благонамеренной публики, кричали: «вон его, вон его!» Один из таких стоял недалеко от Суханова.

— Вы, вероятно, служите в Третьем отделении? — спросил его громко Суханов.

Студент переконфузился и ответил:

— Нет, но почему же вы это думаете?

— Ваши крики изобличают вашу профессию, и вы лжете, называя себя студентом.

Студент, окончательно сконфуженный, замолк и куда-то скрылся.

Суханов был смел до безрассудства и не заботился почти о своей безопасности, но он страшно ценил безопасность других. Он просто выходил из себя, если чья-либо неосторожность хоть слегка компрометировала другого. Кто-то из офицеров, узнав, что фамилия Андрея — Желябов, сказал это двум-трем товарищам. Узнав об этом, Суханов вышел из себя и требовал, чтобы с этим офицером никто не вел сношений.

— Человек, не умеющий оберегать товарищей, не годится для нас, — говорил он.

Вера в дело партии, в людей, ее составляющих, у него была беспредельная. Честь партии он ценил выше всего. Будучи замешан в самых крупных делах, он говорил:

— Если меня арестуют, то я сейчас признаюсь во всем, что я сделал, конечно никого не компрометируя, и заявлю властям, что поступал так по приказанию Исполнительного комитета.

На возражение, что это глупо, что если он попадет с пустяками и будет возможность оправдаться, то нечего губить себя задаром, он отвечал:

— Наше дело, господа, чистое, и мы не должны давать малейшего повода думать, будто стыдимся своего дела или боимся ответственности; мы должны всегда с гордостью заявлять, кто мы и что мы делаем, а не виллять в разные стороны.

Доверие к Суханову из нелегальной комитетской среды перенеслось отчасти и на нас, его друзей. Квартира Суханова была одним из центральных сборных пунктов

тогдашних нелегальных, и мы, только что вступившие в организацию, бывали там, как дома, встречались с комитетскими людьми, знали их настоящие фамилии; при нас о многом говорилось, и многое мы знали — вообще, нашим присутствием не стеснялись, и мы постепенно познакомились со средой этих замечательных людей; а с некоторыми из них, как, например, с Желябовым, у нас установились теплые отношения. Мне лично пришлось в это время познакомиться у Суханова с Желябовым, Колодкевичем, Перовской, Фигнер, Кибальчицем, Исаевым, Златопольским, Грачевским и многими другими. Встречи и разговоры с этими обаятельными личностями производили на нас неизгладимое впечатление: с каждой новой встречей мы все более и более уходили телом и душой из старого мира, в котором жили раньше, в новый, полный чистоты и самоотвержения. Мы чувствовали, что сами становимся лучше и нравственно вырастаем.

Влияние этих апостольских натур я чувствую на себе и до сих пор, несмотря на протекшие многие годы. И если в моей душе и до сих пор, несмотря на все пережитое и все испытанные разочарования, еще живет несколько наивная, романтическая идеализация людей, то это благодаря тому, что я имел счастье бывать в обществе наших незабвенных погибших товарищей. Кто знал их, тот не может разочароваться в людях, — он скорее будет склонен идеализировать их.

VII

Образовав наш кружок, мы стали заниматься привлечением к нашему делу других офицеров, и мало-помалу наш кружок стал расширяться, и в конце концов он состоял из четырнадцати человек: лейтенантов — Штромберга, Завалишина, Разумова, Глазго и меня; мичманов — Добротворского (впоследствии, в 1904 году, командовал отрядом судов, посланным на Дальний Восток против японцев), Дружинина, Скворцова, Е-ча, А-ва, А-на (впоследствии командир одного из броненосных кораблей Порт-Артура), Юнга и штурманских офицеров Карбановича и Прокофьева.

Но помимо нашей пропаганды, о которой я буду говорить далее, мы оказывали кое-какие услуги партии.

Наши поездки к Суханову в Петербург по делам военной организации и для бесед с людьми партии по поводу тех или других политических вопросов служили

иногда поводом к оказанию небольших услуг партии. Так, для примера расскажу, как двое из наших товарищей очищали квартиру В. Н. Фигнер.

Как-то раз у Николая Евгеньевича сидели Штромберг и Завалишин и о чем-то беседовали. Вдруг приходит Грачевский и сообщает:

— Нужно очистить квартиру, Григорий (Исаев) взят.

Суханов сейчас же вскочил, сказав:

— Пойдемте, господа!

И компания, состоявшая из трех офицеров и одного нелегального, отправилась в поход. Подходя к квартире Веры Николаевны, они заметили подозрительное движение полиции, которой около этих мест было более обыкновенного. На беду, еще не могли увидеть знака, так что нельзя было определить: открыта полицией квартира или нет? Что делать? Идти назад? Нельзя же оставить товарища, который там находится без помощи; идти в квартиру — почти верный провал.

— Я пойду, господа, меня, как офицера, не заподозрят; спрошу какую-нибудь фамилию, и все,— сказал Суханов.

Его не пустили, пошел Грачевский, условившись с оставшимися, что если он тотчас же не выйдет, то значит — плохо. С замиранием сердца ждали его возвращения офицеры. Ведь здесь дело шло о судьбе двух таких ценных лиц, как Грачевский и Вера Николаевна, сидевшая в квартире. Ожидание продолжалось недолго. Минуты через две показался Грачевский, и все отправились наверх. В квартире сидела Вера Николаевна; на столе был самовар, и она, спокойная, веселая, занималась чаепитием. Поздоровавшись с пришедшими, Вера Николаевна сказала:

— Не хотите ли чаю, господа?

— Отстаньте вы со своим чаем, кругом полиция, давайте скорее вещи и идем*.

В этой квартире была типография «Рабочей газеты» и какие-то жестяные бомбы с бумажными фитилями (кажется, петарды для обороны конспиративных квартир), всего было пудов около пяти-шести. Шрифт пришлось класть частью в пакетах под сюртуки, частью брать в мешках в руки, а станки прятались в чемодан.

* Эту сцену я описал так, как мне тогда рассказывали товарищи.

На Завалишина, благодаря его крепкому телосложению, навалили массу груза. На грудь ему, например, положили набор «Объявления к крестьянам», так что он сделался весь синий и еле дышал, как он впоследствии мне рассказывал; да и всем было нелегко. Когда забрали вещи, Вера Николаевна подмела комнату, и все двинулись в путь. Опять то же необыкновенное движение полиции и усиленное количество ее. Удивительно, как тогда не арестовали очищавших квартиру. Я думаю, что спас мундир, ибо в то время он был еще вне подозрений.

Как после нам сообщали, полицейское оживление происходило оттого, что начальству была известна местность, где находилась квартира Исаева, дом же еще не был определен, и дворники этой улицы были уже в это время посланы в полицию, где им показывали Исаева, спрашивая, не узнает ли кто из них своего жильца.

Вскоре потом те же товарищи перевезли эту типографию к нам в Кронштадт, и мы поместили ее у члена нашего кружка, штурманского поручика П-ва.

Подобные услуги чаще всех оказывал Штромберг, проводивший почти половину своего времени в Петербурге и не раз принимавший участие в очистке нелегальных квартир.

Мы доставляли также партии некоторые нужные для нее материалы и оружие.

Мы также сообщали кое-какие политические сведения, благодаря тому, что некоторые из нас вращались тогда в разных слоях петербургского общества. У меня, например, в то время были обширные знакомства во влиятельных судебных сферах, а в двух знакомых домах я имел возможность встречаться с членами Государственного совета и сенаторами.

Двое из наших товарищей по кружку отвезли номера «Народной воли» из Петербурга, где была тайная типография, в Москву. Разумов отвез два чемодана, кажется с седьмым номером, а Добротворский такое же количество экземпляров девятого номера. Тогда очень строго следили за проезжающими, и нелегальным трудно было доставить быстро такое же количество экземпляров для распространения в России, потому обращались к нам, так как в то время без особенно важных причин полиция не осмеливалась задерживать офицеров или обыскивать их багаж.

Наши сношения с Сухановым и нелегальными под-

держивались также приездами их к нам. Суханов часто бывал у нас один или с кем-нибудь из нелегальных. Вскоре после 1 марта он приехал в Кронштадт, привезя с собою «Письмо Исполнительного комитета к Александру III», «Воззвание к европейскому обществу» и «Объявление к крестьянам»¹³.

Прочитав письмо, Суханов передал нам предложение И. к. освободить Нечаева, Ширяева и некоторых других заключенных в Алексеевском равелине¹⁴. Мы согласились, так как это вполне соответствовало нашему тогдашнему настроению.

— Я был уверен в этом, господа,— сказал Суханов,— и уже сообщил в Комитете, что на такое дело морской кружок всегда согласится. Теперь нам нужно выбрать распорядителя.

Некоторые предложили выбрать распорядителем Суханова, но тот категорически отказался.

— Я не способен быть начальником в таком деле,— сказал он,— лучше выберем Глазго, он самый подходящий для этого человек, и я с удовольствием пойду за ним как рядовой.

Глазго действительно обладал удивительным спокойствием и хладнокровием и имел способность все видеть, наблюдать и предусмотреть. Рассказывали, что еще тринадцатилетним мальчиком он провозил в Литву порох для заговорщиков (он был литовец).

Когда начали обсуждать план освобождения, Суханов сообщил, что Нечаев распропагандировал и организовал почти всю внутреннюю стражу равелина, а потому дело не будет представлять непреодолимых затруднений, так как нам придется действовать только снаружи, внутри же будет помогать организованная Нечаевым стража.

Кроме нас в этом предприятии должен был принять участие и Николай Михайлович Рогачев, но оно не состоялось благодаря провалу нечаевской организации среди равелинской стражи.

В этот же вечер Суханов спросил: «Кто из нас согласился бы принять участие в террористических актах?» — но мы все отказались. И Суханов в тот же вечер уехал.

Вскоре после этого я как-то сидел у себя дома, вдруг неожиданно заходит Суханов.

— А я к вам гостью привез,— проговорил он.

— Кого? — спросил я.

— Веру Николаевну, она **внизу** на извозчике дожидается, нужно проводить ее на **квартиру** Штромберга и Завалишина.

Я спустился вниз, и мы проводили Веру Николаевну на квартиру к названным товарищам, где и устроили для нее комнату. Она провела там дней десять — двенадцать. Оказалось, что ее ищет полиция по всему Петербургу, и ей необходимо было временно укрыться.

Пребывание у нас этой замечательной женщины было настоящим праздником для всего нашего кружка, и мы все к ней привязались. Но не только на нас она имела влияние, но и на многих случайно заходивших сослуживцев, которым ее представляли как кузину Завалишина; она оставляла глубокое впечатление своим умом и энергией, соединенными с поразительной женственностью и грацией.

Расскажу маленький эпизод из ее пребывания, который мог бы окончиться очень печально.

Кто-то из товарищей, желая развлечь Веру Николаевну, предложил пойти вместе с нею в клуб, в музыкальную комнату, поиграть на рояле. Некоторые выразили опасение, но другие настаивали на том, что это пустяки, раз мы будем в музыкальной комнате, туда никто войти не сможет, да и Веру Николаевну здесь никто не знает. Вера Николаевна приняла их сторону, и мы пошли и провели очень приятный вечер в музыкальной комнате — играли и пели.

Однако оказалось, что это было не так безопасно.

Уже после отъезда Веры Николаевны ко мне в клуб подошел знакомый доктор Неаронов и говорит:

— Как можно быть такими легкомысленными, как вы и ваши товарищи.

— В чем дело? — спросил я с удивлением.

— Ну как можно было вести в клуб Веру Фигнер, я узнал ее, когда она проходила с вами по зале.

— Разве вы ее знаете?

— Встречал в Москве, когда был студентом, да и я не один ее здесь знаю.

Хорошо, что это был доктор Неаронов, сочувствующий человек, а не кто другой.

Был, между прочим, план освобождения осужденных по делу 1 марта: Желябова, Перовской, Кибальчича, Михайлова и Рысакова.

Предполагалось собрать человек триста петербургских рабочих, разделить их на три группы: две — чело-

век по пятидесяти, а одну — в двести. Во главе этих групп должны были находиться все петербургские и кронштадтские офицеры. Группы предполагалось распределить на трех, выходящих на Литейный проспект параллельных улицах: на крайних — малые группы, на средней — большую. И вот, когда процессия проходила бы среднюю группу, все три группы по сигналу должны были броситься вперед, увлекая в своем порыве толпу, и одновременно прорвать шпалеры войск, боковые группы произвели бы замешательство, а средняя окружила бы колесницы, вскочив на которые офицеры обрезали бы веревки на осужденных и увлекли бы их в толпу, с которой вместе отхлынули бы обратно в боковую улицу, где должны были ожидать две кареты с платьем и всем нужным для переодевания.

Не знаю, кем был выработан этот план, но когда нас о нем извещали, то вместе с тем сообщили, что инициатива освобождения принадлежит рабочим, распропагандированным Рысаковым, что нужное число рабочих уже есть. Мы тоже были согласны. Но почему этот план не состоялся и насколько серьезно им занимались, я не знаю.

Вскоре после этого нам было предложено заняться печатанием партийной литературы, особенно военной (гектографированием мы уже занимались). Для этого предполагалось использовать перевезенную к нам типографию, а Грачевский должен был нас научить набору.

И вот, к назначенному времени, нас человек пять собралось на квартиру Завалишина, туда Прокофьев перевез типографию, приехал Грачевский и должен был приехать Суханов. Но только мы успели разложить типографские принадлежности и Грачевский начал нам показывать, как надо набирать, раздался стук, и вошел наш товарищ по кружку, лейтенант Глазго, только что возвратившийся из Москвы, куда он провожал Веру Николаевну.

Мы обрадовались его возвращению и сейчас спросили его, благополучно ли доехала Вера Николаевна.

— Она-то благополучно, но готовится другая беда, — ответил он.

— Какая беда? В чем дело? — засыпали мы его вопросами.

— Подходя к квартире Суханова, я заметил усиленное движение полиции, — рассказывал приезжий, — перешел на другую сторону, стал наблюдать за квартирой и

заметил, что какую-то женщину, вышедшую с запиской из дому, где жил Суханов, околоточный остановил, взял записку, вероятно, посмотрел адрес и, возвратив записку, отпустил женщину. Заметив это, я решился, не заходя к Суханову, ехать предупредить вас.

Мы, конечно, поняли, что дело неладно, и немедленно же сложили типографию, отправили ее сначала к Разумову, а потом опять к Прокофьеву. Грачевского я взял к себе на квартиру, и мы решили на другой день встретиться в морском клубе и там узнать, как обстоят дела.

Хорошо, что Глазго вовремя предупредил нас. На другой день в 4 ч. утра был арестован Суханов, а в 11 ч. того же дня были произведены обыски у Штромберга, Глазго и Ф-на. Через два дня Штромберг и Глазго были арестованы и увезены в Петербург. Все это произошло 28 апреля 1881 года.

VIII

Далее мне уже не придется говорить ни о Суханове, ни о Штромберге, ни о Глазго, а потому я считаю не лишним познакомить теперь же читателей с их судьбою.

Глазго, когда его привезли в Петербургское комендантское управление и там потребовали у него оружие, иронически заметил: «А если я не отдам?» — и замолчал; и молчал все одиннадцать месяцев своего заключения, что ему было весьма легко, так как и на воле он, кроме друзей, почти ни с кем ни о чем не разговаривал. Его заподозрили в психическом расстройстве и поместили в Николаевский госпиталь. Оттуда он завел, через докторов, сношения с нами. Наконец властям надоело его держать, и, не имея против него никаких улик, его выпустили с переводом в Каспийскую флотилию.

Перед отправлением туда, он зашел в Кронштадте к одному из наших сослуживцев, и вот как последний передавал происходивший между ними разговор. Глазго вошел, поздоровался и сейчас же спросил:

- Где Завалишин?
- В плавании.
- Серебряков?
- В плавании.
- Юнг?

И т. д. в том же роде. Глазго, пересчитав несколь-

ких друзей и получая тот же ответ, сел за фисгармонику, проиграл краковяк, поклонился удивленному хозяину квартиры и ушел, не произнося более ни слова. С тех пор я не имел о нем никаких известий.

Штротберг — при первом же допросе, когда у него спросили о ком-то из знакомых, — с негодованием воскликнул:

-- Что же, вы меня за шпиона принимаете?

Более подобных вопросов ему не задавали, да и вообще почти не допрашивали, так как он вскоре отказался давать какие бы то ни было показания. Через шесть или восемь месяцев его сослали в Верхоленск, там он очень страдал тяжелой формой цинги. Изредка мы через его сестру получали о нем известия и исполняли его поручения.

Через два года, вследствие показаний Дегаева, Штротберга привезли обратно в Петербург, где на первом же допросе он опять отказался давать показания. Сидя в заключении, он заболел тифом, был при смерти, наконец оправился. По выздоровлении опять допрос, и опять тот же отказ от показаний.

После смертного приговора, когда осужденным предложено было подать прошение о помиловании, Штротберг на вопрос Рогачева: «Что вы думаете об этом?» — ответил: «Я для этого неграмотен».

Вскоре после того они вместе с Рогачевым были перевезены в Шлиссельбург и там повешены.

Квартира Суханова* была окружена полицией с воскресенья утра до понедельника, когда он был арестован. На квартире у него был довольно большой склад революционной литературы. Узнав об этом, Николай Михайлович Рогачев решил пойти очистить квартиру. Войдя в подъезд, он заметил штатского, разговаривающего со швейцаром, и, между прочим, услышал следующие слова:

— Это тот? — спросил штатский, указывая глазами на Рогачева.

— Нет, тот маленький, с большой бородой, — ответил швейцар**.

Поднявшись к Суханову, Рогачев забрал всю бывшую у него литературу, уложил ее под мундир и, уходя, спросил Суханова:

* Суханова выдал Меркулов, встречавший его на Малой Садовой у Кобозева-Богдановича, из квартиры которого велся подкоп,

** Очевидно, по описанию подразумевался Штротберг.

— Будете ли вы оказывать вооруженное сопротивление?

— Нет,— ответил Суханов.— Я боюсь напугать сестру и племянника*.

Простившись с Сухановым, Рогачев отправился. Увидя двух извозчиков, он хотел нанять лучшего из них. Тот отказался, сказав, что занят; другой же, плохонький, согласился за неимоверно дешевую цену. Когда Рогачев поехал, вслед за ним поехал какой-то штатский на хорошем извозчике. По дороге Рогачев соскочил с извозчика и ушел через проходной двор.

Насколько безукоризненный человек был Николай Евгеньевич, можно отчасти судить по тем толкам, которые шли среди офицеров в Кронштадте после его ареста. Обыкновенно, когда случится несчастье с человеком и он уже не может защищаться, начинается клевета; рассказывают небывалые вещи, обвиняют в невероятных преступлениях. Но так чиста была его репутация среди моряков, таким уважением он пользовался, что никто не рисковал рассказывать о нем что-нибудь позорящее. Даже враги его, которых было немало, довольствовались только тем, что обвиняли его в соучастии в терроре и в том, что он опозорил морской мундир.

История адреса моряков по поводу ареста Суханова такова.

Заведующий минным классом капитан 1-го ранга Верховский боялся, что арест Суханова отзовется на нем, так как Суханов был переведен в Петербург по его настоянию. Он напугал главного командира Кронштадтского порта тем, что тот может потерять свое место.

Главный командир, согласившись с ним, приказал старшинам клуба написать адрес; члены же клуба для подписи адреса были созваны повестками от своих экипажных командиров следующего содержания:

«Предписываю вашему благородию явиться в клуб такого-то числа для подписания адреса».

Адрес был составлен старшиною клуба, капитан-лейтенантом Бирилевым (впоследствии морской министр), и, как всем известно, был составлен не особенно удачно**. Масса офицеров, собравшись в клубе, была в мрачном настроении. Все были крайне недовольны этой комедией.

* С ним жила сестра с сыном пяти лет.

** Вся легальная пресса осмеяла его, а в высших сферах, как нам передавали, нашли его неуместным.

Арест Суханова вызвал оживленные толки не только в Кронштадте, но и в петербургском обществе. О нем слагались целые легенды. Некоторые высказывали мнение, что Суханов был председателем Исполнительного комитета, что с его арестом «Народная воля» окончательно разбита. Но в петербургском обществе, как и в кронштадтском, никто не смел бросить в него грязью, как в частного человека. Всем известно, как держал себя Суханов во время суда, а также известна и речь его: простой, чистосердечный рассказ о причинах, побудивших его выйти на борьбу с правительством¹⁵. Суханов не был красноречив; но когда он говорил, то в его голосе, в его манерах была такая чистосердечность и искренность, что он производил в высшей степени сильное впечатление на слушателей. Когда он сказал свою речь, то судьи прослезились, и даже, как мне рассказывал член судебной палаты, присутствовавший на суде Дрейер * и тот пролил крокодилову слезу.

Почти через год после ареста привезли Николая Евгеньевича в серой арестантской шинели в Кронштадт для расстрела. Казнь совершал первый экипаж. Зная любовь офицеров к Суханову, начальство не решилось назначить командиром взвода, производившего расстрел, офицера, а назначило унтер-офицера. Всею церемонией командовал контр-адмирал Крузенштерн.

Очевидцы казни рассказывали, что Николай Евгеньевич за время своего заключения почти не изменился, и, как они выражались, во взгляде его было больше доброты, как бы святости. Держал себя во время казни Николай Евгеньевич смело, но вместе с тем скромно. Когда он вышел из кареты, то окинул взглядом всех присутствующих. После же, во все время приготовления к казни, он уже не смотрел на публику, как бы боясь своим взглядом скомпрометировать кого-нибудь из друзей. После прочтения приговора он сам надел рубаху с длинными рукавами, когда же его привязали к столбу и стали завязывать глаза, он что-то сказал матросу, который, поправив повязку, отошел.

— Мы все как будто замерли, устремив глаза на Суханова, — рассказывал мне очевидец. — Вдруг раздался залп, голова Суханова опустилась на грудь, и я почув-

* Председатель Особого присутствия Сената, судившего Суханова и других народовольцев (процесс 20-ти).

ствовал, как что-то у меня оборвалось в груди; слезы подступили к глазам, и я, боясь разрыдаться, должен был быстро уйти.

IX

Так как нам приходилось главным образом вести пропаганду в той среде, в которой мы выросли, которую считали своей и которой доверяли, то мы вели ее недостаточно конспиративно, а потому вскоре во флоте мы стали известны как революционеры и социалисты. Особенно сильно начали об этом говорить после ареста Суханова, Штромберга и Глазго. Но в то время морская среда была так дружна и корпоративна, что из ее среды очень мало и очень редко что-либо могло дойти до ушей Департамента полиции. А наша популярность достигла обширных размеров.

Однажды я встречаю на улице знакомого лейтенанта И., служившего в то время в инспекторском департаменте. Он с удивлением на меня взглянул и воскликнул:

— Как, вы не арестованы?!

— За что? — спросил я.

— Ведь вы в одной компании с Сухановым и Штромбергом.

В другой раз в клубе я познакомился с одной барышней, дочерью адмирала, она просила меня бывать у них и сказала, что ее отец пришлет мне приглашение.

Приглашения я не получил, но на следующий раз, при встрече в клубе, она мне с удивлением говорит:

— Ничего не понимаю, отец никогда не мешает мне приглашать, кого хочу; а теперь, только я успела упомянуть вашу фамилию, как он воскликнул: «Я не хочу, чтобы этот социалист бывал у меня в доме!» Я просто поражена.

Мой командир без моего ведома выхлопотал мне перевод в артиллерийские офицерские классы, очевидно, с целью избавиться от меня. А старший офицер, заходя ко мне, говаривал:

— Ну, Еспер Александрович, если у вас хорошенько поискать, то... — и он не доканчивал фразы.

Кстати, расскажу маленький эпизод, как всякое ведомство старается отклонить от себя неприятности.

Вскоре после 1 марта, еще до ареста Суханова, когда были найдены бомбы на Тележной улице, заподозри-

ли, что в них были употреблены запалы морского министерства; потребовали специалиста из Кронштадта. Был послан минный офицер лейтенант Бергман, реакционер по убеждению. И вот что он говорил в клубе о своей позе.

— Прихожу, показывают запалы... смотрю — наши! Никакого сомнения — наши!.. Но, черт их побери, я им втер очки... доказал, что австрийские. А то такую бы кашу заварили.

Но все это среди большого круга офицерства. Между же близкими товарищами многие хорошо знали, что мы в партии, даже те, которые держались самых реакционных взглядов. У нас с ними бывали страшные споры; некоторые из них ругали революционеров, говорили, что для них мало кола и виселицы; а на наш вопрос — что же такое мы? — отвечали:

— Вы? Вы — дураки, которых водят за нос эти хитрые и скверные людишки.

Некоторые из них шли дальше и если, приходя к нам в наше отсутствие, находили нелегальную литературу, то жгли ее с желанием спасти нас. Так, по крайней мере, случилось у меня раза два.

По большей части споры с товарищами-реакционерами оканчивались ничем. Они обыкновенно не приводили никаких аргументов, а просто бранились. Вот, например, мой разговор с одним из них, лейтенантом Сазоновым (впоследствии был губернатором Владимирской губернии). Войдя ко мне, он увидел у меня на столе сочинения Добролюбова.

— Зачем у тебя этот мерзавец? — спросил он.

— А ты его читал?

— Нет, не читал.

— Так почему же ты знаешь, что он мерзавец; прочти, тогда и говори.

— Не хочу его читать, — ответил он.

— Бонься?

— Не боюсь, а не хочу!

И он, проговорив это, поспешно ушел. Очевидно, он боялся; чувствовал, что потеряет равновесие. Это подтверждает другой подобный случай: у меня с другим сослуживцем, лейтенантом Тевяшевым, произошел почти такой же разговор. Но последнему дней через пять после разговора я предложил, вместо Добролюбова, Белинского. Он постеснялся отказаться и, от нечего делать, стал его читать. И что же? Месяца через три он

прочел Ласеаля, потом взялся за Маркса, а месяцев через шесть согласился работать для партии.

С другим товарищем, убежденным консерватором, пришлось вести много споров, начиная с избрания на престол Михаила Федоровича Романова, и разбирать вопрос о том, представлял ли собою Земский Собор всю Россию и вручил ли он самодержавие избранному им Михаилу Федоровичу или сохранил за народом право голоса в делах страны. Наш товарищ все обдумывал, боролся, но мало-помалу, убежденный историческими фактами, стал быстро отступать и наконец убедился, что ни в одной стране ни один народ никогда добровольно не отказывался иметь голос в решении дел, его касающихся. Раз этот фундамент был разрушен, он чрезвычайно быстро стал воспринимать новое мировоззрение, стал нам сочувствовать и содействовать. При этом интересно заметить, что жена его, бывшая курсистка, была либеральная дама и в начале наших споров поддерживала нас, когда же он стал краснеть, она начала бледнеть, и через полгода он был с нами, а она превратилась в консервативную даму. Она знала, что ее муж — человек честный и прямолинейный: он был прямолинейным консерватором, и если переменял взгляд, то будет таким же прямолинейным радикалом и фразами не удовольствуется.

Вообще в наше время, как я заметил, часто было легче иметь дело с чистым, убежденным консерватором, чем с так называемыми либеральничавшими. Тут была борьба двух искренних убеждений, и если спорящие действительно искали истины, то правая сторона брала верх. Тогда как либеральствующие очень много говорили высоких фраз, но как дело касалось какого-нибудь определенного окончательного мнения, то сейчас как-то ускользали из рук. Они вообще были какие-то половинчатые люди, не имевшие ясного, определенного мировоззрения.

Наибольшим успехом наша пропаганда пользовалась среди офицеров серьезно образованных и уже самостоятельно пришедших к убеждению, что господствовавший в то время режим устарел и ведет Россию к гибели.

Был еще один тип офицеров-философов.

Я знал кружок офицеров, перечитавших почти всех философов, постоянно искавших абсолютной истины и, конечно, никогда ее не находивших.

С ними невозможно было сговориться. Для решения самого простого вопроса нужно было выдвигать всю философскую армию и начинать чуть ли не с Адама.

Что происходило во флоте, то отчасти происходило и в некоторых других частях войска. Так, например, не помню, кто из артиллеристов рассказывал мне, что хотя он и один из своей батареи состоит членом партии, но вся батарея об этом знает, и ее командир сказал ему с глазу на глаз:

— Если вы начнете серьезное дело (очевидно, вооруженное восстание), то моя батарея будет с вами.

Таких рассказов было много, и ход организации доказывал, что эти рассказы не безосновательны.

Кроме личной пропаганды мы занимались и распространением партийной литературы среди офицерства. В этом нам помогали все сочувствующие нам офицеры, и литература распространялась в довольно широких размерах.

Партийная литература производила неодинаковое впечатление на офицеров. Все, что было написано просто и ясно, читалось с интересом. Некоторые вещи имели даже огромный успех, как, например, «Письмо Исполнительного комитета к Александру III». Мне приходилось часто слышать не только от офицеров флота, но и в обществе от многих лиц, что они обеими руками подписались бы под условиями, заключавшимися в этом письме. Среди лиц, от которых я это слышал, было немало гвардейских офицеров и лиц высокопоставленных судебного и других ведомств.

Но то, что было написано в слишком приподнятом стиле, в особенности, если дело касалось офицеров, вызывало неодобрение и даже насмешки. Так, я помню, Исполнительный комитет выпустил, не посоветовавшись с нами, прокламацию. Один экземпляр этой прокламации попал к адъютанту первого экипажа лейтенанту Сергееву, тот передал ее экипажному командиру, контр-адмиралу Крузенштерну, а этот последний созвал всех нас в комнату и прочел громко прокламацию. Отовсюду посылались остроты и насмешки. Прокламация действительно была составлена неудачно — в высоком декламаторском стиле.

Мы распространяли литературу и пропагандировали идею партии не только среди офицерства, но и в петербургском обществе (об этом, впрочем, в другой раз).

С арестом Желябова, Колодкевича, Суханова и Штромберга центральный военный кружок лишился своей наиболее активной половины. Но туда вошел лейтенант Буцевич¹⁶, заменивший потерю Суханова.

Это был чрезвычайно талантливый организатор, обладавший удивительной способностью разыскивать связи и привлекать людей. Он окончил курс в Морской академии, а затем прослушал курс в Институте инженеров путей сообщения и служил в Петербурге в министерстве путей сообщения. Его знакомства в обоих министерствах и в разных слоях петербургского общества давали ему возможность применить свои способности организатора. Темперамент он имел не очень горячий, но был настойчивый и твердый в своих убеждениях человек.

Вскоре после ареста Суханова к нам в Кронштадт приехал штабс-капитан Похитонов и передал, что, кроме ареста Суханова, все в военном деле обстоит благополучно. Он просил, чтобы кто-нибудь из нас приехал для переговоров в Петербург к нему на квартиру, которую он вместе с Рогачевым нанял на Кирочной улице. Через несколько дней нашим представителем поехал Завалишин, и сношения восстановились. Но это уже был май месяц, и мы все ушли в плавание.

Я пробыл в плавании около четырех месяцев и почти сейчас же по возвращении в Кронштадт уехал в отпуск на два месяца, по своим личным делам; по пути в Москве исполнил небольшое поручение — завязать связи с двумя тамошними офицерами.

По моем возвращении, вследствие обыска, сделанного у Похитонова, центральный военный кружок стал иногда собираться у меня на квартире в Кронштадте. На первом его собрании мы узнали, что произошло за время нашего отсутствия.

За эти шесть месяцев, благодаря поездкам Буцевича и Рогачева, были завязаны связи и созданы кружки: в Одессе, Николаеве, на Кавказе, в Западном крае и некоторых других городах, из которых теперь я помню только Вильну. В самом Петербурге количество прикнувших офицеров увеличилось, и Буцевичу удалось завязать связи в штабе первого армейского корпуса, так что он мог содействовать переводу некоторых офицеров в полки этого корпуса. Он же завел связи с некоторыми из высокопоставленных лиц. Не могу теперь вспомнить,

каким образом и под каким предлогом он заручился обещанием известного генерала Драгомирова¹⁷ дать статью о русской армии для нелегального издания.

Вообще, в это время дело военной организации обещало широкое распространение. Из разных мест самыми разнообразными путями приходили известия о самостоятельно образовавшихся офицерских кружках, ищущих связи с центральной военной организацией. Так, например, через петербургскую студенческую группу народовольцев получилось указание, что в Минске образовался кружок из четырех ротных командиров, полкового адъютанта и доктора, который просит прислать к ним агента центральной военной организации.

В другом месте агент Исполнительного комитета случайно натолкнулся на кружок офицеров, человек в пятнадцать. Этот кружок не хотел входить в сношения с местной партийной организацией, а просил дать ему связи с центральным военным кружком. Такие случаи были не единственными. Вообще по всем признакам среди офицерства в то время шло очень сильное брожение. И если бы военная организация обладала в то время хотя бы небольшим количеством свободных людей, которые могли бы разъезжать, то она достигла бы обширных размеров. Но в этом отношении она была бессильна, офицерам очень трудно было получать отпуска, и то не более как на два месяца и раз в два года. Более частые и длинные отпуска можно было получать по особым причинам и с большими затруднениями. Опытных нелегальных в то время у партии было очень мало, так что их не хватало выполнять и другие нужды партии. Так, например, работавшие в то время с военной организацией члены Исполнительного комитета Савелий Златопольский и Анна Павловна Корба вели все дела партии в Петербурге.

Благодаря подобному положению вещей, центральный военный кружок мог мало содействовать развитию дела военной организации. Даже выработанные центральным кружком уставы для себя и местных организаций фактически были мертвой буквой. Если дело шло вперед, то только благодаря местным силам, а иногда и частной инициативе отдельных офицеров.

Но и в самом центральном военном кружке постоянно менялся состав, старые члены его выбывали или лишались возможности энергично работать. Так, Рогачев уехал из Петербурга к своему месту службы; Похито-

нов, ввиду сделанного у него обыска, должен был вести себя очень осторожно; Дегаев в начале 82 года уехал на Кавказ, и вся главная работа в Петербурге лежала на Буцевиче; он, действительно, делал много, но и он не мог уделить всех своих сил делу военной организации.

Ввиду недостатка людей в партии, его привлекли и к другой партийной деятельности. Он вместе с Анной Павловной Корба и Грачевским был выслежен и арестован в мае 1882 года¹⁸ по поводу устройства динамитной мастерской в квартире Прибылевых.

Но, несмотря на это, военная организация разрасталась. У нас в Кронштадте к весне 1882 года во всех трех кружках: морском, артиллерийском и пехотном — было в общем человек 25—30, а если считать сочувствующих, то набралось бы 50—60. В Петербурге было не меньше, если не больше. Во многих городах были группы и кружки. Теперь я могу вспомнить только, что кружки были в Новгороде, Москве, Орле, Киеве, Одессе, Николаеве, на Кавказе, в Минске, в Вильне и во многих других городах, так что в общем военная организация достигла нескольких сот человек. Но, как я выше указал, связь между этими кружками была весьма слабая¹⁹.

XI

Арест весною 1882 года Буцевича, Анны Павловны Корба и Грачевского нанес сильный удар военной организации. Этот арест совпал с нашим уходом в плавание, с отъездом Похитонова к месту службы в Кобеляки и с разгромом партии в Москве²⁰, так что все лето не существовало центрального военного кружка, и вместе с тем все мы были оторваны от партии и друг от друга. И когда мы возвратились из плавания, то оказались вполне отрезанными и от военной организации и от партии.

В сентябре или октябре неожиданно приехал Дегаев и передал нам, что, несмотря на поражения, партия собирается с силами, и необходимо постараться восстановить единство военной организации. Вместе с тем он просил выслать ему в Одессу хранившуюся у нас типографию, которую мы ему и выслали.

Вскоре по его отъезде приехали два артиллерийских офицера из Новгорода, и нам удалось восстановить кое с кем связи. Кроме того, я с артиллерийским штабс-ка-

питаном Кунаевым побывали у многих из петербургских членов нашей организации и восстановили с ними связи.

Приблизительно в октябре приехал к нам поручик Николай Михайлович Рогачев и сообщил, что он прямо с юга, где виделся с Верой Николаевной Фигнер, которая предложила ему выйти в отставку ввиду того, что сил у партии мало, особенно недостает опытных и решительных людей для активной работы в партии. Она также просила его, чтобы он подобрал еще несколько офицеров, которые согласились бы выйти в отставку для той же цели. Он спросил, не хочет ли кто из нас выйти в отставку, но мы все отказались. Между прочим, он сообщил, что партия сильно озабочена расстройством дел в военной организации и хотела бы восстановить ее взаимную связь, что для переговоров об этом от южных военных кружков приедет подполковник М. Ю. Ашенбреннер, который для этой цели возьмет одиннадцатимесячный отпуск.

Действительно, кажется, в декабре приехал к нам подполковник Ашенбреннер²¹. У нас состоялось несколько совещаний, в которых приняли участие Ашенбреннер, Завалишин, Папин и я (не помню, принимал ли кто еще участие или нет). На этих совещаниях мы обсуждали вопрос, какую форму придать центральной военной организации, так как в прежней своей форме она не удовлетворяла своему назначению, фактически не имея возможности влиять на офицерские кружки и содействовать им в их работе. Было решено устроить несколько районов согласно расположению войск и путям сообщения. Каждый район должен был иметь свой центральный кружок, состоящий из делегатов местных кружков. Центральная военная организация должна была состоять из объезжающих районы агентов и еще нескольких лиц, составляющих как бы штаб военной организации. Имена офицеров знали бы только объезжающие агенты, каждый в своем районе; а центральный кружок знал бы только общие цифры и явку для восстановления сношений на случай ареста объезжающего агента.

Одним из таких агентов предполагался М. Ю. Ашенбреннер, который, между прочим, предложил в агенты также своего товарища, капитана Крайского.

Для выполнения этого плана было решено, что Ашенбреннер, объехав несколько городов, встретится со мною

в Харькове, и мы с ним поедem по южным городам, где он познакомит меня с местными кружками и капитаном Крайским, и тогда можно будет окончательно решить, какие устроить районы и кого еще можно будет выбрать в объездные агенты. И приблизительно в половине февраля Ашенбреннер уехал. Пред его отъездом произошли два факта, оставившие на нас тяжелое впечатление. Штабс-капитан Кунаев зашел к Ашенбреннеру и заявил, что он выходит из партии на год. Что это означало, так мы и не могли понять. Другим, еще более печальным, фактом для нас явилось известие об аресте Веры Николаевны Фигнер.

После отъезда Ашенбреннера я с большим трудом выхлопотал себе отпуск и в назначенное время приехал в Харьков, но там не застал, как было условлено, М. Ю. Ашенбреннера. Вскоре я узнал об аресте его и Похитонова. Так наш новый проект и остановился.

Из отпуска мне пришлось ехать прямо в Ревель на свой корабль, батарею «Кремль», находившийся в артиллерийском отряде и уже начавший кампанию. Прибыл я на свой корабль в мае месяце и до первого августа ничего ни о ком не слышал. В этот же день, когда я стоял на вахте, ко мне подошел матрос, возвратившийся с берега, и, подавая маленькую бумажку, проговорил:

— Ваше благородие, вольный на берегу просил передать вам записку.

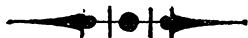
Я развернул бумажку и прочел: «Ваши друзья хотят вас видеть, приходите в такую-то гостиницу».

По окончании вахты я съехал на берег и встретил там своего знакомого Степурина, бывшего артиллерийского офицера, но уже вышедшего в отставку. Он мне сообщил, что по всей России идут аресты офицеров. Со дня на день ждут арестов в Кронштадте, а на судах артиллерийского отряда должны арестовать меня и Разумова²², что эти известия получены посредством каких-то связей Сергеем Петровичем (Дегаевым), который просил его, Степурина, известить меня об этом. Степурин* советовал мне ехать за границу; я не согласился, и на этом мы с ним расстались, условившись в переписке.

Возвратясь на батарею, я посоветовался с лейтенан-

* Покончил самоубийством в Доме предварительного заключения в 84 году²³.

том Т-м (о котором я говорил раньше). Он тоже советовал уехать. Приехал ко мне Разумов, который служил, кажется, тогда на «Русалке». Я ему передал разговор со Степуриным, он категорически отказался уехать. Так прошло недели две, я получил несколько писем от Степурина, убеждавшего меня поторопиться с отъездом, но мне не хотелось уезжать. На третьей неделе приехал нелегальный Овчинников, передал мне паспорта и рассказал, что аресты среди военных продолжаются; я решил уехать, 19 августа 1883 года оставил корабль и после долгих мытарств попал за границу.

Н. М. Салова
ПАМЯТИ КАКОВСКОГО

 Дело происходило летом 1880 года. Я тогда хотела познакомиться с рабочими и говорила об этом Вере Николаевне Фигнер. Вот однажды она зашла к нам и сказала, что это можно устроить и что завтра она познакомит меня с одним господином, который мне «сдаст» кой-какие связи с рабочими. Свидание мы назначили в Петровском парке.

Пошла я на другой день в парк. Там в это время часто назначались свидания. День, помню, был пасмурный, каждую минуту мог пойти дождь. Однако через несколько времени явились и они, Вера Николаевна с Валентином. Это не настоящее его имя, а только радикальское прозвище. Настоящего имени я так и не знаю до сих пор. Фамилия же его действительно Каковский¹. Это оказался еще совсем молодой человек, юноша лет 20, белый и розовый. На подбородке и верхней губе его едва пробивался легкий пушок, лицо круглое с выдающимися скулами, нос немного вздернутый... Вообще, лицо не особенно изящное. Только глаза, переливающиеся из синего в серый цвет, были замечательно красивы. Все это мне как-то в глаза бросилось. Вы знаете, женщины все замечают... И не понравился мне Валентин. Это простое малорусское лицо, да и вся фигура, среднего роста, коренастая, неотесанная,—впечатление самое заурядное. Он казался каким-то приказчиком из Сытного рынка. Одет он был бедно: сапоги дырявые, пальто выцветшее, потертое и — зимнее, хотя дело было в июле (1880 г.); простой рабочий картуз по-фабрич-

ному, небрежно спускался козырьком на самые глаза, почти не прикрывая черных лохматых волос. Одним словом, Валентин представлял полный контраст со своей спутницей, чистенькой и изящной, как всегда.

Она, впрочем, пробыла с нами минутку. Только представила нас друг другу и убежала, озабоченная и улыбающаяся, к своим десяти тысячам дел, тоже по обыкновению. Ведь вы ее знаете.

Валентин сказал, что может познакомить меня с рабочей семьей Полозовых. Я спросила их адрес, но Валентин, не отвечая, свел разговор на общие приемы деятельности среди рабочих. Неприятное впечатление во мне еще более усилилось. Я вообще не чувствовала ни малейшего желания разговаривать с новым знакомым, но то, что он говорил, невозможно было слушать хладнокровно. Он начал поучать меня, что с рабочими не следует держаться за панибрата, что они уважают только того, кто их держит в руках и умеет дать почувствовать свою силу... Все в таком духе. Я положительно не могла слушать и заспорила. У меня не было ни малейшего опыта собственно в рабочем деле, да и вообще немного. Но тут вопрос не в опыте. Мне всегда противны и отвратительны были эти дутые и глупые претензии корчить авторитет перед людьми: рабочий или не рабочий, это решительно все равно! Вообще, тот не может иметь полезного влияния, кто не любит людей, с которыми имеет дело, и не считает их себе равными. Я невольно заспорила, а потом, видя, что он настаивает, встала и хотела уйти.

Но Валентин удержал меня. Он вдруг переменил тон, извинился и заявил, что вполне разделяет мои взгляды. «Я хотел только посмотреть, насколько вы стоите за них», — ответил он... Вы понимаете, подобное нахальство меня положительно взбесило. Конечно, я сама была совсем молодая, но все-таки с какой стати этот мальчишка экзаменует меня? Что это за глупые испытания?.. А между тем в голосе Валентина теперь звучала такая задумчивая и грустная нотка, он говорил так просто, что слово «нахальство», уже готовое сорваться, невольно замрило на губах моих. Он начал мне толковать, какие хорошие люди его знакомые, как ему тяжело было передать их человеку, способному их обидеть и оттолкнуть от партии. «Для многих, — продолжал Валентин, — деятельность среди рабочих представляется какой-то формальностью, которая выполняется с высо-

комерным убеждением в своем воображаемом превосходстве над толпой. Это так ошибочно и так вредно! А ведь вас я не знал,— заключил он,— но теперь, уверяю вас, я очень рад и очень желал бы именно вам сдать своих приятелей!»

Если бы я не до такой степени хотела сойтись с рабочими, я бы не стала даже и разговаривать. Он, заметьте, даже и извиняясь, был, очевидно, убежден, что поступил совершенно правильно. Но в конце концов, что мне за дело до самонадеянного мальчишки, которого я, вероятно, больше никогда и не увижу?.. Я успокоилась и попросила его перейти к делу. Началась характеристика братьев Полозовых, обстоятельная до бесконечности. Чего только не объяснил мне Валентин!.. Ну да я не стану этого рассказывать. Одним словом, Валентин говорил так, как будто само собою предполагалось, что я должна интересоваться каждым волосом на голове двух драгоценных братьев... И тут опять фальши у него не слышалось, но это бесконечно внимательное, влюбленное отношение к делу мне еще было незнакомо и невольно казалось неестественным. Вообще, Валентин мне не нравился, и я торопилась от него отделаться, сведя разговор на то, когда и как увидаться с Полозовыми. Условились на воскресенье. Я надеялась, что все кончено, и заговорила о киевских рекомендациях, но Валентин перебил меня и опять пустился в длиннейшие наставления о том, как я должна себя держать с Полозовыми, как одеваться, что говорить с матерью, с сестрой, с соседями, если как-нибудь встретятся. Все это впоследствии оказалось очень полезным для меня и убедило меня в тонкой наблюдательности Валентина. Но тогда он мне надоел до смерти: и экзамены его, и наставления, и настойчивость, с которой он учил меня, без всякого внимания к тому, желаю ли я принимать его уроки... Может быть, мы бы опять поругались, но тут за меня вступилась сама природа: полил сильный дождь и положил конец разговорам. Мы вышли из парка, повторяя условия насчет воскресенья. Но Валентин не оставлял меня. Когда мы подошли к конке, в которую я должна была сесть, он сказал, что ему тут, около, нужно забежать к одному знакомому, и просил меня подождать его. «Хорошо, хорошо!» — ответила я с досадой и, как только он скрылся, поспешила сесть в первый вагон, довольная, что наконец избавилась от назойливого спутника.

Вот какое впечатление он произвел на меня в первый раз! Да, я забыла вам сказать, что на этот раз все-таки не избавилась от Валентина. Он сел в другой вагон, догнал меня, когда я уже шла по улице, и проводил до самой квартиры, все развивая свои соображения о деятельности среди рабочих.

Ему, бедному, это дело было самому почти внове, и он находился в самом пылу увлечения. А впрочем, такие люди не остывают никогда. Они просто умирают. Но тогда я его совсем еще не понимала.

Однако в назначенное воскресенье мое первое впечатление все-таки значительно изменилось к лучшему. Свидание с Полозовыми было назначено опять в парке. Я пришла вдвоем с Валентином и застала младшего брата уже на месте. Старший не мог по делам отлучиться из дому. И вот тут Валентин мне понравился в первый раз. Полозов встретил его совсем по-товарищески, совсем просто, хотя видимо обрадованный. Валентин также мог показаться скорее товарищем Полозова, чем моим. Но больше всего мне понравилось, что разговор скоро стал совсем серьезным и в то же время без малейшей натяжки. Валентин вытащил из кармана какие-то газеты с интересными новостями о движении рабочих за границей и начал оживленно передавать их содержание Полозову; по-видимому, это было продолжение какого-то предыдущего спора. Полозов иногда возражал, а еще больше расспрашивал. Валентин объяснял, иногда вдаваясь в большие подробности, но, повторяю вам, совсем по-товарищески. Так, вероятно, питерский рабочий передает своему деревенскому приятелю новости городской политики. На этот раз я была совсем довольна: видно было, что Валентин действительно умеет себя поставить. Впрочем, он скоро оборвал этот разговор и перешел к предмету свидания.

Рабочий, видимо, был огорчен, когда Валентин сказал ему, что не может больше заходить к ним. Полозов благодарил его за знакомство со мной, но несколько раз принимался упрашивать Валентина заходить хоть изредка, при малейшей возможности. Это мне тоже понравилось: Полозов просил без стеснений, как товарищ, уверенный, что его просьба не покажется навязчивостью. А между тем о причинах, по которым должны прекратиться их свидания, Валентин не упомянул ни слова, и Полозов не расспрашивал. Видно было, что рабочему ясна роль Валентина и что он умеет уважать чужую

конспирацию. Все это я невольно подметила сразу. <...>

Хорошее, живое было это время. Новое народовольческое направление находилось в поре самого свежего, молодого роста. Оно должно было пробивать себе дорогу через множество препятствий, но делало это уже с полной уверенностью в своей силе и победе. Сила революционного движения видимо росла, а с ней росло и всеобщее оживление. В молодежи шли повсюду толки о программах, о деятельности в народе, о политике и захвате власти, толки, согретые уверенностью в полной реальности наших общих надежд. Между прочим, в молодежи того времени чрезвычайно усилилось стремление действовать среди городских рабочих. Множество студентов и студенток, не находясь ни в каких связях с революционными организациями, самостоятельно заводили связи между рабочими. Я бы могла назвать целый ряд своих личных знакомых, имевших такие связи и самостоятельно занимавшихся пропагандой. Это стремление очень поощрялось народовольцами, которые одновременно с этим постоянно возбуждали вопрос о слиянии обеих партий (т. е. их и чернопеределъцев) ², на одной и той же работе в народе. Впрочем, и помимо этого, деятельность среди молодежи и среди рабочих как-то естественно переплетались между собой: при широкой пропаганде среди рабочих невозможно обойтись без молодежи; с другой стороны, действуя среди молодежи, приходится указывать ей какие-нибудь средства для ее революционной выработки, а в этом отношении деятельность среди рабочих представляется самой подходящей. Таким образом, мы с Валентином постоянно встречались.

Я сначала хотела действовать среди рабочих и познакомилась с Полозовыми. Потом я мало-помалу стала расширять связи самостоятельно, потому что я в то время еще не принадлежала совсем к организации. Так я познакомилась еще с тремя рабочими и около полугода вращалась, до некоторой степени, в этой среде. Но я вскоре стала убеждаться, что, в сущности, это неженское дело. Сойтись с рабочими нетрудно, и поставить себя с ними тоже нетрудно, но сношения с ними для женщины слишком странны и возбуждают подозрение в окружающих. Для избежания этих подозрений приходится съезживаться, суживать свою пропаганду, и наконец оказывается, что результаты совершенно не оку-

нают времени и труда. Так, например, я с Полозовыми должна была расстаться через 3 месяца. Их денежные дела пошли плохо, так что семье пришлось перебраться на другую квартиру и принять целую кучу жильцов. Я очутилась в очень неловком положении: особенно бабы, жилищки, надоедали своими расспросами, кто я, да чем занимаюсь, да много ли зарабатываю и т. п. Вообще — положение мое в глазах жильцов было очень странное, а с самими Полозовыми часто нельзя было и слова сказать. Мать иногда помогала немного: случалось, что, когда я уходила после бесцельно и бесцветно потраченного вечера, старуха приказывала кому-нибудь из сыновей проводить меня. Таким образом мы получали возможность немного потолковать; но в конце концов все это так мало вознаграждало... Положение мужчины гораздо удобнее...

Ну я мало-помалу и начала оставлять рабочих, переходя все больше в среду молодежи. Потом я уже формально присоединилась к народовольческой организации, именно поступила в группу, которая действовала среди студенчества. Но, повторяю, эти две сферы находились тогда в постоянном общении. Старания народовольцев — слить все силы на рабочем деле давали еще больше поводов к тому, чтобы лица, занятые пропагандой среди рабочих, постоянно появлялись перед студенческими кружками, проповедуя это слияние. Этот вопрос постоянно возбуждался, для этого созывались собрания, приглашались на диспуты народовольцы и чернопередельцы... Надо сказать, что чернопередельцы принадлежали по преимуществу к студенчеству и мало действовали даже среди рабочих; они занимались больше всего собственной подготовкой. Однако же бывали все-таки случаи, что на одной и той же фабрике сталкивались народовольцы и чернопередельцы, причем между ними начинались пререкания и споры, которые, разумеется, производили на рабочих самое печальное впечатление. Рабочие всех нас одинаково называли социалистами и плохо понимали фракционные различия принципов, но видели только, что люди, проповедующие другим объединение и организацию, между собою грызутся, ссорятся, соперничают... Понятно, что этому необходимо было положить конец. Народовольцы, которым больше приходилось действовать, чувствовали более ясно необходимость прекратить возможность таких столкновений. Чернопередельцы в принципе не отвергали са-

мой мысли о соглашении, но в частности сходились того. Так, например, помню я случай с «Программой рабочих членов партии Народной воли»³. Одна моя приятельница, М., рьяная чернопеределка, давно уже мне говорила, что народovolьцы вырабатывают программу по рабочему делу, которая будет предложена на обсуждение и им, чернопередельцам. Я в это время уже принадлежала, по симпатиям, к народovolьцам, но к организации еще не примкнула и вообще держалась в неопределенном положении. Поэтому М. пригласила и меня на собрание. Это было в октябре месяце 1880 года. Народovolьцы предъявили свою программу, выработанную их рабочей группой. Средактирована же она была Валентином. Собрание чернопередельцев было, помню, очень многочисленно, и к программе они придирались страшно. Особенно сама М. нападала на каждый пункт, говоря, что тут нет никаких «уступок»... Упрек, в сущности, совсем неосновательный, потому что народovolьцы и не обещали никаких уступок, а только выражали надежду, что на их программе деятельности среди рабочих могут сойтись и чернопередельцы... Таким образом, общего соглашения не состоялось, хотя много отдельных лиц, как нам известно, присоединилось к программе «Народной воли»⁴.

Для Валентина это была пора самой оживленной деятельности. Он состоял в рабочей группе и в редакции «Рабочей газеты»*. С рабочими он вел дело замечательно⁵. Он их любил просто с какой-то нежностью. Кажется, не было для него большего удовольствия, как рассказать о них что-нибудь хорошее... ну, одним словом, о их способности к самоотверженности и т. п. Помню, между прочим, говорил он мне об одном рабочем, который запустил все свои дела, тратя все время на пропаганду и организацию среди своих братьев; жить приходилось в страшной бедности, а на руках — целая семья; но он все-таки упорно отвергал предложения хоть малейшей помощи со стороны радикалов. Этот героизм и благородная гордость приводили Валентина в умиление. Но не думайте, чтобы он способен был только умиляться перед рабочими. Я была раз на рабочем собрании, которое, несправедливо обвиняя революционе-

* Из литературных работ Валентина можно указать статью «Рабочее житье-бытье» в №№ «Рабочей газеты». Затем Валентину же принадлежит литературная редакция означенной «Программы рабочих членов партии Народной воли».

ров, не хотело исполнять принятых на себя обязанностей. Валентин возмутился и вспыхнул... Я даже не подозревала, какие нотки имеются в его голосе — резко, повелительно... он разругал их страшнейшим образом, и, право, не у многих бы хватило силы возражать ему. Этот безбородый юноша вырос в моих глазах сразу на целую голову, когда я услышала эти внушительные звуки, перед которыми оробела и съежилась целая куча людей, вдвое старше его по возрасту. О, да! Он умел при надобности «скрутить» людей, получше чем те, кто думает выезжать на одной дисциплине. Вообще, в нем иногда сверкала громадная сила характера. Работал он тоже неутомимо. Лично поддерживая множество рабочих знакомств, он посещал также постоянно студенческие сходки, вербуя деятелей для рабочей сферы, отстаивая народовольческую программу и проповедуя слияние всех на «нейтральной почве народного дела»...⁶ Я в это время поступила в студенческую группу: там было всего пять человек студентов и студенток из разных учебных заведений и трое нелегальных: Франжоли, Вера Ник. Фигнер и Перовская. Франжоли тогда уже был хромой калека, с пожелтевшим, изможденным лицом, как старая икона мученика, но — вечно горел и увлекался не хуже Валентина. Кстати сказать, они были между собою очень дружны. Валентин познакомился с Франжоли уже после его побега из ссылки, в Петербурге, и сильно привязался к нему и жене его, Завадской. Те его тоже любили. Валентин часто просиживал целые часы у постели больного Франжоли, который иной раз не мог перевернуться без боли с одного бока на другой, но со сверкающими глазами и вдохновенным видом не уставал толковать со своим молодым другом о деятельности, о нравственных задачах, о народе... Это тоже была оригинальная личность, Франжоли...⁷

Сам Валентин к нашей группе не принадлежал, но на собрания молодежи являлся часто вместе с нами. Иногда приходил и Желябов. Они действовали постоянно сообща.

Интересно, что в отношениях между Валентином и Желябовым громко звучала такая же товарищеская нотка, как у Валентина с рабочими. Желябов был уже почти знаменитость. Его ораторская слава гремела в революционных кружках Петербурга; его организаторская роль уже выдвинула его на первый план среди самых влиятельных членов партии. Валентин, конечно,

был только скромным учеником, да и по летам он был сравнительно с учителем еще совсем юношей. Но ни малейшего отношения снизу вверх не было заметно в Валентине рядом с Желябовым. На собраниях они действовали постоянно дружно, ловко поддерживая один другого, и хотя Желябов, разумеется, играл первую роль, но случалось и наоборот. Видно было, что ни один из них не чувствовал неловкости, когда младшему товарищу почему-нибудь приходилось выручать старшего. Но уважал Валентин Желябова чрезвычайно. «Тарас» — так звали тогда Желябова — был его любимый герой.

Помню я один случай на этих сходках, когда Желябов подвергался большому риску. Вообще это был для него несчастный день. Один из членов нашей группы, Н-ский, назначил у себя сходку студентов для обсуждения способов деятельности среди рабочих. Сходка сперва назначалась на вечер, но потом, не знаю почему, это переменяли, и вся компания собралась утром. Пришло всего человек 15. А в это время сходки были уже очень стеснены. Бывало, соберется человек 10, и то уже заметно, и то — того гляди — донесут в полицию. Пришел и Желябов. Начались разговоры. «Тарас» был ужасно не в ударе: я его таким никогда не видела. Он казался донельзя усталым, рассеянным, не мог собраться с мыслями... Иногда он как будто хотел встрепенуться и развернуться в споре, но каждый раз чрезвычайно неудачно, не находил слов и снова погружался в апатию... Валентин потихоньку шепнул мне: «Ну, провалился нынче наш Тарас, придется устраивать ему другую сходку: фонды подымать». А между тем спор понемногу разгорался, голоса стали возвышаться. Один из присутствующих, Л., который обыкновенно отличался упорной немотой, тут вдруг пришел в экстаз, вскочил и закричал буквально во всю глотку, излагая какие-то свои соображения... Валентин, видя полную неудачу Желябова, поднялся и стал говорить... Я сидела с ним рядом, спиной к двери и лицом к зеркалу на противоположной стене комнаты. Только вдруг, в самый разгар речи Валентина, в зеркале передо мной отразилась неожиданная картина: отворенная за нашими спинами дверь, а в дверях мрачная, нахмуренная фигура дворника... Этот момент врезался у меня в памяти навеки. Как теперь вижу перед собой эти лица, секунду назад оживленные, раскрасневшиеся, а теперь сразу побледневшие и сму-

щепные. Я невольно взглянула на Желябова: он сидел — бледный и, очевидно, растерялся... Валентин ментально изменил тему и вместо рабочего дела сразу свел речь на недавний фельетон «Голоса», преувеличенно громко крича. У него, очевидно, мелькнула мысль одурачить дворника. Среди мертвого молчания пятнадцати человек как-то дико звучал неестественно громкий голос Валентина, а потом, еще через секунду, Валентин вдруг также сразу смолк и опустился на стул со словами: «Вот скандал-то!» Вся эта сцена продолжалась не более нескольких секунд...

— Господа,— сказал дворник,— что это у вас за собрание?

Хозяин вышел из толпы и заявил довольно твердо, что он сегодня именинник, посему и пригласил к себе гостей. Дворник недоверчиво обвел нас глазами.

— Ну, как вам будет угодно, г. Н-ский, я должен донести... Нынче этого не дозволяется. Я должен пойти в участок... Как вам угодно...

Он скрылся за дверями. В комнате сразу поднялся невообразимый гам. Что теперь делать? Со всех сторон тревожные голоса раздавались одновременно и, друг другу мешая, торопились внести одно и то же предложение. Дело ясно, конечно: Желябов должен был немедленно уйти, а все остальные, как легальные, должны были оставаться и разыгрывать до конца комедию именнинной пирушки. Валентин тоже был легальный: он все еще числился студентом университета, он мог и должен был оставаться. Но Желябов, должно быть рассерженный своей минутной слабостью, как будто решил навеки вытравить из головы присутствующих малейшую мысль о том, что он, Желябов, может чего-нибудь испугаться. Он вдруг оживился, повеселел, начал шутить, уверял, что всё глупости и ему вовсе незачем уходить... Не могу вам выразить этого томительного, раздражающего ощущения. Тут каждая секунда дорога, в каждый момент может ввалиться полиция, а он смеется, анекдоты рассказывает, тратит последнее время. В конце концов он, конечно, должен был уйти, это каждый понимал, уже хотя бы для того, чтобы нас не компрометировать. Но, тратя дорогие минуты, Желябов, действительно, мог дожидаться, что уже станет поздно... Валентин схватил пальто и, накидывая его на плечи «Тараса», со злостью крикнул: «Да уходите же, пожалуйста! Будет вам...» Таким образом, несколько рук почти насильно

вытолкали Желябова за двери. Он ушел, а мы с беспокоействием кинулись к окнам. Комната опять стихла. Мы прислушивались, стараясь угадать, что делается на дворе: нет ли полицейских около дома, не схватят ли Желябова? Но все было тихо. Не слышно ни шума, ни крика. У всех отлегло на сердце. Ясно, что «Тарас» ушел благополучно. И тут уже у нас поднялась суеда и шум другого рода. Со смехом и шутками мы наскоро декорировали именинную пирушку. Стулья шумно придвинулись к столу, на котором моментально появилась водка, закуска, пиво... Откуда только что взялось! Вся компания, на этот раз действительно веселая, начала пить и болтать в ожидании пашествия...

Не больше как через несколько минут дверь действительно снова отворилась, и показался околоточный надзиратель. Он был один, даже без дворника. Н-ский развязно объяснил, что дворник — дурак, поднял тревогу неизвестно с чего: «Какие тут собрания, помилуйте, просто товарищи пришли выпить да поболтать». Околоточный со строго недоверчивой миной обошел гостей и записал наши фамилии, но, исполнив эту церемонию, смягчился и даже, по приглашению хозяина, присел «закусить». Напился он до положения риз. Совершенно пьяный, он расшутился, разболтался и начал наконец рассказывать такие анекдоты, что нам, женщинам, пришлось спасаться бегством...

Так благополучно кончилась эта история, грозившая было разыгаться очень трагически. <...>

К. Я. Загорский

В 1881—1882 гг.
(Воспоминания)

 В половине 70-х годов прошлого столетия Петербургский университет не только стоял впереди всех русских университетов по обилию и значительности сосредоточенных в нем научных сил, но еще и выделялся среди них по характеру проникавшей всю его внутреннюю жизнь моральной атмосферы. Не только научные идеи и учения, проповедовавшиеся с его кафедры, но и вся совокупность отношений университета к студентам была проникнута духом гуманности и либерализма, бывшим, конечно, в противоречии с университетским уставом, инструкциями и правилами, регулировавшими в то время университетскую жизнь. Вследствие этого противоречия весь режим университетской жизни приобретал характер неопределенности и расплывчивости. Я вступил в Петербургский университет осенью 1877 года, пробыв перед этим один год в Киевском университете, и меня сразу поразила огромная разница между этими обоими университетами. В Киеве была полная ясность, но вместе с тем и резкая жесткость отношений между университетским начальством и студентами. Такой же, впрочем, характер отношений между воспитанниками и педагогическим персоналом господствовал в то время в Киеве и в средней школе, в которой педагоги и ученики составляли как бы два резко противоположные друг другу лагеря. Вся атмосфера Киевской 1-й гимназии, к которой, собственно, и относится настоящее замечание, была насыщена неблагоприятством и даже прямо каким-то озлоблением между этими двумя лагерями. Эта атмосфера охватывала

воспитанников даже самого младшего возраста, прямо с самого момента поступления в гимназию, так что и малыши как бы сразу постигали, что, вступая на территорию гимназии, они попадали во вражескую среду, от которой ни в каком случае нельзя было ожидать ни сочувствия, ни поддержки. Гимназия составляла в представлении учеников какое-то место принудительных работ с бездушными суровыми надсмотрщиками; здесь отбывалась кем-то наложенная и кому-то нужная повинность, тягло; мысль же, что в гимназию приходят, чтобы получить полезные для приходящих знания, никому из нас даже не приходила в голову. Сухость и жестокость или, в лучшем случае, полное равнодушие чувствовались на каждом шагу в сношениях как с инспекцией, так и с учениками, но любопытно, что с внешней стороны обращение педагогов с воспитанниками было вполне корректное: даже к самым младшим из них они обращались всегда на «вы», и за все восемь лет пребывания в гимназии я ни разу не слышал, чтобы ими были допущены по адресу учеников какие-либо бранные выражения.

Тот же характер отношений, который установился в гимназии, переносился в университет и продолжался в отношениях педагогов университетских со студентами. Как целью гимназии был аттестат зрелости, дававший право на поступление в университет, так целью университета был диплом, открывавший доступ на государственную службу. Только три-четыре имени среди профессоров Киевского университета составляли в то время исключение, но и эти немногие профессора, пользовавшиеся симпатиями и доверием студентов, явно были не в фаворе у правительственной власти. Один из них, Н. Зибер, пользовавшийся уже и тогда среди студентов симпатиями и известностью как серьезный экономист, был удален из университета¹. Та же участь постигла в самом начале его профессорской деятельности и известного историка М. Драгоманова². О каких-либо собраниях или, как тогда говорили в Киеве, сходках в здании университета нельзя было и думать; эти сходки преследовались строжайшим образом в то время, о котором идет речь, и могли устраиваться или в какой-либо студенческой столовой, или в частном помещении, да и то с большим риском подвергнуться со стороны полиции разгону и даже аресту для устроителей сходки и хозяев помещения.

Поэтому я был крайне удивлен, увидав, что в Петербургском университете студенческие сходки собирались совершенно беспрепятственно в университетских аудиториях. И уже совсем был поражен, когда на первой же сходке, на которой пришлось присутствовать, при появлении ректора университета не только не произошло никакого смятения или неловкости, но, напротив того, со стороны студентов раздались самые дружелюбные обращения к нему по имени и отчеству в том смысле, что вас вызвали, Андрей Николаевич, по ошибке раньше, чем нужно, мы еще не окончили обсуждение вопроса и просим вас прийти для переговоров несколько позднее³. Ректор со своей стороны отвечал также самым благодушным тоном и оставил сходку продолжать свое дело, причем вовсе не нашел нужным напомнить студентам, что всякие самовольные студенческие собрания в стенах университета запрещены. Такое же благожелательство и благодушие имели место и в отношениях между студентами и инспекцией.

Вся эта идиллия обуславливалась, однако, всецело личными качествами педагогического персонала Петербургского университета и отчасти сохранившимися в этом университете еще с 60-х годов либеральными традициями, но не опиралась на какие-либо прочные основы, не вытекала ни из общих условий университетской организации, ни, еще меньше, из общих политических условий того времени. Поэтому и длилась сказанная идиллия очень недолго. Как известно, около половины 70-х годов прошлого века происходит не только окончательная остановка в преобразовательном движении 60-х годов, но наступает и решительная реакция в общем направлении всей правительственной политики. Эта реакция вместе с событиями происходившей тогда русско-турецкой войны вызвала и все время поддерживала настроение широкого недовольства во всех слоях народа и общества⁴. Недовольство это выражалось в различных формах и в очень неодинаковой степени в различных слоях и группах населения. Из различных общественных групп того времени в наиболее яркой форме это недовольство действиями правительства и протест против принимаемых им мер выражалось, конечно, в среде учащейся молодежи высших учебных заведений, которая всегда при старом режиме, начиная уже с 30-х годов, реагировала на различные факты и условия университетской, а затем и общеполитической жизни страны в

более ярких и резких формах, чем все другие группы населения. Но своего кульминационного пункта протест против торжествовавшего тогда реакционного направления, а вместе с тем и всего социально-политического строя достигает в наступающем около того времени большом оживлении нашего революционного движения. К этому именно времени относится образование и широкое развитие деятельности сильного тайного общества «Земля и воля», впоследствии разделившегося на две самостоятельные революционные организации: «Народная воля» и «Черный передел». Все эти организации имели, конечно, самую тесную связь с высшими учебными заведениями, в том числе с университетом. В то время в университете, как и в других высших учебных заведениях, существовало множество разного рода студенческих кружков, которые по их основе и задачам можно разделить на три категории: землячества, кружки самообразования и кружки, ставившие себе целью кроме самообразования также определенные общественные и политические задачи. Нередко землячества и кружки самообразования являлись подготовительной и даже переходной ступенью при образовании кружков третьей категории. Кружки этой последней категории обыкновенно образовывались по инициативе и под руководством той или иной упомянутых политических организаций, пользовавшихся для этой цели теми своими членами, которые состояли в то же время студентами высших учебных заведений, имели поэтому многочисленные связи в студенческой среде и могли следить за ее настроениями. Студенты, вступавшие членами в политическую организацию, постепенно расширяли свою деятельность за пределы учебных заведений, а затем в зависимости от обстоятельства переносили центр тяжести своей работы в деревню, в среду городских рабочих или даже сосредоточивались на террористической деятельности.

Последовательное усиление правительственной реакции отразилось, конечно, и на университетской жизни, условия которой становились все хуже и стеснительнее. Это в свою очередь усиливало недовольство среди студентов и способствовало образованию среди них организаций оппозиционного характера. Одной из таких организаций и явился центральный студенческий кружок, образовавшийся под влиянием партии «Народной воли»⁵. Кружок этот, однако, просуществовал недолго.

Его деятельность выразилась главным образом в подготовке и проведении демонстрации протеста на университетском акте 8 февраля 1881 года⁶. В дополнение к имеющимся в литературе упоминаниям о центральном кружке и демонстрации 8 февраля 1881 года мне хотелось бы добавить следующие замечания.

Число студентов, заранее привлеченных к участию в демонстрации и действительно активно участвовавших в ней, было, в общем, относительно очень невелико, а между тем и эти силы пришлось разделить на две части, сосредоточив гораздо более значительную часть товарищей внизу вокруг Подбельского, на котором лежало осуществление центрального момента всей демонстрации — нанесение личного оскорбления высшему представителю правительственной власти, министру народного просвещения. Существовало основательное опасение, что Подбельского могут сразу же остановить, задержать, лишить его возможности даже приблизиться к министру. Необходимо было, чтобы он был в достаточной степени окружен своими, т. е. посвященными во все детали дела. А вследствие этого на хоры, с которых проносилась речь, оказалось возможным направить лишь довольно малочисленную группу товарищей. Огромнейшая масса студенчества вела себя во время акта совершенно пассивно по отношению к демонстрации, ничем ей не противодействуя, но и не выражая никакого активного сочувствия. Пассивность эта обуславливалась, конечно, не тем, чтобы студенчество вообще сочувствовало политике правительства и было против всякого протеста. Причина заключалась, во-первых, в том, что среди широкой массы студентов демонстрация была вовсе не подготовлена и являлась для нее совершенной неожиданностью, и, во-вторых, в том, что самая форма демонстрации была совершенно необычной и для большинства студентов слишком резкой. Поэтому как активных противников протеста, которые своими криками старались заглушить речь Когана-Бернштейна, так и сочувствовавших демонстрации, которые своими возгласами старались поддержать ее, оказалось относительно совершенно ничтожное количество. Первые находились внизу, сосредоточиваясь преимущественно вблизи начальства, на хорах же как вблизи демонстрантов, так и в других местах протесты против демонстрации проявлялись весьма мало заметным образом. Когда я впоследствии вспоминал, какой маленькой кучкой мы окру-

жали на хорах оратора и поддерживали его своими сочувственными криками и все-таки, несмотря на свою малочисленность, могли прервать нормальный ход акта и заставить выслушать нашего оратора до конца, то мне становилось ясным, что все это оказалось возможным лишь потому, что масса студенчества, при более чем индифферентном отношении к правительственной политике, была в широкой мере проникнута сочувствием по отношению к демонстрации, хотя и пассивным, но способным легко превратиться в активную поддержку при малейшей попытке каких-либо насильственных действий против участников демонстрации. Только этим и можно объяснить, что оба главные деятеля демонстрации П. П. Подбельский и Л. М. Коган-Бернштейн могли совершенно беспрепятственно удалиться из переполненного актового зала, с тем чтобы выйти за пределы досягаемости и продолжать революционную работу на нелегальном положении ⁷.

Демонстрация вызвала в университете чрезвычайное возбуждение, которое охватило не только все студенчество, но в значительной степени и профессуру. Когда на следующий день после демонстрации (9 февраля, понедельник) я пришел в университет, то был поражен совершенно необычным скоплением студентов в обширных студенческих шинельных. Как будто все студенты, пришедшие в университет, застряли здесь и отказались от слушания лекций в этот день. Но если аудитории и пустовали в этот день, то шинельные представляли собой какой-то гигантский, переполненный до краев котел, в котором кипела и бурлила расплавленная масса. На каждом шагу видны были группы студентов, в которых шли не только оживленные, но прямо страстные дебаты по поводу демонстрации и по целому ряду вопросов, которые в связи с демонстрацией возникали сами собой. Обсуждалось значение демонстрации с политической точки зрения и с точки зрения интересов борьбы за улучшение условий университетской жизни и работы студентов, обсуждался отдельно вопрос о допустимости, с одной стороны, таких элементов демонстрации, как произнесение речи, выражающей протест против политики правительства, протестующие возгласы и тому подобное, а с другой — нанесение оскорбления действием представителю правительственной власти, обсуждался вопрос о правомерности присвоения себе какой-либо студенческой организацией наименования «центральной»

вместе с правом говорить и действовать от имени всего студенчества, помню еще, что в одной из групп обсуждался вопрос о допустимости с моральной точки зрения принятия на себя студентами обязанностей шпионов, причем один из споривших, студент Введенский, ставший впоследствии известным профессором философии, с горячностью доказывал, что шпион и доносчик — доблестные граждане и т. д.

Отмечу два обстоятельства, последовавшие за демонстрацией 8 февраля 1881 года. Во-первых, для выяснения действительного отношения студенческой массы к этой демонстрации, а вместе с тем и к политике правительства были вывешены проекты двух заявлений, из которых одно примерно гласило, что мы, нижеподписавшиеся, выражаем сочувствие идее протеста, но не одобряем для этого формы, которую находим неподходящей. Второе заявление не только выражало сочувствие идее протеста, но и одобряло всецело самую форму демонстрации, за исключением пощечины министру. Первое заявление собрало, насколько помнится, 460 подписей, второе — несколько более 150. Когда же на втором заявлении была зачеркнута оговорка «за исключением пощечины министру», то многие зачеркнули свои подписи на этом заявлении, после чего на нем осталось 78 или 87 подписей. Если принять во внимание, что демонстрация вызвала среди студентов совершенно исключительное, едва ли бывшее когда-либо ранее возбуждение и волнение и что в это время в Петербургском университете было не менее 2500 человек, то нельзя не признать, что сколько-нибудь активных протестантов между ними было относительно лишь весьма немногo.

О настроении университетского студенчества в это время можно судить еще и по следующему факту. По обвинению в участии в демонстрации 8 февраля были привлечены 10—12 человек. Желая вступить за них, студенты составили сходку, которая решила подать по начальству петицию «об оправдании» сказанных товарищей. Тогда студенты, участвовавшие в сходке и подписавшие петицию, в свою очередь были привлечены к университетскому суду по обвинению в двух преступлениях, предусмотренных не то в самом университетском уставе, не то в изданных в развитие его правилах: 1) участие в сходке и 2) дача подписей на коллективном заявлении. В результате этого суда были признаны виновными 64 человека, причем в зависимости от со-

держания ответов, дававшихся на суде, несколько менее половины были присуждены к трем дням, остальные же к 7 дням ареста, а два-три человека вовсе исключены из университета. Суд особенно неодобрительно относился к тем, кто поддерживал в своем ответе суду формулировку петиции, требовавшей «оправдания», и тем самым, следовательно, хотел оказать давление на суд.

Так как университет не располагал арестными помещениями для такого количества преступников и так как для этой цели могли быть приспособлены только аудитории, то приведение приговора в исполнение было отложено на конец великого поста, когда уже начинались пасхальные каникулы. Как тогда говорили, исполнение приговоров обошлось университету в изрядную сумму около 600 рублей, понадобившихся на приобретение постелей для 64 человек и на их продовольствие.

Нельзя сказать, чтобы подвергнутые аресту тяготились своим заключением. Для огромного их большинства время заключения прошло очень оживленно и даже, можно сказать, содержательно, наверное, лучше, чем они провели бы его на свободе. Время проводилось преимущественно сообща, и только немногие товарищи временами отделялись от общей компании, чтобы поиграть в шахматы, в шашки, побеседовать друг с другом или почитать книжку. Большинство же спешило использовать посланные ему судьбой дни вынужденного широкого общения с товарищами возможно лучше для разрешения мучивших его общественных и политических вопросов. Общее препровождение времени заключалось в продолжении страстных дебатов на тему о значении только что пережитой демонстрации, о влиянии ее на студенчество, на общественное мнение как высших слоев общества, так и других более широких слоев и групп населения, наконец, на правительство. Несомненно, что дни ареста были для арестованных днями высшей степени интенсивной работы мысли и повышенного участия в общественной и политической жизни и не прошло бесследно для их политического развития. Это кратковременное вынужденное общежитие было настолько привлекательно, что многие из окончивших свой трехдневный срок ареста затем приходили в гости к товарищам, продолжавшим находиться под арестом, и оставались у них чуть не целый день. Начальство даже нашло нужным поскорее закрыть эту своеобраз-

разную политическую школу и сократило семидневный срок ареста до 6 дней. В числе арестованных на 7 дней находились и принимали ближайшее участие в общих дебатах Неустроев, в высшей степени симпатичный и трогательный юноша, бывший тогда уже на 4-м курсе, уроженец Якутска, осужденный и казненный по приговору военно-полевого суда в 1883 году⁸, а также Якубович, осужденный впоследствии на каторжные работы и приобревший затем широкую известность как поэт и писатель под псевдонимом Мельшин⁹. Так как арест участников демонстрации и совместная их жизнь в университете происходила уже после первого марта, то вполне естественно, что событие этого дня отодвинуло в наших прениях демонстрацию 8 февраля на второй план. Из прений, однако, выяснилось, что в сознании студенчества оба события отражаются как события по существу своему однородного свойства и что следовательно оба они имеют определенное революционное значение, хотя, конечно, весьма различное по глубине и силе своего влияния. Можно сказать, что весь процесс разбирательства дела в университетском суде, а затем и самое содержание под арестом осужденных были одним из путей и форм, которыми влияние демонстрации распространялось на широкие круги студенчества, а через них и на различные группы в других слоях населения.

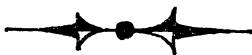
Из последующей деятельности центрального университетского кружка заслуживают быть отмеченными предпринятые им дальнейшие шаги в деле организации студенчества. Нужно сказать, что среди широких кругов студенчества пользовались довольно значительным сочувствием упреки против центрального кружка в том, что он является самозванным и отнюдь не может считаться представителем всего студенчества или хотя бы даже только существующих в его среде многочисленных кружков и что таким образом самое наименование «центральный» он присвоил себе самовольно. Между тем центральный кружок, со своей стороны, был убежден, что он выражает действительное настроение и стремление к организации передовой части студенчества. Последнее давно уже по собственной инициативе стремилось выйти из распыленного состояния, в котором ему полагалось быть по университетскому уставу, и сплотиться в форме различного рода кружков и организаций, центральный же кружок завершил эти давнишние

стремления студенчества. Необходимо было лишь войти в организационную связь с этими кружками и установить координацию их действий. Это, с одной стороны, устранило бы возможность дальнейших упреков в самозванстве, а с другой — очень облегчило бы в будущем подготовку и проведение коллективных выступлений разного рода. Для осуществления этих организационных мер было поручено членам центрального кружка предложить в тех, так сказать, местных кружках, в которых они участвовали, избрать своих представителей в центральный кружок для постоянного участия в его заседаниях. Предложение это и было сделано в местных кружках и принято ими, причем во всех этих кружках, за исключением одного только случая, избранными в качестве представителей оказались те же члены центрального кружка. Таким образом, был сделан весьма важный шаг в деле организации студентов Петербургского университета.

К сожалению, этой новой организации не пришлось развить свою деятельность в сколько-нибудь широких размерах. Событие 1 марта 1881 года и последовавшие за ним политические меры правительства (повсеместное введение положения об усиленной и чрезвычайной охране, чрезвычайное усиление шпионажа и преследований против всех лиц, возбуждавших чем-либо подозрение правительства, в то же время настойчивые слухи о предстоящем введении конституции и т. п.) не только отвлекали внимание как общества, так и самих студентов от университетских дел, но и создали условия, чрезвычайно затруднившие, если не делавшие прямо невозможной, какую-либо подпольную политическую работу. Даже открытая чисто культурная работа, если только она сколько-нибудь выходила из официальных традиционных рамок, решительным образом не допускалась. Так, одно время университетское начальство разрешило по инициативе юристов-экономистов образовывать студенческий экономический кружок с президиумом из самих студентов, но под руководством профессора (такое руководство кружком согласился принять на себя профессор статистики Ю. Э. Янсон)¹⁰. Такой кружок и был действительно организован. Однако вскоре отношение правительства к университету изменилось до такой степени, что даже занятия такого чисто научного кружка было признано невозможным допустить.

Хотя центральный кружок и имел еще несколько за-

седаний, но вскоре его деятельность должна была вовсе прекратиться, потому что наиболее активные его члены оставили Петербург, некоторые потому, что перешли по собственной инициативе на более широкое поле революционной деятельности, другие же были вынуждены к тому, будучи исключены из университета. Для всякой же подпольной работы настали, как только что сказано, совершенно невозможные условия. При этом не только старые деятели, давно уже известные правительству и его агентам по своей прежней деятельности, лишились возможности работать в Петербурге: даже попытки новых людей, сравнительно недавно выступивших на революционном поприще, попытки относительно очень небольшого революционного значения немедленно становились известными тайной полиции в лице ее главы, известного Судейкина. Так, одна очень небольшая группа студентов, главным образом из того же центрального кружка, предприняла издание гектографированного студенческого журнала¹¹. Первый номер этого журнала был отпечатан, как я хорошо помню, в один прием утром в одно из воскресений, и, несмотря на малочисленность составителей журнала и вообще лиц, прикосновенных к этому делу, о выходе этого номера, как потом оказалось, было известно Судейкину уже в тот же день. У автора настоящих строк сложилось тогда убеждение, что никакая группа, хотя бы только из 5—6 человек, не могла бы поработать в Петербурге среди учащейся молодежи или рабочих, хотя бы только два-три месяца без того, чтобы не стать известной Судейкину. <...>

А. П. Прибылева-Корба

НЕСКОЛЬКО СТРОК О Н. В. КЛЕТОЧНИКОВЕ

 Некотрые вопросы, связанные с деятельностью Николая Васильевича Клеточникова, до сих пор остаются неясными даже для людей, осведомленных в событиях эпохи 70-х годов.

При этом ряд недоумений, связанных с Клеточниковым, возник вследствие показаний, данных им на допросах во время предварительного следствия. На этих допросах, от которых, как известно, Клеточников позднее — во время судебного разбирательства, — отказался, он объяснял, что передавал революционерам служебные тайны не из сочувствия к ним, а из-за больших денежных сумм, которые он получал от них за свои услуги. Ввиду этого некоторые до сих пор удивляются, как мог А. Д. Михайлов не только не порицать поведение Клеточникова, но даже в своем последнем письме к товарищам на воле хвалить в самых лестных выражениях поведение Клеточникова на суде.

Ввиду моего близкого знакомства с Н. В. Клеточниковым¹ и со всеми подробностями его службы в III отделении и позднее в Департаменте полиции, я надеюсь, что мне удастся рассеять недоумения, которые до сих пор связаны с его деятельностью.

Вот что я знаю из сообщений А. Д. Михайлова о Клеточникове. В Петербург Клеточников приехал в конце 1878 года из Симферополя, где занимал второстепенную должность в окружном суде.

Перед отъездом в Петербург Н. В. Клеточников пережил какую-то личную драму. В чем она заключалась, он не говорил никому, вследствие чего, естественно, ни-

кто в разговорах с Клеточниковым не касался этой темы. Страдания Николая Васильевича были так сильны, что он решился на самоубийство. И однако, политические события в Петербурге 1878 года: процесс 193-х пропагандистов, выстрел В. И. Засулич и ее оправдание судом присяжных, убийство жапдармского генерала Мезенцова² — все это взволновало Клеточникова до такой степени, что он решил вместо самоубийства предложить революционерам свои услуги для совершения террористического акта.

С этой целью он приехал в Петербург, где у него были две знакомые землячки, учившиеся на высших женских курсах. Через них А. Д. Михайлов получил первые сведения о Клеточникове. С другой стороны, через нескольких петербургских студентов А. Д. узнал о существовании в Петербурге некой Анны Петровны Кутузовой, содержательницы меблированных комнат, которая не раз являлась причиной арестов, если неопытный юноша попадал под ее гостеприимный кров. Пострадавшим удалось узнать, что Кутузова состоит в родстве с одним из служащих в III отделении и этому родственнику сообщает о неосторожных учащих, не умеющих скрыть свои антиправительственные настроения. Пострадавшие от доносов Кутузовой передавали еще одну подробность, характерную для этой особы, а именно: Кутузова очень любила играть в карты и бывала в восторге, если ей удавалось обыграть партнера на несколько рублей.

Созидательный ум А. Д. Михайлова из всех этих отрывочных данных сумел построить свой знаменитый план о помещении Клеточникова в III отделение при помощи Кутузовой.

Разумеется, на первое свидание с Клеточниковым А. Дм. шел не с целью предложить ему поступить на службу в III отделение. Ему предстояло познакомиться с человеком, с которым придется вести трудную и сложную работу, им же самим изобретенную. Отсюда ясно, какое огромное значение имело это свидание для А. Д. Михайлова. Оно решало вопрос: годится ли Клеточников для роли, которую Михайлов в своих соображениях ему предначал, или нет.

С своей стороны Н. В. Клеточников напрягал свое воображение, чтобы представить себе образ человека, которого он сейчас увидит. Как он отнесется к его проекту умереть на террористическом акте? Как он вооб-

ще отнесется к провинциалу, приехавшему в Петербург для мало известной ему самому цели! И что может выйти из этого хорошего?

Но они увиделись, и с обеих сторон исчезла тревога. На лицах обоих появилось выражение взаимного понимания и взаимной высокой оценки. В наружности Клеточникова бросались в глаза две черты. Прежде всего, это был настоящий русский интеллигент, для которого умственный труд является обычным занятием. Вторая черта указывала на отсутствие у Клеточникова низких страстей и склонностей. Таков был Клеточников, и таким определил его с первого взгляда Ал. Дм. Михайлов.

На следующих свиданиях Михайлов знакомил Клеточникова с основными взглядами партии «Земля и воля», с ее деятельностью, а также с некоторыми террористическими фактами, тогда же совершенными.

За это время Клеточников испытал на себе притягательную силу большого характера и стальной воли Александра Дмитриевича. Он почувствовал, что узы его дружбы притягивают его к этому человеку, так мало похожему на обыкновенных людей, встречавшихся ему до того времени, и он стал считать большим счастьем знакомство с А. Д. Михайловым.

Когда последний предложил Клеточникову поступить в III отделение при помощи Кутузовой и сообщил ему план, как завоевать благосклонность этой дамы, то первое впечатление, испытанное Клеточниковым, был испуг.

— Нет! — воскликнул он. — Это невозможно! В это вместилище сыска и чтения в сердцах! Да они прочтут на моем лице, что я поступаю к ним на службу с обманною целью!

Так реагировал Клеточников на предложение Александра Дмитриевича, которому пришлось довольно долго рассеивать страхи своего нового друга.

— Не забудьте, — говорил Александр Дмитриевич, — что эти люди очень ограниченны! У них хватает ума, чтобы сажать людей в тюрьмы. Но никогда им не додуматься, что человек к ним подослан нелегальной организацией, и к тому же рекомендованный родственницей одного из их служащих. В этом вы можете быть совершенно уверсны, иначе мы * не предложили бы вам вступить в эту берлогу.

* Т. е. члены «Земли и воли».

Так успокаивал он Клеточникова, однако последний продолжал колебаться.

— Допустим,— говорил он,— что они меня примут и будут считать за обыкновенного «служащего», но как поручиться за будущее? Может случиться несчастье, которое подведет меня, раскроет мои карты. Они узнают, что я их обманывал, что я подослал их врагами, на пользу которых я работал у них. Тогда расправа со мной будет короткая! Они растопчут меня своими ногами, обутыми в жандармские сапоги! Подумать о такой смерти страшно, мой дорогой друг!— говорил Клеточников.

Оба замолчали. А. Д. Михайлов ждал, чтобы припадок отчаяния прошел у Клеточникова. Когда последний несколько успокоился, А. Д. сказал:

— Не думайте, однако, что мы пошлем вас на убой. Видите ли, существует целая наука, выработанная радикалами последнего времени. Эта наука учит осторожности и называется «конспирацией». Ни в каком случае мы вас не пустим в стан людоедов, не снабдив вас всеми знаниями, которые необходимы, чтобы спокойно играть ту роль, которую мы вам предлагаем.

Понемногу Клеточников успокоился и в то же свидание задал такой вопрос:

— Будут ли члены организации иметь что-нибудь против того, если в случае непредвиденного ареста я на допросе скажу, что работал для них за деньги? Я ведь знаю этих субъектов,— продолжал Клеточников.— Непосредственно сам я не работал с ними, но наблюдал их в то время, когда служил в окружном суде. Я видел их алчность к деньгам. Они не только наживались сами, где могли, но и ценили это качество в других. Я и думаю, что такой их склонностью можно воспользоваться в видах самозащиты. Если при неожиданном аресте я скажу им, что действовал из корыстных видов и за свои услуги получал от революционеров хорошую плату, это будет для них вполне вразумительно. Они не набросятся на меня, как дикие звери, но арестуют и передадут судебной власти, а это не так уже страшно.

С этой аргументацией согласился А. Д. Михайлов, имея в виду, что Клеточников не был членом революционной партии и говорил в качестве частного лица. Свое решение на поступление в III отделение Н. В. Клеточников принял после того, как ему было дано согласие на его отказ от этой службы в том случае, если от

него требуют участия в сыске или совершения предательства.

Денежный вопрос в течение службы Н. В. Клеточникова в III отделении, а с весны 1880 года, после закрытия III отделения, в Департаменте полиции до дня ареста Клеточникова ставился и разрешался несколько раз.

5 или 6 декабря 1878 года Клеточников переехал в меблированные комнаты Кутузовой, где по вечерам происходила карточная игра. Ввиду того что будущий успех Н. В. Клеточникова основывался на его проигрышах корыстолюбивой хозяйке, то естественно, что их оплачивал Ал. Дм. Михайлов из сумм «Земли и воли». В течение месяца он передал Клеточникову около 300 рублей. Зато Кутузова была совсем очарована своим жильцом. Поведения он был самого скромного, вежлив, как хорошо воспитанный человек, и, в довершение всего, проигрывал хозяйке порядочное количество денег.

И так как добрый и благовоспитанный жилец впадал иногда в уныние и жаловался на свою судьбу, не посылающую ему хорошего места, то сердобольная женщина принимала эти жалобы к сердцу и предложила Николаю Васильевичу свою рекомендацию к ее родственнику Кириллову, служащему в III отделении. Словом, все шло, как рассчитывал А. Д. Михайлов. Постоялец Кутузовой был очень тронут любезностью хозяйки и от волнения в этот вечер проиграл ей несколькими рублями больше, чем обыкновенно.

Со своей стороны Кириллов был доволен, когда с рекомендацией Кутузовой к нему явился солидный человек средних лет, университетского образования, служивший прежде в окружном суде. Однако, хотя все преимущества были на стороне Клеточникова, традиции III отделения заставили Кириллова назначить тщательное расследование об искателе места в «почетном» учреждении. Справки наводились довольно долго, и только 25 января 1879 года Николай Васильевич был водворен на службу в III отделение, в канцелярию, которой заведовал Кириллов³.

Окончательно положение Клеточникова в отделении Кириллова решил его прекрасный почерк, ввиду которого Н. В. был назначен переписчиком в канцелярию и в первый же день службы в свое распоряжение получил стол с ящиками, заправившимися на ключи. Назначение в канцелярию в значительной степени успокоило Клеточникова, так как исключало возможность предложе-

ния участвовать в сыске. Назначение переписчиком имело и другую выгодную сторону. Клеточникову давались для переписки важнейшие бумаги. Таким образом он узнавал многое, что оставалось неизвестным его сослуживцам. Ему вручали для хранения наиболее важные секретные бумаги и ключи от хранилищ этих документов. Он и хранил их тщательно, но пользовался этими ключами для получения интересных секретных бумаг в те часы, когда он один оставался в канцелярии под предлогом, что ему тоскливо сидеть у себя в комнате в одиночестве и два лишних часа, проводимые им за работой, помогают ему сокращать тоску одиночества.

В эти тихие часы, когда никто не мешал ему работать, он перечитывал, делал заметки и выписки, которые на свиданиях передавал Ал. Михайлову.

С этого времени Клеточников стал получать сравнительно с начальным довольно большое жалованье, во всяком случае превосходившее его скромные потребности⁴. А. Д. Михайлов передавал однажды в собрании Исполнительного комитета, с какой чисто юношеской радостью Клеточников передал ему первые 50 руб., которые сэкономил на жалованье. Это приводило его в неопикуемый восторг.

Кириллов требовал от своих служащих, чтобы они являлись на службу в сюртуках, притом шитых у одного из лучших портных Петербурга, а так как все служащие, кроме Клеточникова, были семейные люди и им не по силам было оплачивать эту прихоть Кириллова, то он выдавал изредка своим служащим пособия на обзаведение черными парами. Клеточников не исключался при раздаче этих добавочных денег. Но он умел носить свое платье с большой аккуратностью, имея всегда вид, будто одет в обновах, и таким образом мог экономить также на этих добавочных получках. Эта экономия обычно шла через Михайлова на нужды революционной партии.

Вскоре после своего поступления в III отделение Н. В. Клеточников мог отпраздновать большую победу. Дело в том, что из дозосов, поступивших в канцелярию Кириллова, Клеточников узнал о предательстве петербургского рабочего Рейнштейна. Дело заключалось в следующем: в конце 1877 года и в 1878-м петербургские рабочие Степан Халтурин и его ближайший товарищ Обнорский основали в Петербурге чисто рабочую организацию: «Северно-русский рабочий союз». Это была

первая организация в России, основанная рабочим, и «Союз» имел огромный успех. Рабочие со всех фабрик и заводов в Петербурге спешили записаться в «Союз». Халтурин торжествовал. Он уверял, что рабочие организуются одни, без помощи интеллигенции, гораздо лучше, чем при ее помощи. Ал. Дм. Михайлов, который хорошо знал Халтурина, советовал ему не увлекаться такой вредной идеей, потому что русские интеллигентно-революционеры — друзья рабочих, а не враги их, а друзьями пренебрегать — большая ошибка. Но в Халтурине говорил молодой задор, а главным образом — огромный успех «Союза»⁵. И все-таки гибель всей организации, множества петербургских рабочих и самого славного Степана Халтурина приближалась с быстротой грозовой тучи. И только Николай Васильевич Клеточников спас всех. Это случилось так.

Изучая вечером тайные бумаги кирилловской канцелярии, он наткнулся на страшное известие, которое состояло в следующем: в «Северно-русском рабочем союзе» находился рабочий Рейнштейн. Он был очень деятелен, работал изо всех сил на пользу «Союза», вносил в свою работу много энергии и труда, стал ближайшим товарищем и помощником Халтурина и Обнорскому и в то же время вступил в сношения с III отделением, чтоб предать всю организацию. Н. В. Клеточников был ошеломлен. С точки зрения спасения целой массы людей он еще ни разу не рассматривал свою теперешнюю должность. Большая радость на минуту наполнила его сердце. Но он перебрал в своей памяти все пути, чтобы вызвать экстренно Ал. Дм. Михайлова, но не нашел ни одного, а удар мог разразиться тою же ночью. Тогда Клеточников почувствовал себя беспомощным и глубоко несчастным. Но делать было нечего, надо дожидаться завтрашнего вечера, когда назначено свидание. И этот вечер наконец настал. Клеточников увиделся с А. Михайловым и рассказал ему все, что так мучило его в течение суток. А. Д. Михайлов предупредил Халтурина и Обнорского о грозящей опасности. Рейнштейн был вызван по делам «Северно-русского рабочего союза» в Москву, куда и уехал действительно, и был убит в той гостинице, где остановился. Петербургские рабочие узнали, в чем дело; многие тотчас собрались и уехали кто куда. Больше всех пострадал Обнорский. Он не поверил предупреждению, смеялся над советом скрыться на время и был арестован. Долго он сидел в тюрьме, потом

был предан суду, который приговорил его к 10-летней каторге. Что касается Клеточникова, то он испытал огромное счастье от сознания, что ему удалось спасти целую организацию от разгрома, а также удалось спасти жизнь Халтурину, который с тех пор стал жить под чужой фамилией.

Летние месяцы 1879 года явились временем перелома для «Земли и воли». Случилось это не сразу. Давно уже намечалось стремление нескольких членов изменить направление своей деятельности; у них явилось и все более резко обозначалось стремление заменить пропаганду среди крестьянства непосредственной борьбой с правительством. Было бы ошибкой отрицать тот факт, что отчасти новое направление родилось в недрах «Земли и воли» на почве мести царской власти за ее многочисленные казни и за преследования, которым подвергались пропагандисты-народники.

Однако новое направление встречало в самой же организации «Земля и воля» резкое сопротивление и желание сохранить прежнюю программу в неприкосновенности. Ввиду этих расхождений во мнениях появилось желание собраться всем членам «Земли и воли» на съезд, который и утвердит снова прежнюю программу или признает нужным ввести в нее изменения. Таким образом возник Воронежский съезд.

Само собой разумеется, что здесь, в моей заметке, посвященной Н. В. Клеточникову, не может быть места для описания всех сложных явлений, сопровождавших это событие. Достаточно сказать, что Воронежский съезд не отверг борьбу с царской властью, но в общем сохранил старую свою программу. Однако это не могло предупредить назревавший раскол. Уже в августе 1879 года «Земля и воля» распалась на две части: «Народную волю» и «Черный передел».

Основание партии «Народной воли» положили люди энергичные, с большим революционным опытом. В их числе находился и Александр Дмитриевич Михайлов, друг Клеточникова, а также те немногие революционеры, с которыми он познакомил Клеточникова. Поэтому, когда предстояло последнему выбрать себе то или другое направление и товарищей по убеждениям и по работе, то он присоединился к «Народной воле» и стал работать с нею, причем его положение ни в чем не изменилось.

Так шли дела до ареста А. Д. Михайлова 28 ноября

1880 года. С этого времени Исп. ком. «Народной воли» передал сношения с Клеточниковым двум лицам: Баранникову и Колодкевичу⁶. К несчастью, Баранников был арестован 25 января 1881 года. В то время причина этого ареста оставалась неизвестной. В настоящее время известно, что причина состояла в следующем: Окладский, судившийся по процессу 16-ти в 1880 году, желая купить себе свободу посредством предательства, сообщил Департаменту полиции решительно все, что ему было известно из конспиративной деятельности народо-вольцев⁷. Между прочим, он указал один паспорт (на имя Агатескулова), случайно им узнанный в 1880 году, по которому жил Кибальчич. По этому паспорту в начале 1881 жил Фриденсон⁸, на квартире которого и попал в засаду Баранников. Эти аресты были произведены по предписанию градоначальника. Очевидно, что в связи с арестом Баранникова на другой день, 26 января 1881 года, был арестован Колодкевич.

27 января зашла ко мне Анна Васильевна Якимова⁹ в меблированную комнату, где я тогда жила, и предложила мне как можно скорее зайти на квартиру к Н. В. Клеточникову и, если он дома, сказать ему, чтобы он временно никуда не заходил ввиду ареста Баранникова и Колодкевича. Я посмотрела на часы. Было около трех часов. Я сказала, что сейчас бесполезно идти, так как служба Клеточникова кончается в 4 часа, и дала слово, что сделаю все возможное, чтобы увидеться с ним. После 4 часов я заходила три раза на квартиру Н. В. Клеточникова. В третий раз написала записку о том, чтобы до свидания со мной он не заходил никуда. После этого я отправилась в почтовое отделение на Невском, написала открытку на имя Н. В., в которой было сказано, что завтра, 28-го, в 6 ч. вечера, я буду ждать его на Невском около Пассажа, но так и не дождалась его; очевидно, он был уже арестован*.

Между тем, спеша предупредить своих друзей-народо-вольцев о начавшихся арестах, Клеточников побежал на квартиру Колодкевича 28 января и был там аресто-

* Позднее Анна Васильевна Якимова, которая тоже судилась по процессу 20-ти, сказала мне, что в их обвинительном акте было сказано, что после ареста Клеточникова на его имя была получена по почте открытка от неизвестного лица. Судя по сходству почерков, можно думать, что записку писал Желябов. Когда Анна Васильевна узнала, что открытку писала я, мы обе посмеялись над тем, что мой почерк похож на почерк Желябова.

ван. К несчастью, Клеточников не знал своевременно об аресте Колодкевича, так как это сведение не дошло еще до Департамента полиции¹⁰. Кроме того, очевидно, при аресте Колодкевича последний не успел убрать с окна конспиративного знака безопасности. Может быть, ввиду особенной спешности момента наши товарищи стали забывать обязательство пользоваться знаками безопасности или по другой какой-либо причине знаки не находились в порядке ни у Барабникова, ни у Колодкевича*, и последнее обстоятельство привело к гибели и Клеточникова. Он торопился предупредить Колодкевича о грозящей ему опасности. Но было уже поздно. В квартире жандармы поджидали неосторожных посетителей.

Условия ареста Клеточникова были приблизительно таковы, какими они рисовались в его воображении, когда он обсуждал свое будущее положение с А. Д. Михайловым.

Можно себе представить, что он пережил в ту минуту, когда очутился во власти людей, с которыми он когда-то мысленно соединял собственную лютую смерть.

Тогда под влиянием бури, поднявшейся в его сознании, он вспомнил то спасительное средство, которое придумал, когда А. Д. Михайлов впервые заговорил с ним о службе в III отд., и он произнес слова, которые должны были его предохранить от растерзания.

Быть может, Клеточников уцелел бы, если бы не дал свое ложное показание. Но тогда, в момент испуга и потрясения, не было времени обдумывать наилучший ответ, и он произнес слова, первые пришедшие ему на ум. Но, собравшись с мыслями, он пожалел, что унизил себя ложью, и отверг свое показание. Ввиду такого его настроения А. Д. Михайлов и писал товарищам на волю во время суда, что Клеточников ведет себя на суде превосходно и с достоинством.

Клеточников был заключен в Трубецкой бастион, где просидел до суда. Его присоединили к делу народовольцев, арестованных в последнее время, и судили по процессу 20-ти в феврале 1882 года. Приговором он был причислен к группе в 10 человек, приговоренных к смертной казни. Приговор был представлен на усмотрение Александра III, которому понадобилось много вре-

* При приходе с обыском власти, будучи осведомлены о существовании знаков безопасности, старались оставить на окнах все так, как было до прихода их. (Примеч. А. В. Якимовой.)

мени, чтобы решить участь своих врагов. Наконец он определил: Суханову повешение заменить расстрелом, для остальных 9 человек смертная казнь заменится бессрочной каторгой¹¹. Все осужденные были готовы мужественно встретить смертную казнь и знали, что прислужники царя сумеют устроить им каторгу, во много раз худшую смерти. И действительно, Плеве, Муравьев, Ганецкий, Соколов-Ирод¹² и остальные палачи того времени принялись за свое дело не только с большой готовностью, но и с большим умением.

Что касается Клеточникова, то он умер героем. При переводе его в Алексеевский рavelин, во время приема его, смотритель тюрьмы Алексеевского рavelина сказал ему: «Ну, а с тебя взыскания будут строгие». После этого изречения Ирода Клеточникову часто казалось, что положение всех заключенных так зверски плохо вследствие того, что он так жестоко обманул доверие к нему III отделения и Департамента полиции. Перестукиваясь с товарищами, Клеточников говорил им, что ему надо умереть как можно скорее, чтобы им легче жилось в рavelине. Сам он переносил жестокие страдания. Вскоре, вследствие варварского режима в Алексеевском рavelине Клеточников заболел туберкулезом кишок и легких и к тому же прибавилась цинга. Несмотря на тяжкие болезни его, Вильямс (по номенклатуре начальства — доктор в Алексеевском рavelине, на самом деле же один из помощников палачей) не улучшал питание для больного Клеточникова, хотя знал, что обычной тюремной пищи он не мог есть. Клеточников решил уморить себя голодом.

— Ну в таком случае будем кормить силой, — сказал ему Соколов-Ирод.

Тригони в своем описании Алексеевского рavelина пишет: «Когда Соколов увидел, что пища у Клеточникова стоит нетронутая, то приказал жандармам кормить его» *. <...>

Что же следует из моего сообщения об Н. В. Клеточникове? А то, что это был прекраснейший человек, честнейший и великодушный, заслуживший одобрение и дружбу такого строгого и требовательного товарища по революционной работе, каким был А. Д. Михайлов.

Правда, было слабое место в характере Н. В. Клеточникова. Он не был физически смелым бойцом; он

* См. настоящий том, с. 324.

дважды выказал свою слабость. Первый раз при мысли о жандармах; второй раз в действительности, очутившись в их лапах после ареста в квартире Колодкевича; и тогда он произнес ту фразу, которая ему пришла на ум в тот момент, когда впервые А. Д. Михайлов предложил ему поступить на службу в III отделение.

Но храбрость, мужество и доблесть не являются требованиями даже самых строгих и беспощадных законодательств. Им — удивляются, их посетелей восхваляют и поэтизируют, но нельзя тянуть к позорному столбу человека, испугавшегося страшной опасности, но затем оправившегося и ведшего себя вполне безукоризненно с точки зрения революционера. Испуг был единственной причиной того, что Клеточников наклеветал на себя, заявив после ареста, что он якобы работал у революционеров за деньги.

Зато на суде он опроверг эту плохую свою выдумку, которая дала повод для стольких не заслуженных им злых обвинений¹³.

Но с этими незаслуженными обвинениями пора покончить. Они ошибочны и вздорны. И да живет в памяти новых поколений образ физически слабого человека, но самоотверженного друга народовольцев, оказавшего им бесчисленные услуги, замученного насмерть правительством Александра III в Алексеевском рабине.

Л. А. Тихомиров

ПРЕБЫВАНИЕ ХАЛТУРИНА В ЗИМНЕМ ДВОРЦЕ

 До 1879 года Халтурин¹ был известен исключительно своею пропагандистскою и организаторскою деятельностью среди петербургских рабочих. Но в этом отношении он был известен как человек в высшей степени энергичный и умный. Уже в 1878 году (Халтурин появился в качестве революционера в 1873 г.) он пользовался среди рабочих, под именем Степана, популярностью, очень редкою у нас, и заявил себя несколькими организационными попытками на широкую ногу. Основанный им «Северный рабочий союз», считавший сотнями своих членов, продержался недолго, но представлял, конечно, самую крупную у нас попытку чисто рабочей организации. Не менее известна попытка Халтурина создать чисто рабочую газету. Типография ее была основана на средствах и стараниях группы, состоявшей исключительно из рабочих. Из рабочих же состоял весь персонал типографии и редакции. К сожалению, газета, вместе с типографией, была заарестована при наборе первого же номера и не оставила по себе ничего, кроме памяти о попытке чисто рабочей органа, не повторившейся уже потом ни разу.

Под влиянием всех эти неудач, постоянно встречая на своем пути императорскую полицию и политику, разрушающие в зародыше всякое проявление рабочего дела, Халтурин пришел к мысли протестовать посредством убийства царя². Не подлежит сомнению, что эти мысли родились у него так же самостоятельно³, как у Соловьева.

Дело в том, что, задумавши царевубийство, Халтурин стал прежде всего искать средств поближе подойти к царю. Как рабочий, чрезвычайно искусный по своей специальности (столяр), и как человек с огромным знанием в петербургском рабочем мире, Халтурин мог действительно проникнуть куда угодно: и в мастерские, и во дворцы, и в монастыри, и в казармы. Поискав и разнюхавши разные ходы, он действительно попал на какую-то царскую яхту⁴, где нужно было что-то отделывать и лакировать, а Халтурин славился особенно как знаменитый лакировщик и составитель лаков. На яхте он раз видел кого-то из царской фамилии, чуть ли не самого Александра II. Но, самое главное, здесь он зарекомендовал себя искусным рабочим и мог поэтому, посредством ряда рекомендаций, получить место в Зимнем дворце⁵. Само собою разумеется, что рекомендующие лица не имели понятия о том, что Халтурин — человек нелегальный и революционер. Добившись этого важного успеха, Халтурин, как сказано выше, обратился к Исполнительному комитету с предложением взорвать Зимний дворец⁶, может быть, со всем царским семейством. От Исполнительного комитета он требовал помощи разного рода сведениями и главное — снабжения его динамитом. Это предложение, совпадавшее с постановкою Исполнительным комитетом целого ряда других предприятий против Александра II, было, разумеется, принято, и по первоначальным предположениям взрыв дворца решено было ввести, как резерв, в сеть других предприятий. На самом деле вышло, однако, иначе.

Во дворец Халтурин поступил, кажется, около октября 1879⁷ года и первое время, конечно, был занят исключительно разведками в этом новом для него мире. Царь в это время проживал еще в Ливадии, и во дворце по этому случаю все было свободно, без стеснений, без присмотра. Нравы и обычаи новых сотоварищей поражали Халтурина. Прежде всего удивителен был беспорядок в управлении. Распущенность прислуги и страшное повальное воровство сверху донизу превосходили всякое вероятие. Дворцовые товарищи Халтурина устраивали у себя пирушки, на которые свободно приходили, без контроля и надзора, десятки их знакомых. В то время как с парадных подъездов во дворец не было доступа самым высокопоставленным лицам, черные ходы, во всякое время дня и ночи, были откры-

ты для всякого трактирного знакомого самого последнего дворцового служителя. Нередко посетители оставались и ночевать во дворце, так как остаться там было безопаснее, чем идти поздно ночью домой по улицам, на которых усердствовала полиция Гурко⁸. Воровство дворцового имущества оказывалось настолько всеобщим, что даже Халтурин принужден был ходить воровать съестные припасы, чтобы не показаться подозрительным. Впрочем, нельзя было и не воровать: едва ли кто поверит, чтобы у русского царя дворцовые камердинеры получали по 15 р. в месяц, и однако же, жалованье дворцовой прислуги было именно таково!

Халтурин, поступивший во дворец с фальшивым паспортом, в конторе числился крестьянином Олонецкой губернии, и старался разыгрывать роль простяка⁹. Он всюду удивлялся, обо всем расспрашивал. Его учили придворным порядкам, как говорить, как отвечать, как себя держать. Над его неуклюжими манерами, над его притворной привычкой чесать за ухом потешалось все «полированное» лакейство. «Нет, брат, нет! Полировать ты, действительно, мастер, так что блоха не вскочит*, а обращения настоящего не понимаешь». Неотесанному мужику всякий старался пустить пыль в глаза, и из множества рассказов Халтурин скоро познакомился с жизнью даже и верхних этажей дворца. Что касается самого здания, то Халтурин, конечно, скоро с ним вполне ознакомился. С любопытством осматривал он царские покои, видел все эти несметные богатства, видел комнату, где хранятся груды золотых и серебряных вещей и множество драгоценных камней, видел и только удивлялся, почему это все не раскрадено еще: до такой степени небрежен был надзор. Познакомившись с расположением комнат, Халтурин убедился, что подвал, где живут столяры, а в том числе и он, находится как раз под царской столовой, а в среднем этаже, между подвалом и столовой, помещается кордегардия дворцового караула¹⁰. Обстоятельства, таким образом, складывались благоприятно для замыслов Халтурина; но, несмотря на это, он не мог приступить ни к каким дальнейшим действиям, так как в это время во дворце

* Это — высшая похвала полировщику. Значит, если на отполированную им вещь пустить блоху, то она не может вскочить: настолько гладка поверхность, что даже блошиная нога скользит. Рабочие утверждали, что это действительно бывает.

началась усиленная уборка, чистка, вообще — работа. Царь должен был скоро приехать, и во дворце засуетились. Халтурин был завален работою и, как лучший столяр, работал главным образом в царских покоях, в кабинете и т. д., между прочим, и в столовой, которую собирался взорвать. Выходить из дворца было некогда, работать над «своей» работою тоже. В общей сложности вышло, что первоначальный план Исполнительного комитета — превратить дворец в резервный пункт, на случай неудачи в других местах, не осуществился. В Одессе, Александровске, Москве, ко времени отъезда царя из Крыма, все было готово для его встречи. Но дворец оставался совершенно невооруженным*.

Настала середина ноября. Царь выехал из Крыма сухим путем. Одесса, стало быть, осталась в стороне. Затем в Александровске произошла осечка, в Москве промах. Зимний дворец должен был молчаливо принять в свои покон высокого гостя. Но зато, очевидно, с этого момента дворец сосредоточивает на себе все внимание революционеров. Минирование царского жилища, естественно, должно было быть поведено самым энергичным образом. Однако же в это именно время произошел арест Квятковского с захватом у него плана Зимнего дворца, на котором (плане) царская столовая была помечена крестом. Обстоятельство это подвергало страшному риску все дело, а Халтурина, в частности, поставило в истинно каторжное положение.

План дворца, захваченный на такой квартире, заставляет встрепетнуться дворцовую полицию¹¹. Начались строгости. Но хуже всего подействовал крест на столовой. Что он означает? Полиция государственная и дворцовая ломала себе голову и хотя в точности не могла разобрать дела, но не могла не почуять вообще какой-то опасности. Все покои, прилегающие к столовой, сверху, снизу и с боков подверглись осмотру и самому тщательному надзору. Дворцовая полиция была усилена. В подвале, где жили столяры, поселился жандарм. Полковник, заведывающий дворцовой полицией, ввел систему внезапных обысков, дневных и ночных. Халтурин, который уже успел перенести к себе некоторое количество динамита, в первый раз был страшно

* В это время, по словам лиц, сообщивших нам сведения, Халтурин уже был агентом Исполнительного комитета и сношения вел с ним через Квятковского.

встревожен обыском. Ночью, когда уже все спали, двери подвального помещения вдруг отворяются. Полковник, в сопровождении жандармов, быстро входит. Звук шпор, бряцанье сабель, наконец приказание полковника встать — разбудили столяров. Халтурин считал себя погибшим. Не зная еще о систематических обысках, только что введенных, он, конечно, мог отнести ночное посещение только на свой счет. А у него лежал под подушкой динамит... Однако дело обошлось благополучно. Порывшись слегка в вещах рабочих, заглянувши в разные углы, охранители царского жилища с таким же громом, звоном и сверканьем удалились для обыска других помещений, а Халтурин только тут поверил, что он еще не провалился. С тех пор обыски в разное время стали повторяться все чаще. Но так как они большею частью были довольно поверхностны, то Халтурин их еще не очень боялся. Гораздо хуже было то, что обыску стали подвергать всех рабочих, возвращающихся во дворец из каких-либо отлучек. Как при таких условиях переносить на себе динамит? Вообще свободный вход и выход всякой прислуги чрезвычайно стеснили. Все, живущие во дворце, обязаны были постоянно иметь при себе свой значок (медная бляха), отлучки контролировались, возвращающиеся обыскивались. Посещения посторонних стали невозможны¹².

При таких-то условиях нужно было переносить во дворец динамит и устраивать мину. Желябов*, сменивший Квятковского в сношениях Халтурина с Исполнительным комитетом, лихорадочно торопил дело минирования; но оно все-таки подвигалось черепашьям шагом. Не было никакой возможности пронести динамит иначе, как небольшими кусками, каждый раз изобретая разные хитрости, чтобы избежать осмотра или обмануть бдительность осматривающих. С другой стороны, нельзя было и отлучаться из дворца слишком часто. При всем желании покончить наконец с таким мучительным положением, Халтурин мог наполнить свою мину только очень медленно. Впрочем, в сущности, это все и не была мина, потому что, при существующих тогда условиях, Халтурин не мог сделать почти никаких приспособлений для направления силы взрыва. Он сперва держал свой динамит просто под подушкой, испытывая от этого страшные головные боли. Известно,

* По тем же сведениям, переданным со слов Халтурина.

что нитроглицерин — вещество крайне ядовитое, довольно сильно испаряется и отравляет кровь даже через вдыхание этих испарений, производя нервное расстройство и головные боли, которых ничем нельзя облегчить. Потом, когда динамиту набралось много, Халтурин переместил его в свой сундук, заложивши разными вещами¹³. Таким образом, роль мины играл простой сундук. Затем, по совету техников, Халтурин придвинул его возможно ближе к углу между двумя капитальными стенами, чтобы иметь наиболее шансов обрушить столовую¹⁴. Для воспламенения же динамита сразу решено было прибегнуть к трубкам, начиненным особым составом, который мог гореть и при отсутствии воздуха. Само собою разумеется, трубки были рассчитаны на то время, которое требовалось для того, чтобы выйти из дворца, на столько-то минут. Вот и все нехитрые приспособления, какие возможно было сделать. Что же касается помещения мины в стену и т. п., то об этом не стоило даже фантазировать. Риску на каждом шагу и каждую секунду и без того было достаточно.

Вообще, положение Халтурина было самое неприятное. Постоянно следя за собою и за всем окружающим, ему нужно было в то же время тщательно скрывать свое напряженное душевное состояние, казаться беззаботным. Между тем Халтурин от природы человек крайне нервный и впечатлительный. Чахотка, которая у него развивалась все больше, еще усиливала эту нервность, не говоря уже о том, что самое положение, непрерывная опасность, непрерывная хитрость, непрерывный переход от тревоги к надежде,— все это страшно раздражало нервы. Нужно было постоянное напряжение всей силы воли, для того чтобы не выдавать своего волнения и всей внутренней борьбы душевной. Во что обошлась Халтурину эта игра, про то знает только он один. Но, в конце концов, он выдержал роль превосходно. Подозрительность послылась в дворцовом воздухе, всеобщая мнительность готова была привязаться к малейшему обстоятельству. Но Халтурина никто все-таки не заподозрил. Даже жандарм, поселенный в одной комнате со столярами, почувствовал к Халтурину особенную симпатию и все обучал его «благородному обхождению». «Ну, чего ты руки в затылок тычешь,— выговаривал он,— с тобой господин полковник говорят, а ты руку в затылок. Эх ты, деревня! Нужно, братец ты мой, по-благородному»...¹⁵ Жандарм, впрочем, имел свои ви-

ды: он помышлял о приличной партии для своей дочери и остановил выбор на молодом столяре. Халтурин, с своей стороны, не отказывался прямо, хотя и не особенно поощрял намеки старика. Вообще же эта неожиданная история сослужила ему хорошую службу. Впрочем, Халтурина и без того никто не заподозривал. По-прежнему ему поручались работы в царских комнатах. Делалось это, конечно, в отсутствии царя, но однажды случилось, что царь возвратился не в срок, Халтурина не успели вывести, и Александр II неожиданно столкнулся со своим врагом. Это был единственный случай встречи их за все время, но он все-таки показал Халтурину, как далеки во дворце от всяких подозрений относительно его. А между тем разговоры о социалистах (их так называли там) шли между полицией и прислугой постоянно. Жандармы часто напоминали рабочим о злоумышленниках, о плане, найденном у Квятковского, и внушали, что нужно смотреть в оба, что крест стоял на плане даром и во дворце, наверное, где-нибудь кроется измена¹⁶. Эти речи возбуждали всеобщую подозрительность, хотя, надо сказать, социалисты рисовались нижним этажам дворца в довольно фантастическом свете. «Вот хотелось бы взглянуть на кого-нибудь из них,—говорит, напр., один служитель,—хоть бы встретить на улице, что ли!» — «Да ведь как же ты его узнаешь,—возражает Халтурин,—разве на нем написано?» — «Не узнаешь? Эх ты, деревня! Его сейчас видно. Он, брат, идет: так сторонись. Того гляди, пырнет. Ничего не боится, глядит высоко, вид у него отчаянный... Его, брат, сразу признаешь!» По таким приметам, разумеется, нелегко было узнать Халтурина, и он продолжал свое дело при общем доверии, получивши даже к празднику (на Рождество) 100 руб. награды.

А дело уже шло к развязке. Около трех пудов динамиту было перенесено в сундук. По расчетам техников этого казалось достаточно для того, чтобы взорвать столовую, но производя в других частях дворца бесполезного опустошения¹⁷. Вообще, со стороны Желябова, следившего за ходом дела, постоянно сказывалось желание — по возможности уменьшить число жертв. Халтурин, напротив, не хотел этого принимать в соображение. Он доказывал, что число жертв все равно будет огромное. «Человек пятьдесят перебьешь, без сомнения,—говорил он,—так уж лучше класть побольше динамиту, чтобы хоть люди даром пропадали, чтоб на-

верное свалить и самого * и не устраивать нового покушения!» Страшный риск при переноске динамита и постоянно усиливающаяся строгость надзора во дворце заставляли, однако, действительно торопиться. Сверх того, были даже слухи, что столяров переведут куда-то. Мнение Желябова, естественно, в силу обстоятельств, восторжествовало. Решено было действовать при данном количестве динамита, как только представится случай.

Благоприятный случай этот требовал совпадения двух обстоятельств. Нужно, чтобы царь находился в столовой, а Халтурин в подвале — без всякого надзора. В столовой царь обедал ежедневно, хотя с некоторыми колебаниями во времени, так на полчаса раньше или позже. Что касается столяров и жандарма, то их отсутствие зависело отчасти от распределения дежурства в работе, отчасти же от простой случайности. Совпадение всех этих благоприятных условий происходило, однако, не так часто, и когда в начале февраля Халтурин должен был «действовать», то несколько дней испытывал постоянные неудачи. Он в это время каждый день, после времени предполагаемого взрыва, должен был видеться с Желябовым, чтобы сообщать об исходе, так как в случае удачи ему следовало скрыться при помощи Желябова. Они встречались на площади, в темноте, не всегда здороваясь. Халтурин, мрачный и злой, проходил быстро мимо, произнося нервным шепотом: «нельзя было...», «ничего не вышло...» Эти ответы Желябов слышал несколько дней подряд. Наконец, 5 февраля Халтурин, замечательно спокойный, поздоровался с ним и словно фразу из самого обычного разговора произнес: «готово» **... Через секунду страшный грохот подтвердил его слова. Мину взорвало. Огни во дворце потухли. Черная Адмиралтейская площадь стала как будто еще темнее. Но что скрывалось за этою темнотою, там — на другом конце площади?..¹⁸ Ни Желябов, ни Халтурин не могли ждать разъяснений, несмотря на жгучее любопытство. Ко дворцу сходились люди, прибежали пожарные. Что-то выносили оттуда: это трупы и ране-

* Эти сведения передаются в одинаковом смысле со слов и Желябова и Халтурина. Халтурин всегда потом жаловался, что его не послушали и испортили дело.

** Все это передано со слов Желябова, который был, по нашим сведениям, просто восхищен самообладанием Халтурина.

ные. Их казалось ужасно много¹⁹. Но что с самим виновником этой бойни, с Александром II?

Желябов и Халтурин быстро удалились. Для последнего уже готово было верное убежище, насколько, конечно, они вообще существуют в России; и только по прибытии туда нервы Халтурина будто сразу размякли. Усталый, больной, он едва мог стоять и только немедленно справился, есть ли в квартире достаточно оружия. «Живой я не отдамся»,— говорил он. Его успокоили: квартира была защищена такими же динамитными бомбами.

Известие о том, что царь спасся, подействовало на Халтурина самым угнетающим образом. Он свалился совсем больной, и только рассказы о громадном впечатлении, произведенном 5 февраля на всю Россию, могли его несколько утешить, хотя никогда он не мог примириться со своей неудачей и не простил Желябову того, что называл его ошибкой.

А. В. Тырков

К СОБЫТИЮ 1 МАРТА 1881 ГОДА

ое знакомство с народовольцами началось в конце 79 года. Связи с обществом в Петербурге, насколько мне известно, были ограничены. Ближе всего они стояли к учащейся молодежи¹. В этой среде мне, как студенту, и можно было только с ними познакомиться. Большая часть революционной молодежи была захвачена тогда народовольческим течением. «Черный передел» представлял собою скорее партию теоретиков, которая не могла дать сейчас же никакого дела. Пропаганда социализма среди крестьян на почве их туманных представлений, почти мечтаний об общем переделе и праве на землю не могла дать никакого практического результата, особенно взвесив отношение между несколькими десятками, даже сотнями деятелей и теми миллионами, к которым предстояло обратиться с речью, и вдобавок — при отсутствии свободы слова. Лучшее могла бы быть поставлена пропаганда среди рабочих. Но главное-то — политика, борьба с правительством отодвигалась чернопередельцами куда-то на очень отдаленный план². Между тем правительство всем своим режимом не только закрывало перед нами перспективы честной, открытой общественной деятельности, но своими жестокостями — казнями, учреждением генерал-губернаторств — слишком задевало, раздражало и вызывало желание дать ему немедленный отпор. И те, у кого душа болела, невольно шли к народовольцам. На эти элементы их пример действовал очень решительно.

Я не говорю о влиянии того или другого лица. Я не мог бы, напр., сказать, кто именно на меня влиял. Влияли дух партии и вся атмосфера жизни. Народолюбцы слишком ярко выделялись на общем фоне равнодушия или добрых намерений. В их устах весь перечень хороших слов: служение народу, любовь к правде и т. д. — получали могучую силу живых двигателей. В этом причина их личного влияния на молодежь, не знающую компромиссов, ищущую исхода своему непосредственному чувству общности.

Я уже говорил, что при условии конспиративных знакомств с людьми их личные черты не так-то легко открываются. Нужно стоять ближе к делу, чем это было со мной, и дольше работать вместе, чтобы уяснить себе характер и особенности мировоззрения каждого.

Те, кого я знал, были люди трезвые, уравновешенные. В них не было ни экзальтации, ни преувеличенных надежд, но они считали своим долгом вести свою работу, не отступая.

Самым нервным был Исаев. В нем была, может быть, доля излишней возбудимости. Александр Михайлов весь был поглощен своим делом и любил его³. Казалось, он не чувствовал ни тяготы, ни напряжения, а шел свободной, уверенной поступью, как человек, вполне знающий, куда и зачем он идет. Этим объясняется его всегдашняя ясность настроения духа. Сомневаюсь, чтобы он знал моменты острых сомнений и колебаний. Такие люди останавливаются, выбирают, а затем идут, не сворачивая с раз намеченного пути. Из всех, кого я знал, я не замечал ни в ком такой ненависти, какая была у Михайлова и какая еще скрывалась в Перовской. Последний раз я встретился с Михайловым незадолго до его ареста. Приготовления к катастрофе 1 марта уже начались. Заговорили об Александре II и о том, что духовенство старается по-своему объяснить причину неудачных покушений. Михайлов сжал кулак и, опустив его мерным движением на стол, сказал: «Теперь мы, кажется, с ним покончим». В тоне голоса и в глазах, метнувших искры, вылилась вся сила его воли и бесповоротность в решении. Таким я видел Михайлова первый и единственный раз.

Та же ненависть, но с другим оттенком, более обличающим женщину, была и в Перовской, но она не выказывала ее так явно. Это чувство заметно было по ее движениям, по тому вниманию, с каким она следила

за выездами государя. В Михайлове это было сильное, ровное чувство мужчины, в Перовской — более тонкое, острое, глубокое и в то же время порывистое чувство женщины. Она точно мстила Александру II за то, что он оторвал ее от ее спокойной, мирной работы пропагандистки⁴.

Я слышал о Колодкевиче, как о человеке тоже большой нравственной силы, но сам видел его раза два. Я встретил его первый раз у его старых знакомых, людей, по-видимому, прежней формации, от которых пахло не то идеализмом народничества, не то еще чем-то более ранним. Колодкевич был молчалив и сумрачен, с виду даже суров. Хозяйка завела почему-то речь о Рудине⁵ и задала вопрос, возможны ли в настоящее время Рудины и какова была бы их роль. Этот вопрос, обращенный к Колодкевичу, звучал очень странно. Он не стал ей даже отвечать на него, а указал рукой на одного из присутствовавших: спросите, мол, его. Вероятно, подумал: эк, куда хватила. Колодкевич оставил во мне впечатление человека в высшей степени благородного, с характером, и если сурового, то только по отношению к себе.

Из моих воспоминаний о Вере Николаевне Фигнер приведу небольшой эпизод встречи с ней в день акта в университете, когда министру народного просвещения Сабурову было нанесено оскорбление⁶. Идя по Невскому, по направлению к университету, я встретил Фигнер. «Что вы тут делаете? Ведь вам давно надо быть в университете». Я сказал, что мне эта история не нравится, и потому не тороплюсь... «Не нравится?..» — бросила она мне решительно и кратко, повернулась и побежала дальше. У нее всегда был бодрый, смелый вид; гордость женщины соединялись в ней с гордостью бойца; движения были быстры и решительны. Она обладала при этом таким звучным, музыкальным разговорным контральто, что ее речь лилась, как музыка. Такого голоса я никогда не слышал. Низкие, грудные тоны его сообщали характер особенного мужества и глубины всему ее существованию. Все вместе взятое было удивительно красиво.

Баранников был человек совсем особого типа. Красивый брюнет с смуглым цветом лица, с отливом в глазах, какой бывает у южан, росту выше среднего, гибкий и стройный, он любил жизнь, но такую, которая давала бы ему сильные ощущения. Когда у него в кармане оказывались прокламации или вообще какие-нибудь

подпольные издания, он старался от них поскорее отделаться и просил других заняться их распространением. Это дело казалось ему слишком скучным. Зато готов он был быть везде, где чуялась опасность. К опасности он относился очень просто, как к самой обычной вещи, несколько не рисуясь своим пренебрежением к ней. Храбрость и отвага составляли его прирожденные качества. Такие люди не могут выдерживать тюрьмы, и, когда его арестовали, предсказывали, что он умрет без свободы.

Взаимные отношения членов центральной организации не могли, конечно, быть плохими. Все они давно и хорошо знали друг друга. Трудность осуществления той задачи, которую они себе поставили, и способы борьбы требовали дружных отношений. Мелким счетам не могло быть места. Наконец, нравственный подъем духа был таков, что все мелкое само собой исчезало и подавлялось. Всех соединяло чувство духовного братства. Все — мужчины и женщины — были между собой на «ты».

Мое знакомство с радикальным студенчеством и с некоторыми членами партии, не помню теперь, с которыми, перешло в известные деловые отношения. Я начал оказывать партии разные мелкие услуги. Осенью 80 года я принял участие в серьезном деле, именно в подготовительных работах к взрыву 1 марта.

Однажды, в начале ноября 80 года, ко мне зашел Л. Тихомиров и предложил принять участие в наблюдениях за выездами царя. Наблюдениями должны были заняться несколько человек. Тихомиров предполагал пригласить кроме меня Елизавету Николаевну Оловенникову и, кажется, Тычинина⁷. Партия, по его словам, одобрила этот выбор, и дело было за нашим согласием. Мы все трое согласились. Очень скоро было назначено заседание наблюдательного отряда, т. е. кружка лиц, которые должны были наблюдать за выездами царя. На этом заседании присутствовали Тихомиров, Перовская, Гриневицкий, Рысаков, Оловенникова, Тычинин, я и еще студент Петербургского университета С., оставшийся неоткрытым. Рысаков был для некоторых из нас человеком новым. Его познакомили с нами под кличкой «Николай».

Фамилии Оловенниковой и Тычинина скоро стали известны Рысакову, так как в их квартирах преимущественно происходили наши собрания. Меня Рысаков знал или, скорее, должен был знать тоже под какой-то

ключкой. Но как-то раз Перовская по ошибке назвала меня моим настоящим именем, и Рысаков это заметил.

На первом заседании Рысаков вел себя странно: нервничал, смеялся совершенно некстати. Видно было, что ему не по себе, что он волнуется. Я обратил внимание Перовской на его состояние, но она ответила, что это вполне верный человек, что за него ручается Тарас (Желябов). Потом Рысаков вел себя спокойнее, так что речь о нем больше не заходила.

Наш отряд должен был определить, в какое время, по каким улицам и насколько правильно царь совершает свои выезды и поездки по городу. Наблюдения решено было вести каждый день двум лицам, по установленному наперед расписанию. Каждый из двух должен был наблюдать до известного часа, после чего на смену ему выходил бы его товарищ. Пары наблюдателей должны были чередоваться каждый день. Эта система пар с постоянной сменой очереди и порядка имела в виду замаскировать наблюдения. Тихомиров на дальнейших заседаниях не бывал. На нескольких присутствовал Желябов. Он хотел, вероятно, на основании наших слов составить себе более ясное представление о всей обстановке выездов. Заседания отряда происходили раз в неделю. Главная роль принадлежала Перовской, которая записывала результаты наблюдений. Первое время наблюдать было трудно, т. к. не было еще известно, когда государь выезжает, поэтому приходилось дольше следить за дворцом. Но скоро мы определили время и обычное направление поездок. Обыкновенно царь выезжал из дворца около половины второго и направлялся в Летний сад. Он ездил в карете, окруженный шестью всадниками из конвоя Е[го] В[еличества], на великолепных лошадях, очень быстро. Двое из этих всадников прикрывали собой дверцы кареты. Из Летнего сада он или возвращался прямо во дворец, что бывало редко, или заезжал куда-нибудь, без соблюдения правильности. Таков был маршрут по будням. По воскресеньям государь ездил в Михайловский манеж на развод. Путь его лежал обыкновенно по Невскому, а оттуда по Малой Садовой. Время выездов соблюдалось с пунктуальной точностью. Первый из нас наблюдал обыкновенно от дворца до Летнего сада или манежа, второй — от Летнего сада или манежа до возвращения государя домой. По его пути расхаживала многочисленная охрана из каких-то штатских, вероятно сыщиков.

Перовская не только отбирала от нас сведения, но и сама участвовала с нами в наблюдениях. Из манежа царь возвращался домой мимо Михайловского театра по Екатерининскому каналу. Перовская первая заметила, что на повороте от Михайловского театра на Екатерининский канал кучер задерживает лошадей, и карета едет почти шагом. Рассказывая нам об этом на ближайшем заседании, она прибавила: «Вот удобное место!» Для меня ее замечание стало понятно только в день 1 марта. План нападения не всем был известен, так как по требованию конспирации в него не посвящали тех, кому незачем было о нем знать.

Наблюдения продолжались без перерыва приблизительно до двадцатых чисел февраля. Они послужили основанием для определения места закладки мины и нападения метальщиков.

По плану Исполнительного комитета покушение на государя должно было произойти или из лавки Кобозева на Малой Садовой путем взрыва мины, заложенной под мостовую, или ручными бомбами. Местом для нападения был намечен именно тот сворот на Екатерининский канал, на который Перовская обратила внимание. Метальщики должны были выйти на Екатерининский канал к известному часу и появиться в известном порядке, т. е. самая очередь метания бомб была приблизительно намечена заранее. Так, по крайней мере, передавал мне один из метальщиков, Емельянов, с которым мне пришлось познакомиться в первый раз уже в Московской пересыльной тюрьме. Он же говорил, что первую бомбу должен был, согласно очереди, бросить Тимофей Михайлов⁸, а Рысакова предполагали поставить на последнее место, т. е., как говорил Емельянов, ему хотели дать понюхать пороху. Вспоминаю теперь, что Перовская указывала еще на пустынную Екатерининского канала. Здесь, следовательно, представлялось меньше всего шансов задеть взрывом прохожих.

В самый день 1 марта Перовская назначила мне свидание в маленькой кофейной на Владимирской улице; близ Невского, чуть ли не известной теперь под именем «Капернаум». Свидание было назначено в начале четвертого часа. Не помню почему, но в этот день я прислушивался к улице. Вероятно, был сделан кем-нибудь намек, что именно в этот день нужно ждать развязки. К назначенному часу я шел на свидание издали, от Таврического сада. В тех краях еще ничего не было из-

вестно о том, что творится на Екатерининском канале. Но на Итальянской⁹, недалеко от Литейной, я встретил офицера, мчавшегося, чуть не стоя, на извозчике. Он громко и возбужденно кричал, обращаясь к проходившей публике. Я не мог разобрать, что он кричал, но видно было, что человек чем-то сильно потрясен. Я, конечно, понял, в чем дело. Придя в кофейню, я прошел в маленькую заднюю комнату, в которой и раньше встречался с Перовской. Комната эта бывала обыкновенно пуста. Я застал в ней студента С., члена наблюдательного отряда. Он тоже ждал Перовскую. Вскоре дверь отворилась, и она вошла своими тихими, неслышными шагами. По ее лицу нельзя было заметить волнения, хотя она пришла прямо с места катастрофы. Как всегда, она была серьезно сосредоточена, с оттенком грусти. Мы сели за один столик и хотя были одни в этой полутемной комнате, но соблюдали осторожность. Первыми ее словами было: «Кажется, удачно;— если не убит, то тяжело ранен». На мой вопрос: «Как, кто это сделал?»— она ответила: «Бросили бомбы: сперва Николай, потом Котик (Гриневицкий). Николай арестован; Котик, кажется, убит».

Разговор шел короткими фразами, постоянно обрываясь. Минута была очень тяжелая. В такие моменты испытываешь только зародыши чувств и глушишь их в самом зачатке. Меня душили подступавшие к горлу слезы, но я сдерживался, так как во всякую минуту мог кто-нибудь войти и обратить внимание на нашу группу. Студент С., очень скрытный и сдержанный человек, не проронил за все время ни слова.

Перовская передала мне потом маленькую подробность о Гриневицком. Прежде чем отправиться на канал, она, Рысаков и Гриневицкий сидели в кондитерской Андреева, помещавшейся на Невском, против Гостинного двора, в подвальном этаже, и ждали момента, когда пора будет выходить. Один только Гриневицкий мог спокойно съесть поданную ему порцию. Из кондитерской они пошли врозь и опять встретились уже на канале. Там, проходя мимо Перовской, уже по направлению к роковому месту, он тихонько улыбнулся ей чуть заметной улыбкой. Он не проявил ни тени страха или волнения и шел на смерть с совершенно спокойной душой.

По словам Емельянова, Тимофей Михайлов должен был бросить первую бомбу, но он будто бы почувство-

вал себя не в силах это сделать, и у него хватило характера вернуться домой, не дойдя до места. Вследствие этого номера метальщиков перепутались, и около кареты государя первым очутился Рысаков.

Про себя Емельянов рассказывал, что за несколько дней до 1 марта он изучал расположение и внутреннее устройство плавучих прачешен-купален на Екатерининском канале. Он говорил, что, если бы ему пришлось бросить бомбу и его захотели бы арестовать, он постарался бы скрыться в одной из купален, забаррикадироваться и защищаться до последней возможности, так как не намерен был добровольно отдаваться в руки жандармов. Когда Гриневицкий упал, он подскочил к нему, желая узнать, жив ли он и нельзя ли его спасти в суматохе, но было уже поздно. Тогда Емельянов подошел к царю и помог уложить его в сани.

После 1 марта я виделся часто с Перовской. 27 февраля был арестован Желябов, лично близкий ей человек. Сама она, как говорили, была больна все эти дни и с трудом ходила. Она переживала целый ряд крупных потрясений и личных и общественных, но оставалась все такой же тихой, сдержанной и спокойной на вид, глубоко хороня в себе свои чувства. Кажется, 3 марта мы шли с ней по Невскому. Мальчишки-газетчики шныряли и выкрикивали какое-то новое правительственное сообщение о событиях дня: «Новая телеграмма о злодейском покушении...» и т. д. Около них собралась толпа и раскупала длинные листки. Мы тоже купили себе телеграмму. В ней сообщалось, что недавно арестованный Андрей Желябов заявил, что он организатор дела 1 марта. До сих пор можно еще было надеяться, что Желябов не будет привлечен к суду по этому делу. Хотя правительство и знало, что он играет крупную роль в делах партии, но для обвинения по делу 1 марта у него не могло еще быть улик против Желябова. Из телеграммы было ясно, что участь Желябова решена.

Даже в этот момент, полный страшной для нее неожиданности, Перовская не изменила себе. Она только задумчиво опустила голову, замедлила шаг и замолчала. Она шла, не выпуская из нерешительно опущенной руки телеграммы, с которой она как будто не хотела расстаться. Я тоже молчал, боялся заговорить, зная, что она любит Желябова. Она первая нарушила молчание. На мое замечание: «Зачем он это сделал?» — она ответила: «Верно, так нужно было»¹⁰. Не знаю, в этот

ли день или раньше у нее явилась мысль спасти Желябова. Намерение, разумеется, несбыточное, но в Перовской говорила страсть, и, как человек, не привыкший опускать руки, она хотела испробовать все средства. Она искала лазейки в Окружной суд, где должно было происходить заседание суда. Мы искали свободной квартиры около III отделения на Пантелеймоновской. Тут она имела в виду устроить наблюдательный пункт и, вероятно, при выезде Желябова из ворот здания III отделения надеялась организованным нападением освободить его. Не помню, что она еще придумывала. Нигде ничего не устраивалось. Отговаривать ее было совершенно бесполезно,— она все равно стала бы делать по-своему. В этих поисках и суете она хоть немного забывалась. Поэтому я беспрекословно исполнял все ее поручения, ходил с ней всюду, куда она меня вела.

Тогда говорили: «Соня потеряла голову». Она действительно потеряла всякое благоразумие. Ее уговаривали уехать из Петербурга, скрыться куда-нибудь на время. Она никого не хотела слушать. Она вилась, как вьется птица над головой коршуна, который отнял у нее птенца, пока сама не попала ему в когти.

Гельфман, арестованную в Тележной улице, в квартире, где хранились бомбы, я видел чуть ли не накануне ареста, во всяком случае уже после катастрофы 1 марта. Обыкновенно веселая и приветливая, она была пасмурна, расстроена, мало говорила. Я встретил ее у знакомых курсисток, у которых скопилась нелегальная литература. Полиция обыскивала тогда целые дома, особенно населенные студенчеством. Они боялись обыска и хотели сбыть куда-нибудь эту литературу. Гельфман взяла себе весь сверток со словами: «Ну, у меня этого добра так много, что мне все равно». Мы вышли с ней вместе и скоро разошлись. При прощании она крепко пожала мне руку и с тяжелым чувством сказала: «Прощайте! Увидимся ли?»

Я не знал, что у нее в квартире бомбы, и не понимал, почему она волнуется больше других. Помимо этого, она готовилась, как потом обнаружилось, сделаться матерью, и в ней зарождалось совсем новое для нее чувство, которое заставляло ее беспокоиться за себя. При аресте ей пришлось быть свидетельницей сцены первого, торопливого самоубийства Саблина. На суде она вела себя с достоинством, как говорилось в заграничных отчетах. Но она не выдержала потери ребенка.

Я слышал, что к ней в камеру, в Дом предварительного заключения, вошли неожиданно жандармы, взяли ребенка и унесли. Вскоре после этого она умерла¹¹.

Всякий, кто знал Гесю, скажет, что роль террористки была совсем не по ней. Не потому, чтобы террор требовал какой-то свирепости, которой вовсе не было и в других, но все-таки таких простых, самоотверженных и добрых людей, какой была Геся, эта шапка должна слишком давить.

Саблин застрелился, несомненно не желая, а может быть, боясь той нравственной пытки, которая его ожидала в течение всей процедуры следствия, суда и казни. Слишком мягкий, впечатлительный, не только по натуре, но, кажется, и на самом деле художник, он, вероятно, не надеялся на свои нервы. Мне пришлось встретиться с ним у знакомых раза два-три, куда он заходил просто поболтать за стаканом чаю. Человек неглупый, талантливый, остроумный, он, казалось, не особенно обращал внимание на свои способности. Или время и условия его жизни были таковы, чтобы ему невозможно было их культивировать. На нем лежала печать свободной профессии. Я думаю, что только недостаток в людях мог его заставить взять на себя роль хозяина квартиры, где были бомбы¹². Исполнительный комитет с своей стороны, вероятно, руководствовался тем соображением, что Геся Гельфман и Саблин не подвергались непосредственной опасности в качестве хозяев квартиры, которую могли открыть только благодаря оговору.

После 1 марта Исполнительный комитет выпустил ряд прокламаций к крестьянам, рабочим, обществу. Было организовано целое бюро, располагавшее грудой адресов, по которым оно рассылало эти прокламации во все концы и закоулки России. В самом Петербурге прокламации расклеивались на улицах: в центральных кварталах — с обращением к обществу, в рабочих — к рабочим.

В этом бюро работала и Перовская. Как-то она приходит и рассказывает о настроении рабочих, с которыми она вела сношения. Рабочие ей говорили: «Что нам теперь делать? Веди нас, куда хочешь». Перовская была, может быть, и довольна их обращением, но была поставлена в большое затруднение. Что им было в самом деле ответить?..¹³

Не могу не привести еще одного эпизода из универ-

ситетской жизни. Со дня университетского акта, когда министру Сабурову было нанесено оскорбление студентом Подбельским, отношения между правыми и левыми стали очень натянуты. Эта история была делом центрального университетского кружка, организованного в начале 1881 года. Кружок был основан по мысли Исполнительного комитета, должен был объединить революционное студенчество и служить звеном между этим последним и центром. Я не вошел в кружок, так что о его внутренней жизни ничего не знаю, но предполагаю, что Комитет хотел дать возможность этому кружку заявить о себе каким-нибудь крупным для него фактом. Так как в пределах студенческих интересов всегда важное значение имел вопрос об изменении устава¹⁴, то это требование и было изложено в произнесенной с хоров студентом Коган-Бернштейном речи и брошенной им отсюда же пачке прокламаций. В это же время внизу, в зале, студент Подбельский подошел к министру и ударил его.

Враждебные чувства правых и левых поддерживались усилиями правых. Они образовали свой тайный кружок с целью наблюдения за левыми. Факт 1 марта еще более обострил отношения. Консерваторы вели себя вызывающе, часто нахально. Один из них возбудил подозрение, что он не только следит и делится своими впечатлениями с единомышленниками, но идет дальше и сносится с жандармами. Общее настроение было такое возбужденное, что кому-то пришла мысль убить этого студента, как шпиона. Раньше, чем решиться на этот шаг, был составлен совет из нескольких студентов, на котором предстояло решить вопрос, следует или не следует его убивать. К счастью для университета, нашлись голоса против убийства, и вопрос был решен отрицательно.

Сообщаю об этом факте, как принимавший участие в обсуждении вопроса. Центральный университетский кружок, должен прибавить, к этому последнему делу никакого отношения не имел.

В ночь с 13 на 14 марта арестовали Оловенникову, Тычинина и меня, каждого на своей квартире. Аресты производились по указанию Рысакова, но мы об этом не подозревали. У меня обыск был произведен жандармским офицером и полицией в присутствии товарища прокурора окр[ужного] суда Дейтриха, теперь члена Государственного совета, бывшего деятеля в Фин-

ляндии. Обыск производился только в моей комнате (я жил со своими родными). Рылись до 4 ч. утра и ничего не нашли. Жандармский офицер, все время холодно-сдержанный, уезжая, сказал: «Завтра увидимся», подчеркивая каждое слово и сверкнув глазами очень свирепо. Не знаю, каков этот господин был в действительности, но если глаза верно отражали его душу, это было мое первое знакомство с челсвеком-зверем. Меня отвезли в Дом предварительного заключения. Утром позвали на допрос в самом Доме. Допрос был по пустому делу о гектографе, но это пустое дело навело на мой след. Рысаков знал только мое имя и мог дать показание о каком-то Аркадии, студенте Петербургского университета. Совпадение имен в показаниях по обоим этим делам дало повод заподозрить тождественность лица. Были у них и еще кое-какие указания, предполагаю, агентурные, но полученные уже после показания Рысакова.

Часа в 2 дня меня опять вызвали из камеры и на этот раз повезли в Департамент полиции. В Департаменте меня ввели в небольшую комнату, выходящую своим единственным окном во двор, и оставили в ней одного. Стоя у окна, я увидел Рысакова, шедшего по двору из тюремного помещения при Департаменте под конвоем четырех жандармов с шашками наголо. Немного спустя ко мне вошел жандармский офицер и ехидно-вежливо предложил: «Пожалуйста». Меня ввели в длинную комнату, в конце которой за большим столом стояло и сидело человек 8—10. Плева занимал председательское место. Жандармский офицер, почему-то надевший синие очки (потом я видел его без очков), шел передо мной вполупоборот к столу, почти даже задом к нему, близко наклоняясь над моим лицом и заглядывая очень загадочно и вопросительно мне в глаза. Вся эта комедия была очень смешна, но тут же было и нечто другое, от чего меня обдало холодом. По сю сторону стола сидел Рысаков и при моем появлении повернулся ко мне лицом. Когда его еще вели по двору, мне удалось уловить его настроение. Он шел какими-то равнодушными, точно не своими шагами, переводя глаза с предмета на предмет, с мучительным безразличием человека, для которого все счета с жизнью кончены; одним словом, имел такой вид, какой могут иметь люди, когда их ведут на казнь. Но когда мне пришлось остановиться в каких-нибудь двух шагах от него и когда

глаза наши встретились, тут только я увидел весь ужас его состояния. Лицо его было покрыто сине-багровыми пятнами, в глазах отражалась страшная тоска по жизни, которая от него убегала. Мне показалось, что он уже чувствует веревку на шее. Мы молча смотрели друг на друга, а сидевшие и стоявшие наблюдали за нами. Чтобы покончить, разрешить чем-нибудь это напряженное молчание, я сказал: «Этот человек мне незнаком». Тогда жандарм в синих очках увел меня обратно в комнату. Вся сцена очной ставки продолжалась самое большее минуту-полторы. Ждать мне пришлось очень недолго. Меня повели опять, но уже на допрос и предъявили показание Рысакова, в котором он подробно излагал все, что относилось к участию в деле моему, Оловенниковой и Тычиннина.

Первые допросы вел Плевелу при участии Добржинского и жандармской власти. Плевелу вел себя очень важно, но корректно. Он не любил произносить лишних слов. В его холодной замкнутости таилась несомненная сила воли и честолюбивые замыслы создать себе карьеру. В нем было гораздо больше такта и меньше гибкости, чем в Добржинском. Последний был мельче, обладал меньшим чувством своего достоинства, Плевелу никогда не позволил бы себе такой экспансивности, какую допустил Добржинский, когда я наконец признал обвинения, направленные против меня лично, правильными. Добржинский вскочил и стал бегать по комнате, потирая себе руки от радости. Успокоившись, он сел около меня и поздравил: г. Тырков, «ну теперь, ваша песенка спета».

Рысаков оговорил всех, кого знал, за исключением студента С., о котором почему-то умолчал. Прокуратура обещала ему помилование и выудила из него все, что было можно. Несмотря на оговор, у меня не шевельнулось ни разу враждебное чувство к нему. Его состояние, о котором я говорил, исключало возможность предъявлять к нему какое-либо правовое требование. Нападая на центральное лицо в государстве, он сосредоточивал на себе слишком много внимания; слишком многие могли бы его спросить, почему он это сделал, за что он хотел убить, и у него не нашлось бы на это по совести ответа. Революционного прошлого у него не было, т. е. он не прошел тех фазисов психологического развития, которые были пройдены старшими народолюбцами. Не было и достаточной идейной подготов-

ки, и в характере не хватало дерзости. Это был еще совсем юный, добродушный и жизнерадостный провинциал. Вчера — еще просто мальчик в самом разгаре, если можно так выразиться, своей непосредственности, сегодня — цареубийца. И цареубийца непосредственный, сам бросивший первую бомбу. Он видел кровь посторонних людей, пострадавших от его снаряда; на его глазах разорвалась вторая бомба, поразившая государя и Гриневицкого. Он видел толпу, сбегавшуюся к месту катастрофы, у которой был в глазах ужас перед совершившимся и негодование к нему, Рысакову. Когда он очутился в руках следственной власти, она впиалась в него своими умелыми когтями, не давая ему времени опомниться, разобраться хоть сколько-нибудь в той сложной сети ошеломляющих и противоречивых чувств, которые должны были всплыть совершенно неожиданно для него самого. Не только он был испуган собственным поступком и тем положением, в которое он попал, но он, я думаю, не мог даже дать себе хорошенько отчета, как все это с ним произошло. На суде, мне помнится, он говорил, что он совсем не террорист, а мирный деятель. Этим заявлением, наивным с первого взгляда, он не отрицал, конечно, факта метания бомбы, а отгонял от себя и от других мысль, что он может вообще убивать людей. Таким образом, не один только животный инстинкт самосохранения, а более сложный комплекс чувств душили его с такой силой, что лишили его всякого самообладания и бросили целиком во власть чужой воли.

Рысаков был, как говорили, способный юноша, хорошо знал математику. Память у него была очень точная и, вероятно, развитое воображение. В нем ходила какая-то скрытая, не развернувшаяся еще силушка (к его приземистой, широкоплечей фигуре с большой головой это слово вполне применимо), но вся беда в том, что ему слишком рано дали такую ответственную роль.

Когда и как определилась его роль, я не знаю. Если предложение выступить метальщиком было сделано при нем или прямо ему в упор, очень может быть, что, участвуя еще раньше в наблюдательном отряде, он не захотел показаться трусом в глазах Желябова или перед самим собою и принял предложение.

Я остановился на Рысакове потому, что для всякого постороннего человека его поведение должно показаться слишком двусмысленным. Таких людей клеймят

ужасным словом «предатель», и этим исчерпываются все счеты с ними. Мне хотелось показать, какую страшную пытку испытал Рысаков прежде, чем начал говорить, и что, суммируя все обстоятельства, он заслуживает только жалость, а не презрение¹⁵.

Вторая очная ставка мне была дана с Перовской. По правде сказать, не понимаю до сих пор цели этой ставки, т. к. Перовская никаких показаний против кого-либо не давала, а я в то время еще отрицал показание Рысакова. Расчет следователей мог быть только один — уловить игру физиономий. У них вырабатывается особенная наблюдательность и умение играть на неожиданностях. С меня снимали допрос Добржинский и жандармский офицер в синих очках, кажется, по фамилии Иванов. Они сидели друг против друга за одним столом со мной, мешали перекрестные вопросы по делу с веселой болтовней о разных разностях, стараясь придать характер полной непринужденности и беззаботности всему допросу. Я с своей стороны, зная уже показание Рысакова, все время сидел настороже. Вдруг один из них обращается ко мне: «Г. Тырков, потрудитесь обернуться». Оборачиваюсь — передо мной стоит Перовская. Видно было, что она очень много выстрадала за последние дни и утомилась. Поэтому я боялся задержать ее хоть одну лишнюю минуту и поторопился сказать: «незнаком». Ее увели. Дверь, через которую ввели Перовскую, открывалась бесшумно и вела в коридор, устланный ковром. Вероятно, не со мной одним проделывался этот фокус, рассчитанный на эффект неожиданного появления за спиной человека, шаги которого нельзя было вперед слышать.

Прокуратура и жандармы относились с особенной ненавистью к Перовской и Желябову. О Кибальчиче они отзывались сдержанно, без малейшего раздражения, уклоняясь даже от разговора о нем. Он был слишком философ. Он вел себя как человек, стоящий вне партийных страстей, руководствующийся в своей программе общественной деятельности исключительно научным анализом современности. Такое бесстрашие, такое подчинение себя объективным выводам действовали успокоительно и примиряли с ним его противников. Я слышал в тюрьме, вероятно от жандармов, что, когда его арестовали, он сейчас же принялся за свои чертежи и чертил, пока ему не принесли бумаги, прямо на стене камеры. Чертежи касались его проекта воздушной лод-

ки. Его прямо редкое, бросающееся в глаза спокойствие на суде и в течение всех последних дней его жизни было результатом не столько подавляющей в себе волнющие силы, сколько силы обобщающей мысли, принимающей все причины и следствия как нечто неизбежное. Он как будто и себя самого и свою судьбу ставил в ряд той же неизбежной цепи явлений. Один из самых серьезно образованных людей в партии, он стоял в ней, как мне казалось, особняком. Правда, я ни разу не видел его вместе с другими главарями-народовольцами, т. ч. мне трудно судить о их взаимных отношениях. Но во всяком случае он стоял вне конспиративной сутолоки с ее бесконечными свиданиями, толкучкой на т. наз. радикальских квартирах, где можно было всегда застать «радикалье» всех оттенков. Я виделся с ним только у себя и больше нигде его не встречал. Наше знакомство носило чисто частный характер, не было связано ни с какими партийными интересами. Я знал, что он помещает рецензии по философии и общественным наукам. Раз как-то он показывал мне свою статью об общине, где он, помнится, доказывал значение общины как формы, заключающей зародыши высших экономических отношений. Его отношение к делам партии мне было совсем неизвестно, т. ч. я даже спросил Гесю Гельфман о нем. Она мне сказала: «О, он у нас техник». Разговоры наши велись на общие темы. Все это я говорю потому, что пропаганда, агитация, одним словом, возня с отдельными лицами была, как мне кажется, вне сферы его интересов. Смутно помнится, что он переживал тяжелый кризис, стоял на распутье. Не от него я это слышал, а от других. Может быть, после этого кризиса, поняв, что важно каждому человеку самому определять свою дорогу, он не хотел никому внушать своих настроений своим личным, непосредственным влиянием, а может быть, просто он был поглощен другим. Только раз за все время знакомства, уже зимой 81 года, он заговорил со мной о делах партии, именно о денежных ее затруднениях. В Петербурге был тогда наездом орловский или тульский помещик, некто Филатов, теперь уже покойный. Размеры его средств я не знал, но слышал, что средства были. Это был в высшей степени нервный, при этом совершенно сумасбродный человек. Я предложил тем не менее Кибальчичу попытаться счастья получить у Филатова денег. Мы назначили общее свидание, но Филатов денег не дал. Кибальчич потом сказал мне:

«Разве можно с таким дураком дело иметь?!» В обращении у него была простота умного, развитого человека, больше занятого своими мыслями и общими интересами, чем собой и самолюбивыми мелкими счетами. У него была своеобразная привычка щурить глаза и пристально смотреть куда-то в сторону, точно там мерцала какая-то отдаленная точка, на которой он концентрировал свою мысль. В обыденной жизни он был, по всей вероятности, непрактичен, так как та же Гельфман рассказывала мне про него анекдот такого рода. Собралось несколько человек, в том числе Кибальчич, и все были очень голодны. Кибальчич вызвался принести что-нибудь поесть и принес... красной смородины. Гельфман хохотала до слез и все повторяла: «Красной смородины!» Помню, ему нравилась мысль, высказанная в прокламации по поводу чуть ли не Соловьевского покушения. Там говорилось, что Россия обратилась бы в стоячее болото, если бы в ней не появились люди, с таким самоотвержением заявляющие свой протест, что иначе для нее наступила бы нравственная смерть.

Последний раз я видел его после 1 марта. Мы встретились на улице, но долго оставаться вместе находили неудобным. Я спросил его о разрушительном действии мины на Садовой улице, т. е. могла ли пострадать публика на тротуарах и в домах. Он дал мне такое же объяснение, какое давал на суде, т. е. по его расчету сила взрыва не могла распространиться на тротуары. При прощанье он задал мне такой вопрос: «Заметили ли вы, что наши женщины жесточе нас, мужчин?» Не помню, что я ему ответил; мы распрощались с ним... и уже навсегда¹⁶.

В противоположность Кибальчичу Желябов олицетворял собою боевое, наступательное настроение партии. Его имя стало одно время нарицательным, стало синонимом крайнего, не останавливающегося ни перед чем разрушительного направления. Исключительность момента и обстановки, при которой он предстал перед обществом, и некоторые его личные черты могли, пожалуй, пагубить воображение публики. Это мнение о Желябове, раздутое еще известной частью прессы, неверно уже потому, что Исполнительный комитет в своих действиях строго держался меры, отлично понимая, какой скользкий путь представляет из себя террор. Я сам слышал от Тихомирова, что, по его мнению, Исполнительный комитет должен состоять из людей высокоправств-

венных, в чем, разумеется, и могла только заключаться гарантия этой меры.

Желябов был высокого роста, брюнет, с довольно длинной окладистой бородой, красивыми, мелкими чертами лица, небольшими, но живыми, умными глазами. Хороший оратор, живой, деятельный, вероятно, предприимчивый, с умением бить на эффект, когда он считал это нужным — из расчета наделать шуму, заставить людей говорить и думать. На виденной мной гравюре, изображающей процесс 1 марта, Желябов сидит, облокотившись на что-то, вполуоборот к суду, внимательно слушая, подавшись корпусом вперед. В этой позе, знакомой мне и раньше, сказывались напряженный живой интерес, нетерпение, готовность напасть или отразить удар. Его сфера была улица, люди. Он отлично знал, что имеет на них влияние, и это сознание должно было удовлетворять его чувству, вероятно, развитого самолюбия. Я думаю, ему трудно бывало вдвинуть себя в рамки партийной дисциплины. Его натура невольно стремилась подчинить себе окружающих и искала большего простора для своей деятельности, но должна была, если только действительно существовали эти агрессивные стремления, встречать в среде организации отпор со стороны людей не менее сильных, а может быть, более глубоких, чем он. В его глазах я замечал иногда не то радость успеха, не то чувство прилива и расцвета сил. При первой моей мимолетной встрече с ним он произвел на меня очень сильное впечатление. Он передавал чуть ли не свои воспоминания, вынесенные им с юга. Я слышал только несколько конечных фраз, но мне хотелось бы тогда слушать его без конца, такой интерес возбудил он во мне и тем своеобразным освещением, которое он придавал и природе и людям в своем рассказе. Конечно, самое важное было бы вспомнить, что именно он говорил; но я отмечаю этот факт потому, что только даровитые, оригинальные люди способны так сразу захватывать слушателя. Его деятельность была весьма разнообразна. Он выступал на диспутах, происходивших между народовольцами и чернопредельцами; вел, кажется, дело с рабочими; принимал участие в делах центрального университетского кружка и даже помогал составлению самой прокламации, брошенной Бернштейном. Я случайно присутствовал, как посторонний человек, при составлении этой прокламации. Желябов вел себя совершенно как рав-

ный с равными, как товарищ. Несмотря на его такт, в нем была однако какая-то жестокость силы, которая сама неудержимо стремится вперед и толкает перед собой других¹⁷.

Об их казни я узнал нескоро, так как родные скрывали от меня этот факт. Но в тюрьме пронесся смутный слух о ней. Уголовные, разносившие нам пищу и кипяток, как-то шепнули мне: «Сегодня двух казнили». Уже долго спустя один солдат-жандарм, дежуривший при осужденных по делу 1 марта, передал мне кое-что о последних минутах их жизни.

Все они содержались в Доме предв[арительного] заключения, мужчины — в нижнем этаже, в одиночках. Ночь перед казнью один Кибальчич провел спокойно — спал, как всегда. Все другие не спали. Желябов ходил возбужденно по камере. Когда Перовскую вывели во двор, где ее уже ждала позорная колесница, она побледнела и зашаталась. Но ее поддержал Михайлов словами: «Что ты, что ты, Соня? Опомнись». Этот оклик привел ее в себя: она справилась с минутной слабостью и твердо вошла на колесницу. <...>

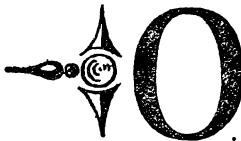

О. В. Аптекман

ОБЩЕСТВО «ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ» 70-Х ГОДОВ

Глава XIV

кончателный раскол в обществе «Земля и воля», состоявшийся осенью 1879 года, развязал руки обеим воюющим фракциям: народо-вольцам (террористам-политикам) и чернопередельцам (народникам). <...>

Не в добрый час родилась организация «Черный передел». Не дал бог жизни ей — и она зачахла спустя три месяца ¹.

Организация «Черный передел» обязана своим возникновением, с одной стороны, энергии *старых* землевольтцев, М. Р. Попова и Г. В. Плеханова, а с другой — новых, принятых на Воронежском съезде бывших землевольтцев — Стефановича и Дейча ². В переговорах с террористами-политиками и в выработке пунктов разделения, когда раскол уже состоялся, участвовали, между прочим, также Стефанович и Дейч. Тем не менее нашу чернопередельческую группу в ссылке почему-то считали исключительно детищем М. Р. Попова и называли ее нередко просто «группой Родионыча». В организацию «Черный передел» вошли следующие лица: Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, Я. В. Стефанович, В. И. Засулич, М. Р. Попов, Преображенский, Козлов, Козлова, Е. Н. Ковальская, Е. Шевырева, М. Крылова, Н. П. Щедрин, Переплетчиков, П. В. Приходько-Тесленко, И. Пьянков, В. Игнатов, Николаев «Егорыч», Короткевич (К-ч), Л. Гартман и пишущий эти строки ³.

Из *старых* землевольтцев оказались: Плеханов, По-

пов, Игнатов, Гартман, Преображенский, Крылова, «Егорыч», К[оротке]вич и я.

Из *новых* землевольцев, принятых на Воронежском съезде, целиком вошла заграничная группа: Дейч, Стефанович, Засулич и Аксельрод. Итого *старых* и *новых* землевольцев оказалось во фракции «Черного передела» тринадцать человек.

Впрочем, Гартман от нас скоро совсем улетел. Подготовляя в Москве подкоп⁴, народовольцы, нуждаясь тогда в рабочих силах, обратились к нам, чтобы мы для этой цели отпустили к ним кого-либо из наших товарищей. Вызвался Гартман. После взрыва 19 ноября 1879 года под Москвой Гартман вскоре эмигрировал. За границей Гартман уже является представителем фракции «Народной воли», которая открыто обращается к нему, уполномочивая его на те или другие действия.

«Егорыч» после Воронежского съезда совсем покинул деревню и уехал со мною в Петербург. Его потянуло в город с неотразимой силой.

«Не могу больше жить в деревне,— заявил мне «Егорыч»,— знаешь: совсем обалдел! Тоска порой берет, хоть ревмя реви!

Хочется поговорить с своим человеком, книжку почитать — совсем одичал! Раз — поверишь ли? — захотелось на нашем языке поговорить, и я обратился к печке и стал говорить с ней, воображая себе, что с своим веду разговор!»

В Петербурге «Егорыч» засел основательно за книжку, читал с разбором и толково, а в свободное время стал заводить знакомство с молодежью. «Егорыч», если читатель припомнит, был сельским писарем в Саратовском уезде, дельный и хороший работник. Прожил он безвыездно в деревне не менее двух лет — и сбежал таки.

К[оротке]вич — народный учитель, тоже в Саратовской губ.

После Воронежского съезда он также перебрался в Петербург и, как вполне легальный, служил посредником между редакцией и типографией. Его оплошности, к слову сказать, я обязан своим арестом. Дело было так. Проходит день-другой, а К[оротке]вич не является в редакцию. Это мне показалось подозрительным.

Я отправляюсь к нему встревоженный, но уверенный в том, что на его квартире меня ничего не ожидает. Ошибся жестоко: там оказалась засада, и меня за-

брали. Кажется, что Е. Шевыреву тоже забрали на этой квартирѣ. Я никак не мог себе объяснить, каким образом я влопался: квартира в конспиративном отношении была хорошо обставлена, сам К[оротке]вич — совершенно легальный человек, знали его квартиры, кроме меня, еще разве двое-трое из нашей организации, а посторонние не ходили на эту квартиру. В Петропавловской крепости дело просто объяснилось: — К[оротке]вича взяли в типографии и, когда его обыскали, нашли в кармане его паспорт, по которому он был прописан.

Из *старых* землевольцев-«деревенщиков», не представших к «Черному переделу», надо назвать следующих: Мощенко, «Титыча», Хотинского и Сергея Андреева *. И эти «деревенщики» после Воронежского съезда побросали деревни и разъехались кто куда: «Титыч» и Хотинский один за другим уехали в конце 1879 или в начале 1880 года за границу. Мощенко был вскоре арестован и административно сослан в Западную Сибирь. В последний раз я с ним виделся в Перми у Сергеевых в 1886 году, возвращаясь из Якутской области.

Сергей Андреев переселился в ноябре 1879 года в Петербург, где он вполне легализовался.

Таким образом, к концу 1879 года из бывших землевольцев почти никого не осталось в деревне. Правда, в Саратовском уезде остался еще Севастьянов (С-ов) и тот семинарист-народник, о котором в своих очерках о крестьянском движении в Саратовской губернии говорит Тан ⁵. Этот семинарист в семидесятых годах близко стоял к «Земле и воле».

Когда «Земля и воля» завела свои деревенские организации в Поволжье, названный семинарист — фамилии его, к сожалению, сейчас не могу припомнить — женился на крестьянке и «вошел во двор». Он, — рассказывали нам, — еще в те времена успел приобрести вес и положение в деревне.

Может быть, в Саратовской или других губерниях застряли кое-где одиночки-землевольцы, которых я сейчас припомнить не могу. Но все-таки это не изменяет положения вещей: одна ласточка весны не делает: дватри землевольца, допустим, даже десяток, рассеянные на «дистанции огромных размеров», не образуют еще революционного *поселения*, революционной *организации*,

* С. Перовская тоже не пристала к «Черному переделу». Она прямо заявила мне, что пристанет к нам лишь в том случае, *если у нас будет работа в деревне*.

как два-три и больше хуторов не образуют деревни или села.

*Землевольских поселений, одним словом, тогда, в конце 79 года, не было уже *: они все распались.*

Таково то деревенское наследие, которое «Черный передел» получил от «Земли и воли». Надо было теперь подумать о постройке новых поселений, на новых началах и с новыми людьми. И эта задача была поставлена «Черным переделом» во главу.

На первых порах надежда улыбнулась нам: в наших рядах уже находились с самого основания «Черного передела» Стефанович и Дейч, испытанные практики-организаторы.

Они, действительно, задумали среди чигиринцев новое дело, на иных основах, чем старое⁷. Мы все ожили. Раз, думали мы, за это дело возьмутся такие люди, как Стефанович и Дейч, успех обеспечен: мы оснуемся в деревне, заложим фундамент, а молодежь и другие живые силы, глядя на нас, пойдут за нами.

Пример заразителен, успех ободряет. Мы еще поборемся. Пусть террористы тревожат правительство сверху, а мы будем наддавать снизу. Так мы мечтали.

Стефанович предложил *предварительно* произвести рекогносцировку на месте. К несчастью, ни ему самому, ни Дейчу, по многим уважительным причинам, нельзя было делать разведки в Чигирине.

Надо было по необходимости послать других людей. Выбор пал на некоего П-ова, близко стоявшего к чернопередыльцам⁸.

Его снабдили необходимыми указаниями и благословили в путь-дорогу.

К сожалению, П-ов был не совсем подходящий для этого человек, что вскоре и подтвердилось. Наши разведчики вернулись из Чигирина ни с чем: военное положение создало, дескать, там, в Чигирине, такую обстановку, в которой сам черт себе ноги сломает. Мы повесили головы. Наши грандиозные планы рушились, лопались, как мыльные пузыри. Неудавшаяся попытка Стефановича создать в Чигирине новую организацию, полное отсутствие у нас в то время людей, способных обосноваться в деревне, подрезали тот народнический сук, на котором мы сидели до сих пор. Деревня ушла

* Терское поселение, о котором я говорил выше, хотя и народническое, но не землевольское⁶.

от нас — и, по-видимому, бесповоротно и надолго. Что же теперь? Что же мы, чернопередельцы-народники, значили без работы в деревне, в народе? Какую силу могла иметь наша пропаганда революционно-народнических идей среди интеллигенции и рабочих, к которым мы по преимуществу обращались, когда *прошлая* наша *революционная* деятельность в деревне *оказалась малорезультатной*, чтобы не сказать больше, а *настоящее* находится только *in spe* *.

Эти вопросы неотвязно преследовали и мучили меня. Да и не одного только меня. Все мы, чернопередельцы, — каждый на свой манер — переживали тяжелое время. Но мои товарищи были сильнее меня и они выдержали внутреннюю борьбу, а я пал сокрушенный.

Мрачное отчаяние овладело мною. Мрачна была моя душа, мрачно и черно было все кругом. Меня страшило наше *банкротство*, которое — я это ощущал тогда всеми наболевшими струнами моей души — вот-вот уже надвигается на нас неотвратно. Я чувствовал, что под моими ногами колеблется почва, пропасть разверзается, готовая проглотить меня, моих товарищей — чернопередельцев, наше народничество, со всеми его гордыми помыслами и высокими стремлениями...

Ни тюрьма, ни ссылка, ни каторга, — даже и смерть не страшна была! Со всем этим мы с давних пор свыклись. Меня, повторяю, страшило наше *банкротство*, *идейное и тактическое*.

Может быть, эти страхи и тревоги были неосновательны и ложны, но они жили во мне, сверлили мой мозг, терзали мою душу. И я заболел: я полетел в Нирвану... Нежное, трогательное, заботливое попечение моих товарищей-друзей вырвало меня из когтей смерти, ножницы Парки счастливо миновали меня. Я стал понемногу поправляться. Когда я стал на ноги, я почувствовал в себе новый прилив сил, я готов был к работе, твердо решил продолжать начатое дело, не уступать, не поступиться ни одною, так сказать, пядью наших воззрений.

Горе, которое я моей болезнью причинил товарищам, мучило меня, печально-укоризненные взгляды (я хорошо помню особенно *такой* взгляд, брошенный на меня невзначай Е. Н. Ковальской) товарищей задели мою гордость и достоинство. И, чтобы оправдать себя перед

* В зародыше, в перспективе (*лат.*).

товарищами, искупить свой невольный грех, я еще больше ушел в работу. А работа наша теперь, после крушения наших надежд на деревню, упростилась. Мы сосредоточили все наше внимание на работе в *городе* — на *пропаганде народнических идей устно и печатно среди интеллигенции и рабочих*.

Как *петербургская* молодежь приняла нас, т. е. меня и «Егорыча», я уже выше говорил. Конечно, были в Петербурге и у нас сторонники, но можно было их считать самое большее — *десятками*, а к пародовольцам шли непрерывно целые толпы молодежи, особенно с 80 года.

Только Москва нас несколько утешила⁹. Там образовалась солидная группа молодежи (кажется, с Я[ковен]ко во главе), послужившая ядром, вокруг которого, в последующие 1½—2 года, как мне передавали, собирались рассеянные чернопередельцы.

Московские чернопередельцы близко принимали к душе наше положение. Они писали нам, чтобы мы поторопились изданием нашего органа, что орган во всяком случае подымет наш престиж в глазах молодежи. Они были очень озабочены составом нашей редакции. Из декларации нашей они узнали, что в числе постоянных сотрудников нашего органа были, между прочим, Стефанович и Дейч. «Что это за литераторы, писали они нам, Стефанович и Дейч? Мы их знаем как первоклассных практиков, а не как литераторов. Совсем особь статья — Плеханов и Аксельрод».

Я почти буквально со слов Преображенского передаю содержание этого письма. Наши московские товарищи, конечно, могли ошибиться насчет литературных способностей Стефановича и Дейча, но нам дорого было их сочувствие и материальная поддержка. Как обстояли наши дела с молодежью в провинции — не знаю, не могу ничего определенного сказать.

Знаю только, что в Киеве работал М. Р. Попов, но насколько успешно — не знаю¹⁰. В Одессе разрывался Л. Г. Дейч.

Он писал нам, что в Одессе с молодежью «тихо», что там ощущается крайний недостаток в работниках, он настойчиво звал меня туда и просил товарищей отпустить меня. Мой отъезд, после нематых пререканий, был уже решен и фиксирован день, как совершенно неожиданно получилась телеграмма от Дейча, чтобы я не трогался с места. Не могу сейчас сказать, отчего произо-

шла такая быстрая перемена. Припоминаю только, что сам Л. Г. Дейч вскоре явился в Петербург. Это было, если память меня не обманывает, в конце декабря. Припоминаю, с какой живостью и рыцарской прямоотой набросился на нас Дейч с укором, отчего мы заснули и двинулись, словно мухи осенние.

Никто из нас не обиделся, так как мы, действительно, тогда, как *организация*, особой подвижностью не отличались. Дейч пробыл некоторое время в Петербурге, оживил нас своей жизнерадостностью, бодростью и энергией, а потом, словно метеор, снова куда-то исчез,— может быть, и за границу. Больше с Дейчем я не встречался.

В Харькове наши дела с молодежью тоже были не блистательны. Плеханов нам негодуяще передавал, что в Харькове сочувствующих нам среди молодежи, собственно, немало, но сочувствие это ограничивается лишь *словами: идти в народ никто не хочет*.

Харьковское народничество чисто платонического характера. Один из старых пропагандистов, близко стоявший к нашему старому ростовско-харьковскому кружку, Серебряков¹¹, развитой и положительный человек, так в разговоре с Плехановым формулировал тогдашнее *настроение* харьковской молодежи: «Теоретически вы (т. е. мы, народники-чернопередельцы.— О. А.) правы, психика (Серебряков произносил «психийка». — О. А.) у молодежи теперь *иная*: она, молодежь, не пойдет за вами, в деревню ее калачом не заманишь». Попутно здесь замечу, что *это* именно настроение молодежи живо схвачено таким опытным и тонким наблюдателем, как Дебагорий-Мокриевич. В своих «Воспоминаниях» он, между прочим, рассказывает, что в Москве ему очень приятно было встретить так много *народнической* молодежи, но его тогда же поразило, как *слово с делом расходилось* у этой молодежи: *идти в народ никто не хотел*¹².

Так обстояли наши дела с молодежью.

О деятельности нашей среди рабочих скажу несколько слов.

После 2 апреля¹³, если читатель припомнит, наш рабочий кружок совершенно провалился. Одновременно с этим потерпел порядочное крушение «Северно-русский рабочий Союз». Сношения же с «Союзом», с момента его основания, у нас велись при «Земле и воле» Плехановым. Уезжая накануне 2 апреля, по постановлению

Совета, из Петербурга, Плеханов передал свои полномочия для ведения сношений с «Союзом» Степану Ширяеву¹⁴. Осенью 79 года Плеханов, вернувшийся в Петербург, уже как чернопеределец, снова возобновил свои сношения с «Союзом». Степан Халтурин, который очень близок был с Плехановым, обрушился на последнего целым потоком упреков. «Человек, с которым ты познакомил меня перед своим отъездом,— говорил он,— был у нас один раз, обещал доставить шрифт для пашей типографии, а потом исчез, и я не видался с ним два месяца. А у нас уже и станок сделан, и наборщики есть, и квартира готова. Остановка только за шрифтом»*. Плеханов оправдывался тем, что Ширяева отрекомендовала организация как весьма дельного и положительного человека, но что, вероятно, какие-нибудь непредвиденные обстоятельства помешали Ширяеву выполнить свои обязательства. Такие обстоятельства, замечу в скобках, действительно были: выезд «нелегальных» из Петербурга пред выстрелом Соловьева, Липецкий и Воронежский съезды и т. д. оторвали Ширяева от возложенной на него миссии. Но — last not least** — прерванные за лето сношения с «Союзом» были снова восстановлены. «Союз» настойчиво просил Плеханова, что, если ему самолично, ввиду обременения его работой, нельзя вести с ним правильных сношений, то пусть отрекомендует кого-нибудь из чернопередельцев. Плеханов собрал Совет чернопередельцев. Собрание происходило на нашей конспиративной квартире, которую я занимал вместе с Приходько. Эта квартира вполне заслуживает это название. Она помещалась в огромном доме, нижние этажи которого были заняты лабазами. Двор сквозной, с воротами на Невский проспект и на Рождественскую улицу. Движение во дворе и через двор было громадное. Подъездов в этом доме было три или четыре. Это во-первых. А во-вторых, наша хозяйка была вполне предана нам. Это была прекрасная, благородная женщина. Судьба прямо послала ее нам, чтобы нас хоть немного утешить в наших тесных обстоятельствах. Ее нашел, если я не ошибаюсь, Приходько, но как — не могу теперь сказать. Это был клад для нас. Народу к нам ходило много, и народу «отчаянного», помимо чернопере-

* Г. В. Плеханов. «Русский рабочий в революционном движении». Издательство «Пролетарнат».

** Последнее по счету, но не по важности (англ.).

редельцев: на этой квартире бывали частенько Л. Тихомиров, С. Перовская и проч. Хозяйка спокойно, с чисто народной выдержкой, следила за всем. Скажу уж попутно, что 3—4 дня после моего ареста была арестована и наша хозяйка. При обыске на конспиративной квартире ничего не найдено. Хозяйка все припрятала и препроводила куда следовало. На допросах этот чудесный человек, эта «простая» женщина держалась с полным благородством. Она, помнится, даже была арестована и просидела некоторое время не то при полиции, не то в Доме предварительного заключения. Ничего от нее нельзя было добиться. Никто на нашей квартире не был захвачен в засаде. Если не ошибаюсь, она была выслана с семьей из Петербурга. Хорошо также, говорят, держался ее муж, который одно время внушал нам некоторые опасения. Но мы его привязали к себе огромной услугой, оказанной нами ему. Он — бывший солдат, совершил какой-то проступок, за который ему грозили дисциплинарные роты. Он бежал и скрылся, дрожа каждую минуту за свою судьбу и за участь своей семьи. Мы его снабдили из нашей «небесной канцелярии» — прекрасным паспортом, с которым он устроился в Петербурге на месте, — если не ошибаюсь, чуть ли не городского. Читатель, я думаю, не посетует на меня, что я уклонился в сторону, вспомнив о нашей квартирной хозяйке. Эта женщина, совершенно нетронутая нашей пропагандой, нашла в своем благородном сердце отзвук на наши революционные стремления, привязалась к нам крепкой народной любовью, пострадала за нас, оставаясь до конца твердой и верной нам! Разве такая женщина из народа не заслуживает нашей благодарной памяти? Возвращаюсь теперь к нашему Совету. Докладчиком был Плеханов. В живой, яркой и сильной речи обрисовал Плеханов наше тогдашнее положение. Мы — народники, но в народе у нас теперь точек опоры нет, *фактически* нет. Деревня — вне нашего революционного воздействия. Мы в этом не виновны. Нас так мало, а новые силы не приливают к нам. Кто виноват в этом? *Nabent sua fata* * — и революционные партии.

Настроение наличных революционных сил молодежи не в пользу систематической работы в деревне. *Настроение* толкает молодежь на другой путь, на путь террористической деятельности. Но мы не должны падать

* Имеют свою судьбу (лат.).

духом. Есть работа и для нас, работа *народническая*. Нас зовут городские рабочие. Разве они не те же крестьяне? Пойдем же в их среду! Для этой работы у нас хватит *своих* сил, а за нами в этой работе пойдет и молодежь. Речь произвела сильное впечатление.

Пойти к рабочим вызвались Н. П. Щедрин и «Егорыч». Они и стали завязывать через «Северно-русский рабочий Союз» сношения с фабричным и заводским населением Петербурга.

Меня, между прочим, познакомили с двумя членами «Союза», покойным Павловым и Гусевым. Знакомство это было в связи с предположением приобщить меня к органу «Союза». Не помню сейчас, кому из них — Гусеву или Павлову — был на следствии предъявлен вопрос о предполагаемом участии моем в рабочем органе. Кстати. С Павловым и Гусевым мы столкнулись в 1881 году в вышневолоцкой пересыльной тюрьме. С ними мы пошли в Якутскую область за неприятные присяги Александру III. В Якутской области бедный Павлов покончил самоубийством в 1884 году, если не ошибаюсь¹⁵. Но я забегаю вперед. Об этом после, на своем месте.

Работа Щедрина («Рыжий», «Кот» тоже) была, к сожалению, прервана в самом начале: чернопередельческий провал в январе 1880 года изгнал Щедрина и других наших товарищей-чернопередельцев из Петербурга, а «Егорыч» был арестован еще до провала. Вообще то была пора, крайне неблагоприятная для всяческих организационного характера начинаний как в среде интеллигенции, так и рабочих.

Интенсивная террористическая борьба усилила донельзя правительственную реакцию и репрессалии. Белый террор беспощадно обрушился также и на рабочих и на не окрепшую еще организацию их — «Союз». Это в первые времена террора вызвало резкий протест со стороны «Северно-русского рабочего Союза». «Он, — говорит Плеханов в своей брошюре «Русский рабочий в революционном движении», — сначала очень неодобрительно относился к новому приему революционной борьбы. — „Чистая беда, восклицал Халтурин, только только наладится у нас дело, — хлоп! шарахнула когонибудь интеллигенция, и опять провалы. Хоть немного бы дали вы нам укрепиться!“»

Но революционный террор все усиливался; усиливался и белый.

Провалы учащались. Выстрел Соловьева довел полицейские строгости до неслыханной степени. Вместе с тем он же указывал, по-видимому, и выход из невыносимого положения. Падет царь, падет и царизм, наступит новая эра, эра свободы. Так думали тогда очень многие. Так стали думать и рабочие. Таким образом, террористическое *настроение* начинало охватывать и рабочих. Сам основатель «Северно-русского рабочего Союза», Степан Халтурин, вскоре самым решительным образом выступает на путь террора. В своем интимном разговоре с Плехановым он высказывается на этот счет весьма категорически: «...смерть Александра II *принесет с собою политическую свободу*, а при политической свободе рабочее движение у нас пойдет не по-прежнему. Тогда у нас будут не такие союзы, с рабочими же газетами не нужно будет прятаться» *.

Степан задумал цареубийство и с этой целью взял место столяра в Зимнем дворце. Не полагаясь на собственные средства, он попросил Плеханова познакомить его с террористами, что Плеханов и исполнил, отрекомендовав Халтурина Квятковскому и Тихомирову, как весьма надежного человека. Дальнейшая революционная карьера и судьба Халтурина известны: террор поглотил и эту мощную личность из рабочей среды, а 22 марта 1882 года он умер на виселице. Со смертью Степана Халтурина окончательно рушилась рабочая его организация — «Союз», созданный им с такими усилиями и жертвами. Когда чернопередельцы стали заводить сношения с «Союзом», а через «Союз» с прочим рабочим населением Петербурга, «Союз», как рабочая *организация*, висел уж на волоске: гибель его уже была близка, а с его гибелью рушились и все наши начинания среди петербургских рабочих¹⁶. Наше собственное крушение только ускорило этот неизбежный, при тогдашних обстоятельствах, крах нашего рабочего дела. Но в результате опять-таки получилось для нас *одно — неудача, неудача*, и опять-таки *неудача!* И так во всем. Но это еще с полгоря — горе настоящее еще надвигалось и было уже близко: готовилось крушение нашей типографии, нашего органа, редакции, со всей организацией «Черный передел».

На типографию у нас ушло немало сил. Сколько бы-

* Г. В. Плеханов. «Русский рабочий в революционном движении». Издательство «Пролетариат», стр. 90.

ло тревог, опасений и страхов, пока приобрели типографию, пока доставили ее в Петербург и устроили ее на месте! На это ушло чуть ли не два месяца, а преданная нам молодежь все не унималась: все приставала с назойливыми вопросами — когда же, наконец, выйдет орган, когда? Я хорошо помню это время и могу сказать, что бывали у нас плохие времена, но такой «страды» мы еще никогда не переживали. Помню этот холодный ненастный день петербургский — не то в начале декабря, не то в конце ноября 1879 года, — когда столь желанная типография наша прибыла наконец. Надо было ее получить с вокзала. Это было поручено Щедрину и Приходько. Я и еще кто-то — может быть, я и Приходько, не помню — должны были тщательно следить в стороне за всей процедурой от момента получения багажа с товарной станции до доставления его предварительно на квартиру Щедрина и Е. Н. Ковальской. Мы должны были выследить, не устроена ли где засада, не гоняются ли за багажом полицейские агенты.

К счастью, все обошлось благополучно во всех отношениях.

В последующие за тем дни типография была разобрана по частям и перенесена, со всеми, разумеется, предосторожностями, в типографскую квартиру. Все, по-видимому, шло хорошо, но вдруг «закавыка». В числе типографских принадлежностей оказалась тяжелая типографская доска, чугунная. Перевезти ее на извозчике, по понятным причинам, было неудобно, а на руках снести тяжело. Никто из наших чернопеределъцев перенести доску, да на такое еще громадное расстояние — из Измайловского (или Семеновского?) полка, где была квартира Ковальской, на Васильевский остров, — не брался. Что делать? Попросили мы «Сергея Андреева» — мужчина он крепкий, — но он попробовал-попробовал на руках да отказался. Вспомнили мы про нашего старого товарища по «Земле и воле», про «Титыча». Этот, решили мы все, выручит. И действительно. Он, не говоря ни слова, пришел на наш зов, завернул доску в толстую бумагу, взял ее под мышку и бережно, словно «ценную картину» или «зеркало», как назвал доску «Титыч», водворил ее без всяких приключений на место. Мы все были очень рады.

Теперь, думали мы, работа пойдет ходко. Типографская группа была организована. В нее вошли: *М. Крылова*, опытная наборщица, работавшая все время в

«Земле и воле» и перешедшая после раскола к «Черному переделу»; рабочий-наборщик (впоследствии предатель и шпион) А. Жарков, из саратовской рабочей группы, принят в «Черный передел» по рекомендации Преображенского и Плеханова; П. Приходько, И. Пьянков и Е. Шевырева.

Теперь дело стало за редакцией. В состав редакции вошел тогда Плеханов и я, как ближайший его сотрудник. П. Б. Аксельрода тогда еще не было в Петербурге, мы его ждали со дня на день. В. И. Засулич, по своей идеальной скромности, уклонялась от редакторских обязанностей, хотя она вносила свою лепту в орган, как прекрасная переводчица писем наших заграничных корреспондентов-друзей и как вдумчивый, стойкий товарищ — своими советами и указаниями. Нам надо было торопиться выпуском первого номера органа. Плеханов должен был написать руководящую, программного характера, статью.

Ему это ничего не стоило. Он на моих же глазах, в моей квартире, с удивительной быстротой написал передовицу. Как теперь я вижу его из моего маленького кабинета сидящим за столом в столовой и пишущим. Четвертушки почтовой бумаги, исписанные его характерным почерком, так и ложились торопливо одна на другую. Меня даже досада взяла.

— Где же мне угнаться за тобою? — воскликнул я, обернувшись к Плеханову.

— Пиши, пиши, Осип, знай не ленись! — раздался мне вслед бодрый и веселый ответ Плеханова.

Дня через два он написал, в дополнение к руководящей статье, другую подробную программную статью. Поразительна легкость, с какой Плеханов писал свои статьи! В нем, тогда еще молодом, самом молодом из всех товарищей наших — ему тогда, полагаю, самое большее было 22 года, — уже крепко сидел завзятый литератор. Поражала меня тогда еще *другая* манера его писания: не корпел он над работой, напишет час-другой — и берется за другую работу, за чтение — научное, литературное и проч.

На мою же долю выпал поистине искус. Совет поручил мне по предложению Плеханова написать статью полемического характера по поводу нашего разделения, т. е. по поводу раскола общества «Земля и воля». Как я ни отказывался, но работа эта мне была навязана. Взялся за гуж, не говори, что не дюж.

Я засел в Публичной библиотеке дней на десять, собрал нужный материал — и в результате этой работы появилось мое «Письмо к бывшим товарищам». Не могу теперь без улыбки вспоминать, как народовольцы интересовались — кто будет писать у нас по поводу нашего разделения. Я, как во времена «Земли и воли», сохранил добрые отношения с бывшими моими товарищами. Когда они от меня узнали, что названную статью (в форме письма) поручено мне написать, они положительно обрадовались: моя полемика их не тревожила, боялись они только Плеханова. Возвращаюсь к редакции. На моей обязанности еще лежала редакция полученных корреспонденций и ведение отдела «хроника». Кроме статей Плеханова и моей, в № 1 «Черного передела» вошла еще большая статья Я. Стефановича под названием «Чигиринское дело» *. Все статьи уже были сданы в типографию. Дело, казалось, наладилось, вот-вот появится № 1 «Черного передела». Мы сгораем от нетерпения и отчасти досады. Ведь № 1 «Народной воли» уже вышел, опередил нас!

У них, у народовольцев, все спорится. Торопим наших типографщиков. Вдруг неожиданное осложнение. В один прекрасный день, в разгар самой работы, приходит ко мне Жарков и просится, чтобы его отпустили домой, в Саратов, на одну-другую неделю: в семье у него что-то неладное творится. Когда я ему указал на то, что с отъездом его работа в типографии значительно затормозится, а этим выход нашего органа может задержаться, Жарков стал уверять, что дело в типографии теперь налажено хорошо и что типографские товарищи сами справятся с своей работой, что, далее, он-де пришел с своей просьбой с согласия последних. Я посоветовался с товарищами, и мы решили отпустить Жаркова, взявши с него слово, что он вернется к сроку. Что стряслось с Жарковым в Москве — об этом после.

Продолжаю рассказывать о нашей редакции и о делах, связанных с ней. В конце ноября или в половине декабря приехал наконец из-за границы П. Б. Аксельрод. Это был для нас праздник, праздник не только редакторской группы, но и всей организации. Нужны бы-

* К статье Стефановича было сделано редакцией примечание, гласившее, что организация «Черного передела», одобряя предприятия Стефановича, как попытку организации крестьянской массы, совершенно не одобряет того авторитарного принципа, к которому апеллировал Стефанович.

ли тогда люди, живые силы,— ох как нужны были! На П. Б. Аксельрода организация возлагала большие надежды. Аксельрод быстро познакомился со всеми нами. Надо было ему спеться, согласиться с товарищами, особенно с редакцией, куда вошел он как член-редактор.

Революционер-семидесятник, Аксельрод в то время, помнится, был более, чем кто-либо из его современников, проникнут духом *западничества*. Может быть, это объясняется его давнишней жизнью за границей и близкими отношениями его к западному пролетариату. За границей он в то время занимался серьезным изучением, теоретическим и практическим, *рабочего движения на Западе*.

Это я слышал от Перовской, которая, к слову сказать, относилась с большим уважением к Аксельроду. В это именно время П. Б. Аксельрод поместил в журнале «Слово» прекрасную статью об английских тред-юнионах¹⁷. Я не могу сейчас припомнить точное заглавие этой статьи, но помню хорошо, что в интеллигентно-радикальной и рабочей среде она произвела весьма благоприятное впечатление.

Все это еще больше расположило нас всех в пользу П. Б. Аксельрода.

Живо припоминаю я теперь наши горячие споры и дебаты по поводу народничества. Чаще всего они происходили между мною и Плехановым, с одной стороны, и Аксельродом — с другой. Помню, как раз Аксельрод не удержался и воскликнул: «Право же в вашем народничестве немало славянофильства!» В результате наших споров оказалось вот что. Аксельрод попросил нас, чтобы мы ему указали народническую литературу, с которой он счел необходимым познакомиться. Аксельрод, со свойственной ему живостью и горячностью, набросился на эту литературу и быстро проглотил ее.

Одновременно с этим Аксельрод стал заводить знакомства среди сочувствовавшей нам интеллигенции. Живой, душевный, всецело преданный революции, он быстро завоевывал симпатии молодежи. О нем в кружках молодежи прямо говорили с восхищением. Я, конечно, несказанно был рад этому: знай, мол, наших!

Как-то вышло — уж не помню хорошенько как, — что Плеханову надо было обязательно уехать в Киев¹⁸. Там действовал среди рабочих наш чернопеределец М. Р. Попов. Возможно, что Попов нуждался в временной помощи Плеханова. Переговорив со мною о делах редакции,

Плеханов попрощался со мною, обещав вернуться дней через десять — пятнадцать. Так я с Аксельродом остался одни в редакции. Редакторские обязанности страшно тяготили меня. Кроме того, на мне лежали еще другие, административного характера, обязанности, связанные с докучливой беготней. Аксельрод тоже был завален еще посторонней работой. А между тем надо было уже подумывать о составлении № 2 «Черного передела». <...>

* * *

Перехожу теперь к самым тяжелым воспоминаниям о «Черном переделе». Если в «Земле и воле» прошла самая светлая полоса моей жизни, то в «Черном переделе» — самая темная.

Если с «Землею и волею» были связаны лучшие мои мысли и самые смелые мои надежды, то уже на пороге «Черного передела» я оставил бесповоротно все это. И не потому, что я тогда был так мрачно настроен, а потому, что наше положение, в силу объективных, вне нас лежавших причин, было с самого начала безнадежно печальное. Я присутствовал при рождении хилого больного ребенка, я был свидетелем, как он все более и более хирел, я видел его агонию и смерть. О страдании и смерти не вспоминают с светлой душой.

В январе 1880 года симптомы летального, по выражению медиков, исхода были уж налицо. Начался уже выезд за границу *главных* членов «Черного передела»; выехали почти одновременно разными путями Дейч, Стефанович, Засулич и Плеханов. Оставаться им дольше в России нельзя было: это значило все равно, что самим им добровольно отдаться в руки правительства. Дело вот в чем. После 19 ноября 1879 года, т. е. после взрыва под Москвою, стал упорно циркулировать слух в Петербурге, что полиция намерена проверить *все* паспорта, по которым прописаны и живут в столице ее граждане. Сначала этому слуху не придавали значения. Но в январе 1880 года мы убедились, что слух этот был совершенно основателен: стал фактом. Встревожились все революционные организации, в том числе, само собою, и чернопередельческая.

В нашей петербургской группе *легальных* было лишь, если не ошибаюсь, *четверо*: я, Приходько, К[оротке]вич и «Егорыч».

Остальные — Плеханов, Засулич, Стефанович, Дейч, особенно лакомые куски для правительства, и прочие наши товарищи были *нелегалны* и жили либо с фальшивыми паспортами, либо с подлинными паспортами, либо по дубликатам¹⁹. К несчастью, у нас паспортов последней категории не на всех хватало: не было их ни у Плеханова, ни у Стефановича, ни у В. И. Засулич. А проверка между тем надвигалась. Созвали совет и на совете решили, чтобы вышеназванные лица немедленно выехали, — если память не изменяет мне, — *на время только* за границу, пока положение дел не выяснится.

Я помню хорошо мое сердечное прощание с Плехановым, с самым близким моим товарищем еще по «Земле и воле». Я помню хорошо также, как я проводил на Варшавский вокзал Стефановича. Была морозная, туманная январская ночь. Мы по дороге молчали. Не до разговоров было. Когда приехали на вокзал, я было хотел сам взять билет для Стефановича, но я не успел оглянуться, как сам Стефанович быстро подошел к стоявшему у кассы жандарму и, вручив ему деньги, важно попросил его взять для него билет до Варшавы, что жандарм с почтением исполнил. «Зачем вы бравитуете, — спросил я потом Стефановича, — разве вы не знаете, что у каждого железнодорожного жандарма имеется ваша фотографическая карточка?» — «Говорят!» — лаконически ответил Стефанович. Когда раздался третий звонок, мы обнялись. Свисток. Поезд тронулся. Я постоял с минуту на платформе, пока поезд, вздохнув глубоко раз-другой, не прошел мимо меня, унося с собою Стефановича, а с ним и последние мои надежды на деревню. Я поплелся домой мрачный, как могила.

Тоска и оброшенность снова охватили меня. Все прощаюсь и прощаюсь! Недавно только попрощался с Плехановым, а теперь проводил Стефановича. Лучшие люди ушли, на время ли, надолго ли — кто знает? — а с уходом этих людей с таким именем, с таким прошлым, как у Стефановича, В. И. Засулич, Дейча и Плеханова, — душа отлетела от нашего общества, от осиротелого «Черного передела». И началась уже агония, смерть казалась неминуемой. То, о чем я сейчас расскажу, что *ближайшим* образом привело к гибели «Черного передела» — только *случайность*, правда, очень роковая для нас случайность. Но и без этой случайности все, все обстоятельства сложились для нас таким образом, что мы неудержимо шли к полному крушению. Против нас,

прежде всего, был тогда объективный ход истории: настроение широких масс народа, не сознавшего себя, как класс, призванный разрушить старый строй и создать новый; настроение революционной интеллигенции и общества, искавших путей к освобождению помимо народных масс. При таких условиях революционная организация, избравшая операционным базисом своей деятельности массы и сообразно с этим строившая свою программу и тактику, должна была уже *á priori* * потерпеть фиаско. *Такой* именно организацией был «Черный передел» — и его постигла участь «безвременья»²⁰...

Были в его организации крупные люди, большие величины — слова нет! — но и они оказались бессильны, и они оказались не ко двору, а потому они, и помимо правительственных гонений, рано или поздно должны были выйти из организации «Черный передел», чтобы развязать себе руки для более сообразной с требованиями обстоятельств деятельности. Конечно, мы тогда этого не сознавали и прали против рожна, — за что и понесли должное наказание: одних изгнало правительство за границу, других забрало в тюрьмы и погнало в ссылку.

Мне остается теперь рассказать о той печальной случайности, которая ускорила нашу гибель и о которой я сейчас упомянул. Случилось поистине глубоко потрясающее событие; убило нас предательство нашего же чернопередельца. Этого, конечно, никто не мог предвидеть и не предвидел. Страшнее этого наказания трудно придумать. Я говорю о Жаркове, ставшем предателем и шпионом. Дело было так.

Получив от нас отпуск, Жарков уехал. Прошло несколько дней, и из Москвы получено известие, что Жарков арестован и арестован при весьма серьезных обстоятельствах: при обыске у него нашли чуть ли не целый чемоданчик с «Народною волею». В те времена за один-два номера «Народной воли», найденные при обыске, арестовывали и грозили серьезным наказанием. А тут еще масса экземпляров, да еще у рабочего-типографика. Дело плохо. Мы считали уже Жаркова погибшим и потерянным для «Черного передела». Он, действительно, погиб, но в другом совершенно смысле. Правительство лезло из кожи, чтобы найти типографию «Народной воли», но все тщетно, а тут уже выросла другая,

* Здесь: заведомо (лат.).

чернопеределъческая, типография. Сыск энергично взялся за свое ремесло. Жарков прибыл из Петербурга, при нем масса «Народной воли», он — типографщик, следовательно, он работал в типографии «Народной воли». Сыск, действительно, предъявил Жаркову такое обвинение. Мало того, сыск пригрозил ему, говорят, смертной казнью. Это вероятно, если принять во внимание, что сыск нередко прибегал к таким угрозам и запугиваниям, особенно имея дело с рабочими. А тут еще поймана птичка, вылетевшая, может быть, из самого опасного и ненавистного правительству гнезда — из «Народной воли».

Прошло еще с неделю. Я сижу в своем кабинете и занимаюсь. Вдруг вбегает Н. П. Щедрин, возбужденный, порывистый, и веселым голосом передает мне, что он сейчас встретился с Жарковым, что он ловко выпутался из беды: его выпустили на волю. Щедрин закончил тем, что Жарков («Александр» тож) хочет-де повидаться со мною, прежде чем пойти на работу в нашу типографию.

В первую минуту я тоже очень обрадовался, но вдруг меня точно молния озарила и я воскликнул: «Николай Павлович, тут что-то неладное: как это «Александра» выпустили, когда он взят с «Народной волей». Это по-дозрительно!»

Щедрин был прямо поражен моими словами, он словно сразу прозрел: «Вы правы: это очень подозрительно! Что же делать?» Мы решили так: Щедрин всячески задерживает Жаркова и под разными предлогами не пускает его ни в нашу типографию, ни на мою квартиру. Я немедленно бегу к М. Н. Ошаниной, народоволке, передаю ей, что Жарков здесь и что надо узнать через народовольческого агента (Клеточинкова) о положении дела. Если не ошибаюсь, в этот же день мы узнали все: Жарков, под угрозой смертной казни, действительно предал нас и теперь находится в распоряжении III отделения. Над нами повисла страшная опасность, и притом *двойная*: Жарков не только знал всех чернопеределъцев, знал и часто бывал на нашей конспиративной квартире, знал помещение нашей типографии, где одно время сам работал, но знал еще многих народовольцев хорошо в лицо, частенько видел их на моей квартире. Стало быть, его шпионство зараз грозило *двум* революционным организациям. Нельзя было медлить. Каждый час был дорог. Решено было устра-

пить Жаркова, и Н. П. Шедрин вошел по этому поводу в соглашение с народовольцами. А пока что мы решили принять всяческие меры, чтобы обезопасить себя от грозящего нам краха. Прежде всего мы бросились искать нового помещения для типографии: мы этим надеялись спасти и типографию, и людей (товарищей).

Но — увы! — мы ничего не успели: Жарков нас предупредил²¹. 29 января 1880 года, если не ошибаюсь, была взята типография наша; арестованы работавшие там М. Крылова, П. Тесленко-Приходько и Пьянков.

В 1881 году, 29 сентября,— скажу уж попутно — дело их разбиралось в петербургской судебной палате. Их приговорили к легкому сравнительно наказанию: на житье и поселение в Сибирь.

Прокурор по этому поводу приблизительно сказал следующее: «Я не настаиваю на тяжком наказании: они — не террористы, хотя и должен сказать, что по своим целям и задачам чернопеределец опаснее народовольцев. «Народоволец» все равно что убийца, который смело врывается в дом и убивает домохозяина, «чернопеределец» же тихо, незаметно, невидимо подрывается под самый фундамент здания, так что в один прекрасный день здание рушится, рассыпается в прах, погребая безвозвратно под своими обломками и домохозяина, и чад его, и слуг его, и все добро».

Умные речи приятно слушать даже от прокурора.

Наши дорогие товарищи действительно могли утешиться: если *тогда* — в 1879—80 годах — их постигла неудача, то во всяком разе они были *предтечами* той великой исторической работы, глубоко-трагические моменты которой мы еще теперь переживаем: рушится старое, строится новое.

О. К. Буланова-Трубникова
ТРИ ПОКОЛЕНИЯ

Глава III

ЖП ервая организация «Черного передела» возникла после Липецкого съезда, благодаря энергии 22 старых землевольцев. Неотложной задачей их было завести собственный орган для пропаганды своих идей, а следовательно, и собственную типографию. Таковая и была поставлена осенью 1879 г., и они лихорадочно готовились к выпуску первого номера, когда, благодаря предательству работавшего у них наборщика Жаркова, в ночь на 20 января 1880 г. ¹ типография с печатавшимся номером была захвачена и арестованы как находившиеся там, так и все другие члены руководящей группы (в России), кроме случайно уцелевшего П. Б. Аксельрода.

Организация была одним ударом разгромлена до основания, но в этот трагический момент Аксельрод, как он сам рассказывает в своих воспоминаниях, «обратился прежде всего к тем молодым товарищам, с которыми уже и раньше поддерживал довольно близкие отношения. На небольшом собрании известных своим сочувствием и преданностью народническому делу представителей молодежи я указал на их долг заменить вышедших из строя и организовать в центральную, руководящую группу» ^{*2}.

В группу «Черного передела», так сказать, второго призыва, входили Мария Клавдиевна Решко, Евгений Козлов с женой Евгенией, рожденной Рубанчик, моря-

* Аксельрод. Пережитое и передуманное, ч. 1, с. 350.

ки: Анатолий Буланов, Сергей Вырубов, И. И. Петров, Н. Н. Лавров, учитель городского училища Алексей Николаевич Ульянов, Евгений Алексеевич Дубровин, студенты университета М. И. Шефтель, К. Я. Загорский, Александр Львович Блок, Н. И. Семенов, студенты-медики В. В. Ченькаев, Н. Н. Лаврентьев, М. М. Симзен, М. И. Уваров *, А. И. Бонч-Осмоловский (помещик Гродненской губ.); студенты-ветеринары Святослав и Виктор Адамовичи Марковские, Переляев Владимир Николаевич, Решко Константин Клавдиевич, студентки сестры Ольга и Мария Трубниковы, Кланг Мария Александровна, Золотарева Надежда Леонтьевна (в замужестве Шефтель) и др.

Выдающуюся роль в группе играли Анатолий Петрович Буланов и Мария Клавдиевна Решко, уже и раньше отмеченные П. Б. Аксельродом.

Из моряков, кроме Буланова, самыми серьезными и преданными делу людьми были Ив. Ив. Петров, до конца жизни (умер в 90-х годах) сохранивший свои юношеские стремления и взгляды; щепетильно честный, ригорист в частной жизни, он обладал нежной и доброй душой и всегда был первым помощником и другом в тяжелые минуты для своих товарищей **, и Н. Н. Лавров, несколько мешковатый, горячий юноша, демократ по своим привычкам и обиходу, он попал в ссылку в Западную Сибирь, где женился на административно-ссылной Орловой; впоследствии, в 90-х годах, служил вместе с моим мужем техником на постройке Рязанско-Уральской железной дороги. Оба они много читали, чего нельзя сказать о других моряках, как Вырубов, Дружинин, Налимов, которые все очень быстро отошли от движения. Вырубов, любивший выпить и кутнуть, в 1882 г. уехал жить в свое имение во Владимирской губ., где стал выдающимся и либеральным земским деятелем, каковым оставался и в качестве члена губернской земской управы, где возглавлял оппозиционную группу земцев против черносотенного губернатора Шалашникова, но после смерти жены, сестры моей Марии, и перехода на государственную службу на видный пост в Варшаву круто порвал с либеральными тенденциями, стал настоящим бюрократом и не позволял даже детям своим под-

* Скончался в Ленинграде в декабре 1927 г.

** Портреты его, Загорского, Переляева, А. Буланова и некоторых других чернопередельцев, равно как и портрет Л. Буланова, переданы мною Музею революции.

держивать связи с прежними знакомыми из опасения повредить своей карьере.

Козловы и Ульяновы, принадлежавшие и к первой группе «Черного передела», были высланы из Петербурга. Е. Дубровин судился за сношение с крепостью и попал на три года в каторжные работы. Александр Львович Блок перешел в «Народную волю», был в ссылке в Западной Сибири *. Ченыкаев, Лаврентьев и Симзен были впоследствии земскими врачами в Саратовской губ., причем только первый сохранил связь с революционным движением. Семенов, талантливый пропагандист, был известным адвокатом в Саратове и депутатом Государственной думы в трудовой группе. Братья Марковские отдались сценической деятельности в провинции.

Шефтель и в особенности К. Я. Загорский, в то время начитанные, образованные и даровитые юноши, представляли литературную силу, и их очень берегли и не пускали заниматься с рабочими. Первый впоследствии стал видным адвокатом-цивилистом, жил богатым барином и вошел в партию кадетов. Благополучно здравствующий ныне К. Я. Загорский отдал себя науке и был профессором Петербургского университета и Политехнического института. Он был особенно близок с моим мужем, с которым их связывали теоретические интересы и запросы умственной жизни.

Студент Переляев был выслан из Петербурга вместе с Константином Решко и продолжал свое образование в Дерптском ветеринарном институте. Там, по инициативе видного народовольца П. Ф. Якубовича, они сделали попытку завести подпольную типографию. Такая была устроена в квартире В. Н. Переляева, был отпечатан № 10 «Народной воли» и должен был печататься № 11, по этому помешала кончина болезненно Переляева от разрыва сердца. Скоропостижная смерть одинокого студента вызвала приход полиции, которая и натолкнулась таким образом на типографию. Конечно, слухи о неожиданной находке быстро распространились по городу и посвященные в дело, в том числе К. К. Решко, благоразумно не показывались на квартиру покойного и избегли ареста.

Мария Клавдиевна Решко, одна из самых ценных работниц, к большому горю близко знавших эту заме-

* Умер в Ленинграде в 1925 г.

чательную девушку, будучи арестована, схватила в тюрьме туберкулез, и хотя матери удалось взять ее на поруки и увезти для лечения за границу, но лишь много времени спустя (по циничному замечанию властей: «она нам более не опасна»). Она скоро умерла в Швейцарии, в Кларане. Она была пропагандисткой по призванию, быстро сходилась с людьми, особенно с молодежью, завоевывала их симпатии и умела группировать их вокруг себя.

В Москве тоже образовался кружок чернопеределцев, куда входили студенты-петровцы, техники и универсанты, в числе их были Ефрон, Анзимиров (Зипка), Ромм, Елизавета Дурново.

При ближайшем участии П. Б. Аксельрода была выработана программа и объяснительная к ней записка, он же руководил и практической постановкой дела³.

В целях санкционирования преемственности и во избежание недоразумений и трений, была делегирована к заграничным членам «Черного передела» (Г. В. Плеханов, В. Засулич, Я. В. Стефанович и Л. Г. Дейч) Евгения Козлова, которая повезла программу и записку, а для окончательного соглашения выехал туда позже и Павел Борисович.

№ 1 «Черного передела» был переиздан за границей, там же вышел и № 2, где была напечатана программа «Петербургско-московской организации» (проект ее в окончательной форме писал Г. В. Плеханов и переслал на утверждение в Россию), с которой редакция объявляла себя вполне солидарной.

Между тем молодым чернопеределцам удалось завести свою типографию, на этот раз в провинции, в Минске. С Минском давно уже существовали связи как у Петербурга, так и у Москвы; и вот один из московских переделцев предложил Гринфесту устроить в Минске типографию «Черного передела». Гринфест обратился к своим близким друзьям, И. Гецову и Левкову, которые и взялись вместе с ним за дело. Гецов изучил совершенно неизвестное ему типографское дело в одной частной типографии в Гродно, через рабочих виленской губернской типографии достали шрифт и наняли в Минске отдельный домик на краю города. В домике было всего две квартиры, в одной жил якобы комиссонер, свой человек, и помещалась типография, а в другой — офицер с денщиком. В минской типографии были напечатаны последующие № 3, 4 и 5 «Черного передела»,

№ 3, 4, 5 и 6 рабочей газеты «Зерно»⁴ и прокламации Северного рабочего союза о стачке и по поводу 1 марта⁵. Работали в типографии Гецов, Левков и Гринфест, а за готовыми изданиями ездил большей частью Анатолий Петрович, а иногда привозил их сам Гецов, так как о местонахождении типографии знали и в организации лишь несколько человек. Номера большей частью привозились ко мне на квартиру. Анатолий Петрович, поехав за очередным номером, рассказывал, что в Минске царят совершенно патриархальные нравы. В квартире, где печатается газета, живет офицер-жилец с денщиком, которому квартирохозяева, они же типографщики, без дальних околичностей запретили входить в свои комнаты, и это несколько не казалось подозрительным. Далее, к ужасу своему, Анатолий Петрович увидел, что мальчишки на улице запускали бумажного змея из испорченных листов того же «Черного передела». Минская типография, однако, просуществовала довольно долго и была обнаружена в декабре 1881 г. не местными властями, а в связи с московскими арестами среди чернопередельцев. Типографщики, впрочем, успели все благополучно скрыться.

В № 3 появилось заявление прежних издателей «Черного передела», так сказать, официально передававших ведение органа в руки молодой группы, еще раз подтверждая свою с ней полную солидарность.

В дальнейшем заграничные передельцы, в лице Плеханова, Аксельрода, Засулч, Стефановича и Л. Г. Дейча, продолжали пребывать в непрерывном общении с петербургскими: вести эти сношения входило в обязанность мою и сестры, равно как и добывание средств, что мы делали довольно успешно, пользуясь своими разнообразными знакомствами и связями. Редакционная работа лежала на А. П. Буланове и студентах К. Я. Загорском и Шефтеле. А. П. Буланов, кроме редакционной работы в «Черном переделе» и созданной им рабочей газете «За кого царь»), где он иногда единолично писал весь номер, с горячим энтузиазмом отдавался пропаганде среди рабочих, которой он придавал первостепенное значение и которую вел с особым успехом; в ней же работали Лавров, Вырубов, братья Марковские, Блек⁶.

Но ни неукротимая энергия, ни беззаветная преданность его работников не спасли «Черного передела». Немногочисленные ряды партии редели, не пополняясь но-

выми адептами; аресты выхватывали самых деятельных, незаменимых членов, средства иссякали. В частности, после ареста Марии Решко, ее брата, Уварова и др. на оставшихся свалилась совершенно непосильная работа, они буквально разрывались на части.

Дошло до того, что когда летом Анатолий Петрович привез из Минска очередной номер, то его негде было сложить, и мне пришлось увезти чемодан со свежее испеченными листами в подгородное имение моей тетки, Поповку, где я жила летом, постоянно наезжая в город. При этом чуть не произошел провал. Работник, приехавший в город на лошади, чтобы перевезти мои вещи, в числе коих я положила и чемодан, считая это менее рискованным, чем перевозка по железной дороге, на беду обронил его на пути. Можно себе представить, как я волновалась, узнав о пропаже и не решаясь организовать поиски. К счастью, кто-то из соседних крестьян поднял на шоссе злополучный чемодан и, благодаря популярности моей тетушки, доставил его в целости и сохранности в Поповку.

Одно время возлагались надежды на Московскую организацию, но поездка Анатолия Петровича туда выяснила, что и там почти никто не уцелел.

В конце лета 1881 г. перед многими встал вопрос, как быть дальше, так как становилось ясно, что с такими силами вести дело невозможно — надо или слить оружие, или слиться с другой организацией.

Надо сказать, что в то время не было совершенно враждебных отношений между социалистическими партиями. Обе партии — чернопеределъцев и народовольцев — так недавно еще составляли единую организацию, еще вчера работали плечо к плечу друг с другом, наконец, личные дружеские, братские отношения связывали большинство действующих членов, нередко вышедших из того же известного кружка чайковцев⁷. В особенности это замечалось в занятиях с рабочими, при пропаганде среди которых тщательно избегали проявлять фракционные разногласия интеллигенции, так что, как мне передавал В. С. Панкратов⁸, рабочие чаще всего не знали партийной принадлежности пропагандиста. Нередко также при отъезде, аресте или по другим причинам чернопеределъцы передавали рабочих народо-вольцам и обратно. Все это облегчало переход в другую организацию. Желябов еще в 1880 г. уговаривал нас сделать это, но тогда чернопеределъцы надеялись со-

хранить свою самостоятельность. Теперь же не приходится и мечтать об этом.

Независимо от этого, надо признать, что за это время, в особенности после 1 марта, у многих чернопередельцев произошел большой сдвиг в сторону политической борьбы и народовольчества вообще. Наиболее полное отражение сдвиг этот нашел себе в № 4 «Черного передела». В передовой хотя и признается самой целесообразной формой борьбы «организованный, систематический аграрный террор», но дальше указывается на значение террора политического и следует такой хвалебный гимн ему, что в № 5 редакции пришлось специально оправдываться по поводу такой ереси⁹. Передовицу эту писал А. П. Буланов, а статья по поводу 1 марта в том же номере, написанная К. Я. Загорским, еще резче и без всяких оговорок обнаруживает тяготение к политической борьбе, и автор ее всецело стоит на идейной почве народовольчества.

Вопрос о слиянии партий возникал перманентно, теперь же, при организационной слабости чернопередельцев, приходилось говорить о присоединении к «Народной воле». Приезд Стефановича из-за границы еще ускорил дело, и в сентябре 1881 г. часть чернопередельцев так и поступила, видя в этом шаге единственный исход и обставив свой переход некоторыми условиями¹⁰.

Оставшиеся выпустили еще № 5 «Черного передела», а затем, в декабре, минская типография провалилась, работавшие в ней эмигрировали, печатание органа прекратилось, а с ним вместе прекратил свое существование и сам «Черный передел»¹¹. <...>

М. Н. Тригони

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ АЛЕКСЕЕВСКОМ РАВЕЛИНЕ

 После объявления приговора в окончательной форме всех нас из Дома предварительного заключения перевезли в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. В Доме предварительного заключения я заболел тифом, и как раз в то время, когда врач Гарфинкель был у меня в камере и, измеряя температуру, говорил, что он меня сейчас переведет в больницу, вошел в мою камеру жандармский подполковник Домашнев с жандармами и попросил меня «потрудиться» одеться, чтобы увезти из Дома предварительного заключения. На протест врача, что у меня тиф и что он переводит меня в больничную камеру, Домашнев не обратил внимания и увез меня. О немедленном увозе всех из Дома пр[едварительного] зак[лючения] хлопотал управляющий Домом, так как пребывание наше в Доме предварительного заключения он считал для себя слишком ответственным.

Перевезли нас 15 февраля и в Трубецком бастионе держали более месяца.

По «процессу 20-ти», как известно, было десять смертных приговоров. Суханова расстреляли, остальным заменили смертную казнь пожизненной каторгой¹. На эту замену, как говорили, немалую роль влияния оказало письмо Виктора Гюго к Александру III². Но приговоренным к смерти «помилование» это объявили не ранее, как продержав с месяц, так сказать, под виселицей. В ночь на 28 марта я был разбужен шумом. В камеру мою вошел жандармский штаб-ротмистр Соколов («Ирод») в сопровождении смотрителя Трубецкого ба-

стиона Лесника, толпы жандармских унтер-офицеров и присяжных. Подошедши к моей постели, Соколов сказал: «нужно одеться». Одев серую суконную арестантскую куртку и такие же штаны, мне подали шапку. (Спустя несколько дней после ареста нас всех одели в арестантское платье, в котором мы ходили до суда. Только во время судебного процесса нам выдали собственное платье). «А в шубе нет надобности, здесь близко», — сообщил Соколов. Действительно, было близко.

Спустившись с верхнего этажа и пройдя через здание, где заседают комиссии и дают свидания, мы вышли в проулок монетного двора. Здесь два жандарма взяли меня под руки так, чтобы я чувствовал, и затем, окружив плотным кольцом конвоя, этот кортеж, предшествуемый Соколовым, двинулся вперед.

Миновав монетный двор, Петропавловский собор, прошли через небольшую площадь, деревянный мост и свернули налево к воротам, в которых предупредительно раскрылась калитка и, пропустив нас, тотчас захлопнулась. Это был Алексеевский рavelин. Мы вошли в крытый, сделанный в самом здании сводом проход, где стояли часовые, прошли шагов с десять, повернули направо, поднялись по нескольким ступенькам и вошли в коридор, в котором виднелся по правую руку ряд дверей и ходил часовой. Когда мы завернули в другой коридор, Соколов остановился, сказав «здесь», и мы вошли в камеру. Подвергнув меня тщательному обыску, подали белье, халат и обувь.

Белье прекрасное из тонкого холста, черный, новый, удобный суконный халат, а обувь — полуботинки — даже щегольская. Одежду, которая была раньше на мне, унесли. «Все, что следует, получится в свое время, звонков здесь не полагается, перестукивание и всякий шум не допускается, лампа должна гореть в течение всей ночи, и тушить ее не разрешается», — сказал Соколов, и все вышли. Дверь закрылась, и замок щелкнул. Тотчас по уходе Соколова послышался стук в стену, и я узнал, что соседями моими были с одной стороны Мартын Ланганс, а с другой Николай Морозов³. Далее Морозова сидел Фроленко, а по другую сторону Ланганса находился Клеточников.

Я оглядел свое новое жилище. Довольно высокая, почти квадратная, аршин 9 длины и 8 ширины, камера была окрашена в желтый цвет. Как раз против двери, на противоположной стороне было окно, размерами сво-

ими напоминавшее обыкновенные окна жилых помещений; с внешней стороны окна была железная решетка. Стекла были чем-то покрыты, вроде матовых. Против окна стоял дубовый стол, на котором горела маленькая керосиновая лампочка. Близ стола стоял дубовый стул. Направо от стола деревянная кровать с матрацем, подушкой, простыней и сильно потертым тонким шерстяным белым одеялом.

Было уже поздно, и мне хотелось спать. Приподняв одеяло и простыню, чтобы оправить постель, меня всего передернуло. Матрац представлял из себя наглядную летопись человеческих страданий. Ни одного живого места! Ткань, покрытая пятнами всевозможных цветов и оттенков, превратилась как бы в пергамент.

Ровно в 7 часов утра принесли воду для умыванья (умывальники металлические поставили впоследствии), вынесли стульчак и дали чай. Здесь же, конечно, присутствовал Соколов. Без него никто никогда не входил в камеру.

При дневном свете стало видно, что нижняя часть стены приблизительно на 1 аршин высоты от сырости покрылась белой плесенью. В верхнем стекле был вставлен маленький жестяной вентилятор, но он бездействовал. Подойдя к окну, я заметил в одном из стекол светлую точку величиною с булавочную головку. Я прищипнул глазом к этой точке и увидел часового, ходившего перед окнами.

Немного поодаль, саженьях в 4-х, виднелась казарма, где помещались жандармы, несущие караульную службу. Более ничего не было видно. На подоконнике стояла маленькая деревянная икона с изображением Христа и надписью: «Прийдите ко мне все труждающиеся и обремененные, и Аз упокою вы». На стенах камеры на желтом фоне кое-где белели пятна. Это тщательно выскобленные места надписей прежних обитателей этого жилища. Благодаря сырости, горевшей в течение всей ночи лампе и отсутствию вентиляции воздух был испорчен. В камере было холодно. Могильная тишина нарушалась звяканьем шпор ходившего в коридоре, по полувику, часового. По временам приподнимался клапан. Клапаном прикрыто стеклышко для наблюдения. Оно величиною в пятипальцевый, вделано в дверь в уровень человеческого роста.

Дежурные унтер-офицеры должны наблюдать и днем и ночью. Людей с расстроенными нервами, что бывает

почти у всех, находящихся в одиночном заключении, эти наблюдения доводят до последней степени раздражения. Вам удалось на минуту забытья. В это время подкрадывается к двери неслышными шагами дежурный, для чего некоторые надевают валенки даже летом, и устремляет на вас глаз. Если вы сидите спиной к двери, то иной не ограничится заглядываньем, а щелкнет клапаном. Это ударит вас по больным нервам, что хорошо знает наблюдающий, и некоторые из них делают это умышленно. Вплоть до обеда я проходил из угла в угол по камере. Обычное времяпровождение в одиночном заключении, когда не дают книг и когда здоровье позволяет ходить. В 12 часов послышалась изо дня в день повторяющаяся, однообразная мелодия на курантах Петропавловского собора, и почти в то же время принесли обед. Стол был накрыт белой скатертью, положена салфетка и массивная серебряная ложка. На стол был поставлен полный обед, состоящий из нескольких блюд.

Благодаря раннему часу есть мне не хотелось, и я, обратившись к Соколову, сказал: «Если ужина здесь не полагается, то я прошу не приносить мне всего обеда, а одно из блюд оставлять мне на ужин и давать вечером». Соколов, не моргнув глазом, издал звук «пст» (так он подзывал жандармов) и сказал: «Номеру первому (под этим номером я значился) не подавать полного обеда, а оставлять одно блюдо на ужин». Во время раздачи обеда мы считали число камер, куда занесут обед, чтобы определить число находящихся в рavelине. Но это нам не вполне удалось. Несколько камер находились в совершенно отдельном коридоре. По «процессу 20-ти» переведены были из Трубецкого бастиона в Алексеевский рavelин: Лапганс, Клеточничков, Тетерка, Баранинков, Аропчик, Исаев, Александр Михайлов, Колодкевич, Фроленко, Морозов и я. Кроме того, был там Мирский, и вскоре привезен был Поливанов.

На прогулку нас не вывели. Вечерний чай дали около 7 часов вечера. Так закончился первый день пребывания нашего в Алексеевском рavelине. В воскресенье утром, т. е. в день пасхи, Соколов вошел в камеру с увеличенным штатом жандармов, причем каждый из них держал на руках что-нибудь. Это мне напомнило одевание архиерея перед богослужением. Я еще лежал в постели. «Нужно встать, чтобы остричься и одеться»,— обратился ко мне Соколов. В рavelине как на этот раз,

так и впоследствии стрижка была самая примитивная. Первому дежурному унтер-офицеру приказывал Соколов брать ножницы и стричь, и он стриг, вода ножницами прямо по коже, без гребенки. Однажды кто-то заметил Соколову, что он должен стричь под гребенку. Соколов приказал жандарму взять гребенку. Тот действительно взял гребенку в левую руку и держал ее все время в руке, не касаясь головы, а правой рукою продолжал свое дело. Бороды и усов не стригли и не брили. Покончив со стрижкой, поднесли из какой-то дерюги ветхую рубашку и нижнее белье, старые штаны с прорезами для кандалов, суконные дырявые портянки и старые коты (башмаки) несоответственных размеров с веревочками, которыми нужно было привязывать башмак к ноге. Несомненно, все эти вещи были изъяты из употребления за негодностью в какой-нибудь уголовной тюрьме и доставлены по заказу в равелин. Наконец, подали повенькую куртку из серого сукна, рукава которой и туз на спине были сделаны из черного сукна, и положили серую арестантскую шапку, на которой во всю ширину дна был нашит из черных суконных полос крест. Затем положили на стол кусок черного хлеба, немножко творогу, кусок белого хлеба, долженствующий знаменовать собой кулич, и поставили кружку квасу. Перед выходом из камеры Соколов сказал: «Здесь не полагается ни прогулок, ни чаю, ни книг». По уходе Соколова Ланганс простучал мне, что Соколов выговор Клеточникову за перестукивание закончил словами: «Ну, а с тебя взыскания будут строже». С этого дня обеды и ужины начали нам давать такие, которые в течение года с месяцами свели в могилу половину сидящих, вследствие чего я сейчас опишу их подробно. А теперь замечу, что остановился на описании одежды и пищи, данной нам в субботу, с единственной целью показать, каким глупым издевательством была начата месть. Допустить случайную перемену режима трудно. Невольно думалось, как далеки все эти «государственные люди» до понимания психологии революционеров. Для этих мудрых сановников выше тонкого белья, красного сапога, жирного и сладкого куса ничего нет. И вот они в субботу наглядно хотели показать, что мы потеряли. Много и от души посмеялись мы над этой затеей. Министром внутренних дел в ту пору был Игнатьев⁴, а директором департамента полиции Плеве.

В течение года с месяцами обед наш состоял из оло-

вянной миски мутной жидкости, в которой плавали несколько микроскопических кусочков жил и зеленых обрезков кислой капусты, и маленькой тарелочки гречневой кашицы, приготовленной в виде жидкого клейстера, на котором плавало несколько капель сала, от которого несло запахом сальной свечи. На ужин давали те же щи с тою лишь разницей, что в них отсутствовали кусочки жил. Это в скромные дни; в постные же дни, т. е. среду и пятницу, давали гороховый суп, или, лучше сказать, намек на гороховый суп, так как это была зеленоватая вода с очень незначительным количеством шелухи гороховой, и кашу, в которой только слышался запах постного масла. Некоторые в течение всего времени, когда давалась эта пища, питались почти только ржаным хлебом и квасом, так как есть пищу не было физической возможности. Но для тех, кто приневоливал себя есть обеды, так и для тех, кто не был в силах делать это, результаты подобного питания на здоровье в скором времени отразились одинаково.

Дня через три была принесена Соколовым инструкция для прочтения, в которой было сказано, что в одиночном заключении полагается отбывать $\frac{1}{4}$ часть срока, а затем переводят в вольную команду. Каким цинизмом звучит это для тех, кто отбыл весь срок в одиночном заключении. Затем в инструкции этой перечислялись проступки и преступления, которые влекут за собою наказания шпицрутенами, число шпицрутенов доходило, кажется, до 4 тысяч, и смертную казнь. Спустя несколько дней принесли библию. Почти все по нашему процессу пробыли до суда не менее 1 года, а кто и более в одиночном заключении, а следовательно, оторваны были от жизни (свидания с близкими родственниками в присутствии жандармских офицеров не могли, конечно, дать многого). Беседы наши вращались в узкой сфере впечатлений судебного процесса и тех немногочисленных сведений, которые донеслись до нас с воли во время процесса. Если прибавить к этому отсутствие занятий, книг, прогулки (нас перевели в равелин 28 марта, а на прогулку начали выводить в конце августа на $\frac{1}{4}$ часа; впоследствии прогулка была увеличена), возможности видеть даже клочок неба, то нетрудно представить, с каким однообразием потянулись дни, похожие один на другой, как две дождевых капли.

Перестукиванье дает много для одиночного заключения. Кто может сказать, скольких оно спасло от су-

масшествя. При большом навыке разговор этим способом можно вести довольно быстро. Тем не менее вести теоретические беседы посредством перестукивания очень утомительно. Все были еще сравнительно здоровы, и потому оставалось одно — движение. Среди тишины, ничем не нарушаемой, справа слышались шаги бегающего, словно белка в колесе, Морозова.

Слева слышались тяжелые, медленные шаги Мартына Ланганса. Так прошло более двух месяцев. Духом все были бодры, но плоть немощна. Ланганс первый простучал, что чувствует ревматические боли в коленях и ниже. Через короткое время у него уже была форменная цинга: рыхлость и кровоточивость десен и кровоизлияние в виде темно-красных пятен выше и ниже колен. Доктор Вильямс, человек в высшей степени грубый, осмотрел его и пробурчал: «Скорбут». Затем, выслушав грудь, сказал: «Здорова, как у быка» и вышел. К диагнозу легких Ланганса мы отнеслись скептически. Доктор назначил Лангансу: железо, полосканье настойкой танина, кружку молока и $\frac{1}{2}$ лимона.

Клеточников начал болеть цингой и, кроме того, катаром кишок; доктор поил его микстурами. Дурное питание и сырое помещение между тем делали свое дело. Все мы начали болеть цингой. У обладающих менее здоровым организмом цинга осложнилась другими болезнями. У Морозова началось кровохарканье. У Фроленко открылась рана на боку. Удостоверившись в цинге, доктор назначал всем, кроме Клеточникова, то же, что назначил Лангансу. Кроме того, доктор рекомендовал движение. Для некоторых движение по камере при цинге было возможно, но стоило остановиться на одном месте, немедленно ноги затекали и ощущалась сильная боль. Проходил месяц-полтора, и у тех, у кого был более здоровый организм, темно-красные пятна начинали исчезать, десна и зубы укреплялись; тогда молоко тотчас же отбиралось; доктор следил за этим зорко.

Через полтора-два месяца снова начинается цинга. Снова назначается молоко, и лишь только больной начинает поправляться, снова отбирается. У Морозова признаки цинги исчезли, но кровохарканье продолжалось; тогда вместо кружки доктор назначил ему 4 ложки молока.

У Ланганса цинга не проходила, открылось сильное кровохарканье, ходил он с большим трудом. Все время лежал он и лишь изредка добирался до стены, чтобы

перемолвиться словом. Он не думал, что у него чахотка, и верил в свое выздоровление. Как часто вспоминал он жену и сына. Как мечтал он их увидеть! Незадолго до того, как перестал вставать он совсем с кровати, с большим трудом добрался до стены, чтобы рассказать мне эпизод при крещении его сына. Дело в том, что сын его родился в Доме предварительного заключения. Само собой разумеется, что кума не матери пришлось выбирать. Вызвался крестить какой-то генерал, который обратился к матери ребенка, Анне Васильевне Якимовой, с вопросом, какое имя желала бы она дать сыну? ⁵

Анна Васильевна ответила, что хотела бы назвать сына Мартыном.

«Так, понимаю,— заметил глубокомысленно генерал.— Вы, значит, хотите назвать его в честь Мартина Лютера... реформация...» Несмотря на сильные страдания, душевной бодрости Мартын Рудольфович не терял. Впоследствии вставать с постели он уже не мог и если хотел сказать что-нибудь, то брал в руку башмак и лежа, с кровати, стоявшей вдали от стены, стучал по полу, а я отвечал ему стуком в стену. В конце августа начали выводить на прогулку. Ланганс обратился с просьбой к доктору дать ему костыли, чтобы иметь возможность подышать свежим воздухом $\frac{1}{4}$ часа. Доктор ответил, что без коменданта разрешить он не может, но что доложит об этом коменданту. В то время комендантом Петропавловской крепости был генерал-адъютант Ганецкий.

На следующий день доктор зашел к Лангансу и объявил ему, что комендант не разрешает выдать костыли.

Когда начали выводить на прогулку, то явилась возможность познакомиться с наружной стороной здания. Алексеевский равелин представляет собою одноэтажное здание, построенное в виде треугольника. По трем сторонам этого треугольника расположено около 20 камер и комнаты для караула.

Двери из камер выходят в коридор, который тянется по всем трем сторонам и обращен к садику. Внутри треугольника разбит садик, состоящий из нескольких берез, рябин, кустарников смородины и одной древней яблони, но приносившей еще плоды. В садике стояла чугунная скамейка. Впоследствии близ скамейки была насыпана куча песку, около которой лежала деревянная лопата.

Желающие могли упражнять свои мускулы пересыпая песок с одного места на другое. На прогулке присутствовали два жандарма, а в стеклышко, вставленное в калитку, через которую водили в садик, виднелось вездущее око Соколова.

Пора, однако, сообщить, хотя вкратце, биографию штаб-ротмистра Соколова — «Ирода», который играл далеко не второстепенную роль в истории Алексеевского равелина, а впоследствии — Шлиссельбургской тюрьмы. Лично мне Соколов стал известен с 1881 г. Сведения же о его прошлом передаю так, как слышал. Происхождением из крестившихся евреев, из кантонистов, Соколов служил писарем во время Севастопольской кампании. Угодив кому-то из власть имущих, он был переведен в корпус жандармов и служил при III отделении, а затем при департаменте полиции. В 1882 году назначен смотрителем Алексеевского равелина, а в 1884 году, когда всех перевели в Шлиссельбургскую крепость, Соколов был назначен смотрителем Шлиссельбургской тюрьмы.

Для выполнения той программы, которая была начертана для Алексеевского равелина и Шлиссельбурга, едва ли можно было сделать выбор более удачный.

Соколов был идеальный тип казенной души. Приказание начальства было для него — все. Что ему до того, что на его глазах умирали, сходили с ума, копчались самоубийством. Не его дело рассуждать. «Прикажут титуловать всех заключенных «Ваше сиятельство», буду говорить всем „Ваше сиятельство”», — жаловался он кому-то на то, что его бранят. К сказанному нужно прибавить, что Соколов был очень груб и мстителен к тем, кто нарушал инструкцию, а нарушали ее почти все, так как даже перестукивание считалось нарушением⁶.

Теперь, когда начали водить на прогулку, в течение дня слышался шум шагов в коридоре. Иные буквально еле волочили ноги. Конечно, у кого цинга осложнялась другими болезнями, выходить не могли. У меня цинга не осложнялась другими болезнями и не причиняла сильных физических страданий, когда я лежал.

Что касается до нравственного состояния, то овладевает полная апатия. Утрачивается всякая потребность в обществе.

Иногда проходило по несколько дней, и мы не подходили к стене для перестукивания.

Лежишь в полузабытьи, и в воображении носят картины прошлого. Порой выступают светлые образы и переживаешь хорошие минуты. Но вот ключ в замке поворачивается, открываешь глаза, иллюзия исчезает, и фигура Соколова, сопровождающая жандармов, вносящих пищу, возвращает к действительности.

Поздней ночью на 30 августа меня увели из Алексеевского рavelина в Трубецкой бастион. Привели в камеру, и Соколов, сказав: «Можно раздеваться и ложиться спать», вышел. Из Алексеевского рavelина так скоро не уводят.

Я недоумевал, что это значит. Порешив, что размышления все равно ни к чему не приведут, я разделся и лег спать. На другой день утром, в 7 часов, принесли черный хлеб, кружку молока и $\frac{1}{2}$ лимона. У меня была цинга, и все я это получал в Алексеевском рavelине. В 12 часов дали тот же обед, какой давали в рavelине.

Значит, связь с рavelином не утрачивается. Через полчаса после обеда входят в камеру Соколов и смотритель Трубецкого бастиона Лесник, который сказал мне: «Государь разрешил вашей матушке свиданье с вами на $\frac{1}{4}$ часа, которое сейчас будет дано. При этом мы должны предупредить вас, что, если вы скажете, где вас держат или как вас содержат, то свиданье в ту же минуту будет прекращено».

Меня сейчас же повели на свидание, которое было дано в обычном месте для свидания, т. е. через две проволочные сетки. Между проволочными сетками поместились Соколов и Лесник, а в отделении, где была мать, находился комендант крепости Ганецкий.

Для такого-то свидания мать приехала из Севастополя в Петербург. Но для нее важно было увидеть меня. Дело в том, что после суда директор Департамента полиции Плеве уверил ее, что с первой навигацией я буду отправлен на Сахалин.

Навигация близилась к концу, а обо мне ничего не было слышно. После окончания свидания меня отвели в камеру Трубецкого бастиона, а ночью перевели в Алексеевский рavelин.

В конце сентября или начале октября, хорошо не помню, в рavelин привезли закованного в кандалы Михаила Попова из Сибири с карийских рудников. Из Сибири было привезено 8 человек, но Шедрин, Кобылянский, Малаевский, Орлов, Буцинский, Волощенко и Геллис были помещены в Трубецком бастионе Петропав-

ловской крепости. История этой обратной высылки из Сибири подробно описана у Кеннана⁷. Немного времени спустя из Сибири еще были привезены: Мышкин и Юрковский. Мышкин был приведен в Алексеевский рavelин, а Юрковский оставлен в Трубецком бастионе.

Первое время сношений с другим коридором у нас не было. Сношения установились впоследствии. Прошла осень, наступила зима. Все то же. Изредка простучит сосед, что такой-то не может встать с постели, а такой-то не может лежать. Тем не менее уныния не было. Зимой был приведен в рavelин Игнат Иванов, но просидел он недолго. Однажды ночью мы услышали странные крики. Что делали с Ивановым? Били ли его, вязали ли, надевали смирительную рубашку? Но эти крики и вообще крики, несущиеся из камеры заживо погребенного человека, когда туда вваливается для расправы ватага жандармов, не забудутся всю жизнь. Ужас в том, что сам сидишь под замком и ничем помочь ему не можешь. Иванова увезли из Алексеевского рavelина; он сошел с ума. Немного времени спустя сошел с ума Арончик, но его не увели из Алексеевского рavelина; его все время держали там и в таком состоянии перевезли впоследствии вместе с нами в Шлиссельбургскую крепость, где он и умер⁸.

Здоровье у всех заметно ухудшалось. Так тянулось до весны. В конце мая Клеточников решил отказаться от пищи и заморить себя голодом. Доктор, невзирая на его страдания желудком, болезнь легких и на цингу, не назначал ему ничего, кроме лекарств, в то время, когда все остальные болевшие цингой получали молоко. Доктор прямо сказал Клеточникову, что ему, Клеточникову, он не может улучшить пищи без специального разрешения коменданта. Таким образом, Клеточников даже сравнительно с нами был поставлен в исключительные условия. Мстили всем, но Клеточникову мстили особо. На суде никого так не оскорбляли, как оскорбляли Клеточникова. Не успел он преступить порога тюрьмы после суда, как Соколов объявил ему: «Ну, а с тебя взыскания будут строже».

Как известно, Клеточников, будучи членом партии «Народной воли», паходился в то же время на службе в департаменте полиции с целью доставлять все сведения партии и тем парализовать деятельность департамента полиции. Клеточников очень искусно повел дело. В скором времени он уже пользовался полным довери-

ем главного начальства и был награжден орденом. Но немалых трудов стоило это Клеточникову. Для этого он должен был сойтись с чиновниками департамента, бывать у них в домах, играть с ними в карты и проигрывать им. Нередко бывал он в доме Соколова, к которому попал на расправу, и играл с ним в карты.

Когда Клеточников простучал о своем решении заморить себя голодом, то его просили повременить, чтобы, снесясь с другими коридорами, начать общую голодовку. Видя, что переговоры затягиваются, Клеточников через несколько дней простучал, что уже объявил Соколову о своем решении и что на это Соколов ему ответил: «В таком случае будем кормить силой».

И действительно, когда Соколов увидел, что пища стоит нетронутой, то приказал жандармам кормить его, если он сейчас же не начнет есть. Клеточников съел несколько ложек. Жандармы вышли. Клеточников бросил ложку. Так продолжалось три дня. На 4-й день приехал в Алексеевский равелин товарищ министра внутренних дел Оржевский и вместе с комендантом обошел все камеры. До этого времени, т. е. в течение 1 года и 3 месяцев, в камеры не входил никто из ревизующих. По всей вероятности, ревизоры бывали и ранее, заглядывали в дверное стеклышко, но в камеры не заходили.

После отъезда Оржевского Клеточникову стали давать молоко и белый хлеб. А через несколько дней был изменен пищевой режим для всех. Кормить начали удовлетворительно, и, кроме того, доктор щедрой рукой назначал прибавки в виде молока и белого хлеба. Увидев собственными глазами заключенных, Оржевский хорошо понимал, что дело клонится к близкой развязке и что необходимо принять меры, чтобы предупредить скандал повального вымирания тюрьмы, в течение одного года с месяцами. Объяснить изменение пищевого режима чем-нибудь иным будет ошибкой.

Через год, когда нас перевели в Шлиссельбург, то снова был установлен такой режим, при котором начали заболеть цингой; и уже много времени спустя в Шлиссельбурге были сделаны изменения опять-таки в силу усилившейся смертности. Но ожидания Оржевского не совсем оправдались. Было уже поздно. Менее здоровые организмы были расшатаны настолько, что помочь было нельзя.

Приблизительно дней через десять после посещения Оржевского умер Клеточников⁹. Говорю приблизительно

но, потому что с точностью определить день смерти было трудно. Соколов, в силу известных одному только ему соображений, имел обыкновение заходить во время раздачи пищи и в ту камеру, откуда был уже вынесен умерший.

Делал он это в течение двух-трех дней, а иногда и более. Недели две спустя в освободившуюся после смерти Клеточникова камеру был переведен Исаев, который нам сообщил подробные сведения о здоровье товарищей, сидящих в другом коридоре. Оказывалось, что там положение дел не лучше. Здоровье Баранникова и Тетерки было уже очень плохо. Между тем состояние здоровья Ланганса настолько ухудшилось, что он не мог перестукиваться и через несколько дней умер. С коридором, где сидел Александр Михайлов, сношений не было. Можно сказать с уверенностью, что его изолировали за блестящие и резкие речи на суде. Относительно рода смерти Михайлова определенного сказать ничего нельзя.

Что Михайлов умер не «естественною» смертью, можно заключить из следующего.

Уже в бытность в Шлиссельбургской крепости, когда в соседней с моей камерой умирал Исаев, я пригласил доктора и просил обратить внимание на него, прибавив при этом, что из 11 человек, которые были в рavelине по нашему процессу, они уже замучили там в короткое время 6 человек. Соколов, который здесь же присутствовал, вмешался в разговор и сказал: «И совсем неправда, не шесть. Во-1-х, у того, который со мной служил (Соколов фамилии не назвал — Клеточников), еще на воле была чахотка, а во-2-х, с другим случилось совсем другое». На мой вопрос: что же другое? — Соколов сказал: «Это оставим». Соколову можно поверить, что «с другим случилось совсем другое», т. е. этот «другой» не умер «естественною» смертью. Его или за что-нибудь расстреляли, или же он кончил самоубийством. Обо всех умерших в рavelине нам известно, так как с ними были сношения. С одним Александром Михайловым не было сношений. Значит, Александр Михайлов и есть этот «другой».

Знали мы еще о Михайлове, что он болел, так как во время прогулки слышали голос доктора из его камеры А. Поливанов, который временно сидел неподалеку от Михайлова, говорил, что слышал голос Михайлова¹⁰.

Забыл я упомянуть, что после посещения Оржевского нам были предложены несколько книг духовного содержания: «Четы-Минеи», журнал «Христианское чтение» и несколько брошюр, из которых могу припомнить: «Небесный Отец», «Два пути» и «Как попасть в Рай».

Через короткие промежутки умерли Колодкевич, Бараников и Тетерка.

Зимой 1883 года были приведены из Трубецкого бастиона в Алексеевский рavelин Юрий Богданович и Савелий Златопольский.

Златопольский был помещен в камере умершего Ланганса. С его прибытием пробуждалась жизнь в нашем коридоре. Приведен он был в Алексеевский рavelин сейчас же после процесса и мог сообщить многое¹¹. Узнали мы от него о бывших и предстоящих процессах, об арестах: Веры Николаевны Фигнер, Анны Павловны Корба, Людмилы Александровны Волкенштейн и многих других товарищей.

Немало сведений с воли было сообщено им. Ежедневно стучал он мне часа по два, а я в свою очередь передавал эти сведения дальше. От Златопольского мы впервые узнали, что в Шлиссельбургской крепости заканчивают строить новую тюрьму, куда всех нас в скором времени перевезут. Сообщил он нам о свидании Юрковского с матерью в Департаменте полиции, где сказали матери Юрковского, что в Шлиссельбурге условия жизни изменятся. Даны будут парные прогулки, библиотека и другие льготы.

Эти льготы действительно даны были впоследствии в Шлиссельбурге, но слишком дорогой ценой куплены они там,—каждая льгота стоила человеческой жизни. С наступлением весны 1884 года прогулка в Алекс. рavelине была увеличена. На каждого приходилось по 1/2 часа. Дни, недели, месяцы проходили с прежним образом.

После обеда 3 августа 1884 года в одной из отдаленных камер послышались звуки кузнечного молота. Дверь захлопнулась, и те же звуки послышались в следующей камере.

По порядку камеры продолжали открываться и закрываться. Всех нас заковали в ножные кандалы. Около 9 часов в том же порядке Соколов обошел все камеры и надел на всех ручные кандалы. «Можно прилечь и отдохнуть, но не раздеваться»,—говорил он, выходя из камеры. После полуночи начали перевозить нас в

карете к пристани, где стояла особо приспособленная баржа. В трюме этой баржи по обоим бортам были устроены из теса очень маленькие помещения, между каждым помещением был сделан промежуток, с целью предупредить сношения между нами. Около каждого помещения, у двери, в которой было сделано маленькое и единственное окошечко, стояли с обнаженными шашками жандармы и не спускали с заключенных глаз.

В 4 часа утра послышался свисток на буксировавшем нашу баржу пароходе. Баржа дрогнула и двинулась вверх по Неве — в Шлиссельбург ¹².

Г. В. Плеханов

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
«РУССКИЙ РАБОЧИЙ В РЕВОЛЮЦИОННОМ
ДВИЖЕНИИ»

скоре по поступлении Халтурина в Зимний дворец я вынужден был оставить Россию¹. С тех пор о ходе русского рабочего движения я мог знать только по рассказам действовавших после меня товарищей. Автор статьи «Пребывание Халтурина в Зимнем дворце» говорит, что Северно-Русскому Рабочему Союзу удалось-таки приступить к изданию газеты, которая, однако, вместе с типографией была заарестована при наборе первого же номера и не оставила по себе ничего, «кроме памяти о попытке чисто рабочего органа, не повторявшейся уже потом ни разу»*. Затем прекратилось и самое существование Союза. По-видимому, на его судьбе отразились программные разделения тогдашней интеллигенции. Несомненно, по крайней мере, что уже в 1880 г. появляются между петербургскими рабочими сторонники «партии Народной воли» (см. программу рабочих этой партии, опубликованную в ноябре 1880 г.⁴) и сторонники «Черного передела». В восьмидесятых годах в разное время издавалось в России несколько рабочих журналов: «Рабочая газета» (с 15 декабря 1880 до конца 1881 г.), «Зерно» (приблизительно около того же времени), «Рабочий» (в 1885 г.)⁵. Правда, рабочие были только читателями этих журналов, редактировались же они «интеллигенцией», но это было, что называется, только полгоря. Во второй поло-

* Автор² относит эту попытку ко времени, предшествовавшему поступлению Халтурина во дворец. Но это ошибка³.

вине восьмидесятих годов перестали появляться в России и такие издания. Наступило, казалось, полное затишье. Но раз зажженный огонек мысли не погас в рабочей среде, как об этом свидетельствует даже легальная печать. Почти совершенно оставленный интеллигенцией рабочий продолжал расти умственно и нравственно. Уже в конце восьмидесятих годов Г. И. Успенский мог поздравить русских писателей с «новым грядущим читателем». Недалеко то время, когда «интеллигентных» противников царизма можно будет поздравить с новым, незаменимым и непобедимым *политическим союзником*.

Когда наша революционная «интеллигенция», чувствуя недостаточность своих сил, спрашивает себя, где искать поддержки, ее доброжелатели дают ей часто довольно страшные ответы: «в обществе», в офицерской среде и т. п. О рабочих такие доброжелатели интеллигенции вспоминают редко и неохотно. О вкусах, конечно, не спорят, но факт тот, что русские рабочие внесли в освободительное движение последних двадцати лет несравненно больше сил, чем почтенное военное сословие, или — в особенности — наши милые, добрые, развитые, гуманные, образованные, но решительно никуда не годные либералы. А ведь до сих пор совершились только первые, правда, самые трудные, но зато и самые слабые шаги нашего рабочего движения. Что же будет дальше? Людям, претендующим на политическую дальновидность, не мешало бы подумать об этом.

История давно и безвозвратно осудила русский царизм. Но он существует и будет существовать до тех пор, пока та же история не заготовит достаточно сил для исполнения своего приговора. Она деятельно заготавливает их, беря их отовсюду. Пролетариат — самая могучая из создаваемых ею новых общественных сил. Пролетариат — это тот динамит, с помощью которого история взорвет русское самодержавие.

Но рабочему классу не годятся старые, более или менее фантастические революционные костюмы интеллигенции. Наши рабочие, уже в *семидесятих* годах видевшие слабые стороны *народничества*, в девяностых годах сознательно станут под знамя всемирной рабочей партии, под знамя *социал-демократов*.

Пусть же поскорее наступает эта счастливая пора! Много света внесет она в нашу темную жизнь!

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ III*

Ваше величество! Вполне понимая то тягостное настроение, которое вы испытываете в настоящие минуты, Исполнительный комитет не считает, однако, себя вправе поддаваться чувству естественной деликатности, требующей, может быть, для нижеследующего объяснения выждать некоторое время. Есть нечто высшее, чем самые законные чувства человека: это долг перед родной страной, долг, которому гражданин принужден жертвовать и собой, и своими чувствами, и даже чувствами других людей. Повинуясь этой всецельной обязанности, мы решаемся обратиться к вам немедленно, ничего не выжидая, так как не ждет тот исторический процесс, который грозит нам в будущем реками крови и самыми тяжелыми потрясениями.

Кровавая трагедия, разыгравшаяся на Екатерининском канале, не была случайностью и ни для кого не была неожиданной. После всего происшедшего в течение последнего десятилетия она являлась совершенно неизбежной, и в этом ее глубокий смысл, который обязан понять человек, поставленный судьбою во главе правительственной власти. Объяснять подобные факты злоумышлением отдельных личностей или хотя бы «шайки» может только человек, совершенно неспособный анализировать жизнь народов. В течение целых 10 лет мы видим, как у нас, несмотря на самые строгие преследования, несмотря на то, что правительство покойного императора жертвовало всем — свободой, интересами всех классов, интересами промышленности и даже собственным достоинством, — безусловно всем жертвовало для подавления революционного движения, оно все-таки упорно разрасталось, привлекая к себе лучшие элементы страны, самых энергичных и самоотверженных людей России, и вот уже три года вступило в отчаянную, партизанскую войну с правительством.

Вы знаете, ваше величество, что правительство покойного императора нельзя обвинять в недостатке энергии. У нас вешали правого и виноватого, тюрьмы и отдаленные губернии переполнялись ссыльными. Целые десятки так называемых «вожаков» переловлены, перевешаны. Они гибли с мужеством и спокойствием мучеников, но движение не прекращалось, оно безостановочно росло и крепло. Да, ваше величество, революционное движение не такое дело, которое зависит от отдельных личностей. Это процесс народного организма, и виселицы, воздвигаемые для наиболее энергичных выразителей этого процесса, так же бессильны спасти отживающий порядок, как крестная смерть спасителя не спасла развратившийся античный мир от торжества реформирующего христианства.

* Об обстоятельствах составления этого документа см. вступительную статью, с. 36—37.

Правительство, конечно, может еще переловить и перевешать многое множество отдельных личностей. Оно может разрушить множество отдельных революционных групп. Допустим, что оно разрушит даже самые серьезные из существующих революционных организаций. Но ведь все это нисколько не изменит положения вещей. Революционеров создают обстоятельства, всеобщее недовольство народа, стремление России к новым общественным формам. Весь народ истребить нельзя, нельзя и уничтожить его недовольство посредством репрессалий: недовольствие, напротив, растет от этого. Поэтому на смену истребляемых постоянно выдвигаются из народа все в большем количестве новые личности, еще более озлобленные, еще более энергичные. Эти личности в интересах борьбы, разумеется, организуются, имея уже готовый опыт своих предшественников; поэтому революционная организация с течением времени должна усиливаться и количественно и качественно. Это мы видим в действительности за последние 10 лет. Какую пользу принесла правительству гибель долгушинцев, чайковцев, деятелей [18]74 г.? На смену их выступили гораздо более решительные народники. Страшные правительственные репрессалии вызвали затем на сцену террористов [18]78—[18]79 гг. Напрасно правительство истребляло Ковальских, Дубровинных, Осинских, Лизогубов. Напрасно оно разрушало десятки революционных кружков. Из этих несовершеннолетних организаций путем естественного подбора вырабатываются только более крепкие формы. Появляется, наконец, Исполнительный комитет, с которым правительство до сих пор не в состоянии справиться.

Окидывая беспристрастным взглядом пережитое нами тяжелое десятилетие, можно безошибочно предсказать дальнейший ход движения, если только политика правительства не изменится. Движение должно расти, увеличиваться, факты террористического характера повторяться все более обостренно; революционная организация будет выдвигать на место истребляемых групп все более и более совершенные, крепкие формы. Общее количество недовольных в стране между тем увеличивается; доверие к правительству в народе должно все более падать, мысль о революции, о ее возможности и неизбежности все прочнее будет развиваться в России. Страшный взрыв, кровавая перетасовка, судорожное революционное потрясение всей России завершит этот процесс разрушения старого порядка.

Чем вызывается, обуславливается эта страшная перспектива? Да, ваше величество, страшная и печальная. Не примите этого за фразу. Мы лучше, чем кто-либо другой, понимаем, как печальна гибель стольких талантов, такой энергии на деле разрушения, в кровавых схватках, в то время когда эти силы при других условиях могли бы быть потрачены непосредственно на созидательную работу, на развитие народа, его ума, благосостояния, его гражданского общежития. Отчего же происходит эта печальная необходимость кровавой борьбы?

Оттого, ваше величество, что теперь у нас настоящего правительства в истинном его смысле не существует. Правительство по самому своему принципу должно только выражать народные стремления, только осуществлять народную волю. Между тем у нас — извините за выражение — правительство выродилось в чистую камарилью и заслуживает названия узурпаторской шайки гораздо более, чем Исполнительный комитет. Каковы бы ни были намерения государя, но действия правительства не имеют ничего общего с народной пользой и стремлениями. Императорское правительство подчин-

нило народ крепостному праву, отдало массы во власть дворянству; в настоящее время оно открыто создает самый вредный класс спекулянтов и барышников. Все реформы его приводят лишь к тому, что народ впадает все в большее рабство, все более эксплуатируется. Оно довело Россию до того, что в настоящее время народные массы находятся в состоянии полной нищеты и разорения, несвободны от самого обидного надзора даже у своего домашнего очага, невластны даже в своих мирских, общественных делах. Покровительством закона и правительства пользуется только хищник, эксплуататор; самые возмутительные грабежи остаются без наказания. Но зато какая страшная судьба ждет человека, искренно помышляющего об общей пользе. Вы знаете хорошо, ваше величество, что не одних социалистов ссылают и преследуют. Что же такое — правительство, охраняющее подобный «порядок»? Неужели это не шайка, неужели это не проявление полной узурпации?

Вот почему русское правительство не имеет никакого нравственного влияния, никакой опоры в народе; вот почему Россия порождает столько революционеров; вот почему даже такой факт, как цареубийство, вызывает в огромной части населения радость и сочувствие! Да, ваше величество, не обманывайте себя отзывами льстецов и прислужников. Цареубийство в России очень популярно.

Из такого положения может быть два выхода: или революция, совершенно неизбежная, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или добровольное обращение верховной власти к народу. В интересах родной страны, во избежание напрасной гибели сил, во избежание тех страшных бедствий, которые всегда сопровождают революцию, Исполнительный комитет обращается к вашему величеству с советом избрать второй путь. Верьте, что как только верховная власть перестанет быть произвольной, как только она твердо решится осуществлять лишь требования народного сознания и совести, вы можете смело прогнать позорящих правительство шпионов, отослать конвойных в казармы и сжечь развращающие народ виселицы. Исполн[ительный] комит[ет] сам прекратит свою деятельность и организованные около него силы разойдутся для того, чтобы посвятить себя культурной работе на благо родного народа. Мирная, идейная борьба сменит насилие, которое противно нам более, чем вашим слугам, и которое практикуется нами только из печальной необходимости.

Мы обращаемся к вам, отбросивши всякие предубеждения, подавивши то недоверие, которое создала всякая деятельность правительства. Мы забываем, что вы представитель той власти, которая столько обманывала народ, сделала ему столько зла. Обращаемся к вам как гражданину и честному человеку. Надеемся, что чувство личного озлобления не заглушит в вас сознания своих обязанностей и желания знать истину. Озлобление может быть и у нас. Вы потеряли отца. Мы теряли не только отцов, но еще братьев, жен, детей, лучших друзей. Но мы готовы заглушить личное чувство, если того требует благо России. Ждем того же и от вас.

Мы не ставим вам условий. Пусть не шокирует вас наше предложение. Условия, которые необходимы для того, чтобы революционное движение заменилось мирной работой, созданы не нами, а историей. Мы не ставим, а только напоминаем их.

Этих условий, по нашему мнению, два:

1) общая амнистия по всем политическим преступлениям прошлого времени, так как это были не преступления, но исполнение гражданского долга;

2) созыв представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями.

Считаем необходимым напомнить, однако, что легализация верховной власти народным представительством может быть достигнута лишь тогда, если выборы будут произведены совершенно свободно. Поэтому выборы должны быть произведены при следующей обстановке:

1) депутаты посылаются от всех классов и сословий безразлично и пропорционально числу жителей;

2) никаких ограничений ни для избирателей, ни для депутатов не должно быть;

3) избирательная агитация и самые выборы должны быть произведены совершенно свободно, а потому правительство должно в виде временной меры, впредь до решения народного собрания, допустить: а) полную свободу печати, б) полную свободу слова, в) полную свободу сходов, г) полную свободу избирательных программ.

Вот единственное средство к возвращению России на путь правильного и мирного развития. Заявляем торжественно пред лицом родной страны и всего мира, что наша партия со своей стороны безусловно подчинится решению народного собрания, избранного при соблюдении вышеизложенных условий, и не позволит себе впредь никакого насильственного противодействия правительству, санкционированному народным собранием.

Итак, ваше величество, решайте. Перед вами два пути. От вас зависит выбор. Мы же затем можем только просить судьбу, чтобы ваш разум и совесть подсказали вам решение, единственно сообразное с благом России, с вашим собственным достоинством и обязанностями перед родною страной.

Исп[олнительный] ком[итет], 10 марта 1881 г.
Типография «Народной воли», 12 марта 1881 г.

Михаил Федорович Фроленко
(1848—1938)

Михаил Федорович Фроленко принадлежал к числу тех революционеров-семидесятников, на которых товарищи возлагали наиболее ответственные и рискованные поручения. В 1877—1878 гг. Фроленко принимал участие в освобождении из тюрьмы нескольких видных революционеров. Из Одесской тюрьмы Фроленко сумел освободить В. Ф. Костюрина — активного члена южных народных кружков. Я. В. Стефановичу, Л. Г. Дейчу, И. В. Бохановскому, заключенным в Киевскую тюрьму после затеянного ими Чигиринского дела, он устраивает побег, предварительно поступив на службу в эту тюрьму смотрителем.

М. Ф. Фроленко родился в семье отставного фельдшера. Учился сначала в Петербурге в Технологическом институте, затем в Москве — в Петровской земледельческой академии.

С начала 70-х гг. М. Ф. Фроленко с головой уходит в водоворот революционной борьбы. Его можно назвать «коренным семидесятником». М. Ф. Фроленко участвовал в деятельности кружка «чайковцев». Вел пропаганду среди московских рабочих. Во время «хождения в народ» в 1874 г. отправился на Урал. В 1875—1877 гг. входил в кружок южных бунтарей. С лета 1878 г. стал членом «Земли и воли». Участник Липецкого и Воронежского съездов, М. Ф. Фроленко с момента образования «Народной воли» — член ее Исполнительного комитета и распорядительной комиссии. В рядах народovolьцев М. Ф. Фроленко берется за самые опасные предприятия. Он участвует в подготовке крушения царского поезда в ноябре 1879 г. Теснейшим образом связано имя М. Ф. Фроленко и с подготовкой последнего покушения на Александра II.

17 марта 1881 г. М. Ф. Фроленко был арестован. На следствии он держался твердо. Дважды его доставляли на допрос из Трубцкого бастиона Петропавловской крепости, и оба раза он решительно отказывался давать показания до суда. Запись его показа-

* Примечания составлены: к воспоминаниям Р. М. Плехановой, Е. Н. Ковальской, О. К. Булановой-Трубниковой, К. Я. Загорского, к главе XIV О. В. Аптекмана — Е. Р. Ольховским; к очерку Л. А. Тихомирова — А. И. Барабановой; к воспоминаниям М. Ф. Фроленко, В. Н. Фигнер, С. А. Ивановой-Борейши, Е. А. Серебрякова, Н. М. Саловой, А. П. Прибылевой-Корбы, А. В. Тыркова, М. Н. Тригопи, Г. В. Плеханова, к главе XIII О. В. Аптекмана — В. Н. Гиневым и А. Н. Цамутали. Биографические очерки о Р. М. Плехановой и О. К. Булановой-Трубниковой написаны Т. А. Аркушенко.

ний во время второго вызова на допрос гласит: «Зовут меня Михаил Федоров Фроленко. На вопросы об участии моем в деле Первого марта, а также о посылке денег Фердинанду Люстигу отвечать не желаю». По «процессу 20-ти» М. Ф. Фроленко был приговорен к смертной казни, замененной затем бессрочной каторгой. Двадцать два с половиной года провел М. Ф. Фроленко в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости и в Шлиссельбургской крепости.

Только в октябре 1905 г., в дни первой русской революции, М. Ф. Фроленко вышел на свободу. С 1905 г. до 1917 г. он жил в Геленджике. В эти годы он начинает литературную деятельность. Воспоминания о своем революционном прошлом он печатает в «Былом», «Минувших годах», «Русском богатстве» и других журналах. После Великой Октябрьской социалистической революции М. Ф. Фроленко продолжает работу над мемуарами, активно участвует и в общественной жизни. С 1922 г. М. Ф. Фроленко живет в Москве. Много сил и времени он отдает участию в деятельности Всесоюзного общества бывших полноткоржан и ссыльнопоселенцев, входит в состав редакционной коллегии журнала «Каторга и ссылка», на страницах которого публикуются и его воспоминания. В 1936 г. М. Ф. Фроленко становится членом ВКП(б).

Особое значение имеет литературное наследие М. Ф. Фроленко. Им даны яркие портреты ряда участников революционного движения, воссозданы многие детали, связанные с ранним периодом народнического движения, с историей «хождения в народ», деятельностью «Земли и воли», Липецким и Воронежским съездами, героической схваткой народовольцев с самодержавием. Разбросанные в разных журналах и сборниках, эти воспоминания были собраны в два тома, которые вышли в свет двумя изданиями: в 1931 г. и 1932 г.

Воспоминания о Липецком и Воронежском съездах впервые были напечатаны в журнале «Былое» № 1 за 1907 год. Нами воспроизводятся по второму тому собрания сочинений М. Ф. Фроленко (М., 1932).

¹ А. К. Соловьев (1846—1879) — в первой половине 1870-х гг. участвовал в «хождении в народ»; во второй половине 70-х гг. входил в родственную «Земле и воле» группу «сепаратистов» (В. Н. Фигнер, А. И. Иванчин-Писарев, Ю. Н. Богданович и др.), жил в народнических «деревенских поселениях» в Поволжье, вел пропаганду среди крестьян. — 50

Г. Д. Гольденберг (1855—1880) — во второй половине 1870-х гг. принимал участие в деятельности революционных народнических кружков на Украине; 9 февраля 1879 г. убил харьковского генерал-губернатора Д. Н. Кропоткина. С осени 1879 г. — народоволец, примыкал к крайним террористам. После ареста 14 ноября 1879 г. первое время на допросах держался твердо, однако опытный следователь А. Ф. Добржинский применил к Гольденбергу целый ряд мер психологического воздействия. К нему в камеру помещали мать, умолявшую сына не губить себя, показывали письма старика отца, подсадили провокатора Ф. Курицына, через которого выведывали настроение подсудимого. Наконец, Добржинский стал уверять Гольденберга, что тот, дав откровенные показания, будет способствовать примирению правительства и революционеров. В результате Гольденберг 9 марта и 6 апреля 1880 г. дал обшир-

ные показания, а также подробные данные о 143 членах революционных организаций. В июне 1880 г. после разговора с А. И. Зунделевичем, оказавшимся после ареста в одной тюрьме с Гольденбергом, последний осознал страшные размеры своего предательства и, не вынеся мук совести, 15 июля повесился в своей камере при помощи полотенца. (См.: *Троицкий Н. А.* «Народная воля» перед царским судом. Саратов, 1983, с. 166—167.)

Перед смертью Г. Гольденберг написал «исповедь», в которой объяснял мотивы своей откровенности с жандармами. «Исповедь» опубликована в «Красном архиве», 1928, т. 5.

Кроме А. К. Соловьева и Г. Д. Гольденберга в марте 1879 г. убить Александра II выражал намерение еще Л. А. Кобылянский (помогавший в организации убийства Д. Н. Кропоткина в Харькове), но, как пишет В. Н. Фигнер, «предложение Кобылянского и Гольденберга были единодушно отвергнуты: не поляк и не еврей, а русский должен был идти на государя. И Соловьев пошел». (Фигнер В. Н. Полн. собр. соч. в 7 т. Т. 5, М., 1932, с. 197.) Подробней о мотивах покушения Соловьева и об отношении землевольцев к этому акту см. вступительную статью, с. 10—11.

² М. Р. Попов в воспоминаниях «„Земля и воля“ накануне Воронежского съезда» писал: «Когда со стороны левой было заявлено, что некто просит довести до сведения организации „Земли и воли“ о своем решении во что бы то ни стало пойти на убийство Александра II и что он останется при этом своем решении и в том случае, если организация выскажется против и откажет ему в помощи в этом деле, то поднялась целая буря. Помню, одна из дам подходила поочередно то к правой, то к левой совета с просьбой успокоиться и помнить, что может услышать прислуга, у которой к тому же сейчас в гостях дворник; все это мало успокаивало взволнованный совет. Особенно потеряли меру два друга, я и Квятковский, очутившиеся в этот раз в противоположных лагерях. Я, в качестве правого, заявил: «Господа, если среди нас возможны Каракозовы, то поручитесь ли вы, что завтра из среды нашей не явится и Комиссаров со своим намерением, не стесняясь тем, как отнесется к его намерению наша организация?» На это Квятковский с такой же запальчивостью ответил по моему адресу: «Если Комиссаровым будешь ты, то я и тебя застрелю». Но каким бурным это заседание совета ни было, о разделе и речи в это время еще не заходило». (Былое, 1906, № 8, с. 21.)

О. И. Комиссаров — мастеровой, случайно оказавшийся рядом с Д. В. Каракозовым и будто бы (по официальной версии) толкнувший его под руку в тот момент, когда тот 4 апреля 1866 г. у входа в Летний сад в Петербурге стрелял в Александра II. — 50

³ Решение созвать общий землевольческий съезд было принято еще до покушения А. К. Соловьева. См. вступительную статью, с. 11—12. — 51

⁴ О фракциях «народников» («деревенщиков») и «политиков» внутри общества «Земля и воля» см. вступительную статью, с. 6—16. — 52

⁵ «Вспышкопоускатели» — крайние приверженцы бунтарской тактики М. А. Бакунина. Безоговорочно уверовавшие в слова Бакунина о том, что «всякий бунт, как бы неудачен он ни был, всегда полезен», они шли в деревню с намерением подымать крестьян на бунты при каждом удобном случае. Более серьезно относились к организации крестьянского восстания члены кружка «чайковцев».

«Чайковец» Н. А. Чарушин писал в своих воспоминаниях,

характеризуя различные группы революционно настроенной молодежи накануне «хождения в народ»: «Наконец, были и такие, которые горячо утверждали, что... стоит только „зажечь спичку“, как всенародный пожар будет готов! „Вспышкопускатели“, как иронически окрестил их Клеменц, имели также немало последователей, особенно среди зеленой и нетерпеливой молодежи, горящей искренним желанием поскорее перейти из царства зла и всяческой несправедливости в царство правды и добра» (*Чарушин П. А. О далеком прошлом. М., 1973, с. 201*). «Вспышкопускательские» настроения были сильны среди народнической молодежи в южно-русских губерниях и в середине 1870-х гг. К одному из таких крайних бунтарских кружков и принадлежал в то время М. Ф. Фроленко. — 53

⁶ Под централистами М. Ф. Фроленко понимает сторонников захвата и использования в революционных целях центральной государственной власти. Придерживавшиеся в основном анархистских воззрений, члены общества «Земля и воля» полагали, что в результате социальной революции будет уничтожено *всякое* государство; будущий общественный строй представлялся им в виде вольного безгосударственного союза общин на разных территориальных уровнях, что, конечно, шло в разрез со взглядами Оловенниковой. Централистские идеи в первой половине 1870-х гг. проповедовал П. Н. Ткачев, но вплоть до образования «Народной воли» у него насчитывалось мало последователей. «Народная воля» по своему отношению к роли государственной власти была организацией более близкой Оловенниковой (в народовольческий период более известной под фамилией Ошаниной), но и в ней М. Н. Оловенникова-Ошанина (1853—1898), выступавшая приверженцем узкой заговорщицкой тактики захвата власти, была сначала в меньшинстве. Эта тактика приобретает руководящее значение для «Народной воли» только после марта 1881 г.

А. И. Баранников (1858—1883) — член Основного кружка «Земли и воли», участник деревенских поселений в Нижегородской и Воронежской губ. Затем член Исполнительного комитета «Народной воли», участвовал в подготовке покушений на Александра II. Арестован в январе 1881 г., был приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением. Умер в Петропавловской крепости. — 54

⁷ Т. И. Лебедева (1850—1887) — в 1874 г. участвовала в «хождении в народ», в 1877—1878 гг. судилась на «процессе 193-х» (ей было вменено в наказание несколько лет предварительного заключения). Впоследствии член Исполнительного комитета «Народной воли», принимала участие в подготовке покушений на Александра II в Одессе и Петербурге (подкоп под Малой Садовой улицей). Арестована в сентябре 1881 г., приговорена к бессрочной каторге. — 55

⁸ П. И. Войнаральский и И. Н. Мышкин — наиболее видные участники «хождения в народ». В 1878 г. была предпринята неудавшаяся попытка отбить Войнаральского у жандармов во время перевозки его из одной тюрьмы в другую в окрестностях Харькова. Неудачей закончилась и вторая попытка бегства — через почти готовый подкоп. — 55

⁹ В 1876—1878 гг. одновременно с крепнувшей «Землей и волей» действовала еще одна группа революционеров, т. н. «сепаратистов», положивших в основу внутригрупповых отношений не строгие и формальные пункты землевольческого устава, а личную

совместимость и товарищество, как то было до них в начале 1870-х гг. в кружке «чайковцев», «Сепаратисты» с некоторой неприязнью и обидой относились к строгой уставной конспирации землевольцев и несколько насмешливо называли их, с легкой руки Д. И. Клеменца, «трюглотитами» — пещерными людьми, которых трудно обнаружить. (См. об этом: *Фигнер В. Н.* Соч., т. 1, 1933, с. 113.) — 56

¹⁰ А. Д. Михайлов (1855—1884) — один из руководителей «Земли и воли», впоследствии член ИК «Народной воли». Подробней о нем см. примеч. 41—42 к воспоминаниям В. Н. Фигнер.

А. И. Желябов (1851—1881) — в начале 1870-х гг. входил в одесский филиал кружка «чайковцев», был арестован по делу о «хождении в народ», судился на «процессе 193-х», был оправдан. В описываемое М. Фроленко время (1878 — первая половина 1879 г.) Желябов вел пропагандистскую работу на Украине, землевольцем не был. Впоследствии перешел на позиции политической борьбы, стал одним из руководителей «Народной воли». Подробней о нем см. вступительную статью, с. 13—15, 21, 22, 24, 25, 28, 29.

Н. Н. Колодкевич (1850—1884) — в 1877—1879 гг. входил в южнороссийские бунтарские кружки, затем народоволец: участвовал в подготовке покушений на Александра II. Арестован в январе 1881 г., приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой. Умер в Петропавловской крепости. — 57

¹¹ Имеется в виду попытка членов одесского народнического кружка завладеть деньгами херсонского казначейства для использования их в революционных целях. Устройством подкопа руководила Е. И. Россикова (приговорена за это к бессрочной каторге). Ей помогли Ф. И. Юрковский, М. Ф. Фроленко и др. 3 июля 1879 г. было «изъято» около полутора миллионов рублей, но полиция нашла плохо спрятанные деньги, за исключением сразу увезенных 10 тысяч руб. (См.: *Фроленко М. Ф.* Собр. соч., т. 1. М., 1932, с. 288—291.) — 57

¹² О Л. А. Тихомирове см. биографическую справку к очерку «Пребывание Халтурина в Зимнем дворце». В некоторых других воспоминаниях в числе составителей проекта программы для Липецкого съезда, кроме А. Д. Михайлова и Л. А. Тихомирова, называется еще и Н. А. Морозов. — 58

¹³ Субъективно, видимо, участники съезда видели в обсуждавшихся в Липецке вопросах лишь дополнение к программе «Земли и воли», но в действительности там вырабатывались основы принципиально новой программы. (См. об этом вст. статью, с. 12—13).

Специально исследовавший эту проблему С. С. Волк считает, что на Липецком съезде был выработан какой-то письменный документ — программа или декларация — и проводит реконструкцию его содержания. (См.: *Волк С. С.* Программные документы «Народной воли». — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.—Л., 1963, с. 379—401.) — 60

¹⁴ Показания Г. Д. Гольденберга находятся в Центральном государственном военно-историческом архиве в Москве. Эти показания во многом послужили фактической основой для обвинительных актов на народовольческих судебных процессах «16-ти» и «20-ти» (октябрь 1880 г. и февраль 1882 г.), а также по делу об убийстве Александра II. — 60

¹⁵ Это не совсем так. На Липецком съезде обнаружились разногласия по вопросам тактики и во взглядах на роль и назначение террора. Но в главном участники съезда были более или менее

единодушны — в необходимости начать политическую борьбу с правительством. — 61

¹⁵ Программа «Земли и воли» состояла из двух частей: организаторской и дезорганизаторской. Последняя включала три пункта: «а) Заведение связей и своей организации в войсках, и главным образом среди офицерства.

б) Привлечение на свою сторону лиц, служащих в тех или других правительственных учреждениях.

в) Систематическое истребление наиболее вредных или выдающихся лиц из правительства и вообще людей, которыми держится тот или другой ненавистный нам порядок».

Практически дезорганизаторская группа исполняла только третий пункт. Ее члены вскоре заявили себя сторонниками политической борьбы. — 62

¹⁷ Народовольцы называли «Народную волю» партией. Но «Народная воля» не была партией в современной трактовке этого понятия, поскольку не являлась политической организацией и руководящей силой *класса*, в данном случае крестьянства. «Народная воля» в нашем понимании — тайная организация *революционной разночинской интеллигенции*, идейно выразившей интересы крестьянства и борющейся за них, предтеча политической партии. — 62

¹⁸ Здесь и выше М. Ф. Фроленко цитирует (не вполне точно) статью из первого номера газеты «Земля и воля», датированного 25 октября 1878 г. — 67

¹⁹ М. Ф. Фроленко имеет в виду развернутую южнороссийскими народниками в 1878—1879 гг. террористическую борьбу и ответные меры царского правительства. Упоминаемые «южане» — В. А. Осинский, возглавлявший группу «городских террористов» и лично организовавший несколько террористических актов, был арестован в январе 1879 г. и казнен 14 мая; А. Ф. Медведев, участвовавший 23 февраля в покушении на товарища прокурора Котляревского, и Г. А. Попко, 25 мая 1878 г. убивший жандармского офицера Гейкинга, были арестованы соответственно в июле и августе 1878 г. — 67

²⁰ 24 января 1878 г. В. И. Засулич ранила петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова. Ее воспоминания об этом помещены в томе «Революционеры 1870-х годов» (Л., 1986). — 68

²¹ См. вступительную статью, с. 8—9. — 69

²² М. Р. Ланганс (1852—1883) — в 1874 г. ходил «в народ»; в «Народную волю» вступил летом 1880 г., участвовал в подготовке покушений на Александра II. Арестован в апреле 1881 г., был приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением. Умер в Петропавловской крепости. — 70

²³ Входящий в кружок киевских «бунтарей» Л. Г. Дейч в своих неопубликованных воспоминаниях привел некоторые любопытные подробности этого интересного эпизода деятельности революционеров:

«...От имени царя отпечатали „манифест“, в котором будто бы в благодарность верноподданным за их жертвы, понесенные в этой войне, Александр II объявляет, что повелевает „своему сенату“ выработать условия правительства от населения страны. Манифест этот был составлен нами совершенно так, как пишутся правительственные сообщения. <...> Мы решили опубликовать нашу проделку не в одном лишь Киеве, но во многих крупных городах в одно и то же время, выбрав для этого какой-то определенный торжественный день. Наши товарищи-единомышленники разъехались

в намеченные нами заранее города и вместе с местными революционерами накануне условленного числа расклеили ночью „царский манифест“. <...>

Большие толпы народа, собравшиеся возле наклеенных на стенах и столбах телеграмм, громко толковали об этом радостном известии, комментировали его, говорили, что как раз своевременна конституция и т. д. Конечно, вскоре последовало от начальства опровержение на этот „манифест“. Но мысль была брошена нами в массу, которая до того, быть может, никогда не слыхала ни о каких политических свободах, так как в печати тогда об этом невозможно было заикнуться». (Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Архив Дома Плеханова, ф. 1097, ед. хр. 41, л. 11—12.) — 71

Осип Васильевич Аптекман
(1849—1926)

Счастливо избежав ареста на протяжении всех 1870-х годов, О. В. Аптекман последовательно прошел все этапы народнического движения этого периода — ходил «в народ», был среди членов-учредителей «Земли и воли», жил в деревенских поселениях, участвовал в драматических событиях раскола «Земли и воли», горячо отстаивая позиции «деревенщиков». Разумеется, он был в числе основателей «Черного передела». В то же время О. В. Аптекман выступал против раскола. В первом номере газеты «Черный передел» в письме «к бывшим товарищам» он с горечью напоминал: «Вы, вероятно, помните, как я отнесся к нашему разделению. Оно произошло, когда я был в провинции. Вернувшись сюда, я застал умы до того возбужденными, что не предвидел никакой возможности предотвратить разрыв соглашением. Я протестовал тогда энергично, как умел и понимал».

Во время подготовки письма (в декабре 1879 г.) Аптекман счел необходимым сделать народовольцам некоторые уступки, признав, что «крупный террористический поступок в городе в известный момент может быть очень кстати». Но он по-прежнему утверждал, что важнейшей и ближайшей задачей революционеров является организация «в народе боевой партии на почве экономических отношений, как их понимает народ».

Деятельность в крестьянстве Аптекман считал возможной, несмотря на все полицейские препятствия; он по-прежнему не признавал политическую борьбу с правительством без одновременной борьбы за социальные преобразования. Таким правоверным народником он и перешагнул порог тюремной камеры в январе 1880 г.

Мучительное и долгое переосмысление народническо-анархического неприятия политической борьбы, а затем и вообще народнических взглядов заняло у Аптекмана почти 20 лет — сначала в ссылке, потом на свободе, в России и за границей.

В декабре 1905 г. О. В. Аптекмана арестовывают за призывы к бойкоту I Государственной думы, но ненадолго; в 1906 г. он эмигрирует. На родину О. В. Аптекман вернулся только после Февральской революции 1917 г.

После 1880 г. О. В. Аптекман написал и опубликовал много воспоминаний как в целом по тому периоду революционного движения, в котором он действовал, так и об отдельных его эпизодах и участниках. В 1924 г. вышел наиболее обширный мемуарный труд О. В. Аптекмана — «Общество „Земля и воля“ 70-х гг.», в который

он включил многое из прежних своих воспоминаний, в ряде случаев дополняя и дорабатывая их. В настоящем сборнике публикуются две заключительные главы из этой книги: глава XIII и глава XIV (с некоторыми сокращениями).

¹ О. В. Аптекман приехал в Петербург в феврале 1879 г. по вызову петербургских землевольцев из Тамбовской губ., где он вел пропаганду в крестьянстве, будучи участником тамбовского землевольческого «деревенского поселения». Перечисленные Аптекманом лица, которых он застал в Петербурге, — землевольцы. После раскола «Земли и воли» Г. В. Плеханов, В. Н. Игнатов и М. Р. Попов вошли в «Черный передел»; Н. П. Мощенко был арестован в августе 1879 г., остальные стали народовольцами. — 75

² Л. Ф. Мирский (1859—1919) — в 1878 г. вел пропаганду в Киеве, был арестован, перевезен в Петербург, в январе 1879 г. выпущен на поруки. Он не был членом «Земли и воли», но его предложение о покушении на шефа жандармов Дрентельна одобрило большинство Основного кружка «Земли и воли»; в подготовке покушения Мирскому помогали А. Д. Михайлов и Н. А. Морозов.

13 марта 1879 г. Мирский скрылся и был арестован только в июле в Таганроге за пропаганду среди военных; при аресте оказал вооруженное сопротивление. Судил Мирского Петербургский военно-окружной суд 15—17 ноября 1879 г. Он был приговорен к смертной казни, замененной, ввиду его прошения о помиловании, пожизненными каторжными работами. С ноября 1879 г. по июнь 1883 г. Мирский содержался в Петропавловской крепости. Там он открыл властям приготовление С. Г. Нечаева к побегу, за что получил некоторое послабление в режиме содержания (об этом узнали только после Октябрьской революции, когда стали доступными секретные царские архивы). В 1883 г. Мирского отправили в Сибирь, на Карийскую каторгу, в 1895 г. он был переведен на положение слышнопоселенца.

В прокламации по поводу покушения на Дрентельна, написанной Н. А. Морозовым, особенно подчеркивался политический мотив этого акта: в Дрентельна стреляли не только за конкретные зверства против революционеров, хотя они и перечислялись. В прокламации говорилось, что Дрентельн «достоин смерти уже за одно то, что был при *существующих политических условиях* шефом жандармов». (Революционное народничество семидесятых годов XIX века. Сборник документов и материалов. Т. 2. М.—Л., 1965, с. 81.) — 76

³ Первый вариант своих воспоминаний О. В. Аптекман написал в якутской ссылке в 1882—1884 гг. и затем вставлял отрывки из них, заключая в кавычки, в свои позднейшие воспоминания. В настоящее время местонахождение якутских воспоминаний О. В. Аптекмана неизвестно. — 79

⁴ Под № 2 и 3 был выпущен один, двосный номер «Листка „Земли и воли“». Статья, на которую ссылается и которую, с некоторыми неточностями, цитирует Аптекман, датирована 14 марта 1879 г., но весь номер «Листка» — 22 марта. Всего в период с 12 марта по 14 июня 1879 г. было издано шесть номеров «Листка»; редактором его был Н. А. Морозов. — 79

⁵ Прокламация Г. В. Плеханова «К русскому обществу» по поводу оправдания В. И. Засулич судом присяжных заседателей 31 марта 1878 г. была издана в апреле.

Прокламация А. Ф. Михайлова под заголовком «13 июля и 24 января» была написана и издана в январе — феврале 1878 г.

в связи с фактом покушения В. И. Засулич на Трепова. Поставленные в заголовке даты соответствовали: первая — наказанию розгами политического заключенного А. С. Емельянова (Боголюбова) по приказанию Трепова; вторая — выстрелу Засулич в Трепова. — 79

⁶ Слова, которые, по утверждению римского историка Светония, произнес император Октавиан Август, когда получил известие о гибели римского войска под предводительством Квинтилия Вара в Тевтобургском лесу после битвы с восставшими германскими племенами в 9 году н. э. — 80

⁷ Воронежский съезд начался 18 июня и продолжался три дня. М. Р. Попов следующим образом объясняет причину переноса съезда из Тамбова в Воронеж:

«Сначала я избрал местом съезда землевольцев Тамбов, в предместье которого, в одном уединенном месте, куда можно было ехать по реке Цне, и предполагались заседания съезда. В Тамбове уже были: Вера Николаевна Фигнер, Титыч (Тищенко), Иосиф Васильевич (Аптекман), Хотинский, Девель. Из Воронежа и Саратова должны были приехать: Сергеич (Харизоменов), Юрист (Преображенский), Щедрин, Пресняков. Многие из Саратова не могли приехать, так как им нельзя было бросить места, и поручили свои голоса мне и Юристу. Но съезд в Тамбове не состоялся по следующим независимым обстоятельствам. Находившиеся летом в Тамбове землевольцы для обмена мыслей по вопросам, подлежащим обсуждению на съезде, собирались в том уединенном месте, где предполагались и заседания съезда. Отправляясь однажды на двух лодках по Цне в это место, мы не приняли во внимание, что по дороге туда на реке Цне есть загородное место для прогулок тамбовцев, и упросили Евгению Николаевну Фигнер (теперь Сажина) спеть нам «Бурный поток», который она очень хорошо пела. Она начала петь и своим пением вызвала на берег Цны гуляющих тамбовцев, которые и провожали наши лодки по берегу Цны. Эти неведомо откуда взявшиеся в Тамбове люди вместе с певицей привлекли и внимание полиции. Дело кончилось тем, что на возвратном пути полиция нас проследила и к некоторым из нас, человекам трем, явилась и потребовала паспорта. Паспорта, конечно, были подложные, и обладателям их пришлось на другой день выехать, оставив паспорта полиции. Значит, Тамбов был скомпрометирован как место съезда» (Былое, 1906, № 8, с. 31—32). Этот эпизод, помимо объяснения причины переноса съезда, наглядно показывает бытовую обстановку в Российской империи: пение незнакомцев на реке — повод для проверки паспортов! — 85

⁸ В воспоминаниях В. Н. Фигнер и М. Р. Попова при перечислении участников Воронежского съезда имеются некоторые расхождения с Аптекманом. Рассматривая всю совокупность свидетельств о составе съезда, В. А. Твардовская приходит к следующему выводу: «Итак, список участников Воронежского съезда, сообщаемый Аптекманом, можно считать правильным, если дополнить его А. И. Баранниковым и исключить из него С. Г. Ширяева». (Твардовская В. А. Воронежский съезд землевольцев. Научные доклады высшей школы. Исторические науки. Вып. 2. М., 1959, с. 31.) — 86

⁹ О. В. Аптекман с небольшими неточностями почти полностью приводит текст письма В. А. Осинского, помещенный в № 6 «Листка „Земли и воли“», вышедшего незадолго до съезда — 14 июня 1879 г. Не меньшее впечатление на участников съезда должно было произвести и описание казни Осинского и двух его товарищей — В. А. Свириденко (Антонова) и Л. К. Бранднера 14 мая 1879 г.

Описание казни было помещено в № 5 «Листка» (выпуск помечен 8 июня 1879 г.). Там было написано:

«Осужденные на смерть накануне казни были совершенно бодры. Сознание, что они умирают за идею, ни на минуту не покидало их. Утром 14 мая им предложили принять священника; все трое отказались; в 9 часов их повели в контору тюрьмы и, по исполнении каких-то формальностей, посадили в приготовленную для них карету, окруженную отрядом казаков. Им было предложено посадить с собой в карету и священников, но осужденные отказались. Приехав на место казни, они сами вышли из кареты, отказались от предложения тюремных сторожей вести их за руки и пошли ближе к виселицам. Здесь их поставили рядом, спиною к эшафоту. Адъютант 128 полка прочел приговор; один из осужденных просил позволения проститься с товарищами... Получив позволение, все трое обнялись и поцеловались друг с другом. Один из офицеров в третий раз предложил им принять священника, но осужденные снова отказались.

Палач сбросил с них арестантские халаты и надел саваны, связав предварительно им руки. Ему помогали полицейские солдаты. В эту минуту прискакал адъютант Черткова и громко от имени генерал-губернатора спросил: не желают осужденные раскаяться и принять духовное утешение? Все трое ответили отрицательно... Палач надел им капюшоны на головы, повернул лицами к эшафоту и, подталкивая под локти, стал взводить на эшафот. Поставив Брандтнера, Антонова и Осинского на скамьи, палач надел им петли на шею и выдернул из-под каждого скамью. Первым повис Антонов — сразу. Вторым Брандтнер — заставив и метнувшись раза два. Третьим Осинский, на котором петля была надела так, что при падении скамьи голова склонилась в сторону, и веревка пришлась не на замычке, а около уха. Он стал метаться и судорожно биться ногами... Полковник Новицкий, беседовавший с направившей на солдат толпой и слившийся доказать ей, что вешают разбойников и убийц, обратился к палачу:

— Что ты сделал? Ведь он мечется?

— Ничего-с, это сейчас кончится, — ответил палач.

— Но ведь он жив?

— Не беспокойтесь! Это уж мое дело... Будет мертв! Не беспокойтесь.

Новицкий, очевидно успокоенный тем, что хотя и в страшных мучениях, но все-таки Осинский умрет, продолжал красноречиво лгать перед толпой, объясняя ей, между прочим, мучения Валерьяна тем, что он отказался принять священника.

Через полчаса палач перерезал веревки, и трупы рухнули на землю. Сняли капюшоны... Лица были багровые с высунутыми языками... Их осмотрел врач... Несмотря на увещания Новицкого, в толпе слышался ропот... На месте казни было арестовано до 30 человек, семерых гимназистов взяли за то, что они плакали... Продержав дня два в кутузке, их выдали учебному начальству, которое на этот раз сделало им только строгий выговор за мягкосердечие... Несколько солдат и офицеров, находившихся в строю, упали в обморок.

Так окончилась зверская расправа правительства». — 88

¹⁰ О. В. Аптекман неточно излагает позицию А. И. Желябова, который не думал отказываться от «классовой борьбы» (т. е. в понимании Аптекмана — борьбы за социальные преобразования) в пользу политической, а стремился сочетать то и другое. См. об этом также примеч. 7 к воспоминаниям Р. М. Плехановой. — 89

¹¹ Это неточная интерпретация О. В. Аптекманом постановления Воронежского съезда о борьбе с правительством. В постановлении говорилось об «особом развитии» этой борьбы, наряду с деревенскими поселениями и аграрным террором. Текст постановления см. во вступительной статье, с. 14. — 89

¹² Под «Лигой царевубийц», по-видимому, следует понимать образовавшуюся внутри «Земли и воли» в мае 1879 г. террористическую группу «Свобода или смерть». А. В. Якимова перечисляет лиц, входивших в нее: Н. А. Морозов, Л. А. Тихомиров, А. А. Квятковский, А. И. Баранников, С. Г. Ширяев, Г. П. Исаев, В. Зеге фон Лауренберг, Г. Д. Гольденберг, А. Б. Арончик, Н. Н. Богородский, В. М. Якимов, Е. Д. Сергеева, С. А. Иванова, Н. С. Зацепина, А. В. Якимова. (См.: Каторга и ссылка, 1926, № 3, с. 15). Не все они были землевольцами.

Упомянутый Аптекманом «Исполнительный комитет» — это еще землевольческая организация (см. вступит. статью, с. 9). — 90

¹³ Г. Н. Преображенский (1854—?) — один из основателей «Земли и воли», затем чернопеределец. Арестован в феврале 1880 г. и выслан в Томскую губ., где вскоре умер от чахотки. — 92

¹⁴ Титыч — Г. М. Тищенко (1856—1922) — в середине 70-х гг. входил в народнические кружки Керчи и Ростова, затем землевольец. В конце 1879 г. — начале 1880 г. уехал за границу, по возвращении был сослан в Туркестанский край; впоследствии отошел от революционной деятельности. — 92

Вера Николаевна Фигнер (1852—1942)

«Наконец попалась». Такую краткую, но выразительную «высочайшую» резолюцию наложил Александр III на донесение об аресте 10 февраля 1883 г. Веры Николаевны Фигнер (по мужу — Филипповой). Императору было известно, как долго охотились за В. Н. Фигнер жандармы. Одно время она была единственным членом Исполнительного комитета «Народной воли», оставшимся в России и находившимся на свободе. Остальные или были арестованы, или эмигрировали. Только в начале 1883 г., используя двух матерых провокаторов — С. П. Дегаева и В. А. Меркулова, царские власти сумели выследить и арестовать В. Н. Фигнер.

Однако ни арест, ни тяжелые условия предварительного заключения не смогли сломить волю отважной революционерки. В. Н. Фигнер стала главной фигурой на происходившем с 24 по 28 сентября в Петербургском военно-окружном суде «процессе 14-ти». До начала процесса В. Н. Фигнер была заключена в Петропавловскую крепость. Затем ее перевели в Дом предварительного заключения. Фигнер была обессилена жестокими условиями длительного заключения, но ее физическая слабость лишь еще больше подчеркивала исключительную силу духа. «Встав на избранный путь, я пошла этим путем до конца», — твердо заявила она.

Вера Николаевна Фигнер родилась в Казанской губернии в дворянской семье. После окончания Родионовогo института благородных девиц в Казани В. Н. Фигнер вместе с сестрой уехала в Швейцарию, чтобы получить там высшее образование. Она успешно занималась на медицинском факультете сначала в Цюрихском, затем в Бернском университетах. В Швейцарии В. Н. Фигнер оказалась в среде русских студенток, живо интересовавшихся социалистическими идеями, а затем составивших революционный

кружок (Б. А. Каминская, С. И. Бардина, В. С. и О. С. Люботович и др.). В то же время В. Н. Фигнер увлеклась идеями М. А. Бакунина. Получив предложение ехать в Россию, чтобы принять участие в деятельности революционной организации, В. Н. Фигнер с энтузиазмом принимает его и в декабре 1875 г. отправляется на родину, не завершив обучения в университете и порвав с мужем. Сначала она живет в Ярославле, Казани, Москве, затем приезжает в Петербург, где при Медико-хирургической академии сдает экзамен на звание акушерки.

В конце 1876 г. В. Н. Фигнер примыкает к кружку «сепаратистов», близкому к «Земле и воле». Члены кружка «сепаратистов» всли подобно землевольцам пропагандистскую деятельность среди крестьян, создавали поселения в сельских районах. В 1877—1879 гг. В. Н. Фигнер работает фельдшерницей в деревне. Усиление репрессий после покушения А. К. Соловьева на Александра II оборачивается для В. Н. Фигнер и ее товарищей угрозой ареста, и они покидают деревню.

В 1879 г. В. Н. Фигнер участвует в работе Воронежского съезда, вскоре после раскола «Земли и воли» она становится одним из наиболее деятельных членов «Народной воли», входит в состав ее Исполнительного комитета. При участии В. Н. Фигнер подготавливается покушение на Александра II в Одессе. Затем по поручению Исполнительного комитета «Народной воли» В. Н. Фигнер налаживает и поддерживает связи с интеллигенцией, со студенчеством, деятельно работает в Военной организации. В январе 1881 г. вместе с Г. П. Исаевым В. Н. Фигнер снимает на Вознесенском проспекте (ныне проспект Майорова), в доме 25/76, конспиративную квартиру, на которой происходят заседания Исполнительного комитета «Народной воли» и снаряжение метательных снарядов накануне 1 марта 1881 г.

После 1 марта, когда один за другим были арестованы многие члены Исполнительного комитета «Народной воли», по постановлению Исполнительного комитета В. Н. Фигнер покидает Петербург и едет на юг. Она продолжает свою активную революционную деятельность в Одессе. Здесь она, в частности, занимается подготовкой покушения на военного прокурора В. С. Стрельникова. Весной 1882 г. В. Н. Фигнер переехала в Харьков. После июля 1882 г. она осталась единственным в России членом Исполнительного комитета, избежавшим ареста (Л. А. Тихомиров и М. Н. Ошанина были в эмиграции). В. Н. Фигнер берется решить нелегкую задачу — восстановить «Народную волю» и ее Военную организацию. Предательство Дегаева не только срывает ее планы, но ведет к разгрому Военной организации и аресту самой В. Н. Фигнер.

По «процессу 14-ти» В. Н. Фигнер была приговорена к смертной казни, которую ей заменили бессрочной каторгой. 20 лет провела она в стенах Шлиссельбургской крепости. В годы заключения она проявляет стойкость и мужество. В 1902 г., протестуя против ужесточения тюремного режима, В. Н. Фигнер срывает погоны с мундира смотрителя. Ей угрожает смертная казнь...

В сентябре 1904 г. в условиях нарастающего революционного движения В. Н. Фигнер переводят на положение ссыльной. Ссылку она отбывает сначала в Архангельской губернии, затем в Казанской губернии, наконец, в Нижнем Новгороде.

В конце 1906 г. В. Н. Фигнер получила заграничный паспорт. В середине 1907 г. вступила в партию эсеров и выехала в Финляндию, где пробыла до февраля 1908 г. Покинув Финляндию,

В. Н. Фигнер жила сначала в Англии, затем во Франции, Бельгии, Швейцарии. В начале 1909 г. В. Н. Фигнер вышла из партии эсеров. За границей В. Н. Фигнер занималась организацией помощи политическим каторжанам в России. В феврале 1915 г. она вернулась в Россию, тотчас была арестована и отправлена на жительство под надзор полиции в Нижний Новгород, где и жила до декабря 1916 г., когда ей было разрешено переехать в Петроград.

Вскоре после того, как в феврале 1917 г. в России было свергнуто самодержавие, В. Н. Фигнер возглавила Комитет помощи вышедшим на свободу политическим каторжанам и ссыльным.

После Великой Октябрьской социалистической революции В. Н. Фигнер живет в Ленинграде, затем переезжает в Москву. В эти годы она активно участвует в деятельности Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Вере Николаевне суждено было дожить до начала Великой Отечественной войны. В первые недели войны, когда над нашей страной нависает грозная опасность, В. Н. Фигнер выступает со статьей, проникнутой верой в победу Советского Союза.

Литературная деятельность составила особую страницу в биографии В. Н. Фигнер. Она стала одним из летописцев истории освободительного движения в России. Ее мемуары донесли до потомков не только живую картину борьбы революционеров-народников, в первую очередь народовольцев, передали дух героического сопротивления, отличавший узников царских застенков, но и сохранили массу бесценных фактов, не отраженных в документах.

Достаточно напомнить, что наиболее подробные и точные сведения о составе Исполнительного комитета «Народной воли» содержатся именно в мемуарах В. Н. Фигнер. Литературная деятельность В. Н. Фигнер, начатая еще до революции, стала наиболее плодотворной в годы Советской власти. В начале 1930-х гг. было издано семитомное собрание ее сочинений. В. Н. Фигнер деятельно участвовала в работе журнала «Каторга и ссылка», ее воспоминания «Запечатленный труд» вышли несколькими изданиями (в 1921/1922, 1933, 1964 гг.). В настоящем издании приводятся главы из 1-го тома воспоминаний «Запечатленный труд», воспроизводимые по изданию 1933 г.

¹ А. А. Квятковский (1853—1880) — в 1876—1879 гг. земледелец; с августа 1879 г. — член Исполнительного комитета «Народной воли». Арестован в ноябре 1879 г., казнен 4 ноября 1880 г. — 96

² Лесной — один из пригородов Петербурга, примыкавший к северной части города и представлявший собой живописную дачную местность. Название свое получил от расположенного в этом районе Лесного института (ныне Лесотехническая академия). — 96

³ Н. А. Морозов (1854—1946) — в первой половине 1870-х гг. входил в кружок «чайковцев», участвовал в «хождении в народ». По «процессу 193-х» ему было вменено в наказание трехлетнее предварительное тюремное заключение. С 1878 г. Н. Морозов — земледелец. О его взглядах и деятельности в «Народной воле» см. вступительную статью, с. 12—13, 20—21. По «процессу 20-ти» в 1882 г. Н. Морозов был осужден на вечную каторгу, которую отбывал в Петропавловской крепости в Шлиссельбурге. На свободу вышел в октябре 1905 г. по амнистии, данной царизмом в условиях подъема революционного движения. В советское время Н. А. Морозов был директором научного института, почетным академиком. (Подробнее см.: *Твардовская В. А.* Н. А. Морозов в русском освободительном движении. М., 1983.)

Об А. Д. Михайлове см. примеч. 41, 42. — 96

⁴ М. Р. Попов (1851—1909) — член «Земли и воли»; выступал против покушения А. К. Соловьева на Александра II. После раскола «Земли и воли» вошел в «Черный передел». Осенью 1879 г. в Киеве создал кружок, в который вошли как местные чернопередельцы, так и народовольцы. Кружок был провален провокатором Забрамским. М. Попов был арестован и в июле 1880 г. осужден Киевским военно-окружным судом на смертную казнь, замененную вечной каторгой.

Я. В. Стефанович (1854—1915) — входил в различные кружки киевских «бунтарей». В 1877 г. вместе с Л. Г. Дейчем и И. В. Бохановским создал из крестьян Чигиринского уезда Киевской губ. «Тайную дружину» с целью поднять восстание против помещиков. При этом для вовлечения крестьян в «дружину» были использованы подложные царские грамоты, отпечатанные в подпольной типографии. «Чигиринский заговор» был раскрыт. Стефанович был арестован, но в мае 1878 г. бежал из тюрьмы и уехал за границу. В 1879 г. вернулся в Россию и был одним из основателей «Черного передела», но осенью 1881 г. присоединился к «Народной воле». Арестован в феврале 1882 г. и осужден по «процессу 17-ти» в марте—апреле 1883 г. на 8 лет каторги, которую отбывал на Каре. — 97

⁵ Об условиях раздела «Земли и воли» см. воспоминания С. А. Ивановой-Борейши и Е. Н. Ковальской и примечания к ним, а также вступительную статью, с. 16. — 97

⁶ И. Н. Мышкин (1848—1885) — будучи выходцем из «низов» (его отец был военным писарем, а мать крепостной крестьянкой), в 1873 г. приобрел на накопленные средства небольшую типографию в Москве с целью печатания в ней книг для народа, но столкнулся с цензурными и административными препятствиями. Тогда, после знакомства с народниками, он предоставил свою типографию для издания нелегальной литературы. Тайная работа типографии была открыта властями в период повальных арестов летом 1874 г. участников «хождения в народ». Самому Мышкину удалось избежать ареста и уехать за границу. В 1875 г. он вернулся в Россию с целью освободить Н. Г. Чернышевского, но был задержан в окрестностях Вилюйска и приговорен к 10 годам каторги; затем к этому сроку ему добавили еще 5 лет за речь, произнесенную над гробом умершего товарища-каторжанина. 26 января 1885 г. И. Н. Мышкин был расстрелян в Шлиссельбурге по обвинению в покушении на жизнь смотрителя тюрьмы. — 97

⁷ Д. А. Лизогуб, С. Ф. Чубаров и И. Я. Давиденко были казнены 10 августа 1879 г. В. В. Дриго, управляющему именьями Лизогуба, не удалось воспользоваться захваченными деньгами. Его обвинили в имевших место ранее передачах денег революционерам по распоряжениям Д. Лизогуба (в знании и недонесении) и приговорили к ссылке в Сибирь, где он и умер. — 98

⁸ В 1878 и 1879 гг. было казнено 17 человек, обвиненных в политических преступлениях. 1878 г.: И. М. Ковальский (2 августа). 1879 г.: В. Д. Дубровин (20 апреля), Л. К. Брандтнер, В. А. Осинский, В. А. Свириденко (14 мая), А. К. Соловьев (25 мая), О. И. Бильчанский, П. Г. Горский, А. Я. Гобст (18 июля), Д. А. Лизогуб, С. Ф. Чубаров, И. Я. Давиденко (10 августа), С. Я. Виттенберг, И. И. Логовенко (11 августа), И. В. Дробязгин, Л. О. Майданский, В. А. Малинка (7 декабря). (См.: *Троицкий Н. А. Царские суды против революционной России*, Саратов, 1976, с. 375—390.) — 101

⁹ Специально исследовавший выработку программных документов «Народной воли» проф. С. С. Волк считает, что «Фигнер, видимо, ошибается, когда рассказывает об обсуждении и принятии программы ИК как довольно быстром и почти непрерывном процессе. По всей вероятности, после первых заседаний, когда выяснилась необходимость создания нового проекта программы, большинство членов организации разъехалось, и последующий этап обсуждения нового проекта наступил лишь через полтора-два месяца» (*Волк С. С. Программные документы «Народной воли».* — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.—Л., 1963, с. 402). Программа была согласована лишь к ноябрю 1879 г. и появилась только в третьем, январском номере «Народной воли». Она была результатом коллективного творчества, в котором главное место принадлежало А. И. Желябову. Роль Л. А. Тихомирова, по свидетельству М. Ф. Фроленко, заключалась главным образом в «умении литературно выразить общую мысль». (*Фроленко М. Ф. Комментарий к статье Н. Морозова «Возникновение „Народной воли“».* — *Былое*, 1906, № 8, с. 31; *Волк С. С. Указ. соч.*, с. 403.) Н. Морозов и О. Любатович не были согласны с программой Исполнительного комитета. Подробнее об этом см. вступительную статью, с. 20—21. — 102

¹⁰ Вопрос о «захвате власти» по-разному трактовался в «Народной воле» в различные периоды ее деятельности: неодинаково понимали его те или иные народовольцы. В 1879—1880 г. преобладало течение, которое соединяло заговор с целью захвата власти революционной партией с более или менее широким восстанием. При этом захваченная власть должна была сразу передаваться народу в лице Учредительного собрания. Программа Исполнительного комитета провозглашала: «Обязанность партии — способствовать немедленному созыву Учредительного собрания и передачи ему власти Временного правительства, созданного революцией или заговором». Но уже в «Программе рабочих, членов партии Народной воли» (ноябрь 1880 г.) говорилось, что Временное правительство, захватив власть, созовет Учредительное собрание только после того, как в стране произойдут определенные политические и экономические перемены, осуществленные, очевидно, под руководством захватившего власть революционного меньшинства.

Вскоре после 1 марта 1881 г. в Исполнительном комитете усилилось заговорщическое крыло Тихомирова — Ошаниной; к ним примыкала и В. Н. Фигнер. Исполнительный комитет в этот период рассчитывал главным образом на офицерство, еще более сузив участвующие в захвате власти возможные силы.

В. Н. Фигнер выступает против приписывания «Народной воле» принципов «якобинства», которые она понимает как декретирование, навязывание сверху народу политических и экономических преобразований — таких, какие кажутся революционерам-заговорщикам полезными и необходимыми для народа. Но в конце 1881 г. за границу было послано письмо П. Л. Лаврову и некоторым другим видным эмигрантам, в котором во вполне «якобинском» духе утверждалось, что народ в его нынешнем состоянии власть не удержит и поэтому революционная партия, захватив власть, будет держать ее в своих руках до тех пор, пока не поставит народ «прочной на ноги». (См.: *Революционное народничество семидесятых годов XIX века*, т. 2. М.—Л., 1965, с. 320—321).

Когда копия этого письма была опубликована в 1925 г. Л. Г. Дейчем, В. Н. Фигнер, А. П. Корба и другие народовольцы

объявили его подложным, оскорбительным для «Народной воли», которая, по мнению Фигнер, всегда действовала не только в интересах народа, но и посредством народа.

Но в 1960-х гг. в бумагах П. Л. Лаврова, хранящихся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, был найден подлинник письма, написанный рукой Л. А. Тихомирова. Таким образом, было доказано, что если и не самой В. Фигнер, то некоторым другим влиятельным членам Исполнительного комитета «якобинство» было отнюдь не чуждо. (См. об этом: Волк С. С. Письмо Исполнительного комитета «Народной воли» к заграничным товарищам. — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. Л., 1976, с. 178—185.) — 103

¹¹ М. Н. Ошанина-Оловенникова — см. примеч. 6 к воспоминаниям М. Ф. Фроленко. — 104

¹² П. Г. Заичневский (1842—1896) — революционер-шестидесятник, автор известной прокламации «Молодая Россия» (май 1862 г.). В прокламации содержался призыв к молодежи немедленно осуществить революцию и создать «социальную и демократическую республику Русскую», для чего установить диктатуру «революционной партии». В этом и состояло «якобинство» Заичневского. Он был осужден на каторгу, а затем на поселение в Сибири. В Европейскую Россию он вернулся в 1869 г. и продолжал революционную деятельность. Вновь был сослан в 1889 г. — 105

¹³ П. А. Теллалов (1853—1883) — член Исполнительного комитета. В 1879 г. руководил харьковским революционным кружком, а затем московской группой «Народной воли». Арестован в декабре 1881 г. По «процессу 17-ти» (март—апрель 1883 г.) приговорен к смертной казни, замененной вечной каторгой. Умер в Петропавловской крепости 12 декабря 1883 г. — 105

¹⁴ «Набат» — орган бланкистского («якобинского») крыла русского народничества. Луи Огюст Бланки (1805—1881) — французский революционер, участник ряда восстаний во Франции в 1830—1870 гг. 36 лет провел в тюрьмах. Отдавая должное революционным заслугам Бланки, В. И. Ленин в то же время отмечал, что «бланкизм есть теория, отрицающая классовую борьбу. Бланкизм ожидает избавления человечества от наемного рабства не путем классовых борьбы пролетариата, а путем заговора небольшого интеллигентного меньшинства». (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 76.)

«Набат» был основан Ткачевым в 1875 г. в Женеве. Ткачев сблизился с группой русско-польских эмигрантов, полемизировавших с П. Л. Лавровым и М. А. Бакуниным. Во главе этой группы стояли К. Турский и К. Яницкий. В 1878 г. Ткачев переехал в Париж, и редактирование «Набата», в котором продолжали публиковаться его статьи, перешло к К. Турскому и П. Григорьеву. С 1879 г. «Набат» издается в Лондоне. В 1880 г. Ткачев делает попытку наладить печатание «Набата» в России, но безуспешно. В 1881 г. «Набат» прекращает свое существование. — 105

¹⁵ Так называемый «якобинский процесс» проходил в сентябре 1881 г. в военном суде Курска. А. Н. Лавреннус, М. А. Тимофеев и др. обвинялись в организации в Курске «Общества народного освобождения» террористического направления. Подсудимые были приговорены к различным срокам ссылки или тюремного заключения. В своих воспоминаниях М. А. Тимофеев писал, что, хотя процесс называли «якобинским», к «якобинцам» принадлежал только он сам, остальные были либо народовольцами, либо вообще не при-

надлежали к какой-либо определенной фракции. (См.: Тимофеев М. А. Пережитое. — Каторга и ссылка, 1929, № 8-9, с. 116 и след.) — 105

¹⁶ П. С. Поливанов (1859—1903) — народоволец. В сентябре 1882 г. был приговорен Казанским военно-окружным судом к смертной казни, замененной вечной каторгой за попытку освобождения товарища из саратовской тюрьмы. Каторгу отбывал, как и В. Фигнер, в Шлиссельбурге. — 105

¹⁷ Исключением была попытка Н. А. Морозова и Г. Г. Романенко наладить весной 1880 г. на федеративных началах отношения между «Народной волей» и «Набатом». Однако Исполнительный комитет «Народной воли» этот проект отверг. Но, «прервав переговоры с Ткачевым, ИК выражал не столько неодобрение взглядам „набатчиков“, сколько недоверие к репутации, к личности самого Ткачева». (Волк С. С. Программные документы «Народной воли», с. 416.) Между тем «пункты программы ИК, касающиеся практической организации переворота... порой кажутся переписанными из статей Ткачева в „Набате“». Правда, по мнению С. С. Волка, это не прямое заимствование, а результат стихийного схождения взглядов «в условиях определенной ситуации». (Там же, с. 416, 417.) Идеи Ткачева косвенным образом повлияли на идеологов народовольчества, хотя у них были и расхождения (например, в оценке роли террора, конституции). Проповедь Ткачева, отмечал В. И. Ленин, идейно подготовила народовольческую попытку захвата власти. (См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 173.) — 106

¹⁸ А. И. Зунделевич (1854—1923) — в «Земле и воле» и «Народной воле» занимался переправкой через границу людей и литературы, денежными делами, устройством типографий. Арестован в октябре 1879 г. По «процессу 16-ти» в октябре 1880 г. приговорен к вечной каторге.

«Хотя и Фигнер, и Йохельсон называют Зунделевича одним из первых русских социал-демократов, в его взглядах как будто, судя по изложению мемуаристов, не было ничего марксистского». (Волк С. С. Программные документы «Народной воли», с. 402.) — 106

¹⁹ См. об этом вступительную статью, с. 18—20. — 109

²⁰ О Г. Д. Гольденберге см. вступительную статью, с. 12—13 и примеч. 1 к воспоминаниям М. Ф. Фроленко. — 109

²¹ Устав, обсуждавшийся на Липецком съезде, впоследствии, после возникновения «Народной воли», дорабатывался и дополнялся. Текст устава Исполнительного комитета, принятый, вероятно, осенью 1879 г., дошел до нас в жандармской копии. Некоторые историкни сомневаются в его подлинности, другие отвергают эти сомнения. Устав помещен в сборнике «Революционное народничество семидесятых годов XIX века», т. 2, (М.—Л., 1965) среди других народовольческих программных и уставных документов. Его первые десять пунктов перекликаются с изложением В. Н. Фигнер:

§ 1. Исполнительный комитет должен быть центром и руководителем партии в достижении целей, поставленных в программе.

§ 2. Все члены Исполнительного комитета равноправны.

§ 3. Все члены Исполнительного комитета признают безусловное подчинение большинству.

§ 4. Всякое имущество отдельных членов в момент их вступления делается безусловно и навсегда собственностью Исполнительного комитета.

§ 5. Между членами должны быть полная солидарность и взаимная поддержка. Все за каждого и каждый за всех,

§ 6. Член обязан хранить в глубокой тайне внутренние дела Исполнительного комитета, его личный состав и все признанное за секрет общества.

§ 7. Все личные симпатии и антипатии, все силы и самую жизнь каждый член Исполнительного комитета обязан приносить в жертву его целей.

§ 8. Обязательства члена по отношению Исполнительного комитета стоят для него выше всяких других личных и общественных обязательств.

§ 9. Признает и проводит в общих делах организации и рекомендует в частных предприятиях принцип выборной централизации как наилучший боевой принцип.

§ 10. Член Исполнительного комитета обязуется пробывать в составе общества впредь до осуществления его целей, т. е. низвержения существующего правительства. До этого момента выход членов из общества и условия выхода находятся в полной зависимости от решения Исполнительного комитета».

Весь Устав состоял из 77 параграфов. — 111

²² Случай с курсисткой Л. Богуславской служит иллюстрацией того, как при недостаточном соблюдении конспирации неустойчивость разных лиц, лишь слегка затронутых революционной пропагандой, вела к серьезнейшим последствиям для народовольцев.

На Богуславскую донес служащий магазина учебных пособий В. Алмазов. В ночь на 24 ноября 1879 г. он явился в полицейский участок, принеся с собой сверток с номерами «Народной воли» и прокламациями, посвященными взрыву царского поезда. Алмазов сказал, что этот сверток он получил от соседки по квартире Богуславской, просившей спрятать газеты и прокламации из опасения обыска. Далее Алмазов показал, что ранее он уже выполнял подобные просьбы Богуславской. Кроме того, по словам Алмазова, Богуславская дважды давала ему для чтения нелегальные издания, которые по прочтении он уничтожал. В последний раз, под впечатлением произошедшего за четыре дня до этого покушения народовольцев на Александра II, Алмазов, охваченный страхом, явился в полицию с доносом. — 112

²³ В «Красном архиве» было опубликовано так называемое «автобиографическое заявление» А. А. Квятковского, написанное им 23 июня 1880 г. в Петропавловской крепости. — 113

²⁴ Причиной железнодорожной катастрофы на Одесской железной дороге, о которой упоминает Фигнер, были лопнувший рельс и несоблюдение правил мастером, не обозначившим поврежденный участок. Поезд с новобранцами сошел с рельсов и упал под откос. К. К. Унгерн-Штернберг был в то время управляющим Одесской железной дорогой. — 114

²⁵ И. Ф. Окладский (1859 — после 1925) — рабочий, народоволец, участник покушения на Александра II под Москвой 19 ноября 1879 г. Будучи арестован и предан суду по «делу 16-ти» (октябрь 1880 г.), видимо, под влиянием таких людей, как С. Г. Ширяев и А. А. Квятковский, на суде держался достойно. Однако, оказавшись в камере смертников, смалодушничал и согласился стать предателем. Впоследствии стал постоянным агентом Департамента полиции. Предательство Окладского было раскрыто в 1918 г. Н. С. Тютчевым. (См.: Былое, 1918, № 4-5.) Несколько лет Окладский скрывался, но в 1924 г. был опознан и предстал перед советским судом; был приговорен к 10 годам лишения свободы. — 115

²⁶ С. Г. Ширяев (1856—1881) — в 1879 г. был близок к «Земле и воле»; с августа 1879 г. член Исполнительного комитета «Народ-

ной воли»; занимался изготовлением динамита. Арестован в декабре 1879 г., по «процессу 16-ти» приговорен к смертной казни, замененной вечной каторгой. Умер в Петропавловской крепости. — 115

²⁷ Из показаний А. Д. Михайлова:

«Наступил критический день 19 ноября. Время прибытия двух царских поездов в Москву было назначено 10 и 11 часов вечера. Не было тайной для многих москвичей, что царь прибудет в 10 ч. Это подтверждали и другие, более веские данные, заставлявшие обратить взоры на первый поезд. Но царский поезд промчался в начале десятого и был принят за пробный, иногда следующий впереди царского. Второй поезд, шедший в 10 часов с небольшим, совпал со временем, назначенным для царского, и пострадал. Способствовало, как побочное обстоятельство, этой ошибке еще то, что удивительно быстро мчавшийся царский поезд, как говорят очевидцы, был окутан выпускаемыми локомотивом парами и казался состоящим из двух-трех вагонов». (Цит. по кн.: *Прибылева-Корба А. П., Фигнер В. Н.* Народолюбец Александр Дмитриевич Михайлов. Л., 1925, с. 142.) — 115

²⁸ Каменный мост перекинут через Екатерининский канал (ныне канал Грибоедова) при пересечении его с Гороховой ул. (ныне ул. Дзержинского). — 117

²⁹ В 1883 г. в Женеве были опубликованы краткие автобиографические заметки А. Д. Михайлова с примечаниями Л. А. Тихомирова. Михайлов писал, имея в виду период становления «Земли и воли»: «В кружке народников, который лег в основание проекта организации революционных русских сил и в который я, вместе с другими упомянутыми лицами, вошел как член-учредитель, все мои помыслы были сосредоточены на расширении практической выработки и развития организации. В характерах, привычках и нравах самых видных деятелей нашего общества было много явно губительного и вредного для роста тайного общества; но недостаток ежeminутной осмотрительности, рассеянность, а иногда и просто недостаток воли и сознательности мешали переделке, перевоспитанию характеров членов соответственно организации мысли. И вот я и Оболеншев начали самую упорную борьбу против широкой русской природы. И надо отдать нам справедливость — едва ли можно было сделать с нашими слабыми силами более того, что мы сделали. Сколько выпало на нашу долю неприятностей, иногда даже насмешек! Но все-таки в конце концов сама практика заставляла признать громадную важность для дела наших указаний, казавшихся иногда мелкими. Мы также упорно боролись за принципы полной кружковой обязательности, дисциплины и некоторой централизованности. Это теперь всеми признанные истины, но тогда за это в своем же кружке могли глаза выцарапать, клеймить якобинцами, генералами, диктаторами и проч. И опять-таки сама жизнь поддержала нас — эти принципы восторжествовали. Я часто горячился в этой борьбе...»

Л. Тихомиров дает к этому месту живую зарисовку действий и личности А. Михайлова: «Таким остался А. Д. до конца деятельности. Он очень хорошо понимал, что в России осторожность, осмотрительность и практичность составляли для существования революционной организации необходимое условие. Этих качеств он требовал от каждого революционера. Будучи сам чрезвычайно осмотрителен и практичен, он постоянно замечал ошибки других и указывал их, конечно. Если же ошибки происходили от «распушенности», оттого, что человеку становилось скучно или невыносимо

постоянно следить за малейшим своим поступком, — то А. Д., для которого никакая ломка самого себя не казалась невыносимой, если это нужно «для дела», — уже просто возмущался. Он считал это нечестностью, недостаточностью преданности. В позднейшие времена (народовольческие улов) А. Д., например, не находил достаточно резких, циничных слов для одного товарища, который иногда заходил проведать жену свою, находившуюся под надзором: «Он шляется к жене, где его стерегут и могут забрать; наконец его могут проследить на другие квартиры». Это для него было просто подлостью, тем более огорчительной, что она исходила от человека, которого он глубоко уважал. Против подобной перешлиivosti А. Д. «немолчно лаял», постоянно и всю жизнь оставался каким-то ревизором революционной конспирации. Он даже сам говорил совершенно серьезно: «Ах, если бы меня назначили инспектором для наблюдения за порядком в организации». Там, где А. Д. имел такое право наблюдения, он превратил это право в обязанность для себя. Сплошь и рядом он следил по улицам за товарищами, чтобы убедиться в их осторожности. Один такой случай мы помним с А. Квятковским, который, однако, заметил слежение, чем несказанно обрадовал А. Д. Но зато беда, если кто-нибудь позволял проследить себя. Упреки сыпались градом. А. Д. буквально «пилил» людей ежедневно и ежеминутно за такие провинности. Иногда он на улице совершенно неожиданно заставлял вас читать вывески и рассматривать физиономии на разных расстояниях: «Ты не можешь прочесть? Ну, брат, очки покупай непременно». И потом уже дохнуть не дает, пока не купишь очков. Один близорукий заявил, что доктор запретил ему носить очки, под страхом ослепнуть совсем. А. Д. не умилился: «Ну, откажись от таких дел, где нужно посещать конспиративные квартиры. Делай что-нибудь другое». На беду, оказалось, что человек нужен именно на «таких квартирах»... «Ну так непременно очки или пенсне. Это обязательно». — «Покорно благодарю, я не желаю ослепнуть». А. Д. вспылил: «Ослепнешь, тогда выходи в отставку. Нам из-за твоих глаз не проваливать организацию» — и потом обратился ко всем товарищам с предложением: «Обязать NN носить очки такого-то нумэра». Так следил А. Д. за всем образом жизни товарищей. Войдет в квартиру, сейчас осмотрит все углы, постучит в стену, чтобы убедиться, достаточно ли толста, послушает, не слышно ли разговора в соседней квартире, выйдет для того же на лестницу. «У вас народу столько бывает, а ход всего один: это невозможно»... Еще хуже, если квартира без воды: сигнал, дворник будет лишней раз шляться. За «знаками», т. е. сигналами безопасности, которые снимаются, если квартира в опасности, А. Д. следил страшно: «Вашего знака не видно, у вас вовсе нельзя устроить знака, что это за комната? Как к вам ходить?» Один товарищ даже смеялся по этому поводу, уверяя, что в истории будет отмечено со временем: «И приходе дворник, и учреди знак» (дворник — это прозвище А. Д.). Впрочем, ни шутки, ни насмешки, ни брань несколько не смущали А. Д. при исполнении своих «обязанностей». Он не обращал на все это ни малейшего внимания, не обижался, не сердился. Иногда случалось, что хозяева раскаянной им квартиры не хотели даже говорить с ним, и он все-таки преспокойно заходил в свое время посмотреть, все ли благополучно, и весьма внимательно объяснял свои соображения нахмуренным хозяевам. «Ну что, вы кончили? Больше ничего?» — топаят они его, чтобы поскорее убирался. «Да, я кончил, только теперь уже время обедать. Я бы остался».

Не должно, однако, думать, чтобы А. Д. выкидывал такие шутки назло. Нет, он просто не хотел допустить мысли, чтобы кто-нибудь смел нравственно, перед собственной совестью, сердиться серьезно за исполнение человеком обязанности охранять безопасность организации. Соблюдать осторожность скучно, выслушивать замечания еще скучнее: поэтому можно быть в дурном расположении духа, это понятно; но сердиться за это именно на него, А. Д., совершенно несправедливо, и порядочный человек сам будет стыдиться, если позволит себе поссориться из-за совершенно дельных указаний. Так рассуждал А. Д. и не хотел, с своей точки зрения, обижать людей, принимая в серьезную сторону их резкие ответы, насмешки, грубости. В общей сложности это благородное отношение к людям и делу вполне оценивалось всеми, и А. Д., хотя ежедневно ругался и ссорился с 20 человеками средним числом, пользовался таким уважением, как никто.

Из конспирации А. Д. создал целую науку. Он... выработал в себе способность одним взглядом отличать знакомые лица в целой толпе. Петербург он знал, как рыба свой пруд. У него был составлен огромный список проходных дворов и домов (штук 300), и он все это помнил наизусть. Покойный Халтурин передавал нам однажды, как он следил за А. Д. (у Халтурина тоже были эти привычки — контролировать других); тот немедленно заметил его. Халтурин с приятной улыбкой знатока рассказывал, до чего ловко А. Д. изыскивал случаи смотреть позади себя, совершенно естественно, то будто взглянуть на красивую барыню, то поправивши шляпу и т. д.; в конце концов он исчез — «Черт его знает, куда он девался»... А нужно сказать, что Халтурин тоже был мастер выслеживать.

Прходными дворами и домами А. Д. пользовался артистически. Один человек, спасенный А. Д. от ареста, рассказывал нам, как это произошло. «Я должен был сбежать с квартиры и скоро заметил упорное преследование. Я сел в конку, потом на извозчика. Ничего не помогло. Наконец мне удалось, бегом пробежавши рынок, вскочить в вагон с другой стороны; я потерял из виду своего преследователя, но не успел вздохнуть свободно, как вдруг входит в вагон шпион, прекрасно мне известный: он постоянно присутствовал при всех проездах царя и выследил меня на мою квартиру, откуда я сбежал. Я был в полном отчаянии, но в то же мгновение совершенно неожиданно вижу — идет по улице А. Д. Я выскочил из вагона с другого конца и побежал вдогонку. Догнал, прохожу быстро мимо и говорю, не поворачивая головы: «Меня ловят». А. Д., тоже не взглянувши на меня, ответил: «Иди скоро вперед». Я пошел. Он, оказавшись, в это время осмотрелся, что такое за мной делается. Через минуту он догоняет меня, проходит мимо и говорит: «Номер 37, во двор, через двор на Фонтанку, № 50, опять во двор. Догоню» (№№, впрочем, я уже позабыл). Я пошел, увидел скоро № 37, иду во двор, который оказался очень тесным с какими-то закоулками, и в конце концов — я неожиданно очутился на Фонтанке... Тут я в первый раз поверил в свое спасение. Торопясь, я уже не следил за собой, а только старался как можно скорее идти. Скоро по Фонтанке оказался другой заворот, а за ним № 50: прекрасное место, чтобы исчезнуть неожиданно. Вхожу во двор, смотрю, а там уже стоит А. Д.; оказалось, что двор также проходной в какой-то переулок. «Выходи в переулок, — говорит Ал. Дм., — нанимай извозчика, куда-нибудь поблизости от такой-то квартиры», сам же выбежал на Фонтанку и осмотрелся. Пока я нанял извозчика, он возвратился и отвез меня на квартиру... где я

и остался». (Цит. по: Народоволец Александр Дмитриевич Михайлов. Л., 1925, с. 45—47.) — 118

³⁰ А. Д. Михайлов был арестован 28 ноября 1880 г. (у В. Фигнер — в октябре). По «процессу 20-ти» (февраль 1882 г.) был приговорен к смертной казни, замененной вечной каторгой. В дни судебного процесса он написал «Завещание», которое было передано на волю, товарищам. В нем А. Михайлов писал:

«Завещаю вам, братья, не расходовать сил для нас, но беречь их от всякой бесплодной гибели и употреблять их только в прямом стремлении к цели.

Завещаю вам, братья, издать постановления ИК от приговора А [Александрю II] и до объявления о нашей смерти включительно (т. е. от 26 августа 1879 г. до марта 82 г.). При них приложите краткую историю деятельности организации и краткие биографии погибших членов ее.

Завещаю вам, братья, не посылайте слишком молодых людей в борьбу на смерть. Давайте укрепить их характерам, давайте время развить все их духовные силы.

Завещаю вам, братья, установить единообразную форму дачи показаний до суда, причем рекомендую вам отказываться от всяких объяснений на дознании, как бы ясны оговоры или сыскные сведения ни были. Это избавит вас от многих ошибок.

Завещаю вам, братья, еще на воле установить знакомства с родственниками один другого, чтобы в случае ареста и заключения вы могли поддерживать какие-либо сношения с оторванным товарищем. Этот прием в прямых ваших интересах. Он сохранит во многих случаях достоинство партии на суде. При закрытых судах, думаю, нет нужды отказываться от защитников.

Завещаю вам, братья, контролировать один другого во всякой практической деятельности, во всех мелочах, в образе жизни. Это спасет вас от неизбежных для каждого отдельного человека, но губительных для всей организации ошибок. Надо, чтобы контроль вошел в сознание и принцип, чтобы он перестал быть обидным, чтобы личное самолюбие замолкло перед требованиями разума. Необходимо знать всем ближайшим товарищам, как человек живет, что он носит с собой, как записывает и что записывает, насколько он осторожен, наблюдателен, находчив. Изучайте друг друга. В этом сила, в этом совершенство отгравлений организации.

Завещаю вам, братья, установить строжайшие сигнальные правила, которые спасали бы вас от повальных погромов.

Завещаю вам, братья, заботиться об нравственной удовлетворенности каждого члена организации. Это сохранит между вами мир и любовь; это сделает каждого из вас счастливым, сделает навсегда памятными дни, проведенные в вашем обществе.

Затем целую вас всех, дорогие братья, милые сестры, целую всех по одному и крепко, крепко прижимаю к груди, которая полна желанием, страстью, воодушевляющими и вас. Простите, не поминайте лихом. Если я сделал кому-либо неприятное, то, верьте, не из личных побуждений, а единственно из своеобразного понимания нашей общей пользы и из свойственной характеру настойчивости.

Итак, прощайте, дорогие! Весь и до конца ваш

Александр Михайлов»,

Цит. по кн.: Литература партии Народной воли. Париж, 1905, с. 972—973).

А. Д. Михайлов умер в Петропавловской крепости 18 марта 1884 г. См. также примеч. 10 к воспоминаниям М. Н. Тригоны.— 118

³¹ Л. Н. Гартман (1850—1908) после покушения на Александра II 19 ноября 1879 г. бежал за границу. В связи с его арестом и угрозой выдачи царскому правительству Исполнительный комитет «Народной воли» выпустил прокламацию «Французскому народу от Исполнительного комитета русской революционной партии». В прокламации, датированной 11 февраля 1880 г., говорилось о революционных традициях французского народа, рассказывалось о тяжелом положении трудящихся масс России, о репрессиях царского правительства, напоминалось о том, что русские революционеры ведут борьбу во имя завоевания свободы русскому народу — той самой свободы, которую ранее завоевал для себя французский народ. В заключение говорилось:

«Французские граждане! ...Мы обращаемся ко всей Франции с полной надеждой, что она не допустит свое правительство до подобного шага. Тут важен не Гартман, не та или другая отдельная личность — важен принцип... Единственная политика, достойная великого народа, требует, чтобы вы другим желали того же, чего самим себе. Держитесь же этой политики, и свободная Россия, разорвав цепи рабства, явится для Франции более надежным союзником, чем граф Орлов и князь Горчаков. Надеемся, что органы французской прессы дадут место этому заявлению, адресованному ко всей Франции и ко всем, кому дорога свобода, кому ненавистен произвол». (Революционное народничество семидесятых годов XIX в., т. 2, с. 224—227.)

Прокламация была разослана в редакции многих французских газет и своевременно ими опубликована. — 119

³² П. Л. Лавров (1823—1900) — один из идеологов народничества. В феврале 1870 г. бежал из вологодской ссылки за границу, издавал там журнал, а затем газету «Вперед!», был тесно связан с революционерами-народниками различных направлений. — 120

³³ Осенью 1880 г. «Народная воля» решила создать за границей свое постоянное представительство, и Исполнительный комитет назначил уполномоченным «Народной воли» Л. Н. Гартмана. 25 октября Исполнительный комитет обратился с письмами к Карлу Марксу и А. Рошфору — редактору газеты «L'Intransigeant» («Непримиримый»). Эти письма содержали просьбу об оказании содействия Гартману. Ниже приводится текст письма к Марксу.

«Многоуважаемый гражданин! Русская передовая интеллигенция, всегда чуткая и отзывчивая на движения мысли и жизни западноевропейской, в свое время с восторгом встретила появление в печати Ваших научных трудов. В них наука давала санкцию лучшим течениям русской жизни, и «Капитал» стал настоящей книгой интеллигенции. Но в царстве византийского мрака и азиатского произвола всякое движение общественной мысли — синоним революционного движения. Ясно, почему скоро Ваше имя должно было неразрывно слиться с борьбой внутри России и, вызвав глубокое уважение и расположение одних, подпало гонению других: труды Ваши были изъяты из обращения, и самый факт изучения их сочтен за признак политической неблагонадежности.

Мы знаем, с каким интересом следили Вы, многоуважаемый товарищ, за всеми фазами русской революционной деятельности, и рады констатировать, что трудное время ею пережито. Революционный опыт, закалив бойцов, определил как теоретическую постановку дела, так и практический путь его осуществления. Революционные фракции, неизбежные в новом и столь трудном деле, сходятся мало-помалу в одно и, вместе взятые, ищут слияния

с народным протестом, у нас столь же стародавним, как и самое рабство.

При таких условиях до победы недалеко. Задача наша была бы значительно облегчена, будь за нас серьезное сочувствие общественного мнения свободных стран, для чего требуется лишь знание истинного положения дел в России. В этих соображениях мы поручаем товарищу нашему Льву Гартману озаботиться организацией средств для правильного ознакомления общественного мнения Англии и Америки с текущими событиями нашей общественной жизни. Вас же, многоуважаемый товарищ, просим оказать ему содействие в этом деле. Твердо решившись разбить оковы рабства, мы уверены, что недалеко то время, когда родина наша многострадальная займет в Европе место, достойное свободного народа.

С удовольствием выражаем Вам, многоуважаемый товарищ, чувство глубокого уважения к Вам всей русской социально-революционной партии.

И [исполнительный] к [омитет]

25 октября (6 ноября) 1880 г.»

(Революционное народничество семидесятых годов XIX века, т. 2, с. 229—230.)

Народовольцы, как и их предшественники — революционеры 1870-х годов, — с большим уважением относились к Марксу и Энгельсу, читали их работы, но, будучи крестьянскими социалистами, понять суть теории пролетарского социализма не могли.

К. Маркс и Ф. Энгельс, со своей стороны, внимательно следили за развитием событий в России. Они одобряли тактику «Народной воли», видя в народовольцах революционных демократов, единственно реальных борцов за политические свободы. Маркс и Энгельс неоднократно писали, что в России созревает демократическая социальная революция, и начало XX в. подтвердило их прогноз. Но, не располагая всей совокупностью данных, они излишне оптимистично считали, что уже в начале 1880-х гг. внутреннее напряжение в России достигло такой силы, которая ставит страну перед революционным взрывом. Даже в 1885 г., когда революционная ситуация в стране давно исчерпала себя, Ф. Энгельс писал В. Засулич:

«Революция *должна* разразиться в течение определенного времени; она *может* разразиться каждый день. В этих условиях страна подобна заряженной мине, к которой остается только поднести фитиль. Особенно — с 13 марта. (Энгельс имел в виду 1 марта 1881 г. — день убийства Александра II. — *Сост.*) Это один из исключительных случаев, когда горсточка людей может *сделать* революцию, другими словами, одним небольшим толчком заставить рухнуть целую систему, находящуюся в более чем неустойчивом равновесии. . и высвободить актом, самим по себе незначительным, такие взрывные силы, которые затем уже невозможно будет укротить. И если когда-нибудь бланкистская фантазия — вызвать потрясение целого общества путем небольшого заговора — имела некоторое основание, так это, конечно, в Петербурге. <...> Предположим, эти люди воображают, что могут захватить власть, — ну, так что же? Пусть только они пробьют брешь, которая разрушит плотину, — поток сам быстро положит конец их иллюзиям. Но если бы случилось так, что эти иллюзии придали бы им большую силу воли, стоит ли на это жаловаться?» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 36, с. 260, 263.)

Маркс и Энгельс полагали, что какой-либо сильный удар, например террористический акт против царя, послужит детонатором

всеобщего взрыва. Отсюда их положительное отношение к народо-вольческому террору. Но они преувеличивали революционные возможности российского крестьянства 1880-х гг., его способность подняться в ближайшем будущем на всеобщее восстание. Не имели они достоверных сведений и о кризисе «Народной воли» после арестов, последовавших за убийством Александра II. — 120

³⁴ Подвал помещался в доме, называвшемся по имени владельца домом Менгдена. После ремонта подвал предназначался как раз для торгового помещения. Контракт о найме помещения под магазин был заключен с владельцем дома в декабре 1880 г., еще до завершения ремонта. Исполнительный комитет поручил содержать магазин А. В. Якимовой и Ю. Н. Богдановичу, которые поселились в доме на Малой Садовой в начале января 1881 г. под видом супругов Кобозевых. Над входом в подвал была сделана вывеска: «Склад русских сыров Е. Кобозева». Снятое помещение включало в себя лавку, жилую комнату и склад. В жилой комнате наружную стену обшили деревянной панелью. По ночам панель под окном снимали и рыли подземную галерею. Во второй половине февраля подкоп был закончен. (См.: *Барбанова А. И., Ямицкова Е. А. Народовольцы в Петербурге*. Л., 1984, с. 133—134.) — 121

³⁵ Ю. Н. Богданович (1849—1888) — в 1877—1879 гг. входил в группу «сепаратистов», близкую к «Земле и воле»; участвовал в создании деревенских поселений в Поволжье. С осени 1880 г. — член Исполнительного комитета. Арестован в марте 1882 г. По «процессу 17-ти» (март — апрель 1883 г.) приговорен к смертной казни, замененной вечной каторгой. Умер в Шлиссельбурге. — 121

³⁶ Писарев — А. И. Иванчин-Писарев (1849—1916) — член кружка «сепаратистов», затем был близок к «Народной воле». Арестован в марте 1881 г., сослан в Сибирь. — 121

³⁷ А. В. Якимова — см. примеч. 9 к воспоминаниям А. П. Прибылевой-Корбы и примеч. 5 к воспоминаниям М. Н. Тригопи. — 122

³⁸ Н. В. Клеточников (1847—1883) — агент Исполнительного комитета «Народной воли». По его заданию служил в III отделении, а затем в Департаменте полиции. Арестован 28 января 1881 г. По «процессу 20-ти» приговорен к смертной казни, замененной вечной каторгой. См. также примеч. 4 к воспоминаниям А. П. Прибылевой-Корбы. — 122

³⁹ Об А. И. Баранникове и Н. Н. Колодкевиче см. примеч. 6, 10 к воспоминаниям М. Ф. Фроленко. — 122

⁴⁰ По другим сведениям, Н. В. Клеточников был арестован на квартире Н. Н. Колодкевича. 3 июля 1883 г. в Петропавловской крепости Клеточников объявил голодовку. Жандармы пытались кормить его насильно, но 13 июля Клеточников умер. — 122

⁴¹ И. И. Гриневицкий (1855—1881) — студент, участник польских и русских революционных кружков в Петербурге. С 1879 г. — народоволец. Умер от ран, полученных во время взрыва брошенной им бомбы.

Т. М. Михайлов (1859—1881) — рабочий, член «рабочей группы» «Народной воли». В начале марта 1881 г. попал в засаду на Тележной ул., при аресте оказал вооруженное сопротивление. Казнен 3 апреля 1881 г.

И. П. Емельянов (1860—1916) — народоволец. Ушел с набережной Екатерининского канала до покушения. По «процессу 20-ти» приговорен к смертной казни, замененной вечной каторгой. По свидетельству Л. Г. Дейча, в 1890 г. подал прошение о помиловании. (См.: *Дейч Л. Г.* 16 лет в Сибири. М., 1924, с. 199, 204).

О Рысакове см. примеч. 15 к восп. А. В. Тыркова. — 125

⁴² Арест А. И. Желябова расценивался властями как большая удача, так как роль Желябова в «Народной воле» была известна правительству. Александр II, когда получил известие об этом, сделал запись в своей памятной книжке: «3 важ[ных] арестов, в том числе Желябов». По свидетельству министра двора графа А. В. Адлерберга, утром 1 марта царь говорил ему об аресте Желябова, предвидя при этом «большие последствия». (См.: *Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов. М., 1964, с. 302.*) — 126

⁴³ К. О. Мравинский — военный инженер, генерал-майор; после 1 марта 1881 г. был предан суду «за бездействие по службе». — 126

⁴⁴ Вероятно, В. Н. Фигнер имела в виду следующие шесть покушений на Александра II: Д. В. Каракозова (4 апреля 1866 г.); польского эмигранта А. Березовского, стрелявшего в Александра II в Париже 6 июня 1867 г.; А. К. Соловьева (2 апреля 1879 г.); две попытки взрыва царского поезда — 18 ноября 1879 г. под Александровском Екатеринославской губ. и 19 ноября под Москвой; взрыв в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г.

После 17 казней, бывших в 1878 и 1879 гг. (см. примеч. 8), правительство в 1880 г. казнило еще пять человек: И. О. Млодецкого (22 февраля), М. П. Лозинского (6 марта), И. И. Розовского (6 марта), А. А. Квятковского и А. К. Преснякова (4 ноября). Итого 22 человека. — 127

⁴⁵ См. об этом вступительную статью, с. 38—39. — 127

⁴⁶ Из завещания И. И. Гриневицкого:

«...Александр II должен умереть. Дни его сочтены. Мне или другому кому придется нанести страшный, последний удар, который гулко раздастся по всей России и эхом откликнется в отдаленнейших уголках ее, — это покажет недалекое будущее.

Он умрет, а вместе с ним умрем и мы, его враги, его убийцы.

Это необходимо для дела свободы, так как тем самым значительно пошатнется то, что хитрые люди зовут правлением монархическим — неограниченным, а мы — деспотизмом...

Что будет дальше?

Много ли жертв потребует наша несчастная, но дорогая родина от своих сынов для своего освобождения? Я боюсь... меня, обреченного, стоящего одной ногой в могиле, пугает мысль, что впереди много еще дорогих жертв унесет борьба, а еще больше последняя смертельная схватка с деспотизмом, которая, я убежден в этом, не особенно далеко и которая зальет кровью поля и нивы нашей родины, так как — увы! история показывает, что роскошное дерево свободы требует человеческих жертв.

Мне не придется участвовать в последней борьбе. Судьба обрекла меня на раннюю гибель, и я не увижу победы, не буду жить ни одного дня, ни часа в светлое время торжества, по считаю, что своею смертью сделаю все, что должен был сделать, и большего от меня никто, никто на свете требовать не может.

Дело революционной партии — зажечь скопившийся уже горячий материал, бросить искру в порох и затем принять все меры к тому, чтобы возникшее движение кончилось победой, а не повальным избием лучших людей страны...» (Литература партии «Народной воли». Париж, 1905, с. 971.) — 130

⁴⁷ О письме Исполнительного комитета «Народной воли» Александру III см. вступительную статью, с. 36—37. Полный его текст дается в Приложении. — 131

⁴⁸ Есть свидетельства и с том, что некоторые, наблюдавшие приготовления к казни, сочувствовали осужденным. Известная драматическая актриса М. Г. Савина, смотревшая с балкона на процессию, двигавшуюся к месту казни, вспоминала, что лица смертников были светлее окружающих. (См.: *Карабчевский Н. П.* Что глаза мои видели. Ч. 2, Париж, 1921, с. 33.) Писательница В. И. Дмитриева была проникнута искренним сочувствием к «царевубийцам» и впоследствии писала: «Я стояла в толпе на углу Невской и, кажется, Надеждинской улицы (ныне ул. Маяковского. — *Сост.*). Я видела их. Это было одно мгновение, но такое, которое навсегда запечатлевается в мозгу, точно выжженное каленым железом. Они прошли мимо нас не как побежденные, а как триумфаторы, такою внутренней мощью, такой непоколебимой верой в правоту своего дела веяло от их спокойных лиц. <...> И я ушла с ярким и определенным сознанием, что их смерть — только великий этап на путях великой русской революции и что ни грохот солдатских барабанов, ни тяжелая пята реакции не заглушат и не остановят грядущей грозы и бури». (*Дмитриева В. И.* Так было. М.—Л., 1930, с. 203.) — 134

⁴⁹ Отец С. Перовской во второй половине 1850-х гг. служил вице-губернатором в Пскове, в 1861—1864 гг. — вице-губернатором, а в 1865—1866 гг. — губернатором в Петербурге. Был уволен от должности после покушения Каракозова на Александра II. — 135

⁵⁰ «История иногда строит поистине мезистофельские гримасы, — пишет исследователь народнических судебных процессов проф. Н. А. Троицкий. — Вот одна из них: прокурор по делу 1 марта Н. В. Муравьев был другом детства Софьи Перовской. В 1856—1859 гг. отец Муравьева служил губернатором, а отец Перовской — вице-губернатором в Пскове. Семья губернатора и вице-губернатора жили тогда по соседству, и дети их постоянно играли друг с другом. Однажды маленькая Соня с помощью брата Васи и сестры Маши даже спасла жизнь своему будущему обвинителю, вытащив его из глубокого пруда, в котором он чуть было не утонул.

На процессе первомартовцев Муравьев требовал виселицу для Перовской с таким озлоблением, какого он не имел даже к Желябову. Именно Перовскую силился он представить олицетворением безнравственности и жестокости, вообще будто бы свойственных революционерам. «Обыкновенное нравственное чувство отказывается понимать, — негодовал он, — как могла женщина встать „во главе заговора“ и „с циничным хладнокровием“ распоряжаться „злодеянием“».

Перовская вела себя на процессе сдержанно (хотя с таким самообладанием и достоинством, что государственный секретарь Е. А. Перетц, наблюдая за ней в дни суда, заключил: «Она должна владеть замечательной силой воли и влиянием на других»). Во всяком случае, на выпады прокурора против нее лично она не отвечала. Но попытка выставить всех вообще народолюбцев жестокими и безнравственными отщепенцами от общества возмутила ее настолько, что она все свое — очень краткое — «последнее слово» целиком употребила на ответ этой попытке: „Много, очень много обвинений сыпалось на нас со стороны г. прокурора. Относительно фактической стороны обвинений я не буду ничего говорить, — я все их подтвердила на дознании, — но относительно обвинений меня и других в безнравственности, жестокости и пренебрежении к общественному мнению, относительно всех этих обвинений я позволю себе возражать и сошлюсь на то, что тот, кто знает нашу жизнь

и условия, при которых нам приходится действовать, не бросит в нас ни обвинения в безнравственности, ни обвинения в жестокости». (*Троицкий Н. А.* «Народная воля» перед царским судом. Саратов, 1983, с. 161—162). — 135

⁵¹ О раннем периоде революционной деятельности С. Перовской см. воспоминания А. И. Корниловой-Мороз «Перовская и кружок чайковцев» (в кн.: Революционеры 1870-х годов. Л., 1986); М. С. Карпова «Софья Перовская в Ставрополье» (Каторга и ссылка, 1925, кн. 2). — 136

⁵² С. Л. Перовская на «процессе 193-х» над участниками «хождения в народ» 1874 г. была оправдана. И. Н. Мышкин произнес речь на этом процессе 15 ноября 1877 г. Она произвела такое сильное, возбуждающее впечатление на публику и подсудимых, что председателю пришлось приказать очистить зал и закрыть заседание. См. об этом воспоминания А. В. Якимовой в томе «Революционеры 1870-х годов». О Мышкине см. примеч. 6. — 138

⁵³ Попытка бегства И. Мышкина из Новобелгородской тюрьмы в 1878 г. окончилась неудачей. — 138

⁵⁴ В апреле 1881 г. В. Н. Фигнер по постановлению Исполнительного комитета выехала из Петербурга в Одессу. В главе XII, не вошедшей в данный сборник, она рассказывает о своей деятельности среди народовольцев и военных на юге России. — 140

⁵⁵ О «процессе 50-ти» (21 февраля — 14 марта 1877 г.) см. воспоминания И. С. Джабадари в томе «Революционеры 1870-х годов». — 142

⁵⁶ Изучив состав Исполнительного комитета, действовавшего до 1 марта 1881 г., историк В. А. Твардовская делает следующий вывод: «Итак, приняв за основу список членов ИК, данный В. Н. Фигнер, исключим из него Н. Н. Оловенникову и добавим Н. К. Буха, А. А. Франжоли, Е. Ф. Завадскую и Вл. Зеге фон Лауренберга. Таким образом, мы получим список членов ИК «Народной воли» в 31 человек». (*Твардовская В. А.* Организационные основы «Народной воли». — Исторические записки. Т. 67. М., 1960, с. 137.) — 144

⁵⁷ С. И. Бардина (1852—1883) — в 1875 г. вела пропаганду среди рабочих Москвы; арестована в апреле 1875 г. На суде («процесс 50-ти») произнесла речь, получившую широкую известность в революционных кругах. Была приговорена к 9 годам каторги. В 1880 г. бежала и уехала за границу. — 144

⁵⁸ М. Н. Катков — редактор «Московских ведомостей», один из идеологов реакции; В. А. Грингмут — реакционный журналист, сотрудник «Московских ведомостей». — 145

⁵⁹ Г. П. Судейкин — жандармский подполковник, инспектор секретной полиции. Убиг революционерами в декабре 1883 г. См. об этом примеч. 11 к воспоминаниям Е. А. Серебрякова. — 146

⁶⁰ О политике правительства после 1 марта 1881 г. и положении в «Народной воле» см. вступительную статью, с. 35—41. — 150

Розалия Марковна Плеханова (1856—1949)

Розалия Марковна Плеханова-Боград прожила почти целое столетие. Родилась в селе Добренькое Херсонского уезда в зажиточной еврейской семье. Она была старшей дочерью, любимицей и надеждой семьи. Начальное образование получила в частной школе, затем окончила частную гимназию в Херсоне, куда пере-

схала ее семья. Годы юности совпали с периодом «хождения в народ». Вместе с другими гимназистками она зачитывалась произведениями Д. И. Писарева, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, «Историческими письмами» П. Л. Лаврова, которые оказали на Розалию Марковну большое влияние и впоследствии она считала себя «лавристой». У нелегальных революционеров гимназистки доставали запрещенную литературу.

В 1874 или 1875 г. Розалия Марковна поступила на Высшие женские медицинские курсы при Медико-хирургической академии в Петербурге, но впоследствии она так и не смогла их закончить. Тогда же происходит ее знакомство с петербургскими революционерами: сначала она собирает деньги для стачечников, помогает устраивать благотворительные концерты. Затем ей доверяют вести пропаганду в рабочих кружках. Лето 1877 г. она провела «в народе», работая фельдшером в селе Широком Самарской губ. Весной 1878 г. Розалия Марковна уехала на Балканы; мечтала попасть в действующую армию, но ко времени ее приезда военные действия закончились, и она около двух месяцев работала в городе Бузео в Румынии помощником врача. Еще зимой 1877 г. Розалия Марковна познакомилась с Г. В. Плехановым и через год стала его женой. После разделения «Земли и воли» она вместе с Г. В. Плехановым примкнула к «Черному переделу» и весной 1880 г. уехала вслед за мужем в Швейцарию, оставив на попечении своей подруги шестимесячную дочку — Верочку, которая вскоре после ее отъезда умерла от простуды.

В 1889 г. Р. М. Плеханова окончила медицинский факультет Женевского университета и с 1890 г. получила право заниматься врачебной практикой в Женевском кантоне. С этого времени Розалия Марковна становится главной опорой семьи в материальном отношении, представив Г. В. Плеханову полностью посвятить себя революционной и литературной работе. Однако ее по-прежнему интересует деятельность группы «Освобождение труда», в 1896 г. она делегат Лондонского конгресса II Интернационала, входит в руководство «Общества помощи эмигрантам», существовавшее с конца 1870-х гг. Кроме того, Розалия Марковна часто исполняет обязанности секретаря своего мужа: ведет деловую переписку, делает выписки из книг, достает необходимые для работы книги, ведет переговоры с издательствами. Но главной ее заботой было здоровье Плеханова, который с 1887 г. болел туберкулезом.

В конце марта 1917 г. Плехановы вернулись в Петербург. После смерти Г. В. Плеханова в мае 1918 г. Розалия Марковна была одним из инициаторов устройства «Комитета по увековечению памяти Г. В. Плеханова». С этого времени она решает посвятить свою жизнь работе над архивом и публикации литературного наследия своего мужа. Обиженная из-за несправедливых, по ее мнению, оценок Плеханова Розалия Марковна в ноябре 1918 г. уезжает к дочерям во Францию. Там она пишет ряд воспоминаний, которые помещает в западноевропейских изданиях и в сборниках «Группа „Освобождение труда“», которые выходили в Москве как издание «Комитета по увековечению...», издает переписку Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, занимается общественной деятельностью. Но главное — собирает в одно место архив и библиотеку Плеханова. Р. М. Плеханова вместе с друзьями задумывает создать за границей Дом русской книги для хранения библиотек бывших русских эмигрантов, вернувшихся в 1917 году в Россию. В начале 1920-х гг. эти библиотеки оставались без присмотра и гибли. Однако

деньги, собранные для устройства Дома, пошли на помощь голодающим в России.

В 1922 г. Л. Г. Дейч, один из основателей группы «Освобождение труда», по поручению Советского правительства вступает в переговоры с наследниками Плеханова о передаче архива и библиотеки Плеханова Советскому государству. Переговоры эти продолжались в течение шести лет. Отвергнув предложения иностранных институтов и частных лиц, предлагавших Плехановой купить архив и библиотеку ее мужа, в 1928 г. она привозит их в Советский Союз, где на базе этих материалов был открыт Дом Плеханова (ныне сектор Отдела рукописей ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). До 1939 г. Р. М. Плеханова возглавляла работу Дома Плеханова.

Вторая мировая война застала Р. М. Плеханову в Париже, куда она ежегодно приезжала к дочерям. После оккупации Парижа фашистами она вынуждена была скрываться. После окончания войны состояние здоровья и преклонный возраст помешали ей вернуться на Родину и снова возглавить Дом Плеханова, о судьбе которого она очень волновалась. До последних своих дней она работала, составляла записки о своей жизни в Париже в период оккупации, надеясь вернуться в Ленинград. Умерла Р. М. Плеханова в Париже 31 августа 1949 г. Урна с ее прахом была привезена в СССР и захоронена на могиле Г. В. Плеханова на Волковском кладбище.

Перу Р. М. Плехановой принадлежит большое количество статей и воспоминаний, частью опубликованных, частью оставшихся в рукописях.

Публикуемые воспоминания взяты из книги: Группа «Освобождение труда», сб. № 6. М.—Л., 1928.

¹ Землеволец, а потом чернопеределец О. Е. Николаев. Арестован в ноябре 1879 г., сослан в Сибирь. — 152

² В действительности М. Р. Попов, один из главных деятелей «Черного передела», с самого начала был далеко не чужд политическим мотивам, не хотел рвать с народовольцами и еще до своего ареста в феврале 1880 г. вступил в их ряды. См. также примеч. 4 к воспоминаниям В. Н. Фигнер. — 152

³ Эти слова мемуариста требуют пояснения. Действительно, большинство народников чернопередельческого направления считало, что «освобождение народа должно быть делом самого народа». Этот тезис оказался исторически плодотворным; в своей основе он был принят и русскими марксистами. Но они пошли дальше, выделив из народа его пролетарскую часть и обособив руководящую роль рабочего класса в освободительном движении. Г. В. Плеханов первый выразил это в формуле: «Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих». Тем самым он и его товарищи по группе «Освобождение труда» совершили качественный скачок в развитии российской революционной мысли. — 152

⁴ Когда на квартире Розалии Марковны в Киеве между Плехановым и Михайловым разгорелся спор о результатах Воронежского съезда, «Г. В. сгорстно и резко нападал на его резолюции, которые называл отступническими (от народничества. — Е. Ольховский), изменой народным интересам и революции. А. Михайлов не менее резко и запальчиво возражал. Вчерашние друзья стояли друг против друга с блестящими гневом и неприязнью глазами. Это было невыносимо тяжело. Я, наконец, настояла на прекращении страстного спора...» (Плеханова Р. М. Периферийный кружок «Земли и

воли». Отрывок из воспоминаний. — В кн.: Группа «Освобождение труда». Сб. № 4. М.—Л., 1926, с. 115.) Об А. Д. Михайлове см. примеч. 41, 42 к воспоминаниям В. Н. Фигнер. — 153

⁵ А. Д. Михайлов отбывал заключение в Петропавловской крепости, где и умер в марте 1884 г. — 153

⁶ Мемуарист имеет в виду несколько выступлений А. Д. Михайлова на «процессе 20-ти» в 1882 г., в которых он защищал идеалы народничества и народовольчества. (См.: Процесс 20-ти народольцев в 1882 году. Ростов-на-Дону, 1906, с. 64—72, 73—74 и др.) — 154

⁷ Едва ли справедливо зачислять А. И. Желябова в «спешники либералов», в конституционалисты. Часть народольцев впоследствии действительно выродилась в либералов, но это не имеет никакого отношения к революционеру Желябову, для которого буржуазная конституция была не конечной целью, а средством борьбы за социализм. — 155

⁸ Р. М. Плеханова имела в виду «Манифест тайного братства „Черный передел“», напечатанный в ноябре 1879 г. в типографии «Народной воли». В № 1 «Черного передела» Г. В. Плехановым написаны статьи «От редакции» и «С.-Петербург 14 декабря». В «Манифесте» выдвигались такие требования: немедленный передел земель без всяких платежей, лугов, лесов — помещичьих и казенных «между всеми поровну». (См.: Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. 1. М., 1934, с. 391—392). — 155

⁹ Книги Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба» (1883) и «Наши разногласия» (1885) — подлинный манифест родившегося в России марксизма. Они нанесли серьезнейший удар по идеологии народничества во всех его проявлениях, стали начальной точкой марксистского отсчета в русской общественной мысли. — 155

¹⁰ Речь идет о книгах пионера русской земской статистики В. И. Орлова «Крестьянское хозяйство» и «Формы крестьянского землевладения в Московской губернии» (1879). Здесь определенно говорилось о разложении российской общины. — 155

¹¹ В. И. Засулич — выдающаяся революционерка, четыре десятилетия находившаяся на переднем крае борьбы с царизмом. Сначала — народница, потом одна из основательниц группы «Освобождение труда», член редакции ленинских «Искры» и «Зари». После II съезда РСДРП встала на позиции меньшевизма. (Подробнее см.: Революционеры 1870-х годов. Воспоминания участников народнического движения в Петербурге. Л., 1986, с. 401—402.) — 156

¹² О С. Н. Халтурине см. очерк Л. А. Тихомирова «Пребывание Халтурина в Зимнем дворце» и примеч. к ним. — 157

¹³ Об О. В. Аптекмане см. биографическую справку, с. 340—341. Н. П. Щедрин — видный революционер-народник, земледелец, чернопеределец. По его настоянию организация и была названа «Черным переделом». Приговорен к бессрочной каторге на Каре, длительное время был заключен в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях. — 159

¹⁴ Теофилия Васильевна Пол(л)як — близкая подруга Р. М. Плехановой, участница революционно-народнических кружков. — 160

¹⁵ Последняя статья Г. В. Плеханова «А.В.С.» опубликована в книге: Плеханов Г. В. Год на Родине. Париж, 1921. — 162

¹⁶ Революционеры узнали, что правительство ошибочно считало Г. В. Плеханова, В. И. Засулич, Л. Г. Дейча и Я. В. Стефановича вдохновителями и активнейшими деятелями антиправительственного народольческого террора, участниками Исполнительного комитета «Народной воли». — 163

¹⁷ Н. Н. Златовратский — известный писатель-народник. Был связан с подпольем. — 164

¹⁸ Плеханов действительно уехал из Петербурга 3 января 1880 г. (по ст. стилю). — 164

Софья Андреевна Иванова-Борейша (1856—1927)

В августе 1879 г., когда возникла «Народная воля», Софье Андреевне было 23 года, но она уже вошла в руководящее ядро этой революционной организации. Несмотря на юные годы, С. А. Иванова имела репутацию опытной революционерки. В 1874 г. она работала в типографии И. Н. Мышкина в Москве, в которой было налажено печатание пропагандистской литературы. Когда ее арестовали, она, читаем в ее автобиографии, «обдумавши свое положение», «решила молчать, чтобы не повредить кому-нибудь нечаянно». Ее продержали семь месяцев в предварительном заключении, затем все же освободили до суда на поруки. Но в это время, в декабре 1876 г., произошла известная политическая демонстрация на площади у Казанского собора. «Там я была вновь арестована и судима, — пишет Софья Андреевна. — Вскоре после приговора всех „казанцев“ отправили по назначению, а меня оставили, чтобы судить еще раз по процессу 193-х». (Энцикл. словарь «Гранат», т. 40, стлб. 146, 147.)

На суде С. А. Иванова была в числе «протестантов», отказавшихся присутствовать на заседаниях. Ее заочно приговорили к ссылке в «отдаленную губернию». Задуманный побег из Дома предварительного заключения не удался, но в Архангельскую губернию весной 1878 г. С. А. Иванова прибыла «с определенным намерением долго здесь не заживать».

И действительно, в марте 1879 г. С. А. Иванова вновь в Петербурге, ночует «с приключенцами» на случайных квартирах, ищет старых знакомых-незаконников. Хорошо знавшая наборное дело, она оказалась прямо-таки незаменимым человеком для создания и налаживания типографии «Народной воли».

Софья Андреевна имела привлекательную внешность, была стройной голубоглазой блондинкой и отличалась к тому же живым характером и необычайной добротой. Эти человеческие качества «Ванчки», как ласково звали ее товарищи, с особой силой проявились в дни напряженной работы в народовольческой типографии в Саперном переулке, в условиях строжайшей конспирации, требовавшей от нее и других работавших в типографии почти полной изоляции от внешнего мира.

С. А. Иванова была в числе обвиняемых на «процессе 16-ти», состоявшемся 25—30 октября 1880 г. в Петербургском военно-окружном суде. Кроме Ивановой перед судом предстали Н. К. Бух, А. И. Зундслевич, А. А. Квятковский, С. Г. Ширяев, которые, как и С. А. Иванова, были членами Исполнительного комитета «Народной воли», а также М. В. Грязнова, С. И. Мартыновский, А. К. Пресняков, Я. Т. Тихонов, Е. Н. Фигнер, Л. И. Цукерман и др. Пятерым: А. А. Квятковскому, И. Ф. Окладскому, А. К. Преснякову, Я. Т. Тихонову и С. Г. Ширяеву — был вынесен смертный приговор.

А. А. Квятковский был мужем С. А. Ивановой. После объявления приговора Софья Андреевна писала товарищам из тюрьмы: «Их, пятерых, отправили в крепость в ту же ночь, так что мне

даже не дали проститься с Александром, хотя и обещали. Страшно мучительно ждать известия о том, что с ними сделают... Говорят, будто их не казнят, но я не верю этому, да и не знаю, лучше ли будет для них... Во всяком случае за них не страшно — они сумеют показать, как должны умирать за идею. — Прощайте, милые». (Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932, с. 252.)

Страшное предчувствие не обмануло С. А. Иванову. Трём смертную казнь заменили вечной каторгой А. А. Квятковский и А. К. Пресняков были повешены. Казнь состоялась 4 ноября 1880 г. внутри Петропавловской крепости.

А. А. Квятковскому так и не дали проститься с С. А. Ивановой. В тюрьме у нее родился сын. Когда С. А. Иванову, приговоренную к четырем годам каторги, отправляли в Сибирь, она оставила младенца на попечение Юлии Квятковской, тетки А. А. Квятковского. Вскоре ребенок умер от дифтерита.

Несмотря на перенесенные испытания, С. А. Иванова не только не пала духом, но находила силы морально поддерживать своих друзей-каторжан. «Она была прекрасным товарищем, — вспоминала Ф. Морейнис-Муратова. — Худенькая, хрупкая и подвижная, она то и дело врвалась в какую-нибудь из тех камерок, где находилась болящая или хандрящая, и вскоре оттуда уже слышен был смех» (Из предисловия к посмертному изданию воспоминаний С. А. Ивановой-Борейши «Первая типография „Народной воли“». М., 1927.)

Весной 1885 г. С. А. Иванова была переведена на положение ссыльной. В Европейскую Россию ей было разрешено вернуться только через 16 лет, при этом «был запрещен въезд в столичные и университетские города и, кроме того, указывалось еще 25 городов, где я не имела права жить». («Гранат», стлб. 150.) Поселилась С. А. Иванова в Нижнем Новгороде, где прожила 10 лет. Помогала политическим заключенным через нелегальный Красный Крест; в 1906 г. написала для журнала «Былое» два воспоминания и для «Женского календаря» несколько биографий женщин-революционерок. Переехав в 1910-х гг. в Москву, С. А. Иванова продолжала сотрудничать в «Красном Кресте» вплоть до революции 1917 г., затем принимала участие в деятельности общества бывших каторжан и ссыльнопоселенцев.

«В старости С. А. сумела сохранить те черты, которые отличали ее в молодости: всегда спокойная и ясная, остроумная и вместе с тем благодушная, она вносила много хорошего в окружающую жизнь. Люди, которые с ней соприкасались, испытывали на себе ее благотворное влияние, и про нее с полным правом можно сказать, что она прожила свою жизнь недаром». (Из предисловия к изданию 1927 г.)

Воспоминания С. А. Ивановой-Борейши публикуются по тексту первого издания — «Былое», 1906, № 9.

¹ С. А. Иванова-Борейша ошибается. Землевольческая типография полностью перешла к народовольцам. Чернопередельцы получили типографские принадлежности, хранившиеся в Смоленске. См. об этом вступительную статью, с. 16, а также воспоминания Е. Ковальской и примеч. 1, 6 к ним. — 165

² Н. К. Бух (1853 — после 1934) родился в семье высокопоставленного чиновника. В 1874 г. принял участие в «хождении в народ», бросив учебу в Петербургской медико-хирургической академии и перейдя на нелегальное положение. Не был разыскан и потому не судился на «процессе 193-х». В 1875 г. Бух входил в кружок

киевских «бунтарей», затем работал в типографиях газет «Начало» и «Земля и воля». В члены «Земли и воли» был принят после Воронежского съезда. После раскола «Земли и воли» примкнул к «Народной воле», вошел в ее Исполнительный комитет, принимал участие в налаживании работы народовольческой типографии в Саперном переулке. При аресте типографии оказал вооруженное сопротивление. По «процессу 16-ти» (октябрь 1880 г.) приговорен к 15 годам каторги, которую отбывал на Каре. В 1929 г. в журнале «Каторга и ссылка» (кн. 8-9) Н. К. Бух опубликовал воспоминания «Первая типография „Народной воли“». — 166

³ Под именем прислуги Анны Барабановой в типографии жила Е. Д. Сергеева, член Исполнительного комитета «Народной воли». Сергеева умело разыгрывала роль расторопной прислуги, хорошо ладила с дворниками. Однако она очень тяжело переносила необходимость вести замкнутый образ жизни, поэтому ее сменила М. В. Грязнова, прописанная под именем Аксины Дмитриевой.—167

⁴ Абрам — Лубкин Сергей Николаевич, народовец, имевший опыт работы наборщиком, ранее сотрудничавший с Н. К. Бухом в типографии «Земли и воли». — 167

⁵ Цукерман Лейзер Иоселевич, народовец. Начал работать в подпольной типографии «Народной воли» в октябре 1879 г. Незадолго до этого вернулся из-за границы, где работал наборщиком в типографии. Являлся членом Русской секции I Интернационала. — 168

⁶ Полиция явилась в третьем часу в ночь на 18 января 1880 г. — 175

⁷ В комодке С. А. Ивановой хранилась часть архива «Народной воли», в том числе донесения Н. В. Клеточникова, которые С. А. Иванова переписывала. — 175

⁸ Получив известие, что в Саперном переулке полиция напала на подпольную типографию, которую власти разыскивали более двух месяцев, туда прибыл градоначальник А. Е. Зуров. Следом за ним явился и В. К. Плеве, в то время прокурор судебной палаты. — 177

Елизавета Николаевна Ковальская (1851—1943)

Е. Н. Ковальская была внебрачной дочерью харьковского помещика Солнцева и крепостной крестьянки. После смерти отца сделалась богатой наследницей и с 1860-х годов стала принимать участие в передовых кружках молодежи. В 1870-х годах она жила в Петербурге и Харькове, была знакома со многими выдающимися революционерами, вела тайную пропаганду в Царскосельском уезде Петербургской губернии и на Украине.

Осенью 1879 г. Елизавета Николаевна вошла в Центральный кружок «Черного передела», активно участвовала в создании и деятельности его тайной типографии в Петербурге.

В начале 1880 г. вместе с Н. П. Щедриным Ковальская уехала в Киев, создала здесь «Южно-русский рабочий союз», разработала его первые программные документы, но 22 октября была арестована.

До 1903 г. длились скитания Е. Н. Ковальской по тюрьмам и ссылкам. В 1903 г., уехав за границу, Ковальская вступила в партию эсеров, примкнув к максималистам.

В 1917 г. Е. Н. Ковальская вернулась в Россию. Работала в историко-революционной секции Государственного архива в Пе-

троgrade, в 1923 г. переехала в Москву, была членом редколлегии журнала «Каторга и ссылка». Написала много воспоминаний о своей бурной жизни и революционной борьбе, в которых широко использовала архивные документы.

Данные воспоминания Е. Н. Ковальской были опубликованы в журнале «Каторга и ссылка», 1929, № 1 (50), с. 61—63. Печатаются по тексту журнала.

¹ История этих переговоров неоднократно освещалась и по-разному трактовалась в воспоминаниях как народовольцев, так и чернопеределъцев. Делегаты чернопеределъцев: М. Р. Попов, Я. В. Стефанович и Г. Н. Преображенский — проявляли по разным соображениям явную уступчивость. Большая часть имущества и денежных средств бывшей «Земли и воли» досталась народовольцам. Советский исследователь И. С. Вахрушев, опираясь на воспоминания народовольцев, приводит перечень причин, по которым делегаты чернопеределъцев были вынуждены занять именно такую позицию. Он считает получение большей доли народовольцами обоснованным и справедливым. (См.: *Вахрушев И. С. Очерки истории русской революционно-демократической печати 1873—1886 гг.* Саратов, 1980, с. 129—130.) Но при этом он упустил из виду, что бо́льшие права народовольцев, чем чернопеределъцев, обозначились лишь впоследствии, а не в момент переговоров. В 1879 г., когда еще не выявились преобладающая численность народовольцев, их большая политическая активность, справедливее было бы деличь имущество «Земли и воли» поровну. — 179

² Народник В. А. Переплетчиков передал оборудование своей легальной типографии в Смоленске, а также хранившееся у него дополнительное типографское оборудование чернопеределъцам по решению комиссии, назначенной для переговоров между «Народной волей» и «Черным переделом». Переплетчиков участвовал и в работе этой чернопеределъческой типографии. — 180

³ Справедливо считая Жаркова виновником провалов, революционеры покончили с ним. «Листок „Народной воли“», № 1, сообщал, что 5 февраля 1880 г. агенты Исполнительного комитета «Народной воли» (А. К. Пресняков, видный рабочий-революционер, и другие — *Е. Ольховский*) «выследили Жаркова и убили его у Тучкова моста на льду Малой Невки.

Оглушенный кистенем, шпион упал, крича о помиловании, обещая во всем признаться. Несколько ударов кнжала прекратили эту позорную жизнь, и через час только замерзший труп предателя свидетельствовал о свершившемся акте правосудия, доказывая собою, что и в России, хотя и редко, но все же иногда торжествует справедливость и получает достойную кару предательство». (Литература партии «Народной воли». Париж, 1905, с. 230.) — 181

⁴ В типографии были арестованы: М. К. Крылова, И. П. Пьянков, П. В. Приходько-Теслейко, Е. Шевырева. Затем в жандармскую паутину вокруг типографии попали: Н. А. Короткевич, О. В. Аптекман, Е. И. Козлов, Е. Я. Рубанчик, В. А. Переплетчиков. (ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 78, 1880 г., д. 8287, л. 21 об.—22; ЛГИА, ф. 2073, оп. 4, 1880 г., д. 33, л. 2.) В марте 1881 г. Аптекман, Пьянков, Переплетчиков и арестованные по другим делам чернопеределъцы Шедрин, Преображенский и Кашинцев отказались принять в тюрьме присягу Александру III. — 181

⁵ Имеется в виду работа *Ивановская П. С.* Первые типографии «Народной воли». — Каторга и ссылка, 1926, № 3 (24). См.

также воспоминания Ивановой-Борейши С. А. Мемуаристы-народовольцы считали, что землевольческие типографии и имущество между «Народной волей» и «Черным переделом» были распределены справедливо, отчасти спорили с мемуаристами-чернопередельцами. Точку зрения чернопередельцев на итоги раздела высказывали еще в 1881 г. П. Б. Аксельрод (см.: Обзор социально-революционного движения в России. — *Jahrbuch für Sozialpolitik und Sozialwissenschaft*. Zürich, 1881, S. 290) и в ряде послереволюционных работ Л. Г. Дейч (см.: Кто прав. — Группа «Освобождение труда», сб. № 5, М.—Л., 1926; «Черный передел». — Историко-революционный сб., т. II. Л., 1924). — 181

Еспер Александрович Серебряков
(1854—1921)

Имя Еспера Александровича Серебрякова тесно связано с историей Военной организации «Народной воли», в частности, с Кронштадтским морским кружком. Е. А. Серебряков, в те годы юный лейтенант, был в числе группы молодых морских офицеров, пришедших осенью 1880 г. на состоявшуюся в Кронштадте встречу с делегатами Исполнительного комитета «Народной воли» А. И. Желябовым и Н. Н. Колодкевичем. С тех пор до 1883 г. Е. А. Серебряков активно участвует в деятельности Военной организации. Его имя упоминается в числе первых, когда заходит речь об осуществлении наиболее дерзких и опасных предприятий, затеваемых народовольцами. Именно Е. А. Серебрякова предполагалось поставить во главе группы народовольцев, предназначавшейся для организации побега С. Г. Нечаева из Алексеевского рavelина. При этом учитывались присущие Е. А. Серебрякову хладнокровие и спокойствие.

Е. А. Серебряков был уроженцем Петербурга. Он родился в интеллигентной дворянской семье. Его отец, полковник А. А. Серебряков, был инженером путей сообщения. Е. А. Серебряков поступил сначала в гимназию, но вскоре перешел в Морской корпус, так как мечтал стать моряком. В Морском корпусе он попал в круг способных и тянувшихся к знаниям юношей, среди которых были и его будущие товарищи по «Народной воле» — Н. Е. Суханов, А. П. Штромберг, В. В. Луцкий. В корпусе Серебряков вступает в кружок самообразования, известный впоследствии под названием «Общество китоловов». В нем растет протест против существующего в России самодержавного строя. Поначалу Е. А. Серебряков и его товарищи, морские офицеры, не раз помогали революционерам, но ни в какие организации не входили. Свойственное революционным кружкам 1870-х гг. отрицательное отношение к борьбе за политические свободы было одной из причин, отдалявших от них таких молодых офицеров, как Е. А. Серебряков. По с возникновением «Народной воли», программа которой предусматривала и борьбу за политические права, Е. А. Серебряков и другие офицеры не только быстро пошли на сближение с народовольцами, но и вступили в эту партию.

Вынужденный в августе 1883 г. эмигрировать, Е. А. Серебряков сблизился в Париже со старым идеологом народничества П. Л. Лавровым, а также с оказавшимися в эмиграции М. Н. Ошаниной, Л. А. Тихомировым и другими народовольцами. Тогда же Е. А. Серебряков начинает участвовать в издательской деятельности народовольцев за границей. Сотрудничает в «Вестнике „Народной воли“», в других изданиях.

В 1885—1886 гг. в биографии Е. А. Серебрякова открывается новая, необычная страница. Вслед за своим товарищем В. В. Луцким он получает со стороны болгарского правительства приглашение поступить на службу. Болгария, получившая независимость в 1878 г., не имела еще своих подготовленных офицеров ни в армии, ни во флоте. Ухудшение отношений между стоявшим во главе Болгарского княжества Александром Батенбергом и правительством царской России повлекло за собой отзыв из Болгарии русских офицеров. Е. А. Серебряков оказывается командующим болгарской дунайской флотилией и участвует в болгаро-сербской войне. Не желая оказаться втянутым в политические интриги после ареста Александра Батенберга, Е. А. Серебряков подает в отставку и возвращается в Париж.

Находясь в эмиграции, Е. А. Серебряков много времени и сил отдает литературным занятиям. Убежденный революционер, он остро реагирует на ренегатское поведение Л. А. Тихомирова и публикует «Открытое письмо Льву Тихомирову», пишет статьи и брошюры, посвященные истории революционного движения в России. В Лондоне Е. А. Серебряков издает и редактирует ежемесячник «Накануне», участвует в деятельности «Фонда вольной русской прессы». В 1905 г. у Е. А. Серебрякова появляется возможность вернуться в Россию, но сначала на протяжении трех лет он живет в Финляндии.

По приезде в Петербург Е. А. Серебряков сотрудничает в журнале «Вестник знания», много времени отдает переводам с английского и французского языков.

После Февральской революции Е. А. Серебряков вступает в одну из эсеровских групп, участвует в редактировании газеты «Народ».

После Октябрьской революции Е. А. Серебряков порывает с партией эсеров. Он сосредоточивается на научной и литературной деятельности, работает научным сотрудником в Историко-революционном архиве, входит в состав комиссий Музея революции, участвует в создании выставки, посвященной истории «Народной воли», пишет воспоминания о П. Л. Лаврове.

13 марта 1921 г. Е. А. Серебряков скончался в Петрограде. Близко знавшие Е. А. Серебрякова видели в нем «светлого человека, не шедшего ни на какие компромиссы, подрывающие основы его взглядов, неизменно отзывчивого в радостях и печалях товарища, человека любви к людям, веры в торжество социального равенства и свободы» (Каторга и ссылка, 1924, т. 3, с. 234).

Первый вариант своих воспоминаний Е. А. Серебряков опубликовал еще в 1886 г. в № 5 «Вестника „Народной воли“»; затем, в период первой российской революции, появилась возможность напечатать их в легальном «Былом» (1907, № 2, 4). В настоящем сборнике воспоминания Е. А. Серебрякова печатаются по последнему прижизненному изданию: *Серебряков Е. А. Революционеры во флоте*. Пг., 1919.

¹ Во второй половине 1870-х гг. революционеры стали изменять свои взгляды на пропаганду в войске. В программе «Земли и воли» уже говорилось о необходимости привлечения армии на сторону революции. (Пункт «а» части «Б»: «Заведение связей и организации в войсках, и главным образом среди офицерства») Об отношении «Народной воли» к революционной работе в армии см. вступительную статью, с. 23—24. — 182

² Мичман В. В. Луцкий был ненадолго арестован в феврале 1879 г. по делу о тайной типографии. В 1881 г. эмигрировал. — 183

³ М. П. Драгоманов (1841—1895) — историк, этнограф, публицист. Примыкал к украинскому национальному движению. По своим политическим взглядам принадлежал к левому крылу либерализма. Эмигрировав в 1876 г., до 1889 г. жил в Женеве, откуда переехал в Болгарию. Поддерживал связи с демократическими и революционными кругами. Был в контакте с народовольцами, но затем, в 1882—1883 гг., выступал с резкими нападками на них.

Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Драгоманов в русских эмигрантских изданиях печатал фельетоны, содержавшие критику самодержавия и призывавшие к ведению революционной пропаганды в русской армии. Видимо, эти фельетоны, изданные отдельными брошюрами, имеет в виду Е. А. Серебряков. — 186

⁴ Имеется в виду роман В. В. Берви-Флеровского «На жизнь и смерть». — 186

⁵ Д. А. Милютин, в 1861—1881 г. военный министр, осуществил проведение системы преобразований в армии, в целом составивших военную реформу. Наиболее значительным среди них было введение всеобщей воинской повинности, заменившей рекрутчину (1874 г.). Первыми мероприятиями, проведенными еще в начале 1860-х гг., были перемены, коснувшиеся военно-учебных заведений. Кадетские корпуса были преобразованы в военные гимназии, открыты военные и юнкерские училища, учреждена Военно-юридическая академия, расширены программы в Академии Генерального штаба и в Медико-хирургической академии. Во всех военных учебных заведениях было расширено и улучшено преподавание общеобразовательных предметов; к работе в них были привлечены высококвалифицированные и зачастую прогрессивно настроенные профессора. — 186

⁶ Имеется в виду кружок самообразования в морском училище в начале 1870-х гг. В. Н. Фигнер пишет: «...в таком кружке участвовали Суханов, Серебряков, Луцкий и др., которые потом в шутку назывались «китоловами». Это название имело свое происхождение от объяснения, которое давали участники кружка своему начальству, открывшему благодаря доносу существование «тайного общества» в стенах училища. Члены кружка указывали, что они имели в виду развитие промыслов северной России... По одной версии, это объяснение было придумано для начальства, которое само было радо придать делу невинный характер; по другому рассказу, слышанному мною, юноши действительно предполагали заняться ловлей китов для добывания материальных средств на дело революции» (Фигнер В. Н. Запечатленный труд, т. 1. М., 1933, с. 176.) — 187

⁷ Кронштадтская чернопредельская группа примкнула к «Народной воле» во второй половине 1881 г. — 188

⁸ «Казанская демонстрация» — первая политическая демонстрация в России с участием рабочих, состоялась в Петербурге на площади перед Казанским собором 6 декабря 1876 г. Разгоняя демонстрантов, полиция жестоко их избивала. С не меньшим усердием и злобой били демонстрантов дворники и кое-кто из оказавшихся вблизи обывателей, которых Серебряков называет «шорниками». — 190

⁹ Центральный военный кружок образовался в декабре 1880 — январе 1881 г. Тогда же был выработан программно-уставной документ, может, та самая «конституция», о которой пишет Серебряков, но содержание его неизвестно. (См.: Волк С. С. Программные до-

кументы «Народной воли». — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.—Л., 1963, с. 457.) — 200

¹⁰ В. С. Панин был арестован в августе 1883 г. и выслан в Акмолинскую область; покончил с собой в 1885 г.

¹¹ С. П. Дегаев (1857—1920) — штабс-капитан кронштадтской артиллерии, в 1881 г. входил в народовольческий Центральный военный кружок. в 1882 г. был введен В. Н. Фигнер в Исполнительный комитет. После ареста в декабре 1882 г. Дегаев стал на путь предательства. В январе 1883 г. ему был устроен фиктивный побег из тюрьмы; после этого он в течение нескольких месяцев выдал всю Военную организацию «Народной воли», много других народовольцев, в том числе и В. Фигнер. В мае 1883 г. Дегаев был «командирован» Департаментом полиции в Париж для провокаторской работы среди русских эмигрантов, но там он во всем признался Л. А. Тихомирову — заграничному члену Исполнительного комитета «Народной воли». В обмен на обещание сохранить ему жизнь Дегаев вернулся в Россию и способствовал убийству в декабре 1883 г. главы политического сыска Г. П. Судейкина; после этого скрылся в Америку. — 202

¹² См. об этом воспоминания К. Я. Загорского, с. 239—242 и примеч. 6, 7 к ним. — 203

¹³ Е. А. Серебряков имеет в виду прокламации «Исполнительный комитет европейскому обществу» и «Честным мирянам, православным крестьянам и всему народу русскому». (См.: Революционное народничество семидесятых годов XIX века, т. 2, с. 233—236.) — 207

¹⁴ В январе 1881 г. Исполнительный комитет обсуждал вопрос о возможности устроить побег С. Г. Нечаеву, заключенному в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. Нечаев, к тому времени уже восемь лет просидевший в крепости, сумел распропагандировать солдат, несших там караул. С их помощью он сначала связался с народовольцем С. Г. Ширяевым, также заключенным в рavelин, а затем по совету Ширяева и с Исполнительным комитетом «Народной воли».

В. Фигнер вспоминала о чувствах, охвативших ее при виде записки, переданной Нечаевым из Алексеевского рavelина: «Удивительное впечатление производило это письмо: исчезало все, темным пятном лежавшее на личности Нечаева, — пролитая кровь невинного, денежные вымогательства, добывание компрометирующих документов с целью шантажа, все, что развертывалось под девизом: «цель оправдывает средства», вся та ложь, которая окутывала революционный образ Нечаева. Оставался разум, не померкший в долготемном одиночестве застенка; оставалась воля, не согнутая всей тяжестью обрушившейся кары; энергия, не разбитая всеми неудачами жизни. Когда на собрании Комитета было прочтено обращение Нечаева, с необыкновенным душевным подъемом все мы сказали: „Надо освободить!“» (Фигнер В. Н. Запечатленный труд, т. 1. М., 1933, с. 192—193.)

Но план освобождения Нечаева был отложен, так как все силы «Народной воли» оказались сконцентрированными на подготовке решающего покушения на Александра II. А затем в конце 1881 г. предательство Л. Ф. Мирского положило конец надеждам на освобождение Нечаева. (См. примеч. 2 к главе XIII воспоминаний О. В. Аптекмана.) Распропагандированные Нечаевым солдаты были отданы под суд. — 207

¹⁵ Речь Н. Е. Суханова была опубликована в эмигрантских газетах «Вольное слово» и «Общее дело» и в неофициальном отчете

о судебном процессе. (См.: Процесс 20-ти народовольцев в 1882 г. Ростов, 1906.) Распространялось также гектографированное издание речи Суханова, несколько отличное от изданных типографским способом. (См.: *Троицкий Н. А.* Безумство храбрых. М., 1978, с. 303.) — 213

¹⁶ А. В. Буцевич (1849—1885) — член Центрального военного кружка «Народной воли»; с апреля 1882 г. — член Исполнительного комитета. Арестован в июне 1882 г.; приговорен к смертной казни, замененной вечной каторгой. — 218

¹⁷ М. И. Драгомиров (1830—1905) — генерал, во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. командовал дивизией; в 1878—1889 гг. — начальник Академии Генерального штаба. — 219

¹⁸ А. В. Буцевич был арестован не в мае, а в июне 1882 г. — 220

¹⁹ О Военной организации «Народной воли» см. вступительную статью, с. 23—24. — 220

²⁰ Когда Е. А. Серебряков пишет о разгроме «партии в Москве», он имеет в виду происходившие в феврале—апреле 1882 г. в Москве аресты, в результате которых были схвачены Я. В. Стефанович и Ю. Н. Богданович, а также выданные шпионом члены московской рабочей организации во главе с А. П. Булановым и И. В. Калюжным, раскрыта московская штаб-квартира народовольцев. Оставшиеся на свободе народовольцы спешно покинули Москву, народовольческая типография была закрыта. — 220

²¹ М. Ю. Ашенбреннер (1842—1926) — подполковник, с 1881 г. один из руководителей Военной организации «Народной воли»; действовал преимущественно на юге России. Был выдан Дегаевым и арестован в марте 1883 г. Признал свою принадлежность к социально-революционной партии, но давать показания о своей деятельности отказался. По «процессу 14-ти» в 1884 г. приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. 20 лет просидел в Шлиссельбургской крепости. Будучи освобожден в 1904 г., жил до 1917 г. под надзором полиции в Смоленске, затем переехал в Москву. Вел активную общественную деятельность, был избран «почетным красноармейцем». Написал книгу мемуаров «Военная организация „Народной воли“ и другие воспоминания» (М., 1924). — 221

²² И. К. Разумов — член народовольческого кружка в Кронштадте. Был арестован в марте 1884 г., затем подчинен гласному надзору полиции. — 222

²³ К. А. Степури в 1882 г. входил в Центральный петербургский кружок «Народной воли»; в 1883 г. был оставлен Г. А. Лопатиным замещать его на время отъезда из Петербурга. Арестован в марте 1884 г. 20 февраля 1886 г. покончил с собой, будучи не в силах вынести подозрения товарищей в предательстве. — 222

Неонила Михайловна Салова

(1860 — после 1934)

Неонила Михайловна Салова была рядовым членом «Народной воли», в которую вступила в 1880 г., познакомившись с В. Н. Фигнер. До этого — гимназия в Чернигове, куда дошла весть о «процессе 50-ти», заставившая юную Н. Салову задуматься о своем будущем пути. Затем Петербург, знакомство с революционной средой.

Став народоволкой, Н. М. Салова сначала вела пропаганду среди рабочих, но затем было признано более целесообразным

включить ее в группу для сношения с учащейся молодежью. Неонила Михайловна, несмотря на близкое знакомство с В. Н. Фигнер, ничего не знала о подготовке покушения на Александра II — члены Исполнительного комитета умели хранить секреты.

После 1 марта 1881 г. Н. Салова уезжает на время в провинцию — переждать волну арестов. В октябре 1882 г. В. Н. Фигнер посылает ее за границу с письмом к эмигрировавшим членам Исполнительного комитета — Л. А. Тихомирову и М. Н. Ошаниной. В Россию Неонила Михайловна возвращается в октябре 1883 г. вместе с Г. А. Лопатыным, чтобы по поручению заграничного центра «Народной воли» способствовать восстановлению народовольческих организаций. В начале октября 1884 г. вместе с Лопатыным ее и арестовывают.

На допросах Н. М. Салова отказалась отвечать на интересующие жандармов вопросы. Вот запись ее заявления 18 октября 1884 г., хранящаяся в Центральном военно-историческом архиве: «О знакомствах своих я никаких объяснений давать не желаю. Равно я не желаю давать никаких объяснений и по содержанию писем, заметок и вообще того, что отобрано у меня при моем задержании... Относительно моей революционной деятельности... я могу лишь сказать, что состояла агентом Исполнительного комитета, отказываясь от всяких дальнейших объяснений по этому поводу». (См.: *Троицкий Н. А.* «Народная воля» перед царским судом. Саратов, 1983, с. 239.)

На судебном процессе по «делу 21-го» (26 мая — 5 июня 1884 г.) Н. М. Салова была приговорена к смертной казни, замененной 20-летней каторгой, которую она отбывала на Каре. В 1898 г. ее перевели на поселение в Читу. Там она пережила бурные события 1905 и 1917 гг., гражданской войны. Автобиографию, написанную в 1926 г. в Чите, Н. М. Салова закончила словами: «После всего пережитого, достигнув уже преклонного возраста, почувствовала безграничную усталость, от которой уже не отдохнуть. Довольно. Я не могу уже быть деятельной участницей жизни, я только внимательная зрительница».

Воспоминания Н. М. Саловой об организаторе народовольческой пропаганды среди рабочих в Петербурге И. П. Каковском записаны с ее слов, когда она была в 1883 г. за границей, и опубликованы в № 5 «Вестника Народной воли» в 1886 г.

В 1903—1904 гг. перепечатывались в журнале «Былое» («заграничного»), вып. 11. Нами воспроизводятся по тексту переиздания этого выпуска (1906, Ростов).

¹ Иван Павлович Каковский (Коковский) (1859—1881) — во второй половине 1870-х гг. входил в киевские народнические кружки; в 1879 г. переехал в Петербург, стал членом «Народной воли». Был одним из организаторов народовольческой пропаганды среди рабочих, действовал под именами «Валентин», «Петр Иванович», И. П. Каковский принимал участие в выработке «Программы рабочих, членов партии Народной воли»; в народовольческой «Рабочей газете» он вел раздел «Рабочее житье-бытье».

В заключении прокурора Петербургской судебной палаты от 14 декабря 1881 г. по делу о 85 лицах, обвиняемых в революционной пропаганде среди петербургских рабочих, об И. П. Каковском, в частности, говорилось, что после лета 1880 г., «по словам Рысакова», дальнейшей «разработкой начал организации (среди рабочих.— *Сост.*) особенно занимались Иван Орлов и упомянутый выше

Петр Иванович, он же Валентин». «Относительно деятеля пропаганды, указываемого Рысаковым под именем Петра Ивановича или Валентина, было выяснено посредством розысков, что деятель этот есть бывший студент С.-Петербургского университета Иван Павлов Каковский, который, однако, за обнаружением его личности лишь за несколько дней до его смерти, последовавшей 16 мая сего года в г. Симферополе, не мог быть допрошен». (Революционное народничество семидесятых годов XIX века, т. 2, с. 266, 268.) Смерть от туберкулеза избавила И. П. Каковского от ареста и суда. — 224

² См. вступительную статью, с. 45, 47. — 228

³ О «Программе рабочих, членов партии Народной воли» см. вступительную статью, с. 22. — 230

⁴ Арестованный в марте 1881 г. И. Г. Орлов в своих показаниях на следствии рассказал о некоторых подробностях переговоров народолюбцев и чернопередельцев:

«В конце мая 1880 г. я познакомился с некоторыми из членов партии „Черного передела“. Ознакомившись с ними, я заметил, что мои убеждения близко сходятся со взглядами их партии. Результатом этого знакомства оказалось следующее: они (чернопередельцы) обещались мне помогать в моих занятиях с рабочими материально и нравственно, т. е. знакомить меня с людьми, которые могли бы заниматься с рабочими, давать материальные средства для моего собственного пользования, а также и для существования рабочих, снабжать меня книгами легальными и нелегальными.

В это время у чернопередельцев велись переговоры с народолюбцами по поводу соглашения о деятельности среди рабочих; на эти переговоры чернопередельцы пригласили и меня, как человека, знающего рабочего не по книжкам, а по собственному непосредственному изучению. Поводом к этим переговорам, как я узнал потом, послужило следующее обстоятельство: чернопередельцы завели знакомство с одним кружком рабочих, с этим же кружком познакомились и народолюбцы. Тут явился следующий вопрос: „Кому же с этим кружком заниматься?“ Ни чернопередельцы, ни народолюбцы отступить не хотели; совместной деятельности, благодаря различной теоретической постановке вопроса о революционной деятельности, не могло быть. Я два раза был на упомянутых выше переговорах; дальнейшее мое пребывание на них по просьбе народолюбцев было прекращено, так как я дозволял себе резкие выходы против партии „Народной воли“. Переговоры кончились уже без моего участия, и теоретическим результатом этих переговоров, если можно так выразиться, было несколько пунктов соглашения; я не припомню хорошо этих пунктов, но на первом плане стояла в них деятельность культурная...» (Революционное народничество семидесятых годов XIX века, т. 2, с. 260.) — 230

⁵ О деятельности «Народной воли» среди рабочих см. вступительную статью, с. 21—22. Дополнительные сведения об этом содержатся в уже цитировавшемся прокурорском заключении по делу о 85 пропагандистах. Там, в частности, говорилось:

«По показанию Рысакова, образование революционной организации среди петербургских рабочих, по почину так называемой партии „Народной воли“, было обсуждаемо теоретически на собраниях членов этой партии и рабочих, происходивших летом 1880 г. на островах и на взморье, причем практическое ее осуществление началось с осени того же года. Началами деятельности этой организации являлись начала «Народной воли», а главную задачу представлялась агитация среди рабочих с целью подготовить их

к насильственному ниспровержению в более или менее близком будущем, путем открытого восстания, существующего в России политического и экономического строя. Самая организация состояла из семи кружков и групп, разделенной на районы по частям города, например район Петербургской, Выборгской стороны, Измайловского полка и т. д., и была связана с партией „Народной воли“ посредством агентов партии, из которых каждый действовал в своем районе.

В пределах же отдельных районов организация должна была состоять из кружков 1-го и 2-го разрядов, центральных групп и учительских революционных кружков. Кружки 1-го разряда были лишь кружками самообразования, в которых рабочие обучались грамоте, арифметике и т. п.; только случайно, между прочим учитель (принадлежавший к так называемой интеллигенции) проводил здесь известные суждения о тягостях работы, податей, плохом вознаграждении рабочих и т. п. В кружках 2-го разряда собирались рабочие, уже получившие известную революционную подготовку в собраниях предыдущих кружков; здесь им читались лекции по истории и по учению социализма, при этом раздавалась для чтения „Рабочая газета“ преступного содержания и объяснялась программа „Народной воли“, к которой предлагалось им примкнуть.

Лица, уже вполне подготовленные в известной степени и усвоившие себе учение партии, имели быть избираемы в члены „центральной агитационной группы“ известного района, имевшей уже непосредственное отношение к агенту того района. Для собрания такой центральной группы устраивались особые „рабочие квартиры“, хозяином которых обыкновенно был семейный рабочий, преданный революционному делу, а жильцом студент, член партии, обязанный читать рабочим лекции и вообще руководить делом пропаганды и агитации, помогая в этом агенту района. Наряду с центральными группами рабочих, в среде интеллигенции, преимущественно же среди учащейся молодежи, образовывались „учительские революционные кружки“, главными задачами коих являлась разработка программ и рефератов для чтений рабочим, устройство самых чтений, пропаганда в рабочих кружках и т. д. <...>

Изложив таким образом сущность рабочей организации, Рысаков добавил, что приводимые им сведения рисуют ее, так сказать, в „идеальном“ виде; на самом же деле далеко не все районы были сформированы окончательно, например, рабочих квартир, назначенных по одной на каждый район, первое время было всего 1—2 на весь город, так что в них собирались выдающиеся рабочие всех местностей. Независимо от приведенных общих указаний Рысаков назвал некоторых лиц, принимавших то или другое участие в организации» <...> (Революционное народничество семидесятых годов XIX века, т. 2, с. 264—265.) — 230

⁶ Из заключения прокурора: студент «Петр Попович после целого ряда разноречивых и уклончивых показаний дал, наконец, нижеследующее, по-видимому чистосердечное, объяснение: ...в ноябре он познакомился в университете со студентом Каковским, сблизился с ним и услышал от него, что существует кружок лиц, устраивающих занятия с рабочими. Видя, что обиваемый интересуется этими занятиями, Каковский предложил ему принять в них участие и, когда он, Попович, выразил на то свое согласие, указал ему рабочую квартиру в доме № 33/35 по Большой Дворянской улице, где жили Алексей Скворцов и Павел Егоров, в которой, по его словам, необходимо было поселиться, что обиваемый и испол-

нил. На этой квартире он, Попович, прожил до своего задержания, сперва около месяца со студентом Арнольдом Гроссманом, а потом с Паули. Здесь он последовательно познакомился с рабочими — Скворцовым, его братом Павлом Егоровым, а также Тимофеем Михайловым и Ильиным, приходившими к Скворцову. С ними, кроме Ильина, он стал заниматься арифметикой, географией, историей и другими науками по особой программе, сообщенной ему Каковским. В программе этой по *истории* рекомендовалось выставлять возможно ярче темные стороны правительственного строя и клонить дело к отрицанию власти монарха и к утверждению народного самоуправления, причем обращать особое внимание на те эпохи, которые ознаменовались сильным поднятием народного духа, как-то: эпоха смутного времени, бунтов Стеньки Разина и Пугачева и т. п. Задачи по *арифметике* рекомендовалось задавать на темы рабочей платы, доходов и прибылей и т. д.» (Революционное народничество семидесятых годов XIX века, т. 2, с. 273—274.) — 231

⁷ А. А. Франжоли (1844—1883) — в первой половине 1870-х гг. был членом одесского отделения кружка «чайковцев». На «процессе 193-х» ему было зачтено в наказание предварительное заключение, но после освобождения по суду он был административно сослан в Сольвычегодск, откуда бежал в 1880 г. Вступив в «Народную волю», Франжоли заведовал «химической лабораторией», затем, в 1881 г. в Москве, занимался типографским делом. В 1883 г. эмигрировал; в том же году умер в Женеве. — 231

Константин Яковлевич Загорский (1859 — после 1934)

Только один год проучился Загорский в Киевском университете. Потом задумал переезжать в Питер: тянуло в крупнейший центр революционной борьбы, к самой передовой науке. В 1877 г. он перевелся на юридический факультет Петербургского университета, вошел в революционные студенческие кружки. В этой среде тогда усиливались настроения, приведшие в 1879 г. к образованию и расцвету деятельности «Народной воли». К политическому протесту тяготел тогда и К. Я. Загорский, очевидно поэтому его интересные воспоминания о Центральном студенческом университетском кружке окрашены в народовольческие тона.

В 1879 г. Загорский стал членом чернопередельческой организации А. П. Буланова, М. И. Шефтеля, М. К. Решко, вскоре (после отъезда за границу Г. В. Плеханова и др.) вслею судеб ставшую вторым центром «Черного передела». Загорский входил в редакцию чернопередельческого печатного органа, писал и в «Черном переделе», и в его рабочем листке «Зерно», вел занятия в Мурзинке за Семянниковским заводом под Петербургом. Он был одним из тех видных чернопередельцев, кто в 1882 г. перешел в «Народную волю», а потом, не удовлетворившись ее программой, вообще отошел от революционной деятельности.

Впоследствии К. Я. Загорский был виднейшим теоретиком железнодорожного права, экономики транспорта, служил в центральных железнодорожных ведомствах дореволюционной России, а затем и СССР. Вел преподавательскую работу и был профессором петербургских учебных заведений и советских вузов в Москве.

Воспоминания К. Я. Загорского публикуются по тексту журнала «Каторга и ссылка», 1931, № 3.

¹ Н. И. Зибер — видный экономист, один из первых популяризаторов экономических идей К. Маркса в России. С 1873 г. был доцентом политической экономии Киевского университета. В 1875 г. в знак протеста против засилия реакционеров в университете ушел в отставку и уехал в Швейцарию. — 236

² М. П. Драгоманов — украинский публицист, историк, общественный деятель. С 1864 г. — приват-доцент Киевского университета, деятель киевской национально-культурнической организации «Громады». В 1875 г. уволен из университета за «политическую неблагонадежность» и в 1876 г. эмигрировал в Швейцарию. См. также примеч. 3 к воспоминаниям Е. А. Серебрякова. — 236

³ Автор несколько преувеличивает демократизм общей обстановки в Петербургском университете. Но действительно, бывший с 1876 г. по 1883 г. ректором Андрей Николаевич Бекетов, основатель русской школы ботаников, видный деятель просвещения и женского образования, относился к студенческим сходкам вполне терпимо. — 237

⁴ Русско-турецкая война 1877—1878 гг. возникла в результате обострения противоречий на Балканах и Ближнем Востоке. Она вызвала подъем национального самосознания славянских народов. Несмотря на военные победы России, война показала изъяны государственного управления, организации армии и дипломатические промахи правительства. Русско-турецкая война была важным фактором роста общественного недовольства в российском обществе и возникновения второй революционной ситуации в России. — 237

⁵ Центральный студенческий кружок в Петербургском университете действительно тяготел по своим воззрениям к «Народной воле». В него входили А. И. Желябов, С. Л. Перовская, П. П. Подбельский, Л. М. Коган-Бернштейн и др. Вместе с тем практически кружок стоял скорее на общенароднических, а не на специфически народовольческих позициях. В деятельности кружка активное участие принимали и чернопеределцы «второго призыва»: А. П. Буланов, М. И. Шефтель, К. Я. Загорский, В. Н. Шеталов и др. Анализ деятельности Центрального студенческого кружка наиболее подробно см.: *Щетинина Г. И.* Студенчество и революционное движение в России. Последняя четверть XIX в. М., 1987, с. 55—56, 69—70. — 238

⁶ 8 февраля 1881 г. во время традиционного университетского акта (ежегодного торжественного отчетного заседания) Центральный студенческий кружок — нелегальная народовольческая студенческая организация, во главе с П. П. Подбельским, Л. М. Коганом-Бернштейном, М. А. Энгельгардтом, Н. М. Флеровым, В. А. Бодаевым и др. провел политическую демонстрацию. После официального доклада в присутствии 4 тысяч человек студент Коган-Бернштейн произнес короткую антиправительственную речь, заранее подготовленную вместе с А. И. Желябовым. Текст речи приведен в № 5 «Народной воли»:

«Господа! Из отчета ясно: единодушные требования всех университетов оставлены без внимания. Нас выслушали для того, чтобы посмеяться над нами? Вместе с насильем нас хотят подавить хитростью. Но мы понимаем живую политику правительства; ему не удастся остановить движение русской мысли обманом! Мы не позволим издеваться над собой: лживый и подлый Сабуров найдет в рядах интеллигенции своего мстителя!»

Далее в «Народной воле» следовало описание возникшего скандала: «Поднявшийся шум мешал слышать слова говорившего.

Крики „тише“, „слушай“, „молчать“, наполнявшие залу, приводили публику в смущение: неизвестно было, к кому они относились — к говорившему студенту или к тем лицам, которые мешали ему говорить. В это время из толпы товарищей выделяется студент 1-го курса Подбельский, подходит к Сабурову и дает ему затрепину. Несмотря на то что внимание публики было отвлечено шумом на хорах, слух о пощечине разносится по залу. Подымается ужасный шум, раздаются крики: „вон наглого лицемера“, „вон мерзавца Сабурова“, „вон негодяев“. Несколько человек юристов кидаются на хоры с целью схватить оратора. Происходит кое-где свалка.. Ни Бернштейн, ни Подбельский, однако, не были арестованы. Спокойствие в зале мало-помалу восстановилось, и акт продолжался».

Во время речи Коган-Бернштейна с хор по залу были разбросаны прокламации, отпечатанные на гектографе. В них говорилось:

«Правительство шло за последнее время с мыслью, что студенчество неспособно ни к политической жизни, ни к гражданскому мужеству. К единодушным заявлениям всех высших учебных заведений оно отнеслось с пренебрежением. Но среда студенческая не обезличена, в ней таится скрытая сила; эта сила страстная, могучая, которая не согнет своей выи под игом железного деспотизма, прикрытого подачками и посулами. Она твердо и решительно будет защищать интересы студенчества.

8 февраля она впервые сочла своим долгом выступить пред лучшей частью русского интеллигентного общества и ученой корпорацией в открытую борьбу с представителем и выразителем желаний, столь излюбленных правительством и чуждых студенчеству.

Над Сабуровым произносится приговор. Студенчество клеймит наглого лицемера, срывает мантию эфемерного блеска, обнажает немощь и убожество всей безнравственной политики правительства и заявляет, что у всего молодого и мыслящего один ответ, одна кара: позор!» (Революционное народничество семидесятых годов XIX века, т. 2, с. 230.)

Демонстрация 8 февраля в Петербургском университете привела к резкому размежеванию среди студенчества. В этой связи Центральный студенческий кружок 11 февраля счел необходимым выпустить еще одну прокламацию, разъяснявшую его позицию. В ней, в частности, говорилось:

«Нам, людям протеста, людям, решившимся твердо держаться раз выраженных требований, людям, смотрящим на университет не как на профессиональную школу, а как на рассадник свободной русской мысли, — нам необходимо было организовать свои силы для неотступного требования свободной гражданской жизни и свободного кафедрального чтения лекций. С этой целью мы образовали университетский кружок и стали группировать вокруг него лиц, недовольных существующими университетскими порядками и готовых протестовать против них. Кружок наименовал себя Центральным в отличие от других кружков (самообразовательных, землячеств и др.), но он не думал принимать на себя представительства от всех студентов; он был, пожалуй, самозванный, но он ведь не посягал ни на власть, ни на особые права. Повторяем, кружок образовался только тогда, когда часть студенчества не захотела протестовать и требовала от других прекращения протеста. Так было дело незадолго до акта; газеты оповестили, что на акте ожидается некая подачка; „благоразумное большинство“ задумало рукоплескать этой подачке — к позору всех русских университетов. Быду этого пришлось Центральному кружку организовать про-

тест. Мы решились не допустить оваций Сабурову; если же таковые произойдут, то противопоставить им энергичный протест, не останавливаясь пред резкостью формы, которая ставилась в зависимость от обстоятельств.

Мы гордимся происшедшим и извиняемся лишь пред нашими единомышленниками в том, что не могли заранее оповестить всех о форме протеста». (Там же, с. 231—232.) — 239

⁷ Л. М. Коган-Бернштейн (1862—1889) — один из видных участников петербургского Центрального университетского кружка, выдающийся оратор и пропагандист в рабочей среде. После акта 8 февраля скрывался сначала в конспиративной квартире народо-вольцев у Геси Гельфман, потом вел подпольную работу в Саратове и Москве, но был арестован в апреле 1881 г. В мае 1882 г. сослан на 5 лет в Восточную Сибирь. Жил в Якутске. 22 марта 1889 г. во время столкновения воинской команды с ссыльными (т. н. «якутская трагедия») был тяжело ранен. На суд был доставлен на койке; казнен 7 августа 1889 г.

П. П. Подбельский (1859—1889) — с 1880 г. студент Петербургского университета, член Центрального университетского кружка; вел активную пропаганду среди рабочих. После 8 февраля 1881 г. укрылся в подполье. Арестован 1 апреля 1881 г., в июне 1882 г. сослан на 5 лет в Восточную Сибирь. Во время «якутской трагедии» 22 марта 1889 г. был убит. — 240

⁸ К. Г. Неустров был казнен в 1883 г. за намеренное оскорбление иркутского губернатора Д. Г. Анучина. Студенческая печать издала в Петербурге биографию Неустроева и его предсмертное письмо. (Об этом см.: От народничества к марксизму. Воспоминания участников революционного движения в Петербурге (1883—1894 гг.). Л., 1987, с. 43.) — 243

⁹ П. Ф. Якубович (псевдонимы Мельшин, Гриневиц и др.) — революционер-народник, поэт. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета в 1882 г. Видный деятель «Народной воли» после 1883 г. Летом 1884 г. организовал подпольную типографию в Дерпте и напечатал там № 10 «Народной воли». В 1887 г. приговорен по «процессу 21-го» к смертной казни, замененной каторгой, которую 18 лет отбывал на Каре и в Акатуе. Написал очерки о каторге (В мире отважных, т. 1—2. СПб., 1896—1899). — 243

¹⁰ Ю. Э. Янсон — видный русский экономист, статистик. С 1864 г. преподавал в Петербургском университете. Был известен как автор многих трудов, показывавших тяжелое положение трудящихся в пореформенной России. — 244

¹¹ Вероятнее всего имеется в виду журнал «Студенчество», проявлявший устойчивый интерес к марксизму. (ЦГАОР СССР, ф. ДП, 3 делопр., 1885 г., д. 618, л. 4.) Всего вышло 8 номеров журнала. Активное участие в его издании принимали студенты В. Барыбин, А. Леонтьев и др. О журнале см.: Лапина Р. Г., Жуйков Г. С. Революционные и социал-демократические кружки в Петербургском университете в 1883—1891 гг. — В сб.: Петербургский университет и революционное движение в России. Л., 1979, с. 34.

Однако не исключено, что речь идет и о гектографированной газете «Борьба», в которой революционеры писали, что студенчество «не может ограничиться узкими, корпоративными требованиями. Проведение широкой университетской реформы переплетается с решением вопросов общеполитического свойства». (ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 1, д. 391 (Борьба, № 1, март 1882 г.) — 245

Анна Павловна Прибылева-Корба
(1849—1939)

В автобиографии А. П. Прибылева-Корба писала: «Мое сближение с революционерами, которые позднее составили ядро партии „Народной воли“, относится к весне 1879 г. В августе этого же года я была принята в агенты Исполнительного комитета, а в январе следующего года я была избрана в члены ИК».

До этого были длительные поиски своего предназначения. Приезд в Петербург из провинции, женские Аларчинские курсы, знакомство с нелегальными книгами, с «Капиталом» Маркса и работой В. В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России». Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Анна Павловна, закончив курсы медсестер, уехала на театр военных действий. Затем снова Петербург и раздумье — что же делать дальше? «...Впечатление, полученное мною от убийства Мезенцова, явилось для меня последней ступенью, приведшей меня к революционному пути» — так пишет она в автобиографии.

В рядах народолюбцев А. П. Корбе суждено было сыграть важную роль. В 1879—1882 гг. Корба была членом Исполнительного комитета «Народной воли», выполняла ответственные поручения — участвовала в издании газеты «Народная воля», ее работам доверялось паспортное бюро «Народной воли». Корба участвовала в работе динамитной мастерской, была хозяйкой конспиративной квартиры. После ареста А. И. Желябова и Н. Н. Колодкевича А. П. Корба наряду с В. Н. Фигнер и С. С. Златопольским руководила деятельностью Военной организации.

В 1882 г. Корбу выследили царские ищейки. В то время она жила в Дровяном переулке, 22, поэтому наблюдавшие за ней агенты в своих донесениях называли Корбу «дровяной барышней». В июне 1882 г. А. П. Корба была арестована. До суда она сидела сначала в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, затем в Доме предварительного заключения.

По «процессу 17-ти», состоявшемуся в конце марта — начале апреля 1882 г., Корба была приговорена к 20 годам каторги. По манифесту 1883 г. срок каторги был сокращен ей до 13 лет. А. П. Корба отбывала каторгу в Карийской каторжной тюрьме. В 1892 г. она вышла на поселение, жила в Чите, затем переехала в Благовещенск. В 1905 г. Корба была амнистирована и вернулась в Москву. В 1909 г. была вновь арестована и на два года выслана в Минусинск.

После Октябрьской революции активно участвовала в жизни Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Занималась литературной деятельностью. В 1926 г. большая часть воспоминаний была собрана в ее книге «Народная воля». Воспоминания о Н. В. Клеточникове, не вошедшие в книгу, были опубликованы в журнале «Каторга и ссылка», 1934, кн. 5-6. Печатаются по тексту журнала.

¹ Среди немногих, кто в условиях строжайшей конспирации, налаженной А. Д. Михайловым, держал связь с Н. В. Клеточниковым, была и А. П. Корба. Она знала адрес, по которому жил Клеточников, и в случае опасности именно она должна была предупредить об этом. — 246

² а) «Процесс 193-х» длился с 18 октября 1877 г. по 23 января 1878 г.

б) В. И. Засулич выстрелом из револьвера ранила петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова 24 января 1878 г. Дело по обвинению В. Засулич рассматривалось 31 марта 1878 г. в Петербургском окружном суде и завершилось ее оправданием. См. об этом воспоминания В. Засулич в томе «Революционеры 1870-х годов» (Л., 1986) и примечания к ним.

в) Шеф жандармов Н. В. Мезенцов был убит С. М. Кравчинским на улице в Петербурге 4 августа 1878 г.— 247

³ Г. Г. Кириллов служил в должности заведующего 3-й экспедиции III отделения собственной его императорского величества канцелярии. В его обязанности входил политический сыск. — 250

⁴ Сначала Н. В. Клеточников был зачислен в секретные агенты с жалованьем 30 руб. в месяц. Вскоре, в марте 1879 г., он был переведен в «агентурное отделение» при 3-й экспедиции, где затем получил штатную должность помощника делопроизводителя. После упразднения III отделения 6 августа 1880 г. (см. об этом вступительную статью, с. 35) Клеточников перешел в Департамент государственной полиции Министерства внутренних дел на ту же должность. В связи с поступлением на государственную службу Н. В. Клеточников получил чин коллежского регистратора, самый низший из гражданских чинов по табели о рангах. (См.: Былое, 1906, № 1, с. 271—274.) Профессор П. А. Зайончковский сообщает, что в списке чиновников III отделения, хранящемся в Центральном государственном историческом архиве СССР в фонде Канцелярии министра внутренних дел, значится и Клеточников с окладом 900 руб. в год. (См.: Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1964, с. 171.) — 251

⁵ «Северный союз русских рабочих» (Л. А. Тихомиров называет его «Северным рабочим союзом», О. В. Аптекман — «Северно-русским рабочим союзом») объединял в своих рядах примерно 200 человек — наиболее сознательных рабочих Петербурга; еще приблизительно столько же было «сочувствующих». Руководили «Союзом» выдающиеся рабочие-революционеры В. П. Обнорский, С. Н. Халтурин, П. А. Моисеенко. «Союз» имел кассу и библиотеку, намеревался издавать свою газету, однако уже готовый первый (и единственный) ее номер попал в руки полиции.

Наибольшая активность в деятельности «Союза» пришлась на 1878—1879 гг. В декабре 1878 г. была принята программа, содержащая призыв к сплочению рабочих в борьбе с социальной несправедливостью и беспорядком. В программе подчеркивалось, что у русского и международного пролетариата одни цели и задачи. Программа предусматривала: свержение существующего в царской России политического и экономического строя; учреждение свободной федерации равноправных общин, обладающих полным внутренним самоуправлением; уничтожение поземельной частной собственности и замену ее общинным владением; «правильную ассоциацию организации труда», при которой в руки рабочих должны были перейти «продукты и орудия производства». (См.: Рабочее движение в России в XIX в. Т. 2, ч. 2. М., 1950, с. 240—242.)

Перечисленные положения были близки народническим взглядам. Но в программе «Союза» были еще и «непосредственные требования», которые содержали призыв к «борьбе за политическую свободу», за «свободу слова, печати, право собраний и сходок». Требования политической свободы расходились с программными воззрениями революционных народников 1870-х гг. донародовольческого периода. Выдвигая эти требования, составители программы

«Северного союза русских рабочих» опережали интеллигентов-народников в осознании необходимости политической борьбы.

Разногласия по вопросу о политической борьбе, расхождения в тактике (нежелание рабочих идти в деревню, куда их звали землевольцы, а позднее недовольство чрезмерным увлечением террором), стремление к идейной и организационной самостоятельности приводили к трениям и спорам между «Северным союзом русских рабочих» и народниками. Споры эти, надо отметить, велись, как правило, в корректном и товарищеском тоне. В то же время народники и рабочие при необходимости действовали совместно и оказывали друг другу необходимую помощь.

Деятельность «Северного союза русских рабочих» была прервана волной арестов в феврале 1880 г. — 252

⁶ Об А. И. Баранникове и Н. Н. Колодкевиче см. примеч. 6, 10 к воспоминаниям М. Ф. Фроленко. — 254

⁷ И. Ф. Окладский — см. примеч. 25 к воспоминаниям В. Н. Фигнер. — 254

⁸ Г. М. Фриденсон (1854—1893) — агент Исполнительного комитета, член московской группы «Народной воли»; с января 1881 г. действовал в Петербурге. Был осужден по «процессу 20-ти» на 10 лет каторги. — 254

⁹ А. В. Якимова (1856—1942) — член Исполнительного комитета «Народной воли». Была осуждена по «процессу 20-ти» на вечную каторгу. — 254

¹⁰ Незадолго до ареста Н. В. Клеточникова сыск по политическим делам частично был передан в ведение петербургского градоначальства. Поэтому Клеточников не всегда имел возможность предупредить товарищей о предстоящих арестах. — 255

¹¹ Смертный приговор, вынесенный по «процессу 20-ти», после протестов европейской общественности был заменен бессрочной каторгой следующим обвиняемым: И. П. Емельянову, Г. П. Исаеву, Н. В. Клеточникову, Н. Н. Колодкевичу, Т. И. Лебедевой, А. Д. Михайлову, М. В. Тетерке, М. Ф. Фроленко, А. В. Якимовой. Из них Клеточников, Колодкевич, Михайлов и Тетерка умерли в Петропавловской крепости в 1883—1884 гг.; Исаев — в Шлиссельбурге в 1886 г., Лебедева — на Каре в 1887 г. — 256

¹² В. К. Плеве — в 1881—1884 гг. — директор Департамента полиции; в 1902—1904 гг. — министр внутренних дел. Н. В. Муравьев — см. примеч. 50 к воспоминаниям В. Н. Фигнер; И. С. Ганецкий — генерал, в 1881—1887 гг. комендант Петропавловской крепости; М. Е. Соколов (по прозвищу «Ирод») — тюремный смотритель в Петропавловской, затем в Шлиссельбургской крепостях. — 256

¹³ Из объяснения Н. В. Клеточникова на суде:

«До 30 лет я жил в глухой провинции, среди чиновников, занимавшихся дрязгами, попойками, вообще ведущими самую пустую, бессодержательную жизнь. Среди такой жизни я чувствовал какую-то неудовлетворенность, мне хотелось чего-то лучшего. Наконец я попал в Петербург, но и здесь нравственный уровень общества не был выше. Я стал искать причины такого нравственного упадка и нашел, что есть одно отвратительное учреждение, которое возвращает общество, которое заглушает все лучшие стороны человеческой природы и вызывает к жизни все ее пошлые темные черты. Таким учреждением было III отделение. Тогда, гг. судьи, я решил проникнуть в это отвратительное учреждение, чтобы парализовать его деятельность. Наконец мне удалось поступить туда на службу.

Председатель (*с иронией*). Кому же вы служили? Этому отвратительному учреждению... т. е. по вашим словам отвратительному, или кому другому?

Клеточников. Я служил обществу.

Председатель (*с иронией*). Какому же такому обществу? Тайному или явному?

Клеточников. Я служил русскому обществу, всей благомыслящей России.

Председатель. Вы получали жалованье в III отделении?

Клеточников. Да, получал.

Председатель (*с иронией*). И вы находили возможным брать деньги из этого отвратительного учреждения, как вы его называете?

Клеточников. Если бы я не брал, то это показалось бы странным, и я навлек бы на себя подозрение.

Итак, я очутился в III отделении среди шпионов. Вы не можете себе представить, что это за люди! Они готовы за деньги отца родного продать, выдумать на человека какую угодно небылицу, лишь бы написать донос и получить награду. Меня просто поразило громадное число ложных доносов. Я возьму громадный процент, если скажу: из ста доносов один оказывается верным. А между тем почти все эти доносы влекли за собою арест, а потом и ссылку. <...> Я возненавидел это отвратительное учреждение и стал подрывать его деятельность: предупреждал, кого только мог, об обыске, а потом, когда познакомился с революционерами, то передавал им самые подробные сведения.

Председатель. Сколько вам платили за это?

Клеточников. Нисколько.

Председатель. На дознании вы показали, что брали от революционеров деньги.

Клеточников. На дознании я находился совсем в исключительных условиях, не в таких, каких обыкновенно находятся обвиняемые, хотя бы и в политических преступлениях. Я находился под тяжелым давлением. Я был весь в руках своего начальства, всемогущего, озлобленного за то, что я так жестоко его обманул. В таком положении можно было и не то наговорить, на самом же деле я действовал, глубоко убежденный в том, что все общество, вся благомыслящая Россия будут мне благодарны за то, что я подрывал деятельность III отделения. <...>». (Прибавление к № 8—9 «Народной воли». — В кн.: Литература партии «Народной воли». Париж, 1905, с. 576—578.) — 257

Лев Александрович Тихомиров

(1852—1923)

Общественная деятельность Л. А. Тихомирова резко делится на два периода. Вначале — он революционер-народник; с 1888 г. — ренегат, идейный прислужник самодержавия. В 1872—1873 гг., учась в Московском университете, он входил в кружок «чайковцев» — наиболее значительную организацию народников начала 1870-х гг.; судился по «процессу 193-х», ему было вменено в наказание четыре года тюремного заключения. В 1878 г. Тихомиров вступил в центральный кружок «Земли и воли», а с 1879 г. он — член Исполнительного комитета «Народной воли». Он был одним из редакторов печатного органа «Земли и воли», а в «Народной воле» Тихоми-

ров — лучший публицист, главный редактор партийного органа, соавтор важнейших документов. Однако, как выяснилось впоследствии, Л. А. Тихомиров не имел твердых и глубоких революционных убеждений. Обладая литературным талантом, он лишь умело выражал настроения и взгляды своих товарищей по Исполнительному комитету.

В 1882 г., во время разгрома «Народной воли», Тихомиров уехал за границу. Совместно с П. Л. Лавровым он издавал «Вестник Народной воли». Гибель «Народной воли», беспочвенность эмигрантской жизни, духовное одиночество, крайняя материальная нужда и некоторые личные обстоятельства явились причиной постепенной деморализации Тихомирова. В конце концов он отказался от революционных устремлений, о чем заявил в брошюре «Почему я перестал быть революционером». Затем он обратился с покаянным прошением к царю, был прощен и в 1889 г. вернулся в Россию. Став консерватором и монархистом, Тихомиров сотрудничал в реакционной газете «Московские ведомости», позже редактировал ее. В 1917 г. отошел от общественной деятельности.

Очерк Л. А. Тихомирова «Пребывание Халтурина в Зимнем дворце» был опубликован анонимно в «Календаре Народной воли на 1883 г.», вышедшем в Женеве в 1883 г. По словам автора, он был «составлен на основе рассказов разных вполне благонадежных лиц, слышавших, в свою очередь, рассказы об этом эпизоде от Желябова и Халтурина» («Календарь Народной воли», с. 40).

В дальнейшем Тихомиров дважды обращался к тому же сюжету, дополняя и изменяя текст. В 1887 г. в Париже на французском языке вышла книга Тихомирова «Заговорщики и полиция», одна из глав которой посвящена взрыву в Зимнем дворце. В переводе на русский язык выходила трижды, последний раз — в 1930 г. Позже, возможно уже в России, Тихомиров еще раз переработал и расширил свое повествование. Этот вариант опубликован в № 4 журнала «Каторга и ссылка» за 1926 г. В настоящем издании воспроизводится текст из «Календаря Народной воли», написанный Тихомировым в то время, когда он еще был революционером.

¹ Степан Николаевич Халтурин (1856—1882) принадлежит к числу замечательных рабочих-революционеров. По происхождению крестьянин, он окончил один курс четырехгодичного Училища для распространения технических и сельскохозяйственных знаний и подготовки учителей в Вятке и получил профессию столяра. С осени 1875 г. по весну 1880 г. (кроме лета 1878 г., когда он выезжал в Нижний Новгород) Халтурин жил в Петербурге, работал в вагонных мастерских Александровского завода (ныне — Октябрьский электровагоноремонтный завод), на Сампсониевском машинолитейном и вагоностроительном заводе (ныне не существует), на Балтийском заводе (ныне Балтийский завод им. С. Орджоникидзе), в Новом Адмиралтействе (ныне входит в Ленинградское Адмиралтейское объединение).

Уже в 1876 г. Халтурин становится пропагандистом и организатором рабочих, входит в центр складывавшейся в то время самостоятельной рабочей организации (В. П. Обнорский, Д. Н. Смирнов, А. Н. Петерсон, И. А. Бачин, С. И. Виноградов, С. К. Волков и др.). Он заведовал рабочей библиотекой, состоявшей из нескольких сотен книг, разносил их по рабочим квартирам разных районов города, беседовал о прочитанном, объяснял непонятное. Халтурин — один из организаторов демонстрации 9 декабря 1877 г. во время похорон рабочих — жертв взрыва на Патронном заводе,

Это был человек выдающегося ума, большой силы характера, глубоких знаний. «Жгучесть его энергии, энтузиазма и оптимистической веры была заразительна, непреодолима, — вспоминал С. М. Степняк-Кравчинский. — Вечер, проведенный в обществе этого рабочего, прямо освежал душу». (*Степняк-Кравчинский С. М. Степан Халтурин.* — Соч. В 2-х т. Т. 1. М., 1958, с. 607.) Г. В. Плеханов писал об огромном влиянии Халтурина на рабочих, даже о «диктатуре» его, объясняя ее «неутомимым вниманием его ко всякому делу». (*Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении.* — Соч., т. 3, М.—Пг., 1923, с. 196.)

В 1877—1878 гг. в Петербурге проходило становление первой революционной рабочей организации — «Северный союз русских рабочих». Душой ее были С. Н. Халтурин и В. П. Обнорский. Составленная ими программа ранее народнической выдвинула на первый план наиболее актуальную задачу того времени — завоевание политической свободы в России.

С осени 1879 г. по февраль 1880 г. Халтурин жил и работал в Зимнем дворце, готовя покушение на Александра II. После произведенного им 5 февраля 1880 г. взрыва Халтурин был отправлен народолюбцами в Москву для пропаганды среди рабочих. После 1 марта 1881 г. стал членом Исполнительного комитета «Народной воли». 18 марта 1882 г. в Одессе вместе с Н. А. Желваковым Халтурин принял участие в убийстве прокурора В. С. Стрельникова, наводившего своим произволом ужас на юге России. 22 марта 1882 г. Н. А. Желваков и С. Н. Халтурин были повешены в Одессе. — 258

² Автор относит постановку типографии «Северным союзом» и издание газеты ко времени, предшествующему поступлению Халтурина в Зимний дворец. Еще Г. В. Плеханов отметил, что это ошибка. Подготовка к созданию типографии, тоже по свидетельству Плеханова, началась в середине 1879 г., так что к осени уже была нанята квартира, сделан печатный станок, подобраны наборщики, оставалось дело за шрифтом. Однако окончательное устройство типографии и выпуск первого и единственного номера газеты «Рабочая зоря» приходится уже на начало 1880 г.: газета датирована 15 февраля 1880 г. Тираж ее был очень невелик; по данным дознания, лишь 30 экз. оказались годными и были распространены.

Когда «Северный союз» только задумал издание собственного органа, Халтурин «был молчаливо и единогласно признан редактором будущей газеты», — замечает Плеханов. Но каково было фактическое участие Халтурина в издании «Рабочей зари», происходившем в то время, когда он жил уже в Зимнем дворце и был занят иными делами, неизвестно.

14 марта 1880 г., через месяц после выхода «Рабочей зари», типография была арестована. (См.: *Плеханов Г. В. Соч.*, т. 3. М.—Пг., 1923, с. 200, 201, 204; Сб. Рабочее движение в России, т. 2, ч. 2, М., 1950, с. 275—278.) — 258

³ О том, как пришел к террору С. Н. Халтурин, рассказывает Г. В. Плеханов. Халтурин, по его словам, был человеком чрезвычайно целеустремленным. «Все внимание его было поглощено общественными вопросами, и все эти вопросы, как радиусы из центра, исходили из одного коренного вопроса о задачах и нуждах нарождавшегося русского рабочего движения». К народническому террору Халтурин отнесся первоначально с большим неудовольствием, т. к. покушения сопровождалось усилением правительственных репрессий. «Чистая беда, — восклицал Халтурин, — только-только наладится

у нас дело, — хлоп! — шарахнула кого-нибудь интеллигенция, и опять провалы. Хоть немного бы дали вы нам укрепиться!». Но затем настроение Халтурина переменилось. «Падет царь, падет и царизм, наступит новая эра, эра свободы. Так думали тогда очень многие. Так стали думать и рабочие». Халтурин пришел к мысли: «Смерть Александра II принесет с собой политическую свободу, а при политической свободе рабочее движение пойдет у нас не по-прежнему. Тогда у нас будут не такие союзы, с рабочими же газетами не нужно будет прятаться». Это соображение стало решающим. (*Плеханов Г. В. Соч., т. 3. М.—Пг., 1923, с. 199—203.*) — 258

⁴ С 12 марта по 5 сентября 1879 г. Халтурин работал в Новом Адмиралтействе. В это время у причала завода стояла императорская яхта «Александрия», на которой велись спешные работы. В числе других столяров Халтурин работал на этой яхте. (Протоколы жандармского дознания по делу о взрыве в Зимнем дворце. ЦГВИА, ф. 1351, оп. 1, д. 4350, л. 135—135 об., 136а—136б, 186—187.) — 259

⁵ Никаких особых рекомендаций для поступления в мастерские Зимнего дворца не требовалось. Рабочие нанимались в них так же, как в любые другие мастерские. Обычно уже работавшие в мастерской рекомендовали мастеру своих знакомых. Некоторые поступали без всяких рекомендаций. С. Н. Халтурина рекомендовал работавший во дворце столяр Р. А. Бундуль по просьбе его знакомого столяра Г. Ф. Петрова, с которым Халтурин работал вместе в Новом Адмиралтействе и у которого жил в июле—августе 1879 г., квартира и столуясь вместе с ним у его родственника столяра В. Ф. Борзова. (Протоколы допросов А. В. Козичева, Р. А. Бундуля, Г. Ф. Петрова, А. И. Петровой, В. Ф. Борзова, Е. И. Борзовой. ЦГВИА, ф. 1351, оп. 1, д. 4350, л. 96—97, 80—82, 113—116 об., 184а—184б об., 118—120 об., 125—128 об., 129, 131—133 об.) — 259

⁶ По свидетельству члена Исполнительного комитета «Народной воли» А. В. Якимовой, до сентября 1879 г. она одна из народолюбцев поддерживала связь с С. Н. Халтуриным. Узнав о его намерении поступить во дворец с целью подготовить покушение на царя, она, уезжая из Петербурга, посоветовала ему обратиться к Исполнительному комитету через А. А. Квятковского (*Якимова А. В. И; прошлого. — Историко-революционный бюллетень, 1922, № 1, с. 12—13.*) Далее рассказывает М. Ф. Фроленко: «Я был членом Распорядительной комиссии... Квятковский, член той же комиссии, придя на заседание, заявил, что он виделся с Халтуриным, жившим уже во дворце, и тот предложил было зарубить царя топориком, но он, Квятковский, боясь, чтоб царь не вырвал у Халтурина топорик да не зарубил бы его самого, предложил лучше действовать динамитом, на что Халтурин тоже согласился». (*Тихомиров Лев. Заговорщики и полиция. М., 1930, с. 168—169 — примечания М. Ф. Фроленко.*) Установление Халтуриным связи с Исполнительным комитетом нужно отнести к сентябрю 1879 г., т. е. сразу по определении его во дворец: Фроленко уехал из Петербурга в начале октября, В. Н. Фигнер — около 20 сентября, но оба они до отъезда знали о задуманном покушении. (См.: *Процесс 20 народолюбцев в 1882 г., Спб., 1906, с. 17; Фигнер В. Н. Запечатленный труд, т. 1. М., 1964, с. 209; Из показаний В. Н. Фигнер. — Былое, 1906, № 7, с. 28—29.*) — 259

⁷ С. Н. Халтурин был принят на работу в Зимний дворец 10 сентября 1879 г. (Отношение заведующего императорским Зим-

ним дворцом в Петербургское жандармское управление, 13 февраля 1880 г. — ЦГВИА, ф. 1351, оп. 1, д. 4350, л. 178.) — 259

⁸ И. В. Гурко (1828—1901), генерал от кавалерии, с 7 апреля 1879 г. по 14 февраля 1880 г. занимал должность Петербургского временного генерал-губернатора. — 260

⁹ С. Н. Халтурин жил в Зимнем дворце по фальшивому паспорту крестьянина Олонецкой губ. Степана Батышкова. (Отношение заведующего императорским Зимним дворцом в Петербургское жандармское управление, 13 февраля 1880 г. — ЦГВИА, ф. 1351, оп. 1, д. 4350, л. 178.)

Показания мастеровых Зимнего дворца не подтверждают того, что С. Н. Халтурин играл роль серого мужика. Мастер бронзового дела В. Лапшин нашел, что «Батышков» был «как будто не нашего класса», столяр А. Заводов — что «Батышков был не простой мастерской, а человек образованный; однажды он нарисовал ему глобус и рассказывал о движении Земли и т. п.». Когда столяру Мурашкину нужно было написать счет и это затрудняло его, «Батышков» сделал это за него. В числе книг «Батышкова» были «Повести» Вольтера, о чем знали жившие вместе с ним столяры. (ЦГВИА, ф. 1351, оп. 1, д. 4350, л. 986, 134—134 об.; д. 4330, л. 151—151 об.; Процесс 16-ти террористов. СПб., 1906, с. 144.) — 260

¹⁰ Помещения, о которых идет речь, находятся в западном корпусе Зимнего дворца, расположенном напротив Адмиралтейства. Их окна обращены во двор. Посередине корпуса со стороны двора — вход с широким каменным крыльцом, который вел в помещение гауптвахты. Под солдатской караульной было пять небольших помещений; второе к северу окно от крыльца принадлежало комнате, в которой жили три столяра, в том числе С. Н. Халтурин. Во втором этаже над солдатской караульной были малиновая и желтая комнаты царских покоев; последняя служила столовой. (Гулевич С. История л.-гв. Финляндского полка. СПб., 1909, ч. III, с. 452. (План гауптвахты). Натурный осмотр помещений Зимнего дворца, протоколы дознания — ЦГВИА, ф. 1351, оп. 1, д. 4330, л. 2—5, 8—9, 56 и др.; д. 4350, л. 17—19.) — 260

¹¹ Специальная дворцовая полиция не существовала. Среди десятков лиц, служивших во дворце и допрошенных по делу о взрыве, нет ни одного полицейского. — 261

¹² Из допросов десятков служителей, мастеровых и начальствующих лиц дворца, произведенных после взрыва, следует, что серьезных изменений в дворцовых порядках обнаружение плана, взятого у А. А. Квятковского, не вызвало, т. е. власти не сумели оценить всей важности этой находки. Было увеличено число надзирателей, наблюдающих за подвалами и чердаками и за тем, чтобы посторонние лица не входили в помещения, и учреждено ночное дежурство надзирателей; старые, дряхлые служители заменены новыми; перемены бляхи, которые являлись пропуском для входа во дворец, так как старые были растеряны. Посторонние лица могли приходиться во дворец, но надзиратель обязан был проводить их к тому служащему, которого они спрашивали. Ни обыски помещений, ни личные обыски входивших во дворец не производились. Не жандарм, а один из новых надзирателей — В. И. Петроцкий был поселен в комнате столяров. 4 года назад он служил жандармом в Виленском жандармском управлении, но был уволен «как нетрезвого и развратного поведения». (Показания В. И. Петроцкого, отношение начальника Виленского жандармского управления — на-

чальнику Петербургского. ЦГВИА, ф. 1351, оп. 1, д. 4350, л. 9—11, 275—275 об.; д. 4330, л. 152—153.) — 262

¹³ Динамит, приготовленный будущими народовольцами летом 1879 г., ушел на подготовку покушений под Одессой, Александровском и Москвой. Остатки его нашли при обыске в квартире А. А. Квятковского в Лештуковом пер. 24 ноября. Новая динамитная мастерская на Большой Подьяческой, 37, стала работать с начала января 1880 г. С этого времени С. Н. Халтурин мог носить динамит в Зимний дворец. Основное количество динамита, по свидетельству М. Ф. Фроленко, Халтурин пронес во дворец в корзине, прикрыв его бельем и крахмальными рубашками. Фроленко утверждает по собственному опыту, что динамит ничем не пахнет и голова от него не болит. Около 1 января 1880 г. Халтурин купил у одного из столяров большой сундук, хотя вещей у него было мало, и постоянно держал его закрытым. Несомненно, в нем и хранился динамит. (Процесс 17-ти народовольцев. — Былое, 1906, № 10, с. 211; *Тихомиров Лев*. Заговорщики и полиция. М., 1930, с. 169 — примечания М. Ф. Фроленко; Показания столяров — ЦГВИА, ф. 1351, оп. 1, д. 4350, л. 105, 108, 241.) — 263

¹⁴ По свидетельству экспертов, сундук с динамитом был поставлен либо на русскую печку, находившуюся в комнате столяров, либо внутри ее. (ЦГВИА, ф. 1351, оп. 1, д. 4330, л. 10—10 об., 11.) — 263

¹⁵ См. примеч. 9. — 263

¹⁶ Из показаний служащих во дворце следует, что никто из них ничего не знал о плане Зимнего дворца с крестом на столовой — ни один не упомянул о нем. (ЦГВИА, ф. 1351, оп. 1, д. 4350, л. 99—100, 102—104, 201 и др.) — 264

¹⁷ Для взрыва было употреблено 2 пуда динамита — к такому выводу пришли эксперты, осматривавшие место взрыва. То же количество называет М. Ф. Фроленко. (ЦГВИА, ф. 1351, оп. 1, д. 4350, л. 10—10 об., 11; *Тихомиров Лев*. Заговорщики и полиция. М., 1930, с. 169 — примечания М. Ф. Фроленко.) — 264

¹⁸ При взрыве были разрушены свод между подвалом и первым этажом, где была караульня, перегородки между помещениями в подвале. В комнате столяров не осталось никаких следов от русской печки. Взрывная волна устремилась к перекрытию между первым и вторым этажами, но оказалось, что оно состоит из двойных сводов. Нижний свод был пробит, верхний только потревожен. Поэтому во втором этаже в малиновой комнате лишь приподнялись три щита паркета, в желтой (царской столовой) — вылетели отдушины воздушного отопления, появились трещины в общей стене этих комнат; рассыпались конфеты, разбились тарелки, бокалы. Никто из царской семьи еще не входил в столовую. (Протоколы осмотра места взрыва, показания служащих дворца. — ЦГВИА, ф. 1351, оп. 1, д. 4330, л. 2—5, 8—9, 56, 58, 59, 95.) — 265

¹⁹ Убитых при взрыве и умерших от ран было 11 человек, раненых — 56. В основном это были солдаты, находившиеся на гауптвахте (См.: Процесс 16-ти террористов. СПб., 1906, с. 32.) По поводу взрыва в Зимнем дворце «Народная воля» выпустила прокламацию, в которой, в частности, говорилось: «С глубоким прискорбием смотрим мы на погибель несчастных солдат царского караула, этих подневольных хранителей венчанного злодея. Но пока армия будет оплотом царского произвола, пока она не поймет, что в интересах родины ее священный долг стать за народ против царя, такие трагические столкновения неизбежны». (Революционное народничество семидесятых годов XIX века, т. 2. М.—Л., 1965.) — 265

Аркадий Владимирович Тырков
(1859—1924)

Поначалу студенту Петербургского университета А. В. Тыркову, примкнувшему к народолюбцам, не давали ответственных поручений. Он распространял нелегальную литературу, участвовал в денежных сборах, помогал обеспечивать революционеров конспиративными квартирами.

Близко знавшие А. В. Тыркова люди отмечали его живой характер и редкую впечатлительность. А. В. Тырков родился в семье образованного и культурного помещика. Детство провел в имении отца Вергежи в Новгородской губернии, расположенном на берегу реки Волхова. Здесь он получил под руководством матери первоначальное образование, проявив большие способности к иностранным языкам, музыке, познакомился со многими произведениями как русской, так и западноевропейской литературы. Затем А. В. Тырков учился в 3-й петербургской гимназии и в Петербургском университете, где показал себя одним из самых способных студентов и к 1880 г. достиг четвертого курса. Однако чисто научные занятия не удовлетворяли Тыркова. Его тянуло в гущу общественной жизни, в студенческие кружки. Он с живым интересом следил за происходившими один за другим политическими процессами, и его симпатии были целиком на стороне подсудимых. Столкнувшись вскоре после раскола «Земли и воли» с представителями «Народной воли» и «Черного передела», искавших себе сторонников среди студенческой молодежи, А. В. Тырков с большей симпатией отнесся к народолюбцам и вскоре стал в их ряды.

Проверив Тыркова на деле, Исполнительный комитет в начале 1881 г. предложил ему непосредственно участвовать в подготовке покушения на Александра II. Тырков успешно справился с ответственным заданием, войдя в группу, следившую под руководством С. Перовской за выездами царя.

А. В. Тыркова арестовали в ночь с 13 на 14 марта 1881 г. Если бы А. В. Тыркова не выдал Н. И. Рысаков, его причастность к событиям 1 марта могла бы остаться неизвестной для следователей, ведь до этого у них были лишь показания одного из студентов, утверждавшего, что обнаруженную у него прокламацию он получил от А. В. Тыркова. Очные же ставки, устроенные А. В. Тыркову до встречи с Н. И. Рысаковым, ничего жандармам не дали. В Доме предварительного заключения А. В. Тырков тяжело заболел и вследствие этого не был предан суду. Для него начались мучительные скитания по психиатрическим больницам. Наконец в 1884 г. А. В. Тырков был «навсегда» сослан в Восточную Сибирь. Только в 1896 г. ему был определен 20-летний срок ссылки. Он отбывал ее в Минусинском округе, где перед его глазами прошли несколько поколений политических ссыльных. По свидетельству народолюбца А. В. Прибылева, «все без исключения знавшие его относились к нему с глубоким уважением, ценя в нем и стойкий, выдержанный характер, и большой практический ум, и особенно его прямоту, бесхитростность и кротость, как основные черты характера». (Каторга и ссылка, 1924, кн. 3, с. 252.)

В 1904 г. А. В. Тырков получил разрешение вернуться в Европейскую Россию. Он поселился в родном для него селе Вергежи, где занялся сельским хозяйством. Здесь А. В. Тырков встретил и 1917 год. В последний период жизни А. В. Тырков тяжело болел.

Это усугублялось и тяжелыми бытовыми условиями, так как все его хозяйство было разрушено.

А. В. Тырков мало писал, хотя обладал несомненным литературным талантом. Собственно говоря, известно только одно его воспоминание, опубликованное в «Былом» (1906, № 5; отдельное издание — Ростов, 1907). По меткому замечанию народовольца А. В. Прибылева, оно «блещет такой неподдельной искренностью, так отчетливо рисует образы всех главных действующих лиц этой драмы, что историю революционного движения трудно найти лучше этих страниц из всех когда-либо посвященных указанному моменту». (Каторга и ссылка, 1924, кн. 3, с. 254.)

Нами воспроизводится текст «Былого». Опущены несколько вступительных страниц и заключение, не относящиеся непосредственно к описываемым событиям накануне 1 марта 1881 г.

¹ В целом А. В. Тырков прав, но его слова о том, что у народовольцев «связи с обществом в Петербурге были ограничены», требуют уточнения. Народовольцы поддерживали довольно тесные отношения с целым рядом видных писателей и общественных деятелей. Многие члены Исполнительного комитета были близко знакомы с писателями Г. И. Успенским и К. С. Станюковичем, с публицистом Н. В. Шелгуновым. Ведущий сотрудник «Отечественных записок» Н. К. Михайловский участвовал в редактировании «Народной воли». Не только сочувствие, но и реальную помощь получали народовольцы со стороны некоторых представителей либеральной интеллигенции. Так, связанный с народовольцами известный адвокат А. А. Ольхин познакомил Н. А. Морозова с секретарем либеральной газеты «Голос» В. Р. Зотовым. Зотов не побоялся выполнить просьбу Морозова взять к себе на сохранение архив «Народной воли» и спрятал полученные от Морозова бумаги у себя в квартире, где они и хранились долгое время. — 267

² О взглядах чернопеределцев см. вступительную статью, с. 44—46. — 267

³ Г. П. Исаев (1857—1886) — член Исполнительного комитета «Народной воли». Занимался изготовлением динамита и метательных снарядов, устройством конспиративных квартир; вел пропаганду среди питерских рабочих. По «процессу 20-ти» (февраль 1882 г.) осужден на вечную каторгу. Умер в Шлиссельбурге. Об А. Д. Михайлове см. примеч. 29, 30 к воспоминаниям В. Н. Фигнер. — 268

⁴ Подробнее о С. Л. Перовской см. воспоминания В. Н. Фигнер. Об упоминаемых ниже Н. Н. Колодкевиче и А. И. Баранникове см. примеч. 6, 10 к воспоминаниям М. Ф. Фроленко. — 269

⁵ Рудин — герой одноименного романа И. С. Тургенева. — 269

⁶ См. об этом воспоминания К. Я. Загорского, с. 239—242 и примеч. 6, 7 к ним. — 269

⁷ П. В. Тычинин и Е. Н. Оловенникова (младшая сестра М. Н. Оловенниковой-Ошаниной, члена Исполнительного комитета) — народовольцы, активные участники подготовки покушения на Александра II. На квартире Тычинина на Большой Дворянской улице (сейчас ул. Куйбышева) и на квартире Оловенниковой на набережной Мойки собирались участники группы, которая следила за выездами Александра II.

Впоследствии П. В. Тычинин покончил с собой в Доме предварительного заключения. Е. Н. Оловенникову не судили вследствие разившегося у нее психического заболевания. — 270

⁸ Об И. П. Емельянове и Т. М. Михайлове см. примеч. 41 к воспоминаниям В. Н. Фигнер. — 272

⁹ Итальянская улица — ныне ул. Жуковского. — 273

¹⁰ 2 марта 1881 г. А. И. Желябов написал на имя прокурора Петербургской судебной палаты следующее заявление:

«Если новый государь, получив скипетр из рук революции, намерен держаться в отношении царевичей старой системы; если Рысакова намерены казнить, было бы вопиюще несправедливостью сохранить жизнь мне, многократно покушавшемуся на жизнь Александра II и не принявшему физического участия в умерщвлении его лишь по глупой случайности. Я требую приобщения себя к делу 1 марта и, если нужно, сделаю уличающие меня разоблачения. Прошу дать ход моему заявлению.

Андрей Желябов. 2 марта 1881 г.
Дом предварительного заключения

Р. С. Меня беспокоит опасение, что правительство поставит внешнюю законность выше внутренней справедливости, украся корону нового монарха трупом юного героя лишь по недостатку формальных улик против меня, ветерана революции. Я протестую против такого исхода всеми силами души моей и требую для себя справедливости. Только трусостью правительства можно было бы объяснить одну виселицу, а не две.

Андрей Желябов».

(Былое, 1918, № 4-5, с. 279.) — 274

¹¹ Г. М. Гельфман в 1875 г. входила в так называемую «Всероссийскую социально-революционную организацию», ведущую пропаганду среди рабочих в Москве. По «процессу 50-ти» в 1877 г. она была осуждена на два года тюремного заключения. После образования «Народной воли» Г. М. Гельфман — агент Исполнительного комитета. В конспиративной квартире Гельфман и Саблина на Тележной улице собирались метальщики бомб. В их числе здесь 1 марта 1881 г. получил метательный снаряд и Рысаков, о чем он рассказал следователю, начав давать показания 2 марта. Уже 3 марта в квартиру на Тележной улице нагрянула полиция. Н. А. Саблин, не желая попасть в руки жандармов, застрелился. Г. М. Гельфман была арестована. В квартире устроили засаду, в которую в тот же день попал пришедший туда Т. М. Михайлов.

По процессу первомайцев Г. М. Гельфман была приговорена к смертной казни, но ввиду ее беременности приведение приговора в исполнение было отложено до рождения ребенка. Однако 2 июля после протестов передовой европейской общественности смертная казнь была заменена вечной каторгой.

12 октября 1881 г. в страшных мучениях Г. М. Гельфман в Доме предварительного заключения родила дочь. 25 января 1882 г. у нее отобрали ребенка и отправили девочку в воспитательный дом, записав как дочь неизвестных родителей. Не выдержав нервного потрясения, Г. М. Гельфман скончалась. Ее дочь умерла, не прожив и года после смерти матери. — 276

¹² Н. А. Саблин (1850—1881) — агент Исполнительного комитета, участник покушений на Александра II в Одессе и Петербурге. Вместе с Г. М. Гельфман содержал конспиративную квартиру на Тележной ул. в Петербурге. По сведениям редакции журнала «Былое», где были напечатаны воспоминания А. В. Тыркова, Саблин «требовал, чтобы ему дали бомбу, но Исполнительный комитет не согласился на это, желая сберечь его». (Былое, 1906, № 12,

с. 162.) Н. В. Саблин застрелился 3 марта 1881 г., когда в квартиру явилась полиция. — 276

¹³ См. вступительную статью, с. 37. — 276

¹⁴ Речь идет о требовании отменить введенные в 1879 г. «Временные правила для студентов» и «Инструкцию для инспекции», усилившие надзор за студентами и жестко регламентировавшие их поведение как в университете, так и вне его. — 277

¹⁵ Редакция «Былого», перед тем как опубликовать воспоминания А. В. Тыркова, послала их на просмотр некоторым здравствовавшим тогда (в 1906 г.) народолюбцам. А. П. Прибылева-Корба, ознакомившись с ними, сочла необходимым объяснить, почему Рысаков был привлечен в качестве метальщика 1 марта 1881 г.

«Привлечение Рысакова к делу 1 марта состоялось при таких обстоятельствах: осенью 1880 г. Исполнительному комитету было сообщено, что студент Горного института Рысаков предлагает свои услуги для совершения террористического акта. Узнав, что этому студенту 19 лет, Исполнительный комитет был склонен вовсе не вступать с ним в переговоры, но так как лица, говорившие от имени Рысакова, настаивали на том, чтобы Комитет воспользовался предложением Рысакова для целей партии, то решено было подвергнуть его испытанию. За нравственные качества Рысакова ручались его знакомые, но было необходимо убедиться в его мужестве и стойкости. Однако это испытание вовсе не должно было влечь за собою неминуемо террористическую деятельность Рысакова. Комитету важно было выяснить лишь степень доверия, которую заслуживал Рысаков.

Испытание было организовано так: в октябре 1880 г. в Петербурге получились новые принадлежности для большой типографии «Народной воли», пересылались большой вал, шрифт и еще какие-то тяжелые предметы. Этот груз был отправлен из провинции по двум железнодорожным накладным. Получка груза, конечно, представляла некоторую опасность: ящики могли разбиться дорогой, могло случиться что-нибудь и другое в этом роде. Рысакову поручили получить груз по одной накладной. Ему было указано, по каким улицам он должен ехать с ломовым извозчиком. На некотором расстоянии от вокзала, на мосту, его ждало лицо, посланное Комитетом. Лицо это должно было сменить Рысакова для дальнейшего препровождения ящиков. Рысаков оказался мужественным и точным. В назначенное время он уже был на мосту. К нему подошел человек, которого он отрекомендовал в качестве брата, который и поедет с ним дальше. Несколько дней спустя Рысакову дали вторую накладную, и на этот раз доверили ему доставить груз на квартиру Люстига (судился по процессу 20-ти). И на этот раз он выполнил поручение превосходно. Так как Рысаков продолжал свои сношения с Комитетом с целью исполнять его поручения, то его привлекли к участию в «наблюдательном отряде», о чем говорит Тырков в своей интересной и правдивой статье. Приближалась развязка: чем ближе подходило время 1 марта, тем более события ускоряли свой ход, а на роль 3-го метальщика не было вполне испытанного человека. Молодость Рысакова по-прежнему составляла громадное препятствие к привлечению его к делу, но сила вещей одержала верх над всеми соображениями». (Былое, 1906, № 5, с. 161—162.)

Дав в течение месяца подробные показания, приведшие к открытию важной конспиративной квартиры на Тележной улице и

к многочисленным арестам, Рысаков 30 марта написал прошение о помиловании:

«Ваше императорское величество, всемилостивейший государь! Вполне сознавая весь ужас злодеяния, совершенного мною под давлением чужой злой воли, я решаюсь всеподданнейше просить ваше величество даровать мне жизнь единственно для того, чтобы я имел возможность тягчайшими муками хотя в некоторой степени искупить великий грех мой. Высшее судилище, на приговор которого я не дерзаю подать кассационную жалобу, может удостоверить, что, по убеждению самой обвинительной власти, я не был закоренелым извергом, но случайно вовлечен в преступление, находясь под влиянием других лиц, исключавшим всякую возможность сопротивления с моей стороны, как несовершеннолетнего юноши, не знавшего ни людей, ни жизни.

Умоляя о пощаде, ссылаюсь на бога, в которого я всегда веровал и ныне верую, что я вовсе не помышляю о мимолетном страдании, сопряженном с смертной казнью, с мыслью о котором я свылся почти в течение месяца моего заключения, но боюсь лишь немедленно предстать на страшный суд божий, не очистив моей души долгим покаянием. Поэтому и прошу не о даровании мне жизни, но об отсрочке моей смерти.

С чувством глубочайшего благоговения имею счастье именоваться до последних минут моей жизни вашим императорского величества верноподданным. Николай Рысаков». (1 марта 1881 года. По неизданным материалам. Пг., 1918, с. 305—306.)

2 апреля, накануне казни, Рысаков пишет еще одно, последнее показание, в отчаянной надежде убедить власти сохранить ему жизнь. Выдав уже всех, кого мог, он предлагает себя в агенты для выслеживания революционеров. Вот отрывки из его показания:

«Террор должен кончиться во что бы то ни стало. Общество и народ должны отдохнуть, осмотреться и вступить на мирный путь широкого развития гражданской жизни.

К этим мыслям меня привела тюрьма и агитационная практика.

Из нас, шести преступников, только я согласен словом и делом бороться против террора. Начало я уже положил, нужно продолжить и довести до конца, что я также отчасти, а пожалуй и всецело, могу сделать. <...> До сегодняшнего дня я выдавал товарищей, имея в виду истинное благо родины, а сегодня я товар, а вы купцы. Но клянусь вам богом, что и сегодня мне честь дороже жизни, но клянусь и в том, что призрак террора меня пугает и я даже согласен покрыть свое имя несмываемым позором, чтобы сделать все, что могу, против террора.

В С.-Петербурге, в числе нелегальных лиц, живет некто Григорий Исаев (карточка его известна, но он изменился), адреса его не знаю. Этот человек познакомил меня с Желябовым, раскрывшим предо мной широко дверь к преступлению. <...> По предложению Григория в субботу, в день бала у медиков-студентов, я вывез с вокзала Николаевской железной дороги [два ящика] с зеркалами, каждый по 4 пуда, в которых находился, как мне он объяснил, типографский станок. Точно номер ломового извозчика не помню, но разыскать его могу вскоре. Довез станок по Садовой до Никольского рынка, где сдал Григорию. Если бы я воспроизвел некоторые сцены пред извозчиком, то он непременно бы вспомнил, куда свез два ящика с зеркалами.

Где живет Григорий, не знаю, но узнать, конечно, могу, особенно, если знаю, что ежедневно он проходит по Невскому с пра-

вой, от Адмиралтейства, стороны. Если за ним последить, не торопясь его арестовать, можно сделать весьма хорошие открытия: 1) найти типографию, 2) динамитную мастерскую, 3) несколько «ветеранов революции». <...> Я предлагаю так: дать мне год или полтора свободы для того, чтобы действовать не оговором, а выдачей из рук в руки террористов. Мой же оговор настолько незначителен, знания мои неясны, что ими я не заслужу помилования. Для вас же полезнее не содержать меня в тюрьме, а дать некий срок свободы, чтобы я мог приложить к практике мои конспиративные способности, только в ином направлении, чем прежде. Поверьте, что я по опыту знаю негодность ваших агентов. Ведь Тележную-то улицу я назвал прокурору Добржинскому. По истечении этого срока умоляю о поселении на каторге, или на Сахалине, или в Сибири. Убежать я от вас не могу — настоящее мое имя получило всесветную печальную известность: партия довериться не может и скрыть. Одним словом, в случае неустойки с моей стороны, не больше как чрез неделю я снова в ваших руках. Намечу вам свой план:

1) По Невскому я встречу чрез 3—4 дня Григория и прослежу за ним все, что возможно, записав сведения и представив по начальству.

2) Коновкин, после моего ареста перешедший на нелегальное положение, даст мне новую нить. Я его узнаю вскоре на Васильевском острове, куда он часто ходит.

3) Кондитерская Кочкурова, Андреева, Исаева и т. п. столкнет меня с Верой Филипповой, урожденной Фигнер, и по ней я могу наткнуться на многие конспиративные квартиры. <...>

6) Постоянные прогулки и обеды в столовой на Казанской площади и у Тупицына, вечернее чаепитие в известных мне трактирах, а также слежение за квартирами общих знакомых наведут меня на столкновение с лицами, известными мне только по наружности, каких я имею около 10 человек. Одним словом, возможно лично мне в течение месяца-полутора открыты в С.-Петербурге большую часть заговора, в том числе наверное типографию и, пожалуй, две-три квартиры. Вы представьте себе то, что ведь я имею массу рабочих, с которыми совещается революционная интеллигенция. При этом я обязуюсь каждый день являться в ж[андармское] управление, но не в секретное, и заранее улавливаюсь, что содержание лучше получать каждый день. <...>

Пусть правительство предоставит мне возможность сделать все, что я смогу, для совершенного уничтожения террора, и я честно исполню его желание, не осмеливаясь даже и думать о каких-либо условиях, кроме тех, которые бы способствовали в агентстве. Себя вполне предоставляю в распоряжение верховной власти и каждому ее решениям с благоговением покорюсь.

Николай Рысаков».

1 марта 1881 года. По неизданным материалам. Пг., 1918, с. 307—310.)

Рысаков не знал, что Григорий Исаев был уже арестован. Но жандармы использовали последнее показание Рысакова для изобличения Исаева. В остальном они не заинтересовались предложениями предателя, и утром 3 апреля 1881 г. Рысакова привезли на Семеновский плац вместе с остальными четверьмя «первомартовцами» — А. И. Желябовым, С. Л. Перовской, Н. И. Кибальчицем и Т. М. Михайловым. В последние свои мгновения все они, кроме Рысакова, вели себя мужественно. — 281

¹⁶ Н. И. Кибальчич (1853—1881) — в 1871—1873 гг. учился

в Институте путей сообщения, а с 1873 г. — Медико-хирургической академии; по некоторым сведениям, был причастен к «хождению в народ». Первый раз он был арестован в 1875 г. В 1878 г. Особое присутствие Сената рассмотрело его дело и вменило ему в наказание предварительное заключение. В начале 1879 г. Кибальчич был близок к «Земле и воле», после раскола примкнул к «Народной воле», став ее «техником», занявшись приготовлением взрывчатых веществ. Арестован 17 марта 1881 г. Казнен 3 апреля. В тюрьме, перед казнью, составил описание летательного реактивного аппарата, которое было обнаружено после Февральской революции в жандармском архиве. — 283

¹⁷ Об А. И. Желябове см. вступительную статью и примеч. 10 к воспоминаниям М. Ф. Фроленко. — 285

О. В. Аптекман

Общество «Земля и воля» 70-х годов

Глава XIV

¹ Мемуарист ошибочно считает, будто с арестом его и некоторых участников первого центрального кружка «Черного передела» эта организация прекратила свое существование. На самом деле вскоре образовался центральный кружок чернопеределцев «второго призыва». См. об этом вступительную статью, с. 46—48. — 286

² На Воронежском съезде «Земля и воля» была пополнена новыми для организации, но хорошо известными в подполье революционерами. Сторонники политической борьбы предложили А. И. Желябова, Н. Н. Колодкевича, С. Г. Ширяева, «деревенщички»: Л. Г. Дейча, Я. В. Стефановича, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрода. (Подробнее см.: Волк С. С. «Народная воля». 1879—1882. М.—Л., 1966, с. 92.) — 286

³ Состав первого центрального кружка «Черного передела» и был несколько шире. (См.: Ольховский Е. Р. К истории «Черного передела» (1879—1881 гг.). — В сб.: Общественное движение в пореформенной России. М., 1965, с. 128.) — 286

⁴ Об этом см. воспоминания В. Н. Фигнер, с. 121. — 287

⁵ Мемуарист, очевидно, имеет в виду одну из следующих книг В. Богораз-Тана: 1) Очерки и рассказы. СПб., 1902; 2) Новое крестьянство. М., 1905; 3) Красное и черное. Очерки. М., 1907. — 288

⁶ В предыдущей главе своих воспоминаний О. В. Аптекман описывает, как он осенью 1879 г. по предложению товарищей-«деревенщиков» посетил Кубанскую область и Терек, завязал здесь связи с группой Золотарева. Революционеры под видом лавочников, арендаторов хуторов и др. осторожно вели пропаганду среди казаков. Эта группа Золотарева не входила в состав «Земли и воли», но после обсуждения итогов ее Воронежского съезда просила Аптекмана передать в Петербург, что она одобряет теорию и практику землевольцев-«деревенщиков». — 289

⁷ Центр «Черного передела» видел вначале смысл своего существования в продолжении и расширении революционной работы среди крестьян. Недаром в № 1 «Черного передела» треть места отведена описанию Чигиринского заговора. (См. о нем примеч. 4 к воспоминаниям В. Н. Фигнер.) Однако при этом редакция заявила, что она не согласна с методом обмана крестьян и предъявления им подложных царских манифестов, применявшихся прежде Стефановичем и Дейчем. Крестьяне-чигиринцы, сидевшие в киев-

ской тюрьме, прямо сообщали о возможности возрождения крестьянского движения в Чигиринском уезде. Главная роль на этот раз отводилась М. Р. Попову. Из Киева он должен был под видом мелкого торговца-коробейника отправиться по деревням Чигиринского уезда для революционной пропаганды. — 289

⁸ В поездку с разведывательными целями отправился чернопеределец Н. Н. Петров. Результаты этой «рекогносцировки» были неутешительными. Попов вспоминал: «В массе крестьянство совсем не так настроено, как это кажется сидящим в тюрьме крестьянам, и предложение, сделанное им Петровым, что туда явлюсь я в качестве коробейника с определенной целью (т. е. подготовки восстания крестьян под лозунгом «Земля и воля». — *Е. Ольховский*), было не одобрено в данный момент, так как полиция и жандармы бдительно следят за Чигиринским уездом». (*Попов М. Р. Из автобиографии.* — *Былое*, 1925, № 1 (29), с. 74.) На совещании в Одессе Стефанович, Дейч и Попов решили временно отказаться от чигиринских планов. — 289

⁹ В Москве в 1879 г. оказалось немало сторонников будущего «Черного передела»: Г. Ф. Черкасов, В. Ф. Казаков, К. Е. Мухлынин, Л. Е. Фондаминская и др. (ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 83, 1883 г., д. 11036, л. 6—7 об.) Сначала особенно сильными были кружок в Петровской земледельческой академии (см.: *Анзимиров В. А. Крамольники. М.*, 1907, с. 147) и кружки в других учебных заведениях. Видную роль играли чернопередельцы Е. П. Дурново, Е. Н. Игнатова (см.: *Каторга и ссылка*, 1931, № 1 (74), с. 12). Вскоре руководителем московских чернопеределческих кружков стал Г. Н. Преображенский. После ареста Г. Н. Преображенского 10 февраля 1880 г. руководил чернопередельцами Москвы В. И. Яковенко. Их главный центр был в его квартире в Хамовниках. Затем он, а также трое Яковенко (Вал. И., Е. И., К. А.) и М. С. Вегнер-Гинтар переселились на Арбат (ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 83, 1883 г., д. 11012, л. 2—3.) — 291

¹⁰ Сейчас установлено, что, кроме кружка, упоминаемого в примеч. 4 к воспоминаниям В. Н. Фигнер, М. Р. Попов создал тогда в Киеве еще кружок на заводе «Арсенал» (до 30 человек) и кружок сезонных рабочих на железнодорожной линии Киев — Одесса. Кружки объединяли народовольцев и чернопередельцев, стали налаживать пропаганду даже среди солдат, но в начале 1880 г. были разгромлены. (См.: *Юрченко О. Т., Демченко М. В. Поширення марксизму і соціал-демократичні організації України. Київ*, 1983, с. 35—36.) — 291

¹¹ Харьковское народничество чернопеределческого оттенка вовсе не носило такого чисто платонического характера, как казалось О. В. Аптекману и Серебрякову. Революционную пропаганду среди крестьян активно вел кружок Я. И. Кузнецова, А. И. Сыцяно и др. (ЦГАОР СССР, Ф. Особого присутствия правительствующего Сената, оп. 1, д. 534, л. 27, 47, 72, 73; Центральный государственный исторический архив УССР, ф. 733, оп. 1, 1879 г., д. 3, л. 133, 173, 173 об., 180, 207 об.; 1880 г., д. 8, л. 22—22 об., 40 об.) Под руководством В. А. Данилова учащаяся молодежь стремилась к пропаганде, «развивающей сознание», и потом к организованному восстанию». (*Данилов В. А. Из воспоминаний.* — *Былое*, 1907, № 8, с. 229, 236.) О том же говорят и архивные материалы. (ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, 1879 г., д. 507, л. 216 об.—217.) В своей книге Аптекман отождествил собеседника Плеханова с однофамильцем — народовольцем Е. А. Серебряковым. — 292

¹² См.: *Дебагорий-Мокриевич В. К.* Воспоминания. СПб., 1906, с. 573—579. Здесь действительно рассказывается о чернопередельческой молодежи в Москве, которая разделяла убеждения о том, что надо идти в деревню, но практически туда не переселялась. Однако в Москве были и другие примеры. (См.: *Ольховский Е. Р.* К истории «Черного передела» (1879—1881 гг.), с. 170—171.) Но, как правило, это уже не была ни «летучая пропаганда» периода «хождения в народ», ни землевольческие поселения. Чаще всего московские чернопередельцы имели близких им доверенных людей в деревнях, агитировали очень осторожно, приезжая только на время и привозя литературу лишь своим знакомым крестьянам. — 292

¹³ Имеется в виду покушение А. Соловьева на Александра II. См. об этом вступительную статью, с. 10—11. — 292

¹⁴ «Северный союз русских рабочих» — см. примеч. 5 к воспоминаниям А. П. Прибылевой-Корбы. — 293

¹⁵ И. А. Гусев и А. П. Павлов — активные участники «Северного союза русских рабочих» в последний период его деятельности. Принимали участие в печатании его органа — газеты «Рабочая заря». В тюрьме, как и многие чернопередельцы, отказались принять в марте 1881 г. присягу Александру III. Сосланы в Якутскую область. Гусев вел революционную пропаганду и в 900-х гг. на Восточно-Китайской железной дороге. Павлов в 1883 г. покончил с собой в Восточной Сибири, оставив записку «Умер от тоски и от ничегонеделанья». (См.: *Кротов М.* Якутская ссылка 70—80-х гг. М., 1925, указатель.) — 295

¹⁶ О. В. Аптекман оказался далек от пропаганды чернопередельцев в рабочей среде. На самом деле чернопередельцы Е. А. Дубровин, А. П. Буланов, В. Н. Переляев, А. Н. Ульянов и др. вели в 1879—1882 гг. значительную революционную работу среди пролетариев. Они привлекли в «Черный передел» Ф. Х. Артищева, С. И. Сосина, В. Панкратьева, В. Зайцева и др. (ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 80, 1881 г., д. 8710; ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. 1, д. 538, л. 83.) — 296

¹⁷ Статья П. Б. Аксельрода «Английские Trade-unions» за подписью «Н. Д.» напечатана в «Слове» за 1879 г. (№ 1, с. 1—38; № 2, с. 57—92). Здесь подробно исследовались условия труда основных групп рабочих, организация их профсоюзов, давались обзор их теоретических воззрений и история их практической деятельности, экономической и политической борьбы с хозяевами. — 300

¹⁸ В Киев Плеханов поехал к Р. М. Плехановой. Об этом см. в ее воспоминаниях. — 300

¹⁹ Дубликатами подпольщики называли искусно подделанные копии с настоящих паспортов. Они были более надежны, чем просто поддельные, так как власти, наводя письменные справки, получали на местах подтверждения о реальном существовании указанных в паспортах лиц. — 302

²⁰ См. примеч. 5. — 303

²¹ О Жаркове см. воспоминания Е. Н. Ковальской и примеч. 4 к ним. — 305

Ольга Константиновна Буланова-Трубникова (1858—1942)

Внучка декабриста В. П. Ивашева Ольга Константиновна Трубникова родилась в Царском Селе в богатой семье известного петербургского издателя и журналиста, основателя газеты «Новое вре-

мя» К. В. Трубникова. По ее словам, отец был человеком «без общественных интересов» и твердых убеждений. Полную противоположность ему представляла мать Ольги Константиновны — Мария Васильевна Трубникова (урожд. Ивашева), активная поборница женского образования, стоявшая во главе женского движения 1860—1870-х гг. Будучи за границей, она встречалась с А. И. Герценом, знала Гарибальди, поддерживала отношения с членами I Интернационала.

Вспоминая свое детство, Ольга Константиновна писала: «У нас в семье вообще существовал культ декабристов: о них, об их борьбе за свободу родного народа говорили с благоговением; мы с детства знали их всех в лицо в мамином альбоме и десятки раз слышали рассказы о 14 декабря. Первые годы моего детства совпали с эпохой освобождения крестьян и реформации 60-х годов, когда кругом только и говорили о свободе <...> все это рано положило отпечаток на детском уме. <...> Вообще, — продолжала она, — атмосфера нашего дома была пропитана идеями свободы, равенства и братства, и имена тогдашних борцов за них, каковы Чернышевский, Михайлов, были мне знакомы с детства, а братьев Серно-Соловьевичей, в особенности Александра Серно, или Мерца (как его у нас звали), мы знали как своих». В 1868—1869 гг., когда О. К. Трубникова жила с матерью за границей, ее учителем был поляк-эмигрант, женатый на сестре известного демократического публициста-шестидесятника В. Зайцева.

О. К. Трубникова получила прекрасное образование. Она окончила первую частную женскую гимназию в Петербурге, основанную М. П. Спешневой и М. Д. Дурново, в которой преподавали лучшие педагоги того времени — Н. В. Водовозов, А. И. Боткин и др. Ряд предметов вели профессора университета. После окончания гимназии она поступила на врачебные курсы и вольнослушательницей на Высшие женские (Бестужевские) курсы.

В 1873 г. от Е. К. Дубенской, привлекавшейся к дознанию по делу о «хождении в народ», Ольга Константиновна и ее сестры впервые узнали о «начавшейся героической борьбе русской интеллигенции с царизмом», о том, как «боролись за счастье народа и гибли беззаветно преданные своим идеалам самоотверженные люди, бросающие привольную жизнь, близких, отказываясь от личных выгод». (*Буланова-Трубникова О. К.* Три поколения. М.—Л., 1923, с. 147.) Через Дубенскую Ольга Константиновна и познакомилась с революционерами. Вскоре Трубникова вошла в кружок помощи ссыльным и заключенным, оказывала революционерам финансовую помощь, предоставляла свою квартиру для конспиративных заседаний, выполняла различные поручения. Среди новых знакомых Ольги Константиновны и ее сестры Марии были Д. Клеменц, С. Кравчинский, сестры Фигнер, С. Перовская, Г. Гельфман, Л. А. Тихомиров, М. Н. Ошанина, Л. Г. Дейч и пр. В 1879 г. О. К. Трубникова вошла в организацию «Черный передел». Через сестер Трубниковых шла переписка с заграничными членами организации. Нелегальные чернопеределческие издания: газеты — «Черный передел», «Зерно» — Ольга Константиновна в двух экземплярах доставляла в Публичную библиотеку другу ее матери В. В. Стасову, который хранил их у себя в кабинете. Осенью 1881 г. под влиянием усилившихся стремлений к объединению двух революционных организаций Ольга Константиновна примкнула к «Народной воле» и вместе с мужем А. П. Булановым уехала в Москву. Там они жили нелегально под фамилиями Степановых, затем Воробьевых. В феврале 1882 г. их

арестовали, привлекли к дознанию по делу партии «Народная воля». Благодаря хлопотам отца Ольги Константиновны, дружившего с В. К. Плеве, ее отпустили на поруки. В 1883—1887 гг. вместе с мужем она отбывала ссылку в Минусинске, куда последовала добровольно, оставив на попечение своей сестры 8-месячного сына. После возвращения из ссылки Булановы жили в Нижнем Новгороде, где Ольга Константиновна состояла членом Общества помощи женщинам. В 1906 г. семья вернулась в Петербург. Ольга Константиновна была избрана председателем Общества просвещения имени Н. А. Некрасова, организованного группой социалистическо-революционеров и старых народолюбцев. В 1907 г. участвовала в издании группой старых народолюбцев газеты «Голос народной правды», закрытой на втором номере. После Февральской революции 1917 г. работала в Комитете помощи политическим амнистированным. Впоследствии занималась литературным трудом.

О. К. Буланова-Трубникова — автор ряда статей и двух книг: «Роман декабриста. Декабрист В. П. Ивашев и его семья» (М., 1926 и 1933) и «Три поколения» (М.—Л., 1923), Отрывки из последней книги и приводятся в настоящем издании.

¹ На самом деле первая типография «Черного передела» была арестована 29 января 1880 г. — 306

² Мемуарист с небольшими неточностями цитирует воспоминания Аксельрода (см.: Аксельрод П. Б. Пережитое и передуманное. Ки. 1. Изд-во З. И. Гржебина. Берлин, 1923, с. 350). — 306

³ Автор имеет в виду гектографированные в начале весны 1880 г. программ «Великорусской партии „Земля и воля“» и объяснительную записку, которые предполагалось опубликовать в № 2 «Черного передела». Но этому помешал ряд обстоятельств. Оба документа пока еще не найдены. Аксельрод считал, что он в них отказался уже от надежд на общину, приблизился к марксизму. Важный свидетель — Е. Н. Ковальская — вспоминала: «В народническую программу широко вклинились политические задачи, в тактику — средства западной социал-демократии». (См.: Ковальская Е. Н. Южно-русский рабочий союз. — В кн.: Южно-русские рабочие союзы. М., 1924, с. 201.) В отличие от народолюбческого организационного централизма названные чернопередельческие документы в отношениях между различными кружками проводили принцип федерализма. Эти документы были обсуждены и приняты Центральным петербургским кружком чернопередельцев «второго призыва». Затем обсуждения состоялись в Москве с участием представителя казанских народников и в других местах. (См.: Революционное народничество семидесятых годов, т. 2, с. 166.) Согласились с этой программой и объяснительной запиской к ней эмигрировавшие Л. Г. Дейч и Я. В. Стефанович. (См.: Группа «Освобождение труда». Сб. № 3. М.—Л., 1925, с. 141.) И хотя эти документы и повлияли на другие чернопередельческие материалы, но официально программой организации так никогда и не стали. — 309

⁴ Группа чернопередельцев образовалась в Минске еще в 1880 г.: И. и Е. Гуревичи, С. Гринфест, И. Гецов, Е. Левков. Они имели связи с контрабандистами и переправляли из-за границы чернопередельческие издания, распространяли их в Минске, Вильно, Витебске, Могилеве. Затем им удалось организовать подпольную типографию. Шрифт достали в виленской губернской типографии. Издали № 3, 4 и 5 «Черного передела», отразившие идейную эволюцию молодых чернопередельцев, их приближение к «Народной

воле». Связи с центром минская типография поддерживала через А. П. Буланова и Н. Н. Лаврова. (См.: *Гецов И.* Типография «Черного передела». — Группа «Освобождение труда». Сб. № 1, М., 1923, с. 126—128.) Авторами основных статей в этих трех номерах «Черного передела» были А. П. Буланов, М. И. Шефтель и К. Я. Загорский.

«Зерно» — чернопередельческий листок для рабочих. Популяризировало учение К. Маркса о прибавочной стоимости (статья Н. С. Русанова «Хозяйская прибыль»), звало к стачкам, демонстрациям, признавало необходимость политической борьбы. Участие в «Зерне» принимали Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, А. П. Буланов, М. И. Шефтель, К. Я. Загорский. № 1 «Зерна» был издан в Женеве, № 2 гектографировался в России, № 3—6 — в минской типографии. — 310

⁵ Список изданий минской типографии несколько шире того, который приводит О. К. Буланова-Трубникова. Прокламация от 14 марта сообщила о казни народовольцами Александра II 1 марта 1881 г., но она подписана не именем «Северного рабочего союза» чернопередельцев, а чернопередельческой организацией «Земля и воля». — 310

⁶ Н. Н. Лавров, С. А. Вырубов, В. А. и С. А. Марковские, А. Л. Блек — участники морского кронштадтского и одного из петербургских студенческих кружков «Черного передела». Вели активную революционную пропаганду среди рабочих и на флоте между «нижними чинами». (См.: Каторга и ссылка, 1925, № 3, с. 222; № 8, с. 214.) Чернопередельцы организовали на своей платформе много рабочих и от 80 до 100 матросов. (См.: *Серебряков Е. А.* Революционеры во флоте. Пг., 1919, с. 20—30.) Особо прокурор выделял роль пропагандистов среди рабочих: А. П. Буланова и С. А. Вырубова. (ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 78, 1880 г., д. 8491, л. 6—6 об., 8.) Потом от своего брата Н. Н. Лаврова получил рабочие связи социал-демократ Г. Н. Лавров. (ЦГАОИ СССР, ф. ДП, 3 делопр., 1893 г., д. 467, л. 36.) — 310

⁷ Мемуарист правильно отмечает, что при ведении пропаганды среди рабочих не всегда имелись четкие градации между народовольцами и чернопередельцами, хотя общее направление кружка рабочих нередко удается и установить. Об кружке «чайковцев» см.: *Революционеры 1870-х годов*, с. 11—22, 52—136, 232—242 и др. — 311

⁸ В. С. Панкратов — один из распропагандированных народниками рабочих. Написал несколько воспоминаний: 1) Из деятельности среди рабочих в 1880—1884 гг. — *Былое*, 1906, № 3; 2) Воспоминания. М., 1923; 3) 1 марта 1881 года. — *Былое*, 1926, № 3 (верстка.) — 311

⁹ Автор этой передовой статьи в № 4 «Черного передела» А. П. Буланов все больше приближался к «Народной воле». И хотя в № 5 редакция оправдывалась перед провинциальными кружками (и в передовой статье, и в статье по поводу 1 марта 1881 года) за излишне прямолинейные выражения в № 4, восхвалявшие народовольческий политический террор, но тенденция к сближению с «Народной волей» отчетливо видна и в № 5 «Черного передела». — 312

¹⁰ Сначала в Петербурге к «Народной воле» присоединились Я. В. Стефанович, А. П. Буланов, О. К. Трубникова, С. И. Сосин. Зимой 1881—1882 гг. М. И. Шефтель и К. Я. Загорский писали чернопередельцам за границу, что такая тактика ошибочна. Но эмигрировавшие чернопередельцы (кроме Г. В. Плеханова), ведущие

в то время переговоры с народовольцами о создании журнала, позже названного «Вестником Народной воли», с письмом не согласились. (См.: *Дейч Л. Г.* Первые шаги группы «Освобождение труда». — Группа «Освобождение труда». Сб. № 1, с. 11.) В Москве к народовольцам в конце концов присоединились даже руководители чернопеределывцев В. И. и К. А. Яковенко. Но не следует забывать об упоминаемых мемуаристами «некоторых условиях». Это и было частичное несогласие с народовольческой тактикой, концентрация внимания на пропаганде среди рабочих, попытки работы в деревнях, углубленная теоретическая деятельность в кругах учащейся молодежи. — 312

¹¹ О. К. Буланова-Трубинова повторяет здесь распространенную среди мемуаристов ошибку — свой уход из организации считать ее концом. (См. примеч. 5 к главе XIV воспоминаний О. В. Аптекмана.) — 312

Михаил Николаевич Тригони
(1850—1917)

Член Исполнительного комитета «Народной воли» М. Н. Тригони жил легально, по подлинному паспорту на свое имя, числясь к тому же помощником присяжного поверенного при Одесской судебной палате. Это был исключительный случай для члена Исполнительного комитета. Кроме Тригони на легальном положении был еще только лейтенант Н. Е. Суханов — один из руководителей народовольческой военной организации. Когда М. Н. Тригони арестовали, его личность, по словам В. Н. Фигнер, «произвела при аресте некоторую сенсацию среди жандармов, которые находили, что по образованию, происхождению и состоянию он выше той среды, из которой, по выражению жандармских властей, обыкновенно вербуются члены революционных партий. В некотором отношении они были правы: Тригони имел внешность барина, был более избалован, чем другие, и по манерам в нем угадывался адвокат, хотя его юридическая карьера только что началась и никакой клиентуры ни в Петербурге, ни в Одессе он еще не имел. Родители его были помещиками в Крыму; мать, по рассказам, была светской женщиной, что, вероятно, тоже осталось не без влияния». (Фигнер В. Н. Запечатленный труд, т. 1, М., 1933, с. 227—228.)

Отец М. Н. Тригони, грек по происхождению, был генералом, а дед — адмиралом. Подобно С. Л. Перовской, М. Н. Тригони порвал со своей средой. На вопрос жандармского генерала, что побудило его стать революционером, он ответил: «Мои убеждения. Есть нечто высшее, чем дипломы, общественные положения и материальные достатки, — это долг по отношению к поработанному народу». (Цит. по кн.: *Дрей М.* Михаил Николаевич Тригони. М., 1931, с. 18—19.)

Интерес к нелегальной литературе проявился у М. Н. Тригони уже в керченской гимназии, где, кстати, он учился вместе с А. И. Желябовым. Затем некоторое время они учились вместе и в Новороссийском (Одесском) университете. Там же, в Одессе, с 1875 г. М. Н. Тригони стал принимать участие в деятельности местных революционных кружков.

В 1879 г. он приехал в Петербург, где вновь встретился с Желябовым. Вскоре М. Н. Тригони становится членом Исполнительного комитета «Народной воли». В 1880 г. его командироват в Одессу с поручением восстановить ослабленные недавними арестами

местные народовольческие организации. Тригони успешно справился с полученным заданием, наладив работу среди военных и рабочих. На него также была возложена обязанность поддерживать связь с народовольческими кружками на юге России и на Кавказе. «Между собой, — вспоминала В. Н. Фигнер, — мы называли Тригони „наместником“ по совпадению его имени и отчества с именем великого князя, наместника Кавказа».

В январе 1881 г. Исполнительный комитет вызвал М. Н. Тригони телеграммой в Петербург — его присутствие было необходимо при обсуждении вопроса о возможности восстания в связи с готовящимся убийством Александра II. М. Н. Тригони также лично участвует в подготовке покушения. В то же время он активно действует в Центральном рабочем кружке. В одном из номеров газеты «Народная воля» писала, что «у таких людей, как Желябов, Перовская, Халтурин, Тригони и т. д., личная деятельность среди рабочих поглощала значительную часть сил даже в самый разгар террористической борьбы».

В Петербурге М. Н. Тригони продолжал находиться на легальном положении, прописавшись в меблированных комнатах на Невском проспекте. В конце февраля он стал замечать за собой слежку. Впоследствии выяснилось, что наблюдение за Тригони было установлено после доноса провокатора Окладского. 27 февраля 1881 г. М. Н. Тригони был арестован у себя на квартире вместе с зашедшим к нему А. И. Желябовым.

В феврале 1882 г. М. Н. Тригони судился по «процессу 20-ти» и был приговорен к 20 годам каторги, которую отбывал в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях. После окончания срока каторги в 1902 г. его отправляют в ссылку, заставив для этого совершить чуть ли не кругосветное путешествие по маршруту: Петербург — Москва — Одесса — затем по морям и океанам до поста Александровского на Сахалине. На этом его одиссея, однако, не заканчивается. Японцы, заняв в 1905 г. Сахалин, предложили политическим ссыльным уехать через Японию в Америку или Европу. М. Н. Тригони попадает в Японию, но революция в России дала ему возможность вернуться на родину. С 1906 г. он вновь живет в родном Крыму, там встречает Февральскую революцию 1917 г., выступает на митингах.

Скончался М. Н. Тригони 5 июля 1917 г. в Балаклаве.

Воспоминания М. Н. Тригони об Алексеевском равелине Петропавловской крепости печатались дважды: в 1908 и 1929 гг. Нами публикуются по тексту первого издания в журнале «Минувшие годы», 1908, № 4.

¹ См. примеч. 11 к восп. А. П. Прибылевой-Корбы. — 313

² Жестокий приговор по «процессу 20-ти» вызвал возмущенную реакцию европейской печати. В эту кампанию включился и знаменитый французский писатель Виктор Гюго. «Все солидные европейские газеты перепечатали его „Призыв“: „Цивилизация должна вмешаться! Сейчас перед нами беспредельная тьма, среди этого мрака десять человеческих существ, из них две женщины (две женщины!), обреченные на смерть... Пусть русское правительство поостережется!.. Оно должно опасаться первого встречного, каждого прохожего, любого голоса, требующего милосердия!“, „Призыв“ нелегально проник и в Россию... Газета Гюго «Le Rappel» рассказала, как „Призыв“ повлиял на Александра III... Оказывается, царь готов был сначала помиловать пятерых из десяти смертников. Гюго по-

лучил известие об этом на банкете. Он встал и произнес тост: „Пью за царя, который помиловал пять осужденных на смерть и который помилует и остальных пятерых!“ Через князя П. П. Демидова... Гюго переслал письмо к Александру III (пока ненайденное) с просьбой помиловать оставшихся смертников. Царь, польщенный тостом и письмом Гюго, согласился даровать жизнь еще четверым, но сделал исключение для Н. Е. Суханова как офицера, изменившего присяге». (Троицкий Н. А. «Народная воля» перед царским судом. Саратов, 1983, с. 326—327.) Из «помилованных» к 1888 г. шестерых уже не было в живых, и только трое через двадцать с лишним лет в конце концов обрели свободу. — 313

³ М. Р. Ланганс — см. примеч. 22 к воспоминаниям М. Ф. Фроленко; о Н. А. Морозове см. вступительную статью, с. 5—6, 11—13, 15, 20—21. — 314

⁴ Министром внутренних дел в это время был Д. А. Толстой. — 317

⁵ А. В. Якимова, осужденная по «процессу 20-ти» к смертной казни, замененной ей затем пожизненной каторгой, во время пребывания в Доме предварительного заключения родила ребенка. С новорожденным сыном она была переведена в Екатерининскую куртину Петропавловской крепости. Летом 1883 г. А. В. Якимова вместе с младенцем была отправлена в Карийскую каторжную тюрьму. — 320

⁶ В. Н. Фигнер писала о смотрителе Соколове: «Это была настоящая сторожевая собака, неусыпный Цербер, подобный трехголовому псу у ворот тартара, и как тот охранял вход в ад древних греков, так и он сторожил тюремный ад нового времени. Он служил не за страх, а за совесть и любил свое дело — гнусное ремесло бездушного палача. Его готовность идти в своей профессии до конца выразилась вполне в одной угрозе, сказанной при соответствующем случае: «Если прикажут говорить заключенному «Ваше сиятельство», — буду говорить «Ваше сиятельство». Если прикажут задушить, — задушу». (Фигнер В. Н. Полн. собр. соч. Т. 2. М., 1932, с. 71.) — 321

⁷ Джордж Кеннан (1845—1924) — американский исследователь Сибири и сибирской ссылки. В 1891 г. в Нью-Йорке и Лондоне вышел его большой труд «Сибирь и ссылка». На русском языке книга Кеннана была выпущена несколькими издательствами в 1905—1906 гг. — 323

⁸ А. Б. Арончик (1858—1888) — народоволец; принимал участие в подготовке покушения на Александра II под Москвой осенью 1879 г. Арестован 17 марта 1881 г. По «процессу 20-ти» был приговорен к смертной казни, но «помилован» вечной каторгой, которую отбывал в Петропавловской крепости и в Шлиссельбурге. «В первый же год заключения Арончик заболел психически, еще через год его разбил паралич, и в течение шести лет после этого он безвыходно лежал в камере, страдая от пролежней, без элементарного ухода и медицинской помощи, едва способный подняться, чтобы взять еду. Тело его гноилось язвами, в которых кишели черви. Умер он в апреле 1888 г. несказанно мучительной смертью». (Троицкий Н. А. «Народная воля» перед царским судом. Саратов, 1983, с. 97.) — 323

⁹ Н. В. Клеточников умер 13 июля 1883 г. — 324

¹⁰ Для А. Д. Михайлова «была придумана особенно тяжелая система заключения. Товарищи его имели возможность хоть изредка перестукиваться, передать друг другу приветное слово, ободрить

лаской или шуткой. Он же содержался в отдельном коридоре, где, кроме него, сидел еще Поливанов. Камера А. Д. упиралась в капитальную стену с одной стороны. С другой ее стороны было пространство ничем не занятое, а за ним камера Поливанова. В этом пространстве находилось окно. Днем сюда ставилась лампочка А. Д., и стояли еще склянки с лекарствами для него. Это были единственные внешние признаки его существования. Когда эти лампочка и склянки исчезли с окна, где Поливанов мог их видеть, он понял, что умер А. Д.» (*Прибылева-Корба А. П.* А. Д. Михайлов.— В кн.: Народоволец Александр Дмитриевич Михайлов. Л., 1925, с. 25.) Согласно официальному заключению, А. Д. Михайлов скончался от «острого катарального воспаления легких» 18 марта 1884 г. (См.: *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы. Т. 3, М., 1961, с. 205) — 325

¹¹ С. С. Златопольский (1855—1885) — член Исполнительного комитета «Народной воли». Был осужден по «процессу 17-ти» (28 марта — 3 апреля 1883 г.) на вечную каторгу. — 326

¹² Перевод 21 заключенного из Петропавловской крепости в Шлиссельбург был произведен 2 и 4 августа 1884 г. На 1 января 1885 г. в Шлиссельбурге было 33 заключенных. (См.: *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы. Т. 3, с. 234—235.) — 327

Георгий Валентинович Плеханов (1856—1918)

Г. В. Плеханова знают прежде всего как выдающегося русского марксиста, много сделавшего для распространения в России теории научного социализма. Работы Плеханова активно участвовали в идейной борьбе против народничества, они теоретически подготовили становление российской социал-демократии.

После раскола РСДРП в 1903 г. на большевиков и меньшевиков Плеханов, как известно, по целому ряду вопросов примыкал к меньшевикам, хотя и в этот, меньшевистский, период он нередко занимал особую позицию, то помогая В. И. Ленину бороться с меньшевистским партийным ликвидаторством, то, напротив, перемещаясь на крайне правый фланг меньшевизма.

Начинал Г. В. Плеханов как народник. О Плеханове-землеольце довольно подробно сказано в томе «Революционеры 1870-х годов» (Л., 1986, с. 415). Об отстаивании Г. В. Плехановым принципов старого народничества, о его противостоянии террористическому уклону внутри «Земли и воли» читатель может узнать из вступительной статьи к данному тому. Там же сказано и об участии Г. В. Плеханова в деятельности «Черного передела».

Конец 1879 г. прошел у Плеханова в спорах с народовольцами о тактике, которые велась на молодежных сходках, в налаживании пропаганды среди рабочих Петербурга, в подготовке первого номера газеты «Черный передел». Угроза неминуемого ареста заставляет Г. В. Плеханова уехать в начале января 1880 г. за границу. Но это было лишь непосредственной причиной, ускорившей отъезд. Плеханов, по словам П. Б. Аксельрода, «чувствовал настоятельную потребность теоретически разобраться в идейном хаосе и противоречиях задач и тенденций русского революционного движения». (*Аксельрод П. Б.* Пережитое и передуманное. Кн. 1. Берлин, 1923, с. 246.)

Сделать это можно было, только поработав в европейских библиотеках, завязав личные знакомства с представителями различных направлений в европейском революционном движении.

Г. В. Плеханов уезжал за границу не надолго, с намерением найти выход из кризисного состояния народничества и вернуться на практическую революционную работу в Россию. За границей он не теряет связи с оставшимися в Петербурге чернопредельцами, пишет статьи для «Черного передела», редактирует чернопредельческую программу. Но вскоре он, а затем и другие эмигрировавшие чернопредельцы (П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич и др.) стали сомневаться в правильности народнической теории, в ее пригодности для российского революционного движения. 1882 г. был в этом отношении переломным, а в сентябре 1883 г. Г. В. Плеханов и его товарищи, перейдя полностью на позиции марксизма, образовали знаменитую группу «Освобождение труда». В Россию же Г. В. Плеханову удалось вернуться только после революции в феврале 1917 г.

Большая часть обширных воспоминаний Г. В. Плеханова «Русский рабочий в революционном движении» помещена в томе «Революционеры 1870-х годов». Они были написаны в 1890—1892 гг. и отражали взгляд Г. В. Плеханова на свою народническую деятельность уже с марксистских позиций. Публикуемый в данном сборнике небольшой отрывок из них выполняет роль переходного мостика к следующему по хронологии тому — «От народничества — к марксизму» (Л., 1987). Печатается по тексту третьего тома сочинений Г. В. Плеханова (М., 1924).

¹ С. Н. Халтурин поступил на работу в Зимний дворец в сентябре 1879 г.; Г. В. Плеханов уехал за границу 3 января 1880 г. (по ст. стилю). — 328

² «Автор» — Л. А. Тихомиров. Его очерк о С. Халтурине помещен в данном томе. — 328

³ См. об этом примеч. 2 к очерку Л. А. Тихомирова. — 328

⁴ Имеется в виду «Программа рабочих, членов партии Народной воли». Опубликована в сб.: «Революционное народничество семидесятых годов XIX века», т. 2. М.—Л., 1965, с. 184—191. Там же впервые помещено фототипическое воспроизведение экземпляра «Программы» с пометами К. Маркса. — 328

⁵ «Рабочая газета» издавалась народовольцами, вышло три номера; «Зерно. Рабочий листок» — издавался чернопредельцами, вышло шесть номеров; «Рабочий» — издавался группой Д. Благоева, вышло два номера. — 328

- А-в** 204
А-н 204
 Абаза А. А. 34, 38, 149
 Абаза Н. С. 34
 Абрам *см.* Лубкин С. Н.
 Аввакум 134
 А. Д. *см.* Михайлов А. Д.
 Адлерберг А. В. 359
 Аксельрод П. Б. 15, 46, 47, 93,
 286, 287, 291, 299, 300, 301,
 306, 307, 309, 310, 362, 369,
 396, 398, 400, 405, 406
 Александр I 135
 Александр II 10, 11, 13, 14, 17,
 27—35, 37—39, 41, 45, 49—51,
 53, 55, 56, 61, 65, 83, 89, 97,
 110, 117, 127, 135, 145, 148,
 152, 168, 259, 264, 266, 268,
 269, 296, 334, 336—339, 345,
 347, 351, 355—360, 372, 374,
 386, 387, 390—393, 398, 401,
 403, 404
 Александр III 35—38, 40, 89,
 104, 120, 130, 150, 152, 207,
 217, 255, 257, 295, 313, 330,
 344, 359, 368, 398, 403, 404
 Александровский 117
 Алексей Михайлович (царь) 134
 Алмазов 351
 Андреев 395
 Андреев С. *см.* Харизоменов С. А.
 Андрей Николаевич *см.* Беке-
 тов А. Н.
 Анзимиров В. А. 309, 397
 Апучин Д. Г. 380
 Аптекман О. В. 7, 10, 11, 14—16,
 46, 49, 75, 79, 80, 84, 95, 152,
 158, 160, 178, 181, 286, 298,
 334, 340—344, 364, 368, 372,
 382, 396—398, 402
 Аракчеев А. А. 33
 Арончик А. Б. 25, 316, 323, 344,
 404
 Артищев Ф. X. 398
 Ашенбреннер М. Ю. 23, 24, 221,
 222, 373
 Бакунин М. А. 159, 336, 345, 349
 Барабанова А. *см.* Сергеева Е. Д.
 Барабанова А. И. 358
 Баранников А. И. 12, 13, 24, 25,
 28, 29, 53—55, 58, 67, 122, 144,
 146, 254, 255, 269, 316, 325,
 326, 337, 342, 344, 358, 383,
 391
 Баранов Н. М. 36
 Бардина С. И. 144, 145, 345,
 361
 Бардовская А. А. 124
 Бардовский Г. В. 123, 124
 Барыбин В. П. 380
 Баска *см.* Якимова А. В.
 Баттенберг А. 370
 Бачин И. А. 385
 Бекетов А. Н. 237, 378
 Белинский В. Г. 159, 215
 Берви-Флеровский В. В. 370, 381
 Бергман 215
 Березовский А. И. 359
 Бильчанский О. И. 84, 347
 Бирилев А. А. 212
 Бирон Э.-И. 33
 Благоев Д. Б. 406
 Бланки Л. О. 349
 Блек (Блок) А. Л. 307, 308, 310,
 401
 Богданович Ю. Н. 24, 28, 29, 85,
 120—122, 125—127, 129—131,
 141, 144, 147—150, 211, 272,
 326, 335, 358, 373
 Богораз-Тан В. Г. 41, 288, 396
 Богородский Н. Н. 344
 Богуславская Л. 112, 351
 Бодаев В. А. 378
 Бонч-Осмоловский А. И. 307
 Борзов В. Ф. 387
 Борзова Е. И. 387
 Боткин А. И. 399
 Бохановская-Чернавская Г. Ф.
 15
 Бохановский И. В. 69, 334, 347
 Брандтнер Л. К. 84, 342, 347
 Буланов А. П. 47, 187, 307,

- 310—312, 373, 377, 378, 379, 398, 399—401
- Буланов Л. П. 307
- Буланова-Трубникова О. К. 49, 306, 307, 334, 398—402
- Бундуль Р. А. 387
- Бух Н. К. 24, 98, 166, 167, 170, 361, 365—367
- Буцевич А. В. 24, 40, 218, 220, 373
- Буцинский Д. Т. 322
- Валентин *см.* Каковский И. П.
- Валериан *см.* Осинский В. А.
- Валуев П. А. 34
- Вар К. 80, 342
- Вахрушев И. С. 368
- Введенский А. И. 241
- Вегнер-Гинтар М. С. 397
- Веймар О. Э. 11
- Верховский 212
- Вершинин А. И. 188
- Вильямс 256, 319
- Виноградов С. И. 385
- Виттенберг С. Я. 28, 84, 348
- Водозов Н. В. 399
- Войнаральский П. И. 8, 55, 69 337
- Волк С. С. 24, 26, 44, 338, 348—350, 371, 396
- Волкенштейн Л. А. 326
- Волков С. К. 385
- Волошенко И. Ф. 322
- Вольтер Ф.-М.-А. 388
- Вырубов С. А. 187, 307, 310, 401
- Ганецкий И. С. 256, 320, 322, 383
- Гарибальди Д. 399
- Гартман Л. Н. 25, 46, 115, 119, 120, 135, 286, 287, 356, 357
- Гарфильд Д. А. 43
- Гарфинкель (Гарфункель) Г. 313
- Гейкинг Г. Э. 8, 9, 69, 339
- Геллис М. Я. 322
- Гельфман Г. М. 25, 29, 38, 127, 131, 140, 146, 148, 275, 276, 282, 283, 380, 392, 399
- Гернет 70
- Гернет М. Н. 405
- Герцен А. И. 48, 101, 399
- Гессе Н. П. 28
- Гецов И. 309, 310, 400, 401
- Гито Ш. 43
- Глазго (Гласко, Глазко) А. А. 200, 204, 207, 209, 210, 214
- Гобет (Гобст) А.-Я.-И. 84, 347
- Годупова Л. Н. 23, 24
- Голубев 37
- Гольденберг Г. Д. 12, 13, 41, 50, 60, 61, 63, 80, 109, 114, 144, 335, 336, 338, 344, 350
- Горский П. Г. 347
- Гортынский М. Ф. 143
- Горчаков А. М. 356
- Грачевский М. Ф. 24, 28, 29, 40, 128, 129, 133, 141, 144, 204, 205, 209, 210, 220
- Гржебин З. И. 400
- Грибоедов А. С. 352
- Григорьев В. В. 34
- Григорьев П. В. 349
- Грингмут В. А. 145, 361
- Гриневицкий И. И. 28—30, 38, 125, 129, 130, 270, 273, 274, 280, 358, 359
- Гринфест С. 309, 310, 399
- Гроссман А. О. 377
- Грязнова М. В. 97, 167, 173, 365, 367
- Гулевич С. 388
- Гуревич Е. 400
- Гуревич И. 400
- Гурко И. В. 28, 388
- Гусев И. А. 295, 398
- Гюго В. 313, 403, 404
- Давиденко И. Я. 27, 69, 84, 98, 347
- Данилов В. А. 397
- Дебагорий-Мокриевич В. К. 292, 398
- Девель М. В. 342
- Дегаев С. П. 41, 200, 201, 211, 220, 222, 344, 345, 372, 373
- Дейтрих В. Ф. 277
- Дейч Л. Г. 6, 15, 46, 48, 69, 93, 154, 163, 178, 180, 181, 286, 287, 289, 291, 292, 301, 302, 309, 310, 334, 339, 347, 348, 358, 363, 364, 369, 396, 397, 399—402
- Демидов П. П. 404
- Демченко М. В. 397
- Джабадари И. С. 144, 361
- Дзержинский Ф. Э. 352
- Дмитриева В. И. 360
- Добржинский А. Ф. 279, 281, 335, 395
- Добротворский Н. А. 206, 215, 362
- Домашнев 313

- Достоевский Ф. М. 101
 Драгоманов М. П. 186, 236, 371, 378
 Драгомиров М. И. 219, 373
 Дрей М. И. 402
 Дрейер (Дейер П. А.) 213
 Дрентельн А. Р. 9, 17, 75, 76, 79, 82, 83, 91, 341
 Дриго В. В. 98, 347
 Дробязгин И. В. 69, 347
 Дружинин В. П. 187, 204, 307
 Дубенская Е. К. 399
 Дубровин В. Д. 84, 331, 347
 Дубровин Е. А. 307, 308, 398
 Дурново Е. П. 309, 397
 Дурново М. Д. 399
- Е-ч 204
 Егоров П. 376, 377
 Егорыч см. Николаев О. Е.
 Емельянов А. С. 342
 Емельянов И. П. 29, 125, 129, 272—274, 358, 383, 392
 Ефрон Г. А. 309
- Жарков А. Я. 180, 181, 298, 299, 303—306, 368, 368, 398
 Жебунев В. А. 144, 146
 Желваков Н. А. 40, 386
 Желябов А. И. 12—15, 20—26, 28, 29, 42, 52, 53, 56—59, 61, 67, 70, 86, 89, 102, 104, 110, 115, 125—129, 134, 137—140, 144, 146, 147, 152, 154, 188, 190—195, 197, 199, 200, 203, 204, 208, 218, 231—234, 254, 262, 264—266, 271, 274, 275, 280, 281, 283—285, 311, 338, 343, 348, 359, 360, 364, 369, 378, 381, 385, 392, 393, 394—396, 402, 403
- Жуйков Г. С. 380
 Жуковский 392
- Забрамский Л. И. 347
 Завадская Е. Ф. 231, 361
 Завалишин Ф. И. 23, 190, 196, 197, 200, 204—206, 208—210, 218, 221
 Заводов А. 388
 Загорский К. Я. 23, 49, 235, 307, 308, 310, 312, 334, 372, 377, 378, 379, 391, 401
 Заичневский П. Г. 105, 349
 Зайончковский П. А. 33, 39, 359, 382
- Зайцев В. А. 399
 Зайцев В. П. 398
 Засулич В. И. 8, 15, 46, 48, 68, 77, 79, 93, 156, 157, 163, 178, 247, 286, 287, 301, 302, 309, 310, 339, 341, 342, 357, 364, 382, 396, 406
 Зацепина Н. С. 344
 Зеге фон Лауренберг В. В. 24, 344, 361
 Зибер Н. И. 236, 378
 Златовратский Н. Н. 164, 365
 Златопольский С. С. 24, 29, 145, 204, 219, 326, 381, 405
 Золотарев 397
 Золотарева Н. Л. 306
 Зотов В. Р. 391
 Зотова 190
 Зунделевич А. И. 11, 24, 25, 75, 80, 97, 98, 106, 144, 146, 152, 336, 350, 365
 Зуров А. Е. 367
- Иванов 281
 Иванов И. К. 323
 Иванова (-Борейша) С. А. 24, 27, 96, 97, 102, 144, 146, 165, 181, 334, 344, 347, 365—367, 369
 Ивановская П. С. 25, 27, 133, 141, 181, 368
 Иванчин-Писарев А. И. 7, 22, 121, 130, 131, 335, 358
 Ивашев В. П. 398, 400
 Игнатов В. Н. 75, 76, 178, 286, 287, 341
 Игнатова Е. Н. 397
 Игнатьев Н. П. 317
 Ильин К. Н. 377
 Иохельсон В. И. 20, 25, 350
 Исаев 395
 Исаев Г. П. 24, 25, 28, 29, 128, 130, 132, 133, 144, 146, 148, 204—206, 268, 316, 325, 344, 345, 383, 391, 394
- Казаков В. Ф. 397
 Каковский П. П. 22, 224—228, 230—233, 374, 375, 376
 Калужный И. В. 373
 Кампнская Б. А. 345
 Карабанович А. К. 23, 200, 204
 Карабчевский Н. П. 360
 Каракозов Д. В. 336, 359, 360
 Карпов М. С. 361
 Катков М. Н. 145, 361

- Кашинцев И. Н. 368
Квятковская Ю. 366
Квятковская А. А. 8, 11—13, 16, 24, 27, 29, 67, 75, 78, 79, 81, 86, 96, 102, 108, 110, 112, 113, 116, 132, 144, 146, 158, 166, 261, 262, 264, 296, 336, 344, 346, 351, 353, 359, 365, 366, 387—389
Кеннан Д. 323, 404
Кибальчич Н. И. 25, 27—29, 38, 113, 115, 116, 128, 129, 131, 140, 146, 148, 204, 208, 254, 281—283, 285, 395, 396
Кириллов Г. Г. 250, 251, 382
Кланг М. А. 307
Клеменс (Клеменц) Д. И. 75, 337, 338, 399
Клеточников Н. В. 25, 26, 29, 49, 122, 123, 127, 146, 175, 246—257, 304, 314, 316, 317, 319, 323—325, 358, 367, 381—385, 404
Кобозевы см. Богданович Ю. Н., Якимова А. В.
Кобылянский Л. А. 80, 322, 336
Ковальская Е. Н. 46, 178, 286, 290, 297, 334, 347, 366—368, 398, 400
Ковальский И. М. 8, 69, 70, 331, 347
Коган-Бернштейн Л. М. 23, 203, 239, 240, 277, 284, 378—380
Козичев А. В. 387
Козлов Е. И. 181, 286, 306, 308, 368
Козлова Е. Я. 181, 286, 306, 308, 309, 368
Колодkevич Н. Н. 12, 13, 24, 25, 28, 29, 57, 67, 86, 110, 113, 116, 122, 144—146, 191, 194, 199, 200, 204, 218, 254, 255, 257, 269, 316, 326, 338, 358, 369, 381, 383, 391, 396
Комиссаров О. И. 336
Коновкин Н. П. 395
Корба А. П. 24, 29, 36, 40, 49, 110, 115, 128, 141, 144, 219, 220, 246, 326, 334, 348, 352, 358, 381, 393, 398, 403, 405
Корнилова-Мороз А. И. 134, 136, 138, 361
Короткевич Н. А. 14, 86, 181, 286—288, 301 368
Костюрин В. Ф. 334
Кочкуров 395
Кравчинский С. М. (Степняк) 9, 68, 79, 382, 386, 399
Крайский Б. А. 221, 222
Кропоткин Д. Н. 8, 9, 61, 69, 77, 335, 336
Кротов М. А. 398
Крузенштерн Ф. К. 213, 217
Крылова М. К. 97, 178, 180, 181, 286, 287, 297, 305, 368
Кузнецов Я. И. 397
Кулеш С. Л. 187
Кунаев А. М. 221, 222
Курицын Ф. Е. 335
Кутузова А. П. 123, 247, 248, 250
Лавров Г. Н. 401
Лавров Н. Н. 187, 307, 310, 401
Лавров П. Л. 41, 45, 47, 101, 120, 159, 348, 349, 356, 362, 369, 370, 371, 385
Лаврениус А. Н. 105, 349
Лаврентьев Н. Н. 307, 308
Лавровская 71
Ланганс М. Р. 28, 70, 104, 144, 146—148, 314, 316, 317, 319, 320, 325, 326, 339, 404
Лапшин В. 388
Лапшина Р. Г. 380
Лассаль Ф. 216
Лебедев В. С. 143, 144
Лебедев Н. Г. 105
Лебедева Т. И. 24, 29, 55, 56, 113—115, 128, 144, 146, 147, 337, 383
Левин Ш. М. 44
Левков Е. Л. 309, 310, 400
Ленин В. И. 6, 25, 38, 39, 41, 42, 49, 349, 405
Леонтьев А. 380
Лесник 314, 322
Лизогуб Д. А. 27, 70, 84, 88, 98, 331, 347
Логовенко И. И. 84, 347
Лозинский М. П. 359
Лонге Ж. 37
Лопатин Г. А. 9, 10, 41, 373
Лорис-Меликов М. Т. 29, 33, 34, 35, 38, 39, 40, 139, 149
Лубкин С. Н. 98, 116, 167—171, 176, 177, 367
Луцкий В. В. 183, 184, 187, 199, 369—371
Лысенко см. Бух Н. К.
Любатович В. С. 345

- Любатович О. С. 20, 21, 24, 41, 345, 348
 Люстиг Ф. О. 335, 393
 Лютер М. 320
- Майданский Л. О. 347
 Маков Л. С. 31, 34
 Малинка В. А. 70, 347
 Марковский В. А. 307, 308, 310, 401
 Марковский С. А. 307, 308, 310, 401
 Маркс К. 22, 37, 42, 120, 216, 356—357, 378, 381, 401, 406
 Мартынов С. В. 143, 144
 Мартыновский С. И. 174, 365
 Маяковский В. В. 360
 Медведев А. Ф. 67, 339
 Мезенцев Н. В. 8, 9, 32, 68, 69, 77, 79, 82, 247, 381, 382
 Менгден 121, 122, 125, 358
 Меншиков А. Д. 33
 Меркулов В. А. 211, 344
 Милютин Д. А. 34, 38, 149, 186, 371
 Мирский Л. Ф. 76, 316, 341, 372
 Миссюра 126
 Михаил Федорович (царь) 216
 Михайлов А. Д. 6, 8, 11—16, 20, 21, 24—27, 29, 30, 57, 58, 67, 74, 75, 78, 79, 81, 86, 89, 96, 98, 108, 110, 112, 115—117, 121—123, 143, 144, 146, 147, 153, 154, 161, 166, 176, 208, 246—253, 255—257, 268, 269, 316, 325, 338, 341, 347, 352—355, 363, 364, 381, 383, 391, 404, 405
 Михайлов А. Ф. 79, 341
 Михайлов М. Л. 101, 399
 Михайлов Т. М. 21, 25, 28, 38, 125, 129, 131, 140, 148, 272, 273, 358, 377, 392, 395
 Михайловский Н. К. 101, 392
 Млодецкий И. О. 34, 359
 Моисеенко П. А. 382
 Морейнис (-Муратова) Ф. А. 147, 366
 Морозов Н. А. 5, 6, 11—13, 15, 16, 20, 21, 24, 30, 41, 75, 79, 86, 92, 95, 96, 98, 102, 108, 115, 144, 146, 314, 316, 319, 338, 341, 344, 346, 348, 350, 391, 404
 Морозова Ф. П. («боярыня») 134
- Мошенко Н. П. 75, 76, 82, 83, 85, 86, 288, 341
 Мравинский К. О. 29, 126, 127, 359
 Муравьев Н. В. 135, 256, 360, 383
 Мурашкин 388
 Мухлынин К. Е. 397
 Мышкин И. Н. 55, 97, 138, 323, 337, 347, 361, 365
- Н-ский 232, 233, 234
 Налимов А. П. 307
 Неаронов 208
 Невский В. И. 22, 44
 Некрасов Н. А. 400
 Неустроев К. Г. 243, 380
 Нечаев С. Г. 207, 341, 369, 372
 Николаев О. Е. 14, 85, 86, 152, 178, 179, 286, 287, 291, 295, 301, 363
 Никольский П. И. 32
 Новиков 179
 Новицкий В. Д. 343
- Обнорский В. П. 32, 251, 252, 382, 385, 386
 Оболевешев А. Д. 352
 Овчинников М. П. 223
 Окладский И. Ф. 29, 115, 132, 254, 351, 365, 383, 403
 Октавиан Август 342
 Оловенникова Е. Н. 25, 28, 270, 277, 279, 391
 Оловенникова М. Н. см. Ошанина М. Н.
 Оловенникова Н. Н. 25, 122, 144, 361
 Ольхин А. А. 391
 Ольховский Е. Р. 44, 46, 363, 368, 396—398
 Оржевский П. В. 324, 326
 Оржих Б. Д. 41
 Орлов В. И. 155, 156, 322, 364
 Орлов И. Г. 374, 375
 Орлов П. А. 356
 Орлова 307
 Осинский В. А. 67, 84, 86—88, 108, 331, 339, 342, 343, 347
 Осип см. Аптекман О. В.
 Ошанина М. Н. 12, 13, 15, 20, 24, 25, 40, 53—55, 58, 86, 104—106, 122, 143, 144, 304, 337, 345, 348, 349, 369, 374, 391, 399

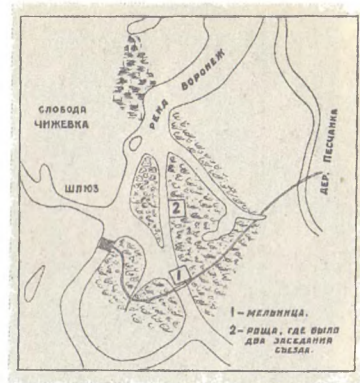
- П-в 206
 П-ов 289
 Павлов А. П. 295, 398
 Панкратов В. С. 37, 311, 401
 Панкратьев В. 398
 Папин В. С. 188, 198, 200, 201, 221, 372
 Паскевич 187
 Паули Н. К. 377
 Переляев В. Н. 307, 308, 398
 Переплетчиков В. А. 180, 181, 286, 368
 Перетц Е. А. 360
 Перовская М. Л. 360
 Перовская С. Л. 14—16, 23—25, 28—30, 38, 55, 56, 67, 70, 73, 86, 97, 104, 115, 128—132, 134—140, 144, 146—148, 150, 152, 199, 202, 204, 208, 231, 268—276, 281, 285, 288, 294, 300, 360, 361, 378, 390, 391, 395, 399, 402, 403
 Перовский В. Л. 360
 Перовский Л. Н. 136
 Петерсон А. Н. 385
 Петр I 52, 58
 Петров Г. Ф. 387
 Петров И. И. 307
 Петров Н. Н. 46, 397
 Петрова А. И. 387
 Петроцкий В. И. 388
 Писарев *см.* Иванчин-Писарев А. И.
 Писарев Д. И. 101, 362
 Плевс В. К. 40, 256, 278, 279, 317, 322, 367, 383, 400
 Плеханов Г. В. 5—7, 9—11, 13—15, 30, 44—46, 48, 49, 72, 75, 76, 78—80, 86, 89, 91, 92, 97, 107, 108, 151, 153—158, 160—164, 178, 179, 286, 291—296, 298—302, 309, 310, 328, 334, 340, 341, 362—365, 377, 386, 387, 398, 401, 405—407
 Плеханова В. Г. 164, 362
 Плеханова Р. М. 49, 151, 334, 343, 361—364, 398
 Победоносцев К. П. 34, 36, 38, 127
 Подбельский П. П. 23, 239, 240, 277, 378, 379, 380
 Поливанов П. С. 105, 316, 325, 350, 405
 Пол(л)як Т. В. 160, 161, 164, 364
 Полозовы 225—229
- Попко Г. А. 67, 339
 Попов М. Р. 11, 12, 14, 46, 50, 75, 76, 85, 86, 97, 107, 108, 152, 178, 179, 286, 287, 291, 300, 322, 336, 341, 342, 347, 363, 368, 397
 Попович П. Е. 376
 Посыет К. Н. 34
 Похитонов Н. Д. 200, 201, 218—220, 222
 Преображенский Г. Н. 86, 92, 95, 178, 179, 286, 287, 291, 298, 342, 344, 368, 397
 Пресняков А. К. 21, 25, 27, 29, 86, 342, 359, 365, 368
 Прибылев А. В. 220, 390, 391
 Прибылева-Корба А. П. *см.* Корба А. П.
 Приходько *см.* Тесленко-Приходько П. В.
 Прокофьев А. А. 188, 200, 204, 209, 210
 Протасьев А. 183, 184
 Пругавин А. С. 101
 Пташка *см.* Лубкин С. Н.
 Пугачев Е. И. 377
 Пьянков И. П. 178—181, 286, 298, 305, 368
- Разин С. Т. 377
 Разумов И. К. 196, 200, 204, 206, 210, 222, 223, 373
 Разумовский К. Г. 135
 Рейнштейн Н. В. 9, 251, 252
 Решко К. К. 307, 308
 Решко М. К. 47, 306—308, 311, 377
 Робеспьер М. 118
 Рогачев Д. М. 201
 Рогачев Н. М. 24, 200, 201, 207, 211, 212, 218, 219, 221
 Розовский И. И. 69, 359
 Романенко Г. Г. 143, 144, 350
 Ромм Г. Д. 309
 Россикова Е. И. 338
 Рошфор А. 120, 356
 Рубанчик Е. Я. *см.* Козлова Е. Я.
 Русанов Н. С. 401
 Рысаков Н. И. 28—30, 38, 40, 125, 129—131, 140, 208, 209, 270—274, 277—281, 359, 374—377, 390—395
- С. 270, 273, 279
 Саблин Н. А. 22, 25, 28, 38, 127,

- 129, 131, 140, 146, 148, 275, 276, 392, 393
- Сабуров А. А. 34, 269, 277, 378, 379, 380
- Савина М. Г. 360
- Сазонов 215
- Салова Н. М. 33, 49, 224, 334, 373, 374
- Салтыков-Щедрин М. Е. 101, 340, 363
- Свириденко В. А. 84, 342, 347
- Севастьянов 288
- Семенов Н. И. 307, 308
- Сергеев 217
- Сергеева Е. Д. 14, 20, 24, 86, 144, 167, 172, 173, 344, 367
- Сергиевский Н. Л. 44
- Серебренников П. О. 196
- Серебряков А. А. 369
- Серебряков Е. А. 23, 47, 49, 182, 190, 197, 210, 214, 334, 361, 369—373, 378, 397, 401
- Серебряков 292, 398
- Серно-Соловьевич А. А. 399
- Серно-Соловьевич Н. А. 399
- Сентянин А. Е. 8
- Сидоренко Е. М. 28
- Симзен М. М. 307, 308
- Скворцов А. Е. 376, 377
- Скворцов 187
- Скворцов 204
- Смирнов Д. Н. 385
- Соколов М. Е. («Ирод») 256, 313—318, 321—326, 383, 404
- Соловьев А. К. 10, 11, 33, 50, 52, 69, 70, 80—82, 84, 127, 283, 293, 296, 335, 336, 345, 347, 359, 398
- Сосин С. И. 398, 401
- Спешнева М. П. 399
- Спицын А. И. 105
- Станюкович К. С. 391
- Стасов В. В. 399
- Степняк-Кравчинский *см.* Кравчинский С. М.
- Степурин К. А. 222, 223, 373
- Стефанович Я. В. 15, 46, 48, 69, 93, 97, 108, 143, 144, 163, 178, 179, 286, 287, 289, 291, 299, 301, 302, 309, 310, 312, 334, 347, 364, 368, 373, 396, 398, 400, 401
- Стрельников В. С. 40, 158, 345, 386
- Строганов С. Г. 34, 127
- Сыцянко А. И. 397
- Судейкин Г. П. 147, 245, 361, 372
- Суриков В. И. 134
- Суханов Н. Е. 23—25, 28, 29, 126, 128—130, 132, 133, 138, 144, 146, 147, 188—192, 194—200, 202—207, 209—214, 218, 256, 313, 369, 371, 372, 402, 404
- Т-м 222
- Тан *см.* Богораз-Тан В. Г.
- Твардовская В. А. 13, 24, 25, 44, 342, 346, 361
- Тевяшев 215
- Теллалов П. А. 24, 25, 40, 105, 143, 144, 349
- Тель В. 12
- Теодорович И. А. 44
- Терентьева Л. Д. 27, 133, 146
- Тесленко-Приходько П. В. 178—180, 286, 293, 297, 298, 301, 305, 368
- Тетерка М. В. 25, 316, 325, 326, 383
- Тимофеев М. А. 105, 349, 350
- Титыч *см.* Тищенко Г. М.
- Тихомиров Л. А. 12, 13, 15, 17, 20, 24, 28, 36, 40, 49, 58, 75, 79, 86, 89, 92, 95, 102, 112, 124, 144, 145, 148, 258, 270, 271, 283, 294, 296, 334, 338, 344, 345, 348, 349, 352, 365, 370, 372, 374, 382, 384—389, 399, 406
- Тихонов Я. Т. 365
- Тищенко Г. М. 14, 46, 85, 86, 88, 92, 178, 180, 288, 297, 342, 344
- Ткачев П. Н. 105, 337, 349, 350
- Толстой Д. А. 34, 404
- Тотлебен Э. И. 28, 33, 52, 70, 74, 114
- Трепов Ф. Ф. 8, 339, 342, 382
- Тригони М. Н. 24, 25, 28, 29, 49, 116, 117, 126, 146, 256, 313, 334, 355, 358, 402, 403
- Трошкнй П. А. 336, 347, 360, 361, 373, 374, 404
- Трубников К. В. 399
- Трубникова М. В. 399
- Трубникова М. К. 307, 399
- Трубникова О. К. *см.* Буланова-Трубникова О. К.
- Туницын 395
- Тургенев И. С. 391

- Турский К. 105, 349
Тырков А. В. 28, 49, 267, 279, 281, 334, 359, 390—393
Тычинин П. В. 28, 270, 277, 279, 391
Тютчев Н. С. 351
- Уваров М. И. 307, 311
Уклонский 187, 190
Ульянов А. Н. 307, 308, 398
Унгерн-Штернберг К. К. 114, 351
Успенский Г. И. 101, 130, 149, 329, 391
- Ф-н 210
Фан-дер-Флит П. П. 196
Фигнер В. Н. 6, 10, 11, 14—16, 24—26, 28—31, 35, 37, 40—42, 85, 86, 96, 115, 139, 144, 149, 197, 199, 204—206, 208, 209, 221, 222, 224, 231, 269, 326, 334—336, 342, 344—346, 348—352, 355, 359, 361, 363, 364, 371—374, 381, 383, 388, 391, 395—397, 399, 402—404
Фигнер Е. Н. 112, 342, 365, 399
Филатов 282
Флеров Н. М. 378
Флеровский В. В. 101
Фондаминская Л. Е. 397
Франжоли А. А. 231, 361, 377
Фриденсон Г. М. 25, 29, 143, 254, 383
Фроленко М. Ф. 5, 12, 13, 16, 24, 25, 28, 29, 49, 50, 86, 113—115, 128, 129, 131, 132, 139, 144, 145—147, 314, 316, 319, 334, 335, 337—339, 348—350, 358, 383, 387—389, 391, 396, 404
- Халтурин С. Н. 21, 25, 28, 32, 40, 49, 112, 144, 157, 158, 251—253, 258—266, 293, 295, 296, 328, 338, 354, 364, 382, 385—389, 403, 406
Харизоменов С. А. 14, 86, 143, 288, 297, 342
Хотинский А. А. 86, 288, 342
- Цукерман Л. И. 98, 168, 169, 171, 172, 365, 367
- Ченыкаев В. В. 307, 308
Черкасов Г. Ф. 397
Чернышевский Н. Г. 48, 101, 347, 362, 399
Чернявская Г. Ф. 25
Чертков М. И. 343
Чубаров С. Ф. 27, 70, 84, 98, 347
- Шалашников 307
Шевырева Е. Д. 180, 181, 286, 288, 298, 368
Шелгунов Н. В. 101, 391
Шеталов В. Н. 378
Шефтель М. И. 307, 308, 310, 377—379, 401
Ширяев С. Г. 12, 13, 24, 25, 86, 115, 116, 137, 144, 146, 207, 293, 342, 344, 351, 365, 372, 396
Штромберг А. П. 23, 195, 196, 200, 201, 204—206, 208, 210, 211, 214, 218, 369
- Щедрин Н. П. 159, 160, 178—180, 286, 295, 297, 304, 305, 323, 342, 364, 367, 368
Щетинина Г. И. 378
Щигельский 114
- Энгельгардт А. Н. 31
Энгельгардт М. А. 378
Энгельс Ф. 9, 37, 42, 357
- Южак С. Н. 70
Юнг Н. В. 196, 200, 204, 210
Юрковский Ф. И. 57, 323, 326, 338
Юрченко О. Т. 397
- Якимов В. М. 344
Якимова А. В. 24, 25, 28, 29, 83, 115, 122, 125, 126, 129—131, 144, 146—149, 254, 255, 320, 344, 358, 361, 383, 387, 404
Якимовы 98
Яковенко В. И. 291, 397, 402
Яковенко Е. И. 397
Яковенко К. А. 397, 402
Яковлев 140
Якубович П. Ф. 243, 308, 380
Ямщикова Е. А. 358
Яницкий К. 349
Янсон Ю. Э. 244, 380

СОДЕРЖАНИЕ

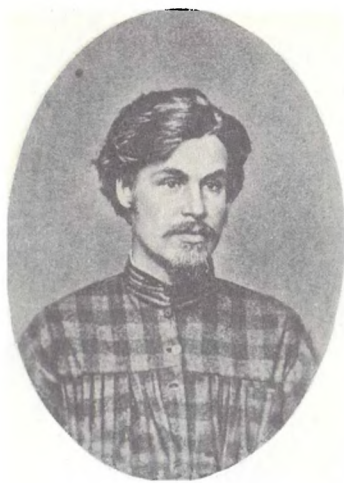
	Текст	Примечания
В борьбе за свободу	5	
<i>М. Ф. Фроленко.</i> ЛИПЕЦКИЙ И ВОРОНЕЖСКИЙ СЪЕЗДЫ	50	334
<i>О. В. Аптекман.</i> ОБЩЕСТВО «ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ» 70-х ГОДОВ. ГЛАВА XIII	75	340
<i>В. Н. Фигнер.</i> ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ ТРУД	96	344
<i>Р. М. Плеханова.</i> НАША ЖИЗНЬ ДО ЭМИГРАЦИИ	151	361
<i>С. А. Иванова-Борейша.</i> ПЕРВАЯ ТИПОГРАФИЯ «НАРОДНОЙ ВОЛИ»	165	365
<i>Е. Н. Ковальская.</i> ПЕРВАЯ ТИПОГРАФИЯ «ЧЕРНОГО ПЕРЕДЕЛА»	178	367
<i>Е. А. Серебряков.</i> РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ ВО ФЛОТЕ	182	369
<i>Н. М. Салова.</i> ПАМЯТИ КАКОВСКОГО	224	373
<i>К. Я. Загорский.</i> В 1881—1882 гг. (ВОСПОМИНАНИЯ)	235	377
<i>А. П. Прибылева-Корба.</i> НЕСКОЛЬКО СТРОК О Н. В. КЛЕТОЧНИКОВЕ	246	381
<i>Л. А. Тихомиров.</i> ПРЕБЫВАНИЕ ХАЛТУРИНА В ЗИМНЕМ ДВОРЦЕ	258	384
<i>А. В. Тырков.</i> К СОБЫТИЮ 1 МАРТА 1881 ГОДА	267	390
<i>О. В. Аптекман.</i> ОБЩЕСТВО «ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ» 70-х ГОДОВ. ГЛАВА XIV	286	396
<i>О. К. Буланова-Трубникова.</i> ТРИ ПОКОЛЕНИЯ	306	398
<i>М. Н. Тригони.</i> ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ АЛЕКСЕЕВСКОМ РАВЕЛИНЕ	313	402
<i>Г. В. Плеханов.</i> ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ «РУССКИЙ РАБОЧИЙ В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ»	328	405
П р и л о ж е н и е. Исполнительный комитет императору Александру III	330	
Примечания	334	
Именной указатель	407	

М. Ф. Фроленко.

План-схема местности, где происходили заседания Воронежского съезда (составлена М. Ф. Фроленко).

Запруда и мельница на реке Воронеж, близ которой собирались землевольцы.

Н. В. Клеточников.

С. Н. Халтурин.

Дом шефа жандармов (набережная Фонтанки, 16. Фото конца XIX в.). Во дворе дома находилось III отделение собственной его императорского величества канцелярии, а с августа 1880 г.— Департамент полиции МВД.

А. П. Прибылева-Корба.

А. К. Соловьев.

Вход в подвальное помещение
Зимнего дворца, где жил С. П.
Халтурин.

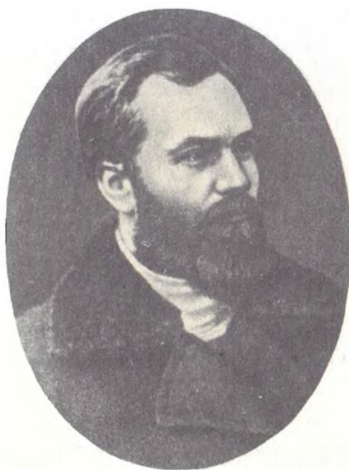

М. Н. Ошанина.

С. Л. Перовская.

Н. А. Морозов.

В. Н. Фигнер.

Н. Е. Суханов.

А. Д. Михайлов.

Н. М. Салова.

С. А. Иванова-Борейша.

А. П. Штромберг.

Т. М. Михайлов.

Вывеска магазина сыров, утвержденная полицией.

Раскопка мины на Малой Садовой ул. (рис. 1881 г.).

ПО УКАЗУ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА...

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКОГО.

и прочая, и прочая, и прочая.

Полны:

Лично 35
Рост 5 футов 8 дюймов
Волосы черные
Брови черные
Глаза голубые
Нос прямой
Губы красные
Добродетельная
Лично 35
Основа печати: Итого.

Объявлено сего 1864 года, 19 февраля... Александр Николаевич... 64

Володимир Отарович

Е. Е. Кобозев

Володимир Отарович и Е. Е. Кобозев

Подложный паспорт на имя Е. Е. Кобозева.

Ю. Н. Богданович («Кобозев»).

Г. М. Гельфман.

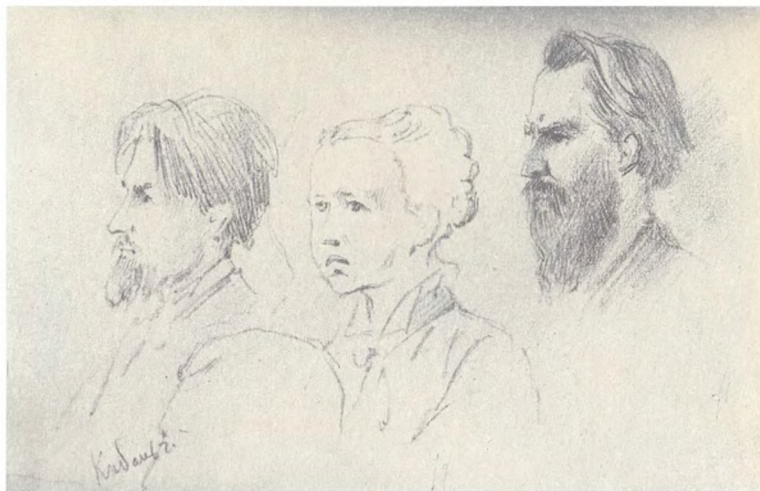
А. В. Тырков.

И. И. Гриневицкий.

Суд над «первомартовцами». Рис. из журнала «Всемирная иллюстрация», 1881 г.

Обложка следственного дела Особого присутствия Сената.

Н. И. Кибальчич, С. Л. Перовская, А. И. Желябов во время судебного процесса по делу о 1 марта 1881 г. Рис. К. Е. Маковского.

Официальная газетная публикация приговора по делу о 1 марта 1881 г.

ПРИВАВЛЕНІЕ
къ № 09-мъ
ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАГО ВѢСТНИКА
29-го марта 1881 года.

СУДЕБНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

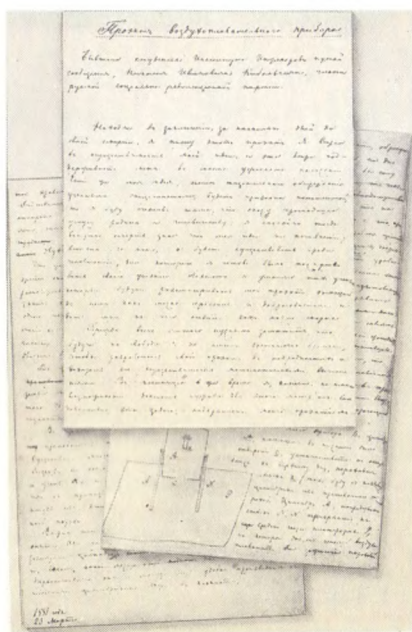
Решендія Особого Приводства Правительствующаго Сѣмата, объявленныя 29-го марта 1881 года, въ 6 часовъ 30 минутъ по полудню, по дѣлу о совершонномъ 1-го сего марта злодѣянствѣ, жертвою котораго палъ въ Воевъ почившій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ.

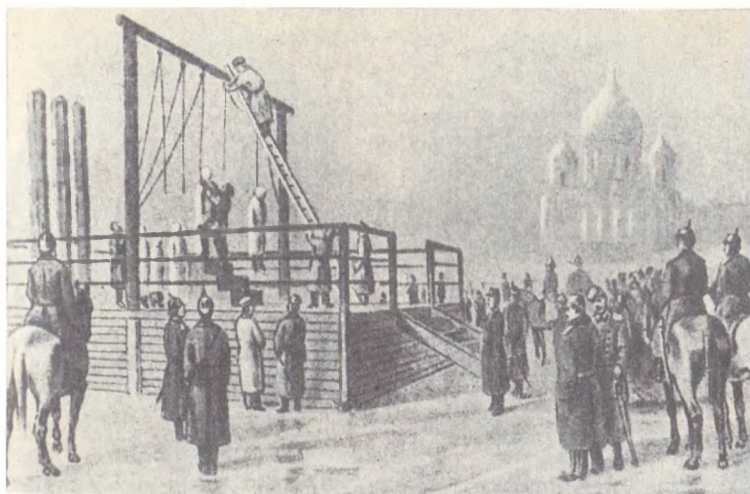
По указу Его Императорскаго Высочайшаго Правительствующаго Сѣмата, въ Особой Присутствіи для сличенія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, назначенъ дѣло въ крѣпкія стѣны, состоявшее изъ: подсудимыхъ: крестьянина Тарачинской губерніи, ОсобойСелаго уѣзда, Петровской волости дровни Никлаевича, Андрея Николаевича Желобова, 30 лѣтъ; дворянку Софью Леонову Перовскую, 37 лѣтъ; сына священника Николая Павловича Кибальчича, 37 лѣтъ; узавѣданаго мѣдника Николая Николаевича Рыкалова, 10 лѣтъ; и маршрута, Мелевской губерніи, вѣдѣвца Гіоріа Меропу Гельфандъ, 26 лѣтъ, в крестьянина Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, Иваницкой волости, деревни Тарачинско, Тихоми Михайлова, 31 годъ, на основаніи ст. закон. о вѣд. 9, 18, 18, 139, 152, 241, 242, 243, 249 и 1.439 (по пред. 1878 г.), и, крѣпкія стѣны, прѣдъ состояніемъ и поединкомъ свидѣтвой казачь чрезъ поединки. Протоколъ сей относительно дѣржавя Софья Перовской по изгугуленію ея въ законную стѣну, урочахъ обработанъ по мѣстоимѣнію, на основаніи 945 ст. уст. гражд. судопор., предъставить чрезъ Министра Юстиціи на рассмотрениеъ Его Императорскаго Высочайшаго.

Н. И. Кибальчич.

Рукопись Н. И. Кибальчича, написанная в тюрьме (фото с подлинника, хранящегося в Музее Октябрьской революции в Ленинграде).

Казнь «первомартовцев» 3 апреля 1881 г. С. рис. Н. Бунина. 1881 г.

Н. И. Рысаков и Т. М. Михайлов во время суда. Рис. К. Е. Маковского.

Члены организации «Черный
передел»:

Р. М. Плеханова.

О. К. Буланова-Трубникова.

Е. Н. Ковальская.

Н28 «Народная воля» и «Черный передел»: Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879—1882 гг./[Сост. В. Н. Гинев, А. Н. Цамутали].—Л.: Лениздат, 1989.—415 с., ил.—(Б-ка революционных мемуаров «Из искры возгорится пламя»)

ISBN 5-289-00073-9

Период второй революционной ситуации в России — так определил В. И. Ленин конец 1870-х — начало 1880-х годов. Основной силой, заставившей правительство заколебаться, стала революционная организация «Народная воля», действовавшая на фоне усилившегося брожения рабочих и крестьянских масс. Борьба народовольцев с самодержавием — героическая, но тем не менее обреченная на поражение — ярко показана в воспоминаниях В. Н. Фигнер, Е. А. Серебрякова, Л. А. Тихомирова, А. В. Тыркова, С. А. Ивановой-Борейши, М. Н. Тригоны. О сложном положении в лагере революционеров, о расколе «Земли и воли» на «Народную волю» и «Черный передел» и о малоизвестной деятельности чернопеределцев — противников народовольческого террора рассказывают воспоминания М. Ф. Фроленко О. В. Аптекумана, Р. М. Плехановой и др.

Для широкого круга читателей.

Н 0505020000—302
М171(03)—89 81—88

63.3(2)51

«НАРОДНАЯ ВОЛЯ»
И «ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДЕЛ»

Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879—1882 гг.

Составители:

Владимир Николаевич Гинев, Алексей Николаевич Цамутали

Заведующий редакцией В. Ф. Лепетюхин. Редактор М. В. Тоскина. Младший редактор Л. И. Захаров. Художник Л. А. Яценко. Художественный редактор А. К. Тимошевский. Технический редактор Г. В. Преснова. Корректор В. В. Безымянская

ИБ № 4457

Сдано в набор 16.09.88. Подписано к печати 21.03.89. М-18121. Формат 84×108^{1/32}. Бумага тип. № 2. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 21,84 + вкл. 0,84. Усл. кр.-отт. 23,94. Уч.-изд. л. 26,90+0,63=27,53. Тираж 50 000 экз. Заказ № 650. Цена 1 р. 40 к.

Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

НАРОДНАЯ ВОЛЯ

СОЦИАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННОЕ
ОБОЗРѢНІЕ.

изъ отдѣльнаго №:
Петербургъ . . . 25 р.
проезжая . . . 35 „

Постоянная подписка
на „Народную Волю“ въ
примѣтках.

4 ноября, въ 8 ч. 10 м. утра. на Ивановскомъ равелинѣ Петропавловской крѣости повѣшены социалисты - революціонеры Александръ Александровичъ КВЯТКОВСКІЙ и Андрей Корнѣевичъ ПРѢСНЯКОВЪ.

Ъ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА.

6 ноября 1880 г. Исполнительный Комитетъ опубликовалъ слѣдующую прокламацію:

Ноября, въ 8 часовъ 10 минутъ утра, армяны мученически двѣ малыхъ дѣлкахъ товарищѣ Александръ Александровичъ КВЯТКОВСКІЙ и Андрей Корнѣевичъ ПРѢСНЯКОВЪ.

умирали, какъ хотѣли умирали русскіе люди за великую идею съ сознаниемъ живучести революціоннаго дѣла, преданію ближнему товарищу. Но не доблестъ ихъ станемъ мы пѣть: ихъ обидѣть не хотимъ: здѣсь мы найдемъ констатирующіе факты новаго обстоятельства, современнаго смерти мучениковъ.

нужно было ихъ тайкомъ, въ стѣнахъ крѣпости, адвѣгавъ народа, вѣдь людемъ содѣлать. Какое соображеніе могло заставить? Почему Лорисъ-Меликовъ, смаковавшій Младодѣлаго на Семеновской палатѣ, не задумалъ и затѣять одно? Почему царское правительство не возмолвило по нему стѣны армянами, а въ любезнѣйшемъ средстве имъ инстинкту массы противъ латынговъ? Не потому ли, что борясь за насъ? Не потому ли, что настроеніе массъ такое, какъ обоготвореніе мучрѣ мучениковъ?

воля, умноженъ.
ну мученикъ Квятковскій, а во Шаретѣ, Прѣсняковъ, а во Омладнѣ Трудовикъ Александръ П и его заморозила хотѣлось проки: и тогда гвардію задержавъ, построивши въ лѣнѣ революціонеры: хотѣлось отвести ихъ впередъ, вѣдь. — выйдете ли в о р а - Квятковскій, — а въ Крестовыя Шаретѣ; выйдете ли в о р а - революціонеры улаки, возмолвило обоготвить въ тайнѣ зарула 5-го я. На тронѣ одного Квятковскаго оказалось мало; при томъ изгнужки дѣлать, швейцары, — и вѣнчалъ мѣдиана Прѣсняковъ идѣтъ своей свободѣ противъ уличнаго нападѣнн съ стѣнами тѣмъ, какъ. Кавалеръ Прѣсняковъ, какъ грузъ швейцаръ, какъ швейцаръ убійца въ рукахъ царскихъ слугъ — швейцаръ Жарова гетманъ (Шаретинъ). Остатки хотѣли, всевозможны саживать при томъ же крестянѣ да ищавъ; чего доброго народъ въ се возведетъ. Остатокъ только... закуривать въ електъ шамъ, должила царское правительство будеть съ успѣхомъ и русскій народъ по русское общество, лишь оне себя ва- Прекрасно сознавалъ, что наша борьба: и народъ и правы и есть борьба и за свободу общества: повинная всему бѣдальщериной казни и отвѣсать въ вой съ омерзѣннѣть, какъ въ ому парварету, — общество почтале, молчаливо, когда адвѣг его слушать бы намача! Своимъ дѣлостью, насильствомъ, черкнуло себя для рѣшъ борющихся общественныхъ силъ.

Пусть же не требуетъ изрядъ, чтобы партія дѣлала упрямѣе его въ расчетъ при выборѣ момента и формъ борьбы.

Русская интеллигенція! Изъ твоихъ рядовъ выманъ эти мученики, чтобы, прокрѣпя личное счастье, стать за Народное дело. Въ ахъ лѣнѣ казнаго гола. Но не вѣнчалъ вѣнчалъ жидѣтвой самъ; на сѣнѣ выманившихъ товарищамъ ты выманилъ дѣлать волею и съ клятвенно, смерть тарахалъ! — вседемъ народъ къ побѣдѣ.

Братья и товарищи! Отдѣлывай лица в ружья выманъ страсть — швейцарѣ съ аргономъ, вырвать улаки изъ вѣста его. Братья! не лѣнѣ давайце чувству удали и мидѣи: будеть вѣрны расцету; обоготвите, казавалбы силы судий чѣсъ ведаете!

Исполн. Ком., 5 ноября 1880 г.

II. Исполнительный Комитетъ заявляетъ, что произведенное въ прошломъ году подъ г. Александровскимъ и подготовляющееся подъ Одессой покушеніе на жизнь цара — произведено по инициативѣ его, Исполнительнаго Комитета, согласно съ общими планомъ, установленными осенью прошлаго года, съ цѣлью привести въ исполненіе смертнаго приговора надъ Александромъ II, постановленнаго Исполнительнымъ Комитетомъ 26 августа 1879 г.

III. Исполнительный Комитетъ проситъ осторожнаго слѣдующихъ лицъ:

БАБИЧЕВА, Надежда Яковлевна, дочь египтянина; въ 1879 г. извѣдывалъ въ Кіевѣ выспѣлъ жеваныхъ вурчалъ. Выдала Делеторіи-Мариѣвнѣ, Марья Ковалевскую и Павла Орлова. Весномъ 1880 г. была въ Петербургѣ, гдѣ и состоитъ швейцаръ III Оуд. Присланы: 25-го лѣтъ, ростъ средній, бровнѣты, глаза голубо-серые, лицо круглое, волосы, роста небольшой.

АНДРЕЕВСКАЯ, Альфа Андреевна (дѣлать Галия Исаева), извѣдывалъ въ московской вѣрнѣмной тюрьмѣ во лупи слѣдующая въ Восточную Сибирь, пожелала дать бѣглецамъ дознанія и отговаривала болѣе 200 лѣтъ, врену мѣстности уральскофоль. «Старый и Молодой Гряды», вѣнчалъ въ одесскихъ бутгарѣхъ, вѣнчалъ се по слушать, в другихъ; подтвердила повѣнаніе предѣлѣхъ Федора Курицына и Велединскаго. Весномъ 1880 года Андреевская исполвала роль швейцарки въ Домѣ Предварительнаго Заключенія въ Петербургѣ. Нынь, извѣнчала на свободу, старается проникнуть въ астербургскія литературныя сферы.

ДРИБО, Владимиръ Васильевичъ, осужденный за процессу 16-ти Числокъ индифферентна по всемимъ общественнымъ вопросамъ, желая прорисовать швейцаръ Д. Ульгоуба, на котораго имѣлъ довѣрливость, противъ его, съдѣлать чѣсъ былъ смертная казнь Ульгоуба. Въ юль 1879 года отговаривалъ многихъ своихъ близкакъ жеваныхъ вѣнчалъ Дембювоу и некоторымъ другимъ.

Исполн. Ком., 19 ноября 1880 г.

18 ноября 1880 г.

Въ первыхъ померахъ «Народной Воли» мы старались доказать, что главнымъ препятствіемъ къ эпопее челоу и политическому освобожденію народа служить сосредоточенный государственный строй; что борьба съ нимъ и для партіи социально-революціонной неизбежна и въ блн ждѣшше время стоить на первомъ планѣ, что партія

ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДѢЛ

ОРГАН СОЦИАЛИСТОВ-ФЕДЕРАЛИСТОВ.

ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ!

От Редакціи.

В № 1 „Народной Воли“ было уже заявлено о причинах прекращенія изданія „Земли и Воли“ и появленія двух новых органов, не совсѣм согласных между собою в опредѣленіи практических задач русской социальна-революціонной партіи.

Нам остается лишь дополнить сдѣланное там объясненіе. Раскол в редакціи „Земли и Воли“ не ограничился, к сожалѣнію, предѣлами литературнаго кружка; он выразил собою два различных теченія, возникшія внутри народно-революціонной партіи. Которое изданіе болѣе соответствует духу девиза той партіи — Земли и Воли. — какое из двух новых изданій уклонилось от первоначальной ея программы об этом не мѣсто высказываться в нижеслѣдующих немногих строках. Мы ограничимся, поэтому, замѣчаніем, что „Земля и Воля“ по прежнему останется нашим практическим, боевым девизом, так как эти два слова наиболее полно и широко выражают народныя потребности, стремленія и идеалы.

В статьѣ о „Черном Передѣлѣ“ подробно говорится об отношеніи повсемѣтнаго ожиданія народом передѣла Земли к этой исторической революціонной формулѣ. Что касается названія нашего изданія органом социалистов-федералистов, то оно объясняется главнымъ убѣжденіем, что лишь федеративный принцип в политической организаціи освободившагося народа, только полное устраненіе принудительнаго начала, на котором основаны современныя государства, и свободная организація снизу вверх — может гарантировать нормальный ход развитія народнои жизни. Насколько торжество федеративнаго принципа может быть достигнуто одним ударом, одним побѣдоносным революціоннымъ движеніем, невозможно, конечно, сказать в настоящее время. Но партія должна направить

всѣ свои усилія к обеспеченію его торжества, и социальна-революціонныя изданія не могут обходиться молчаніемъ этого важнаго вопроса.

Этнографическій состав населенія русскаго государства постоянно заставляет считаться с ним даже и в современной нам практикѣ. Малороссія, Бѣлоруссія, Польша, Кавказ, Финляндія, Бессарабія — каждая изъ этихъ составныхъ частей Россійской Имперіи имѣет свои народныя особенности, требует самобытнаго, автономнаго развитія.

В виду этого было бы весьма полезно развитіе мѣстной революціонной литературы; но пока оно составляет задачу будущаго, „Черный Передѣл“ по необходимости является органомъ всѣхъ русскихъ социалистов, раздѣляющихъ основныя положенія его программы. Тамъ не мѣсто каждое указаніе на мѣстныя условія в постановкѣ социальнаго вопроса и практическихъ приѣмахъ партіи, всегда найдет самый радушный приѣм на страницахъ нашего изданія.

Наконецъ, исходя изъ условій русскихъ общественныхъ отношеній в постановкѣ своей практической программы, русская социальна-революціонная партія не может уяснать изъ виду положеній научнаго социализма, которыя должны служить для насъ критеріемъ при оцѣнкѣ различныхъ сторонъ и формъ народной жизни. Изданіе имѣющее в виду главныя образы интеллигентныхъ читателей — к которымъ мы относимъ также и часть городскихъ рабочихъ — даже обязано указывать на тѣсную связь русскаго революціоннаго движенія с общими течениями западно-европейской жизни и мысли, отбѣнять ихъ тождество — в послѣднемъ счетѣ — съ стремленіями и задачами русской социальна-революціонной партіи. Сказаннаго, полагаемъ, достаточно, чтобы отклонить mogućia возникнуть по поводу названія нашего органа недоразумѣній.

